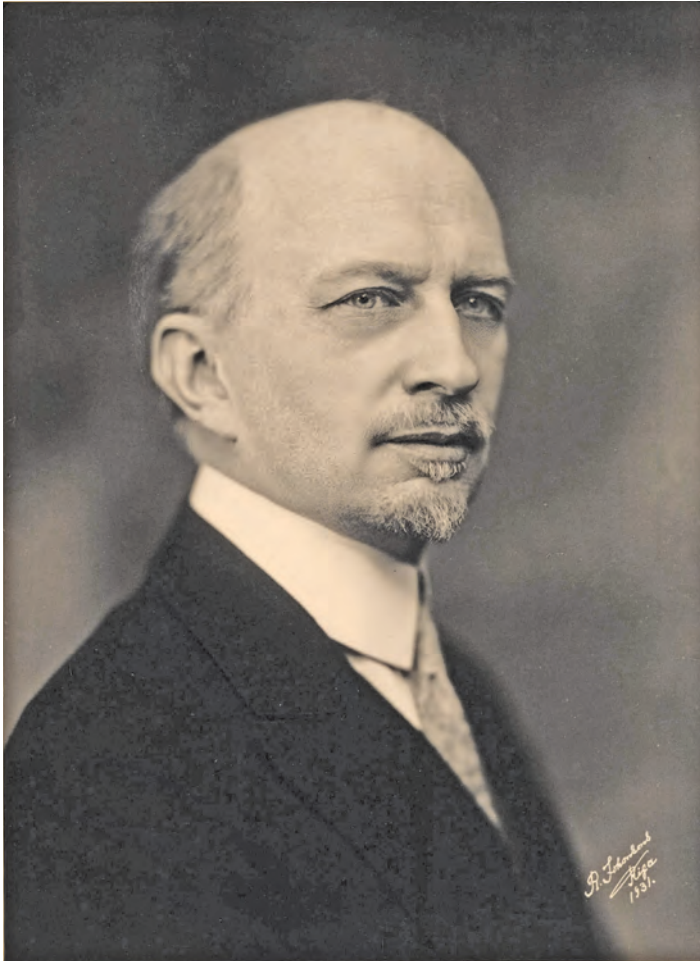

Иван Ильич

О ВОЗРОЖДЕНИИ
И ОБНОВЛЕНИИ
РОССИИ

*

(Части первая и вторая)

И.А.ИЛЬИН

Собрание сочинений

И. А. ИЛЫИН

Собрание сочинений

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

2021

И. А. ИЛЫИН

Собрание сочинений

**О ВОЗРОЖДЕНИИ
И ОБНОВЛЕНИИ РОССИИ
(части первая и вторая)**

Москва

Российский научно-исследовательский институт культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

2021

УДК 1(470)(091)

ББК 87

И46

Составление и вступительная статья

Ю. Т. Лисицы

Подготовка текста

О. В. Лисицы

Комментарии

Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы

Идея оформления серии:

Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И 46 Собрание сочинений : О возрождении и обновлении России. Части I и II / Сост., вступ. статья Ю. Т. Лисицы; подготовка текста О. В. Лисицы; коммент. Ю. Т. Лисицы и А. Ю. Лисицы. – М. : Институт Наследия, 2021. – 736 с., [50] л. ил. – ISBN 978-5-86443-340-9.

В первую и вторую части тома вошли реконструкция последней книги И. А. Ильина «О возрождении и обновлении России» и его поэтические опусы: поэма «Наше жилище», шуточные стихотворения из переписок с Н. К. Метнером и И. С. Шмелевым, мистификации, эпиграммы, юмористический журнал «Идиотика-Обормотика» и др. Все тексты сверены по источникам – главным образом по материалам из Архива И. А. Ильина в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова.

УДК 1(470)(091)

ББК 87

ISBN 978-5-86443-340-9 © Лисица Ю. Т., составление, вступительная статья, 2021
© Лисица Ю. Т., Лисица А. Ю., комментарии, 2021
© Лисица О. В., подготовка текста, 2021
© Институт Наследия, 2021

ИВАН ИЛЬИН – ПРОВОЗВЕСТНИК ГРЯДУЩЕЙ РОССИИ

(Нравственные основы политической философии)

Наши силы нужны России; только о ней и хочется думать, только ей и хочется служить. Пишу книгу за книгой, но исключительно по-русски. Медленно оправляюсь от моих тяжелых недугов. Живу ни в чем, кроме России и здоровья, не нуждаясь.

(Из письма И. А. Ильина В. С. Ильину*
от 27.VIII.1954)

Настоящий, разделенный на две книги, том Собрания сочинений И. А. Ильина, 32-й по счету, состоит из трех частей.

Первая часть – задуманная, начатая, но не завершенная Ильиным его последняя книга «О возрождении и обновлении России», от которой остался относительно подробный четырехстраничный рукописный план: оглавление с пометками около предисловия и каждой из глав. План содержит предисловие и четыре раздела: I. Кризис, II. Недуги, III. Обновление, IV. Чем мы возродимся – в общей сложности составляющие 32 главы.

---

* См. в третьей части наст. издания.

Ильин назвал предполагаемое предисловие так же, как и свою статью 1940 г. для цикла т. н. заочных чтений «О грядущей России»: «Вера в Россию». Однако к заголовку другой своей (машинописной) работы «Культура сердца» им было приписано: «Это предисловие к Возр<ождению> России». По-видимому, он собирался как-то переработать последнюю статью для предисловия, возможно объединяя ее идеи с идеями первой или как-то иначе. Мы публикуем обе эти работы сразу, ибо первая есть как бы мотивация *идеи* всей книги, а вторая – утверждает, употребляя термин Аристотеля, *энтелихию* России, то есть ту внутреннюю ее силу, внутренний ее *ресурс* и *талант* ее народа, которые строили и созидали ее в истории, а значит то, что может ее возродить и обновить. Сердце – краеугольный камень этого возрождения, а сердечное созерцание – дар Божий русскому народу, который увидит эту возможность и осуществит ее.

Вышеуказанные разделы состоят из четырех, девяти, восьми и одиннадцати глав соответственно, и Ильин в общем перечне глав приписал к названиям одних из них слово «готово» (для каждой из таковых, кроме 29, – а их всего семь: 2, 3, 4, 9, 23, 29 и 30, – имеется авторский автограф; также имеются авторские автографы и для глав 1 и 6, в перечне словом «готово» не обозначенных); для тринадцати других – указал номера бюллетеней из «Наших задач», подготовленных им для издания и изданных, благодаря РОВС и генералу А. фон Лампе в Париже в 1956 г., уже после смерти Ильина; а одну, 11, сопроводил ссылкой на свою статью «Радости общения», опубликованную в газете «Возрождение». Около названий трех глав даются ссылки на его немецкие книги «Ich schaue ins Leben. Ein Buch der Besinnung» («Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий») и «Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen» («Взгляд в даль. Книга размышлений и упований»), а оставшиеся семь (5, 8, 12, 13, 15, 27 и 28, к которым следует причислить и 29) не сопро-

вождаются вовсе никакими отсылками, однако большинство их восстанавливается по другим известным работам Ильина, пусть во всех случаях и не точно, и не полностью. К сожалению, главу 5, «О страхе», (первую главу второго раздела) восстановить нет, по-видимому, никакой возможности: обозрение всего огромного наследия философа ни к чему не привело, и пока нет никакого представления, о чем именно предполагал Ильин написать в этой главе, кроме самых общих предположений: от страха, который был внедрен в души русского народа и всей Российской Империи после революции 1917 г. репрессивной классово-идеологией большевиков-интернационалистов через расстрелы, убийства, ссылки в лагеря и тюрьмы, до метафизического страха, рассматриваемого экзистенциальной европейской философией XIX–XX вв., вызванного как реакцией на немецкий рационализм (реакция Кьеркегора), так и реакцией на революции и мировые войны первой половины XX ст. с их иррациональной подложкой (Хайдеггер, Ясперс, Сартр, Камю и др.). Тем более что указанные выше две немецкие книги Ильина вместе со второй книгой этого триптиха «Das verschollene Herz. Ein Buch stiller Betrachtungen» (Замирающее сердце. Книга тихих созерцаний) представляют пример *экзистенциальной* философии Ильина. Может быть также, что это была бы глава о страхе Божиим (Ильин – глубоко верующий христианин и ученый-религиовед, его университетские курсы лекций по «Истории религии» в окончательном виде были представлены им в знаменитом двухтомнике 1953 г. «Аксиомы религиозного опыта»). Что и как хотел написать Ильин *о страхе*, нам неизвестно, и мы оставляем лишь название этой пятой главы с пометкой «не написана».

Глава 8, «О самомнении (и аутизме)», восстанавливается только частично – о *самомнении* есть достаточно материала, а то, что Ильин указал в скобках, отсутствует, несмотря на частые упоминания термина «аутизм» в его работах (у него

было к этому медицинскому термину пристальное внимание, опережавшее время, и, скорее всего, он понимал *аутизм* намного шире, чем просто расстройство). Что он хотел сказать конкретно об аутизме в своей книге и в каком разрезе, нам остается неизвестным. Однако скобки Ильина в названии главы мы оставляем так, как он задумывал.

Может сложиться впечатление, что последняя книга Ильина есть лишь часть его предыдущих работ и ничего нового не дает. Это не совсем так.

Во-первых, все огромное творчество и наследие Ильина изобилует частыми повторениями и многочисленными ссылками одних его работ на другие. Это не удивительно, ибо Ильин делает так сознательно. Темы *правосознания, частной собственности, свободы, демократии, власти, государства, сопротивления злу, национализма, России, сущности и своеобразия русской культуры* и мн. др. столь важны для Ильина и его читателей, что ограничиться однократным обращением к каждой из них, без повторений, непедагогично и неосмотрительно, ибо это все темы животрепещущие и их усвоение не так очевидно и не так просто. Это – *аксиомы политической, нравственной, религиозной и национальной жизни народа*, то есть основы политической, нравственной, религиозной и национальной *грамотности* народа.

Во-вторых, в новых вариантах, в другое время и другую эпоху, Ильин добавляет в некоторые места своих книг новые слова, предложения, абзацы и целые главы или же исправляет некоторые термины, утратившие свою значимость, на более актуальные. Например, «О сущности правосознания» 1918 г. и 1956 г. отличаются количеством глав: первая работа содержит их десять, вторая – двадцать две; фраза «Тот, кто жил под бременем деспотичного режима и видел расстрел толпы на улице» первого труда заменена в издании 1956 г. более современной, соответствующей середине XX ст., фразой: «Тот, кто жил под бременем тоталитарного

режима и террора»*. Подобные варианты и даже совсем небольшие изменения в книгах, брошюрах и статьях Ильина говорят о многом, иногда – о существенно многом, как в приведенном примере, добавляющем штрихи к истории термина «тоталитаризм».

В-третьих, Ильин сам сознательно выбрал места из будущего двухтомника «Наши задачи», представляющие его *политическую философию*, те статьи, которые он считал лучшими из написанного им о *возрождении и обновлении России*, как бы оставляя тем самым нам свое «завещание философа».

Еще один важный момент. Может на первый взгляд показаться, что ильинская программа возрождения и обновления России является, как в 90-е гг. формулировали противники Ильина в постперестроечном СССР (и, быть может, формулируют и сейчас), «новой славянофильской утопией». Такое утверждение решительно неверно.

Во-первых, Ильин никогда не был, и даже не считался, славянофилом, хотя положительно и с симпатией относился ко многим славянофилам (например, к А. С. Хомякову).

Во-вторых, Ильин не был неоплатоником, как многие русские религиозные философы XIX и XX вв.

В-третьих, Ильин не был спиритуалистом и оторванным от реальности мыслителем. Он был *реалистом* в лучшем понимании этого термина (термин был испоганен в советское время навязыванием всем так называемого «социалистического реализма»), и спекулятивные понятия для него – отвлеченные, беспредметные, «иранские» (по терминологии Хомякова – нарочито оторванные от земли к небу в отличие от другой крайности – «кушитских»), оторванных от неба и устремлен-

---

* См. издание первой версии «О сущности правосознания» в *Ильин И. А. Собр. соч. [т. 29.] Философия как духовное делание. М., 2013. С. 505.* Также см. *Ильин И. А. О сущности правосознания. Мюнхен, 1956. С. 33* (переиздано в *Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 188.*)

ных к земле) – были чуждыми. Он сочетал «небо» и «землю» («Основы Христанской культуры»), его предпочтения и мысли были другими. В политической философии для него девизом был «трезвый оптимум», то есть *лучшее из возможных решений*. Более точная цитата: «Трезвый и умный «оптимум» (наилучшая возможность! наибольшее из осуществимого!) всегда учитывает все реальные возможности данного народа, данный момент времени, наличные душевные, хозяйственные, военные и дипломатические условия. Этот оптимум должен быть исторически обоснованным, – почвенным, зорко рассчитанным, – *реализуемым*. Истинная политика – сразу *идеалистична* и *реалистична*. Она всегда смотрит вдаль, вперед – на десятилетия или даже на столетия; она не занимается торгашеством по мелочам. И в то же время она всегда ответственна и трезва; и не считается с утопиями и противоестественными химерами. Политика без идеи оказывается мелкой, пошлой и бессильной; она всех утомляет и всем надоедает. Политика химеры – есть самообман; она растрчивает силы и разочаровывает народ. Истинная же политика имеет крупные очертания, она значительна и благодетельна; и силы ее возрастают от осуществления; и в то же время она никого не обманывает, но *экономит силы* и *поощряет народное творчество*. Ее судит *время*; и суждение грядущих поколений всегда оправдывает ее»*. В этом состоял его реализм. Он никогда не был в фарватере иосифлянкой, мессианской или хилиастической русской мысли. У него напрочь отсутствуют известные предельные русские идеи, установки, предпочтения и лозунги, как-то: «Москва – Третий Рим» (старец Филофей), панславянизм (Погодин, славянофилы, Данилевский), «Константинополь должен быть русским» (Леонтьев, Достоевский), поиск «народной мудрости» и «народной правды» (народники), «В народ!»

---

* «Наши задачи. 175. О политическом успехе (Забытые аксиомы). П. // Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2008. С. 159.

(Герцен), «Свобода без социализма есть привилегия и несправедливость... Социализм без свободы есть рабство и скотство» (Бакунин, анархисты, русские социалисты и социал-демократы), «Россия – Евразия» (евразийцы), «Россия для русских» (русские фашисты). Ильин был человеком другой русской культуры, у него были другие национальные источники (Пушкин, Гоголь, Достоевский, А. К. Толстой, еп. Феофан Затворник и мн. др.), но без их утопических идей, как-то «Россия – монастырь» (Гоголь), «Россия – Церковь, Россия – Сад, возделываемый русским человеком» (Достоевский), «Россия – освободительница всех славян и всех народов» (ложное понимание справедливого интернационализма у русских как своего рода миссии наведения порядка у других народов). Все это было для Ильина чуждым, и он прямо высказывался об этих уклонениях русского народа в своих многочисленных работах: например, в сказке «Праведный народ», в систематическом исследовании «Сущность и своеобразие русской культуры», в политическо-нравственных эссе «О грядущей русской культуре. Книга упований и надежд» и др.

Несбыточность, утопичность, крайняя запредельность всех перечисленных русских идей делали их для него действительно неприемлемыми. «Утопия», своей этимологией (*τόπος* – «место» и *οὐ* – сильное древнегреческое отрицание «не») в точности означает решительное «нигде» и восходит к известной (как правило, только по названию) книге Томаса Мора «Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», говорящей в своем длинном названии сама за себя. Сравнивать и даже отождествлять труд Ильина, публикуемый в настоящем томе, его «Учение о правосознании» 1918 г., издательско-редакционный проект «Русский Колокол» 1927–1930 гг., «Проект Основного Закона Российской Империи» 1938 г., заочные чтения «О грядущей России» или бюллетени

для единомышленников «Наши задачи» со «славянофильской утопией» никак нельзя.

Но что собою представляют эти проекты Ильина? Ильин был философом-феноменологом. Учился в 1911–1912 гг. у основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля, посещая его лекции и обсуждая с ним на частых прогулках после лекций по Геттингену и его окрестностям труднейшие проблемы философии, логики и теории познания*. Феноменологический метод, которым пользовался Ильин, состоял в том, чтобы по имеющимся феноменам (явлениям – историческим, эмпирическим, психологическим, социальным и др.) выявить их смысл, погружаясь интуитивно в предмет, переживая его как часть своей собственной жизни. Этот идеальный смысл (внепространственный и вневременной, не онтологический, а обстоящий, по его, Ильина, термину), понятие, концепт и составляет, по Ильину, предмет философии, который философ постигает всю свою жизнь. Это не выдумка и не отвлеченная фантазия русской ре-

---

* Вот как точно характеризует философию Ильина Николай Николаевич Алексеев, его сокурсник по Московскому университету (студенты юридического факультета называли их: «Два Аякса у Павла Новгородцева – Ильин и Алексеев») в своем письме П. Н. Савицкому: «Сначала коснусь того, что я считаю неточностями. 1) И. А. Ильин никогда не был “гегельянцем”. Он только писал о Гегеле. (Как Б. П. Вышеславцев не был фихтеанцем, хотя писал о Фихте.) По философским воззрениям – гуссерлианец первой ступени развития Гуссерля (т.е. эпохи “Logische Untersuchungen” и известной статьи в журнале “Логос”). Метод Гуссерля, изложенный в ранних сочинениях, он приложил к Гегелю и значительно “гуссерлизировал” философию последнего. От этого получились результаты иногда ценные – например, открытие интуитивного момента в гегельянстве; но в общем книга И. А. Ильина Гегелю очень мало конгениальна, что и было не раз указано ему в свое время (на заседании Московского Психологического Общества Л. М. Лопатиным, Е. Н. Трубецким и др.). Замечательно, что в двух томах, посвященных Гегелю, почти что ничего нет о диалектике. Поэтому нельзя сказать, что “гегельянствует крайняя правая русской философии”». (Письмо Н. Н. Алексеева П. Н. Савицкому от 25–30 января 1933 г. // ЦГАОР 5783.1.433, лл. 18об–19).

лигиозной философии Серебряного века, как, например, «идея всеединства», как «софиологические конструкции», как «идея свободы из радикального Ничто (οὐκ ὄν)», как «философия общего дела» и связанный с ней «русский космизм» и мн. др., что в результате своем оказывается *непредметным*, а для философа – *неудачей* и катастрофой.

Любое противоречие возникает из *неверного тезиса, ложного утверждения*, и оно (противоречие) влечет, уже правильными и строгими умозаключениями, *все что угодно*. Заметить неверность предпосылок и утверждений порой очень трудно даже в простых случаях, жизненные ли то обстоятельства или конкретные научные теории. А отдельному человеку и непосильно, даже если он сам уже увидел свою ошибку. Русская религиозная философия, по замечанию Н. Н. Алексеева, большей своей частью состояла в том, что брался тот или иной христианский догмат и *переводился* на философский язык*. Иными словами, строились *богословские модели* в философии или, наоборот, – *философские модели* в богословии. Например, соловьевская идея «всеединства», так популярная в эпоху Серебряного века, не учитывала проблему «*всё во всём*». Утверждение или предпосылка «всего на свете» ложна: всех вещей, всех идей, всех сущностей, всех чисел и т. п. – *не бывает*, такой «объект», говоря научным языком, неконсистентен, не является «*законченной вещью*». Так что модель из такого

---

* «Теологическая группа [Алексеев выделяет три группы основных идей русской идеалистической философии, выявившиеся к эпохе революции – Ю. Л.], для которой, по крайней мере в истоках своих, философия *вполне совпадает с теологией*. Блестящую формулировку эти идеи нашли у отца П. Флоренского <...> это одно из самых замечательных явлений русской философской мысли. Начав с гнозиса и даже с картезианского сомнения, он решительно отвергнул права философского разума, вступив на путь “пробабилизма”, который привел его к постулату Троицкого Божества как единственной основы философии. Исходным пунктом философии поставлен был богословский догмат, которым определялось все остальное» (то же письмо Н. Алексеева, лл. 20–20об).

ложного предположения о «всё во всём» остается *противоречивой* моделью, не имеющей *реального* основания или какого-либо *бытия*: имя (знак) без денотата (именуемого) порождает неверный ложный концепт (понятие, учение). Попытка исправить этот пробел *антиномичностью* (П. Флоренский, С. Булгаков, Н. Бердяев) или *непознаваемым* (С. Франк) не решает этой реальной проблемы теории познания: «Что есть истина и как она есть?»

Из тринитарного догмата строятся богословские модели Софии Премудрости Божией как «проекция» Божественных Ипостасей на тварный мир (П. Флоренский), «проекция» природы (*Усии*) Бога на сотворенный Им мир (С. Булгаков) и, уже совсем фантазмогорическая, «проекция» софии тварной и нетварной в софиологической философии Л. Карсавина*, когда Логос раскрывается как «Предвечная Премудрость Божия София», где Адам Кадмон есть «сотворенная Божья премудрость, София отпавшая, как София Ахамот гностических умозрений, единая с Логосом – Непорочная Дева», Адам Кадмон, Всеединый Человек «созидаемый из ничто в Рождаемом и Созидающем, в Сыне», и в Сыне же «возвращающийся в единого Отца». Адам Кадмон-София – «всеединый человек, муж и жена, андрогин. Однако, как любимый Христом, как творимый и образуемый им, он уже не Адам, не муж, а жена, праматерь Ева, в своей спасенности – Непорочная Дева и Церковь, Невеста Христова»**.

---

* «Нельзя не учитывать, какое большое влияние оказал отец Павел на последующую русскую философию. Отец Сергей Булгаков является прямым философским учеником Флоренского. Карсавин повторил (и очень не самостоятельно, а главное надуманно и не интуитивно, как-то без истинного убеждения и со всегда свойственной ему усмешечкой) тот же путь в своих “Началах”» (там же, л. 20об).

** См. *Половинкин С. М.* Русский персонализм. – М.: Изд. дом «Синаксис», 2020. С. 948–949 (глава «“Лицетворение” и лицерастворение у Льва Платоновича Карсавина»).

Из христианского догмата о сотворении Богом мира из *ничего* (оὔκ ὄν, nihil) строится учение о свободе, которая покоится в *безосновном* (Ungrund), «над которой Бог не властен» (Н. Бердяев), и соблазнительные теории *творчества человека* (срв. книгу «Смысл творчества» Н. Бердяева или «творчество масс» марксистов-ленинистов-сталинистов-маоистов-полпотцев).

Из догмата о воскресении Христа Спасителя и будущего воскресения из мертвых всех людей возникают не просто модели, а «научные» (иногда, впрочем, вполне научные, без кавычек) программы и проекты «общего дела» – воскрешения детьми своих родителей и так до полного воскрешения всех (Н. Федоров; федоровец К. Циолковский, решая проблему расселения всех воскресших на другие планеты в Космосе, стал основателем первого теоретического этапа развития реальной космонавтики).

Ильина же всегда интересовало *духовное обстояние предмета*, то есть то, что на самом деле представляет собою конкретный предмет, будь то право, власть, государство, народ, правитель, совесть, свобода, истина, ложь, любовь, добро, зло, красота, уродство, извращение... И таким главным для него предметом в жизни была *Россия* – понять ее *смысл*, который всегда присутствует в ней, как ее *лучшая возможность*, как *лучший способ жизни*, как ее *идеал* или *цель*. Переживания *обстояния России* никогда не покидали русского философа, и все, что и о чем он ни писал, было – для России. Он искал и формулировал те объективные законы, *законы духа*, которые делают человека человеком, а не животным, каким от природы (тело, психика) он является. Он обращает внимание именно на те дары, данные Богом человеку, которые отличают человека от животной твари: *дыхание Божие, волю, любовь к Создателю, к отцу и матери, к ближнему, к Родине и Отчизне, к знанию истины, к осуществлению добра, к созерцанию красоты*. Без этих даров и духовных законов жизнь человека *хрупка, опасна*

и часто трагична. Но знание этих законов (должестствований) еще не гарантирует следования им, в отличие от эмпирических законов. Никто из обладающих рассудком не выпрыгнет из окна многоэтажки с уверенностью, что закон гравитации на него не подействует, но законам правовых норм, например, люди могут не следовать и часто их нарушают (повсеместно, например, уклонение от налогов), считая, что «обойдется». Не обойдется! Вот пафос «завещания Ильина» в этом томе.

Общепринято считать, что «политика – грязная вещь», что «государство может быть только плохим или очень плохим» и «власть и мораль несовместимы» («Все равны, но некоторые более равны, чем другие»), что «бизнес и нравственность не дружат» («Ничего личного – только бизнес!»), что «гражданское общество должно контролировать государство» и «разделение властей есть гарантия от злоупотребления властью». Эмпирически все это так, потому что люди могут быть животными, вернее – проявлять свою природную сущность. Но Ильин и его учение поправляют эти «народные афоризмы» одним словом: «государство бывает плохим и очень плохим», но это *не норма*, это *не нормально*, это *не формула должного*. «Бывает», но не «должно быть»! Повседневная практика истории человечества, когда личная власть не учреждается, а захватывается во всех ее аспектах – государственном, церковном и хозяйственном, не является *нормальной* и, как всякая неверная предпосылка, влекущая неверное построение и неверный опыт, будет *неуспешной* и *трагичной*. Все эти практические и исторические свидетельства *не доказывают* и *не убеждают*, что по-другому быть не может. Это аналогично тому, что многие (иногда – чудовищные) искажения в Церкви, случающиеся изредка или же, напротив, часто, не должны увести верующего от церковной жизни, от самой Церкви. Если нет теоретического, возможного *идеала* совместной жизни людей, то и жизнь уже давно бы закончилась. Но есть та высшая сила, которая не дает ей бездарно угаснуть. Смысл вещи, в част-

ности России, по Ильину можно понимать как «Божескую мысль о ней»*.

А как должно быть? Ведь правовая норма – это формула *должного*, формула свободного и верного должествования. Мы прочтем об этом в книге Ильина «Возрождение и обновление России».

Ильин призывал не только знать правильно, верно о вещи, но и следовать этим знаниям – жить так, как учить. Чему он сам следовал всегда. Человеческая жизнь, жизнь народа, жизнь страны и государства – духовный опыт. Бог – не концепт и не понятие (философская идея Бога-Абсолюта), Бог реален и установить с Ним отношение каждому нужно по-настоящему. Есть замечательное выражение французского математика Александра Гротендика, читаемое в его мемуаре «Урожай и посевы»: нужно заниматься вещами *простыми и настоящими*** , чтобы, кстати, не посеять горькие семена, которые дадут еще более горькие урожай*** . Русское прилагательное «настоящий» в одном из своих значений – подлинный, истинный, неподдельный; не выдуманный, имевший место на самом деле; образцовый, наиболее полно показывающий, каким должен быть предмет; правильный – будет ключевым

---

* См. «Введение в философию» // *Ильин И. А. Собр. соч.* [т. 29.] «Философия как духовное делание». М., 2013. С. 134.

** Буквальная, весьма примечательная, цитата: «Слово за слово, я поймал себя на том, что тащу на свет Божий и выговариваю вещи, прежде всегда почивавшие в области недосказанного. Случайно ли, они-то мне и представляются самыми существенными, как в работе моей, так и в жизни. Кстати, это вещи ни в коей мере не технические. Суди сам, удалась ли мне моя наивная затея “дать им пройти” на виду, опять-таки явно не слишком разумная. Удовлетворение и радость для меня – узнать, что ты их почувствовал. Ведь многие из моих ученых коллег этого попросту не умеют. Может быть, они стали слишком учеными, слишком почтенными. А так зачастую и теряют контакт с вещами простыми и настоящими». См. *Гротендик А. Урожай и посевы.* – Ижевск, 2001. С. 13–14.

*** Срв. там же, с. 132–133 (п. 15).

в этом томе, может быть для того, чтобы судить правильно наше *настоящее* в другом смысле, т. е. *теперешнее*, время.

Первым шагом к обновлению и возрождению должно быть, по убеждению Ильина, полное и трезвое осознание *кризиса* «нашей эпохи», собственных ошибок и иллюзий, своей греховности и беспечности относительно всего этого. Да, человек всегда подвержен склонности к греху, к себялюбию, к собственной выгоде и преимуществу перед другими, но почти всегда за счет других. Так думает и поступает каждый, а, следовательно, склонность *другого* (других) к греху, его (их) самолюбие, стремление к собственной выгоде и преимуществу *весьма часто* происходит за счет *нас самих*. Таким образом, в *проигрыше* остаются *все*. Гоббс сформулировал это в своем ярком афоризме: «Война всех против всех». Такое положение вещей является *не* нормальным. Это нужно *осознать* и *изменить*, сделать *по-другому*. Если скептик скажет, что людей изменить нельзя, то ему можно будет возразить, изменив самого себя. И это единственно правильный путь.

«Историческая эпоха, – пишет Ильин, – переживаемая ныне человечеством, есть эпоха духовного суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; – одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед Лицом Божиим, – в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществление своей особой судьбы»*.

Не *менять* всех, а *измениться* может и должен *каждый отдельный человек*: «России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из нового духа, ради новых великих целей*. В этом главное»**.

---

* См. ниже стр. 72.

** См. ниже стр. 72–73.

Для этого необходимо, по Ильину, справиться с *соблазнами*: соблазном «*большевицкой свободы, свободы от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины*» и соблазном «*тоталитарного государства и коммунистической каторги*»*. Эти два соблазна являются парадоксально противоположными крайностями – *безбожной свободы и тоталитарной государственности*.

Вторым шагом для человека является очищение души от губельных слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого, главные из которых – «1. *Бесхарактерность*, т.е. слабость и неустойчивость духовной воли; отсутствие в душах духовного хребта и *священного алтаря*, за который люди идут на муки и на смерть; *невидение религиозного смысла жизни* <...>. 2. Недостаточное, *неукрепленное чувство собственного духовного достоинства*, этой жизнесдерживающей и жизненаправляющей силы; и отсюда – *удобособлазняемость* наших душ, колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное *правосознание*; большая тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, т.е. в творческие силы своего народа... 3. Насыщение политической жизни *ненавистью и тягой к анархии*». Последний пункт Ильин дополняет: «Мы обязаны преодолеть и то, и другое. *Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить*».

Для этого «мы должны воспитать в себе *новое правосознание*, – религиозно- и духовно-укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным

---

* См. ниже стр. 73.

инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; – новый хозяйственный акт, в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с доброю и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства... <...> Словом – России нужен *новый русский человек*, с обновленным, – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным укладом. Этот уклад мы должны прежде всего воспитать и укрепить в себе самих*.

Возможно ли такое человеку? Да, возможно. И такую *высокую планку* поставил перед ним сам Бог: «Будьте святы, потому что Я свят» (1 Петр 1, 16; Лев. 19, 2 и 11, 44). Но Ильин замечает, что «современный человек растерял свои святыни и ведет духовно-опустошенную жизнь. В этом главное бедствие нашего времени; из него возникают все остальные беды»**.

И в этом наша вина, которая состоит чаще всего не в том, что мы что-то «делали», но в том, что «мы что-то существенное *упускали из вида и забывали*, чем-то пренебрегали, – словом, что мы чего-то *не* делали: а именно, мы не умели ценить, любить и беречь *духовную полноту и глубину жизни...*»***.

Мы должны исходить из того, что наша земная жизнь имеет некий *сокровенный, высший смысл*. Эта предпосылка не фантастическая и не иллюзорная. «Надо, чтобы мы *сами* восхотели его и начали его отыскивать: нужно наше *свободное влечение* и участие, наш *духовный вкус*, наша *воля*, наш *труд*. От нас требуется невынужденное признание и добровольное решительное предпочтение». Без этого мы остаемся с ложным пониманием, что жизнь бессмысленна, «жизнь

---

* См. ниже стр. 76.

** См. ниже стр. 77.

*** См. ниже стр. 77.

наша *опустошается, теряет свой смысл и остается без святыни*»*.

На каком-то интуитивном уровне всякий человек чувствует важность *святыни* и ее *высокую* планку. Поэтому, чтобы выразить на русском языке *глубину падения* человека, о нем говорят: «*ничего святого у него нет*». Такой человек *болен*, причем болезнь его *духовная*. Всякий понимает, что такие душевные (психические) заболевания как шизофрения или паранойя – страшные и неприятные, человек их боится, а, когда они возникают, он лечится и пытается это исправить, излечить. Но *духовные* заболевания – болезни *духа, воли, совести, разума*, – его несколько не волнуют. А ведь это проявления в человеке *злости, ненависти, безволия* или *воли злой, маловерия* и *бессовестности, неразумия* и в пределе – *безрассудства*. И эти болезни, названные Ильиным в четвертой главе книги, человек *не лечит*, а иногда даже ими бравирует.

Во второй части книги Ильин вскрывает эти *недуги* человека, ставит ему *точный диагноз*. И на первое место он ставит *страх*, к сожалению, не закрепленный в книге окончательным текстом. Далее идут *зависть, ненависть, самомнение, властолюбие, лесть, клевета, демагогия, жадность*. Все симптомы и течения этих болезней Ильин анализирует и подробно раскрывает.

В третьей части Ильин говорит об *обновлении* (современные иностранные термины «*новации*» и «*инновации*» сбивают с толку стремящегося проникнуть в суть настоящего обновления):

Во-первых, человек должен признать свои ошибки (это всегда очень трудно, и редкий человек может это сделать; обычно люди упорствуют и не признают своей неправоты, а, когда вынуждены – например, о недавнем неприглядном прошлом, – пытаются ее оправдать, смягчить, сводя все к пу-

---

* См. там же.

стым словам: «время было такое» и т. п.). Ошибки нужно не только признать для себя лично, но и выговорить публично, как бы стыдно и неприятно это ни было. Это, на языке психоаналитиков, необходимо для *вытеснения* последствий травм из нашего подсознательного. В церковной практике это известное таинство *покаяния* – метод (путь) действенный и проверенный веками. Без него, с грузом грехов, ошибок и душевно-духовных ран, никакого обновления не будет.

Второе – это *чувство собственного достоинства*, понимание того, что «человек есть не просто живое существо, и не только существо, одаренное душевными способностями, но существо *духовное*. Правда, на низшей ступени духовная природа человека остается в потенциальном состоянии и имеет вид пробуждающейся способности или зарождающегося, но предметно еще не определившегося влечения. Однако и в таком виде человеческая душа остается живым *духовным существом*, т. е. не только способностью к объективно ценным содержаниям, но и силою, имеющею необходимый для этих содержаний способ жизни. Человек, даже самый первобытный, таит в себе *волю к духу, форму духа и способность к духу*. И именно этим утверждается первая и глубочайшая основа его бытия и его деятельности: присущее ему *духовное достоинство* и живое чувствование его в самом себе»*.

Для Ильина это *первая аксиома правосознания*, а аксиомы правосознания суть для него основные истины, которым в жизни соответствуют основные *способы бытия, мотивации и действия*. «...духовное достоинство есть корень *всякой истинной жизни*, а уважение к себе есть источник *государственной силы и политического здоровья*»**.

В-третьих, человек должен различать *добро и зло*, какими бы софистическими учениями они ни иллюстрировались

---

* См. ниже стр. 196.

** См. ниже стр. 211.

в невозможности это сделать. У человека, по Ильину, должно быть «чутье зла».

В-четвертых, Ильин поднимает такую «запретную тему» современности, как *национализм*. Запрет на нее, освещение ее в самом негативном свете (чему способствует неистинная, извращенная практика местечкового национализма) не снимают проблему *истинного национализма*. Ильин имеет достаточную смелость говорить об истинном национализме как *лице народа*, не забывая о болезненных и неверных его путях.

В-пятых, Ильин говорит *о чувстве ранга*, предлагая этим различать *качества*. «Современное человечество утратило *чувство верного ранга*. Поэтому оно перестало верить в *идею ранга* вообще, поколебало ее, расшатало и попыталось погасить ее совсем: объявить всякий ранг *мнимым, произвольным*, не заслуживающим ни признания, ни уважения... “Все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и *выше*; а остальное – человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить”... Так обстоит во *всех* вопросах ранга: в политике, в искусстве, в науке, в религии и церкви – везде. И в этом состоит самая сущность революции – *в сознательном, вызывающем поправлении всякого ранга*, в осмеянии самой идеи ранга; а все остальное является естественным и неизбежным последствием этого».

«...здоровое чувство ранга, – пишет далее Ильин, – враги подрывали в них [русских людях. – Ю.Л.] для того, чтобы *все фальсифицировать*: чтобы выдвинуть худших, чтобы вознести бессовестных и бесчестных, чтобы создать новый социальный отбор *бесчестия, раболепства и насилия*, а когда русские люди стали это понимать, то увидели себя *в ярме*; увидели себя перед выбором: или *участвовать в раболепстве и бесчестии* – или *погибать в лишениях и унижениях*. Ранг был не просто “отменен”: он был украден, злоупотреблен, фальсифицирован и заменен новым “анти-рангом”.

И вот, среди современного человечества есть два различных мирозерцания: *ранговое* и *эгалитарное*. Они стоят в борьбе друг с другом – на всем протяжении земли и во всех областях культуры. Досмотрим в этом все до конца»*.

Люди равенства (эгалитаристы) не любят и не терпят превосходства; с этим связаны у нас в России *отбор худших* и проблема *перехода власти* от одного правителя к другому.

Шестое – искаженное понимание в нашей стране *справедливости*. В Библии, книге духовной и богооткровенной, «справедливость» и «праведность» обозначались одним словом – צדקה (трансл. – tsedek; греч. δικαιοσύνη). Праведник – это не обязательно человек *без грехов* (таковых не бывает), а человек, который выбрал *правильный путь*, путь к Богу, с нравственными последствиями этого выбора. В русском языке «правда», «правильность» и «справедливость» – однокоренные.

В-седьмых, по Ильину, *править должны лучшие*. В отличие от привычных государственных и социальных устройств – монархии и тирании, демократии и охлократии, – доминирующих в настоящее (теперешнее) время, Ильин предлагает *отбор* лучших методом *перебора*. Это известное по Аристотелю «аристократическое правление» – правление немногих, но *лучших*, в отличие от «олигархического» – правления немногих, но *худших*. На самом деле, когда отдельный человек что-то делает для себя – строит или ремонтирует дом, покупает автомобиль или еще какую-нибудь вещь в собственность, – ему нетрудно понять, что *лучше* и что – *хуже*. Когда же речь идет о выборе правителя или хозяйственника, раздаются голоса: «А кто определит, кто лучший?» – Это не просто *политический скептицизм* – это *технология власти*, или, по-современному, *искусство захвата личной власти*. Прикрытие «народом как источником власти», демагогия о «социальности государства», о «заботе о благополучии народа»,

---

* См. ниже стр. 247.

о «равноправии, отсутствии дискриминации», о «свободе совести, волеизъявления, выборов» и о мн. др. дает политикам возможность получить власть и править так, как им угодно. В этом трагическая история всех правлений и правителей. «Такова сущность истинной политики. Она творится через государственную власть и потому должна держать это орудие *в чистоте*; государственная власть, став *бесчестной, свирепой и жадной* – заслуживает свержения и позорной гибели. Политика дает человеку власть, но не для злоупотребления и не для произвола; грязный человек, злоупотребляющий своею властью и произволяющий – является преступником перед народом. <...> Государственная власть есть не легкая комедия и не маскарад, где снимают маску, когда захочется. Нет, ей присуща трагическая черта; она каждую минуту может превратиться в трагедию, которая захватит и личную жизнь властителя и общую жизнь народа»*. История человечества и его политическая жизнь показывают, что всегда (немного мягче – почти всегда) и везде правят *худшие*, что становится понятно всем, но только *задним умом*.

В четвертой части книги Ильин дает свою положительную программу возрождения России.

Он говорит *о воспитании, о способности задавать вопросы и отвечать на них, о предметности, о гражданском мужестве, о воле к справедливости, о духовном характере, о правосознании, о частной собственности, о социальности и ее отличии от социализма*. Все это краеугольные камни, на которых может и должна быть построена «Новая национальная Россия»

Последняя глава книги – художественный и символический образ человека – *Божий муравей*.

---

* «Путь к очевидности», гл. 13. О политическом успехе (Забывтые аксиомы) // *Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 494–495.*

* * *

Вторая часть тома состоит из большой подборки стихотворных сочинений Ильина, большей частью юмористических. Это веселая поэма «Наше жилище», описывающая квартиру автора и добавляющая немало штрихов к описанию его жизни; юмористические шуточные номера журнала «Идиотика-Обормотика», им самим рукописно «издававшегося»; мистифицированные стихи о русских философах под полувымышленным псевдонимом Владимир Николаевич Растроев; стихотворения Ильина по разным поводам, его пародии и эпиграммы. Особым образом представлены и собраны стихотворения Ильина из переписок с самыми близкими его дузьями – композитором Николаем Карловичем Метнером и писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым. Возможность такой подборки определил сам Иван Александрович, собрав отдельно такую подборку стихов из своих писем Метнеру. Мы публикуем подобную, собрав воедино шуточные стихи Ильина из его писем Шмелеву.

Понятно, что и Ильин, и Метнер, и Шмелев, живя за границей, работали помногу. Им, конечно же, нужен был отдых. Письма друг ко другу часто бывали шуточными и с издевкой друг над другом, над жизнью эмигрантов и местных «аборигенов», как они называли швейцарцев, англичан и французов, что их забавляло и веселило. Это была явная отдушина в нелегкой жизни русских эмигрантов. Но в этих шутках и пародиях проскальзывали неожиданные подробности их собственной жизни, жизни их друзей, творческой и политической среды русской эмиграции, как и характеристики их врагов и оппонентов в Советской России, что является особенно ценным для нас сейчас, потому что в другой форме – открытой публикации – они не могли себе этого позволить. Конечно, не из боязни чего-либо, а по неуместности подобного в публичных текстах. И здесь, за одним иногда словом, одним образом,

раскрывалось порой такое, что не передать и в обширном исследовании.

Так что этот раздел ценен не столько поэтическими строками (Ильин и сам понимал, что он не поэт), а формой и интонацией, позволявшими ему высказать невысказанное. Кроме того, мы можем найти здесь много подробностей из его собственной жизни, так же, как и в следующей, третьей, части тома (выделенной, ввиду неожиданно оказавшегося слишком большим объема второй и третьей частей, в отдельную книгу).

* * *

Она содержит документы пяти следственных дел, возбужденных Следственной комиссией при ВЧК и ОГПУ против Ильина с 1918 по 1922 г., документы о шести арестах и заключениях Ильина в тюрьму, а также материалы Революционного трибунала, судившего Ильина в декабре 1918 г., и документы знаменитой акции большевиков по высылке ученых, философов, литераторов, общественных деятелей в 1922 г., обвиненных в контрреволюционной деятельности и вражде к советской власти.

Особенно многочисленны, подробны и интересны материалы и документы первого дела (№ 93) 1918 г., возбужденного против Владимира Бари, Василия Кривошеина, Константина Халафова и Ивана Ильина, обвиненных в создании организации Добровольческая армия, руководстве этой организацией, снабжении офицеров и прапорщиков, отправлявшихся на Дон к генералу Корнилову с целью борьбы с большевистской властью.

Владимир Бари – инженер и предприниматель, сын известного в России американского гражданина и российского предпринимателя, промышленника, организатора производства котлов, нефтеналивных барж, первых в России нефтепроводов, привлекавшего в свое производство таких выдающихся

людей России как Д. И. Менделеев, В. Г. Шухов, Н. Е. Жуковский, П. К. Худяков, С. А. Чаплыгин и др.

Василий Кривошеин и Константин Халафов были русскими офицерами, а Иван Ильин в то время – приват-доцентом Московского университета и нескольких других высших учебных заведений Москвы.

После случайного ареста ВЧК 21 февраля 1918 года в Нижнем Новгороде бывшего командира 7-го Финляндского полка поручика Дмитрия Громова, который дал показания на всех обвиняемых в этом деле, в апреле того же года, с одобрения главы ВЧК Феликса Дзержинского, было открыто это дело № 93.

После одновременных арестов четырех обвиняемых и обысков на их квартирах, было изъято много вещественных доказательств, подтверждающих, на первый взгляд, их несомненную вину. В частности, у Владимира Бари была изъята ведомость денежного счета, которую тот вел с ноября 1917 по февраль 1918 г. В этой ведомости рукою Бари были подробно расписаны средства прихода и расхода денежных средств, которые он выделял офицерам и прапорщикам, отправлявшимся на Дон в Добровольческую армию. Единственным исключительным ее местом была невероятно большая по тем временам сумма – 8000 рублей, подписанная в получении инициалами Ильина («30 ноября 1917 Ив. И.»), вне каких-либо сомнений его собственным почерком. Эта сумма составляла половину его тогдашнего годового дохода и была не сравнима со всеми другими суммами, выдававшимися Владимиром Бари офицерам, прапорщикам и отдельным организациям: если офицеры получали 25, 30, 50, 80, 100, 150, 200, 250, 300, 400, максимум – 1500 рублей, а организации вроде «Георгиевского союза» – самое большее, 3000 рублей, то сумма в 8000 рублей, выданная Ильину, действительно не сопоставима со всеми остальными и необъяснима. Более того, в своих первых показаниях Ильин отрицал получение

этих денег, изменив их чуть позже – скорее всего, по совету адвокатов.

Второй неприятный для Ильина момент заключался в том, что Громов, который «13 Декабря 1917 года получил командировку от генерала Эльснера к графине Ланской в Москву за обмундированием для добровольческой армии», после указанного ареста в феврале 1918 г. дал следующие показания на Ильина: «Когда я спросил Ланскую адрес петроградской организации, то она Ланская направила меня к Ивану Александровичу Ильину (Крестовоздвиженский пер. дом № 1, кв. 36). Куда я и направился, но его Ильина не застал дома. Поэтому думаю, что он Ильин должен знать петроградские организации и иметь связь с ними». Это было серьезное обвинение и, выражаясь современными словами, информация об организации «Добровольческая армия», «петроградским отделением» которой, по этим показаниям Громова, руководил Иван Александрович Ильин. Заметим, что «московским отделением Добровольческой армии» руководил генерал Алексеев, да и сама организация, созданная генералом 4/17 ноября 1917 г., первоначально называлась «алексеевской организацией». Так что уровень участия Ильина в подпольной «Добровольческой армии» был, по этим показаниям, достаточно высок. Забегая вперед, скажем, что, по опубликованным в томе материалам следствия, по показаниям свидетелей и самого Ильина, по воспоминаниям Ильина уже за рубежом, этот вопрос участия Ильина в «Добровольческой армии» *не прояснен* до конца. Более того, на суде революционного трибунала будет, пожалуй, самая верная формулировка: «Признать участие граж. ИЛЬИНА в контрреволюционной организации не доказанным, объяснения его в отношении с Бари и Ланской заслуживающими доверия, а самого его для революции не опасным». Еще одним загадочным моментом этого дела было то, что Громов в своих показаниях дал неверный адрес Ильина, указав ошибочно дом № 1, а не точный – дом № 2 по Крестовоздвиженскому переулку

ку. Этим воспользуются и адвокаты, и сам Ильин, утверждая, что Громов просто оговорил Ильина.

Вторым нетривиальным моментом этого дела было то, что Владимир Бари был американским гражданином и Американское консульство в Москве приняло самое активное участие в освобождении под залог своего гражданина. Особую активность проявил американский вице-консул Лерс. Более того, следователем, арестовавшим Бари и Кривошеина, был сотрудник ВЧК, протеже самого Дзержинского, некий Венгеров Моисей Соломонович, который оказался авантюристом и жуликом, решившим заработать 150 000 рублей на американском предпринимателе и вел об этом переговоры с Лерсом. Лерс же сообщил об этом в ВЧК (он уже сталкивался с шантажом – в феврале 1918 г. Виктора Бари, родного брата Владимира Бари, шантажировали анархисты-индивидуалисты, и ВЧК помогла обезвредить вымогателей), и Венгерова вскоре арестовали и заочно приговорили к расстрелу, так как он сам, или с помощью самих чекистов, сбежал и исчез навсегда из поля зрения.

Владимиру Александровичу Бари удалось бежать в июле 1918 г., скрыться, а потом пробраться в Екатеринбург, находившийся в руках адмирала Колчака, а затем во Владивосток, где было отделение его фирмы. Из Владивостока он отплыл в Японию, а потом в США, где стал, финансируя ее, вице-президентом корпорации И. И. Сикорского «Sikorsky Engineering Corporation» на Лонг-Айленде, до ее переезда в штат Коннектикут. Интересно отметить такой необъяснимый «узор истории»: Ильин был знаком с Владимиром Бари, как мы видели по делу № 93, а в эмиграции переписывался с Игорем Сикорским и его супругой Елизаветой, из переписки с которыми мы узнаем, что Сикорский и его семья посылали Ильину средства на издание первого номера журнала «Русский Колокол». Переписка с Сикорским коснулась также толкования молитвы «Отче наш» – Сикорский и Ильин комментировали

ее, в частности слова «хлеб наш насущный даждь нам днесь», в несколько расширенном плане. И работа Владимира Бари вице-президентом в фирме Игоря Сикорского замыкает этот невидимый круг «встреч и бесед».

Еще один необычный поворот в этом деле возник в августе 1918 г., когда председателю Совета народных комиссаров Владимиру Ульянову (Ленину) профессор Алексей Яковлев написал грозное письмо с требованием освободить Ивана Ильина немедленно и желанием встретиться с Лениным лично. Оказалось, что Алексей Яковлев – сын Ивана Яковлевича Яковлева, известного чувашского просветителя, православно-го миссионера, педагога, организатора народных школ, создателя чувашского алфавита и учебников чувашского и русского языков, переводчика и фольклориста. Но главное – симбирского друга семьи Ульяновых, хлопотавшего в свое время по просьбе матери Ленина за Александра Ульянова, брата Ленина, обвиненного в подготовке покушения на императора Александра III. Так что вождь революции не мог отказать сыну друга семьи в просьбе, встретился с ним, уже третий раз в жизни, и дал распоряжение Бонч-Бруевичу внимательно отнестись к делу Ильина, что последним и было сделано.

Даже этого достаточно для того, чтобы внимательно прочесть дело № 93, но оно необычайно интересно со всех других точек зрения. Для лучшего прочтения документы сгруппированы однородными блоками и автором этих строк дается краткое сопровождение этих материалов.

Шестой арест и пятое дело Ильина (№ 15778) – громкая акция большевиков по выдворению нелояльной интеллигенции из Советской России в августе-ноябре 1922 г. Эта акция до сих пор остается загадочной, ибо большевики выпустили за границу своих непримиримых врагов, вопреки своим замыслам оставили их в живых и тем самым, не предполагая, сохранили не только их жизни, но и русскую культуру, русскую философию, русскую литературу и науку в так называемом

Русском Зарубежье. Оставшиеся в Советской России философы – например, Павел Флоренский, Густав Шпет, Алексей Лосев, Николай Вавилов и мн. др., – были репрессированы, а потом расстреляны, или же сломлены. А такой философ как Лев Карсавин был выпущен в 1922 г. за границу, но после войны был арестован в Литве и посажен в лагерь, где и умер. Это говорит только об одном: не выпусти большевики в 1922 г. три сотни лучших людей России, всех их ждала бы незавидная судьба. В частности, не готовился бы сейчас 32-й том Собрания сочинений Ивана Александровича Ильина. Известное наименование этой акции «Философский пароход» точнее было бы назвать «Ноевым ковчегом» русской культуры.

В дополнение к материалам этой высылки помещаем воспоминания Ивана Александровича Ильина, касающиеся 1917–1922 гг., а также воспоминания свидетелей процесса 1918 г. и воспоминания учеников Ильина, провожавших его в 1922 г. за границу.

* * *

На 32-й том Собрания сочинений И. А. Ильина можно посмотреть еще с одного ракурса в трех разных направлениях. Первая часть тома, о которой шла речь выше, – это *взгляд в настоящее будущее*, т. е. в возможное лучшее будущее России, которое предначертал русский философ Иван Ильин. Настоящее в том смысле, что оно подлинное, истинное, неподдельное, не выдуманное, образцовое и правильное. Но мало такое всего лишь произнести или высказать лишь возможность такого. Для подобного утверждения нужно бы привести конкретный, настоящий пример. Хотя бы в области политической или хозяйственной философии. Пример, могущий быть описанным подобными словами. В томе приводится пример экономический, из жизни российского предпринимателя Александра Вениаминовича Бари (1847–1913), родившегося в Санкт-Петербурге, получившего инженерное обра-

зование в Швейцарии, переехавшего в Соединенные Штаты Америки и там начавшего успешную деловую и предпринимательскую деятельность, но после женитьбы на русской немке Эде фон Грюнберг (Зинаиде Яковлевне) решившего вернуться в 1862 г. в Россию и там заниматься своей профессией и предпринимательской, технической, экономической деятельностью. Примечательной является решающая мотивация его переезда в Россию, несмотря на успех в США: Россия – «страна, уже вступившая в свой “золотой век” в сфере культуры, теперь стоит на пороге бурного промышленного подъема, стремительного развития техники, а значит именно здесь может во всей полноте проявиться и реализоваться его предпринимательский талант»*. Столь глубокая мотивация Александра Бари была характерна для него и его личностного и нравственного восприятия действительности. Успешный в России предприниматель, новатор, организатор заводов, первых нефтяных трубопроводов, производитель электродвигателей, котлов, наливных барж и речных танкеров, поощрявший своих инженеров, заботившийся о своих рабочих, меценат и благотворитель. И все это было реализовано им в России, где он родился и где его похоронили на немецком Введенском кладбище. Каким-то неправдоподобным и необъяснимым образом его потомки не только были знакомы с Ильиным, а сын Владимир Бари проходил с Ильиным по делу № 93, но и правнук Андрей Борисович Ефимов (из семьи Нерсесовых, познакомивших Ильина с Владимиром Бари), профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, заведующий кафедрой миссиологии, причастен к выходу в свет в издательстве ПСТГУ 28-го,

---

* *Шухова Е. М.* Владимир Григорьевич Шухов. Первый инженер России. – М., МГТУ им. И. Э. Баумана, 2003. С. 36 (глава 4. Александр Вениаминович Бари). Любопытно, что Генрих, старший брат Александра, женившийся на сестре Зинаиды Яковлевны Вере, навсегда остался в США.

29-го и 30-го томов Собрания сочинений И. А. Ильина, а также и к 31-му и 32-му томам, готовившимся в издательстве Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева. Именно от него автор настоящей статьи узнал предания семьи о нравственном подходе в предпринимательстве Александра Вениаминовича Бари. Приведу только два таких рассказа. В его фирме «Строительная контора инженера А. В. Бари», основанной им в 1880 г., где в должности главного инженера и технического директора был приглашенный им Владимир Григорьевич Шухов – «Первый инженер России», работало много талантливых русских инженеров и ученых. Как-то раз Александр Вениаминович узнал, что в его конторе работает талантливый инженер, который перестал заботиться о своей матери. Александр Вениаминович вызвал его и сказал: «Вы уволены». Инженер спросил Бари: «Вы что, недовольны моей квалификацией?» На что Александр Вениаминович ответил: «Нет, у вас очень высокая квалификация, и меня она вполне устраивает. Меня не устраивает ваше нравственное состояние». Второй случай произошел в первые годы деловой деятельности Александра Вениаминовича Бари в Санкт-Петербурге, где он вместе с младшим братом Вильямом, выпускником Санкт-Петербургского Горного института, создал небольшое предприятие по проектированию и производству электродвигателей, продукция которого, однако, оказалась невостребованной для тогдашней России. Общее с братом дело претерпело испытание и чуть не закончилось судом по финансовым вопросам. Александр не стал сутяжничать с братом, который, собственно, и завладел их общими денежными ресурсами, мотивируя это так: «Разве можно судиться с братьями?» Он решил переехать в Москву и начать свое собственное дело. Вот как бизнес и нравственность могут быть совместимы. Всем известно, что современные

родственные семейные предприятия часто оканчиваются совсем по-другому: «Ничего личного...»

В приложении помещены материалы (в том числе, ранее не публиковавшиеся воспоминания Евгении Нерсесовой-Бари), которые еще более проясняют *настоящее* прошлое многих героев этого тома.

Таким образом, в 32-м томе вырисовываются «настоящее будущее России» (первая часть), «настоящее прошлое» (третья часть) и, к сожалению, ненастоящее настоящее, или ненастоящее теперешнее (вторая часть), длящееся уже более 100 лет. Не подлинное, не истинное, поддельное, выдуманное, не образцовое, должно быть отнюдь не таким, но заслуживающим имени России. России, которой необходимо возрождение и обновление.

*Ю. Т. Лисица,
доктор физ.-мат. наук, профессор кафедры миссиологии
Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
ведущий научный сотрудник Института Наследия*

**О ВОЗРОЖДЕНИИ
И ОБНОВЛЕНИИ РОССИИ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вера в Россию¹

1

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились – нас никогда и нигде не покидает *скорбь* о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой *любви к Родине* и нашей *веры в нее*. А без веры и без этой любви – России не возродиться².

Эта скорбь свидетельствует о том, что мы неразрывно соединены с Россией, что мы живем ею, что видим ее страдания и унижения, что *ее* раны мы испытываем как *свои*, что мы утешаемся надеждой на ее возрождение и что расцвет ее будет нашим светлым праздником. А если мы прислушаемся к этой скорби, то мы скоро увидим, что это скорбит в нас чувство нашего национального духовного достоинства, что это говорит в нас живой инстинкт нашего народного самосохранения, что гласом этой скорби *сама Россия зовет нас к себе на помощь*. Да, сама Россия, обессиленная и поработенная чуждою и свирепою властью, униженная ею перед другими народами, насильно подвигаемая ею на дела недостойные и даже бессовестные, – зовет нас *несомнительно и крепко верить в ее таящиеся ныне подспудные, благие силы, верить в ее грядущее*

обновление и в ее национальное призвание. И, откликаясь на этот зов, мы сами чувствуем и знаем, что Россия без нас – как распадающаяся ткань, а мы без нее – как истлевающие нити. Она без нас – как обессиленная сила, а мы без нее – как развеянный прах. Ей без нас не быть и не обновиться, а нам без нее – влачиться без творческой радости.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить – нам необходимо *верить* в то, что *не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божии дары, что по-прежнему, лишь на поверхности омраченное, живет в нем его истинное Боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья*³. Они перестанут *видеть Россию в Боге и любить ее духом*, а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

2

На свете много людей говорит по-русски, но не все они русские. Мало того, ныне в странах, посягающих на завоевание и расчленение России, для этой особой цели изучают и преподают русский язык, чтобы иметь возможность вести пропаганду среди русских врагов и повелевать будущими русскими рабами... Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – *воспринимать Россию сердцем, видеть любовь ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие; понимать, что это своеобразие есть дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов; и требовать для этого дара – свободы и самостоятельности на земле... Быть русским значит созерцать Россию в Божием луче, в ее вечной ткани, в ее непреходящей субстанции, и любовь принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть рус-*

ским значит *верить в Россию* так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Ибо только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно *только* верить»; ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить...

Не верить в Россию значит *не воспринимать ее будущего*. Посмотрите: в нынешний, недостойный и мучительный, период русской истории Россия стоит ниже всех народов, на самом последнем месте. Все другие народы имеют свое *национальное правительство*, которое верит в вedomый им народ и радеет о его историческом благе и будущем его; а в России правит *интернациональное* правительство, обманувшее наш народ, *создавшее ему голод для покорения и унизившее его страхом и кровью*, поработившее его труд и превратившее его в носителя мировой заразы, в орудие всемирного растрения и всемирной революции. Со стоном и ропотом, в трудовом сопротивлении и с терпеливым нетерпением несет русский народ это иго, *не им изобретенное, но на него наложенное*, – внешне покоряясь, даже до смерти в бою, но внутренне сопротивляясь, очищаясь и молитвенно накапливая духовную силу. Он вынужден совершать злобные и свирепые дела, которых сам не совершил бы и за которые другие народы публично поносят его и презирают. Только тень, *замученная тень* русского народа присутствует ныне в истории человечества, и даже тень эта в его собственных пределах не именуется его собственным именем, ибо «мутно», «как бред немого» (И. С. Шмелев) звучит ныне его гнусное название (СССР и РСФСР)⁴.

Однако другие народы не знают этого и не считаются с этим. Они принимают злодеяния советского интернационала за деяния самой России и кладут *каторжное клеймо* на

чело мученика... Поистине – несчастье небывалое в истории. Безмерное испытание, которому еще не видно конца.

Не естественно ли, что наши сердца полны горя и стыда. А, может быть, среди нас есть и такие, которые отчаиваются и *теряют веру в Россию*. Этому отчаянию не следует предаваться, и вера в Россию не должна угасать в нас. Ибо последствия этого отчаяния – мертвящи и разрушительны, а основания для него нет. И маловерные – самым маловерием своим – вредят и себе, и России: они сами теряют свою историческую почву, источник своего жизненного вдохновения, и сами становятся беспочвенными и беспризорными; а Россия теряет *их* и скудеет в своих сынах и силах...

3

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божиим, в Божиих дарах утвержденная и в Божием луче узренная – есть именно *предмет веры*; не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной.

Россия как цепь исторических явлений и образов есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное изучение не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их духовный смысл, в священное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней *борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик*. Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно – в том скрытом от постороннего глаза *направлении его серд-*

ца и его воли, которым проникнута вся его история, весь его омыслованный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге – ее сердце, ее созерцание, ее волю, ее творчество, ее государственность, ее историю. Мы должны по-новому духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь *предстоял Богу*, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божиими мерилками; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, – душа его *всегда молилась и молитва* всегда составляла *живое естество его духа*.

Молиться совсем не то же самое, что просить и домогаться просьбами, когда человек испытывает неудовлетворенность в жизни или какие-нибудь опасения и добивается прощением, чтобы угрозы отошли, а желания исполнились. Есть иные, более высокие и совершенные, формы молитвы: молитва любви, хвалы, радости, благодарения, умиления, преклонения, смирения; молитва созерцания, молитва совести, молитва действия и подвига. «Всех видов молитв столько, сколько в одной душе или во всех душах может порождаться разных состояний и настроений» (преп. Иоанн Кассиан)⁵. Иными словами: человеку дано молиться каждым дыханием своим, зрением и слухом, молчанием и пением, стоном и вздохом, деланием и неделанием, творящим искусством и исследующим умом, приговором судьбы и храбростью воина, на пашне и в лесу, в саду и на пасеке, столпничеством и паломничеством, на троне и в темнице. И вот, русская душа, добрая и созерцательная по своему общему укладу, на протяжении всей своей истории училась носить в себе, как некую четверговую свечу⁶, эту теплящуюся огнем молитву; она училась, вслед за своей церковью, вносить этот свет во все дела своей жизни; и даже тогда, когда она не умела осуществлять это, она понимала и помнила, что это осуществимо, и драгоценно и спасительно...

4

Вот откуда эта своеобразная особенность русской души и русской культуры: *таить в себе и вносить в жизнь вздох души, обращенной к Богу*. Для искреннего и глубоко верующего человека – это естественно и необходимо: ибо во всем, что он делает, он помнит «горнее» и помышляет втайне о «последнем». Но замечательно, что русский человек сохраняет эту особенность и в полувере, и даже в неверии. В нем живет и не угасает потребность иметь некоторое высшее, неколеблущееся, абсолютное мерило в жизни; и если он не находит его в горнем, то он пытается извлечь его из земного. Пусть это земное не заслуживает ни преклонения, ни веры; пусть полувер и невер заблуждаются и прикрепляются к неверному и недостойному⁷; пусть не удастся им создать религию из нерелигиозного содержания. Но потребность сердца и воли – *окончательно утвердиться на безусловном* – живет и в них. Русскому человеку необходимо *уверовать в некое совершенство и претворить эту веру в жизнь* – и он осуществляет это даже тогда, когда совершенство его предмета – мнимое. Утратив Бога, русский человек обоготворит *не* Божие⁸, будет вздыхать по этому не-божественному содержанию и пытаться вложить его в жизнь. Не найдя истинную святыню, он станет «пустосвятом»; потеряв единое русло церкви, он уйдет в «сектанты»; утратив видение Бога, он станет моральным проповедником; он утвердит свою веру на суеверии, внесет ее в политику, начнет проповедовать аграрное «евангелие», музыкальный «апокалипсис», «откровение» в живописи⁹; может быть, он станет даже *изувером* и *зловером*... Но утратив эту жажду веры, он перестанет быть русским, обезличится и денационализируется. Достоевский и Лесков указали на это с великою убедительностью («атеист не может быть русским» – «Бесы»¹⁰). Толстой подтвердил это своей личной судьбою. Русская история и русская культура явили тому бесчисленные

доказательства. И если мы отвлечемся от заблуждений (напр., народничество) и уродливых явлений (напр., хлыстовство, скопчество, дыромолятство¹¹), – то увидим, и признаем, эту особенность русской души во всем ее творческом значении. Русскому человеку свойственно быть искателем Бога, и вся русская культура насыщена этим исканием.

Как же не верить нам в Россию, видя ее, – то окрыленно, то бескрыло, то очевидно, то сослепу – ищущую и верующую душу.

5

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее *укоренена в Боге* и что ее история есть ее *возрастание от этих корней*. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее сил – не могут нас страшить. Естественна наша неутрачиваемая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в *правде, праведности и красоте*. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке: «Надо жить по-Божьи! Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу!» И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории – от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-бессеребренников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине¹²; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому¹³, до умученного большевиками исповедника – митрополита Петербургского Вениамина¹⁴.

Россия есть, прежде всего, – *живой сонм русских правдолюбцев*, «прямых»¹⁵ стоятелей, верных Божьей правде.

Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что *видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу*; что делающий по-Божьи *побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим* (хотя бы одиноким и мученическим) *стоянием*. И тот из нас, кто хоть раз попытался обнять взором сонм этих русских стоятелей, – тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!»; а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!» Имеющий Бога в себе носит в своей душе живую *любовь* и живую *совесть*: две благороднейшие основы *всякого жизненного служения* – священнического, гражданского и военного, судейского и царского¹⁶. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном для Зеркала¹⁷: «Надлежит <пришедшим> пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божие. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей – и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без *чувства собственного духовного достоинства*; а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти – и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенно-

сти у Толстого и Тургенева. Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без *верного чувства ранга*. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику вопросом: «Если Бога нет, то какой же я после того капитан?»¹⁸ Но творческая государственность требует еще *мудрости сердечной* и *вдохновенного созерцания*, или, по слову митрополита Филарета, сказанному во время коронации Императора Александра II, – она требует «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости...»¹⁹.

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию значит принимать эти глубокие и великие традиции – ее *воли к качеству*, ее *своеобразия* и ее *служения*, укореняться в них и уверенно строить на них ее возрождение.

6

И вот, когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому, что мы знаем *историю России*, которой вы не знаете, и живем ее *духом*, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности*,²⁰

---

* См. статьи Старого Политика и Б. А. Никольского в № 5 журнала «Русский Колокол» (примечание И. А. Ильина).

и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных разноплеменных и разноверных «меньшинств» и наречий, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов*;

и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он, не защищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости (47 человек в год на каждую тысячу населения)**;²¹

и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь – к отвлеченному парению; язык, о котором Гоголь сказал: «что ни звук, то и подарок, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи...»***;²²

и не только потому, что он, создавая свою особую национальную культуру, доказал – и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов)²³;

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруден-

---

* «Герой нашего времени», глава I, «Бэла» (примечание И. А. Ильина).

** См. соотв. статьи Б. А. Никольского и мою в № 3 и 2 журнала «Русский Колокол» (примечание И. А. Ильина).

*** «Выбранные места из переписки с друзьями, XV. 1» (примечание И. А. Ильина).

ция), сочетающее в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и не-формальным²⁴ созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, – вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству – ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце*;²⁵

и еще – не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, – в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, – отойти вглубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями, и отстоять свое место под Божиим солнцем, свое национальное единство и свободу²⁶...

Мы верим в Россию *не только* по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них... *За* ними и *через* них сияет нам нечто большее: народ с *такими* дарами и с *такой* судьбой, выстрадавший и создавший *такое*, *не может быть покинут Богом в трагический час его истории*. Он и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омра-

---

* Если уж вспоминать отзывы иностранцев о русском человеке, то вот что они увидели в русском крестьянине сто лет тому назад в глухую и тягостную эпоху крепостного права. Один: поразительнее всего в русском крестьянине «его опрятность и свобода; взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами, есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи» (отзыв англичанина, записанный Пушкиным; «Мысли на дороге», XIII). Другой – «как пораженный останавливался перед нашими маститыми, беловолосыми старцами, сидящими у порогов изб своих...» И «нигде в других землях Европы... не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому» (отзыв француза, маркиза Кюстина, приводимый Гоголем; «Избр. места», XXXI). (примечание И. А. Ильина).

чилося око его, и если после неудачной войны²⁷ поколебалась в нем сила, отличающая верное от соблазна, – то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь...

Мы верим в Россию потому, что созерцаем *ее в Боге* и видим ее такую, какой она была *на самом деле*. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека – двадцать пять²⁸ лет есть срок долгий и тягостный, но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают *возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил*. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет *новая Россия*.

Мы верим в это не потому, что «желаем этого», но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

Культура сердца²⁹.

Светлой памяти Протопресвитера
Отца Сергия Иоанновича ОРЛОВА³⁰

1

В наше смутное, непроглядное время, когда все замешалось, растерялось и сдвудлинилось, когда самый воздух общечеловеческой жизни напоен заведомой ложью и лицемерными

соблазнами, завистью и ненавистью, властолюбием, страхом и жестокостью, – является истинною отрадою и утешением обратиться духом, сердцем и мыслью к человеку светоносному, сердечно-благостному, сильному в молитве и свободному в совести; к человеку, для которого жизнь была служением и очищением; к пастырю, воспривавшему традиции русского православия, утвердившему себя в них и утверждавшему их во всяком и перед всяким, с кем он вступал в общение.

Все мы, знавшие его и общавшиеся с ним, всегда осязали, что от него исходит некий *свет* и что за этим светом живет и греет некое *пламя*, которое то вспыхивает истинным вдохновением, то смиряется в тихой, до конца искренней и детски-притрепетной молитве, то сосредоточивается в зоркой, совестной мудрости одобрения или осуждения.

Воспринимаемая его личность, его слово, его молитву, я всегда изумлялся этому сочетанию старческой мудрости и духовной юности; и еще: этому соединению душевной чистоты со строгим судом над собой, с тревожным чувством собственной греховности; и, наконец, – его сердечности и в доброте, и в строгости.

Кто молился с ним вместе, тот не замечал времени молитвы и не чувствовал усталости от сосредоточения и напряжения; кто делал в его присутствии доклад или читал лекцию, тот поражался его духовной зоркости, остроте его внимания и немедленному ответному трепету его духа; кто вел с ним деловые переговоры, тот заранее мог быть уверен, что совестная доброта будет сочетаться у него с жизненным тактом и практичностью.

И большинство из знавших его и не думало, и не ведало о том, что это был образ *классический для России и для ее истории*. Ибо такими пастырями, игуменами и митрополитами строилась издревле наша Россия. Их совестной доброте и строгости, их государственному и национальному чувству, их практической, хозяйственной энергии, их такту и особенно

их молитвенной силе русский народ обязан многим благом и спасением, – и особенно своей *культурой сердца*.

У них училась и научилась русская интеллигенция своему *идеализму*, т. е. вере в то, что *верность идеалу* победит все трудности и препятствия жизни; – что быть правым, верным и спокойным в жизни – есть не только путь к победе, а *уже сама победа*; – что *доброта сердца есть первоисточник всякой культуры* и что живая любовь может и должна проникать собою все – и науку, и медицину, и воспитание, и искусство, и хозяйство, и государственное дело, и военное...

Отец Сергей был живым носителем такой традиции, такой веры и такой воли. И поэтому мы не можем ничем и никак лучше почтить его светлую память, как поднять сложенное им знамя, благоговейно развернуть его, укрепить его древко, стать под него и понести его дальше, чтобы знала Россия свои священные традиции и хранила верность им. Чувствую сердцем и совестью, что дух его, ныне здесь незримо присутствующий среди нас*, ждет от нас не личных похвал, смущавших его смирение еще при жизни, а крепкого и зоркого исповедания того учения и того пути, которые в наше смутное, непроглядное и соблазнительное время всеобщего шатания – были, есть и будут единственно верными и спасительными... – Да и в самом деле, что остается человечеству, пережившему последние тридцать лет современной истории, как не *исповедать открыто и осуществлять культуру сердца?*..

2

Современная культура потрясена в самых своих основах, и дальнейшее существование ее стоит под вопросом и под угрозой. Из поколения в поколение люди вырабатывали себе сухой, чисто практический и деловой подход к цивилизации

---

* Эта лекция читалась в Женевском храме в мае 1945 г. (примечание И. А. Ильина).

и культуре; и когда они выработали его, то оказалось, что для сердца здесь нет места и что любовь может быть в культуре только помехой.

Возьмем ли всеопределяющую ныне *технику*, – она строится на математическом естествознании и руководится соображениями полезности и дохода; жизнь чувства может здесь только мешать. Возьмем ли *хозяйство* и, в частности, *деловой оборот*, – это царство трезвого расчета, хладнокровного предвидения и взвешивания, конкуренции и рекламы; где здесь место для любви? – Она остановит и поколеблет весь хозяйственно-общественный механизм, она заставит человека «наделать нерасчетливых глупостей» и разорит его. Или *наука* – этот главный двигатель современной культуры... Здесь все построено на объективном наблюдении и анализе; жизнь чувства с его капризно-туманной субъективностью – должна быть здесь подавлена и устранена. Чем меньше симпатии и антипатии, волнения и негодования, тем успешнее идет научное исследование. Ненависть и любовь только плодят научные ошибки. А в *политике* совсем уже нет места для «сентиментальности». В политике царит групповой и классовый интерес; здесь идет «умная» и дерзкая борьба за власть; здесь нужен трезвый расчет, дисциплина и удачная интрига; и ловкая реклама. Сентиментальный политик никогда не дойдет до власти, а если получит ее, то не удержит. Здесь царит воля и сила, а любви здесь нечего делать... Заговорите о любви в современном *искусстве* – и на вас все посмотрят³¹, как на устаревшего чудака-профана. Современное искусство есть дело развязанного воображения, технического умения и организованной рекламы; «сентиментальное» искусство отжило свой век; ныне царит изобретающее и дерзающее искусство – с его красочными пятнами, звуковыми фокусами и бьющими на эффект изломами. И художник испытывает только два чувства – зависть, при неудаче, и самодовольство – в случае успеха. И вот от всей культуры остается только *ре-*

лигия, которая ныне кажется поколебленною в самых своих основах. Но западные европейцы давно уже выяснили для себя, что в религии должны господствовать *воля, дисциплина и теологическое доказательство*. Человек должен *захотеть* веры и *подавить* свои сомнения; он должен подчинить себя церковной дисциплине и погасить свои субъективные чувства. Ибо свободное кипение чувств и личных мнений только подрывает и разрушает религию. И если церковь хочет быть сильною, то она должна *устранить сердце из религии*.

И что же мы видим? Западная культура, серьезная, практическая и деловая, пришла к убеждению, что культура есть *дисциплина ума, воли, умения и организации*; что страстные чувства суть проявления некультурности; что «умный» человек потому и «умен», что предоставляет жизнь сердца глупцам; что призрак совести пугает одних блаженных чудаков; что вера есть дело устаревшее и во всяком случае реакционное; что любовь понятна только как здоровый инстинкт деторождения или как строго поставленная благотворительность, – под общественным контролем и с выхолощенным сердцем. Любовь мешает уму и воле; а культура есть именно *их* дело. Проявлять жизнь чувства смешно; а стать смешным – это самое последнее дело для серьезного человека. Культура есть дело «строгое»; а строгость холодна и формальна. Культура есть дело полезности и расчета; а потому ей естественно быть жестокою.

Английский мыслитель Хоббс формулировал когда-то социологический закон: «человек человеку волк»³². Было бы несправедливо сказать, что это закон современной культуры. Однако культурное приличие требует того, чтобы люди обращали друга на друга как можно меньше внимания: не обременяли друг друга наблюдением и ненужным общением. Человек человеку – прохожий. Или еще, как тонко подметил Чехов: человек человеку – запертый сундук и источник недоразумений³³. Люди подобны чокающимся друг о друга

деревянным шарикам. Люди друг другу – соперники и конкуренты. Они заботятся друг о друге лишь в меру ожидаемой от другого полезности, в меру своего тщеславия и расчета, в меру имущественного интереса или чувственного влечения; а использованного человека списывают со счета и предают. Они знают это; и чтобы прикрыть это – время от времени декларируют о гуманности и расчетливо организуют гуманитарные заведения. Но именно поэтому, когда дело доходит до борьбы, то человек человеку оказывается волком.

Поэтому эти судорожные спазмы современной культуры – революции, гражданские и международные войны – *не случайны*: они естественные плоды сердечной жестокости, алчности и ненависти. И именно поэтому антракты между революциями заполняются систематической подготовкой новых революций; и революция стремится захватить всю вселенную. И антракты между войнами заняты изобретением новых тайных оружий, и наука уже торгует своими техническими изобретениями, продавая их из страны в страну. И оружия эти становятся все более разрушительными, убийственными и мучительными; и уже направляются на мирное население. И уже работают везде школы взаимного выслеживания, замучивания и искоренения. И все это не случайно, а заложено глубоко в бессердечии современной культуры.

Вот почему надо признать и громко выговорить, что двигаться по этому пути далее невозможно. Бессердечная культура подрывает сама себя; ее основы, ее источники должны быть в корне пересмотрены. Современное человечество творило и творит свою культуру *неверным внутренним актом*, актом, из состава которого исключены сердце, совесть и вера, а сила созерцания заподозрена, осмеяна и сведена к подчиненному, почти подавленному состоянию. *Так* создаваемая культура есть *больная* культура; и то, что мы переживаем ныне, все наши бедствия и страдания, суть естественные последствия этой больной культуры.

3

Чем же строится она, какими силами души и духа?

Она строится инстинктом без совести, умом без созерцания, волею без веры, жаждою власти без сердца и без ответственности. И если продумать и прочувствовать всю современную культуру и потом представить себе и перебрать в сердце все то, что за последние тридцать лет вплоть до сегодняшнего дня оскорбляло, ужасало и приводило нас в бессильное негодование, то мы увидим, что *сухая пустота и черствая слепота* породили все то, что привело нас ныне на край бездны. Ибо *инстинкт без совести* есть сила вечно голодная, разнузданная и бесстыдная, жестокая и властолюбивая; чего же иного ждать от него? А *ум без созерцания* есть сила разлагающая, уходящая в детали, слепая для главного, близорукая в неглавном, сухая, мертвящая и циничная; он достаточен для «калькуляций», но бескрыл в вопросах качества; он купается в абстракциях, но не в силах создавать индивидуализирующую, т. е. живую и справедливую, культуру любви. А *воля без веры*, сколь бы сильна она ни была, – тем вреднее и опаснее. Вот такая-то воля и породила новые формы тоталитарного государства, где жажда власти без сердца, без ответственности и без милосердия превращает людей в рабов, а политиков – в тиранов.

Силою Божьего попущения события последних лет как бы сдернули «покрывало приличия» с этих язв и ран современной культуры и показали нам их последствия во всем их чудовищном безобразии. Достаточно ли этого для нас? И если нет, если нам мало этого, чтобы опомниться, прийти в чувство и начать эпоху обновления, то *продолжение этих событий превзойдет все, что могло сниться в тяжких снах пленникам концентрационных лагерей.*

Идти дальше в этом направлении нельзя. Еще недавно, несколько лет тому назад, трудно, почти невозможно было до-

биться понимания в этом вопросе. «Почему же нельзя, – раздавались голоса, – когда все идет превосходно? Культура цветет, наука научилась³⁴ разлагать атом, техника прямо потрясает ум своими достижениями, хозяйство скоро будет организовано в мировом масштабе, успехи медицины и хирургии стремительны, юриспруденция сверкает своими классификациями, музыка уже преодолела начала тональности и мелодии, а психологический роман уже рассмотрел в микроскоп весь мусор разлагающейся души (Пруст)»...

Стоя непосредственно перед крушением, видя приближающуюся катастрофу, люди *скользили в пропасть* и пытались уверить себя и других, что происходит *победоносное шествие новой культуры*. Не понимали, что *формализм культуры и разнуздание страстей* суть коррелаты и ведут к гибели; что воля к власти получила в свои руки ужасные средства современной техники; что безбожный человек только и может натворить безбожных дел; что *главное в Христианстве забыто и утрачено*; и что бессердечная культура начинает приносить свои плоды.

Вот прошли эти тягостные шесть лет второй всемирной войны; раскрываются ее застенки; мерою горькою и мучительною измеряются ее страдания. И мы, присутствующие при этом, мы, пережившие все это и может быть сами изведавшие эти застенки, – *мы повинны друг другу крепкою и мужественною правдою*. Мы не можем и не смеем участвовать в современной лжи, притворяться подслеповатыми и обманывать сами себя и друг друга. Мы должны честно и прямо сказать себе и друг другу, что происходит на свете, как оно зародилось и стало возможным, и что нам надлежит делать, чтобы свет засветился во тьме, и чтобы мы нашли выход из пропасти.

И прежде всего мы не должны и не смеем упрощать, снижать и сводить нашу мировую беду к незначительным причинам и прискорбным пустякам. Мы не смеем и не должны

предаваться легкомысленному оптимизму и политическому верхоглядству. Совершившееся страшно; но оно еще не вместило всех назревших возможностей. Бездна не исчерпана. Дно не достигнуто. Авадон³⁵ не договорил своих слов. А наша жизнь продлена, и каждый миг ее есть возможность действия и обновления.

Это действие и это обновление должны начаться со слов мужественной правды. Мы должны сказать себе и друг другу, что великий мировой кризис, ныне нами переживаемый, есть не случайное столкновение обстоятельств, а *кризис нашего культурно-творящего акта*. Дело не сводится к тому, что развился капитализм и пролетаризация масс захватила народы; что в каждой стране образовался слой промышленных магнатов, которые овладели в государственной машине закулисными тайниками; что промышленность и торговля повели борьбу за мировое сырье; что конкуренция промышленностей превратилась в состязание армий; что выдвинулись крайние, левые и правые, программы, попытавшиеся сосредоточить свои силы в форме тоталитарных государств; что в разных странах почти одновременно выступили кадры новых людей, волевых, деспотических, жестоких, никого не боящихся и ничего не стыдящихся; что началась вторая мировая война и что в эту войну влились и в ней изживались все национальные, расовые, социальные, хозяйственные и политические конфликты. Все это верно и довольно общеизвестно. И тем не менее все это не ставит главную проблему нашей культуры и ее обновления, а только уводит от нее. Ибо все это только очерчивает те *великие и сложные трудности, преодолеть которые должна была наша духовная культура и которых она не преодолела*. Дух мог бы быть и на высоте поставленных ему исторических задач, несмотря на то, что задачи велики и тяжелы. Но современное человечество не было на надлежащей высоте и не могло справиться со своими историческими задачами, потому что *творческий акт его был неверен, а вследствие этого слеп и немощен*.

Наша *религиозность* – этот глубочайший источник мысли, воли, правосознания, государственности, искусства и труда – была подорвана, ослаблена и выветрилась; от христианства у нас остались обряды и название, но *духа любви и созерцания, живого единения с Христом* – не осталось. Наука научила нас сомнению и релятивизму – «все недостоверно», «все относительно», – но не научила нас ни *систематическому созерцанию предмета*, ни *борьбе за очевидность*, ни *культуре духовного опыта*. Наша *воля* перестала строить *цельные, верные, духовно укорененные характеры*, но зато научилась изворотливости, интриге, цепкой беспринципности, доносительству, карьеризму и закуливному страхованию. В *правосознании* мы растратили всю живую, совестную глубину: мы культивировали в праве элемент аналитической мысли, рассудочного равенства и дисциплины, но потеряли *живую правовую интуицию, способность внимать естественному праву* и включать его в положительное³⁶, *дар справедливости и индивидуализации*. Мы истолковали *право* как *силу* и научились подкреплять силу *страхом и ложью пропаганды*. И когда из этого возникло современное тоталитарное *государство* со всеми его пороками и извращениями, мы только ужаснулись и критиковали, но и не подумали о том, что это порочное явление возникло из наших собственных недугов и слабостей.

И вот, ныне, после всего совершившегося, мы должны начать обновление и вступить на новый путь.

4

Современное человечество должно *пересмотреть и обновить внутреннее строение своего культурно-творческого акта*. Это единственный путь, который может вывести нас из этого кризиса и повести к радикальному выздоровлению; не теперь – не быстро, – а на большом протяжении времени. Люди создали большую культуру потому, что они не привыкли творить *верными и необходимыми органами духа*. Мы как бы

пытаемся лепить и строить жизнь неподходящими орудиями, тогда как свободная, мудрая, социально-справедливая и духовно-значительная жизнь требует *других сил и подходов*. И чем скорее мы это поймем и чем серьезнее мы отнесемся к этому, тем скорее мы увидим наши наследственные ошибки и тем скорее нам удастся *заткать ткань новой культуры*. У нас на глазах, среди нас, и не без нашего участия, в недрах нашей горделивой и самомнительной культуры зародилась, назрела и разлилась невиданная и неслыханная по своей жестокости *противо-культура*, перед которой мы растерялись и которой мы доселе не противопоставили ничего нового и глубокого. А то, что мы призваны противопоставить ей – *культуру сердечного созерцания*, – мы должны еще выносить в самих себе. Ибо только *живое сердце* может ее выносить, задумать и зачать; а когда оно начнет это дело, то оно увидит себя вернувшимся ко Христу-Спасителю и Его вечному слову.

Для этого современные люди должны погасить в себе *ложный стыд*. Мы не должны и не смеем стыдиться своего чувствилища. Ибо когда оно духовно укоренено и сильно, то оно не может впадать ни в слащавую сентиментальность, ни в фальшивое ханжество. Духовное и свободное сердце не есть ни проявление «глупости», ни проявление «слабости»; оно не «унижает» человека и не делает его «смешным», чего современные люди так боятся; оно не глупо, а мудро; и не расслабляет характера, а укрепляет его. И мало кто из наших современников так хорошо знал это и так убедительно доказывал это своей жизнью, как наш любимый пастырь, сложивший ризу своего земного бытия Отец Сергий.

Сердце человека не есть начало беспредметного воления и истерической слезливости. Оно есть начало *предметной искренности и искренней доброты*. Это есть начало *индивидуализирующего вчувствования* и потому *сочувствования*. Это есть орган главного и жизненного *укоренения* человеческой души.

Говоря о любви, я понимаю прежде всего и больше всего *духовную* любовь, противопоставляя дух не плоти; ибо и плотская любовь может быть духовной; и хороша, верна и созидательна она бывает только тогда, когда она духовна. Я противопоставляю духовную любовь, как *верно выбирающую*, – недуховной любви, как безразборно-неразборчивой, любви случая, произвола и беспочвенности. Духовная любовь *любит за качество*: по хорошему мил; а не за вкрадчивую лживость, угождающую слепому капризу.

А это значит, что настоящая любовь *живет созерцанием и творит выбор*. Она ищет *увидеть Божественное* и, узрев его, выбирает его, чтобы прилепиться к нему. Эта любовь лежит в основании всего великого в жизни человека: веры, патриотизма, дружбы, супружеской верности, истинного художества, социальной справедливости и научного исследования. *Лучшее, что дано человеку на земле, – это плениться Божественным и самоотверженно служить ему*. Тогда человек научается отличать добро от зла и выходит из смуты и соблазна; он верно видит достоинство человеческое, верно ценит свободу, верно чувствует доброту и нежность души, верно видит прекрасное в искусстве и социальную справедливость в общественной жизни. И вся земная любовь его освещается и освящается духом Божиим: «прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны...»³⁷ Тогда все опасности беспредметного истерического волнения, каприза, слепого пристрастия, сентиментального ханжества – отпадают. И человек излучает духовную любовь даже в строгости и во гневе.

Вот чего нам надо искать: не бесхарактерного размягчения в слепом добродушии, а *духовной зоркости в любви*. Доброты не только душевной, но духовной. Доброты, которая не расслабляет, а дает силу жизненного действия. Доброты ко всему сущему, способной вчувствоваться во всякое дыхание и страдание, имеющей *дар созерцать*.

5

Дар *сердечно-духовного созерцания* искони, издревле высоко ценился в православном христианстве. И традиция жила и живет поныне в русском православном старчестве. Этот дар особенно открыт русскому человеку с его органическим *доброжелательством*, с его естественной *созерцательностью*, с его редко угасающей *волей к совершенству*. Стоит русскому человеку сосредоточиться и поработать над собою, и этот *акт* верного строения, которым только и может спастись современное человечество, расцветает в его душе легко и натурально. Вот почему русская национальная культура, быть может, ближе всех других культур стоит к *культуре будущего*, к *культуре сердца*.

Именно сила сердечно-духовного созерцания создала *своеобразие русской культуры*.

В *религии* – это дар *молитвы*, открыто признаваемый западными церквами за русской церковью; этот дар сердечного прозрения и ясновидения, которыми справедливо прославились русские старцы; дар *взыскания совершенства*, которым создано в России все великое, что мы имеем.

В *науке* это способность *содержательного вчувствования* в изучаемый предмет, способность *индивидуализации*, способность *гореть в мысли*, а не резонировать, воля к *очевидности*, а не к релятивистической гипотезе, способность *отдавать познанию здоровье и жизнь*. Упомяну о русской медицине, которая всегда жила сердечным созерцанием. Для русского врача – больной есть не пучок симптомов для биохимического воздействия, а страдающий брат, единственный в своем роде дух и требующий индивидуализации организм, предмет любви, а не источник гонорара. И еще упомяну о русской юриспруденции, создавшей в одной только кассационной практике русского Сената³⁸ целую школу глубокого и тонкого правочувствия и справедливомыслия.

Говорить ли о русском искусстве? О сердечной созерцательности русской поэзии, русской живописи и русской музыки? О прикровенной и целомудренной религиозности русских художников? О пророческой глубине русского национального искусства?

Говорить ли о русской *совестливости*, об этой душевной двери в Царство Божие, которая редко замуровывается в России даже у разбойников и убийц? Ибо совесть есть поистине окно в мир потусторонний, пламя Божие, свет победный, источник сверхчеловеческой благодности и силы. Это она, русская совесть, тревожила русское студенчество, вела в монастырь русских Власов и Кудеяров³⁹, морально уязвляла русских сектантов, молилась в русских юродивых, созерцала в русском старчестве, лечила безвозмездно в кабинетах русских врачей, создавала целые плеяды Лесковских праведников и бессребреников, вела на геройскую смерть русских солдат и воспевалась в русской изящной словесности...

Русская душа, когда она цветет и поет свободно, носит в себе эту потребность и способность *сердечно-духовного созерцания*, которая должна ныне зародиться или возродиться *во всем человечестве*.

Мало думать. Мало пустого ума. Мало много читать и помнить. Мало острого и быстрого анализа. Ум без созерцания слеп. Ум без сердца пуст и циничен. Ум без совести – подлец. Ум без сердечно-духовного созерцания – есть орудие лжи, пустое жилище, проповедник разнуздания, разлагатель духа.

Не в *воле* дело, а в том, что выбрано сердцем и чему воля будет служить. Когда воля зла, то слабая воля предпочтительна. Нам должна импонировать не *сильная воля*, а *благая*. Воля, сильная в злобе, не героична, а порочна; она нуждается не в преклонении, а в отпоре. Поклонение же грубому факту есть признак духовной слепоты и бесхарактерности, а не дальнорзости или мудрости. Воля вне духа – есть злая сила мировой истории; и если бы народы преклонялись перед ней,

то на земле давно не было бы никого, кроме рабов. Воля без сердца – своекорыстна, черства и разрушительна. И наше поколение достаточно видело ее ужасные плоды.

Сердце – главное в человеке. Оно выбирает цель жизни, оно указывает предмет воле, оно научает мысль вчувствованию и созерцанию. Кто на земле ничего не любит и из любви ничему не служит, тот пуст, бесплоден и духовно мертв. У него нет внутреннего свободного водительства в жизни. И если он талантлив, то талантливость его соблазнительна и порочна. Его воображение безответственно и легкомысленно. Его воля черства и жадна. Он одержим своими похотями и чужими мыслями; ибо *творческая, оригинальная, строящая мысль дается только сердечному созерцанию*. И всякий, кто спросит себя: «что мне делать?», «чему служить?», «с чем бороться?», «за что мне жить и умереть?» – и попытается разрешить эти вопросы без духовно-сердечного созерцания, неизбежно пойдет по тем путям великого соблазна, которые проторила современная больная культура и которые уже привели нас в пропасть.

6

Я думаю, что многие из нас, русских, уже осуществляют этот акт духовно-сердечного созерцания, особенно русские женщины; но только органически, бессознательно и робко. Робко потому, что мы позволили большой европейской культуре запугать себя – мнимую научностью, так называемым «просвещением», пресловутой логикой (которая есть обычно не что иное, как рассудочный формализм) и разными другими пред-рассудками, в особенности же пред-рассудками безбожия, «ума» и «приличия». Мы должны положить конец этому. *Мы не смеем и не должны стыдиться своего сердца, своей нежности, своей впечатлительности*. Мы не должны думать и чувствовать, что доброта, исходящая от нас, делает нас смешными, а доброта, направленная на нас, унижает нас. Доброта есть живой Божий луч, направлен ли он на нас или исходит он от нас; в ней нет

ни смешного, ни унижительного. То, в чем человечество сейчас более всего нуждается, есть, во-первых, *верное чувство собственного духовного достоинства*, освобождающее человека от ложных страхов и ложного стыда, подъемлющее его над косным и слепым «общественным мнением» и освобождающее его от опасностей открытого или прикровенного рабства. И, во-вторых, – *чувство щедрой доброты*, развязывающее силы любви и справедливости и открывающее доступ к *верному разрешению социального вопроса*. Ибо никакие реформы не способны осчастливить народ, если они проводятся людьми злыми, жадными и порочными и если они принимаются людьми поработенными, запуганными и злыми. Мало того: такие люди вообще не способны найти верные пути к социальной справедливости, ибо они ничего не изобретут, кроме *тоталитарного насилия, противоестественного уравниательства, бесправия и террора*. Ибо *социальная справедливость* есть начало *индивидуализирующее*, т. е. вчувствующееся в жизнь человека посредством духовного и любовного созерцания.

И так обстоит во всех сферах культуры. *Начало сердечного созерцания может и должно лечь в основу каждого культурного акта* без исключения – в праве, в суде, в законодательстве, в политике; в научном исследовании; во всех родах и видах искусства; в строительстве армии (как того требовали Петр Великий и Суворов); в дружбе и семейной жизни; в воспитании и в медицине; в философии и в хозяйствовании; и, конечно, прежде всего и больше всего – в вере и религии. И всюду, где человек начнет созерцать духом и сердцем, всюду культурный акт *укоренится*, получит свою *первоначальную глубину, примирится с инстинктом*, даст человеку *счастье цельности и силу творчества*. Все обновится и переродится: молитва священника, лечение врача, художественная литература, приговоры судей, деление на партии. Совсем иначе пойдет преподавание в школах. И если кто-нибудь из нас переживал в гимназии у даровитых учителей созерцательные уроки

геометрии, или патриотические уроки истории, или совестное трактование священного писания, или уроки конкретной географии, или любовное изъяснение греческого языка – тот сейчас же верно поймет мою мысль. И если кто-нибудь из нас имел счастье встретить в жизни совестно-созерцающего судью или адвоката, сердечно чуткого профессора или офицера, справедливого политика или врача, вчувствующегося в жизнь своего пациента, – то он сразу увидит, что это были люди с Божьим лучом и светом.

А есть Предметы, которые возможно воспринимать только актом духо-сердечного созерцания: это Господь во всей Его благодати и во всем Его совершенстве; это родина, за которую живет, борется и умирает патриот; это друг в дружбе и супруг в браке... И когда спрашивают меня, почему это человечество за последнее столетие стало утрачивать Христа, Сына Божия, и наконец восстало на Него, то я отвечаю со всею возможною философскою точностью: потому, что люди гасили, гасили и погасили в себе акт духовно-сердечного созерцания. Они подменили дух – земным, лукавым расчетом; сердце – волею; созерцание – холодным, любопытствующим наблюдением. И потеряли Христа. И не нашли никакого иного Бога. И возненавидели Христа, научившись этой ненависти у французских энциклопедистов и у Фридриха Ницше. И провозгласили первенство инстинкта перед духом, первенство расчета перед совестью, первенство наслаждения перед служением, первенство силы перед правом и покорности перед свободою. И все это естественно, последовательно и неизбежно. И бороться с этим можно и должно обновлением, очищением и углублением культурно-творческого акта.

7

Услышав все это, могут задать мне вопрос: что же нам делать – вот сегодня и завтра, сейчас и здесь, каждому по-разному? Я бы ответил: прежде всего – *не поддаваться соблаз-*

нам, откуда бы они ни исходили, в какую бы словесную или угрожающую форму они ни облекались и кем бы ни поддерживались. Ибо все эти соблазны ведут в болото неискренности и трусливой лжи, потом – в порабощение.

Но, уклоняясь от этих путей, надо в то же самое время будить в себе силу сердечного созерцания, надо созерцать жизнь для того, чтобы полюбить лучшее, и любить лучшее для того, чтобы видеть его все глубже и все вернее. На этом пути каждый из нас увидит Христа, шествующего через наше смутное время, через наше кровавое замешательство, через все безумие нашей пролганной эпохи; увидев Его, невозможно не полюбить Его; полюбив Его, невозможно не пойти за Ним. И потом надо увидеть тою же созерцающею любовью русский народ, страдавший во Христе и ныне страдающий без Христа о Христе; надо увидеть исторический смысл его страданий и следовательно – его историческое призвание. Надо пойти за Христом, приступить к Нему неотступно и не отступать, доколе не простит и не помилует Россию. Кто знает, что есть молитва, тому это ясно.

Это первое.

И вот – второе. Не должен и не смеет пройти ни один день, в который я кого-нибудь не обрадовал бы – помощью житейскою, или утешением душевным, или радостью духовною, или подарком каким, или словом проникновенным, или улыбкою доброты. Пропал тот день, пустой и мертвый, в который мне не удалось сделать это. Людям, слепым в добре и неопытным в доброте, это покажется малым и скудным. А между тем именно этим и именно так *зачинается и ткется Риза Божия в этой жизни*: риза доброты и любви, риза сердца и единения, риза единая и цельная, без шва, которую и воины не решились поделить между собой⁴⁰, которая не разрывается ни войнами, ни революциями. Я разумею не «общественную благотворительность», которая затевается обычно от недостатка личной доброты и от изобилия тщеславия. Я разумею

личное излучение личной доброты. Ибо, – знаем мы это или не знаем, – но каждый из нас непрерывно излучает в мир лучи своего – озлобленного или приветливого, мрачного или сияющего, жадного или щедрого – сердца. И одни лучи входят в Божию ткань мира (названную в Евангелии «Царством Божиим»), а другие не входят в нее, накапливая черную, злую и ядовитую энергию мирового зла. День, в который кто-нибудь из нас не послал луча в эту Божию ткань, есть пропащий день, потерянный и для него, и для мира, и для обновления человеческой культуры; это день, отсрочивающий обновление всеобщей жизни и культуру сердца.

И вот – третье. Нам следует, каждому самостоятельно и про себя, поставить вопрос о своей личной жизни и потом о современной культуре, – шаг за шагом, миг за мигом, дело за делом: есть ли в нем *духо-сердечное созерцание*? И если нет, то почему и куда ведет это отсутствие? И нельзя ли ввести эту стихию – во все, постепенно, но во все? И начать это введение и обновление *с себя самого*. И заговорить об этом, сначала вполголоса, с друзьями, советуясь и обсуждая, а потом громко, изустно и в печати, спрашивая и отвечая; – и всем разъясняя, что *эта стихия составляет самую живую сущность христианства и русскости* и что эта стихия несет счастье людям, обновление культуре и возрождение миру.

Эти три дела связаны воедино. Ни одно не разрешится без другого. И все вместе они – начало культуры сердца...

8

И кажется мне, что не мог я лучше почтить память нашего почившего отца и друга, как попытавшись показать и утвердить, что он шел в жизни верным путем, русско-национальным и русско-православным: путем духовно-сердечного созерцания, который наверно спасет от бед нашу чудесную Россию, а может быть, послужит и всему остальному человечеству.

Ибо если оно не сумеет создать новую культуру сердца – пусть понемногу, пусть медленно, пусть десятилетиями и веками (ибо мы не малые дети и не слепые оптимисты), то оно будет и впредь биться в судорогах бессердечия, жадности, слепого рассудка, свирепой техники и тоталитарного государства.

В культуре сердца – и мудрость, и счастье, и святость. И редко кто знал это, помнил это и жил этим в наше время так, как наш любимый и чтимый Отец Сергей.

І. КРИЗИС

1. Наша эпоха⁴¹

Историческая эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть эпоха духовного суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; – одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед Лицом Божиим, – в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществление своей особой судьбы. Прошли те годы, когда нам, русским, могло казаться, будто «мы рухнули, а другие устояли». Теперь нам это давно уже не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно-живого огня, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно-огненное опаление, очищение и обновление...

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на эти вопросы – значит выговорить *главное*; приступить к этому служению – значит осуществлять это главное.

России нужен *новый русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя *по-новому, из но-*

вого духа, ради новых великих целей. В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия погибла; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, мечтающие о ее расчленении... Да, Россия первую пошла на суд, первая вступила в полосу огня, первая противостала соблазну, первая утратила свое бывшее обличье, чтобы выстрадать себе новое. Первая, но не последняя. И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Преподобней России не будет. *Будет новая Россия.* По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая, а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот, к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить, – ковать ее в себе самих, крепить во всех нас новый русский дух, по-прежнему – русский, но не прежний «русский», т. е. больной, не укорененный, слабый, растерянный. И в этом – *главное.*

Для этого необходимо, во-первых, справиться с *соблазнами.* Их целый ряд.

И первый из них – *соблазн большевицкой свободы,* свободы *от Бога, от духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины.* Этот соблазн – не русского происхождения. За последние века он выдвинут материализмом и распространен французской революцией или немецкой философией (от левых гегелианцев до Фридриха Ницше). Свобода необходима человеку и священна для него. Но эта свобода обретается *через Бога,* в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу. Большевицкая же «свобода», освобождающая человека от третьего, духовного, измерения, оставляющая ему голодное тело и развратно-страстную душу, есть не свобода, а произвол насилия, блуда и греха.

Второй соблазн есть соблазн *тоталитарного государства и коммунистической каторги,* соблазн, обещающий разбойничье величие через порабощение и ограбление остально-

го человечества, а также «обезьянье счастье» через отказ от личного начала, от творческой инициативы и от свободного вдохновения. Этот соблазн за последние века был выдвинут социалистами, во главе коих в XIX веке встал Карл Маркс. Нельзя отнимать у людей идеи величия и счастья. Но истинное величие не осуществляется в формах национального ограбления и всемирного завоевания, а истинное счастье не добывается через порабощение личности. Обман безбожной сытости, навязываемой от рабовладельческого государства обезличенным рабам, – соблазняет людей величайшей *пошлостью* и величайшей *ложью*; соблазняет, чтобы разочаровать и погубить. И его необходимо духовно разглядеть и одолеть.

Кто не одолеет этих двух соблазнов, тот не строитель новой России. Кто не разоблачил до конца искушение *безбожной свободы* и *тоталитарной государственности*, тому не дастся ни очищение души, ни обновление ее. А если он утвердится в будущей России, то он окажется в ней представителем *разнуздания и рабства*. Культура без Бога есть вавилонская башня. Государство без Бога есть земная каторга... И сколько в эмиграции уже не справились с этими соблазнами, не осилили первого этапа и потому не произнесли ни одного живого слова; ибо их путь вел с самого начала в пропасть большевизма.

Второе задание наше – очистить души от губительных слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого. Их много. Вот главнейшие:

1. *Бесхарактерность*, т. е. слабость и неустойчивость духовной воли; отсутствие в душах духовного хребта и *священного алтаря*, за который люди идут на муки и на смерть; *невидение религиозного смысла жизни* – и отсюда склонность ко всевозможным шатостям, извилинам и скользким поступкам; и в связи с этим – недостаток духовного самообладания и волевого удержа.

2. Недостаточное, *неукрепленное чувство собственного духовного достоинства*, этой жизнеспособной и жизне-

направляющей силы; и отсюда – *удобособлазняемость* наших душ, колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное *правосознание*; большая тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, т. е. в творческие силы своего народа...

3. Насыщение политической жизни *ненавистью и тягой к анархии*. Мы обязаны преодолеть и то, и другое. *Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить*. Знаем мы, что иностранцы будут поддерживать и разжигать в нас все эти виды ненависти, для того, чтобы ослабить, расшатать, расчлениить и покорить нас. Но мы должны очистить и освободить себя от этих разрушительных сил и погасить, искоренить в себе этот *дух грозящих нам гражданских войн*. И сделать это мы должны потому, что мы – христиане; и еще потому, что этого требует от нас государственная мудрость и верное понимание исторических и многонациональных судеб нашей родины: *великую* и сильную Россию невозможно построить на ненависти, – ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политически-партийной (карьеристы).

И вот, наше третье, положительное задание, – обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться верить по-новому, созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески, чтобы мы сами по себе знали и чтобы другие о нас знали, что не про нас это сказано: «на небо посматривает, по земле пошаривает». Мы должны научиться не разделять веру и знание, а вносить веру, – не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования, и крепить нашу веру силою научного знания. Мы

должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христиански-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией...

Мы должны воспитать в себе *новое правосознание*, – религиозно- и духовно-укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; – новый хозяйственный акт, в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротой и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства... И скажем себе прямо, что многое из этого уже было в России, вскормленное православием и жизнью, русско-славянской добротой...

Словом – России нужен *новый русский человек*, с обновленным, – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным укладом. Этот уклад мы должны прежде всего воспитать и укрепить в себе самих. Ибо только после этого и вследствие этого мы сможем передать его нашему даровитому, доброму и благородному народу, который доселе пребывает во многих беспомощности и в соблазнах и который нуждается в верной, сильной ведущей идее. Россия ждет от нас нового, христиански-социального, волевого творческого воспитания. Но как же воспитает других тот, кто не сумел воспитать себя самого?!...

Это – главное. Это – на века. Без этого не возродим и не обновим Россию. А на этом пути – справимся со всеми бедами, опасностями, заданиями и затруднениями. И кто в этом духе поведет свое обновление и самовоспитание, – *кто так сотворит и других научит*, – тот осуществит свое историческое и отечественное призвание.

2. Жизнь без святыни⁴²

Современный человек растерял свои святыни и ведет духовно-опустошенную жизнь. В этом главное бедствие нашего времени; из него возникают все остальные беды.

Это совершилось незаметно. Трудно даже сказать, когда это началось и как это произошло. Мы совсем не думали об этой возможности; и вдруг это состоялось... Нет, конечно – не вдруг; это началось давно, это был длительный процесс. Но многие не замечают этого и ныне. А есть, и не мало, таких, которые считают это «великим достижением». Но, заметив эту своеобразную опустошенность нашей жизни и испытав ее как бедствие, мы нередко изумляемся и огорчаемся, потому что мы не хотели этого, это случилось как-то «само» и мы даже не можем сказать, чем мы это вызвали и в чем наша вина. Да и вина наша состоит чаще всего не в том, что мы что-то «делали», но в том, что мы что-то существенное *упускали из вида и забывали*, чем-то пренебрегали, – словом, что мы чего-то *не* делали, а именно: мы не умели ценить, любить и беречь *духовную полноту и глубину жизни...*

Наша земная жизнь имеет некий *сокровенный, высший смысл*. Его не найти на поверхности пустых обстоятельств, мелких событий и мелочных отношений. Он не навязывается нам и не добивается нашего внимания. Надо, чтобы мы *сами* восхотели его и начали его отыскивать: нужно наше *свободное влечение* и участие, наш *духовный вкус*, наша *воля*, наш *труд*. От нас требуется невынужденное признание и добровольное решительное предпочтение. Тогда он раскрывается и дается нам, легко и щедро; и наполняет нашу жизнь. Но если мы не удовлетворяем этому требованию, если мы забываем о нем, пренебрегаем им, не вопрошаем, не ищем, не добиваемся, то высший смысл жизни остается сокровенным и недоступным, и жизнь наша *опустошается, теряет свой смысл и остается без святыни*.

Жизнь человека, сама по себе, все же не теряет свой смысл; но мы сами *начинаем жить так, как если бы этого смысла не было*. Все остается по-старому, так, как оно изначально устроено Богом. Все – от дождевой капли до легконогого оленя, от пения птичек до тихой материнской любви, от северного сияния до смерти героя-исповедника – все по-прежнему дивно создано, исполнено смысла, таит в себе субстанциальное начало и проникнуто Божьим дыханием. Все, как и прежде, имеет свою вечную основу; все есть как бы Божий «текст», записанный священными «письменами», написанный священными письменами; или – Божия «ткань», сотканная из нитей премудрости; или – таинственная «музыка», исполняющаяся в чистых звуках и естественных, разрешающихся гармониях. Но мы, не воспринимающие эту глубину и красоту, и притом – по нашему собственному нежеланию, мы ведем себя как беспочвенные и разнузданные существа; мы не читаем и не понимаем этого «текста», мы не бережем и рвем эту вечную «ткань», мы утрачиваем слух для этой «музыки». Это влечет за собою последствия, которые завладевают нами и искажают нашу жизнь. И тогда все наше земное существование превращается в страшное и фатальное недоразумение, в «трагедию ошибок»; оно становится субъективно-бессмысленным, пошлым и *духовно-мертвым*: люди или прозябают изо дня в день, или ведут звериную борьбу за существование; они как *песок* – или «ползут», по законам тяготения и инерции, или поднимаются вихрем исторических событий и кружатся в пространстве хаотической *пылью*...

Такие люди ничего не знают о божественной значительности природы и истории. Глубина духовной культуры не существует для них, они окружены непроглядной тьмой. Все кажется им сухим и легковесным, как прошлогодняя листва или как летающий по ветру уличный сор. И сами они становятся *жесткими* и *бесплодными*, или же *жадными*, *посягающими* и *одержимыми*; и тогда предносящееся им⁴³ мироздание,

безбожное⁴⁴, бессмысленное и безжалостное, уподобляется бредовому видению, которое готовит им скорую и нелепую смерть...

Все это означает, что человеческая жизнь имеет особое «качество» или «измерение», особый критерий, с которым нам всем необходимо считаться. Это измерение не совпадает с другими духовными измерениями – религиозного правоверия, добродетели, искусства, верного знания и правовой лояльности, – и не исчерпывается ими. Его можно было бы обозначить, как измерение *духовной значительности*; соответствующее чувство у человека – как *чувство священного*; а недостаток или отсутствие соответствующего качества – как *опошление жизни* или как законченную *пошлость*.

Пошлость появляется всюду⁴⁵, где духовное начало в человеке засыпает или отпадает: поэтому она выражает *бездуховность* жизни. Она начинается там, где человеческое *легкомыслие*, ничего не зная о богозданном глубокомыслии жизни и о духовной *ответственности*, наивно и беспечно плывет по волнам повседневного существования. Она образуется там, где царят *мелочные* интересы жизни со всей их близорукостью и во всем их плоскочувствии. Это значит, что *пошлость* жизни зарождается в атмосфере *религиозной тупости*. Она крепнет, если это религиозное скудоумие приобретает самоуверенность и становится вызывающим. Тогда пошлость внедряется окончательно и придумывает для себя «оправдание», какое-то подобие «само-апологии» и «доктрины». Тогда она принимает себя за нечто естественное и само-собой-понятное, за «единственно-верное» и «умное», и разворачивается в целое «мировоззрение».

Это мировоззрение оказывается не только безбожным, но в религиозном отношении слепым и агрессивным. Оно не знает духа, не признает его и относится к нему с насмешкою и враждою. Оно отличается своею сухостью и рассудочностью; оно не видит цветов и не слышит пения; оно презирует

романтику и дышит иронией. Оно вполне удовлетворяется той пустыней, в которую оно само превращает вселенную. Оно желает быть трезвым и прозаическим, и потому впадает в механицизм и материализм. А если вчувствоваться в развертываемую им картину мира, то возникает своеобразное ощущение, будто все краски мира блекнут и исчезают, будто все птички смолкают и падают замертво на землю, будто все цветы отцветают или увядают, будто миром овладевает вековечный песчаный самум⁴⁶, который окончательно уносит все глубокое и таинственное, высушивает все источники жизни и убивает все священное. И в этом опустошенном и богопокинутаом пространстве начинается ожесточенная и свирепая «война всех против всех»⁴⁷, которой не предвидится конца.

Так жизнь оказывается лишенной святости, бессмысленной и пошлой. И вот надо ее прожить и изжить до конца. Чаша полна яду, но должна быть выпита до дна.

Это опустошающая пошлость, эта духовная скудость может обнаружиться повсюду, свить себе гнездо и восторжествовать во всех сферах жизни и культуры. И там, где она воцаряется, там вырождается все – и в жизни отдельного человека, и в жизни целых поколений...

Так, она может овладеть человеком, который по-видимому настроен «*религиозно*». Тогда его «религиозность» оказывается мелкой и мелочной, жадной и педантической, властолюбивой и честолюбивой, злобной и лицемерной, суеверной и трусливой; это будет своего рода нейроз страха или навязчивый психоз, – не более чем богоотвергнутое ханжество. Таков страх Ченчи⁴⁸ у Шелли; Тартюф у Мольера; такова Раиса у Островского («Волки и овцы»).

Эта мертвящая пошлость может овладеть *художником* и его *искусством*. Тогда искусство забывает свои глубокие замыслы и высокие помыслы, оно перестает созерцать, его мудрость отмирает. Оно начинает служить пошлой забаве, скачающей толпе; оно угождает человеческой похоти, пре-

дается формальной игре, ищет эффекта, раздражающей «преlestи»; оно становится продажным и готово к политической лести и «социальному заказу». Таков Чартков у Гоголя («Портрет»), соблазненный дьявольским золотом и успехом; таков и современный «модернизм», это подлинное осуществление претенциозной пошлости в искусстве.

Если в пошлости погрязает *наука*, то она усваивает тон горделивого всезнайства и доктринерства; она начинает культивировать пустую форму «научности»; она утрачивает связь с чувством тайны и с благоговением; начинается притязательное упрощение; исчезает глубокое дыхание мысли; распространяются механистические и материалистические теории; дух служения, скромности, художественного вчувствования отлетает; наука превращается в *полунауку* и объявляет войну религии. «Полунаука, самый страшный бич человечества», «деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда», «имеющий своих жрецов и рабов», «перед которым трепещет даже сама наука и постыдно потакает ему» (Достоевский*).

Опошлившаяся *мораль* отрывается от своих священных корней, – от *любви* и от *совести*; она становится формальной, черствой, сухой; и более того, – она впадает в злобный педантизм и в ненавистную придирчивость. Вчувствование отмирает, доброта и сострадание угасают, человек становится лицемером, он любит свою мнимую добродетель и отравляет всем существование...

Опошленная *политика* превращается в погоню за личным успехом и обогащением, в жажду власти во что бы то ни стало, в «ярмарку тщеславия», в обнаженную борьбу частных интересов. Она становится безыдейной сутолокой и рано или поздно приводит к гражданской войне, к тирании и тоталитарному строю.

---

* Бесы, часть II, глава I [Ночь, VII] (примечание И. А. Ильина).

Вот куда ведет пошлость, – жизнь без смысла и без святости. Она перемещает в истории *все силы добра и зла*.

Добро делается мелким, скудным и бессильным. Нейтральное – двусмысленным, холодным и опасным. Зло набирается сил, становится притязательным, мощным и вредоносным.

Иными словами: добро становится беспочвенным, неустойчивым и негероическим; нейтральное – безразличным, удобособлазняемым, продажным и предательским; зло – бесцеремонным, разнузданным и победоносным. И тогда кажется, что Бог покинул мир, лишил человечество благих сил и мудрости и обрек его на гибель...

Такова *картина современного мира*, утратившего чувство священного и предавшегося пошлости. И мудрено ли, что эта пошлость опустошает и отравляет всю человеческую жизнь?

И прежде всего, и глубже всего от нее вырождается *любовь*. Оторвавшись от духа и от святости, любовь превращается в элементарную потребность естества, которая самовольно заявляет о себе, капризно «требует», бесцеремонно и бесстыдно приступает к «делу» и безответственно угасает. Эротическое начало становится самовластным и незаконным. Брак, заключенный вне духа, – по расчету, по капризу, по легкомыслию или по примитивной похоти, – не сулит ни счастья, ни верности, ни длительности, ни здорового воспитания детей. Опошление любви начинается со школьных «анекдотов», осуществляется и закрепляется в публичных домах и завершается открытым развратом и разложением семьи. Зрелым проявлением всего этого явилось коммунистическое законодательство о браке и семье.

Когда же от духа и от святости отрывается *мышление*, то оно становится беспочвенным, безответственным и аморальным. Такое мышление не верит в высшие необходимости духа и не желает связывать себя «убеждениями». «Твердый образ мысли» стесняет его; верность «принципам» кажется

ему смешным предрассудком. Зато люди такого склада всегда интересуются теми умственными приемами, теми мысленными «возможностями», которые являются *эффектными* и *выгодными*, сбивают противника и дают дешевый успех у толпы; именно такова была греческая «софистика» и римская «реторика»; такова же «диалектика» современного адвоката, парламентария и марксиста. Для таких людей мысль не есть орудие для познания истины или национального служения, но лишь *орудие личного успеха*, житейский прием, ведущий к «победе», т. е. к «*деньгам*» и к «*власти*». Это беспочвенное мышление служит духу общественного и политического авантюризма; оно по существу беспринципно и безнравственно. Серьезная предметность чужда ему. Оно остается легкомысленным и безответственным; оно осуществляет релятивизм («все относительно») и цинизм («стыд есть предрассудок»); и на каждом шагу доказывает свою продажность («наемная совесть», «наемное перо»).

Не менее опасна безбожная и беспринципная человеческая *воля*. И чем сильнее волевой заряд человека, тем опаснее и вредоноснее пошлость его души. Человек с большой, но безбожной волей является в жизни мощной и злобной машиной. Он властолюбив и честолюбив и пробивает себе дорогу всеми средствами и всеми путями: от лести до клеветы, от лжи до массовых убийств; он не знает совести, он не признает добра и зла и ценит все лишь мерою выгоды. Чем умнее носитель такой воли, тем он опаснее: тем искуснее он ведет свою жизненную борьбу, тем удачнее обходит он все уголовные запреты, тем успешнее он пользуется пробелами и непредусмотренностями правопорядка, тем «выше» взбирается он по общественной лестнице, превращаясь в ненавистного всем тиранна⁴⁹. Именно безбожная и беспринципная воля подрывает и взрывает порядок «свободы и демократии»; именно она изобретает и осуществляет *тоталитарный строй*, этот режим новейшего рабства и варварства. И по-

шлая и злодейская воля, по-видимому, и теперь не сказала своего последнего слова...

Незаметно растеривают люди свои святыни; незаметно погружаются в болото бездуховности и пошлости. Этот процесс начинается с охлаждения и безразличия, с повседневных упущений, с омертвения сердца; и заканчивается великими потрясениями, распадом порядка и культуры. Но зарождается это бедствие *в детской*: ибо в основе всего лежит *бездуховное, бессердечное, безбожное воспитание детей!*

3. Бегство от света⁵⁰

Есть такой предрассудок, будто каждое живое существо нетерпеливо ждет солнечного восхода и радуется тому, что брезжит новый день. В действительности же есть существа, которые боятся света и слепнут при появлении солнца: они как бы созданы для ночи и рождены для мглы и потому они прячутся от света и наслаждаются мраком. Орел открывает свое око, когда летит навстречу солнцу; но есть ночные обезьяны, боящиеся света и проводящие весь день в своем дупле; и есть совы и филины, закрывающие днем глаза, чтобы не видеть света и спасающиеся в темноту.

Вот и среди людей есть такие, у которых взор выносит только духовную ночь: они успокаиваются лишь во мраке духовного безразличия и с отвращением замуриваются, как только их души коснется Божий луч. Они не ликуют, как только воспримут нечто Божественное, – в природе, или в человеке, или в созерцаемых ими сверхчувственных пространствах. Напротив, духовный свет ослепляет их, беспокоит и раздражает, и они предпочли бы не видеть его и не знать о нем ничего...

Тот, кто окончательно сжился с бездуховным мраком своей собственной души, живет из своего мрачного дупла и становится врагом света и духа. Он не может воспринимать ду-

ховный свет, он отвергывается от него, он избегает его, он издевается, кощунствует, воспламеняется ненавистью и готов сделать *все* для прекращения этого света и для устранения его носителя, хотя бы посредством убийства. Вот почему история сообщает так много об убиении добрых, лучших людей, носителей духа и духовного света. И если кто-нибудь созерцает духовное и начинает рассказывать о том, что он созерцал и узрел, или если он даже молчаливо держится как духовно видящий и разумеющий человек, то он может легко стать камнем преткновения для всех слепых и мраколюбивых и сосредоточить на себе прямую ненависть ночных обезьян и филинов. И потому всякий истинный миссионер должен быть готов к мученичеству.

Люди, у которых духовное око осталось непробужденным, вступают в жизнь с бодрствующим инстинктом, но со спящим духом. Так они устраиваются и в жизни – во внешней обстановке и во внутреннем укладе. Их внутренняя жизнь следует за надобностями внешней пользы и приспосабливается к ним; и незаметно для них их духовное безразличие становится мерою всех их оценок и поступков. В духовных делах они идут через жизнь с зажмуренными глазами и погашенными огнями; и иногда они производят жуткое впечатление, подобно тому зачарованному кораблю, который под именем «Летучего голландца» внезапно выдвигается из морского мрака и проносится мимо нас, исчезая в ночной мгле, как таинственный носитель бед и зла. Эти люди отлично чувствуют свою пользу и напряженно строят свой интерес; но в духовном измерении они просто не живут. В земных делах они ловки и изворотливы; но иногда бывает совершенно ясно, что о небесном они не знают ничего. Так идут они через жизнь; так они и поступают; так они и судят о мире и о людях. Тот духовный мрак, который господствует в них, нисколько им не мешает; напротив, он дает им душевное равновесие и спокойствие. И они незаметно принимают черты дьявола-подобия⁵¹.

Такой человек наслаждается своим мраком и ненавидит свет. Он тем более любит и бережет свою тьму, чем труднее ему было устроить у себя внутри этот темный подвал и укрепиться в нем. Ибо надо признать, что только в редких случаях полной духовной слепоты или религиозного идиотизма человеку бывает *легко* укорениться окончательно в радикальном Бого-отвержении и превратиться в законченного мраколюба⁵². В большинстве случаев человеку не удастся⁵³ просто игнорировать Богом данную или естественно унаследованную «духовность инстинкта». Дух, не пробужденный в эпоху воспитания, пренебреженный в самостоятельной жизни, томится в заброшенном погребе безбожной души и может всегда проснуться по собственному побуждению или по нарочитому зову Божию, чтобы узреть Божий луч, предаться свободному созерцанию и начать внутреннее излучение. Так в жизни и бывает. Тогда «успокоительная» тьма разрывается изнутри, прежнее душевное «равновесие» исчезает, все приходит в колебание, как во время землетрясения, и начинается «гражданская война» в пределах единой замкнутой души.

Мраколюбец⁵⁴ чувствовал себя устроившимся без духа и без Бога: ему «все было позволено»⁵⁵, он не знал ни колебаний, ни удержа. Он свыкся уже с полунощной темнотою своей души и был твердо уверен, что никакой предутренный петух не разбудит его призывом к восходящему солнцу; и вдруг этот петух запекает в его собственном внутреннем мире. Он «окончательно» уверил себя в том, что нет никакого духовного света и духовного солнца; и вдруг темные пространства его сердца пронизываются лучом, исходящим из его собственного ока, о котором он ничего не знал. Иногда достаточно одного мгновения такого света, одного луча, чтобы раскрыть и показать неправду прежнего воззрения и прежней жизни. Тогда мнимо могучий человек вдруг видит себя маленьким, бедным, робким и главное, что совсем невыносимо, – *смешным*. Его

желанная и хваленая тьма начинает рассеиваться: ибо она не вошла в него из мира, она не была законом естества и природы, – она была лишь его собственным созданием, желанным воздухом его слепоты, делом его личной немощи и пошлости. Он сам «сочинил» или устроил ее, потому что она была нужна ему для развязания его страстей и для удобств его слепой жизни. И вдруг ему приоткрывается правда⁵⁶: он видит свое объективное ничтожество и не может «принять» его и примириться с ним. Он начинает искать исхода и не находит его...

Этот внутренний конфликт болезнен и мучителен, особенно для гордых людей, которые пытаются нести его одиноко и безмолвно.

Гордый человек внезапно чувствует себя обличенным и осужденным, и притом со стороны такой «инстанции», которую он всю жизнь отвергал, уверяя себя, что ее «совсем нет» и что она не может иметь никакого значения. И, что всего «болезненнее», – он знает, что в конечном счете эта «инстанция» *права* и что он сам заслуживает осуждения. Он знает это и не может согласиться с этим и все пытается доказать себе обратное; и это ему не удается. Ему хочется бы вернуться в успокоительную и все позволяющую тьму; но ее уже нет: откуда-то из глубины брезжит тихий, но властный свет, который борется с мраком и превращает его в колеблющиеся сумерки. Ему хотелось бы утвердиться опять в своей темноте и слепоте, но сумерки уже смешали мрак и его собственный свет обличает его. Он пытается оправдать свое прошлое; и это не удается ему. Он хотел бы погасить непрошенный свет, или по крайней мере ослабить и скомпрометировать его; и терпит неудачу. Это ранит его, оскорбляет и унижает его в его собственных глазах. И вот в нем зарождается и крепнет ненависть, которую надо утолить, изжить на ком-нибудь; на ком? Унижение вызывает в нем гложущую зависть. Он ненавидит духовный свет и завидует каждому, кто способен им наслаждаться, каждому, кто любит свет или тем более сам излучает

его. Зависть и ненависть порождают *жажду мести*; а месть мечтает об уничтожении и убийстве.

Трагедия, переживаемая мраколюбивым человеком, есть глубокая и горькая мука. Он не может ни принять Божии лучи, ни вернуться в свою прежнюю ночь. Ему остается только одно: восстать против духа и света, объявить вражду небесам, начать борьбу с Богом; он должен явиться во всем блеске своей неправоты и выступить в качестве могучего врага всякого света и блага. Он вступает на путь падшего ангела и нисходит через демонизм к сатанизму. Если он не может принять Божиих лучей, то он желает стать мощным во мраке, властителем тьмы, мстителем за утраченную свободу вседозволенности. Ибо ночь тоже имеет свое величие и свою власть. И вот он утверждает в себе сатанинское начало и шлет вызов Свету и Благодати: он выступает врагом Бога и всего, что таит в себе Его лучи; он отвергает мир, всякое качество и совершенство, всякое благо и служение, молитву и совесть, и всех молящихся и совестных людей. Ему надо возвеличить мрак и оправдать порочность – учением и делами; ему надо унижить духовное и обессилить светлое, и лучше всего – погасить свет совсем, чтобы он не светил больше, и чтобы не было на земле его носителей и служителей. Ему надо пересоздать мир и людей, исказить их к худшему в стиле и в духе сатаны.

И вот он видит себя посреди трех источников света, и все три кажутся ему невыносимыми: *дивный и всемогущий свет Божий, внутреннее пламя его собственной совести* и *земное излучение исповедника и пророка*.

Но *свет Божий* недосыгаем: благостно и мощно проникает он во все сущее и превосходит все иное, изливается из некоей таинственной дали, которая светит и благодатствует в то же время из непосредственной близости. Тут он может только отвертываться и поступать в услужение темной силы.

Тогда он начинает безнадежную борьбу с *собственной совестью*, с духовностью своего собственного инстинкта. Он

пытается побороть этот внутренний свет при помощи софистического умствования, – исчерпать его силу все новыми и новыми злыми делами, – затмить его внутренним опьянением и внешним шумом; и успокаивается лишь постольку и лишь на то время, пока ему это удастся. И от времени до времени он впадает в отчаяние, ибо он чувствует некое качественное сродство и постоянное сотрудничество между этими тремя силами, которые в сущности образуют таинственное единство...

И вот ему [надо⁵⁷] обратить свое отчаяние и свою ненависть на исповедника и пророка, на гениального носителя Божьего света, на его земное обличие. Тогда темные люди находят друг друга и стовариваются между собою, что[бы] совместно совершить свое окаянное дело: тут они низвергают своего лучезарного соперника интригою и клеветою, там они стараются разрушить все святыни и превратить их в развалины; или убивают из-за угла гениального человека, а если возможно, то передают его позорной казни...; они стремятся всюду погасить свет, затопить весь мир ложью и клеветою и водворить повсюду если не сущий мрак, то по крайней мере сумерки. Они начинают⁵⁸ ожесточенную борьбу со светом. И лучшие люди становятся их жертвою.

Это удастся им тем легче, чем больше в мире оказывается завистников, или посредственных людей, которые сами по себе не являются сторонниками мрака, но не справляются со своим голодным самолюбием и тщеславием и живут с неисцеленною и непрощенною обидою на сердце. Никому не нравится чувствовать себя маленьким, незначительным, глупым, уродливым или вообще «нестоящим» человеком; и у каждого из нас бывают в жизни такие минуты, когда ему приходится удостовериться в своей ограниченности и несостоятельности и честно признать свои пределы. Тогда ему начинает грозить зависть и в нем начинается приблизительно та же внутренняя борьба, как в настоящем мраколюбце, но только в меньших размерах и с меньшей интенсивностью.

И если ему не удастся преодолеть в себе эту зависть, тогда он уходит в свое «подполье»⁵⁹ и предается беспокойному выслеживанию, отыскивая чужое величие, чужой талант и чужую доблесть: он ищет превосходящих его людей, чтобы принять участие в их компрометировании, низвержении и поругании. Виланд⁶⁰ сказал однажды: «красота излучает в человеческие души священные влечения...» А Шиллер завершил это наблюдение: «И любит мир чернить все то, что лучезарно»... И вот многие мелкие завистники смыкают свои ряды, отыскивают сильнейшего и злейшего ненавистника, подчиняются ему и осуществляют свое злое дело. Порознь или толпами нападают они на лучших людей, чтобы избавиться от них и беспрепятственно дышать воздухом повседневной темноты или законченного мрака.

В книгах Ветхого Завета рассказывается о том, как несчастный Каин убил своего кроткого брата Авеля из зависти и ненависти, и земля впервые «отверзла уста свои, чтобы принять» невинно пролитую кровь (Быт. 4, 3–16).

В своей книге об Изиде и Озирисе Плутарх (гл. 12, 13, 42, 49) рассказывает древнеегипетскую легенду о том, как страстный и злобный демон Сэт овладел при помощи хитрости и предательства своим божественным братом, светлым Озирисом и рассек его на четырнадцать частей; и вот, впоследствии светозарный облик Озириса почитался у Египтян как солнечное божество и как символ воскресения, Сэт же был помещен в подземный мрак.

Диоген Лаэртский (IX, 1⁶¹) сообщает о том, как великий Ефесский философ Гераклит отнесся к изгнанию своего друга Гермодора: «Ефесяне, – говорил он, – заслуживают того, чтобы у них все взрослые перевешали друг друга и оставили город несовершеннолетним – за то, что они изгнали своего лучшего мужа Гермодора, говоря: и пусть не будет среди нас никто наилучшим; а если такой окажется, то пусть он живет в другом месте и с другими»...

Это желание – освободиться от лучших людей – характеризует и Плутарх в жизнеописании Аристида: в то время, когда голосовали вопрос об изгнании Аристида, «подал какой-то глупый мужик, не знавший даже букв, свой черепок самому Аристиду, принимая его за простого обывателя, и попросил его написать на черепке имя Аристида» (это означало, что он голосует за изгнание). Аристид же «спросил его, удивляясь, не обидел ли его Аристид чем-нибудь. Нет, ответил тот, нисколько, я его даже не знаю, но меня сердит, что его повсюду называют праведным... Не отвечая ему ни слова, Аристид написал ему на черепке свое имя и возвратил ему черепок»...⁶² А так как и в Афинах было слишком много таких мелких завистников и злопыхателей, то Аристид был изгнан именно за свою праведность.

Известно, что один из замечательнейших мудрецов мировой истории, Сократ, был приговорен таким же образом к смертной казни. При этом он знал, что борьбу против него ведут не только его обвинители и что такая борьба ждет не его одного: «Если меня одолеют, – говорил он на суде, – то это будет делом не только Мелита и Анита, но делом клеветы и массовой вражды. Они уже одолели многих других, превосходных мужей; и кажется мне, что они и впредь будут одолевать других: нечего удивляться тому, что дело на мне не остановится» (Платон. Апология [Сократа]. 28. В.). Сократ прекрасно понимал закон духовного мрака, в силу которого тьма ищет распространения и не успокаивается до тех пор, пока она не погасит все источники света. Но он знал также, что хороший человек, носитель света, не может быть достигнут злом ни в жизни, ни после смерти (там же 41. D и 30. D). Ибо носитель света совершает свой земной путь в лучах небесного Огня и отходит после смерти в Обитель Света.

Как же нам, христианам, не помыслить в этот миг о нашем Спасителе и не понять, почему земные мракобесы восстали на воплотившийся Свет Божий и попытались погасить Его

земную жизнь в жестоких мучениях? И как же нам не вспомнить всех христианских мучеников, которые и донныне светят нам сквозь исторические мороки и ныне еще продолжают отходить в Обитель Света?

Человек мрака не может примириться с бытием Божиим. Он не может принять Его лучей; он не способен радовать[ся] благодати и любви Господней. Он восстает, чтобы погасить этот Свет, ибо не может утвердить себя и свою жизнь в Его лучах. Он «не прощает» духовному Солнцу ни одного благодатного луча и пока он не научится смирению и благодарности, в нем будет жить потребность отомстить Господу за свое собственное ничтожество. Откуда бы ни исходил этот свет, – из личной человеческой доброты, или из политической справедливости, или из религиозно-пророческой очевидности, или из гениального произведения искусства, – он будет ненавидеть, завидовать и кощунствовать и спастись от света⁶³. Ибо то, что он причиняет носителю света, – будь то мучительство, клевета, изгнание или казнь, – есть не что иное, как проявление его собственного бессилия, как бегство от Света, победа коего заранее обеспечена силою и благодатью Господа Бога.

И тот, кто пережил стихию социальной революции, тот уразумеет ее верно только тогда, когда постигнет строение мраколюбивой души.

4. Демонизм и сатанизм⁶⁴

Я никогда не забуду этого впечатления. Сильно затянувшийся и утомительный съезд криминалистов, прибывших со всех сторон света, шел к концу. Мы сидели после ужина у нашего председателя, который своим спокойным тактом, умными глазами и мудро-седой головой привлекал всеобщее сочувствие. Непринужденные разговоры скрещивались

и перебивали друг друга. И вдруг, как это бывает иногда, образовалась короткая пауза, в которую ворвались чьи-то слова, сказанные тоном искренней убежденности: «Но, среди них, попадаются люди, *действительно одержимые сатанинским началом*». И тотчас же все заинтересовались и обратились туда, откуда прозвучали эти слова: тема была жгучая, ответственная и трудная, и всем хотелось услышать о ней еще и еще, и никому не хотелось высказаться о сомнительном и непроверенном...

Слова эти были произнесены немолодым человеком, с тонкими и несколько утомленными чертами лица, с сильной проседью в волосах и большими, голубыми глазами, пристальный и спокойный взгляд которых тотчас же вызывал у всех полное доверие. И вот посыпались вопросы: что такое «сатанинское начало?» как распознать «сатанинского» человека? и позволительно ли вообще в наш просвещенный век говорить о «демонизме» и «сатанизме»? Ученый улей взволновался и приготовился не то критически слушать, не то критиковать, не выслушавши... Интерес становился все острее, пришлось нашему председателю вмешаться и просить коллегу поделиться с нами своими наблюдениями и мыслями в непринужденной форме. И вот он рассказал нам следующее.

«Я психиатр по профессии, родом из России и работаю давно уже с дефективными обитателями тюрем. Я изучил их в Англии, в Испании и в Германии. Я беседую с ними так, как если бы я не принадлежал к тюремному начальству, а приходил к ним как вольный гость и светский духовник. Я много наблюдал и немало пережил в этих беседах, и мне не раз удавалось заглянуть в ожесточенные и действительно темные души. Среди этих людей есть множество несчастных, страдающих, внутренне раздвоенных душ, полусхизофреников, которым иногда удается помочь. Но есть и *цельные* натуры, без всякого раздвоения, которые просто *наслаждаются злом* и которые лишь постольку “несчастливы” и “страдают”, поскольку им ме-

шают злодействовать. Это так сказать “*тотальные преступники*”, которых мы беспомощно наблюдаем и с которыми мы решительно не знаем, что начать. Их-то я и имею в виду, когда говорю о сатанинском начале в человеческой душе; и должен добавить, что в нашу историческую эпоху этот тип людей приобрел особенное, роковое значение потому, что эти люди заболели *политическим честолюбием и властолюбием и повсюду ломаются к власти...*

Я не хочу касаться богословских проблем и буду говорить только о том, чему меня научил жизненный опыт. Я знаю, что мы живем в веке “просвещения” и что люди этого века не признают существования личного дьявола. Это человекообразное существо, известное нам по плохим картинкам, с копытами, рогами и хвостом – исчезло для нас. По слову Гёте – от дьявола мы освободились, но злое начало осталось. И когда дьявол исчез из протестантских исповеданий, то им занялись с особым вниманием – *искусство и философия*. Нам остался как бы его “плащ”, и вот девятнадцатый век начал рядиться в этот плащ. Людям захотелось узнать о дьяволе побольше, как можно больше; захотелось поглядеть на него, вообразить себе его вид, узнать его мысли и желания. Стали художественно изображать его и это не удавалось, или удавалось плохо. Возник только ряд *демонических* образов. Люди не знали, что *сатана не имеет художественного образа*, что он *не поддается оформлению*, ибо он есть отрицание закона, формы и искусства. Люди не знали, что человеческое *воображение* бессильно *изобразить* его.

И вот девятнадцатый век создал *демонию*. Возник демонизм сомнения, отрицания, разочарования, горечи, эгоизма, гордыни, презрения и даже скуки. И все это дышало дерзновением и вызовом; почти все это доводилось до кощунства. Герои лорда Байрона имели явно демоническую природу. Мефистофель у Гёте, так же, как и у Франца Листа – не более чем демон. Демоническое начало появляется в “Разбой-

никах” Шиллера, в “Петере Шлемиле” у Шамиссо, там и сям у Э. Т. А. Гофмана. А нигилист Макс Штирнер прямо говорит языком самодовольного демонизма... Весь германо-романский романтизм постоянно занят демонизмом и люцеферианством: и больше всех Виктор Гюго, а за ним Жерар де Нерваль, Теофиль Готье, Альфред де Виньи, Барбей д’Оревильи, Беранже, Бодлер, Верлен, Рембо, Юисманс, Бальзак, Мэриме, Мишелэ⁶⁵, – а в музыке Лист, Гуно, Мейербер, Берлиоз⁶⁶... Одни боятся и со страху фантазируют; другие выдумывают, чтобы напугать. Связывают Сатану с ведьмами, с шабашем, со смертью, со всемогуществом, с ночью. Изображают его как “умницу”, как “светоносного просветителя”, как “забавника”, как “волокиту”, как “добряка”, как “революционера”, как подлежащего искуплению, как “двигателя прогресса”, как существо, требующее сочувствия и сострадания, как “вестника свободы и разума”, как благородного “протестанта”... Перебирают все возможные облики и комбинации, чтобы убедить себя в его “безвредности”, “невиновности”, силе и *привлекательности*... – не понимая, куда это все ведет и чем это закончится... И не замечают, что все это становится проповедью *человеческого само-обожествления* и оправданием, т. е. разнузданием *человеческой порочности*.

К этой прозявшей пропасти подошел Фридрих Ницше со своим большим писательским талантом и с большой, извращенной душой. Он пленился демонически-дьявольской бездною и возвеличил ее. Его последние произведения – “Воля к власти”, “Антихрист” и “Се Человек” – содержат прямую и откровенную *проповедь зла* и выговаривают *сатанинские формулы*.

Всю совокупность религиозных предметов – Бога, душу, добродетель, потусторонний мир, истину, вечную жизнь и соответствующие им запреты и осуждения, – Ницше обозначил как “труду лжи, рожденной из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными”. “Христиан-

ское понятие Бога” есть для него “одно из растленнейших понятий, созданных на земле”. Все Христианство есть в его глазах лишь “грубая басня о чудотворце и спасителе”, а христиане – это “партия забракованных ничтожеств и идиотов”.

То, что он превозносит, – это “цинизм”, *бесстыдство*; это есть “высшее, что может быть достигнуто на земле”. Он прямо взывает к *зверю* в человеке, к “верховному животному”, которое надо во что бы то ни стало разнuzдать. Он требует “дикого человека”, “злого человека”, “с веселым брюхом!”... Его пленяет все “жестокое, неприкрыто-звериное”, преступное. “Величие есть только там, где имеется великое преступление”. “В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь”... Все, что создает в жизни братство людей, – идеи “вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви” и т. д. – должно быть вообще “изъято из существования”. “Вперед же! – восклицает он, – все богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, – все отвергнутые слои общества!”...

И нет для него большей радости, как видеть “*уничтожение лучших людей и следить за тем, как они шаг за шагом идут к гибели*”... “Я знаю мой жребий, – пишет он, – однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотолe верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я – динамит!”...

Так, оправдание зла нашло свои *суще-дьявольские*, теоретические формулы; и оставалось только ждать их осуществления. А мы читали все это – и не понимали, не видели, куда это ведет. *Искусство* возвеличило демонизм; *нашелся* философ, который выговорил затаенную идею сатаны: *губить лучших людей и наслаждаться зрелищем их гибели*. Религия “просвещения” разуверилась в дьяволе; искусство стало браться с ним, воспевать его; жизнь отозвалась на все это – *явлениями*

сущего сатанизма. Ницше нашел своих читателей и почитателей, даже в среде пасторов, объявивших его “великим освободителем”; другие приняли его доктрину, отвергли различение добра и зла, сочетали ее с доктриной Карла Маркса и принялись за осуществление этой страшной идеи 36 лет тому назад⁶⁷.

Мои наблюдения привели меня к выводу, что “демонический человек” совсем не есть самое страшное в жизни. Надо различать между “демонизмом” и “сатанизмом”. *Демонизм* есть дело *человеческое*; *сатанизм* есть дело *духовной бездны*. *Демонический* человек предается соблазну; одержимый любопытством, он играет в добро и зло, смешивая их и меняя их наименования; в худшем случае он предается своим дурным страстям и может еще одуматься, раскаяться и обратиться. Но человек, в которого, по слову Евангелия, “*вошел сатана*”⁶⁸, одержим чуждой, потусторонней, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом. *Демонизм* есть преходящее духовное помрачение; его формула – “жизнь без Бога”, “протест против Божественного”, “независимость человеческого произволения”... *Сатанизм* есть полный и окончательный мрак духа; его формула – “низвержение Бога”, “попрание всего священного”, “угашение всех божественных лучей”, “унижение и погубление праведников”. В *демоническом* человеке бунтует неукротенный⁶⁹ инстинкт, не облагороженный замолкшим сердцем и поддерживаемый холодным рассудком. Человек, одержимый *сатанинским* началом, действует подобно чужому орудию; он как бы служит злу, зависти, злобе, ненависти, мести, и в то же время *наслаждается своим отвратительным служением*.

Можно было бы сказать, что *демонический* человек *заигрывает* с сатаною; играя, он “облекается в него”, вчувствуется в него, рисуется его чертами; он тяготеет к сатане: испытывая, наслаждаясь, предчувствуя ужас и изображая его, он вступает с ним (по народному поверию) в договоры и, сам

не замечая того, становится его удобным «жилищем»... *Сатанинский* человек утрачивает себя и становится земным инструментом дьявольской воли. Кто не видел таких людей, или, видя, не узнал их, тот не знает подлинного, первоначально-исконного завершенного зла и не имеет верного представления о сатанинской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии, и доселе не решаются выговорить свой опыт в метких и точных словах; и не знают, что начать. Здесь мы встречаем нечто чудовищное, что нельзя изобразить в осязательных, строгих формах и о чем легче говорить в символических намеках. Можно было бы описать эту стихию как “черный огонь”; или определить ее как вековечную, неутолимую зависть, как неисцелимую ненависть, как дерзающую свирепость, как агрессивную, воинственную пошлость, как вызывающе-бесстыдную ложь, как абсолютное властолюбие, как презрение к любви и добру, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от унижения и погубления лучших людей, как *анти-христианство*. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность и влечение к ней, в нем гаснут любовь, доброта, честь и совесть; он предается сознательной порочности, противостественным влечениям и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человекомучительством. Но и этого мало: он полон ненавистью к людям духа, любви и совести, и не успокаивается до тех пор, пока не поставит их на колени, пока не поставит их в положение предателей и не сделает их своими покорными рабами – хотя бы по внешности.

Вот этот черный смерч идет сейчас над миром. Игра в демонизм идет к концу; *началось трагическое осуществление сатанизма*. Подготавливавшееся в искусстве вошло в души и стало реализовываться в жизни. Целые народы поработаны людьми сатанинского нрава и дьявольской политики. И всюду – лучшие люди гибнут, а худшие всплывают на по-

верхность, распоряжаются и губят. Но смысл этого процесса, его глубину и духовную значительность улавливают все еще немногие. Большинство или не верит событиям, развертывающимся уже в течение 36 лет, или соблазняется призывами и лозунгами дьяволоподобных людей, или же *втайне сочувствует и незаметно помогает совершающемуся*. И доселе мы находим в литературе – то в журналах, то в книгах – сочувствие, выражаемое демонизму и сатанизму. Вот появилась книга – “Апология зла” (т.е. оправдание порока); вот статья “Побеседуем о дьяволе”; вот еще статья “В защиту сатаны”. ...А вот реформаторский богослов-профессор доказывает в популярной газете, что имя “Мефистофель” искажено, что его надо читать “Мегистофель”, что означает “самый полезный” и т.д. и т.д.

Эта стихия проявляется в людях однородно: слабеет и исчезает духовность, начинается разложение, разнуздание, разрушение; всюду обнаруживается осознавшая себя порочность, половая извращенность, предательство среди чиновников, ученых и духовенства, упоенное человекомучительство и необузданное властолюбие – то слева, то справа.

Личное переживание этой сатанинской стихии вызывает в здоровой душе ужас и отвращение, которые могут перейти в настоящее телесное заболевание: симпатическая нервная система, имеющая свои нити и концы во всем организме, заболевает *спазмами*, которые ведут сначала к нервной “дурноте”, потом к функциональной дисритмии во всем организме (сердце! желудок! мозг! кровообращение!) и могут закончиться душевным заболеванием, самоубийством или прямою смертью.

Мы все должны научиться узнавать таких людей по наружности, не дожидаясь их деяний. Их можно узнать по острому, злобному, фальшиво шныряющим глазам, по ненавистной, презрительной кощунственной улыбке, по резкому, больному голосу, по напыщенным, хвастливым, угрожающим словам и по лукавым, предательским делам. Русские люди

давно уже имели возможность изучить их; они обязаны знать, *кто* они и *откуда*; и все-таки они то и дело ошибаются, верят провокаторам, возвеличивают бесстыдников, торопятся прицепить свой челн к корме “большого”, хотя бы и проклятого корабля. А люди западных стран доселе не разумеют этого явления, не хотят понять его и берутся за ум слишком поздно...

Вот людей такого извращения, такого строя я не раз встречал в тюрьмах разных стран и всегда с ужасом думал о том, *что́ они будут делать, когда захватят политическую власть*. О них-то я и сказал, что они одержимы сатанинским началом...»

Весь этот импровизированный доклад, изложенный в тоне спокойного, но поистине трагического созерцания, был неожидан, и мы все чувствовали себя потрясенными. Все молчали. У всех было чувство свалившегося бремени, опасности, жути, тем более что сам докладчик внушал полное доверие к себе. Через несколько минут все вдруг и сразу заговорили и, конечно, разошлись в своих мнениях. Но отвергать сообщенные данные никто и не думал.

II. НЕДУГИ

5. О страхе⁷⁰

6. О зависти⁷¹

Россия не в первый раз переживает великое потрясение, колеблющее ее до самых корней. Но в первый раз за всю историю она имеет интеллигенцию, способную продумать, понять и оценить совершающееся. Эта способность наша возлагает на нас не право, а обязанность. На наших глазах, при нашем попусении и даже при нашем участии, совершилось великое крушение, слишком великое для того, чтобы мы могли считаться в его исследовании и оценке с правилами салонной любезности. Как бы жестко ни звучала правда, она должна быть сказана до конца...

Русская революция есть *порождение зависти*. Это есть не единственная сила, погубившая Россию; но это один из главных факторов нашего крушения.

Зависть, породившая русскую революцию, имела двойную природу и двойной состав. Во-первых, *малоимущие массы* завидовали более состоятельным людям, богатым и очень богатым. Во-вторых, *не призывавшаяся к власти интеллигенция* завидовала правящим кругам, высшей администрации, придворной аристократии и царствующей династии. Одни хотели земли и богатства, уверенные в глубине души, что вме-

сте с ними придет и влияние, и честь. Другие хотели власти и чести, нередко уверенные в глубине души, что это и есть верный путь к остальному... И вот, революция назревала по мере того, как в массах и в интеллигенции слагалась и крепла воля ко вступлению *на незаконные и противозаконные пути для удовлетворения своей зависти*. Это были как бы два параллельных процесса. Когда они скрестились и слились, – революция стала неизбежностью...

* * *

История России широка, глубока и разностороння, как сама Россия. Было бы легкомысленным верхоглядством сводить ее и в эпоху расцвета, и в эпоху революции к чему-нибудь одному, – к какой-нибудь одной страсти, или одному фактору, или какой-нибудь одной стороне. Россия держалась и росла – и молитвою, и доблестью, и талантливостью, и терпением, и пассивностью, и законом, и страхом, и казнью... И в революции повинны не только завистники, но и мечтатели, и доктринеры, и легкомысленные, и авантюристы... Однако разрушалась и распадалась Россия прежде всего и чаще всего – от зависти.

Пока люди живут на земле, до тех пор будет существовать неравенство, – будет «выше» и «ниже», будут более состоятельные и менее состоятельные, будут призванные к власти и непризванные к власти. И потому одна из главных задач социального воспитания состоит в том, чтобы приучить всех граждан с малолетства – *духовно справляться со своим низким рангом*. Не справляющийся с ним начинает завидовать.

Зависть есть *уязвленное самочувствие низшего*. Это есть враждебность *лишенного к обладающему*. Злоба на чужое преимущество. Ненавистная жажда отнять у него это преимущество и присвоить его себе. Это означает, что зависть есть разновидность ненависти и что удовлетворение свое она находит – или в отнятии и присвоении чужого преимущества

или же в разрушении и уничтожении его («пусть совсем не будет лучшего и высшего»!). Вот почему зависть всегда ведет к нападению: или открытому (ограбление, убийство, погром, гражданская война), или прикровенному (интрига, клевета, донос). Зависть сродни ревности; но в ревности есть страстная любовь, и именно из нее родится и злоба и ненависть. Отнимите у ревности любовь – и останется голая зависть, т. е. чистая злоба и чистая ненависть. Зависть может, впрочем, перейти и в соревнование; но в соревновании нет ни отнимающей злобы, ни разрушающей ненависти, ибо соревнующий, хочет *создать свое*, может быть – сравняться, а может быть и превзойти, тогда как завистник хочет именно помешать, лишит, разрушить, сместить, завладеть чужим, присвоить преимущество, возобладать на чужой счет... Совсем иначе настроен соревнующий: он стремится создать, он собирает свои силы, воспитывает себя и свой характер; он создает другое, новое, такое же и, может быть, лучшее. Он *творит*; и в самом восприятии чужого преимущества он почерпает мотив и стимул для творчества. Напротив, зависть не строит и не творит; она разрушает; и разрушает даже тогда, когда грабит и отнимает. Ибо из двух возможностей – «примириться с чужим преимуществом» или «отнять ценою разрушения» – она не колеблясь выбирает второе. Зависть ненавистна, противополовна, и потому, именно потому, она разрушительна.

Ибо в мире созидает только любовь...

* * *

Именно такова формула революции: разрушить, отнять, сместить, присвоить. В политике *смещали*, чтобы присвоить себе власть, и для этого мешали управлять и «раскачивали», разрушали «старый строй»; и потому разрушили *все государство* (революционная интеллигенция). В промышленности и в городах отнимали, чтобы растащить и разрушить; и, разрушивши, воображали, что присвоили или «национализи-

ровали» (социалисты, коммунисты и рабочие). В деревнях разрушали, чтобы отнять и выгнать помещиков, и, сместив их, изумлялись тому, что богатства нет и присвоить нечего... Сколько раз крестьяне впоследствии выпрашивали своих бывших помещиков: «Барин, где же теперь земля-то осталась? У вас ее нет, но и у нас ее нет!»... И это бывало задолго до коллективизации, ибо они рассчитывали получить удвоение или даже утроение своих участков, а революция дала им всего две пятых десятины на душу...

Такова судьба революции, такова ее формула: *отнимали и присвоивали, платя за это разрушением народного достояния*. Боялись реформ сверху и уступок; потому и убили Государя Александра Второго Освободителя и П. А. Столыпина; потому и разжигали зависть, и презирали всех, кто отстаивал эволюцию и гражданский мир, и торопились, и торопили «черный передел»; ибо помещичье землевладение давно уже таяло в форме мирной продажи, так что к 1932 году оно исчезло бы совсем в России и без всякой революции. А крайние левые уже не платили разрушением за отнятие, а просто жаждали разрушения как такового, ибо дух разрушения казался им «созидающим духом»... «Ну, теперь эти вороньи гнезда разрушены навсегда», – говаривал при большевиках агроном Огановский⁷² (трудовик!), разумея помещичьи усадьбы.

Но мы, видевшие революцию вблизи, испытавшие на себе ее зависть и жадность, не верим в ее созидательные силы: ибо мы знаем, что творчество требует *любви*, а не ненависти; *традиции*, а не выдуманной доктрины; *искусства* и *знаний*, а не насилия и страха; *соревнования*, а не зависти. Мы знаем, что дух разрушения именно не есть созидательный дух, вопреки Бакунину; что озлобленный захватчик не умеет обращаться с захваченным; что мешать чужому творчеству и творить – не одно и то же; что Гёте был прав, когда говаривал: «драться умеет толпа, тут заслуги ее несомненны, но суждения ее – жалки, убоги и презренны»... Мы знали все это и ранее. И по-

тому с гневом и отвращением следили мы за тем, как все это подтверждалось во время революции; как люди пытались и доселе все еще пытаются (по выражению современного итальянского социалиста, Ненни⁷³) «поставить мозоль на место мозга»... и притом от зависти... И как от этого гибла и гибнет наша Россия!..

И это тоже есть выразительная формула революции: «поставить мозоль на место мозга». Ибо завистник всегда так рассуждал и ныне рассуждает: «чем он лучше меня? я не хуже его! я тоже так могу, да еще и лучше! подумаешь, какая мудрость – бумаги подписывать, да приказы отдавать, да нежиться... Не боги горшки обжигают... Дали бы мне...»

И вот завистник вторгся; и помешал: отнял, сместил и захватил. Чернь стала править, владеть и распоряжаться с неистовством дорвавшегося «парвеню»⁷⁴. И когда это началось, то мы, интеллигенция, стали делать черную работу. И мы справлялись: мели, чистили, стирали, грузили тяжести, готовили кушанье, кололи дрова, кормили скот, чинили сапоги, торговали с лотка на базаре и быстро справлялись с квалифицированной работой на фабрике. И тогда мы думали и говорили вслух: «Не то беда, что мы смещены и делаем черную работу, – мы-то справимся!.. а то беда, что они не справляются и не справятся с государственным делом и культурным творчеством – и, не справляясь, губят нашу Россию!..»

* * *

Зависливість есть один из тех пороков, которые без конца вредили России в ее истории и которые непременно должны быть преодолены нами в будущем. Я совсем не хочу сказать, будто одна Россия болеет завистью; нет, все народы болят ею в большей или меньшей степени; и где эта болезнь шире и глубже, там опасность большевизма больше... Но общественная культура и ее уровень измеряются именно тем, насколько народу удалось превратить разрушительную зависть

в созидающее соревнование. А у нас в России для этого сделано слишком мало.

Вспомним период уделов; вспомним боярское местничество и интриги; вспомним временщичество и перевороты восемнадцатого века, – непрерывно работала зависть на социальных верхах в России; и четыре раза разгоралась она пожаром снизу (Смута, Разин, Пугачев, большевизм). И в первый раз – смута шла не снизу вверх, а сверху вниз: ибо первый самозванец был крамольным созданием бояр против Бориса Годунова, а спасение пришло тогда не сверху вниз (от бояр), а снизу вверх, от земского ополчения. И в четвертый раз, ныне, смута пошла опять сверху. Ибо русские массы медленно и постепенно приучались и в значительной степени уже приучились искать не бунтовщических, а лояльных исходов: неудачи Стеньки и Пугача, с одной стороны, и обновительная сила реформ Императора Александра Второго, с другой стороны, – утвердили правосознание русских масс и направили их взор в сторону *законности* и *эволюции*. Но либеральная интеллигенция восприняла отживающую болезненную тягу масс, идеализировала ее, превратила ее в «учение» и в течение ряда десятилетий разжигала этот политический недуг, возвращая в народ революционную заразу.

Однако имущественная зависть масс способна породить только бунт, а не революцию (Разин, Пугачев, Спартак). Для того чтобы состоялась революция, *необходимо участие завидующей интеллигенции*: завидующий честолюбец должен соединиться с завидующей чернью, – тогда чернь находит в демагоге своего вождя, а демагог находит в черни свое стадо, и революционная симуляция государства может начаться. Именно так у нас и было. Конечно, революционные честолюбцы имели свою программу «новой справедливости» – нелепого и невозможного «равенства», и новую программу «революционного счастья», т. е. разнуздания и имущественного передела; но ждать от этой программы творческого об-

новления жизни могли только сентиментальные глупцы, не предвидевшие, кому и чему они готовят пути...

Честолюбивый демагог давно уже искал в России «свою чернь». И видя, что русский простолюдин, *далеко не будучи чернью*, таит в себе, однако, возможность «бессмысленного и беспощадного бунта»⁷⁵, демагоги в течение десятилетий готовили себе эту чернь, – то подложными царскими грамотами, то покушениями на жизнь Государя, то образцовыми бунтами, то аграрной агитацией, то всеобщими забастовками, то проповедью пораженчества, то клеветой на династию, то в печати, то в Государственной Думе... Невольно вспоминаются слова левого кадета Н. М. Кишкина⁷⁶, выкрикнутые им на процессе «Тактического Центра»⁷⁷ (в 1921 году): «Мы были тоже революционерами! И если теперь русская интеллигенция распростерта у наших ног, то это *наша* заслуга!...» Действительно, большевицкая революция завершила и увенчала все это движение, открыто выговорив наконец и осуществив давно задуманную формулу: «вы, завистники снизу, отдадите нам, завистникам сверху, всю власть, а мы дадим вам за это право на бесчестие и на грабеж вволю!»... А это «право на бесчестие» было уже предвидено и предсказано Достоевским...

Ныне во всем мире ведется уже 40 лет великая борьба. Во всех странах завидующие честолюбцы, пользуясь остротой международной политической и хозяйственной конкуренции и трудной разрешимостью социального вопроса, тяготеющего над современным человечеством, *пытаются разжечь и политически организовать массовую зависть для повсеместного переворота и захвата власти в свои руки*. Третий Интернационал и все заменяющие его организации суть прежде всего *штаб мировой зависти*: ее средоточие, ее размножение и укоренение, ее углубление, ее поход, ее изживание. Он борется во имя зависти; он борется завистью; его победа будет ее победа, победа той самой зависти, которая, однажды привела к отпадению сатану и подняла руку Каина на Авеля. Именно поэтому

дело большевиков и всех идущих за ними и всех помогающих им – будет увенчанием дела сатаны и Каина: делом мировой зависти, злобы, разрушения и убийства.

Давно уже пора понять всем свободолюбивым народам, что мировая революция есть дело не свободы и не справедливости, а зависти: ибо справедливость не ищется и не находится в судорогах злобы и ненависти, во взрывах разрушения и убийства. Завистники ищут не «справедливости для всех», а *новой несправедливости в свою пользу*. Так обстояло и обстоит у нас, в России. Так обстоит везде: и в Америке, и в Китае, и в Корее, и в Египте, и в Женеве.

* * *

Есть таинственные законы, владеющие человеческими страстями. Этим законам подчинены мы все: и отдельные люди, и целые народы. И чем менее мы сознаем свои страсти и законы, владеющие ими, тем цельнее эти страсти захватывают нас, тем беспомощнее мы оказываемся перед лицом этих законов. Неосознанная страсть властно одержит душу; а душа, одержимая страстью, имеет в ней свою собственную судьбу. Так обстоит со всеми страстями, но особенно со злыми. И именно на злых страстях человек легче всего научается понимать – и природу страстной одержимости, и ее закономерное развитие, и способы борьбы с нею, *борьбы за свое освобождение от злой судьбы*.

Один из таких основных законов состоит в том, что *всякая злая страсть с самого начала таит в себе свое возмездие*. Человек, одержимый ею и предающийся ей, находит свою мзду в самом процессе страстного изживания. Он сам, предаваясь своей злой страсти, создает то наказание, которое, рано или поздно, но неизбежно настигает его, и притом вырастая именно из самых состояний и деяний его злой страсти. Счастье его, если это воздаяние приходит не в виде смерти, а в виде прижизненных страданий: тогда ему дается возможность умуд-

ряться и освободиться этими страданиями, не только научить других своею судьбою, но научиться самому и еще при жизни освободить себя от злой судьбы. Но воздаяние может прийти и в виде смерти; и тогда человек погибает беспомощным пленником своей злой страсти, рабом своей злой судьбы, в лучшем случае обреченный на то, чтобы умудрить других своею неумудрившеюся слепотою.

Но возмездию – злая страсть обречена *всегда*. И притом возмездию, скрытому в ней самой (выражаясь философски – *имманентному ей*), вырастающему из нее самой даже и тогда, когда она по внешней видимости приходит от других людей...

И именно *страданиями* лучше всего наказуются люди и умудряются народы. Они не внемлют пророкам, не научаются прозрениями великих художников, заглушают в себе голос совести и здорового инстинкта. *Изживают* свои злые страсти, и в страданиях несут свои злые судьбы...

Этот закон имели в виду немецкий поэт Уланд, а за ним наш русский поэт В. А. Жуковский в балладе, неточно озаглавленной «Мщение»⁷⁸. Слуга убивает своего господина, рыцаря, опускает труп его в реку и пытается надеть его шпоры и латы и ускакать на его коне. Но конь сбрасывает его с моста в ту же реку, а тяжелый панцирь топит его в ее темных водах. Облекаясь в доспехи, он облекается в собственную гибель. Он добывает не *сан* рыцаря, а только его коня и его одеяние. Он захватывает *власть* и *бремя* паладина, но не получает ни его *духа*, ни его *дара*, ни его *силы*. Ибо рыцарь не тот, кто нарядился рыцарем; и сан не следует за одеянием. Но то, что изображают нам эти мудрые поэты, – есть не мщение, а кара. И кара эта не от человека...

* * *

Именно на такую гибель обречена та международная чернь, которая возглавила Россию после 1917 года. Я именуую чернью, конечно, не русский народ и не русское простонаро-

дье, а того вора, который стал «чиновником», того разбойника, который стал в России комиссаром, членом «политбюро» и палачом; – того революционера, который предал Россию ради революции и превратил нашу родину в международный очаг коммунистической чумы...

Десятилетиями изображали и воображали русские революционеры *дело власти* как якобы состоящее из *наслаждения* и *казни*. Властвующий – это тот, кто *все может, все имеет*, а негодных ему *казнит*; и «*пирует*», изнемогая от избытка власти и богатства. Жизнь властвующего – это «пиры да палаты», это «роскошные дворцы» и «суд палачей»; и для этого ему нужна «народная кровь»⁷⁹. Зависть слепа: она просмотрела за условным внешним обликом и за неизбежными отрицательными обязанностями государственной власти – *огромное бремя, величайшую ответственность, живую тайну, самоотверженное служение, традицию, искусство, прозорливость и постоянную опасность*. И когда слепые завистники совершили свою измену и надели «шпоры и латы» настоящей государственности, они присоединили к «наслаждениям» и «казням» лишь дело всемирного духовного растреления, восхваление и пропаганду своего злодеяния.

А между тем государственная жизнь имеет свой особый внутренний ритм, свою связность, свои законы, свои потребности, свои *необходимости* и свои *невозможности*, о которых уже временное правительство *не имело никакого представления*... Дело власти состоит в постижении всего этого, в предвосхищении этих потребностей, в приспособлении к этим законам, в целесообразном овладении этим ритмом, в воспитании этого национального духа. Эти законы имеют очень сложную природу: психологическую и духовную, естественную и хозяйственную, правовую и международно-политическую. Управлять *без них, мимо них, против них*, так, как это принялось с места в карьер временное правительство, – можно только на свою и на общую погибель.

Но так как великий народ не погибает, а только переживает периоды смуты, упадка и умаления, то *на погибель обречена неизбежно та власть*, которая вовлекает его в такое поправление духа и естества...

Еще в конце 1917 года, как только большевики захватили в России власть, мы не раз говорили между собою о том, что «коммунисты посадили сами себя на кол государственности», ибо в жизни народной есть законы и необходимости, которые нельзя попирать безнаказанно; что в самом посягании их заложено их возмездие; и что нам не видны лишь сроки и размеры предстоящих страданий. Ныне, озирая пройденный с тех пор путь, мы видим, что для одного поколения и сроки могут казаться непомерными, и страдания непосильными, но что в жизни целого народа и притом великого народа эти сроки являются лишь периодом, суровым и очистительным испытанием. За эти годы народ, вовлеченный в революционное безумие, изжил – и в индивидуальных душах, и в порядке общественного расслоения, – накопившиеся в нем запасы зависти и посягательства, изжил их в небывалых лишениях и страданиях, отрезвился и противопоставил себя их революционным носителям и возбудителям; он осознал их как начало зла и гибели... И захотел другого. И не он обречен ныне на кару и гибель, а те, кто соблазнили его, те, кто сами, будучи по природе чернью, пытались превратить в чернь и его...

А народ – не чернь; тем более русский народ. И удел его – не зависть, а творческое соревнование...

* * *

Зависть обречена. Таков закон духа. Она губит завистников, а потом гибнет сама. И в этом ее судьба.

Сначала завистник губит. Он губит и того, кому он завидует, – в порыве зложелательства и ненависти. Он губит и то, в чем он завидует, – жадным и торопливым захватом, неумени-

ем пользоваться захваченным и беречь его, в страхе лишиться похищенного...

А потом завистник гибнет сам. Он гибнет потому, что своим злобным посягательством, своим жадным и ненавистным порывом он развязывает «эриний» в своей душе и «фурий» в чужих душах⁸⁰. В нем самом просыпается смутное сознание своей преступности и самочувствие обреченного злодея, – это обессиливает его инстинкт самосохранения; а в других душах его образ действий пробуждает соблазн, зависть и жадность, но уже в обращении на него самого. *Всякий завистник найдет и для себя злейшего завистника. Всякий захватчик найдет своего похитителя.* Ограбивший – всю жизнь ждет к себе грабителя и убийцу и сам дрожит от страха; потому и пытается внушить страх другим. И все это психологически понятно: ибо своим грабежом он сам показал, научил и всех пригласил грабить друг друга и *его самого...*

Зависть есть одна из главных разрушительных сил в человеческой истории. Она приходит в виде «душевного заболевания». И вначале каждый из нас может подметить ее в себе и преодолеть. Он должен раз навсегда примириться с тем, что есть люди, которые «лучше меня», и у которых «больше, чем у меня». Надо благословить их за то, что они «лучше меня», и простить им то, что у них «больше, чем у меня», и потом сосредоточиться не на чужом, а на *своем*. Надо самому духовно стать всем, чем можешь, и приобрести все, что тебе надо и что тебе по силам. Надо самому расти, а не умалять других; творить, а не разрушать, и, главное, *надо всегда и во всех положениях жизни духовно справляться со своим низшим рангом.*

Но бывают, конечно, периоды, когда зависть приходит в виде *массового психоза*; и тогда бывает очень трудно бороться с нею и последствия ее могут быть чудовищны. Всякое государство заинтересовано в том, чтобы эта страсть не подчиняла себе народные массы; чтобы она или совсем не

зарождалась у подчиненных и у бедных, или же, зарождаясь, находила себе верные пути к преодолению и творческому изживанию. Беда, если эта страсть начнет накапливаться в душах из поколения в поколение; если ни религия не сможет растопить и облагородить ее, ни воспитание не сумеет положить ей волевой предел; если общественный строй закрепит положение низших слоев так, что рост, творчество, приобретение и возвышение будут или совсем недоступны для них или крайне затруднены!.. Тогда, как показывает история человечества, в общественных низах начнет накапливаться такая атмосфера злобы и посягательства, которая всегда легко найдет себе демагогов и разразится в восстание черни...

Ибо зависть превращает людей в чернь.

Перед лицом накапливающейся массовой зависти всякая государственная власть имеет только два исхода: или *погасить в жизни начало неравенства*, или же *создать и открыть пути к преодолению зависти*. Революция в России стремилась к первому. Преобразования Царя-Освободителя и их естественное продолжение, реформа Столыпина, – стремились ко второму... По внешней видимости победила революция; но эта победа дала ей только возможность *развернуть ложность и порочность своего пути*. Она попыталась осуществить программу зависти: искоренить неравенство и погубить «привилегированных» (т. е. более состоятельных, более образованных, «людей ранга»). Но эта попытка показала только, что *неравенство неизбежно*, и социально-целесообразно; что оно имеет великое жизненное значение и творческое назначение; что надо не искоренять его, а придавать ему жизненно-творческий смысл, подвижность, справедливость и предметное основание.

Государство есть не куча дробы, а живая система различий и неравенств. Эти различия необходимы друг другу: они питают и поддерживают друг друга; и тем самым строят целое. Нельзя «быть всем» и «уметь все»: это – химера, это мечта сумасшедшего⁸¹. Никто к этому не способен и никогда

не будет способен. Необходимо быть чем-нибудь «одним»; и добровольно отказать себе в остальном; и примириться с этим, т. е. с тем, что остального ты не будешь иметь, и не будешь уметь, и всем другим не станешь. Надо иметь что-нибудь одно, определенное; но этим одним владеть прочно, мастерски, творчески. В этом состоит разделение общественного труда, без которого все будут бессильны и ни к чему не способны. Лозунг большевизма «перематывайся на все катушки и умей все» – идиотичен: каждый становится *претендующим на все нулем*, никто ничего не знает и не умеет, и все вместе образуют чванливое, хвастливое ничтожество, противоестественное, болтливое и злобное, где все равны в своей несостоятельности.

Люди *не равны друг другу* и сделать их «равными» – невозможно. Государство есть *живая система взаимопитающихся неодинаковостей* и всякая попытка «отменить» это – будет нелепа и губительна... В угоду массовой зависти можно прокричать о том, будто «все равны» и будто наступила эпоха «всеобщего равенства»; но этот крик будет лишь обманом, ибо неравенство останется. Самая радикальная попытка уравнивать людей приведет только к возникновению нового неравенства, – в склонностях, в потребностях, в талантах, в имуществе, в полномочиях, в продуктивности труда и во всем остальном. И если кто-нибудь попытается принять все-речь и осуществить требование всеобщего уравнивания, – то последствия его усилий могут считаться заранее предопределенными. Можно потакать зависти и завистникам, что обычно и делают демагоги и карьеристы, то искусно, то неискучно проводя классовую «точку зрения» и разжигая всяческую ненависть в государстве, но дело это будет при всех условиях противогосударственным.

Поэтому для истинной государственной власти остается только *второй* путь: *искать, находить и открывать пути для преодоления зависти*. И в этом состоит одна из ее общих

и основных задач. Ибо сила государства – в способности его граждан к единению; а там, где царит психоз зависти, там единение невозможно. Зависть начинается с недоброжелательства и глухой вражды; а кончает резней, – разбоем, революцией и гражданской войной. Она питает и разжигает центробежные силы в государстве. И потому правительство, которое не умеет или не хочет бороться с психозом зависти в своей стране, готовит гибель и себе, и своему государству.

Эта борьба с психозом зависти должна двигаться одновременно по трем направлениям: *хозяйственному*, *политическому* и *духовно-воспитательному*. Согласно общему правилу, зависть преодолевается от того, что человек сосредоточивается не на «чужом», а на *своем*; и притом не с тем, чтобы предаваться созерцанию своей скудости, неспособности, ничтожности (от этого развивается только худший и злейший вид зависти – обиженное «подполье», столь разительно вскрытое Достоевским...), но с тем, чтобы творить *свое*, растить себя, приобретать себе, совершенствоваться и совершенствоваться...

И вот, мудрая политика есть та, которая направляет все государственное дело прежде всего в эту сторону, и притом – имея в виду *всех* граждан, но особенно низшие общественные слои. Людям этих слоев должны быть открыты пути вверх: к хозяйственному расцвету, к сильным для них должностям, особенно же к образованию ума и воли. Перед ними не должно быть «глухой стены»: над ними не должны простирается давящие «своды»; они не должны чувствовать себя задыхающимися, как бы в закупоренной бутылке. Это гнетущее, безнадежное чувство, угашающее волю к здоровому жизненному труду, – что «некуда податься», что «все равно ничего не выйдет», – не должно жить в душах! Все лучшее, способнейшее, активное, инициативное – должно иметь возможность преуспевания и возвышения. И этому должны соответствовать гражданские права, имущественные условия, доступность образования и моральный уровень страны. Живые силы «низов»

суть драгоценные силы самого государства; обессиливающий их обессиливает свою родину. И строй, который не понимает эту аксиому и не считается с ней, который обрекает эти лучшие силы низов в жертву зависти, – есть строй обреченный.

Здесь полагается в основу задача выделения лучших и способнейших кверху: отбор даровитого и сильного в процессе государственного строительства и культурного творчества; всемерное облегчение и качественное укрепление этого отбора. Иными словами, – здесь выдвигается идея живого, справедливого, подвижного, творчески обновляющегося *неравенства*...

Хозяйственно – каждый должен иметь доступ к свободной собственности, к творческому труду над ней, к обогащению (конечно, законному!) и накоплению; так, чтобы он чувствовал себя свободно и беспрепятственно растящим и растущим; чтобы он берег и передавал созданное, уверенный в обеспеченном преемстве своего достояния; чтобы он имел полную возможность строить свое благополучие, «напирая» на природу (интенсивное хозяйство!), а не на соседа (эксплуатация, разбой, поджог и погром!)...

Имел ли это русский простолюдин за последние сто лет?

Политически каждый должен иметь принципиально доступ к посильной для него должности, к инициативному и волевому служению, к работе над организацией труда и порядка; так, чтобы он чувствовал себя не только подчиняющимся, но и уполномоченным, не только «отвечающим за все, что бы ни случилось», но и ответственным в пределах своих полномочий и обязанностей; чтобы здоровое властолюбие граждан находило себе верный и государственный исход; и чтобы продвижение служащего вверх ограничивалось пределами его личных способностей, не опираясь ни на коррупцию, ни на nepoтизм.

Имел ли это русский простолюдин за последние сто лет?

Духовно каждый должен иметь доступ к посильной для него ступени образования: к минимуму грамотности, к профессиональной специализации; способный к больше-

му – к большему, даровитый – ко всему. Умственная темнота не должна быть роком, закрепляющим социальную приниженность. Физический труд не должен обрекать человека безнадежной темноте. Наследственная некультурность не должна делать человека невежественным завистником и подпольным нигилистом...

Имел ли это русский простолудин за последние сто лет?

Я говорю – сто лет: ибо революция готовилась в течение века и пожала плоды вековых упущений...

Мне скажут, что требования, заключенные в этих вопросах, – «утопичны». Отвечаю: все эти вековые упущения были бы исправлены реформами П. А. Столыпина в течение четверти века. И все это было уже в ходу. Орлиным взором прозрел он недуг России: хозяйственную, правовую и умственную скованность русских народных низов и беспочвенный радикализм русской интеллигенции. После реформ Александра Второго – он первый выступил на борьбу с теми условиями русской жизни, которые были всегда чреваты народным бунтом потому, что питали в массах *психоз зависти*. Верните Россию к 1911 году⁸²; верните к жизни Столыпина; и избавьте Россию от мировой войны 1914 года. И вместо дикой вспышки зависти («революция») страна осуществила бы всю указанную мною «утопию»... Зависть была бы преодолена, и наша родина цвела бы еще невиданным расцветом...

Научимся ли мы от исторических уроков? Поймем ли обреченность зависти? От этого зависит будущее России.

7. О ненависти⁸³

Когда мы помышляем о грядущей России, то мы должны, прежде всего, поставить перед собой основной вопрос: *на чем мы будем строить грядущую Россию – на личности или на обезличении человека.* Этим определяется и предреша-

ется многое, основное, может быть – *все*. И казалось бы, что история России и особенно история ее последних тридцати лет должна была бы предрешить наш ответ.

История России переломилась на наших глазах революционной трагедией. Эта трагедия возникла из *несоответствия* между усиленной *индивидуализацией инстинкта* и отставшей *индивидуализацией духа* в русской народной массе. *Большевизм* с самого начала сделал ставку на *первую* и через это *захватил* власть; а в дальнейшем *коммунизм* подавил и *первую*, и *вторую*, и на этом *утвердил* свою власть. Историческое же движение России ведет к *признанию инстинктивной индивидуализации*, но *под условием насыщения и освящения ее – индивидуализацией духовной*; и на этом должна быть утверждена *русская национальная власть и грядущая Россия*.

Эта мысль требует, конечно, разъяснения и подтверждения.

Говоря об «индивидуализации инстинкта», я имею в виду следующее. От Бога и от природы человеку дано жить на земле в виде душевно замкнутой («чужая душа потемки») и телесно самостоятельной особи. Такая особь всегда и всюду, во все времена и у всех народов была и будет *живым самостоятельным организмом*, инстинктивно строящим себя и свою жизнь. Этот инстинкт таинственно и бессознательно зиждет человека: его здоровье, его питание, его обмен веществ, его тепловое и двигательное равновесие, его трудовую силу, его размножение и все его жизненные отправления и умения.

Несомненно, что в этом инстинкте есть и *родовой примитив, безличный или до-личный*, растворяясь в котором человек как бы утрачивает свои личные, отличительные хотения и особенности и становится существом *стадно мыслящим, стадно-страстным* и *стадно-действующим*. Этот *родовой слой инстинкта*, вероятно, владел нашими доисторическими предками – *всецело*: человек был элементарным по уровню своей жизни, скудным в своих жизненных содержаниях, пер-

вобытно-страстным в своих чувствах, наивным в мышлении и непосредственно-бессознательным по способу внутреннего бытия; и вследствие этого люди душевно *мало отличались* друг от друга и находили свою настоящую силу именно в *стадной совместности*.

По сравнению с этим первобытным укладом души – индивидуализированный человек есть существо высшей ступени: он имеет более сложную душу, более богатые жизненные содержания, он не растворяется в своих страстях, он менее наивен и менее бессознателен по способу своей жизни; он утверждает свою самостоятельность, сознает себя отдельным от других и не похожим на них; он сам несет свое жизненное одиночество и находит свою настоящую силу именно в развитии и утверждении своей особливости. Он уже не стадное существо, а *индивидуальное*. Его инстинкт требует *самостоятельности* в жизни и в творчестве. Родовой примитив инстинкта не отмирает в нем, но лишь отходит на задний план; мало того, периодический возврат к родовому примитиву бывает и нужен, и полезен, и спасителен (напр., во время народных бедствий, национальных войн, государственного распада и т. д.). И тем не менее – индивидуализированный человек *выходит* из потока первобытности. Образно говоря: он как бы уже не земляная масса, а особый камень; не древесина, а отдельное дерево; не лава, а самостоятельно горящий огонь. И то, в чем он нуждается, есть, во-первых, – *жизненное* (бытовое, хозяйственное и правовое) *осуществление этой самостоятельности вовне*, а во-вторых, – *духовное насыщение и освящение ее изнутри*.

Исторически дело обычно обстоит так, что оба эти процесса (внешнего осуществления и внутреннего освящения) идут параллельно, содействуя друг другу и воспитывая отдельных людей и целые народы. Но это бывает не всегда. Возможно, что *инстинктивная индивидуализация опередит духовную*; и тогда наступают опасности и трудности в построении

и устройении жизни. Но возможно и то, что *духовная индивидуализация опередит инстинктивную*; и тогда наступают иные трудности и опасности в приятии и утверждении жизни.

Индивидуализация инстинкта есть явление неизбежное, соответствующее законам человеческой природы, и творчески драгоценное: нельзя и не подобает человеку пребывать в родовом всесмешении и недифференцированности, он должен *найти себя* в своем инстинкте, утвердить себя и начать самостоятельно творить свою жизнь. Этим он создает в душе своей как бы *почву* для своего духа, или как бы *жилище* для своей личности, или как бы *корабль* для своего жизненного мореплавания. Индивидуализированный инстинкт хочет «быть о себе»: иметь свои мнения и вкусы, самостоятельно искать в жизни точку для приложения своей силы, самостоятельно любить, строиться и работать, самостоятельно владеть вещами, приобретать и богатеть, утверждать свои права и отстаивать их. И все это естественно и необходимо.

Но если индивидуализированный инстинкт остается *без духовного руководства*, то все эти желания, способности и права оказываются *соблазнами и опасностями*: «своя» мнения оказываются вздорными, а вкусы – дурными; «своя» сила изживается в драке и нападении; самостоятельная «любовь» становится развратом; строительство и работа сводятся к минимуму; приобретение заменяется разбоем; право заменяется произволом. Люди оказываются нестыдящимися себялюбцами и жадными грабителями.

* * *

Индивидуализированный инстинкт *нуждается в духовном руководстве*. Это духовное руководство может исходить из недр *примитивной, недифференцированной* духовности (напр., из первобытной наивной религиозности массы; из наследственно и традиционно поддерживаемого правового обычая; из бессознательной преданности и верности королю

или хозяину и т. д.). Но оно может исходить и от *индивидуализированного духа* (например, от лично прочувствованной веры в Бога; от личного чувства совести, чести и долга; от личного воспитанного и утвержденного правосознания; от республиканской или монархической убежденности; от любви к своей родине и своему народу и т. д.).

Примитивная духовность есть великая и заслуженная историческая сила, и заслуги ее в истории человеческой культуры чрезвычайны. Но, как показывает история, она не всегда бывает способна дать человеку определяющее руководство: индивидуализировавшийся инстинкт, именно в силу своей индивидуализации, – постепенно отрывается от *примитивной, родовой* духовности, и если не находит себе обуздания, воспитания и руководства в *личной духовности*, то впадает во все соблазны, не справляется со своими опасностями и предается разнузданию. Инстинктивная индивидуализация требует – духовной: не просто – «какой-нибудь обуздывающей и принуждающей силы»; и не только «иррационального духовного авторитета», – а именно *личной духовности*, т. е. *самостоятельно держащейся в человеке веры, совести, чести, верности, любви, патриотизма и национального чувства*.

Духу подобает личная форма. Личной духовности подобает самостояние. Человек должен быть центром самообладания и самоуправления – духовным характером, нравственной личностью, субъектом права. Тогда личный дух может править личным инстинктом, а личный инстинкт – строить жизнь организма; а родовая духовность и родовой инстинкт остаются *тайным резервуаром сил*, – как бы «матерью сырой землей», припадание к которой дарует человеку *древний опыт и новую силу*.

Этот процесс *духовной индивидуализации* отнюдь не следует представлять себе, как торжество «сознания», «рассудка», «рационализма» или материалистически и механически окрашенного «просвещения». «Дух» и «мысль» не одно и то

же: так, напр., вера есть начало духовное, но совсем не рассудочное; точно так же совесть и художественный вкус духовны, но не умственны. Согласно этому индивидуализация совсем не ведет к отказу от веры, любви, созерцания и всех бессознательных даров человека; а личное начало совсем не увенчивается рассудочностью, безверием, материализмом и нигилизмом.

Индивидуализируясь, дух не оскудевает, а расцветает. Все великие писатели, художники, музыканты, ученые, политики, полководцы, герои имели индивидуализированный дух, – но плоских рассудочников, умствующих кропотелей, поверхностных рационалистов среди них не найти. Самостояние не то же самое, что висение в отвлеченной пустоте. Стать личным духом значит *самому узреть Бога* и исповедать его, но не значит погасить в себе духовное видение и стать беспочвенным нигилистом. Человек совсем не стоит перед такой дилеммой: или преданность примитивной, родовой духовности – или самостоятельный нигилизм. Есть третий исход, верный, главный, спасительный; *личная духовность, не порывающая с древним, родовым, духовным опытом*, но придающая ему *индивидуальную творчески свободную форму*.

Итак, личный инстинкт нуждается в личной духовности; и индивидуализация инстинкта должна идти рука об руку с индивидуализацией духа.

Если индивидуализация духа опережает индивидуализацию инстинкта, то человек *склоняется к отвержению инстинкта вообще*: он видит в нем начало тьмы, страсти, греха и зла; он воспринимает его как начало родового хаоса, всесмешения и окаянного неистовства. Тогда у человека возникает потребность отвергнуть не только всю жизнь инстинкта, но и вообще *всю земную форму жизни*, весь «мир», который, кажется ему, или создан не Богом, или же хотя он и создан Богом, но все-таки «лежит во зле»⁸⁴: человеку остается только заживо уйти от мира и ждать смерти. Отсюда

учения буддизма, платонизма, крайней аскетики и скопчества. Отсюда, напр., требование известного христианского богослова Афинагора (второй век по Р. Х.): «презирай мир и помышляй о смерти»⁸⁵.

Если же индивидуализация инстинкта опережает индивидуализацию духа, то перед человеком встает опасность *отвергнуть дух вообще*. Пока индивидуализированный инстинкт сдерживается первобытной родовой духовностью, эта опасность не становится определяющей и роковой. Человек не предаётся разнузданию потому, что его держит некий *гипноз примитивной духовности*, – как бы лежащее на нем массовое заклятие веры, верности и лояльности; удерживающая его бессознательная узда запретности; некоторое духовно-верное и обоснованное «не-дерзание», которое, однако, остается *лично в его душе* не утвержденным в порядке свободного, авто-номного, т. е. само-законного, вменения самому себе, и постольку – лишенным почвы. И наряду с этим недерзанием его инстинкт удерживается еще, может быть, смутно бессознательным, но опять-таки лично не укрепленным, не превращенным в *твердыню характера*, настроением *доброты, совестливости, порядочности, чести и национальной гордости*.

Но стоит этому заклятию и настроению поколебаться под воздействием *соблазнов и страданий*, стоит первобытной духовности замутиться и обессилеть – и выступает обнаженная сила индивидуального инстинкта, не сдерживаемого никакой лично-духовной силой, не поддающегося ни личному чувству чести, ни удержам долга и дисциплины, ни устою личного духовного характера. *Человек человеку становится волком*. Начинается война всех против всех⁸⁶ – «кулачное право», поножовщина, гражданская резня, революция, большевизм.

Отвергая инстинкт, его индивидуальную форму, и мир, как соблазн, – нельзя создать на земле *христианскую культуру*, ибо она *невозможна вопреки законам природы*.

Но не имея личной духовности и утрачивая родовую духовность, тоже нельзя создать на земле *христианскую культуру*, ибо она *невозможна вопреки законам духа*.

Христианская культура возможна только в скрещении, сочетании, взаимопроникновении *законов природы и законов духа*. В силу законов природы человек индивидуален и самостоятелен – он есть *творческий организм*. В силу законов духа человек духовен и социален – он есть *творческая личность*. И вот человек, как природный организм, должен стать *духовною личностью*; а духовная личность должна принять законы природного организма (начиная от личной семьи и кончая частной собственностью).

Этим и определяются пути грядущей России.

* * *

Трагедия русской революции стала возможною вследствие того, что *индивидуализация инстинкта в России опередила индивидуализацию духа*, а исторические события и испытания *требовали иного*. Мировая война 1914–1918 гг. потребовала от русского народа чрезвычайных напряжений и жертв, а главное, несоблазненности и несоблазняемости частным прибытком: нужна была воля к победе, а не к имущественному переделу; необходимо было государственное чувство и великодержавное понимание, а не классовая зависть и ненависть, не мстительное памятозлобие, подземно тлевшее еще от эпохи крепостного права. События снова поставили русский народ на распутьи, как уже не раз бывало в его истории. И было опять два пути, две возможности; или, по слову летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно»⁸⁷. Русский народ не выдержал искушения, не справился с соблазном и пошел по второму пути, подсказанному большевиками. *Индивидуализированный инстинкт восстал против духа*, не вял его призывам, отверг его заветы и предпочел (как говорили

тогда) «похабный мир»⁸⁸ и всенародный имущественный передел.

Все дальнейшее было этим предопределено. Массы доверились тем, кто их повел по второму пути. А те, которые зазвали их на этот путь, никогда и не помышляли о России с творческим патриотизмом и никогда не ценили личного начала (ни в инстинкте, ни в духе). Готовился великий обман: массы помышляли о частном прибытке, о частной собственности, об избавлении от непонятного им исторически-государственного «пресса» и о смутно воображаемой «народной власти»; а коммунисты готовили и дали массам – отмену частной собственности, хозяйственное разорение, исторически невиданный и неслыханный (тоталитарно-террористический) зажим государственного пресса и новую антинациональную и противонародную, привилегированную «элиту» («компартия»).

В результате этого русский человек, начавший революцию в качестве *инстинктивно-индивидуализированного бунтовщика**, заканчивает ее в качестве *инстинктивно- и духовно-коллективизированного раба*. Большевизм был только соблазном; настоящим замыслом был коммунизм. Надо было взбунтовать русского гражданина, чтобы превратить его в крепостного пролетария. Надо было сделать ставку на разнуздание индивидуального инстинкта, – чтобы захватить власть; чтобы в дальнейшем *раздавить всякую индивидуализацию*, – как инстинктивную, так и духовную; чтобы *подорвать и искоренить* (по возможности) *всякую духовность*, – как личную, так и примитивно-коллективную; чтобы *коллективизировать инстинкт, оторвать его от духа и закрепить эту коллективизацию ничтою, голодом и страхом*. Коммунистическая

---

* В самый разгар гражданской войны сибирские крестьяне так и выговаривали: «Мы большевики, но не коммунисты»... Таково же было и движение Махно (примечание И. А. Ильина).

партия может быть уподоблена свирепому «ордену» (в смысле орденой организации), но только *рабовладельческому ордену, без Бога, чести и совести*; а режим, созданный ею, подобен огромной рабовладельческой колонии, построенной на искоренении лично-инициативного (инстинкт!) и лично-творческого (дух!) начала и на попытке превратить человека из *одухотворенного организма в духовно-опустошенный, но покорный механизм*.

Такова трагедия русской революции. Чем же объяснить ее? Как она стала исторически возможной?

Русскому народу всегда была присуща *тяга к индивидуализации*, склонность человека «быть о себе», стоять на своих ногах, самому строить свою жизнь, иметь свое мнение и расширять предел своей личной власти над вещами.

Еще византийские источники, описывая славян, отмечают не только их храбрость и выносливость, их семейственность и целомудрие, их ласковость и гостеприимство, но и в особенности их свободолюбие, их отвращение ко всякому игу, их склонность расходиться друг с другом во мнениях и обнаруживать взаимную страстную неуступчивость (Маврикий, Прокопий⁸⁹. VI век по Р.Х.). В этой характеристике верно подмечено *центробежное тяготение славянского характера*. Это тяготение не исчезает и в дальнейшей истории России и служит в ней немалую положительную службу. Способность славянина к самостоятельной, лично ответственной инициативе обнаруживается и в истории сербской борьбы против турок за независимость («четничество»⁹⁰). В своей дезорганизующей форме оно выступает в польском «либерум вето», т. е. в праве каждого члена сейма сорвать своим единоличным несогласием всякий по большинству голосов принимаемый закон (1652–1764)⁹¹.

Наряду со славянским элементом надо отметить далее значение *равнинного пространства* в истории русской индивидуализации. Открытое и обильное пространство об-

легчает людям обособление и расселение: нет необходимости «уживаться друг с другом» во что бы то ни стало, ибо организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны. Теснота жизни и *густота населения* приучают людей к организующей сплоченности; и обратно.

К этим факторам *славянства, равнинного пространства и редкой населенности* надо прибавить еще влияние *азиатского кочевничества*. Кочевничество имеет способность расплывать людей: с оседлого участка нелегко уйти, а имущество скотовода и открытая степь сами зовут к уходу и обособлению. Если же азиатский кочевник становился воинственным, то от его неистового грабительского напора страдали все окрестные страны (Чингисхан). Таким образом, Азия дала русскому народу мучительный и заразительный урок противоположности, ограбления и порабощения: она вдохнула ему в душу склонность разнуздывать инстинкт и богатеть *не от творческого труда, а от нещадного нажима на соседа, — от смуты и погрома*.

Под влиянием этих и других факторов сложилась русская индивидуализированность во всем ее отрицательном и положительном значении. Следы и проявления ее идут через всю русскую историю.

Так, в эпоху уделов каждый княжич получал *особый «удел»*, что вело к бесчисленным несогласиям и усобицам, и обессилило Россию перед лицом вторгающихся монголов. Свободного соглашения интересов русские люди искали на *вечевых собраниях*, и если не находили его, то решали дело побищем. Тяга к самостоятельности и обособлению вызвала к жизни и новгородское *«ушкуйничество»*⁹², которое повело к колонизации Новгородом севера России. На том же пути возникло и наше *казачество*: это были беглые свобододолюбцы, люди вольной инициативы, предприимчивые индивидуалисты, предпочитавшие анархически-грабительскую авантюру — покорному, тягловому соседству. Русская колонизация шла

целыми столетиями не в порядке правительственных мероприятий, а в процессе вольного разбегания народа, искавшего «где лучше» и бежавшего от государственного зажима; потому русские казахи «войска» и разместились по окраинам России.

* * *

Вся история России есть борьба между центростремительным, созидающим тяготением и центробежным, разлагающим, – между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом. Центробежная тяга в известном смысле тоже служила государству, заселяя окраины, отстаивая их от вторжений и постепенно поддаваясь государственно-воспитывающему влиянию Москвы. Напряжения и успехи государственного духа, которым строилась историческая Россия, постепенно укрощали и замиряли порывы анархического инстинкта; и тогда буйный авантюризм или вытеснялся в душах, или уходил на окраины государства, но и в том и другом случае он *не угасал, а тлел подпочвенно* наподобие горящего торфяного болота. И когда давление центра возрастало (Иоанн Грозный, закрепление сословий при Алексее Михайловиче, государственное напряжение при Петре, усиление крепостного права при Екатерине, напряжение великой войны 1914–1917 гг.), то подземное тление вспыхивало пожаром и грозило распадом России (Смута 1607–1613, бунт Разина 1667–1668, бунты стрельцов 1682, 1689, 1697; бунт Пугачева 1773–1774, большевицкая революция). Русское правительство как бы укрепляло и приводило в движение национально-государственный *мускул*; но *перенапряжение* этого мускула отзывалось восстаниями центробежного инстинкта.

Однако было бы нелепо думать, что историческая Россия строилась больше всего принуждением, страхом и казнью. Государство вообще держится *инстинктом национального самосохранения* и *правосознанием* граждан, их *полуосознан-*

ной лояльностью, их чувством долга, их патриотизмом. А в исторической России (XIII–XIX век) административный аппарат был технически слаб и беспомощен и совершенно не мог проработать силою принуждения огромную пространственную толику нашей страны. Историческая Россия строилась верою и национальным инстинктом, государственным чувством и правосознанием, а также тяжкими уроками завоевания и порабощения со стороны иноплеменников (татары, шведы, немцы, поляки, турки). Нажим врагов на незащищенную естественными рубежами Россию – заставлял русский народ осознать свою самобытность, укрепиться духом, центростремительно сплотиться, чтобы затем центробежно раздвинуться и отстоять свои новые рубежи.

Этот процесс постепенно превратил Россию в великую державу и потребовал от русского гражданина великодержавного разума и волеия. Индивидуализированный инстинкт должен был увенчаться индивидуализированной духовностью, т. е. лично окрепшею верою, личным характером, личным правосознанием, личным разумением государственных необходимостей и задач России. В критический час истории этого не оказалось и наступила трагедия – разложение фронта и большевицкая революция со всеми ее последствиями.

Это не значит, что личная духовность совсем отсутствовала в России. Но в массах она была не укреплена, не воспитана и не организована, а в смысле государственного разума и навыка совершенно слаба.

Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека) всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине и гетерономии) всегда культивировало тайну личного восприятия Бога, личного созерцания святости и личного, автономного совестного делания. Россия не знала

инквизиционной системы и системы истребления еретиков: православно верующий был по самой идее своей призван к религиозному самостоянию и личному строительству своей веры – и если это осуществлялось недостаточно (и со стороны верующих, и со стороны Церкви), то идея Православия и задание его от этого не менялись.

Далее, личная духовность в России строила *семью*, воспитывала *детей* и вынашивала тот глубокий и чуткий *совестный акт*, который так характерен для русского человека. Она вынашивала и выносила русское *искусство*, начиная от православной иконописи и кончая русской музыкой наших дней. Она создала русскую *науку*.

Она нашла себе особое выражение в *русской армии*, где военная организация и личная доблесть солдата шли рука об руку; где Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности; где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам.

Личная духовность в России проявлялась и в местном, словесном и церковном *самоуправлении*, история которого начинается с XII века, в создании артелей и кооперации, в культурном (музыкальном, театральном и школьном) организаторстве, в хозяйственном творчестве русского крестьянина, купечества и дворянства.

Но, может быть, она нигде не выразилась так самобытно и совершенно, как в русском национальном *хоровом пении*. В отличие от ряда других народов, заменяющих хоровое пение рубленным речитативом или совместным ревом в унисон, русский национальный хор, никем не обученный, как бы «от природы», без подготовки, исполняет песню во много голосов, по слуху, верно, причем каждый голос гармонически ведет свою мелодическую линию, свободно варьируя подголоски и двигаясь в самобытных тональностях, доселе не определенных музыкальными теоретиками. Русский по-

ющий хор есть истинное *чудо природы и культуры*, в котором *индивидуализированный инстинкт* свободно находит себе индивидуальную и верную *духовную форму*, и свободно слагается в *социальную симфонию*. Этим и предначертываются пути грядущей России.

Все это можно выразить так:

индивидуализация *инстинкта дана* русскому человеку, а индивидуализация *духа* является его исторической *задачей*; русский человек имеет душу внутренне свободную, даровитую, темпераментную, легкую и певучую, а *духовная дисциплина* и *духовный характер* должны быть еще выработаны в русской народной массе.

Русская душа не может пребывать в рабстве – ни у своих собственных страстей, ни у коммунистов. Она не должна довольствоваться индивидуализацией своего инстинкта; она призвана найти для него духовно верную, личную форму. Русскому человеку предстоит сделаться из «особи» – *личностью*, из соблазняемого «шатуна» – *характером*, из «тяглеца» и «бунтовщика» – *свободным и лояльным гражданином*. Тогда Россия окончательно превратится из песчаного вихря – в *художественное здание* несокрушимой прочности. Она станет *поющим хором*, и хаос не будет ей страшен.

Этим определяется и настоящее, и грядущее нашей страны.

Коммунистическая революция есть в действительности глубокая историческая реакция: попытка вернуться к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному состоянию души и общества. И в то же время это есть некоторый радикальный и поучительный опыт, доказывающий разрушительность и жизненную нелепость этого замысла. Нельзя «взять назад» индивидуализацию инстинкта и «отменить» всякую духовность в жизни народа, как попытались сделать коммунисты. Личное начало должно быть утверждено и признано. И Россия возвратит себе все «взятое назад» и «отмененное». Этим и определится ее будущее.

Только этим путем, т. е. воспитанием русского человека к духовности и свободе, воспитанием в нем личности, самостоятельного характера и достоинства, можно преодолеть и все тягостное наследие тоталитарного строя, и все опасности «национал-большевизма». Изображать же этот путь духовности, личной свободы и творческой самостоятельности, как призыв к национал-большевизму, можно, только утратив и смысл, и совесть.

8. О самомнении (и аутизме)⁹³

Оно имело место во все времена, но прежде никогда не встречалось в подобном масштабе. Эпоха все опошляющей популяризации, эпоха полунауки и полуобразованности вывела к жизни этот тип человека. Он воображает, что умен и рассудителен, что все понимает, что знает «это» и еще кое-что, что он может «то» и еще многое. Наконец, он «все» может. И уже из одного этого он орет, третирует всех, загоняет в угол, клеймит позором. Он выступает самоуверенно и напыщенно и повергает в изумление весь мир; его могло бы, пожалуй, устроить разве что всемирное землетрясение. Меньшим он едва ли будет удовлетворен.

Чего он только не «знает»! Для него не существует трудностей и тайн: все плоско и примитивно. С Богом – давно покончено. Отечество – предрассудок. Национализм – предубеждение. Частная собственность – хищение и злоупотребление. Человек – похотливая тварь. Наука – классовый обман. Свобода – лишь во всеобщей пролетаризации. И вообще – мир должен склониться и не пищать.

Понятно: не могут все быть равно образованными и равно скромными. Многие знают немного. Ладно. Но вот один знает мало и не подозревает об этом; он наивен. Другой знает столь же мало, как и первый, однако воображает, что знает много

и точно; значит, он предается высокомерию. Наивный еще даже и не размышлял о самом себе; его собственная умственная способность и власть, их пределы, еще не стали для него проблемой. Высокомерный, напротив, поднял на щит самого себя. Он безмерно переоценил свои возможности. Он неверно очертил свои пределы. Мания величия точит его нутро, как червь.

Каждому из нас нужно здоровое доверие к себе («то, что я могу, я точно могу»); никому не впрок дурная заносчивость («я больше того, что я есть»). Заносчивость возникает из иллюзии; но ведь на иллюзии не построишь ничего верного; а то, что все же на ней строится, – гнило и хрупко. Так, высокомерие как будто создано для того, чтобы наказать себя. Свои опасности оно несет в себе; его тяжкие последствия дремлют в его лоне. Его слабость суждений, его надменность, его глупо-дерзкая работа локтями ведут его к гибели.

Умный часто подвергает свой ум сомнению; он постоянно осязает собственные пределы; а когда находит их, старается расширить органично, а не перешагнуть через них механически; он упражняется в аскетичности суждений. Глупый – наоборот: ему даже в голову не приходит, что он может быть глупым; свою малость он считает истинной величиной и полнотой, и кара следует за ним по пятам.

Это – подлинная судьба коммунистического государства. Возникшее из высокомерия – ибо марксизм, прежде всего, духовное и экономическое высокомерие! – оно впадает в большевистскую грубость и в коммунистическую манию величия. И кара дремлет в его лоне: она означает разрушение качества во всех областях жизни.

От высокомерия нет спасения. Ему надо пройти суровую школу объективности; оно должно научиться первой христианской добродетели – смирению и усвоить его. Ибо в смирении человек постепенно становится тем, чем на самом деле должен быть. Ему раскрываются высота и глубина, он пред-

стает пред Лицем Господа и чувствует себя в Руце Божией. Только так у него вырастают крылья; и он ощущает их, не впадая в высокомерие.

9. О властолюбии⁹⁴

Чего они хотят, эти прославленные властолюбцы, о которых нам так много повествует человеческая история? В чем плод и награда их неутомимого напряжения, их всежизненного старания, их вечного «наступления» на людей, их постоянного риска? Что обещает власть могущественному? Правда ли, что эта власть так велика, так подчиняюща, так всеобъемлюща?

Извне, при поверхностном наблюдении может действительно показаться, что власть, которую человек может иметь над людьми, бывает «огромна», может быть даже «безгранична». Могущественный властелин может *все*. Он может все дать и все отнять; он может сделать человека счастливым или несчастным; он может мучить и унижать людей, – целые народы, целые поколения; он может посылать людей на смерть и казнить их, он может миловать и дарить жизнь. Еще больше, еще страшнее: он может заставлять людей, – всех людей, целые поколения, целые народы, – голодать, совершать преступления и пресмыкаться по своему приказу. Он может *повелевать* – и по его повелению будут строиться и разрушаться города, будут вестись жесточайшие войны, будут вводиться новые, нелепые и противоестественные порядки, новые обычаи, новые одежды; будет создаваться какая ему угодна музыка, живопись, поэзия; будет изобретаться новое оружие, будут выдумываться новые пытки... И все это сделает его *власть*. И все это даст повелителю высокое *наслаждение*: подумать только – «мне стоит захотеть... и человечество уже покоряется...»

Я свисну – и ко мне послушно, робко
Вползет окровавленное злодейство,
И руку будет мне лизать, и в очи
Смотреть, в них знак моей читая воли.
Мне все послушно, я же – ничему...

(Пушкин⁹⁵)

«Какое счастье! Какая полнота жизни! Да разве есть на свете другое, высшее блаженство?..»

Действительно, человеческая история знает жизнепонимание, при котором такие возможности или хотя бы перспективы испытываются как «высшее счастье». Это жизнепонимание не ново: мы находим его у самых различных народов и в самые различные эпохи, и у язычников, и у магометан, и в христианскую эпоху, и у безбожников. Это жизнепонимание покоится на *своеобразных предпосылках*, которые должны быть каждым из нас осознаны, прочувствованы и преодолены. В этом задача не только самовоспитания, но и здорового национального воспитания: чтобы этот соблазн был вскрыт, продуман и побежден. И где это не делается, там легко оживает слепая мечта о безграничной власти и неистовая погоня за этой властью со всеми ее непоправимыми последствиями – духовным разнузданием, нравственным разложением и культурным крушением.

В основе этого жизнепонимания лежит наивное и невыговариваемое воззрение, сводящее всю человеческую жизнь и всю человеческую культуру к *внешнему*. Согласно этому воззрению существенное и решающее значение принадлежит не внутренним, душевно-духовным процессам и жизнесодержаниям человека, но его внешним проявлениям – движениям, словам, выражению лица, а также его мускульно-трудовым напряжениям, совершенно независимо от того, как они возникают, чем мотивируются и что именно скрывается за их завесой. *Важно – внешнее*: исполнение чужой воли, дисциплина, выправка, наружное раболепие, льстивые слова, выдержанное пресмыкательство, а также количество выработан-

ного продукта; и *не важны* внутренние побуждения человека, если он их искусно скрывает, притворствуя, – преданность или лукавство, убежденность или подхалимство, свободная лояльность или изворотливая жадность, искренность или лицемерная вкрадчивость... Дело в том, что видно и слышно, а «сны и невысказанные помыслы» не имеют значения. Дело в безмолвной покорности. А для этого страх и трепет гораздо полезнее, чем уважение, доверие и свободная, искренняя преданность: страх покоряет глубже; трепещущий лучше следит за собою; свободный того и гляди «посмеет», а раздавленный не осмелится и посметь. «Oderint dum metuant», говаривали в Древнем Риме: «пусть ненавидят, лишь бы боялись». А властолюбивый ищет именно слепой покорности.

В этом он и прав, и неправ. Он прав постольку, поскольку внешняя сила *вынуждена довольствоваться этим* и не может посягать на большее. Он неправ постольку, поскольку он *не видит всего остального* и не понимает драгоценного значения духовной свободы и трудовой инициативы...

Власть человека над другими людьми имеет свои определенные границы: она кончается там, где начинается свободная склонность души, самостоятельная активность, жизненная инициатива, духовное творчество. Там, где дело идет *о последнем, о глубочайшем, о важнейшем* в человеческой жизни и культуре, там *внешняя власть оказывается несостоятельной*, – со всеми ее требованиями, угрозами, вымогательствами, со всем ее принудительным аппаратом, с ее пытками и казнями.

Конечно, *преследование религии* может подавить в стране открытые оказательства⁹⁶ веры и молитвы. Оно может взрывать церкви, распускать приходы, упразднить монастыри, жечь церковные книги, надругиваться над святынями, убивать священнослужителей, ссылать и замучивать верующих. Но может ли оно прекратить внутреннюю, молчаливую, сосредоточенную молитву? Может ли оно вызвать *внутреннее*

отречение у верующего? Может ли оно пресечь творческое приятие человеком Божиих лучей? Может ли гонитель веры быть уверенным, что этот самый буйно кощунствующий пропагандист безбожия не льет покаянных слез в одиночестве глухих ночей и не очищает своего сердца для мужественного исповедничества? Знают ли они, воинствующие безбожники, что скрывается у людей за этими каменеющими в неподвижности масками? Знают ли они, какие тихие молитвы, какие страшные клятвы, какие грозные решения слагаются в их сердцах?

Гонители, сами того не желая, готовят в стране новый отбор верующих людей, научившихся творческому религиозному опыту, сокровенной молитве и одинокому самостоянию. От их гонений гонимая вера сосредоточивается, уходит внутрь, ибо «отнять» святыню – значит заставить людей взалкать по ней. Религиозное поругание пробуждает чувство стыда и вины даже у неверующего и ложится позором на кощунствующего. В четверть века нельзя сломать и перестроить национально-выстраданный уклад религиозного акта, выношенный народом за тысячу и более лет. Гонитель властен гнать; но страх не бывает вечен. Грубая сила ведет к лицемерию, но к внутреннему, сокровенному убежищу любви, веры и молитвы она не имеет доступа. И в конце концов, сам гонитель готовит себе погибель, ожесточая людей и приучая их к искусному лицемерию и к мстительному тайномыслию...

Нет сомнения, что неограниченный в своей власти тиран, может обрушиться и на свободное исследование и преподавание в стране: он может «поставить на колени» национальную *академию*: удалить, сослать, изгнать или замучить голодом и холодом независимых ученых, запугать слабохарактерных и выдвинуть вперед покорных и продажных льстецов. Но из этого выйдет только ложь и крушение. Предписать исследователю его метод и его выводы значит убить самое исследование: заказанная выдумка останется вне науки, а выдумщик

явится не ученым, а беспринципным чиновником. Истина не вымогается принуждением и не поддается фальсификации⁹⁷; к ней ведут только свободные и ответственные усилия человеческого опыта. Научное исследование – или свободно, или его нет, а есть только бессовестная симуляция познания. Но бессовестный, продажный ученый – не ученый; он создает одни пустые тени. Изнасилованная и униженная наука прекращается. Академия становится кладбищем мысли. Лучшие силы покидают ее; остаются одни запуганные рабы. И позднейшие поколения вспоминают об этом времени с ужасом или с соболезнаванием.

Создавать художественное *искусство* по приказу есть дело безнадежное. Нет и не будет рецепта, по которому можно было бы готовить талантливых художников, как гомункулов в реторте. Истинное вдохновение не родится по чужому произволению и не повинуетя запретам. Художественный замысел может быть зачат только свободно, в сосредоточенном духовном созерцании; художественный образ может быть выношен и найден только в личном творчестве, тайна которого ненарушима. «Заказывать» можно только вывески и ювелирные украшения. И тот, кто пытается повелевать поэтам, запрещать музыкантам или запугивать художников и артистов, – тот ничего не понимает в искусстве; он примет любую, подходящую ему подделку⁹⁸ продажного ремесленника за великое произведение искусства. Все, истинно художественное, – *инородно* внешней силе и *недоступно* ее приказам и запретам. И чем притязательнее и последовательнее становится сила тирана, тем безнадежнее оказываются ее усилия, тем унижительнее и опустошительнее бывают ее последствия.

Все это обнаруживается с еще большей наглядностью в жизни *сердца и добродетели*. Пусть только тиран попытается вынудить у окружающих его людей беззаветную любовь, искреннее преклонение, или хотя бы истинное уважение! Тогда он быстро убедится в том, что жизнь сердца расцветает

только по своему собственному, органически-свободному и притом таинственному побуждению; и еще в том, что без этих свободных движений любви, совести и доброты на земле не бывает ни религии, ни счастья, ни культуры. Нет той внешней силы, которая могла бы принудить человеческое сердце к искренности. Невозможно вызвать доброту угрозами. История не знает тирана, которому удалось бы вынудить верное служение – страхом, или преданность – казнями. Здесь духовный и качественный предел власти. «Hic Rhodus – hic Saltus»⁹⁹. Здесь переход в другой «план» бытия, в иное, благородное, божественное измерение жизни. И всякая культура, оторванная от духовной самодеятельности, от личной свободы, от таинственных источников Божьего огня, есть пустая видимость, мертвая лже-культура.

Не иначе обстоит дело и в сфере *правосознания*, патриотической верности и государственной лояльности. Возможно ли принуждать людей к патриотическим чувствам? Нет, но лишь к лицемерным оказательствам их жалкого подобия. Стоит ли вымогать у людей неискреннее политическое «лицование»? Возможно ли вынудить угрозами и страхом рыцарственную верность гражданина и солдата? Нет. Всегда так было и всегда так будет: *свободная лояльность* есть настоящий источник правопорядка, самая могущественная скрепа государств, самое благородное побуждение к подчинению и исполнению долга. Запугивание унижает человека. Порабощение повреждает его достоинство и его самоуважение. А униженные, пресмыкающиеся креатуры всегда стремятся унижить всех в своем окружении: им нестерпимы достойные и независимые люди; рабы, испытанные в лицемерии и предательстве, они сеют вокруг себя предательство и лицемерие, и не понимают, что их самих однажды смочет и поглотит бунт восставших рабов...

Ныне все эти исторические и духовные истины подтвердились и в сфере *хозяйственного труда*. Каторжная работа есть

худший и непроизводительнейший труд. Ибо в действительности трудящийся человек – не машина, а живой, одушевленный организм, любящий и увлекающийся дух. Бессмысленно отрывать хозяйство и работу от внутренних побуждений инстинкта, сердца, согласия, творческой воли и вдохновения. Безумно растрчивать государственную энергию – сначала на *подавление* всех этих драгоценных побуждений, потом на *замену* их другими, искусственно выдуманными и навязываемыми людям, и, наконец, на *симуляцию* *удачи* всего этого безумия. Человек должен свободно и творчески вкладываться в свой труд, совершенствовать его, осмысливать его духовно и религиозно, радоваться его удаче, любить свои земные создания, молиться ими Богу. Есть живая тайна самопочинного труда. И горе доктринерам, презиращим ее, и тираннам¹⁰⁰, насилующим ее!..

Но где же тогда эти «неограниченные возможности» внешней власти? Мы видим обратное: ей поставлены твердые, непереходимые пределы. Самое драгоценное и священное в человеческой жизни, самое основное в творчестве земной культуры – все органическое, свободное, вдохновенное, таинственно-творческое, молитва, очевидность, любовь, совесть, доброта, верность, художественное созерцание, дух, все нити, связующие нас с потусторонним миром, все пути, ведущие нас к Богу, – все это ей недоступно, все это ей не подчинено. Внешняя власть может предписывать только внешние дела. Повышая свое давление до предела, грозя, насилуя, пытая, замучивая – она может обеспечить себе *только внешнюю организованность среди людей, лишенных сердца, совести, чести и убеждений*. Но если она попытается проникнуть во внутренний мир людей и закрепиться в нем при помощи пропаганды, угроз, внушений, рекламы, монополии слова и печати, – то «настроения» и жизнесодержания, внушаемые ею, окажутся настолько механическими, поверхностными, противоестественными, навязанными и порочными, что все драго-

ценное, священное и могучее, присущее человеческому духу, останется незатронутым: оно поведет особую жизнь, – жизнь молчаливого самоограждения, очищения, индивидуализации, сосредоточения и обновления. Оно уйдет в духовные катакомбы, где в таинственной мгле горят Божии огни и шепотом произносятся слова будущего.

Что же остается в распоряжении тиранна? Только то, чего можно достичь угрозою, страхом и пыткой, – *внешняя оболочка замученного духа и притворство испуганной души*. Конечно, «окровавленное злодейство» будет «лизать ему руку» и «смотреть ему в глаза». Но жизни, культуры, духа – всего того, чем оправдывается и украшается Божия земля, – *ему не создать*. Нерон мог зажечь вечный город, чтобы насладиться зрелищем и воспеть его. Калигула мог дать своему коню сенаторское звание и передать своей бабке свирепые слова: «имей в виду, что мне позволено делать *все со всеми*» (Светоний)¹⁰¹. Тиран «все – может»... Но каково же значение этого жалкого, бессмысленного и преступного «могущества», восставшего против Бога, посягающего на дух и порвавшего с природой? – Это не взлет, а падение; это не творчество, а разрушение; это не жизнь, а смерть.

Вот что каждый из нас должен продумать и прочувствовать своим сердцем, чтобы преодолеть в себе искушение и соблазн, чтобы очиститься от праздного и губительного властолюбия, лежащего в самом основании современной «тоталитарной» практики. Вот что национальное воспитание должно передавать народу из поколения в поколение. Внешняя власть имеет по видимости великое могущество; но на самом деле она не способна к творчеству¹⁰². Преклонение перед нею основано на иллюзиях, на бездуховном, пошлом жизнепонимании, на материалистических и механицистических предрассудках, которые не видят внутреннего мира и его святость, и сводят все к наружному и внешнему. А между тем здоровая государственность покоится не на угрозе и не на страхе, а на свобод-

ной лояльности и на невынужденном патриотизме; и настоящая государственная власть сильна не голодом и не казнями, а уважением и доверием своего народа, живым и честным правосознанием своих граждан.

Наше поколение должно изжить и преодолеть иллюзии тоталитарной государственности, соблазны внешней власти, искушения тираннии. Эти иллюзии ведут к великим крушениям и разочарованиям. Из них возникают величайшие кризисы мировой истории.

Вот почему нам надо ждать обновления нашей культуры не от «внешне-наружных» людей, но от людей «внутреннего мира», от людей сердца и духа.

«Ибо вот, Царство Божие внутрь вас есть» (Лк. 17, 21).

10. О лестях¹⁰³

Когда люди сходятся, они, как водится, судачат друг о друге. А если судачат, то тому, о ком судачат, хотелось бы, чтобы эти пересуды были *хорошими*. Кто из нас способен спокойно выслушивать строгую критику, не говоря уже о несправедливых упреках?.. Чаще всего нам кажется, что критик нас не понимает, а порицатель выступает, скорее, как злой привередник. Всякое осуждающее «нет» задевает нас до глубины души, каким бы справедливым и обоснованным оно ни было; и наоборот – всякое похвальное «да» «умиляет» нас, приносит покой, облегчение и по-своему ободряет: все же я «признан», «замечен» – значит, успех, вес, карьера!.. Как много людей, которые о своем собственном успехе судят по чужим меркам и необычайно чувствительны к любой оценке со стороны... Они даже не догадываются, насколько они несвободны, насколько зависимы и какие случайности подстерегают их на каждом шагу. Вот тут-то и разворачивается настоящий простор для льстецов...

Впрочем, надо быть справедливым: тот, кто, осуждая и критикуя других, щадит их из милосердия, подчеркивает лучшее в них, ищет деликатных выражений, чтобы как-нибудь не ранить их, поддержать в них дух, тот, конечно же, не льстец. Тонко чувствующее сердце, открытость, скромность и смирение могут подчас сделать критика до того осторожным и осмотрительным, что от его критики не останется и следа, а тот, кого критикуют, почувствует себя даже «польщенным» в некотором роде. Но отсюда до настоящей лести – дистанция огромного размера.

Лесть начинается там, где один хочет взять верх над другим методом похвалы. И тут не столько важно, что один хвалит, а другой становится податливым, сколько *необъективность похвалы* и *беспредметность намерения* склонить к себе другого, *расточая комплименты*. Настоящий льстец необъективен в своей похвале даже тогда, когда он говорит дело, когда он действительно отмечает хорошее и умеет это по-умному и деликатно преподнести. Вопрос: «для чего» его похвала? – беспредметен и своекорыстен; главное его намерение – склонить к себе того, кого он хвалит, и весь его опыт в этом плане есть, по сути, не что иное, как *подкуп*. Очень даже возможно, что это намерение подкупить даже тому, кого хвалят, понятно не до конца и витает где-то в тени (как задняя мысль). Но бывает и так, что оно *вполне осознанно* и детально продумано. Бывает скрытым или завуалированным, так что для обоих едва заметно; и тогда для лести – настоящий простор.

Однако льстец должен знать меру, и значит – совершенствовать форму лести, верно ухватиться за планку здравого смысла того, перед кем он рассыпается в похвалах, учитывать степень его проницательности и тщеславия.

Наивные, недалекие, тщеславные люди внемлют с радостью даже самой неуклюжей форме лести. Тонкие, строгие, серьезные и объективные натуры сразу же чувствуют фальшь, беспредметность и низость протягиваемых им

льстецами даров. Чем выше духовный уровень человека, тем безразличнее для него лесть, тем осторожнее приходится быть льстецу, тем тщательнее надо маскироваться и скрывать свои уловки.

Опытный, тонкий льстец никогда не прибегнет к прямому славословию или хвалебным дифирамбам своей «жертве». Сначала он обмозгует недвусмысленно все «за» и «против», расчистит и проложит пути к беседе с нею, сделает в ее сторону пару незаметных «реверансов», бросит пару незначительных учтивых фраз, а похвалу напрямую выскажет в форме чисто субъективного «восторга», дошедшего до него окольными путями, через других людей.

Рафинированный льстец попытается пленить так, чтобы я ничего такого не заметил. Он «упивается» тем, что мило и мне; «одобряет» и «хвалит» мой вкус; никогда не перебьют, если я говорю; охотно, с любезностью, позволяет это делать мне, признавая тем самым мое «преимущество» как нечто «само собой разумеющееся». Он ставит вопросы, придает «большое значение» моим ответам – и мне доставляет удовольствие, что «признают мой авторитет». И наконец, дает понять, что только *«в меня и верит»*.

Всегда после таких бесед у меня возникает чувство, что я хватил чего-то через край, что мне надо немного отдохнуть и, как кажется, очиститься. Временами я задаюсь вопросом: «Что ему, собственно, от меня надо?..» Но – вроде бы ничего не надо, вроде бы он вполне искренен; и я в конечном счете начинаю укорять себя в излишней подозрительности, компенсируя ее «полным доверием» к нему. Смысл французской поговорки «*calomniez, calomniez – il en restera toujours quelque chose*»¹⁰⁴ применителен и к лести, потому что в человеке живет детская легковёрность к похвале, скрытая жажда признания, своеобразная симпатия к тому, кто «знает ему цену». Вот почему от всякой лести – порою даже самой очевидной – в нас «что-нибудь да остается»...

Обычный льстец, впрочем, не столь уж тонок; он в своей лести не знает градаций, меры и формы; берет зачастую через край и умным человеком угадывается тут же. Но это его нимало не смущает. Он уже привык к тому, что лести у него, как инструмент жизненного успеха, всегда под рукой, и он, как ни в чем не бывало, протягивает другому свое медоточивое лакомство: «il en restera toujours quelque chose...» А у людей не всегда достаёт мужества повернуться спиной к его слащавой улыбочке и вкрадчивому взору. «Mundus vult decipi» – «мир рад обманываться», – и то же касается и самообмана. Заурядный человек редко думает о том, что в случае подкупа *утрачивают достоинство обе стороны* – и тот, кто подкупает, и тот, кого подкупают. Ведь «дары» в этом случае и невидимы, и недоказуемы... В результате можно утешить себя, что ты «все-таки этой лести не поддался» и что ее можно всерьез воспринимать лишь в той мере, в какой она «соответствует истине»: «возможно, он и льстец, но в *данном* случае он, может быть, и прав...».

Из этой тяги к лести в мире незаметно образуются *каверны и разворачиваются беды в области политики*. Кто знаком с историей Древнего мира (Греция, Рим, Византия), тот должен призадуматься над этим.

Поскольку в политике речь идет о том, чтобы «склонить людей», а нравственный уровень политиков далеко не на высоте, люди с легкостью хватаются за щедрые *посулы* и за более-менее скрытые попытки *вкрасться в доверие*. Демагог – особенно безответственный сулителем и льстец. А если он к тому же пылок и нагл, методом лести он быстро справляется с элементарнейшими инстинктами народов: он будит в душах людей тщеславие, лстя им неизменно; высокомерие, потрясая их воображение своими обещаниями; самые низменные страсти, воочию подкупая их. Таким способом он «склоняет» к себе народ, который, будучи необычайно доверчивым, всерьез воспринимает лести. Незаметно для себя он поддается подкупу, а подкупающий его демагог становится

«любимцем». Когда же этот любимец достигает положения тирана, тогда имеет место своеобразная ирония судьбы: *поток лести вскипает и с головой накрывает породившего его льстеца*. Теперь подкупающего самого подкупили. Атмосфера славословия и угодничества, царившая вокруг античных тиранов, превосходит наше воображение. Здесь не было ни меры, ни формы, ни вкуса. Подкуп методом лести выступает совершенно открыто и унижает всех, начиная с льстивых придворных и кончая самими упившимися лестью тиранами. Особенно примечательным и поучительным здесь было то, что тиран, который как демагог способствовал разнузданию лести и сознательно ее не замечал, со временем поддался всеобщему обману своих мнимых обожателей и в состоянии самообмана уверовал в свою собственную «божественность»...

Так что лезть – это своего рода обман и подкуп. Она опасна и даже ядовита, как всякая ложь, и продажна, как всякая взятка. Но особенно ущербно ее влияние в области истинных ценностей и человеческих отношений в иерархическом плане. Человеку ведь не так просто сделать выбор между «добром» и «злом», точнее, не так просто провести различие между ними; вот и блуждает он, путая одно с другим, и одно принимает за другое; приемлемое считает «хорошим»; что не по нраву – считает «плохим»; духовные ценности ухватить не умеет; видит смутно; судит беспомощно. А из этого нередко возникает сумятица в душах, расстройство и шатание в верхних слоях общества. Лстец же гребет под себя эти мутные воды себе на потребу, извлекая выгоду из надвигающихся сумерек. Он искажает истину и ведет с нею негласный торг. Он хватается за самое уязвимое место в человеке – за его самооценку, пытается ввести его в заблуждение, ослепить, сбить с толку, обыграть. Он мутит воду, путает тонкую, благородную ткань духовной культуры, нарушает иерархию ценностей и порядок земной жизни людей. Тем самым он уподобляется *фальшивомонетчику*: его монеты мнимые, а «ценности» не имеют реальной силы.

Можно сравнить его и с *соблазнителем детей*¹⁰⁵, люди в своей самооценке наивны и беспомощны, как дети. Его работу можно назвать *всеобщим предательством*: вынашивая его втихомолку, он извлекает личную выгоду из общественной порчи.

Если мы сравним земную жизнь человека с единой, тонкой, духовной тканью, которую нам необходимо беречь и добросовестно ткать (поскольку это ткань Божия и Богом освящена), то четко и недвусмысленно увидим всю греховность лести. Все мы должны помогать друг другу советом и делом: честной, доброжелательной критикой – без надрыва, без крайностей, объективно, строго, ответственно, соответственно правде, с любовью. Это, пожалуй, и будет лучшим советом и лучшей помощью с нашей стороны. И это ничуть не меньше, чем поддержка, ободрение, ориентиры на пути по крутым ступеням вверх в ткани Божественной ткани. Однако эта помощь и совет, это благосклонное, братское созерцание, этот совместный труд людей над Заветами Бога на земле льстецом запроданы и извращены, изверены и оболганы. Он порождает духовную ложь и подкуп, создает продажную атмосферу, *нравственное болото*, из которого человеку не просто выбраться. В такой атмосфере всякое свободное, искреннее, смелое слово подобно струе свежего воздуха или глотку чистой родниковой воды...

11. О клевете¹⁰⁶

И в мраке смутных дней,
Царят вражда и ложь, насилье и тревога.

*Граф А. А. Голенцев-Кутузов*¹⁰⁷

Человек должен много перестрадать и умудриться для того, чтобы практически усвоить правило: *«быть, а не казаться»*. «Быть», – ибо важно то, *что я емь на самом деле*; «а не казаться», – ибо не надо дорожить всеми отражениями

моего бытия в чужих душах. Эти отражения всегда неполны, всегда неверны и в довершение всего – изменчивы; стоит ли гоняться за ними и исправлять их? И как их исправить? Уверять – не поверят; доказывать – заподозрят еще худшее. Мало того, если увидят, что я (разумею любого из нас) очень дорожу общественным мнением, – то скажут: «он тщеславен»; что же, и *это* тоже опровергать? Тогда скажут: «он настолько тщеславен, что не может вынести даже упрека в тщеславии»... Общественное мнение подобно лернейской гидре¹⁰⁸: кто начнет посекать его многоголовые мнения, тот будет только умножать их число. Лучше уж не посекать без крайней надобности...

Замечательно, что клевета поражает не бытие человека, а только его кажущиеся отражения. Это почти не требует пояснений. Стану ли я хуже от того, что на меня взведут поклеп? Нет, хуже стану не я, а только мои отражения в чужих душах; да и то лишь у тех людей, которые поверят поклепу. А так как люди в своих отношениях ко мне руководятся, увы, не тем, что я есмь на самом деле, а тем, *что им обо мне кажется*, то *поверившие* начнут относиться ко мне хуже. Только близкие друзья знают меня, а не то, что им «кажется»; но они и не поверят клевете. Только те, чьим мнением обо мне я действительно дорожу, заслуживают того, чтобы я им сказал: «не верьте этой клевете». А остальным надо предоставить внимать сикофанциям¹⁰⁹ и поощрять сикофантов: ибо сикофант и его слушатель стоят друг друга...

Пока люди не научатся отделять *себя* от своих «отражений» в чужих душах, пока в их самочувствии «быть» и «казаться» будут неразрывны – клевета будет для них источником непрерывных радостей общения. Подумать только: их духовная личность будет состоять: 1) из себя самой; 2) из всех неполных, неверных, изменчивых, бледных отображений ее в чужих душах. Какой объем и какая уязвимость! Какое обширное поле для вражеских стрел, для клеветнических на-

шептов, для ран и огорчений. Какая незащищенность и какая неустойчивость. Как оборониться, когда всюду (за исключением верных друзей) необеспеченный тыл? Спасение одно: *дорожить бытием* (в самом себе и в дружеских душах) и не дорожить «казанием»; исключить «кажущееся» из «сущего» и предоставить общественному мнению общественно мнить нравящийся ему вздор.

Надо понять, что так называемое «доброе имя» состоит из двух неравноценных и неравносильных частей: из *доброто бытия* и из *хорошей репутации*. Первое имеет абсолютную ценность и конечную силу; вторая, напротив, эфемерна, неустойчива, легко может быть подделана, очень склонна к лицемерию и продажности и почти всегда основана на малокомпетентных суждениях (успех Молчалина!). За редкими и действительно несчастными исключениями доброе бытие влечет за собой и хорошую репутацию, но хорошая репутация никогда и нисколько не обеспечивает доброкачественность ее обладателя. Клевета вредит не качеству бытия, а только репутации человека; а репутация человека, по меткому замечанию одного остроумного наблюдателя, нередко и без того основана на «перепутании» (от слова перепутать)... Поэтому целесообразное распределение жизненного бремени должно быть таково: заботиться самому о *своем* доброкачественном бытии и о *чужом*, действительно добром имени, а свою хорошую репутацию предоставить вниманию (или невниманию) верных (или неверных) друзей...

Конечно, клеветы от этого не убавятся на свете; но проистекающие из нее «радости общения» будут сведены к возможному минимуму.

Эти «радости общения», даруемые клеветой, бывают двоякого рода в зависимости от того, как возникла клевета в душе человека. Надо строго различать *невольную клевету* (по ошибке) и *намеренную клевету* (заведомую) и рассматривать их отдельно. Начнем с невольной клеветы.

Пока человеческое общество будет существовать, люди будут судить и осуждать друг друга; и никакая мораль не сможет пресечь этого. Это, конечно, еще не клевета; но это уже *возможность* клеветы; это как бы раскрытая для нее *дверь*. Стоит только истолковать во зло внутренние намерения или настроения человека – и клевета оказывается *у порога*; стоит только добросовестно ошибиться в этом истолковании – и невольная клевета вступила в жизнь, состоялась. При этом безразлично – будет ли это молчаливое *оклеветание* шепотом своего сердца или с *разглашением*; будет ли это *инсинуация*, т. е. приписание другому одних дурных намерений и настроений, или ошибочное *обвинение* в дурном поступке; совершится ли это в порядке изящной сплетни или колкого намека, или ядовитой эпиграммы; признают ли юристы здесь наказуемую клевету или благонамеренную и правдоподобную, а потому ненаказуемую *диффамацию*¹¹⁰... Это уже другой вопрос.

На этих путях мы все заблуждаемся и ошибаемся; и по неосведомленности, и в силу недостаточной прозорливости, и по торопливой страстности, и из гнева, и в силу простого легкомыслия. Ошибаемся и грешим. Мы все – каждый по своему, и в свою меру – склонны к подозрительности, иногда даже и к злоречию; мы оговариваем друг друга, наговариваем друг на друга и притом так, что в момент произнесения невольной клеветы она кажется нам, если не самой истиной, то, во всяком случае, «очень правдоподобной». И впоследствии мы иногда не знаем, чем и как по совести исправить свою ошибку и загладить свою вину...

Положение наше оказывается тем более затруднительным, что строить общественную жизнь и не судить о людях – совершенно невозможно; а судить и никогда не ошибаться – человеку решительно не дано. Есть, как будто, еще один исход: видеть всех людей в розовом свете и судить *обо всех хорошо*; но это, увы, возможно только по двум основаниям: или *от непроглядной наивности*, или от заведомого *лицемерия*. Существует

анекдот об одном наивном приват-доценте, который был такой праведной жизни, что никогда никого не осуждал; все люди делились у него на две категории: на «чрезвычайно талантливых» и «в высшей степени симпатичных»; к первым принадлежали все антипатичные и просто дурные люди, ко вторым причислялись все явно ни к чему неспособные. Последствия такого образа действий, если бы все стали подражать ему, не заставили бы себя долго ждать: в заботе о личной праведности все люди стали бы рекомендовать друг другу темных проходимцев, восхваляя их, как людей «чрезвычайно симпатичных» или «в высшей степени талантливых», и явно чиня сплошной взаимный обман; не греша «злоречием», люди грешили бы лицемерием перед собою и предательством по отношению к другим; темные проходимцы начали бы преуспевать и выдвигаться; идеи верного ранга и благой иерархии были бы поприанными, и общество оказалось бы во власти бесстыдников или глупцов. Можно, однако, надеяться, что до такой беды дело не дошло бы: мнимых «праведников» просто перестали бы слушать, им предоставили бы наивничать и лицемерить наедине с собою и нашли бы иных людей, настоящих мужей совета – прозорливых и справедливых, не боящихся правды и не жертвующих ею во имя своей мнимой праведности.

От правды не спрячешься, она найдет нас сама. Закрывать себе глаза на злые намерения и дела людей – слепо и малодушно. Если бы еще дело касалось только «меня самого» – то куда ни шло: *моя* ошибка – я и буду страдать от ее последствий; буду закрывать себе глаза на злые склонности, намерения и планы людей до тех пор, пока их злые дела не выколят мне мои закрытые глаза! Но тот, кто организует в себе такую духовную *непрозорливость*, впадает незаметно в самообман и лицемерие и, далее, обманывает других и вредит организации дела Божьего на земле...

Стараться верно увидеть, что таится в человеческой душе – совершенно необходимо для всякого, кто имеет обще-

ственное призвание и несет общественную ответственность. Мы вообще живем в мире, где *преувеличенный страх перед невольным грехом* всегда ставит человека в фальшивое положение. Этот человеческий мир раздроблен, душевно непрозрачен и повинуется гораздо более инстинкту, чем духу. А мы призваны к *действию* в нем и притом к *ответственному, волевому действию*. Это действие всегда может оказаться ошибочным; ошибка всегда может излиться в несправедливость, обиду и клевету. И вот, человек, считающий, что лучше не действовать, чем ошибаться; что выше всего его внутренняя «праведность»; что надо быть «безгрешным» любой ценой, а там – будь что будет – такой человек не постигает главного, а именно: что человеческая жизнь *на земле трагична по самому существу своему* и что выход из этой трагедии не в сентиментальной и эгоистической праведности, а в *действенной любви решающегося и приемлющего свою вину героизма*. И так обстоит и в вопросе о сопротивлении злу силой, и в вопросе о суде над людьми, и в целом ряде других проблем... А в нашу эпоху, когда черный поток истории взмыл с самого дна человеческую злобу и низость и выволок их на поверхность жизни, когда люди искусились в технике зла и в искусстве растления, когда душами овладевает зараза бесстыдства, – сентиментально-мнительный подход к людям чреват просто непоправимыми бедствиями. В мире идет великое межевание. Верные должны отбираться к верным и связываться друг с другом полнотою безусловного доверия. Как возможно это без прозорливости и суда? Как возможно без этого бороться за дело Божие на земле?

Нет, лучше десять раз честно и прямо сознать свою ошибку, свою *невольную клевету*; лучше десять раз публично сказать: «прости, я виноват», – чем выдавать зло за добро, вводить в беду доверчивых людей и сеять в сердцах смуту и соблазн.

Это, однако, совсем не значит, что надо предоставить себе *право на злоречие*; что мы должны взять себе за образец «пре-

зрительного Терсита»¹¹¹ или надменного Зоила¹¹², или просто нашего Собакевича, у которого все люди делились на «разбойников», «мошенников» и «христородавцев»; или, что прав тот, кто

Разводит опиум чернил
Слюною бешеной собаки
(Пушкин)¹¹³.

Вообще говоря, злоречие есть не просто слабость, а настоящая *болезнь души*; и последствия его почти всегда разрушительны. В душе каждого человека живет множество чужих отображений, художественно живых образов других людей. Болезнь злоречия состоит в том, что человек освещает все эти образы – то по очереди, то сразу – *черным лучом*, исходящим из его собственного злого и черного душевного угла. Такой черный угол есть у каждого человека: угол духовно-осужденного, но не сдавшегося самоутверждающегося инстинкта, желающего, вопреки всему, провести и оправдать свою собственную жизненную «программу». Весь вопрос в том, как именно люди «ладят» в душе с этим углом: удастся ли им подавить его в себе без остатка или он прорывается в жизни периодами, или же, наконец, просто втягивает в себя человеческое «я» и подчиняет его себе.

Может быть, только немногие настоящие праведники совсем свободны от этого черного угла. Пушкин описал его с необычайной точностью в образе «Демона»:

Неистошимой клеветою
Он Провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою,
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе;
На жизнь насмешливо глядел
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел...

Об этом «превратном гении» упоминает и Боратынский¹¹⁴, Лермонтов вырастил из него своего «Демона». На посещения того же «злого духа», «напитывающего сердце ядом», горько жаловался и мудрый граф А. К. Толстой¹¹⁵. Достоевский указал его местонахождение в «подполье» и отметил «двойные мысли» даже у праведника, князя Мышкина. Весь «байронизм» есть, прежде всего, аффектированная идеализация этого черного угла. Из него улыбался и Вольтер, из него извлек Гёте своего Мефистофеля, его черными лучами горели Макс Штирнер и Гейне. Ницше пытался в судорогах сердца вырастить из этого угла новое «евангелие» от «Заратустры» и погиб на этом. Целый ряд русских предреволюционных поэтов (Брюсов, Белый, Блок, Сологуб) и публицистов черпали свое вдохновение из этого угла. Этими черными лучами ныне омрачают и растлевают вселенную большевики. Здесь источник черной магии и черной мессы...

В этом углу живет вера в зло и неверие в добро: зоркость и вкус к порочности и слепота к чистоте и благородству, тяга к материализму, упрощительству и всеобщему очернению, словом – *потребность павшей души утвердиться в своем падении и выдать его за неотменимый, всеобщий закон* (сатанизм). Из этого же угла и рождается у людей настоящее зловерие и злоречие: «все злы, потому что я зол»; «все порочны, потому что я порочен». По русской поговорке: «У злой Натальи все люди каналы». Чужие образы, пронизанные черными лучами, якобы «разоблаченные» в их порочности или с вывернутыми гнойными язвами – населяют душу такого зловера и злослова и превращают ее самое в какое-то вечное «инферно». Можно ли рекомендовать это? Мыслимо ли проповедовать «свободу злоречия»?

Но в борьбе с этим черным углом и его лучами, – возможно ли проповедовать сентиментальное и фальшивое сладкословие? Опасаясь невольной клеветы и несправедливого оговора, допустимо ли впасть в лицемерную идеализацию

людей, лгисто инсинуируя им «все высокое и все прекрасное», наклеветывая на людей добродетели, которые не коснулись их даже своей тенью? Отвращение к клевете и даже невольной-ошибочной клевете – вполне понятно; не менее понятно и повышенное чувство ответственности при суждении о людях и угрызение при ошибке, и мужественное исправление ее. Прекрасно и трогательно следовать евангельской заповеди о предварительном изъятии «бревна из своего глаза». Но все это совершенно не освобождает от *обязанности зорко и справедливо воспринимать наличный в человеческой душе запас зла*. И те, кто помнят евангельское слово «не судите, да не судимы будете» (Мф. 7, 1; Лк. 6, 37), помнят, конечно, что к этому добавлено: «ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какую меру мерите, такую и вам будут мерить» (Мф. 7, 2). Значит «суд» и «мера» отвергаются все-таки не совсем. И они помнят еще, что сказано «не давайте святыни псам» и «не бросайте жемчуга вашего перед свиньями» (Мф. 7, 6); и о лжепророках, «которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф. 7, 15); и о том, что дерево узнается по плоду своему (Мф. 7, 17–19; Лк. 6, 44); и о том, что «из сердца исходят злые помыслы, убийства» и т. д. (Мф. 15, 19; Мк. 7, 21); и о том, кого нужно «остерегаться» и «беречься» (Мф. 10, 17; Мк. 13, 5; Лк. 21, 46); и, наконец, о тех, кто «соблазняет малых сих» (Мф. 18, 6; Мк. 9, 42). Как же соблазны это все без духовной зоркости и справедливого суда? И упорное воздержание от такого суда не будет ли равносильно потаканию «псам» и «свиньям» и «хищным волкам»?..

Нет, здесь нужно иное: духовная зоркость без злобы; нравственное трезвение без излишней подозрительности; благая справедливость без сентиментальности; художественная чуткость, сочетающаяся с чувством ответственности; любовное отношение к человеку в соединении с бесстрастной пристальностью ока. И еще одно, надо различать – наличный

в человеческой душе запас зла от дальнейших судеб этого зла и самого человека. Разбойник может покаяться, и мошенник может исправиться, и хриstopродавец может обратиться. Не нам судить о том, будет ли дана сей душе благодать покаяния или нет; и если будет, то когда и как... Последняя, метафизическая судьба человеческой души скрыта от нас; поэтому лучше о ней не судить и не ставить креста на человеке. *Нравственного судью* надо воспитывать в себе, а пока его нет – всегда будут возможны ошибки и *невольная клевета*. И все это входит неизменно в общение людей. Бремя этого общения было бы, конечно, легче, если бы не было дурных людей и, прежде всего, если бы не было *намеренных, заведомых клеветников*. Но стоит ли мечтать о несбыточном? Не лучше ли считаться с тем, что есть, и быть всегда готовым к новым «радостям общения»?¹¹⁶

Когда глас истины в бессилии молчит
Пред торжествующим обманом...

Граф А. А. Голенцев-Кутузов

Намеренная, заведомая клевета – вот хорошая школа жизни, вот повод проверить свои духовные силы, вот пробный камень для характера и такта... Кто еще не наслаждался радостями общения, даруемыми клеветою этого рода, – тот пусть продолжает считать себя жизненно опытным и уравновешенным: он еще не измерил человеческого сердца и воображения во всей их изобретательности и гибкости...

К сожалению, не от нас зависит пройти эту школу и проверить в ней свой характер и такт, потому что все эти блага даются ведь не клеветнику, а *оклеветанному*. Значит, надо стать *жертвою* заведомой клеветы, а как это сделать? Ведь клевету нельзя ни выпросить, ни заказать – да подговоренный клеветник и не интересен: искусственность, нарочитость, обусловленность – погубят все дело, убьют весь яд клеветы...

Нет, надо сидеть и ждать, пока клевета не придет *сама* – естественно и неожиданно, как всякая настоящая «радость»: пришла клевета – отворяй ворота...

Ибо серьезная, настоящая клевета есть разновидность *сюрприза*; неожиданного яда, экспромтом влитого человеку в его очередной жизненный глоток. Настоящая клевета высиживается *потайно*; она варится на огне большой ненависти где-то за углом и стремится застать свою жертву *врасплох*. Ей нужна жертва неподготовленная, наивная, доверчивая, беспомощная или, по крайней мере, беспечно зазевавшаяся и неосторожная. Она знает, что чем впечатлительнее оклеветываемый и чем вернее ей удастся ударить его в чувственное, нужное место, – тем больше будет успеха. Сплетня – не то: она болтает, она не ищет правдоподобия. Напротив, клевета старается авторитетно чеканить; она желает импонировать, вызвать доверие, «обличить» и «сразить»; поэтому она (если только клеветник не глупец!) упорно ищет правдоподобия и любит поражать «точными уликами». И чем агрессивнее она во всей ее заведомой лживости, тем больше она склонна добиваться правдоподобия и «доказательности». Именно в этом составе своем она и призвана, по крылатому выражению Дона Базилио («Севильский Цирюльник»), «разрываться» наподобие «бомбы»¹¹⁷.

Это значит, что настоящая клевета *требует ума*; глупцу она просто не по силам; он не сумеет ни сварить ее, ни приправить; он не соблюдет *меры*; он непременно переборщит и этим погубит все дело. А между тем, удачная клевета должна быть «ужасно правдоподобна»; и создание ее требует не только ума, но еще и *искусства*, которое, как известно, начинается там, где живет «чуть-чуть». Серьезный клеветник никогда не скажет про своего врага, честного и убежденного человека, у которого вся жизнь на виду, что он «просто» «симулянт и плут»; это было бы и глупо, и неискусно, и годилось бы разве только для балаганной публики. Он больше всего

позаботится о том, чтобы от клеветы не пахло выдумкой, понимая, что выдавший себя клеветник, *проиграл сражение*; мало того: все будут и впредь ждать от него именно клеветы, и жизненная карьера его в качестве *клеветника* окажется подорванной, придется браться за фальшивые векселя и подделку монеты... Ибо заведомый клеветник духовно сродни фальшивомонетчику.

Такого краха серьезный клеветник (отвлечемся от глупых и неосторожных дилетантов!) не может допустить. Он понимает, что неудачная, сорвавшаяся клевета возвращается на голову клеветника, как чурбан на медведя, и только *возвеличивает* оклеветанного, особенно если тот держал себя с презрительным достоинством: все слышавшие клевету и особенно поверившие ей (хотя бы немного...) начинают чувствовать какую-то смутную вину перед «пострадавшим», безвинно вкусившим от «радостей общения», и бессознательно компенсируют его приливом уважения и подъемом личной оценки. С этим серьезный клеветник примириться не может. То, что ему нужно было, – это измарать «честь» оклеветанного, *убить* его доброе имя. Клевета есть, по основному намерению своему, разновидность *убийства* и притом убийства *из-за угла*, а в намеренном клеветнике несомненно живет душа *ассасина*¹¹⁸. То, что он совершает над оклеветанным, подобно тому обряду черной магии, при котором прокалывают изображение врага, сделанное в виде восковой фигурки: заочное, символическое убийство, совершаемое над условным «обликом» жертвы. Клеветник бессилен поразить самую честь человека: она для него недоступна. Но отражение его чести в общественном сознании – он может «проколоть». И самое «общественное мнение» об этой чести он может изуродовать так, что «все» (на самом деле не все, а только доверчиво-стадные люди) начнут считать честного бесчестным. А ему только это и нужно; он, подобно «черному человеку» отнимает у Петра Шлемиля его *верную тень* в «общественном сознании». Петер остался,

а его верная тень – его *видимая* всем «честь» – похищена¹¹⁹. Клеветнику нужно, чтобы люди повернулись к его врагу отрицательными чувствами: подозрением, презрением, осуждением, отвращением и т. д. Ему нужно разлить запас своей ненависти по чужим душам, заразить ею других, превратить во что-то вроде эпидемии. Ему нужно погасить у своего врага социальную «ауру» чести и честности, а без этой «ауры» человек иногда начинает чувствовать себя *практически* чем-то вроде живого *покойника*.

Вряд ли стоит указывать на то, что для такой клеветнической работы нужно особое нравственное предрасположение, которое может потребовать и судебного микроскопа. Поэтому серьезный клеветник делает все, чтобы ему не пришлось отвечать за его дело. Он постарается не назвать оклеветанного по имени, а ограничится прозрачным и всем понятным намеком; он подпишет клеветнический памфлет псевдонимом; он задрапируется в тогу негодующего обличителя, взывая к святым началам общежития и к высшим целям. Те, кто склонны дивиться на такой образ действий, пусть прочтут со вниманием письмо 23-летнего Пушкина, написанное им брату Льву Сергеевичу из Кишинева¹²⁰ и содержащее ряд советов о том, как обходиться с людьми и чего ждать от них; поэт сам указывает, что эти советы, полные горького презрения к человеческой пошлости, он почерпнул из «мучительного опыта» жизни, принесшего ему немало дней, полных «тоски и ярости»...

Откуда же берется эта тяга? Попробуем указать хотя бы вкратце ее социологические источники. Их несколько, всего здесь не перечислить.

Первый и основной источник клеветы состоит в том, что большинство людей оценивают своих ближних не «предметным», а «личным» мерилom: «ты хорош не тогда, когда ты хорош, а когда ты *меня* считаешь и восхваляешь»; и обратнo: «*ты против меня* – значит ты *негодяй*». Конечно, *так* этого никто не формулирует и открыто не выговаривает за

исключением уж очень несдержанных и уязвимых людей. Но человеку естественно и почти неизбежно считать себя в некотором роде «центром мироздания», от *себя* исходить, *свои* цели предпочитать чужим, *свой* успех считать важнейшим событием, *свой* неуспех испытывать, как «зло жизни». В одной из сказок Андерсена¹²¹ рассказывается про старую кошку и утку, которые, греясь зимою у печки, «считали себя половиною мира и притом лучшею половиною». Так называемый «эгоцентризм» есть явление общечеловеческое. А отсюда бессознательное, наивное отождествление своей пользы и своего успеха – с *благом*, и причисление своего конкурента, супротивника, хулителя – «ко злодеям». У натур с повышенным самочувствием, страстных, честолюбивых и властолюбивых, это отождествление и причисление происходит с необычайной быстротой и непосредственностью; особенно, если повышенное самочувствие не сопровождается никакими общественными заслугами и ни малейшей почтенностью; если честолюбие изголодалось; если умная сила суждения – невелика, а *humor sui* (юмористическое отношение к своей особе) человеку несвойствен. В глазах такого человека легче легкого стать «негодяем», а разве против негодяя не все средства хороши? и разве не все равно, *как* прикончить негодяя, лишь бы все убедились, что он негодяй?.. Итак, вот схема этого пути: «он – мой враг; следовательно, он – злодей; его злодейство должно быть перед всеми разоблачено; для этого можно воспользоваться и *суррогатом* доказательства»... И вот человеку «подкидываются» заведомо мнимые слова, суждения, свойства, связи и дела...

Эту черту люди отлично знают друг за другом и страшуются от нее всячески и больше всего, конечно, – *лестью*, этой «клеветой навыворот». Понятно, что эта черта проявляется тем сильнее и ядовитее, чем больше человек вообще склонен к ненависти и мести, чем слабее в его душе

нравственные начала, чем голоднее в нем личное самочувствие...

Вторым основным источником заведомой клеветы является зависть*. Зависть, подобно злоречию, есть настоящая болезнь души. Человек не прощает другому его преимуществ; он переживает их, как сущее оскорбление и унижение; и ищет для себя компенсации в убиении чужого доброго имени. У него возникает неодолимая потребность доказать и другим, и самому себе, что это чужое преимущество мнимо и что обладатель его плох и недостоин; пуская клевету, он пытается *залечить свою завистническую язву* и потому иногда, зная о ее вздорности, *сам начинает верить ей*. Он как будто стремится исправить «неправду на земле» – срезать горы и поднять низменности; и, конечно, не успевает в этом, ибо, объективно говоря, *клевета унижает не оклеветанного, а самого клеветника*.

Зависть как источник клеветы проявляется с особенною силою там, где дело идет о *духовном и нравственном* преимуществе. Клеветают и на богатых, и на красивых, и на даровитых, и просто на соперников; но ничто не беспокоит завистника так, как духовная и нравственная высота человека; ибо, в силу некоего таинственного закона духа, завистник *судит сам себя* непонятными ему высокими мерилami и *читает себе в них приговор*. Самое большое оскорбление негодяю – это *бытие*, простое бытие порядочного человека, особенно, если последний *не замечает* первого или (еще хуже) отвечает ему доброю на его гадости.

Добра за зло испорченное сердце –
Ах! – не простит...

Граф А. К. Толстой¹²²

---

* О зависти я писал не раз на страницах «Возрождения». См. номера 474, 487, 501 (примечание И. А. Ильина). [Это те самые статьи, что послужили основой для гл. 6 наст. книги И. А. Ильина, см. комм. 71 – А. Л.]

Именно так довели Сократа до казни его завистники и клеветники Мелит и Анит. Именно так, по свидетельству Плутарха, от зависти, именно от зависти, древние демократии оклеветывали и изгоняли своих лучших граждан: Фемистокла, Аристиду, Кориолана и других. У Гераклита Эфесского читаем: «Эфесяне заслуживают того, чтобы у них все взрослые перевешали друг друга и оставили бы город для несовершеннолетних, за то, что они изгнали своего наилучшего мужа Гермодора, говоря: «Пусть не будет среди нас никто наилучшим, а раз такой оказался, то пусть живет он в другом месте и с другими»...¹²³ Плутарх рассказывает, что когда голосовали изгнание Аристиду, то к нему самому, к Аристиду, подошел безграмотный голосователь и попросил его написать на черепице слово «Аристид». Тот, изумившись, спросил, не обидел ли его Аристид чем-нибудь. «Нисколько, даже и не знаю этого человека, *но меня сердит, когда я слышу, что его всюду называют праведным*». Ни слова не ответив, Аристид исполнил его просьбу и отдал ему надписанную черепицу...

Величие нестерпимо низкой душе. Лучшее компрометирует плохое; и потому оно должно быть устранено. «В крайних случаях клевета и убийство, а, главное, равенство... Не надо высших способностей... Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями, вот Шигалевщина». (Достоевский)¹²⁴. «Такова участь великих людей, – пишет Фридрих Великий, – их возносящаяся гениальность всегда подставляет под отравленные стрелы клеветы и зависти»...¹²⁵ Психологически это понятно: в лакейской не чтут героев и меряют людей подкаретными мерилками...

Третьим типичным источником заведомой клеветы является политическая и особенно демократическая *партийность* с ее собой атмосферой конкуренции, вражды и ненависти. В борьбе за власть, в кипении страстей, в погоне за голосами неосведомленных и обычно наивных граждан люди совершенно перестают отличать «критику» от «инсинуации»,

«обвинение» от «клеветы», доказуемое от недоказуемого, правдоподобное предположение от заведомой лжи. До правды ли тому, кто любой ценой добивается власти? Есть ли время подумать о *чужом* добром имени, когда *свое* поставлено на карту? Люди продолжают мальтретировать¹²⁶ чужую честь и начинают считать клевету лояльным способом борьбы; особенно потому, что *профессиональные* политики «критикуют» и огорчают друг друга *взаимно*. Тем более дикой и тем менее переносимой кажется эта атмосфера не-профессиональному¹²⁷ политику, который не привык смотреть на себя как на партийную и именно в силу этой партийности удобо-поносимую фигуру; он начинает относить клевету к своей *настоящей личности* и стремится как можно скорее выйти из этой неприятной «игры», чтобы избавить себя от эдаких «радостей общения»... О, если бы можно было совсем и навсегда отменить партийность! Если бы осуществилась мечта беспартийного патриотизма. Но нет: люди знают, что они скопом дерзновенней уже по тому одному, что свой своего всегда прикроет...

Замечательно, что партийность способна создавать такую же тягостную атмосферу и за пределами политики, например, *в литературе*. Достаточно вспомнить гневные слова такого мудрого, независимого и уравновешенного писателя, как Н. С. Лесков: «Среди бешеных и пошлых клевет, которым я долговременно подвергался в литературе за мою неспособность и нехотение рабствовать *презренному и отвратительному деспотизму партий*»¹²⁸... и т. д. А в наши дни после революции, когда атмосфера гражданской войны не изжита и ненависть как бы разлита в душах, партийная клевета и притом заведомая, проникла даже и в философию, не говоря о публицистике.

На что же рассчитывают эти люди? На чем строят свой успех «мастера сих дел»?

Прежде всего, на том, что большинство людей не твердо отличает добро от зла и особенно плохо умеют разбираться

в силах и способностях чужой души. Кто из нас, например, возьмется уверенно сказать про другого, что «такой-то» поступок он *мог бы* совершить, а «такой-то» – *ни при каких условиях*. Сказать – и не ошибиться. Разве «возможности» чужой души легко учесть? А тут человек утверждает с апломбом, авторитетно... Или играет на нашей подозрительности... Или делает ставку на нашу личную антипатию и вражду... Или же, наконец – это «*просто напечатано*, черным по белому!» «Не станут же зря печатать!» (о, наивность...).

В довершение всего, искусный клеветник ловко, но совершенно неправильно распределяет бремя доказательства: собственно говоря, *доказывать* должен он, клеветующий; но вот выходит, что «оправдываться», т. е. доказательно опровергать клевету – «должен» оклеветанный. Есть немало глупых людей, которые так и ставят вопрос: «про него сказано то-то; пусть же он теперь публично оправдывается; а пока не оправдается, считать его...» И рассуждая так, эти люди не понимают, что становятся сущими *приспешниками* клеветников. Подумать только: разве все на свете опровержимо. Разве у всякого из нас есть на всякий миг жизни припасенные свидетели-очевидцы. А ведь *отрицательный факт* (т. е. что такого события никогда не было!) – *вообще недоказуем*, ни при каких условиях: попробуйте только доказать, что вы никогда не обедали в таком-то ресторане вашего города; или попробуйте доказать, что вы не принадлежите к тайному обществу «компрочиков» (детопокупателей), главное гнездо которых находится в малайском архипелаге; или что вы не сочувствуете (втайне! втайне!) коммунистической пропаганде среди негров...

Вот почему бремя доказательства должно быть распределено иначе: доказывать должен клеветник и притом под страхом морального линчевания (или харакири), а не оклеветанный. Но люди этого не понимают: они любопытны, склонны верить всякой гадости о другом, злорадны, любят

сенсацию, завистливы и очень плохо разбираются в вопросах чести. Умный и искусный клеветник прекрасно знает правило: «ты только клеветчи, а уж что-нибудь да застрянет»¹²⁹; и зная это правило, он спокойно рассчитывает на «суд глупца и смех толпы холодной»¹³⁰. И надежда его в том, что оклеветанный начнет не драться хлыстом, а... оправдываться, пытаясь опровергнуть ловко выдуманный состав правдоподобных, но никогда и нигде не состоявшихся «фактов». А ведь известно, что «qui s'excuse – s'excuse»¹³¹.

Тут-то и приходят «радости общения»... Тут-то и начинается школа жизни, проба характера и такта...

Борьба с клеветой требует *особой техники и организации*. А пока их еще нет, многие будут вздыхать вместе с даровитым русским поэтом Владимиром Диксоном¹³²:

Зреет яблоко, зреет ягода,
Золотится добрая рожь.
А у нас – клевета и ябеда,
Человек человеку – нож.

12. О демагогии¹³³

1. В тех странах, где народные массы не обладают ни достаточным политическим развитием, ни достаточной политической организованностью, народное правление приводит с собой целый ряд дурных, болезненных явлений, которые можно обозначить так: *политическая нечестность пользуется темнотою народа*. Если эти явления получают распространение или даже господство, то народное правление оказывается неспособным руководить жизнью государства: оно быстро вырождается и, подорвав веру в свободу и демократию, уступает место старому строю и старому гнету.

2. Введение народного правления сразу резко изменяет самое *строение* государства.

Без полномочия на власть («публичного полномочия») вообще нельзя властвовать от лица государства, – ни при каком строе. Но по введении народного правления источником такого полномочия оказывается *сам народ*, передающий его посредством *избрания*: властвовать от лица государства может только тот, кто заручился на выборах *доверием* и *одобрением* народа. В этом основная сущность *демократии*: правление исходит от самого народа, который должен *избирать наилучших и честнейших* граждан и передавать им на срок ведение государственных дел за их личной ответственностью и за ответственностью их партий. При этом граждане, уполномоченные народом к власти, должны вести себя как *ответственные слуги государства*. Служение их состоит в том, что они посредством законов, указов и распоряжений устраивают государственную жизнь, руководясь своею политической программой; в политической же программе, которою они себя связывают, – изложено их понимание государственного, т. е. всенародного, блага. Голосуя на выборах за какую-нибудь партию, народ выражает ей свое доверие и одобряет ее программу, а партия оказывается связанной обещаниями и обязательствами своей программы; и так, доверяя и одобряя, народ передает ей *полномочие служить государству, властвуя от его лица и исполняя свои политические обязательства*.

3. В этом порядке есть глубокая правильность. Нельзя решать за взрослых и сознательных граждан, в чем их благо, и наделять их этим благом принудительно: это значит рассматривать их как малолетних. Нельзя управлять народом вопреки его воле: это значит делать людей рабами. Нельзя заставлять людей жить так, как они этого не хотят: это значит ставить их в положение животных.

Но этот порядок имеет свои затруднения и опасности. Далеко не всякий, не всегда и не во всех отношениях знает и понимает, в чем состоит *его собственное благо*, в чем интерес его *класса* и в чем благо *всего народа и государства*.

Народ часто бредет в политике ощупью, недостаточно понимая свою задачу и не зная, кому верить и за что стоять. И поэтому в его среде легко распространяется уверенность, что в политике надо и можно стоять только за себя, да разве еще за свой класс; что политическая жизнь есть простое состязание частных и классовых интересов; и что средняя линия государственного дела слагается сама в этой борьбе *неограниченных притязаний*; что надо всегда «требовать» как можно больше и что всякая ссылка на государственный интерес есть простое лицемерие.

Неспособность подняться до правильного понимания политической жизни заставляет темного, несознательного человека верить только тому, кто отстаивает его личный и его классовый интерес *без всяких ограничений*, и голосовать за ту партию, которая «обещает» ему больше других. Несознательность мешает ему понять, что *исключительное* торжество какого-нибудь одного класса может идти только в ущерб другим классам и что оно неизбежно должно вызвать с их стороны, рано или поздно, такой озлобленный отпор, который сведет к нулю все добытое. Точно так же неосведомленность мешает ему рассмотреть, *возможно ли, осуществимо ли* то, чего он требует и что ему обещает его партия.

В результате всего этого народная темнота ведет к тому, что народу не удастся выйти на верный путь *государственной* политики, а узкоклассовая борьба, лишенная государственного понимания, отдает его во власть *демагогов*.

5. Политическая партия, стоящая на высоте, *не ищет и не может искать* власти во что бы то ни стало.

Она составляет свою программу на основании того, как она *действительно понимает* государственный, т.е. все-народный, интерес. Она отправляется от того, что благо государства включает в себя *каждый справедливый* общественный интерес *каждого гражданина* и *каждого* класса и что, обратно, каждый интерес государства есть тем самым

кровный интерес каждого класса и *каждого* гражданина. Нет и не может быть такого справедливого классового интереса, который не был бы в то же самое время интересом всего государства в целом; но зато и интерес каждого класса неизбежно ограничивается интересом государства и справедливыми интересами других классов. Поэтому *ни одна сознательная и честная* политическая партия не может включать в свою программу требований, отстаивающих *несправедливый* или *противогосударственный* интерес какого-нибудь класса; ни одна сознательная и честная политическая партия не может отстаивать такой классовый интерес, который *совершенно исключает* существование граждан другого класса, как бы стирая их с лица земли; и наконец, ни одна сознательная и честная политическая партия не может и не должна строить свою программу на требованиях народа, которые она признает не подлежащими, по справедливости, удовлетворению. Всякие отступления от правила, всякие допущения партийных «подачек» народу, «приманок», «соблазнов», «засывающих обещаний» и «посулов» – вносят в политическую жизнь *разложение*: они низводят политику на уровень недостойного торгашества, разжигают корысть и строят государственную жизнь на явной лжи и тайном подкупе. Такие партии лишают уважения и себя, и все государственное дело. Нельзя взывать к корыстной слепоте народа: иначе в жизни водворяется *политическая порочность*. Но именно так поступают *демагоги*.

6. Демагог есть политический деятель, который старается *во что бы то ни стало* привлечь к себе доверие и одобрение народа, и особенно избирателей.

Подобно тому, как при старом строе честолюбцы и властолюбцы, искавшие власти *во что бы то ни стало*, – толпились вокруг трона, стараясь попасться на глаза, угодить, выслужиться и получить полномочие на власть; подобно этому при новом строе все, *ищущие власти во что бы то ни стало*,

идут к народу с тем, чтобы угодить ему, выслужиться перед ним на словах и заручиться его голосами на выборах. Такие люди преследуют в политике не всенародный интерес и не государственные цели; они имеют в виду *частный* интерес своей политической партии и своего класса, а в худшем случае – *частный* интерес своей личной карьеры. Политическое воспитание народа, обучающее людей быть гражданами, т. е. по доброй воле сливать свой интерес с интересом государства и переживать свою политическую свободу как ряд ответственных обязанностей, ничего не говорит их уму и сердцу. Они строят благо свое и своей партии не на зрелости народа, а на его незрелости и обращаются к народу не с тем, чтобы воспитать его к государственной жизни, а с тем, чтобы упрочить в нем неспособность к ней.

7. Политическое воспитание народа состоит прежде всего в том, чтобы научить народ *самостоятельно думать* о государственной жизни, понимать ее задачи и самостоятельно действовать во имя ее целей.

Именно эта самостоятельность в мысли и действии неизбежно положит конец демагогии. Понятно, что демагог совсем не имеет интереса спешить навстречу своему концу и поэтому относится враждебно к политической самодеятельности народа. Он не просвещает тех, кому говорит, а запутывает, отводит глаза, наводит на ложный след. Он обращается не к разуму народа и не к доброй воле его, а к темному чувству и корыстной страсти. Лишенный чувства ответственности, он не выясняет истинное положение дел и не объясняет его, а искажает так, как это ему нужно. Он не доказывает, а прельщает или пугает; он старается разбудить в душах чувство подозрения, обострить недоверие, вызвать непримиримую жадность и ненависть. Он все время работает над тем, чтобы ослепить взор и заглушить разум, и в этой темноте выковывает свой успех.

8. Демагог ищет *слепого доверия* к себе; только оно удовлетворяет его, ибо зрячий ум быстро разглядит его настоящую

цель, быстро поймет, что за неистовыми словами скрывается не государственный интерес, а *частный*.

Добиваясь слепого доверия, демагог стремится освободить себя от возможной проверки его слов и необходимого контроля за его делами. Для этого, между прочим, он стремится поселить недоверие в народе ко всем остальным деятелям и партиям. Он ищет всегда изобразить своего противника как «обманщика» и «предателя» или, по крайней мере, как «контрреволюционера», изобразить его как хитрого лжеца и лишить его всякого доверия; критика его постоянно похожа на инсинуацию (т. е. недостойное и неверное обвинение), возражения его постоянно компрометируют (т. е. лишают доброго имени). Добиваясь слепого доверия к себе, он истребляет доверие к другим; а сам не доверяет никому – ни другим партиям, ни самому народу.

Поэтому демагог вносит в политическую жизнь дух вражды, злобы и разъединения, подрывающий ту *необходимую* волю к единению, без которого народ не может создавать и иметь *единую и общую* государственную власть, – т. е. не может оставаться единым государственным союзом.

9. Демагог ведет себя *перед народом* как *угодливый льстец*, а *в отсутствие народа* – как *повелитель и деспот*. Обращаясь к народу, он ставит его выше себя, преклоняется перед ним, заискивает, а подчас бывает готов и на публичное унижение. Но именно тот, кто в глаза унижается перед народом, тот за глаза относится к нему с пренебрежением. В этом демагог подобен льстивому царедворцу, который часто тем более презирает своего владыку, чем раболепнее склоняется перед ним, угождая.

Демагог старается говорить народу то самое, чего народу хочется; но только для того, чтобы склонить народное мнение на свою сторону и навязать ему *свое желание*. Слепое доверие необходимо ему для того, чтобы потом, заручившись им, говорить *от себя* за народ, *вместо* народа.

Демагог ищет деспотической власти, но делает вид, будто ищет народную волю и творит только ее. Бросая народу подачки, он стремится самовластно вести его за собою так, как опытный сторож ведет за собою в клетку убежавшего носорога: бросив ему в рот желанную жвачку, но не давая проглотить, он подергивает за нее и побуждает тем идти за собою.

10. Но если демагог не ищет подлинного выяснения *народной воли*, то он не является *демократом*: ибо демократ стремится прежде всего выяснить *действительную и сознательную политическую волю народа*, с тем чтобы подчинить ей пути государственной власти.

Демагог есть менее всего демократ: он – *деспот*, преследующий свой партийный или личный интерес. Он – деспот, который стремится господствовать не силой окрика или оружия, а силою лести, корысти и темноты. Он не ищет народной власти, а стремится выдать *свою* волю за волю народа. Он ищет власти, а не народовластия. Он хочет властно вести народ за собою, а не быть несомым народною силою. Ему важно, не что народ идет, а что *он ведет* за собою *толпу*. Ему важно получить голоса, но ему не важно, чтобы эти голоса были поданы сознательно и согласно с интересами государства. Он яростно избобличает других в том, что они не считаются с «желаниями многомиллионного народа»; а сам стремится – не взять свои лозунги у сознательного народа, но навязать *свой лозунг* бессознательным массам.

Демагог не верит в народ, в его природный разум, в его способность *понимать и иметь свою собственную волю*. Он боится этого понимания и этой самостоятельной воли; он *боится народа* и его подлинного голоса и не верит ему. В сущности говоря, народ всегда остается в его глазах – толпою, или даже чернью.

Поэтому демагог есть худшая разновидность деспота: он – *пресмыкающийся властолюбец*.

11. Демагоги, завладевая вниманием и доверием народа, ведут политические дела так, что народная *организация* оказывается *мнимой* и существует только по внешней видимости.

Они не имеют за собою никакой действительной силы и не умеют ее организовать. Поэтому они не знают, что такое настоящий *учет сил*: им некого и нечего подсчитывать, потому что они остаются всегда *минутными* вожаками толпы и теряют связь с народом тотчас же после того, как пройдет минута шумного выступления. Проходит момент, волна движения стихает, вожаки уходят к власти или исчезают, а распыленная и бессознательная масса народа остается с преувеличенными надеждами и требованиями, и в состоянии острого разочарования. Между тем настоящая политическая организация, если она действительно возникла, существует не только во время общественного подъема, но и во время упадка движения. Политические деятели и борцы, раз устроив политическую партию, – не теряют связи друг с другом и в то время, когда политическая жизнь, по-видимому, входит в свое обычное русло и как будто затихает: они по-прежнему помнят свою общую цель, сохраняют свой союз и поддерживают друг в друге бодрость, веру в дело и желание бороться дальше. Политическая партия, хорошо организованная, не идет за демагогами и не разделяет их судьбу.

12. Понятно, что такое состояние *бессознательности и распыления*, такая ослепленность *страстью и узкоклассовым интересом*, – оказывается в высшей степени подходящим для врагов народа.

Наемные слуги старой власти умеют ловко пользоваться этим состоянием и сами принимают на себя *обличие демагогов*.

Пользуясь тем, что массы народа не знают своих вожаков и что вожаки приходят к народу извне, агенты старого порядка проникают в революционные партии или даже сами устраивают подобие особых партий, – то крайних левых, то крайних

правых. Они легко и быстро усваивают манеры и речи демагогов, а страстность движения и бессознательность народа помогает им укрываться за личиною вожаков. Они вкрадываются в доверие и ловкими маневрами ищут погубить все дело.

Задача этих агентов, называемых «провокаторами», состоит не только в том, чтобы узнать имена и замыслы революционных вождей и положить конец их деятельности доносом и арестом, но нередко и в том, чтобы *усилить среди них демагогию*, овладеть движением изнутри и направить его к гибели. Задача их в том, чтобы *окончательно* запутать сознание народа, разжечь в нем страсти, ослепить его разум и в то же время сосредоточить на себе его доверие, а в своих руках – руководство движением. Достигнув этого, они вызывают в партии и в народе склонность к нелепым и вредным начинаниям: например, открыть вооруженную борьбу тогда, когда у народа нет оружия, а войска поддерживают старую власть; или начать дикий и бессмысленный погром лавок и домов, с тем чтобы восстановить все остальное население против погромщиков и лишить сторонников революционного беспорядка всякого сочувствия; пока старое правительство на месте, они стараются отвлечь от него гнев народа и устроить ему «революционный громоотвод», сливая вину на евреев, на армян, на масонов, на студентов, на профессоров или на кого угодно; а как только старое правительство оказывается низложенным, они подговаривают народ идти против временного правительства, выдумывая о нем разные небылицы и всячески стараясь обострить беспорядки и вызвать в деревнях погромы и поджоги. Им необходимо как можно скорее растратить и утомить революционную волю, напугать всех беспорядком и безначалием и заставить желать *порядка во что бы то ни стало*, хотя бы ценою свободы и обновления.

13. Их называют «провокаторами» потому, что они стремятся *вызвать* (провоцировать) народ на такие поступки, которые выгодны *им*, но *пагубны для народного дела*. Когда

им надо, они *вызывают* панику, а когда надо – ярость. Они подражают ловкому карманнику, который кричит в театре «пожар!» и во время общей сутолоки вытаскивает кошельки и бумажники. Или они подражают той овце, которая бросается бежать через рельсы, сама перебегает и спасается, но увлекает все остальное стадо под поезд. Они знают, что гнев народа непобедим, если он накапливается медленно, если он зреет в страданиях и размышлениях и организуется; именно поэтому они стремятся то отвести его на другое, то разрядить его раньше времени, то не дать ему сорганизоваться: разряженный пистолет не опасен, и они стараются заставить разрядить его в воздух. Они выбирают то вредный момент, то вредный способ действий, то вредное направление. Они овладевают рулем только для того, чтобы посадить корабль на мель или бросить его на скалу. Для них хороши *все* средства, когда надо добиться успеха: провокатор может притвориться революционером для того, чтобы потом провороваться и подорвать доверие к партии; но он может притвориться и монархистом, который кричит и проливает слезы при виде царя.

Провокатор есть человек, который, служа за деньги старому порядку, стремится погубить народное движение посредством политического притворства, лжи и предательства, – посредством коварного подталкивания людей на вредные и глупые поступки. Понятно, что народная темнота и неорганизованность открывают ему настежь двери; понятно также, почему поведение демагогов особенно благоприятствует его пагубным начинаниям.

14. Провокация может иметь успех только там, где народ политически *бессознателен и неорганизован*, где ум его *ослеплен страстью* и не может трезво разбираться в событиях жизни. Но именно такое состояние поддерживает в народе демагогия. Поэтому демагоги, иногда сами того не зная, готовят почву для провокаторов: они создают в политике ту «мутную воду», которая необходима агентам старого порядка.

Недостаточная политическая честность создает те условия, в которых потом делает свое дело *политическая подлость* и *политическое предательство*.

Так, если партийный вождь способен утверждать неправду, а народ способен ему верить, – то для злостной лжи провокатора в душах приготовлено помещение. Если партийный вожак не умеет учитывать и беречь силы и народ не привык к обдуманности в решениях, – то провокатору ничего не стоит толкнуть движение в сторону нелепого и вредоносного взрыва. Если партийный вождь недостаточно известен народу и пристегивается к движению извне или в последний момент, – то провокатору легко пристегнуться рядом с ним. Если народ неорганизован, – то он представляет из себя пеструю толпу со случайным составом, а толпа всегда имеет неустойчивое настроение и, подобно ребенку, отдается первому острому впечатлению и порыву. И так же во всем остальном.

Вредно и пагубно жить в политике одним чувством; еще вреднее и пагубнее приучать к этому народ. Политическое просвещение («пропаганда») должно всегда и непременно готовить всякое политическое действие; призыв действовать («агитация») только тогда не есть призыв губить дело, когда призывающий объясняет, а призываемый понимает, – что нужно делать и для чего именно. Политическая борьба имеет смысл только тогда, если ею руководит воспитанная воля и просвещенный разум, т. е. воля, умеющая владеть страстью, и разум, понимающий *цель* политической борьбы и ее *средства*.

Тот, кто хочет участвовать в политической жизни, должен прежде всего отчетливо *понять*: что такое государство? каковы его цели? в чем задачи политической борьбы? что такое право? что значит быть гражданином? что такое политическая свобода? что такое политическая партия? что такое партийная программа? и какими путями можно и нельзя идти в политике?

Тогда он поймет все опасности, к которым ведет господство *чувства и страсти* в политике: он поймет, что демагог вызывает к *одному чувству*, а провокатор разжигает необузданную *страсть*.

15. Теперь уже не трудно понять, почему именно крайние партии особенно подвержены ошибкам демагогов и участию провокаторов.

Это объясняется тем, что в крайние партии входят люди, особенно остро не удовлетворенные существующим строем: крайние правые хотят резко изменить его в пользу деспотизма, богатых классов и несправедливости; крайние левые хотят резко изменить его в сторону народного правления, в пользу неимущих классов и справедливости. Между теми и другими есть глубокое различие – и политическое, и общественное, и нравственное. И несмотря на все эти различия, они похожи друг на друга в том, что руководятся в политике прежде всего *страстным чувством*. Страсть всюду остается страстью: дурная страсть крайних правых, отстаивающих свой несправедливый классовый интерес, настолько же может отнять руководство у воли и разума, насколько и благородная страсть крайних левых, отстаивающих справедливый классовый интерес. Эта классовая и политическая страсть ослепляет взгляд вождя и туманит понимание народа.

Злая корысть, направляя поведение крайних правых («Союз русского народа»), лишает их всякого нравственного и политического смысла; она ведет их по пути погромов, доносов и беззастенчивой лжи и ставит их на одну доску с провокаторами. Это¹³⁴ люди *совершенно лишены правосознания и чувства ответственности*.

Справедливо, но узко и односторонне понятый классовый интерес, направляя крайних левых (социал-демократы «большевики», «максималисты», анархисты), лишает их трезвого и верного понимания того, что теперь на самом деле происходит и что при существующих условиях возможно

и осуществимо; это заставляет их тяготеть к длительным революционным беспорядкам, к захватной борьбе и разжиганию классовой ненависти. Они не видят того, что такой способ борьбы растрчивает революционную волю народа на мимолетные завоевания и отвлекает силы от организации. И когда они допускают демагогические приемы в обращении к народу, то они обнаруживают, что у них в душе живет *нездоровое, изуродованное правосознание*, – печальное наследие старого строя.

16. Не следует думать, однако, что демагогия уживается только в крайних партиях, и что провокация есть прием борьбы, свойственный только переодетым агентам старого строя.

Демагогические приемы могут пускаться в ход людьми самых различных партий и воззрений; но всюду и всегда эти приемы остаются *порочными*. Каждый раз, как партия, для привлечения голосов на выборах, включает в свою программу пункт, отстаивающий в виде «подачки» интерес, который она не признает справедливым и которому она не сочувствует, – она оказывается повинною в *частичной демагогии*. Каждый раз, как оратор, обращаясь к народу, доказывает свое мнение не по существу, не от предмета, а стараясь привлечь на свою сторону корысть, или честолюбие, или слепую страсть, или дурную склонность своих слушателей, – он бывает повинен в *демагогии*: он низводит политику и сам опускается до уровня тех людей, которые ищут *не политической правды, а политической заразы*. Всякий, кто думает, что истина меняется в зависимости от человеческого мнения; что о любом предмете можно говорить и *за*, и *против*, сразу имея два «убеждения»; что истина – это то, в чем я сумею «убедить» других и т. д.; всякий, кто говорит к народу не по совести и не от совести, не будучи сам твердо убежден в том, что отстаивает, – всякий в большей или меньшей степени окажется, сам того не замечая, повинным в демагогии: он начнет неизбежно *приспособлять* истину и свое *убеждение* к мнению слушателей,

заставляя свою совесть и свою речь *пресмыкаться перед мнением толпы*. К демагогическим приемам может обращаться и дурное правительство с тем, чтобы прикрыть свою корысть волею народа.

Демагогия есть *яд*, который незаметно проникает в людские души, и только *мысль да честное повиновение совести* в делах политики могут служить здесь противоядием.

17. Тяготение к *демагогии* вспыхивает в политической жизни особенно тогда, когда в связи с народным движением выдвигаются идеи *демократии*. При недостаточной политической зрелости народа это тяготение обнаруживается в самых различных общественных организациях.

Всегда и всюду есть высшие и низшие. Более опытные, более образованные, руководители дела, начальники – всегда стоят и *всегда будут стоять* выше менее опытных, менее образованных сотрудников, помощников и подчиненных. Никакое *политическое равенство* не устраняет этого и не устранит. Политическое равенство состоит в том, что *каждый* человек, без исключения, признается *гражданином*, имеет *один* голос на выборах и *может получить доступ* (в зависимости от ума, таланта, знания, честности и опыта) ко *всякому* званию и должности. Но такое равенство совсем не означает, что каждый гражданин способен занять всякое место и всякую должность по своему усмотрению; такое равенство совсем не означает, что каждый гражданин может делать все, что захочет; что всякий ко всему уполномочен; или что никто никому не обязан подчиняться; или что необразованный человек способен делать то же самое, что делает образованный, и т. д. Учитель *всегда* останется выше ученика, директор – выше подчиненного, врач – выше фельдшера и сиделки, офицер – выше солдата, мастер – выше рабочего, министр – выше простых чиновников. Они будут всегда *равны как граждане*, но в *своем деле* – они будут всегда *не равны*.

И вот, дурное, ложное понимание демократии приводит к тому, что люди перестают с этим считаться и воображают, что каждый равен каждому *во всех отношениях*. Они не понимают, что *большее полномочие* возлагает на человека *большую обязанность и большую ответственность* и что не всякий человек способен взять на себя эту *большую ответственность и большую обязанность*; они не понимают, что тот, кто желает иметь высшее полномочие, должен обладать высшими способностями; мало того: что он *по праву*, в определенном правовом порядке, т. е. с согласия других, ведающих это дело, должен взять на себя и эту высшую обязанность, и эту высшую ответственность. После долгого политического гнета душами людей овладевает *слепое влечение к равенству* и слепое преклонение перед ним. Дурная привычка беспрекословно и во всем повиноваться и лишь про себя протестовать превращается в *полное нежелание повиноваться*; всякий думает, что он во всем «не глупее других» и «тоже может распоряжаться»; мало того: слагается уверенность, что в этом-то и состоит сущность демократии и что все устроится быстро и к лучшему, если властей будет столько, сколько голов.

Если высшие не стараются разъяснить низшим ошибочность этого убеждения, но сами подговаривают их действовать в этом направлении, то они становятся *демагогами* самого неприглядного свойства. Из страха, или из корысти, или от политической незрелости, они отдают свое дело, свое ответственное полномочие, свое призвание – в безответственные, неумелые, непризванные руки и тем обнаруживают, что сами не понимают сущности демократии. Ибо демократия *не* состоит в том, чтобы *правили худшие*, а в том, чтобы народ умел выбирать *лучших* и, признавая их правление, помогал им устраивать государственную жизнь к лучшему. Можно быть заранее уверенным, что такой демагог станет худшим деспотом при возвращении старого строя.

18. Неправильно было бы, далее, думать, что *провокация* есть прием борьбы, свойственный только переодетым агентам старого строя. В общественной жизни люди часто обращаются к таким приемам, которыми они пытаются вызвать со стороны противника вредный для его собственного дела поступок: например, в споре – обнаружить слабую сторону своего воззрения; или на войне – обнажить какую-нибудь часть своего фронта; или в игре и фехтовании – сделать неловкое движение. В политике провокация получает *порочный* характер тогда, когда она ищет *погубить* противника *коварством* или *обманом*.

Так, фабриканты могут в подходящий момент объявить рабочим массовый расчет (локаут) для того, чтобы вызвать с их стороны беспорядки, которые затем будут подавлены вооруженною силою, арестами и высылками. Так, венское реакционное правительство отменило 19 августа 1848 года правительственное пособие безработным для того, чтобы вызвать волнения среди рабочих и тем внести раскол между рабочими и национальною гвардиею. Таким образом, политическая провокация обычно пускает в ход все те уловки, которые известны под названием *военных хитростей*: это, естественно, делает борющихся – *врагами* и вводит в жизнь начало *гражданской войны*. Деление народа на политические партии отходит на задний план и уступает свое место делению народа на два или более враждебных лагеря. Враги стараются посредством взаимной провокации – не дать друг другу собраться и организовать свои силы, не дать заключить союз, вызвать друг у друга несогласие, раздор, панику, разложение и т. д. Государственная жизнь превращается тогда в поле брани, политическое единение исчезает, и гражданская война охватывает страну.

Борьба на путях взаимной провокации оказывается не *политическим состязанием*, а *противогосударственною* взаимною *враждою* сограждан; она расшатывает самые основы государства и готовит конец политическому обновлению.

19. Политическая сознательность и организованность постепенно искореняют и демагогию, и провокацию.

Демагогия исчезает по мере того, как народ научается знать, что ему нужно, чего он желает и, вместе с тем, что возможно и невозможно. Народная воля и народное решение не предлагаются уже народу извне, со стороны, но вырастают из подлинной народной потребности и подлинного народного понимания. Политическая программа начинает слагаться в правильном порядке: в нее входят *потребности* народа, которые народ сам *осознал* и удовлетворения которых он *действительно желает*.

Сам выдвигая свои потребности и слагая свою волю, народ начинает выдвигать и своих вождей из своих собственных рядов. Руководитель партии, выдвигаясь из народной среды, перестает быть «вожаком» и становится истинным *вождем*: он сам выстрадал то, о чем говорит, и сам, подлинным опытом, дошел до необходимости того, что теперь отстаивает; умудренный своими и народными страданиями, он несет свои требования *от* народа и *из* народа. Он уже не ведет за собою темную толпу: сознательный народ несет его на своей вершине. Он уже не боится народа, потому что он сам живой орган народа. Он несет свое полномочие как трудную обязанность и сам дорожит своею ответственностью перед народом. Народ доверяет ему, как самому себе, а он доверяется народу, как своей политической совести. Вождь и народ оказываются спаянными общей целью, общою деятельностью и общою ответственностью: их питает одинаковое сознание, их ведет одинаковая воля.

В среду таких вождей уже не может замешаться провокатор, и призывы его, идущие со стороны, такому народу не страшны. Организованность народа и духовная связь между ним и его вождем – исключают возможность случайных влияний; истинная организация связывает своих членов непоколебимым взаимным доверием и поддерживает в них со-

знательное и мужественное спокойствие. Организованный народ никому не позволит вызвать себя на вредные решения и нелепые поступки. Он уверенно и спокойно идет к своей цели, создавая истинное народное правление и свободную, достойную жизнь.

13. О бедности и жадности¹³⁵

Где она начинается, бедность? Какой малостью должен обладать человек, чтобы считаться «бедным»? Кто знает?

Я часто видел богатых и даже очень богатых людей, считавших себя «бедными» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Они страстно жаждали большего, гораздо большего; они «нуждались» в том, в чем они вовсе не нуждались; они напряженно глядели «вверх», и только «вверх», и постоянно подсчитывали, чего им еще не хватает. Ненасытный, когда насытится он? Как помочь тому, кто забыл прекрасное слово «довольно»?

Я видел также людей в довольно стесненных обстоятельствах, считавших себя «достаточно богатыми» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Их «состояние» было более чем скромно: они жили от жалованья до жалованья. И не нуждались в том, что им действительно было нужно; спокойно смотрели они «вниз» и часто подсчитывали, чего еще они должны лишиться и как много людей, которым не хватает самого необходимого. Так называемые «лишения» давались им легко. Они были мастерами утешения; сами же не очень нуждались и в утешении. Мне казалось всегда, что свое «состояние» или скорее – «сокровище» они поместили куда-то в другое место. (Куда?¹³⁶)

Но это означает, что объективные размеры состояния не могут решить вопрос «существования в бедности». Маленький мешок скоро наполнится; но большой мешок с ды-

рой – никогда. И еще: каждый должен решать сам для себя, «беден» ли он; другие судят об этом всегда неверно. И последнее – если ты хочешь для своих детей богатства, научи их смотреть «вниз» и легко переносить лишения; а еще вкусу к «довольно»; и духовной способности помещать свое «сокровище» куда-нибудь в другое место.

Итак, на земле нет бедности вообще? – Увы! Существует двоякая бедность. Материальная – когда человек теряет работу и переживает трагедию, которая кажется ему трагедией «лишнего» существа на свете; когда уже не имеет силы его право на работу и на жизнь; когда он сам уже не нужен; когда он уже не может смотреть «вниз», потому что для него нет больше «низа»; когда ему уже не может помочь искусство переносить лишения и довольствоваться тем, что есть. Тогда человек беден, действительно беден; тогда это настоящая бедность.

Наряду с ней существует и духовная бедность, это когда человек не может постичь, что есть верное и прекрасное «иное место», в которое он может поместить свое истинное «состояние», свое истинное «сокровище»; когда он воспринимает речи об этом «ином месте» как глупость, с издевкой отвергая их. Из-за этого сам человек делается как бы «лишним»; бессмысленными становятся его жизнь и его достижения; и пока он не поймет этого, сам он едва ли нужен. Он даже не подозревает, чего в действительности лишился и куда, собственно, направляется. В этом случае человек снова беден, по-настоящему беден, но совсем в другом смысле. Вот это и есть настоящая бедность.

Но самое печальное заключается в том, что люди второго вида бедности так часто проходят холодно и гордо мимо людей первого вида бедности. Отсюда возникает безбожный, нехристианский порядок жизни. А в нем – беда и опасность сегодняшнего мира.

III. ОБНОВЛЕНИЕ

14. О покаянии¹³⁷

Русскому народу необходимо духовное обновление.

В самом деле, что же другое необходимо ему вместо того систематического насилия, которое именуется «социализмом» или «коммунизмом», и вместо того пролганного хаоса, который представляет из себя в большинстве случаев так называемый «демократический строй»? Мы отвергаем и это насилие, и этот хаос. Мы говорим им «нет»! Но этого мало. Отвержение еще ничего не определяет... Человек творит, *утверждая*, а не отвергая. Мало отвергнуть мерзость коммунизма и удручающую, разлагающе-разорительную глупость социализма: надо *обосновать и утвердить частную собственность*... Мало вскрыть и доказать тот всенародный самообман, который обычно осуществляется в демократии: надо найти тот *здоровый исход*, который не грозил бы государству ни тиранией, ни тоталитарным строем, ни разложением, идущим от «партийной демократии»... И пусть не говорят нам, что наши предложения фантастичны, утопичны или неосуществимы! Пусть сами ищут, находят и предлагают *свое*, не «свое» скомпрометированное и губительное, а свое – новое, творческое, *жизненно-верное*. Конечно, легче всего настаивать на провалившейся выдумке: и думать не надо и творчества не требуется; остается только твер-

дять свое, завладеть явно и тайно аппаратом пропаганды, замалчивать или просто пачкать противника и... валиться в пропасть.

Но мы не желаем и не смеем этого: перед нами *великая Россия*, ее *погибель* или *возрождение*. И мы отлично знаем, чего именно хотят для нее провалившиеся выдумщики.

Итак, что же мы предлагаем и что мы будем пожизненно отстаивать?

Прежде всего мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас *сама по себе*, независимо от *внутреннего, душевно-духовного изменения человека*. Нет такой «избирательной системы», нет такого государственного устройства, нет такого церковного строя, нет такого школьного порядка, которые обещали бы человечеству, и в частности, в особенности России, обновление и возрождение, независимо от того, что будет любить сердце человека, чего будет добиваться его воля¹³⁸, что будет созерцать его изображение и каков будет внутренний уклад его мысли и настроений и каковы будут дела его жизни... Невозможно, чтобы дрянные люди со злою волею обновили и усовершенствовали общественную жизнь. Жадный пустит в ход все средства; продажный все продаст; человек, в коем *Бога* нет, превратит всю жизнь в тайное и явное преступление. Внешнее само по себе не разрешает вопросов жизни; форма и реформа сами по себе не обеспечивают человеку ни духовности, ни духовного спасения; никакой государственный строй не сообщит человеку ни любви, ни доброты, ни чувства ответственности, ни честности, ни благородства. Истинное обновление идет не от внешнего внутрь, не от формы к содержанию, не от видимости к существу, а обратно. И странно, даже страшно доказывать это через 2000 лет после Рождества Христова; странно потому, что люди, по-видимому, *прошли мимо Христианства*; страшно потому, что мы не видим, чем и как восстановить и утвердить непринятое откровение.

Все великое и священное идет изнутри, – от сердечного созерцания; из глубины, – от постигающей и приемлющей любви; из таинственной духовности инстинкта; от воспламенившейся воли; от узревшего разума; от очистившегося воображения. Если внутри смутно, нечисто, злобно, жадно, скверно, то не поможет никакая внешняя форма, никакой запрет, никакая угроза, никакое «избирательное право», особенно всеобщее, равное и прямое. Знаем: не наше дело учить другие народы. Они сами тысячелетиями делали свою историю; сами уродовали свой духовный акт, содействуя его оскудению и формализации; они сами дошли ныне до духовной пустоты, до духовно-бессмысленной техники и самодовлеющего спорта, до так называемого «модернизма», в коем зло выдается за главное, а добро презирается как ненужная сентиментальность; они сами стали жертвою пустой формы – в науке, в политике, в искусстве, в культе машины и во всем прочем. Не нам их учить, не нам их исправлять. Да и самодовольство их сделало бы все наши попытки смешными. Послушайте только, что католические прелаты говорят о «Божией метле», выметающей Православие из мировой культуры... Прислушайтесь к тому, как протестанты собираются «впервые» внести «евангельский свет» в темные дебри восточно-русского языка... Вникните в то высокомерие, с которым европейские «цивилизованные» народы обсуждают «совершенство своих конституционных форм», не усматривая ничего особенного ни в том, что кандидат в Сев. Ам. президенты вытирает себе лицо, забросанное гнилыми томатами и тухлыми яйцами, ни в том, что составление работоспособного министерства во Франции становится неразрешимой задачей, ни в том, как парламентская полиция растаскивает побоище господ римских сенаторов, ни в том, какую деморализацию водворили господа английские социалисты в организации медицинской «помощи» больным... Было время, когда русская интеллигенция считала западный политический строй «образцом» для России.

Это время прошло. Мы видели и наблюдали достаточно. Мы научились тому, что истинное строительство есть *творчество*, а не *подражание*. Мы увидели *истинное лицо запада*: сначала в советском коммунизме, потом в европейском социализме и, наконец, в том, что называется «свободным строем», в действительности руководимом из-за кулисы. Верить в свободу этого строя могут только люди политически близорукие или наивно-доверчивые. Ибо свобода совсем не сводится к голосованию всех по всем вопросам; корни ее лежат гораздо глубже и выражается она в гораздо более существенных проявлениях, духовных, творческих и житейских.

Итак, мы не можем верить, что возрождение и обновление России придет от водворения в ней какой-нибудь другой, некоммунистической, может быть прямо антикоммунистической *формы правления* как таковой.

Мне приходилось встречать людей, непоколебимо уверенных в том, что стоит в России «провозгласить *монархию*» – и все «пойдет гладко и станет все на место». Слушаешь таких людей и удивляешься: для них история как будто не существует. Ведь монархический строй не может, что называется, «повиснуть в воздухе»; необходимы, по крайней мере, две предпосылки, две основы: во-первых – *верное монархическое строение души в народе*, которое можно было бы точнее всего выразить словами: *надо уметь иметь Царя*; и во-вторых, необходимы те *социальные силы*, которые понесли бы божьего Государя – преданностью, верностью, служением, честью, честностью и в особенности тем *правдоговорением перед лицом Государя*, которое необходимо ему самому, как «политический воздух». Имеются ли эти предпосылки в России? Россия ведь имела счастье быть монархией и почему-то развалилась... Почему? Не оттого ли, что она *разучилась* иметь Царя? Не от преобладания ли честолюбивой интриги над верностью и преданностью? Не от того ли, что *монархизм карьеры* вытеснил *монархизм служения*? Что же, дело с тех

пор усовершенствовалося? И притом значительно? Научились ли русские люди иметь Царя? Или они опять предадут его за свой частный прибыток на растерзание? – Вот о чем следовало бы подумать «провозглашателям». Монархия должна быть *подготовлена религиозно, морально и социально*; иначе «провозглашение» окажется пустым словом и началом нового разложения...

Но означает ли это, что можно ожидать большего¹³⁹ успеха от «провозглашения» *республики*? Так могут думать только люди, не понимающие, что республика есть всегда выражение особого душевного уклада; что необходимо *думать и чувствовать* по-республикански для того, чтобы республика возникла, окрепла и удалась. Где же учился и научился русский народ *так* думать и *так* чувствовать? У «временного правительства», заговорившего революционную толпу? Или у коммунистов, ловко поставивших революционную толпу на колени? Республиканец превыше всего ставит дело свободы. Где же учился русский народ этому свободолюбию? Не в коммунистических ли каторжных лагерях?.. Свобода есть умение сочетать *независимость с лояльностью*; а между тем оба эти начала попираются в России уже четвертый десяток лет... Республиканство есть политическое искусство строить государство при рыхлой, зависимой, подкопанной и нерешительной верховной власти. Можно себе представить, что начнется в «республиканской» России после сорока лет тоталитарного строя!..

«Провозгласить» в России республику – значит вернуться к пустому фразерству Временного Правительства и повторить гибельный эксперимент того времени в новом несравненно худшем виде. Государство есть не механизм, а организм; и всякая истинная и прочная форма жизни должна быть подготовлена в нем *органически*. Добавим к этому только, что в «органическую подготовку» всероссийской республики или много множества малых республик – мы не имеем *никаких*

оснований верить, ни исторических, ни географических, ни хозяйственных, ни культурных, ни духовных, ни религиозных. Надо совсем не знать или политически не постигать Россию, чтобы быть русским республиканцем.

Итак: *русскому народу необходимо духовное возрождение и обновление.*

* * *

Когда русские патриоты говорят о возрождении России, то они представляют себе обычно восстановление достойной *государственной формы*, возобновление осмысленного *хозяйства*, основанного на частной собственности, и возрождение *свободной русской культуры*. Кажется, что вот, рухнет тоталитарный режим, прекратится вмешательство коммунистического государства во все сферы человеческой жизни, возродится вольная, творческая инициатива – и Россия встанет, как долго спавший богатырь...

Мы совершенно не сомневаемся в том, что все указанное необходимо и что оно будет полезно и значительно, но постоянно с грустью думаем о том, что всего этого *мало*; что есть еще нечто, значительнейшее и глубочайшее, такое, что здесь не упомянуто, но что составляет самое естество человеческого бытия: это *личные качества и тяготения человека*; это то, как он поведет себя в личной жизни; и еще глубже: это его *вера*, его *совесть* и *верность*; это его *характер*; это то, что он способен совершить в общественной жизни и чего он *не может не* сделать. Словом, дело совсем не сводится к внешнему порядку, строю и «*успеху*» жизни, но к *внутреннему* укладу, строю и *характеру человека*. При внешнем приличии, порядке и свободе общественной жизни, человек может растить в себе безбожного, бессовестного и бесстыдного предателя, продажного пролазу, напуганного и трепещущего подхалима, – словом, жалкое и жалости достойное существо, на котором ни государства, ни тем более великой и славной духовной культуры

не построишь. Чем больше этого элемента в людях, тем слабее будет государство, тем больше¹⁴⁰ *порочности* будет гнездиться за ширмами парламента и всех учреждений, тем ближе государство будет к смуте и разрухе, тем непосильнее будут ему исторические испытания. И если этой продажности и порочности будет много, если русские люди будут мерить в жизни все личной жадностью, а не предметным достоинством, – то как возродим Россию? Что противопоставим напору внешних сил, стремящихся насадить коррупцию и разложить наше отечество? Как справимся с соблазнами озлобления, мести, фактического захвата (грабежа), лжи, доноса и, главное, продажности? А если не справимся с этими тяготениями и соблазнами, то не возродим Россию, а предадим ее мировой закулисе и разбазарим ее на мировом рынке...

Россия рухнула на наших глазах не потому, что русский человек был *силен во зле* и злобе, наподобие немцев, а потому, что он был *слаб в добре*; и в роковой час истории (1917) он не сумел извлечь из своего добродушия и утомления, из своей улыбочливой, песенной и ленивой души – ту энергию воли, ту решимость поступка, то искусство организации, то умение сопротивляться злу силою, которых потребовал от него час испытания. Русский человек оказался *слабым в добре* и подчинился нерусским людям, составляющим в стране ничтожное меньшинство (около 50 000 большевиков), но зато оказавшимся *сильными во зле*, сильными *бессовестностью* и *волею к власти*, сильными прямым и свирепым убийством.

И вот, в истории осуществилось невиданное и неслыханное: злое меньшинство, захватив власть, поставило на колени добродушное большинство народа, с тем, чтобы переделать его, сломать ему его моральный хребет, окончательно перемешать ему и его детям в душе понятия добра и зла, чести и бесчестия, права и несправия – и приучить его *голодом* и *страхом* к *безусловной покорности*. Эта была систематическая школа зла и предательства, основной принцип которой был формули-

рован чекистом Яковом Аграновым¹⁴¹ в 1921 году: «морально то, что *полезно* в *данный момент* международному пролетариату (т. е. большевикам)»... Это была школа, вечно грозящая безработицей, разгромом семьи, ссылкой, концлагерем и смертью. *Все* были ею захвачены: *никто* не мог уклониться от нее. Это была школа вечного притворства, лжи и доноительства...

Забудется ли в русской истории тот деревенский комсомолец, который донес на свою мать о «похищении» ею колосьев с «коллективного» поля (хотела его братьям-малышам кашу сварить!): мать была расстреляна, а доносчик прославлен, как образец, через всю советскую печать, с воспроизведением его гнусного портрета¹⁴²? Как забудем мы голос московского любимца, артиста В. И. Качалова-Шверубовича¹⁴³, требующего смертной казни для невинных людей из прежней промышленной буржуазии?

Вот уже 35 лет, как русские люди, принуждаемые и застрашиваемые советской властью, предают друг друга, чтобы спасти себя самих; присягают марксизму и «диамату», ничего в них не понимая; записываются в партию, которую считают погубительницей их родины; стараются думать и говорить то, что им прикажут; доносят на соседей и сослуживцев под угрозой увольнения со службы, т. е. общесемейного голода; демонстрируют преданность и «пафос», которых не имеют; скрывают свою веру, восхваляя безбожие и безверие, – словом, *предают* православие и Россию, служа большевикам и *растрачивая последние следы собственных воззрений и убеждений*. *Правда* и *ложь* смешались воедино. Подписывая ложный протокол допроса, русский человек должен добавить слово «чистосердечно», зная, что все содержание написанного противоречит истине. *Добро* и *зло* стали неразличимы: все строится на классовой и личной ненависти, на «выдвижении» угодливых негодяев, на жестокости вынуждения и принуждения¹⁴⁴, на пошлой и лживой лести без конца и края, на механизме затверженных формул. А за годы войны и официальная

церковь была вовлечена в эту систему лжи, о чем гласно засвидетельствовал Экзарх Балтийский Сергей¹⁴⁵, убитый впоследствии чекистами на большой дороге.

* * *

Мы прекрасно знаем, что та разлившаяся в России большевицкая порочность – *вынужденная*; что почти каждый, поддающийся ей, проходит через более или менее продолжительный период уговоров, угроз, лишений, увольнений, полуссылок, ссылок, арестов, тюрем и, конечно, нарочито придуманных унижений. Для того чтобы сломать хребет у сильного, надо, конечно, больше усилий и времени, нежели у слабого; но сильного можно и расстрелять.

Мы знаем еще, что в России есть люди *настолько сильные*, что они вырабатывают себе как бы *маску*, обличие мнимой лояльности в лице и в словах; они бывали и за границей, их можно увидеть и внутри России. Но что именно они думают и чувствуют, об этом не знает никто, даже гепеук про гепеука¹⁴⁶.

Мы знаем, наконец, что в России есть и определенные *герои духа*, связанные так или иначе с тайною Церковью, не приемлющей «патриарха» Алексея с его молитвами о «вожде» Иосифе Виссарионовиче и об успехах его всемирного злодейства. Этих героев мы умеем и чтить, и ценить, и не сомневаемся в их религиозном и историческом значении; на них и из них возродится истинная Православная церковь, которая сумеет дать отпор и католикам, и безбожникам, и протестантам, и их бесчисленным сектам.

Итак, деморализация, водворившаяся ныне в России, – есть *не свободная, а навязанная*; этого мы не должны забывать. Русский народ не сам оскудел качествами души, но был ограблен посредством страха, голода и унижений. Ростки добра и чутье ко злу живы в нем по-прежнему; мы имеем множество живых доказательств для этого. И когда мы читаем в сообщениях возвратившегося оттуда польского еврея,

как он, будучи библиотекарем, сначала, чтобы прокормиться, а потом чтобы оградить себя от доносов, вырывал из книг страницы и продавал их на курево, то мы не сомневаемся, что *добровольно* – он никогда не обошелся бы так ни с Торой, ни с Талмудом, да и вообще ни с одной книгой, заслуживающей этого имени. Люди в Советии вынуждены воровать, чтобы не умереть; женщины – предаваться гнусным ласкам коммуниста, чтобы прокормить свою мать и детей; все должны публично проявлять чувства, которых они никогда не имели... И все это *иностранцы* приписывают «русским», так, как если бы самое *качество русскости* оставалось свободным и как если бы Россия оставалась свободным национальным странством на земле...

Однако нам важны сейчас не заблуждения и не хищные намерения иностранцев (все равно, каких!), а *состояние русской души и русского духа*. Это состояние должно быть обозначено, как *униженное* и *развращенное*. Отрицать это возможно, только утратив живое чувство добра и зла. Застрашенность всегда унижает человека и развращает его. Но именно поэтому она ставит *ему* первую и основную задачу: *осознать* эту униженность и *признать* эту развращенность. Это должно осуществиться в великом и всенародном *акте покаяния*.

Мы разумеем, что говорим и видим все великие трудности этого священного дела. Но русский народ не сможет возродиться, не очистившись, и не сможет очиститься, не признав из глубины своего сердца свое нынешнее состояние *униженным* и *развращенным*. В России унижены все *некоммунисты*; ибо они не смеют думать вслух и действовать по свободному убеждению; мало того, они вообще, совсем теряют способность *иметь убеждение* – или же уходят в «тайную церковь». Они унижены тем, что от страха должны превратить свою жизнь в сплошное притворство и лицемерие и работать на своих застрачивателей (врагов России!..). И вряд ли есть много таких, которые, нося эту маску, хранят в глубине души

чистый и верный акт самостоятельной личной убежденности, или, скажем еще больше и священнее, – *акт свободной веры*.

В сущности говоря, свободная вера в советском государстве есть состояние запрещенное, нелегальное и нелояльное; так же, как и свободное убеждение и свободное слово. Это не нуждается в доказательстве; это достоверно известно каждому, кто, будучи способен к свободной вере, к свободному убеждению и свободному слову, пытался осуществить эти драгоценные состояния вразрез с господствующим и общеобязательным мировоззрением... Судьба его бывала предрешена. И кто в этом сомневается, тот пусть прочтет замечательные исповеднические книги священника отца Михаила Польского¹⁴⁷... А без свободной веры и без свободных убеждений жизнь неизбежно превращается в унижающее и развращающее рабство.

Итак, русский народ нуждается в *покаянии* и *очищении*. Десятки лет суще-дьявольского большевизма – уже очистили одних и затоптали в грязь других. И вот, очистившиеся должны помочь неочистившимся восстановить в себе *живую христианскую совесть, веру в силу добра, верное чутье к злу, чувство чести и способность к верности*. Без этого – Россию не возродить и величия ее не воссоздать. Без этого русское государство, после неминуемого падения большевизма, расползется в хлябь и в грязь.

И напрасно кто-нибудь стал бы утверждать, что этот процесс стал возможным и даже уже начался после предательского конкордата между большевиками и так называемой «патриаршей церковью». Этот конкордат мог только *запереть* те священные двери, которые ведут в глубину души к слезному покаянию и волевому очищению. *Чудовищно* предлагать русскому человеку доверие к чекистам и получекистам! Раствленно думать и говорить о том, что таинство покаяния может совершаться перед антихристом. Бессмысленно тешить себя иллюзиями нравственного очищения пе-

ред «предстоящим» и победоносным дьяволом. Покаяние есть установление священной и чистой связи с Господом, а не с сатаной и с его (безразлично – верными или неверными) слугами.

Все трудности этого покаянного очищения должны быть продуманы и преодолены: у религиозных людей в порядке церковном (по исповеданиям), у нерелигиозных людей – в порядке светской литературы, достаточно искренней и глубокой, и затем в порядке личного совестного делания. Надо понять и продумать до конца природу того растлевающего яда, которым орудуют коммунисты: все возможности и силы государства перенапряжены и использованы до конца для того, чтобы сделать людей *лживыми и трусливыми рабами*. И вот, этого лживого и трусливого раба русский человек должен отыскать в себе, проследить во всех закоулках своей души и извергнуть его так, как подобает человеку *свободному, достойному и духовному*. Без этого Россия не возродится.

15. О чувстве собственного достоинства¹⁴⁸

Форма человеческой жизни определяется в основе тем, что человек есть не просто живое существо, и не только существо, одаренное душевными способностями, но существо *духовное*. Правда, на низшей ступени духовная природа человека остается в потенциальном состоянии и имеет вид пробуждающейся способности или зарождающегося, но предметно еще не определившегося влечения. Однако и в таком виде человеческая душа остается живым *духовным существом*, т. е. не только способностью к объективно ценным содержаниям, но и силою, имеющею необходимый для этих содержаний способ жизни. Человек, даже самый первобытный, таит в себе *волю*

к духу, форму духа и способность к духу*. И именно этим утверждается первая и глубочайшая основа его бытия и его деятельности: присущее ему *духовное достоинство* и живое чувствование его в самом себе.

Чувство собственного достоинства есть необходимое и подлинное проявление духовной жизни; оно есть знак того *духовного самоутверждения*, без которого немислимы ни борьба за право, ни политическое самоуправление, ни национальная независимость. Гражданин, лишенный этого чувства, – политически недееспособен; народ, не движимый им, – обречен на тяжкие исторические унижения.

Чувство собственного достоинства зарождается в душе человека как результат подлинного, хотя бы элементарного и формального *духовного опыта*. Такой опыт удостоверяет человека в том, что он действительно *способен* к осуществлению или восприятию чего-то безусловно *ценного*; что и ему дано пережить реальную встречу с жизненным заданием и в этой встрече принять и выдержать бремя труда и ответственности. Хотя бы в малейших размерах, хотя бы смутно и неосознанно, хотя бы в жизни элементарного инстинкта – но человек должен почувствовать себя носителем некой «миссии», с честью вышедшим из предначертанного ею задания; стоя лицом к лицу с некою опасностью, или с чужою силою, или хотя бы с трудною житейскою задачею, он должен связать с ее *преодолением* свое *личное самочувствие* и выйти из этого положения победителем. Перед лицом противодействующей или наступающей силы инобытия – человек должен совершить напряжение своих лучших и основных сил и *устоять в борьбе*. И тогда в нем утвердится чувство собственного достоинства. Понятно, что это чувство получит *духовный* характер и *духовное* значе-

---

* См. главу девятую (примечание И. А. Ильина). [До конца настоящей главы имеется в виду книга «О сущности правосознания» – А. Л.]

ние именно тогда, если у человека было живое чувство, что он стоит перед лицом *высших* ценностей и последних тайн жизни, т. е. перед лицом Божиим; а это чувство возникает тогда, когда самая «миссия» и самое преодоление действительно имеют измерение *абсолютной ценности*. Для того, чтобы испытать и утвердить *свое духовное достоинство*, необходимо на деле убедиться в своей способности к восприятию и осуществлению *объективной, высшей* ценности. Это значит, что человек должен пережить *реальную встречу с божественными содержаниями*, испытать и признать их *сродство со своею личною природою* и утвердить *их в себе и себя через них*. Так, религиозный человек обретает свое духовное достоинство в том *смирении*, с которым он приемлет волю Божию, как свою собственную, и через которое ему открывается его подлинное *единство* с Богом, его высшее, абсолютное значение; так, нравственное достоинство человека утверждается именно тем, что он жизненно соединяет «себя» со «своею» совестью и в *служении* добру находит свое действительное, *личное призвание*; так, духовное достоинство ученого и художника определяется именно тем, что они сливают свой личный интерес с делом сверхличной очевидности и добровольно предаются предметному служению истине или красоте. Только личный опыт, духовный и по форме, и по содержанию, порождает в человеке *чувство духовного достоинства*: душа должна почувствовать, что она действительно стояла и стоит перед лицом Божиим; что она обрела в себе добрую волю к божественным содержаниям, ибо увидела и полюбила их; что она утвердила в себе эту волю и, через это, утвердила свое духовное достоинство.

Христианин совершает это обретение и утверждение каждый раз, как он читает Молитву Господню, пребывая в ней сердцем и волею: «Отче наш»... Ибо в этой молитве он возносит себя к Богу, чтобы исповедать перед Его лицом – Его духовное Отцовство и свое по отношению к Нему духовное

сыновство. Этим он и совершает утверждение своего духовного достоинства.

Душа должна знать о себе, что это высшее задание и высшая ответственность не сломили ее, а укрепили ее силы и оформили ее жизнь; так, что она может, даже пережив падение, вновь найти свое сродство с божественными содержаниями и вновь утвердить их в себе и себя через них. *Самоутверждение души в абсолютно-ценном предмете* – всегда было и всегда будет единственным источником чувства собственного духовного достоинства.

Конечно, это *духовное самоутверждение* может быть пережито не в отчетливой мысли, а в смутной, аффективной форме. Далее, оно переживается каждым индивидуально, а потому различно; каждый осуществляет его по-своему. Так, оно может состояться в раннем детстве или в зрелом возрасте; оно может созреть быстро и легко или же в результате долгого и мучительного процесса борьбы духа с дурными влечениями души; оно может почти не удался или совсем не удался человеку, а может завершиться в глубокой старости. Но оно безусловно необходимо для достойной жизни, – как личной, так и общественной.

Духовное самоутверждение состоит в том, что человек находит правильное разрешение конфликта между *духовным призванием и инстинктом самосохранения*. Первое же пробуждение духа в человеке нарушает в нем наивную, зоологическую цельность души и убеждает его в том, что инстинкт самосохранения с его непосредственным самопредпочтением и близоруким своекорыстием всегда грозит увлечь душу в состояние, унижительное для ее духовного достоинства. Человек вообще стоит выше животного настолько, насколько дух стоит выше инстинкта самосохранения. Поэтому достойная жизнь человека требует, чтобы дух совершил известный отрыв от наивного и своекорыстного инстинкта, противопоставил себя ему и обуздал его. Это не значит, однако, что такая победа

может или должна привести к обессилению побежденного инстинкта. Нет; *достойная* жизнь остается прежде всего *жизнью*; а поддерживать и отстаивать свою жизнь человек может, только следуя своему инстинкту самосохранения. Отсюда необходимость не только овладеть своим инстинктом и подчинить его духу, но и *оправдать* его перед лицом духа, освятить его и развязать его в необходимых пределах. Инстинктивное своекорыстие в человеке подлежит не искоренению и не «отмене», но духовному осмыслению и оправданию, или, что то же, признанию, и примирению, и одухотворяющему использованию. Но для того, чтобы это осуществлялось, человеку необходимо воспринимать *себя самого как известную ценность*, которую сто́ит отстаивать в борьбе за существование: человек должен осуществить *духовное самоутверждение* и через него оправдать инстинктивную центростремительность своей души. И так обстоит дело не только в личной жизни, но и в национальной: человеку нет *жизни* на земле вне инстинкта личного и народного самосохранения; но ему нет *достойной жизни* на земле вне *духовного обуздания* и в то же время *оправдания* этого инстинкта. А это оправдание дается только через утверждение *собственного духовного достоинства*.

Духовное достоинство, его верное восприятие и утверждение является самым глубоким корнем зрелого характера и здорового правосознания. Ибо право по своей глубочайшей сущности, есть необходимый *атрибут духа*: его притязание, его сфера свободы, его полномочие, его предел, его правило, его свободное повиновение. И ценность права, его значение, его связующая компетентность определяется в последнем счете именно ценностью *духовных содержаний* и *духовных состояний*. Право есть или обиходная условность, создаваемая силою и спокойно уживающаяся с лицемерием и симуляцией; или же оно есть нечто подлинно ценное, неотменимое и священное, и тогда в основе его должно лежать и действительно лежит нечто *объективно священное*, некая безусловная

и высшая ценность. И вот, верное переживание права есть переживание его как атрибута этой высшей, священной ценности. Верное понимание права есть понимание его духовной природы и его духовного назначения; такое понимание свойственно только тому, кто *сам живет* этим назначением и кто осознал и утвердил *в себе* эту духовную природу. Ведь право немислимо и невозможно помимо *субъекта* права, т. е. того существа, *для* которого оно, *чье* оно, *через* которое оно. Но это существо, создавая право как нечто *свое и для себя*, должно *нуждаться* в праве, должно хранить в себе его *мерило и критерий*, должно переживать его как свой *необходимый атрибут*. Оно должно быть само *достойно* права и, в то же время, оно должно создавать такое право, которое соответствовало бы его собственному достоинству. А это достоинство права и его субъекта – есть достоинство *духа*: его содержания, его способа жизни, его состояний.

Вот почему здоровое правосознание покоится всецело на чувстве собственного духовного достоинства. Только субъект, знающий или, по крайней мере, чувствующий свое духовное достоинство, может уважать право и, в то же время, создавать такое право, которое не было бы унижительно для человека, не извращало бы способ его жизни, не обслуживало бы его порочных и губительных влечений. Право и государство творят форму жизни; а чтобы выбрать *достойную* форму, необходимо *самому быть живым очагом духовного достоинства*.

Это может быть выражено так: человеку, как субъекту права и творцу права, необходимо *уважать себя*.

Уважать себя значит признавать свое достоинство и, притом, именно *духовное* достоинство; и, признавая, дорожить им, гордиться им и блюсти его в жизни и в делах. Для этого необходимо испытывать самого себя как *благую силу*: именно как *силу*, могущую утверждать и созидать, бороться и одолевать; именно как *благую* силу, способную отличать добро от зла, выбирать и определять себя к добру. Субъект права

имеет основание уважать себя потому, что он есть *духовный субъект*, т. е. живое средоточие *воли к духу и добру*, или, что то же, *благая сила*; эта живая духовная сила нуждается в праве и творит право, как свою необходимую жизненную форму, и потому эта форма должна ограждать достоинство своего творца и выражать его естественное уважение к себе. И подобно тому, как достоинство индивидуального духа зависит именно от того, *чем он живет* (верховная ценность) и *как он живет* (порядок автономии), так и уважение его к себе должно быть *социально самодовлеющим*, определяясь всецело его личным предметным опытом. В основе нормального правосознания лежит предметно обоснованное, но социально самодовлеющее уважение субъекта к себе как духовно благой силе. Человек, чтущий в самом себе духовное начало, будет признавать его и дорожить им независимо от того, как относятся к нему другие; и чужое неуважение или даже презрение не поколеблет ни его реального духовного достоинства, ни соответствующего ему чувства уважения к себе.

Чувство собственного духовного достоинства и проистекающее из него уважение к себе необходимо и отдельному гражданину, и народу в целом, и государственной власти, и армии; оно необходимо и в частной, и в политической, и в международной жизни.

Это чувство, живущее в душе гражданина, является глубочайшей и вернейшей гарантией того, что поведение его будет в высшем смысле слова предметным, т. е. что оно будет соответствовать *цели и предписаниям права*. Сознание того, что «я есмь дух», и наличность воли к духу – заставляет человека *ценить* право, как необходимую форму духовной жизни, дорожить им и соблюдать его предписания. Мало того: *чувство собственного духовного достоинства, само по себе, уже таит в себе живую волю к цели права*, т. е. к ограждению и расцвету духовной жизни. Быть духом и дорожить своею духовностью значит нуждаться в праве, признавать его и иметь

самый сильный и самый чистый *мотив*, побуждающий к лояльному поведению. Дух есть *цель* права; а право есть *форма* духа и его *средство*. Именно поэтому чувство собственного духовного достоинства создает в душе самый могучий стимул к праву и правопорядку.

Предметным правовым поведением будет такое, которое соответствует объективной *цели* права, а потому и его предписаниям. И вот, человек постоянно нуждается в живом мотиве и сильном побуждении, которое заставляло бы его соблюдать предметное поведение, т. е. не уклоняться от цели права. Этот мотив должен быть настолько зрел и силен, чтобы он мог выдерживать всякие искушения, возникающие от дурных, своекорыстных и противо-общественных влечений. Для того чтобы не поддаваться этим влечениям, их вкрадчивым зовам и лукавым нашествиям, человек должен усвоить *духовное измерение* жизни и деяний, которое дало бы ему возможность отличать высшее от низшего, достойное от недостойного, безусловное от условного, значительное и священное от пошлого, духовно необходимое и правое от лично важного, «нужного» и «полезного». Он должен, далее, верно осознать *цель* права, которая состоит в ограждении и организации жизни, посвященной высшему, достойному, безусловному и значительному*; он должен признать правоту этой цели и ее преимущество перед другими возможными целями; и, вслед за тем, в душе его должна сложиться живая *градация жизненных целей* как более ценных и менее ценных и притом так, чтобы цель права, как *безусловная и общая* всем людям и как желанная и *для него лично*, получила бы предпочтение перед всякою *условною и чисто личною целью*. И если в душе слагается такая градация *целей* по их *ценности* и соответствующая градация *желаний* по их *силе*, то человек приобретает устойчивый стимул для неуклонно правомерного поведения.

---

* См. главу пятую (примечание И. А. Ильина).

Это означает, что предметное поведение в праве покоится всецело на *духовном самосознании* человека и на его *чувстве собственного духовного достоинства*. Именно на этой основе и только на ней может сложиться тот гражданственный характер, который всегда будет истинным творцом и строителем общественной и государственной жизни. Только духовно зрелый человек может быть истинным гражданином и патриотом*; ибо только он живет тем, за что стóит и умереть; только у него есть нечто такое, что действительно стóит любить больше самого себя; только он имеет достаточные основания и побуждения для того, чтобы добровольно и всеми силами защищать духовную культуру своей родины. Душа гражданина должна быть достаточно *сильна в любви к духу и тверда волею* для того, чтобы поднять и снести¹⁴⁹ бремя государственной ответственности; ей необходимо и бескорыстное волеуправление, и верность убеждениям, и жизненная неустранимость. Но такой характер политического адепта возможен только на некоей *безусловной основе*, на основе непоколебимого духовного самосознания и достоинства. Такую основу огромное большинство людей может найти *только в религии*, которая открывает доступ к духу даже самой элементарной душе. Вот почему живая религия всегда была самым могучим и верным источником достойного правосознания; и история человечества не раз показывала, как народ, забывший Бога, разрушал свое государство.

Гражданин, обладающий зрелым духовным самосознанием, осмысливает и освещает все элементы своего субъективно-правового статуса: все свои полномочия, обязанности и запретности**.

Так, он чувствует себя *достойным* всех необходимых ему *полномочий* и воспринимает эти полномочия как средства, не-

---

* См. главу десятую (примечание И. А. Ильина).

** См. главу седьмую (примечание И. А. Ильина).

обходимые ему для утверждения своей духовной личности. Он вливает в них энергию своей воли и творит из них живую форму для своего духовного существа. Имущественные полномочия вызывают в нем не жадность, не склонность к аскетическому отречению, но чувство личной и общественной ответственности и волю к их правомерному использованию. Политические полномочия, вводящие его в живую систему государственного властвования, воспринимаются им как его священные *обязанности**: обязанности содействовать словом, голосованием и, где необходимо, принуждением автономному, сверхклассовому и аристократическому устройению своего государства.

Он приемлет, далее, все бремя своих правовых *обязанностей*, добровольно вменяя себе в долг их исполнение. Чувство собственного достоинства вызывает в нем сознание своей ответственности, а взаимность обязанностей и полномочий, взаимная связь правовых ячеек** и солидарность всех в отношении к единому и общему правопорядку*** – вызывают в его душе непреклонную волю и живую готовность к блюдению своих обязанностей. Он вливает в свои правовые обязанности энергию своей воли и питает ими, не за страх, а за совесть, чужие полномочия, поддерживая тем личную правовую форму других духовных существ. Его имущественные обязанности вызывают в нем не злобу, не зложелательство, не склонность к сутяжничеству, кривотолку или подкупу, но чувство правовой непреложности, неоспоримости, уважения и ответственности. Политические обязанности, вводящие его в живую систему государственного подчинения, воспринимаются им как его неотъемлемые *полномочия*****: полномочия содействовать

---

* См. главу седьмую (примечание И. А. Ильина).

** См. главы четвертую, пятую и шестую (примечание И. А. Ильина).

*** См. главу девятую и двенадцатую (примечание И. А. Ильина).

**** См. главу седьмую (примечание И. А. Ильина).

имуществом, делом и жизнью духовному устройению и расцвету своей родины. Так, налоговая повинность является для него драгоценным *правом* поддерживать свою родину посильными взносами в ее казну; воинская повинность осмысливается им как почетное *право* отстаивать духовную культуру своего народа с оружием в руках и т. д. Гражданин выступает добровольцем государственного «тягла»: патриотизм является живою творческою силою, а дезертирство, и в большом, и в малом, оказывается исключенным.

Наконец, *запретность* не тяготит душу, исполненную чувством собственного достоинства. Такая душа или соблюдает свои запреты легко и естественно, осязая за ними объективную и непреложную цель права и не *унижая себя преступлением*. Или же она, исчерпав все лояльные пути, ведущие к обновлению права, решается на политическое правонарушение во имя идеи права и его цели; но такое правонарушение не только не унижает, но утверждает и углубляет ее духовное достоинство.

Именно уважение к себе, как духу, лежит в основании жизненной борьбы за субъективное право. Чувство собственного достоинства устанавливает в этой борьбе как бы две грани: во-первых, грань, от которой начинается невозможность *поступаться* своими правами, – таковы все права личной свободы; и во-вторых, грань, от которой начинается невозможность *настаивать* на своих правах, – таковы все «неестественные», несправедливые полномочия, унижительные для других, а потому унижительные и для самого уполномоченного*. Есть права, от которых нельзя отречься, сохраняя уважение к своему духу; но есть права, от которых нельзя *не* отречься из чувства собственного достоинства. И лучшие люди не раз засвидетельствовали верность этого – и словом, и делом, и смертью.

---

* См. главу седьмую (примечание И. А. Ильина).

Чувство собственного духовного достоинства исключает вообще все кривые пути жизни. Так, прежде всего, оно не мирится с *ложью*, свидетельствующую о недостатке уважения к себе, о недостатке мужества и доверия. Говорит ли человек не то, что думает; или делает не то, что говорит; или не делает того, что говорит, подрывая ценность и силу своего изъяснения; или же, наконец, молчит, притворяясь, — чувство собственного достоинства оказывается неизменно протестующим; ибо человек есть органическое единство духа, души и тела и отречение от этого единства умаляет достоинство духа. Уважение к себе не терпит ни лести, унижающей и льстимого и льстящего; ни подкупа, извращающего мотивы поведения и разлагающего самую основу правосознания; ни насилия, отрицающего идею права как идею духовной автономии; ни беспринципного жизненного *компромисса*, граничащего с предательством. Заключение жизненного или, в частности, политического компромисса есть вообще особое искусство, требующее истинного *уважения к себе* и истинной *преданности предмету*. Именно эти два условия устанавливают предел доступности компромисса: нельзя соглашаться на средство, исключающее свою цель или роняющее ее достоинство; нельзя делать уступок в области идеи, идеала, убеждений; нельзя измерять свои уступки одним мерилом интереса, хотя бы и обоснованного, хотя бы и общего. Именно чувство собственного духовного достоинства есть та живая сила, которая не позволяет политическому соглашению превратиться в беспринципную сделку корыстных личных интересов. Дело духа не есть дело торговли, а политика есть именно дело духа; государственность есть *благая сила истории*, имеющая свои имманентные законы, и потому всем торгующим в политике грозит разоблачение и «разорение».

Чувство собственного духовного достоинства, необходимое индивидуальному гражданину, определяет собою и ду-

ховный уровень *народа в целом*. Духовная культура каждого народа, в своем развитии и в своем содержании, зависит от того, свойственна его гражданам черта *уважения к себе* или не свойственна. Национальная духовная культура может возрасти, углубиться и крепнуть на достойных предметных содержаниях только при том условии, если *уважение к себе* является достоянием не только избранных индивидуумов, непосредственно творящих ее, но и широкой массы народа. Ибо без уважения к себе не может быть веры в свои силы; а без веры в свои силы не может быть настоящего духовно-творческого полета и расцвета. При этом человеку естественно уважать в себе не только свою личную духовную силу, но и ее *национальный характер**: ему необходимо уважать *в себе* духовную силу своего *народа* и уважать свой *народ* как великую энергию духа, питающую его *личные* силы. Уважение к национальному «мы» есть основа истинного уважения к личному «я».

Национальное самоуважение воспитывается в народе долго и медленно. Оно проникает сначала в души немногих; оно начинается как бы от атома; и лишь на протяжении целых поколений оно может окрепнуть и сложиться в ту «атмосферу» духовного бытия, от которой каждый новый индивидуум получает свое воспитание, опору и санкцию. Для того чтобы создать эту «атмосферу», – эту духовную солидарность, эту предметную жизнь, проникнутую взаимной уверенностью, – каждый народ должен выстрадать великий опыт индивидуального и коллективного *самоутверждения* и осознать этот опыт. Необходимо, чтобы народу как живому единству удалось это *самоутверждение в духе*: чтобы культура его накопила целый пантеон духовных *достижений и побед*, – личных и объективированных, как в религии и добродетели, так и в искусстве, как в государственном строительстве, так и в войне за ро-

---

* См. главу десятую (примечание И. А. Ильина).

дину. Именно в создании этого духовного «пантеона» народ утверждает и формирует свою родину, творя ее в духовных напряжениях, взлетах и страданиях, приобретая ее победами и любовью*. Народ, лишенный своего духовного «пантеона», не совершил еще национального самоутверждения: он не оправдал еще себя перед лицом Божиим; он еще не доказал себе самому своего права на самоуважение; и вследствие этого его чувство собственного духовного достоинства пребывает в незрелом, слабом, проблематическом состоянии: оно может легко поколебаться в час испытаний и увлечь нацию в злочастные падения.

Еще существеннее, еще глубже необходимо чувство собственного достоинства для всякой *государственной власти*. В самой идее «государства» и в самой идее «власти» заложено начало духовного достоинства: ибо достоинство государства определяется его целью, а достоинство власти устанавливается ее призванием и ее общественным рангом. Государственная власть есть именно *благая сила*** и *духовная сила*; но именно поэтому ее жизненная успешность определяется ее *духовной правотою* и ее *благородством*. Признать в себе эту духовную правоту и это благородство – значит вообще *утвердить свою власть*; для государственной власти – это значит совершить свое духовное *самоутверждение*. Это самоутверждение государственной власти не совпадает с духовным самоутверждением отдельных представителей ее: ибо индивидуумы сменяют друг друга и уходят в могилу, а государственная власть соблюдает свое единство и непрерывность. Поэтому ее самоутверждение должно принять форму зрелой и прочной *традиции*, укоренившейся в правосознании *множества* индивидуумов; это традиционное волевое и эмоциональное самочувствие должно вступать в душу

---

* См. главу десятую (примечание И. А. Ильина).

** См. главу четырнадцатую (примечание И. А. Ильина).

и заражать собою каждого, кто приобщается публичному полномочию или осуществляет публичную дееспособность. Государственная власть стоит на высоте только там, где прикосновенность к ней вызывает уважение к себе даже и в том, кому в обычной жизни не свойственно уважать себя в достаточной степени. Нельзя властвовать, не уважая в себе *властителя* и его *достоинство*. Самая сущность государственной власти состоит в том своеобразном духовном импонировании, вне которого остается неприкрытая физическая сила, террор и обоюдное унижение. Вот почему *уважение к себе* входит в самое существо государственной власти: она должна знать и исповедовать перед всеми, – словом и делом, – свое высшее призвание, свою правоту и благородство своего волеуправления. Она должна блюсти свое духовное достоинство как национально-политическую драгоценность, как корень государственного правосознания и государственного бытия своего народа.

Понятно, что и *армия*, как сосредоточенное воплощение государственной силы, должна положить чувство собственного достоинства в самую основу своей жизни. Армия, как элемент государственного бытия, есть организованное множество людей, систематически *воспитывающих себя к победе и ради нее – к смерти и к убиению во имя государственной цели*. Именно этим определяется [ее достоинство¹⁵⁰] и ее трагическая природа. Каждый член армии, каждый воин, независимо от своего высшего или низшего ранга, должен носить в душе *сознание* государственной цели и ее волевое и эмоциональное *приятие*. Армия может существовать только в ту меру, в какую ее одушевляет государственно-патриотическое правосознание. Такое правосознание остается всегда *волею к государственной цели*; а эта воля порождает и готовность к государственному *служению*. Поэтому служение в армии должно быть проникнуто живым *вдохновением государственности*. Воин есть гражданин, принявший на себя сосредото-

ченное *бремя* гражданского звания и бытия: ибо он является живым воплощением государственной *силы*, живым орудием государственной *воли*, *органом*, связавшим свое дело с вопросом о личной *жизни и смерти*. Но *живое* орудие не оторвано от своей цели; напротив, цель его незримо присутствует в нем и движет его. Отсюда то высокое *достоинство* и та высокая *ответственность*, которые необходимо сопряжены с воинским званием.

Армия невозможна вне идеи *достоинства и чувства чести*. Достоинство и его живое восприятие в себе составляют самую сущность солдата: гражданин, утверждая в себе воина, утверждает духовную правоту своего государства и священное значение своей родины; и обратно: только приемля родину – любовью, а государственность – волею, он может воспринять свое истинное достоинство и утвердить его в жизни. Воин, оторвавшийся от государственной цели, становится авантюристом; солдат, лишенный патриотизма, уподобляется безвольному орудию казни или профессиональному убийце. Достоинство армии определяется достоинством *духа* и духовной культуры; воинское звание есть *духовное звание*, и дело воина есть подвиг в духе и во имя духа. Именно поэтому ратная победа остается или эфемерной случайностью или порождением *духовного подъема*; и только настоящий духовный подъем может сообщить душе силу, необходимую для практического разрешения основного нравственного противоречия войны* и для обороны родины.

Итак, воину необходимо *духовное самоутверждение*. Он должен верить в духовную правоту своей родины, сво-

---

* См. мой опыт «Основное нравственное противоречие войны» (примечание И. А. Ильина) [Вопросы философии и психологии, кн. 125 (V). – М., 1914. С. 797–826; см. также в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 5. – М.: Русская книга, 1995. С. 5–30. – *А. Л.*].

его государства и своего жизненного дела. Он должен воспитывать в себе предметную одержимость государственной целью, и именно эту *предметность* его воли и его жизни определяется его *честь*. Меч воина имеет единое назначение: государственное; блюсти верность этому назначению значит для воина блюсти свою честь и свое звание. Армия, движимая чувством чести, есть реальная опора родины и гарантия ее государственного бытия; армия, утратившая чувство чести, есть сброд насильников, мародеров и убийц.

Воспитывая себя к смерти, воин должен помнить, *во имя чего* он это делает; сообщая себе способность убивать других, он должен почерпать свой мотив и свою решимость в *государственной цели и в воле к ней*. Военное воспитание, оторванное от чувства духовного достоинства, есть воспитание к систематическому и беспринципному убийству; но это уже не воспитание души, а ее нравственное умерщвление и духовное извращение. Именно поэтому военная подготовка нелепа и губительна вне *духовного воспитания* человека. Техническое умение воина должно иметь непреступаемую грань в *предметно-духовных* мотивах и побуждениях: внутреннее и внешнее умение убивать, умирая, и умирать, убивая, нуждается не только в формально-волевой дисциплине, но и в способности мотивировать свое поведение подлинным, предметным отношением к духовным содержаниям и целям. Воин вне духовного самоутверждения есть реальная опасность для своей родины и своего государства. Армия вне достоинства и чести эфемерна как воинская сила, но подлинна как источник государственного разрушения и гибели. Первая аксиома правосознания формулирует живую основу ее правосознания, ее силы, ее бытия.

Итак, духовное достоинство есть корень *всякой истинной жизни*, а уважение к себе есть источник *государственной силы и политического здоровья*.

Такова первая и основная аксиома правосознания.

16. О чутье зла¹⁵¹

В этом наша беда и наша опасность: мы живем в эпоху воинствующего зла, а верного чутья для распознавания и определения его не имеем. Отсюда бесчисленные ошибки и блуждания. Мы как будто смотрим – и не видим; видим – и не верим глазам; *боимся* поверить; а поверив, все еще стараемся «уговорить себя», что «может быть все это не так»; и не к месту, и не вовремя сентиментально ссылаемся на евангельское «не судите»¹⁵², и забываем апостольское «измите зло от вас самих» (1 Кор. 5, 13). Делаем ошибку и стыдимся сказать: «я ошибся»; поэтому держимся за нее, длим ее, увязаем во зле и множим соблазны.

А воинствующее зло отлично знает нашу подслеповатость и беспомощность и развивает искуснейшую *технику маскировки*. Но иногда ему не нужно никакой особой техники: просто назовется иначе и заговорит, как волк в детской сказке, «тоненьким голосочком»: «ваша мать пришла, молочка принесла»... А мы, как будто только этого и ждали, – доверчивые «козляточки», – сейчас «двери настезь» и на все готовы.

Нам необходима *зоркость к человеческой фальши; восприимчивость к чужой неискренности; слух для лжи; чутье зла; совестная впечатлительность*. Без этого мы будем обмануты, как глупые птицы, переловлены, как кролики, и передавлены, как мухи на стекле.

В нас до сих пор живет ребяческая доверчивость: наивное допущение, что если человек что-нибудь *говорит*, то он и в самом деле думает то, что говорит; если *обещает* – то *желает исполнить* обещанное; если рассказывает о своем прошлом – то *не врет*; если развивает «планы», то сам относится к ним серьезно; если обвиняет другого, то «не станет же заведомо и злобно клеветать»; если восхваляет кого, то не потому, что ему пригрозили, наобещали или уже заплатили; если выставляет себя «патриотом», то никак не может принад-

лежать к враждебной контрразведке; если произносит священные слова, то не ради провокации; если носит какую-нибудь одежду (военную, духовную или иноземную), то и внутренне соответствует своему наряду; если располагает деньгами, то добыл их законным и честным путем; если обещает продовольственные посылки, то от сочувственной доброты и т. д. Мы, как маленькие дети, судим о внутреннем по внешности: по словам, по одежде, по статьям в газете и особенно по обещаниям, по личным комплиментам и по подачкам.

Но *слова* без дела не весят. У каждого из нас есть свое прошлое, состоящее из *поступков*, совершенных нами и, может быть, втайне совершаемым и ныне. Это прошлое отнюдь не подобно змеиной коже, периодически обновляющейся; напротив – оно вырастает у нас из души и сердца, оно остается внутренне вращенным и несетя нами через всю жизнь; оно звучит в интонациях голоса, оно посверкивает во взгляде, оно сквозит в манерах, оно прорывается в оборотах речи и в аргументации, оно *выдает нас*. Иногда человек выдает себя одним взглядом, одним словом, одной постановкой вопроса.

Поэтому за словами должны стоять *общеизвестные дела*; и судить надо не по речам, а по делам. Человек должен иметь *нравственное право* на те слова, которые он произносит. Священные слова не могут прикрыть грязных дел. Великие лозунги не звучат из уст предателя. Надо быть духовно слепым и глухим, чтобы верить в искренность наемного агента. Наше поколение богато отвратительным опытом лжи и лицемерия; мы обязаны иметь чутье зла и не имеем права поддаваться на соблазны.

И *одежда* не гарантирует ничего. Разве иеро-чекисты, прилетавшие в Париж и соблаздившие митрополита Евлогия и митрополита Серафима (Лукьянова), – были не в рясах¹⁵³? Разве Скоблин¹⁵⁴ не имел права на форму белого генерала? Разве шулер не выдает себя слишком безукоризненным фраком и белоснежной рубашкой с бриллиантовыми запонками?

И *газетные статьи* не должны вводить нас в заблуждение. На статьи, как и на слова, и на речи – человек должен иметь *жизненное право*, право, приобретенное делами жизни, ее мужеством, ее искренностью, ее жертвенностью, цельностью своего характера. Современный мир богат костюмированными писателями, уже не раз переодевавшимися, писателями-наймитами, писателями «чего изволите», писателями-лицемерами и предателями. Надо научиться распознавать их.

Еще глупее верить «*обещаниям*». И под Советами, и в эмиграции мы видели множество «искусников», которые делают себе карьеру неисполняемыми, а часто и заведомо неисполнимыми обещаниями: суля другим впустую мнимую «конъюнктуру», они постепенно готовят самим себе настоящую.

Еще глупее верить хвалителям и *льстецам*. Лесть есть такая разновидность взятки, которая ненаказуема и которую люди не стыдятся брать: и «дал», и «не дал»; и «взял», и «не взял»; подкуп состоялся, а доказать его нельзя. Между тем льстец всегда есть в то же время клеветник: кто не даст подкупить себя лестью, тот будет им оклеветан. А нам надо помнить: современное человечество кишит нравственно – и политически – скомпрометированными людьми, которым необходимо скрыть или диссимулировать¹⁵⁵ свое прошлое; ложь, лесть и клевета – их главное жизненное оружие.

Что же нам делать?

1) Отходить от зла и творить благо¹⁵⁶. Не замешиваться в ту праздную и вредную сумятицу партийной интриги и клеветы, которой столь многие отдают свои силы. Искать *реальной борьбы*, а не эмигрантской карьеры, которая всегда была и всегда будет пустозвоном. Надо *быть*, а не казаться; наносить удары врагу, а не считаться «эмигрантским проминентом¹⁵⁷».

2) *Смыкать наши ряды*. Упорно, неустанно искать людей, заслуживающих *абсолютного доверия*: людей совершенных дел; людей непоколебимого стояния; людей, никогда и нику-

да не продававшихся и ни на что грязное не нанимавшихся; таких людей, что если ловкий клеветник представит нам «несуразные доказательства» их мнимой нечестности, то мы отвернемся от клеветника с омерзением. Надо находить людей абсолютного доверия и связываться с ними напрочно.

3) Постоянно *крепить в себе чутье к добру и ко злу*. Беречь свое чувство чести; не снижать его требований; твердо верить, что бесчестье есть мое поражение и переход в лагерь дьявола; и всякого нового человека мерить *про себя* требованием полной чести и честности. Всегда проверять свои впечатления и свой внутренний суд – в общении с людьми абсолютного доверия. От бесчестных решительно отходить; сомнительным не доверяться. Ни те, ни другие – не годятся для борьбы: продадут и предадут.

4) Учиться безошибочно отличать *искреннего человека* от неискреннего. Крепить в себе чувство фальши и слух для лжи. Бережно копить в себе соответственный жизненный опыт и делиться им с людьми абсолютного доверия. И всегда и во всех своих общественных ошибках отдавать себе ясный и честный отчет.

17. О русской идее¹⁵⁸

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба русского народа за свободную и достойную жизнь на земле – продолжается. И ныне нам более чем когда-нибудь подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие, и выговаривать за нее, от ее лица и для будущих поколений ее *творческую идею*.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только *русскою, национальною*.

Она должна выражать русское историческое *своеобразие* и в то же время – русское историческое *призвание*. Эта идея формулирует то, что русскому народу *уже присуще*, что составляет его *благую силу*, в чем он *прав перед лицом Божиим* и *самобытен* среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу *историческую задачу* и *наш духовный путь*; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях, и довести до настоящей чистоты и полноты бытия, – во всем, в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: *так было*, и когда так бывало, то осуществлялось *прекрасное*; и *так будет*, и чем полнее и сильнее это будет осуществляться, тем будет лучше...

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея *сердца*. Идея *созерцающего сердца*. Сердца, созерцающего *свободно* и *предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия, и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. – Итак, русская идея есть идея *сердца*.

Она утверждает, что главное в жизни есть *любовь* и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви рождается вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к *чувству*, *сочувствию* и *доброте*, восприняла исторически от христианства: она отозвалась *сердцем* на Божие благо-

вестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что «Бог есть Любовь»¹⁵⁹. Русское православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед «силою» (первобытные религии); – не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает *моральное правило*, повинуется *закону* и сама требует *повиновения* от других (иудаизм и католицизм), – не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятым (протестантство). Русское православие воспринимает Бога *любовью*, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается соблазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть *подлинное совершенство*. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а *совершенного качества*. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О *доброте, ласковости и гостеприимстве*, а также и о свободолобии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники – и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута *невучим добродушием*. Русская песня есть прямое излияние *сердечного чувства* во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая из *переполненного чувства*. Первые исторические русские князья суть герои *сердца* и со-

вести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосий) – есть явление сущей *доброты*. Духом сердечного и *совестного созерцания* проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение (диагностические интуиции живой страдающей личности).

Итак, *любовь* есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) – сами по себе ему мало свойственны. Без любви – он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

2. – И при всем том первое проявление русской любви и русской веры есть живое *созерцание*.

Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа, с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все – от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру – в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность *увидеть любимое* вживе и въяве, и потом *выразить*

увиденное – поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит *живая очевидность сердца*, а русское искусство всегда было – *чувственным изображением нечувственно-узренных обстоятельств*. Именно эта живая очевидность сердца лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, – живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. – Но сердце и созерцание дышат *свободно*. Они требуют *свободы*, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самостоятельное; он любит и творит *сам*, согласно своим внутренним потребностям. Этому соответствовало исконное славянское свободолобие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не морализующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) *терпимость* ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности, открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач (см. замечательную статью проф. Розова¹⁶⁰: «Христианская свобода и древняя Русь» в номере 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Белград).

Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той *органической естественности* и *простоте*, в той *импровизаторской легкости* и *непринуж-*

денности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестикеуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямодушию и открытости (Святославо «иду на вы»...), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству...

Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914–1917 года из 1.400.000 русских пленных в Германии 260.000 человек (18,5%) пытались бежать из плена. «Такого процента попыток не дала ни одна нация» (Н. Н. Головин¹⁶¹). И если мы, учитывая это органическое свободолобие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться перед той силою *государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения*, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории.

* * *

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это созерцание призвано быть не только *свободным*, но и *предметным*. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуздания, а для *органически-творческого самооформления*, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного *нахож-*

деня предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: *свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет.* По-своему находило его сердце юродивого, по-своему – сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметовидению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старообрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему же несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась русская земля и облики коих художественно показал Н. С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом *свободы и предметности*, и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, – как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям...

Такова русская идея: *свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура.* Там, где русский человек жил и творил *из этого акта*, – он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания – во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божии дары – история и при-

рода – сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его *драгоценная самобытность в сонме других народов*. Этим определяется и задача русского народа: *быть таким* со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не исказить своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Исходя из русского уклада души, нам следует помнить одно и заботиться об одном: как бы нам наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием; как бы нам верно воспринять и выразить Божественное – по-своему; как бы нам петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы... Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое и по-своему; но так, чтобы это *наше* и *по-нашему созданное* было на самом деле *верно* и *прекрасно*, т. е. Предметно.

Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему – русское, по-русски.

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый – у иудеев, свой особый – у греков, особый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? – Никто. А достоинства нам даны и заданы наши собственные. И когда мы сумеем преодолеть свои национальные недостатки, – совестью, молитвою, трудом и воспитанием, – тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять.

Так, например, все попытки заимствовать у католиков их волевою и умственную культуру – были бы для нас без-

надежны. Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободой. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы, или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную искренность духа? И для чего? Для того, чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков?.. А в сущности говоря, для того, чтобы *отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума*: ибо нам не предстоит в будущем пребывать исключительно в жизни сердца, созерцания и свободы, и обходиться без воли, без мысли, без жизненной формы, без дисциплины и без организации. Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – *свою, особую, новую, русскую культуру воли, мысли и организации*. Россия не есть пустоеместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, – за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказываться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели... И все это выговаривается *русской идеей*.

Эта русская идея *созерцающей любви и свободной предметности* – сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры. Она только *не предпочитает* их и *не вменяет их себе в закон*. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано *именно ему*, и потому *ходит побираться под чужими окнами*. Россия имеет *свои* духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: – культуру сердца, созерцания, свободы и предметности. Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное – «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. *Строение его духовного акта* (или вернее – его *духовных актов*) может быть и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У Запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создается, – совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, *мы призваны и обязаны идти своим путем*, – очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны *само-*

стоятельно быть, а не ползать перед другими; *творить*, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки¹⁶², собирая на мнимую бедность. *Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим.* Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи.

* * *

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны заботиться не об оригинальности нашей, а о *предметности* нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в *собственную глубину* и *восходить из нее к Богу*; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи.

Вот почему так важно представить себе наше национальное призвание со всей возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы *выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию)*

из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на *первичные* и *вторичные*: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон. Так *уже было* в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. – Согласно этому – русская *религиозность* должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры – и своей, и чужой. Оно должно созидать на основе сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически-слепого резонерства западных богословов; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести («к свободе призваны вы, братья», Гал. 5, 13), и на этих основах оно должно выработать *восточно-православную дисциплину воли и организации*.

2. – Русское *искусство* – призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке – и приспособляться к их вкусам и потребностям; – им не подобает «учиться» у запада – ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества *свои* заветы и традиции, *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца; нет

русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет все это, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом.

3. – Русская наука – не призвана подражать западной учености, ни в области исследований, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать *свое мировосприятие, свое исследование*. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика, или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или иное разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследование начала *сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести*. Русский ученый призван вдохновенно *любить* свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Гедеонов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой¹⁶³. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым *созерцанием*, – и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведающая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука *духовно слепая*: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бессильна подняться к *созерцанию целого*. Русский же ученый призван *созерцать* жизнь природного

организма; *видеть* математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою *правовую интуицию*; *видеть* целостный экономический организм своей страны; *созерцать* целостную жизнь изучаемого им языка; *врачебным зрением постигать* страдание своего пациента.

К этому должна присоединиться *творческая свобода в исследовании*. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает *свой, новый* метод. Ибо метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «из-следование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явлений, а *художником* в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания – не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в попрание факта и закона, а *в узрение целостного предмета*, скрытого за ними.

4. – Русское *право и правоведение* должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервиллизма. России необходимо *новое правосознание*, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески-содержательное по своей цели. Для того чтобы создать такое правосознание, русское *сердце* должно *увидеть* духовную свободу, как *предметную цель* права и государства, и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать *свободную личность с достойным характером и предметною волею*. России необходим **новый** *государствен-*

ный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению *новой справедливости* и *настоящего русско-го братства*. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились, – к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, – мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом – духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совестного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многоплеменного состава, если не сердцем и не свободой? А русская армия никогда не забудет суворовской традиции, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия...

Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. *Ее возраст есть возраст самой России*. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то мы увидим, что это есть *идея православного христианства*. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

18. О русском национализме¹⁶⁴

Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как *национальное государство*, ограждающее и обслуживающее русскую *национальную культуру*. После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически-интернационального провала – Россия *вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его со своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета*.

Тридцать лет терпит русский народ унижения; и, кажется, нет им конца и края. Тридцать лет попирают темные и преступные люди его очаги и алтари, запрещают ему молиться, избивают его лучших людей – самых верующих, самых стойких, самых храбрых и национально преданных, – подавляют его свободу, искажают его духовный лик, проматывают его достояние, разоряют его хозяйство, разлагают его государство, отучают его от свободного труда и свободного вдохновения... Тридцать лет обходятся с ним так, как если бы он был лишен *национального достоинства, национального духа и национального инстинкта*. Эти годы насилия и стыда не пройдут даром: нельзя народному организму «запретить здоровье», – он прорвется к нему любой ценой; нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства, – эти попытки только пробудят его к новому осознанию и новой силе. То, что переживает сейчас русский народ, – есть *строгий и долгий ученический искус, живая школа душевного очищения, смирения и трезвения*. Первое пробуждение, может быть, будет страстным, неумеренным и даже ожесточенным; но дальнейшее принесет нам *новый русский национализм*, с его *истинной силой* и в его *истинной мере*. Этот национализм мы и должны ныне выговорить и оформить.

В противоположность всякому интернационализму, – как сентиментальному, так и свирепому; в противовес всякой денационализации, бытовой и политической, – мы *утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный*, исповедуем его и возводим его к Богу.

Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами».

Каждый народ имеет национальный *инстинкт*, данный ему от природы (а это значит – и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут *по-своему* и создают *драгоценное своеобразие*. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы *исполняем наше историческое предназначение*, отречься от которого мы не имеем *ни права, ни желания*. Ибо всякое национальное своеобразие *по-своему являет Дух Божий* и по-своему славит Господа.

Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует... Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости; иной характер; иная дисциплина; иное представление о нравствен-

ном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом: у каждого народа иной, особый *душевный уклад* и *духовно-творческий акт*.

Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. *Так нам всем дано от Бога*. И это хорошо. Это прекрасно. Различные травы и цветы в поле. Различные деревья и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилен формами; блещет красками и видами; сияет и радуется многообразием...

Все хочет петь и славить Бога:
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.

(Федор Сологуб)

И в этом все вещи, и все люди, и все народы – *правы*. И каждому народу подобает – и быть, и красоваться, и Бога славить *по-своему*. И в самом этом многообразии и многоглассии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого.

Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия – может родиться только в духовно мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, *злой и завистливой*, – все равно, стремится ли эта химера *воинственно подмять все народы под один народ* (химера германского национал-социализма) или *растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения* (химера советского коммунизма). Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится

с крайним интернационализмом, – *нерусского происхождения*, как, впрочем, и весь нигилизм, и *нехристианского происхождения*, как, впрочем, и весь эгалитаризм.

Христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему *дару*, по своей *ответственности* и по своему *призванию*, особливой в своих грехах и подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве, – т. е. идею *метафизического своеобразия человека*. И поэтому идея метафизического своеобразия *народа* есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания; Христос один во вселенной, Он не для Иудеев только и не для Эллинов только, а благовестие Его идет и к Эллинам и к Иудеям; но это означает, что признаны и призваны *все народы*, каждый на своем месте, со своим языком и со своими дарами (срв. Деян. 2, 1–42; 1 Кор. 1, 31¹⁶⁵).

Преподобный Серафим Саровский высказал однажды воззрение, что Бог печется о каждом человеке так, как если бы он был у Него единственным. Это сказано о личном человеке. Что же надлежит думать об индивидуальном *народе*, – что он Богом осужден, отвергнут и обречен? Каждую лилию Господь одевает в особливые и прекрасные ризы, каждую птицу небесную питает и кормит, и волосы, падающие с головы человека, сосчитывает¹⁶⁶, а своеобразие народной жизни, от Него данное и заданное, творческую хвалу живой нации, к нему восходящую, – отвергает?!...

Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет; и те народы, которые служат Ему *творчески* и *вдохновенно*, становятся великими и духовно ведущими народами в истории.

И вот, национализм есть уверенное и сильное чувство, что *мой народ тоже получил дары Духа Святого*; что он *принял их своим инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему*; что сила его *обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям*; и что поэтому народу моему подо-

бают культурное «само-стояние» как «залог величия» (Пушкин¹⁶⁷) и как *независимость государственного бытия*.

Поэтому национализм проявляется прежде всего в *инстинкте национального самосохранения*; и этот инстинкт есть состояние *верное и оправданное*. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать. Он живет совсем не «по ту сторону добра и зла», напротив, он *подчинен законам добра и духа*. Он должен иметь свои проявления в любви, жертвенности, храбрости и мудрости; он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной «пчелиности» и «муравьиности». Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения.

* * *

Что такое есть национализм?

Национализм есть *любовь* к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть *вера* в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть *воля* к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть *созерцание* своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть *система поступков*, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть *духовный огонь*, ведущий человека к *служению и жертвам*, а народ – к *духовному расцвету*. Это есть некий *восторг* (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божиим и в дарах Его Благодати. Это есть *благодарение* Богу за эти

дары; но в то же время и *скорбь* о своем народе и *стыд* за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник *достоинства*, которое Карамзин обозначил когда-то, как «народную гордость»¹⁶⁸; – и источник *единения*, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории; – и источник *государственного правосознания*, связующего «всех нас» в живое *государственное единство*.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа как *драгоценную духовную самосиянность*. Он принимает дары и создания своего народа как свою собственную духовную *почву*, как *отправный пункт* своего собственного творчества. И он *прав* в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается *целым народом* на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта, и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания, – при всем его *личном своеобразии*, имеет еще и национальную природу, *национальную однородность* и *национальное своеобразие*. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие, и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать «свое заветное» и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы *климат души* и *почва духа*; а национализм есть верная, естественная тяга к *своему климату* и к *своей почве*.

Неслучайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжималась и страдала от черствости, чопорности и искусственной натянутости запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего

правосознания – его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке – к ее естественно льющейся и неисчерпывающейся мелодии, к ее дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни... Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука... А русская живопись, – чудеснейшая и значительнейшая, наряду с итальянской, – доселе еще «не открыта» и не признана снобирующим европейцем... Все прекрасное, что было доселе создано русским народом, исходило из его *национального духовного акта* и представлялось *чуждым западу*.

А между тем создать нечто прекрасное, совершенное для *всех* народов – может только тот, кто утвердился в творческом акте *своего* народа. «Мировой гений» есть всегда и прежде всего – *«национальный гений»*, и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранную» «знаменитость». Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален: и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они *углубляют* творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая *еще не доступна* их единоплеменным современникам. Пророк и гений – *национальнее своего поколения*, в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт *классической глубины и зрелости* и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он слу-

жит, – в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет *национальной Россией*.

* * *

Все то, что я высказал в оправдание и обоснование национализма, заставляет меня договорить и признать, что есть больные и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство *прилепляется к неглавному* в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно *превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой*. Сочетание и сплетение этих ошибок может порождать самые различные виды *больного национализма*.

Первая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре его народа, а к внешним проявлениям народной жизни – к хозяйству, к политической мощи, к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Главное, – жизнь духа, – не ценится и не бережется, оставаясь совсем в пренебрежении или являясь *средством* для неглавного, т. е. превращаясь в *орудие* хозяйства, политики или завоеваний. Согласно этому есть государства, националисты которых удовлетворяются успехами своего народного хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм). Тогда национализм отрывается от главного, от смысла и цели народной жизни – и становится чисто инстинктивным настроением, подвергаясь всем опасностям обнаженного инстинкта: жадности, безмерной гордыне, ожесточению и свирепости. Он опьяняется всеми земными соблазнами и может извратиться до конца.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, своим прирожденным религиозным смыслом; во-вторых,

Православием, которое сообщило нам, по слову Пушкина, «особенный национальный характер»¹⁶⁹ и внушило нам идею «*святой Руси*». «Святая Русь» не есть «нравственно праведная» или «совершенная в своей добродетели» Россия: *это есть правоверная Россия, признающая свою веру главным делом и отличительной особенностью своего земного естества*. В течение веков Православие считалось отличительной чертой русскости – в борьбе с татарами, латинянами и другими иноверцами; в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а *верою и ее содержанием*; и русские войны велись в ограждение нашей духовной и вероисповедной самобытности и свободы. Так было издревле – до конца XIX века включительно. Поэтому русское национальное самосознание не впадало в соблазны экономизма, этатизма и империализма, и русскому народу никогда не казалось, что главное дело его – это успех его хозяйства, его государственной власти и его оружия.

Вторая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того, чтобы идти в глубину своего духовного достояния, уходят в *отвращение и презрение ко всему иноземному*. Суждение: «мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим» превращается, вопреки всем законам жизни и логики, в нелепое утверждение: – «национальное бытие других народов *не имеет перед моим лицом никаких оправданий*»... Так, как если бы одобрение одного цветка давало основание осуждать все остальные, или – любовь к своей матери заставляла ненавидеть и презирать всех других матерей. Эта ошибка имеет, впрочем, совсем не логическую природу, а психологическую и духовную: тут и наивная исключительность примитивной натуры, и этнически врожденное самодовольство, и жадность, и похоть власти, и уозость провинциального горизонта, и отсутствие юмора, и, конечно, *неоухотворенность национального инстинкта*. Народы с та-

ким национализмом очень легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни называть его – шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, присущею ему простодушною скромностью и природным юмором; во-вторых, многоплеменным составом России и, в-третьих, делом Петра Великого, научившего нас строгому суду над собою и привившего нам готовность учиться у других народов.

Так, русскому народу несвойственно закрывать себе глаза на свои несовершенства, слабости и пороки; напротив, его скорее тянет к мнительно-покаянному преувеличению своих грехов. А природный юмор его никогда не позволял ему возомнить себя первым и водителем народом мира. В течение всей его истории он вынужден был обходиться с другими племенами, говорившими на непонятных ему языках, отстаивавшими свою веру и свой быт, а иногда наносившими ему тяжелые поражения. Наша история вела нас от варягов и греков к половцам и татарам; от хазар и волжских болгар через финские племена к шведам, немцам, литовцам и полякам. Татары, наложившие на нас свое долгое иго, показались нам «нехристями» и «погаными»*, но они почтили нашу церковь и вражда наша к ним не превратилась в презрение. Воевавшие с нами иноверцы, немые для нас по языку («немцы») и неприемлемые церковью («еретики»), побеждались нами отнюдь не легко и, нанося нам поражения, заставляли нас задумываться над их преимуществами. Русский национализм проходил – и во внутреннем замирении своей страны и во внешних войнах – *суровую школу уважения к врагам*: и Петр Великий, умевший «поднимать задрванный кубок» «за учи-

---

* Запах лошадиного пота, поглощаемого сырого мяса и кочевнической грязи, исходивший от татар, вызывал у славян сущее отвращение (примечание И. А. Ильина).

телей своих», – проявлял в этом исконную русскую черту – *уважения к врагу и смирения в победе*.

Правда, в допетровском национализме имелись черты, которые могли привести к развитию национальной гордыни и повредить России в целом. Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит *единственную правую веру*, определяя ею свое *сознание* и свой *быт*: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так, что перенимать у других нам *ничего* нельзя, смешиваться с другими грешно и изменяться нам не в чем. Ни у басурманов, ни у еретиков нам не следует учиться, ибо от ложной веры может произойти только ложная наука и ложное уменье.

Это воззрение к XVII веку формулировалось так: «богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию: а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам»¹⁷⁰... И еще: «если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона»...

Русское *правительственное самосознание* давно уже не соответствовало этому *народному самочувствию*. Со второй половины XV века, если не ранее, в особенности же после того, как обрушились от самодельной неумелой стройки стены почти довершенного Успенского Собора в Москве (1474 год), с легкой руки Иоанна Третьего, русское правительство приглашает из-за границы архитекторов, врачей и всяких технических искусников: «еретическая наука» уже гостит и служит, но еще не насаждается и не перенимается. Борис Годунов мечтал основать в Москве не то академию, не то университет; Лжедмитрий думал водворить здесь иезуитскую высшую

школу. Необходимость учиться светской «еретической» науке становилась все более очевидной, но *консерватизм* и *провинциализм церковно-национального* самочувствия и сомнения санкционировали *неподвижность быта и сознания*. Духовная инерция народа стала опасною...

* * *

Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике, в знании – *будет завоеван и поработен, и не отстоит себя и свою правую веру*. Он понял, что необходимо отличать *главное и священное* от неглавного, несвященного, земного – от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию *свободу светского, исследовательского взирания на мир*, с тем, чтобы сила русской веры установила в дальнейшем *новый синтез* между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой – с другой стороны. Петр Великий понял, что русский народ преувеличил компетенцию своего исторически сложившегося, но еще не раскрывшего всю свою силу религиозного акта, и что он недооценил творческую силу христианства: Православие не может санкционировать такой уклад сознания, такой строй и быт, которые погубят народную самостоятельность и предадут врагам и веру, и церковь. Он извлек урок из татарского ига и из войн с немцами, шведами и поляками: *запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное*. Он был уверен, что Православие не может и не должно делать себе догмат из необразованности и из форм внешнего быта, что *сильная и живая вера проработает и осмыслит и облагородит новые формы сознания, быта и хозяйства*. Христи-

анство не может и не должно быть источником обскурантизма и национальной слабости.

И вот, *небесное* и *земное* разделились в русском *самочувствии*. Вместе с тем *национальное* отделилось от *вероисповедно-церковного*. Русское *самочувствие* проснулось, и началась эпоха *русского национального самосознания*, незаконченная и доньяне.

Старообрядцы не приняли этого раздела и стали верными хранителями *русского православно-национального самочувствия* во всей его неприкосновенности, наивности и притязательности. Это было трогательно и даже полезно; не потому, что старообрядчество в церковном отношении – право, а потому, что оно веками, в душевной целостности и с нравственной ревностью, блюло верность первоначальной форме русского религиозного и русско-национального самочувствия. Верность бывает трогательна и полезна даже и в обрядовых мелочах, ибо в них воплощается глубина и искренность религиозного чувства.

А между тем России, русскому духу и русскому национализму предстоял новый путь. Надо было различить в культурном творчестве – *церковное* и *религиозное*, и далее – *церковное* и *национальное*; открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре; и *внести религиозно-православный дух, Иоанновский дух любви и свободы, в свое светское национальное самосознание, в свою новую национально-светскую культуру и национально-светскую цивилизацию*. Эта задача не разрешена нами еще и поныне; и разрешением ее будет занята грядущая Россия.

I. – *Церковь и религиозность не одно и то же*, ибо Церковь можно уподобить солнцу, а религиозность – всюду рассеиваемым солнечным лучам. Церковь есть зиждительница, хранительница, живое средоточие религии и веры. Но Церковь не есть «все во всем», она не поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи и быта, – не может погло-

тить их и не должна пытаться сделать это. Церковь не есть начало тоталитарное и всевластное. Православию чужд «теократический» (т. е. строго говоря еkkлезиастический¹⁷¹) идеал; православная Церковь молится, учит, святит, благодатствует, вдохновляет, исповедует и, если надо, обличает, – но она не властвует, не регламентирует жизни, не карает светскими наказаниями и *не берет на себя ответственности за светские дела*, грехи, ошибки и неудачи (в политике, в хозяйстве, в науке и во всей культуре народа). Ее авторитет есть авторитет *откровения и любви*; он *свободен* и основан на *качестве* ее веры, ее молитвы, ее учения и ее дел. Церковь ведет духом, молитвой и качеством, но не всепоглощением, как это пытались осуществить Савонарола во Флоренции, иезуиты в Парагвае и Кальвин в Женеве. Она *излучает живую религиозность*, которая должна свободно проникать в жизнь и во все жизненные дела народа. Религиозному духу – *езде* место, где живет и творит человек, во всяком светском деле: в искусстве и науке, в государстве и торговле, в семье и на пашне. Он очищает и осмысливает все чувства человека, и в том числе и национальное чувство; а национальное чувство, религиозно облагороженное и осмысленное, – незримо и ненарочито проникает все человеческое творчество.

Так, Церковь не может и не должна вооружать армию, организовывать полицию, разведку и дипломатию, строить государственный бюджет, руководить академическими исследованиями, заведовать концертами и театрами и т. д.; но излучаемый ею религиозный дух может и должен облагораживать и очищать всю эту светскую деятельность людей. Живая религиозность должна светить и греть там, куда Церковь открыто не вмешивается или откуда она прямо устраняет себя.

II. – *Церковь*, как единение едино-верующих¹⁷², *сверхнациональна*, ибо объемлет и единоверующих другой нации; но в пределах единой нации «поместная» церковная организа-

ция получает неизбежно национальные черты. К Православной Церкви принадлежат не только русские, но и румыны, и греки, и сербы, и болгары; и тем не менее *русское Православие* (как церковь, и как обряд, и как дух) имеет своеобразные черты *русскости*. Итак, церковное и национальное не одно и то же.

Нация, как единение людей с единым национальным актом и культурой, не определяется принадлежностью к единой церкви, но включает в себя людей *разной веры*, и разных исповеданий, и разных церквей. И тем не менее русский национальный акт и дух был взращен *в лоне Православия* и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту *более или менее* приобщились *почти все народы России* самых различных вер и исповеданий:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык. (Пушкин¹⁷³)

И все они, сами того не зная, таинственно приобщились к дарам русского Православия, сокровенно заложенным в русском национальном акте. *Русский национализм распространил скрытые в нем лучи русского Православия по всей России*. Но из этого уже ясно, что национальное и церковное не одно и то же.

Это отличие *церковного от религиозного* и *церковного от национального* Россия осознавала на протяжении двух веков после Петра. За эти два века Россия вынашивала свой *светский национализм*, зачатый в Православной церкви и проникнутый христианским Иоанновским духом любви, созерцания и свободы; она вынашивала его и в то же время вносила его во все области светской культуры: в зародившуюся с тех пор русскую *светскую науку и литературу*; в возникшее и быстро созревшее до мировой значительности *светское русское искусство*; в новый *светский уклад права*, правосознания,

правопорядка и государственности; в новый уклад русской *светской жизни и нравственности*; в новый уклад русского частного и общественного хозяйства.

Православная Церковь отнюдь не была чужда всему этому. Она оставалась как бы матерью выросших детей, ушедших на свободу жизненно-религиозного дела и труда, но не ушедших духом из ее света и Духа. Она оставалась матерью-хранительницей молитвы и любви, советницей и обличительницей, лоном очищения, покаяния и умудрения, – *вечною матерью*, приемлющею новорожденного и молящуюся за почившего. Это *ее дух* – освободил крестьян, создал суд скорый, правый и милостивый, создал русское земство и русскую школу; это *ее дух* – возрастил и укрепил русскую национальную совесть и жертвенность; это *ее дух* – повил¹⁷⁴ и укрепил русскую мечту о совершенстве; это *ее дух* – внес во всю русскую культуру силу сердечного созерцания, вдохновил русскую поэзию, живопись, музыку и архитектуру и создал Пироговскую традицию в русской медицине... Но всего не исчислишь.

И тем не менее, то, что создавалось в России в XVII и XIX веках – было именно *светскою национальною культурою*. России было дано великое задание – выработать *русско-национальный творческий акт*, верный историческим корням *славянства* и религиозному духу *русского Православия*, – «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое *родовое лоно*, свое *оплодотворение и водительное научение*; создать из этого акта новую, русско-национальную, светски-свободную культуру (знания, искусства, нравственности, семьи, права, государства и хозяйства) – все это в духе восточного, Иоанновского христианства (любви, созерцания и свободы); и, наконец, узреть и выговорить *русскую национальную идею*, ведущую Россию через пространства истории.

Это задание – долгое и претрудное, разрешимое только в веках – вдохновением и молитвою, самовоспитанием и неот-

ступным трудом. За два века русский народ *только приступил* к его разрешению, и то, что им совершено, свидетельствует не только о *величии* этого задания и не только о чрезвычайной, исторически, этнически и пространственно обусловленной *сложности* его, но и о тех *силах и дарах*, которые даны ему для этого от Провидения. Это дело было начато с чрезвычайным успехом, прервано политической смутой и коммунистической революцией и осталось ныне незавершенным. Чтобы завершить это дело, понадобятся *еще века* свободного, творческого расцвета, и нет сомнения, что Россия возобновит его после окончания революции.

И вот, русский национализм есть не что иное, как *любовь* к этому исторически сложившемуся духовному облику и акту русского народа; он есть *вера* в это наше призвание и в данные нам силы; он есть *воля* к нашему расцвету; он есть *созерцание* нашей истории; нашего исторического задания и наших путей, ведущих к этой цели; он есть бодрая и неутомимая *работа*, посвященная этому самобытному величию грядущей России. Он *утверждает свое* и *творит новое*¹⁷⁵, но отнюдь не отрицает и не презирает чужое. И Дух его есть дух Иоанновского христианства, христианства любви, созерцания и свободы, а не дух ненависти, зависти и завоевания.

Так определяется идея русского национализма.

19. О чувстве ранга¹⁷⁶

Современное человечество утратило *чувство верного ранга*. Поэтому оно перестало верить в *идею* ранга вообще, поколебало ее, расшатало и попыталось погасить ее совсем: объявить всякий ранг *мнимым, произвольным*, не заслуживающим ни признания, ни уважения... «Все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и *выше*;

а остальное – человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить»... Так обстоит во *всех* вопросах ранга: в политике, в искусстве, в науке, в религии и церкви – везде. И в этом состоит самая сущность революции – *в сознательном, вызывающем попрании всякого ранга*, в осмеянии самой идеи ранга; а все остальное является естественным и неизбежным последствием этого.

На этом сокрушилась тридцать лет тому назад наша Россия. И только позже, слишком поздно, русские люди стали понимать, что здоровое чувство ранга враги подрывали в них для того, чтобы *все фальсифицировать*: чтобы выдвинуть худших, чтобы вознести бессовестных и бесчестных, чтобы создать новый социальный отбор *бесчестия, раболепства и насилия*, а когда русские люди стали это понимать, то увидели себя *в ярме*; увидели себя перед выбором: или *участвовать в раболепстве и бесчестии* – или *погибать в лишениях и унижениях*. Ранг был не просто «отменен»: он был украден, злоупотреблен, фальсифицирован и заменен новым «анти-рангом».

И вот, среди современного человечества есть два различных мирозозерцания: *ранговое* и *эгалитарное*. Они стоят в борьбе друг с другом – на всем протяжении земли и во всех областях культуры. Досмотрим в этом все до конца.

1. – *Люди равенства* (эгалитаристы) не любят и не терпят превосходства: они отвертываются от него, стараются его не замечать; они всегда готовы подвергнуть его сомнению, закритиковать, осмеять, «задвинуть» его интригой или клеветой; или, еще хуже, фальсифицировать его, выдвигая *рекламою «своих»* – обычно бездарных, тупых, криводушных, двусмысленных разлагателей, но... покорных. «Мы не терпим никакого превосходства, – говорили мне дословно умные республиканцы одного из демократических государств, – всякому выдающемуся человеку мы сумеем затруднить и испортить жизнь, чтобы он не заносился; но если он, несмотря на это, чего-нибудь достигнет, то мы, пожалуй, поставим ему посмертный

памятник»... «У нас в школе, – рассказывал профессор из другого демократического государства, – планомерно заваливают учеников необъятными фактическими сведениями и гасят у них в душах все, что связано с творческим воображением: добиваются равенства, трафаретного сходства и убивают индивидуальность». Слушая такие признания, я молча поучаюсь и вспоминаю Петра Верховенского (в «Бесах» Достоевского). «Не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами... их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями... Рабы должны быть равны... Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»...¹⁷⁷

Так, люди равенства считают всякий духовный ранг – произвольной выдумкой, посяганием или узурпацией: таков был дух первой французской революции, объявившей, что «люди рождаются равными», и обратившейся в виде доказательства к гильотине. Согласно такому воззрению – в людях *существенно* сходное и одинаковое, тогда как различное, особенное и своеобразное (тем более превосходное) – несущественно. Одна советская коммунистка так и требовала во всеуслышание: «все должны делать *только* то, что *все могут делать*» (долгой высшие способности!).

Это воззрение, исторически говоря, родится из семейных и социальных несправедливостей, из обиды, зависти «подполья» (описанного у Достоевского), безбожия и духовной слепоты; оно питается отвлеченным мышлением, отвергается от всякого несходства и презирает всякое превосходство. Оно выражает себя в «обще-утвердительных» суждениях («все одинаковы, все равны, всем всего поровну!») и в «обще-отрицательных» суждениях («никто не смеет быть лучше, выше, богаче; никому не предоставлять никаких преимуществ» и т. д.). Это воззрение безответственно, заносчиво, материалистично, завистливо, мстительно, без-

бно, революционно и социалистично. Оно не считается с природой, вечно производящей бесконечное разнообразие; и потому оно *противоестественно*. Оно не считается и с духом, берегущим каждого человека, как единственного в своем роде и драгоценного в своем своеобразии «сына Божия»; и потому оно *противодуховно*. Политически это воззрение «верует» во всеобщее равное голосование, в арифметический подсчет голосов, в «народный суверенитет»; и тяготеет к *республике*.

2. – *Люди, признающие значение ранга* (сторонники духа и справедливости, индивидуалисты), не верят ни в естественное равенство, ни в искусственное и насильственное уравнивание. Они считают, что все люди, сколько их ни есть, *рождаются неодинаковыми*, своеобразными и самобытными, и затем, по мере своего развития и совершенствования – делаются все более самобытными и своеобразными. В этом не только нет никакой беды или опасности, но, напротив, это естественно-нормально и духовно желательно. Но так как люди от природы *различны и своеобразны*, то справедливость требует, чтобы к ним и относились *неодинаково*, т.е. соответственно с их свойствами, качествами, знаниями и делами. Ибо справедливость не только не предписывает равенства, но напротив: она состоит в *предметном неравенстве*, водворяемом всюду, где возможно (см. «Н[аши] З[адачи]», № 76–79¹⁷⁸).

Итак, «люди рангового воззрения» видят естественную неодинаковость ближних, ценят их духовное своеобразие и удостоверяются на каждом шагу наблюдением, умом и сердцем, что *равенства в действительности нет*, что оно только выдумывается ограниченными и завистливыми людьми и что введение его было бы несправедливо и насильственно. И если они замечают где-нибудь «сходство», то они сохраняют уверенность в том, что за этим видимым и поверхностным подобием – скрывается *суцая и драгоценная неодинаковость*. Живая сущность людей не в том, что их

уподобляет, а именно в том, что делает их *единственными в своем роде и незаменимыми*.

Ранговое воззрение родится, исторически говоря, из *естественного отцовства-материнства*, а духовно – из *религиозного благоговения*. Оно питается внимательным наблюдением природы, чуткою совестью, чувством справедливости, живою, индивидуализирующей любовью и молитвенным созерцанием совершенства Божия. Оно выражается в осторожных и вдумчивых «частных» суждениях – то положительных (напр., «люди редко похожи друг на друга», «некоторые люди завистливы», «этот человек умнее других», а «этот честнее многих»; «мне радостно преклониться перед ее добротой» или «перед его храбростью» и т. д.; отсюда культ героев!); то отрицательных (напр., «многие люди не терпят чужого превосходства», «есть люди, неспособные к политическому голосованию», «многие демагоги совсем не думают о социальной справедливости» и т. д.). Это воззрение подвижно чувством ответственности и справедливости; оно способно к трезвому смирению и *умеет радоваться чужому качеству*; оно духовно, склонно к традиции и консервативности; оно естественно, органично, лояльно и религиозно. Политически оно стремится к отбору лучших людей, – будь то назначением или голосованием, – и тяготеет к *монархии*.

* * *

Итак, люди от природы неравны; и в этом не «беда», а *дар Божий*. Нам надо только *верно узнавать этот дар и верно с ним обходиться*. Верно, – т. е. соответственно, справедливо. «Звезда от звезды разнствует во славе» (1 Кор. 15, 41); и так же человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, умственной проницательностью, волевой энергией, духовным созерцанием и очевидностью. Слепо – не видеть этого; нелепо – отрицать это; вредно – пренебрегать этим. Больной не годится в солда-

ты: он только обременит собою госпитали. Слабый не может носить кули и копать землю: это его быстро погубит. Нелепо делать талантливого скрипача столяром, даровитого математика – матросом, гениального поэта – столоначальником, способного торговца – поваром, лесоведа по призванию – механиком. Но столь же нелепо или прямо пагубно – делать разбойника чиновником, давать предателям и жуликам право голоса, вводить шпионов в министерство иностранных дел, назначать фальшивомонетчика министром, возводить труса в маршалы или партийного интригана в кардиналы. Откуда известно, что каждый глупец способен разбираться в государственных делах? Как можно назначать безвольного пролазу – полководцем (Базэн¹⁷⁹)? Может ли человек с горизонтом тред-юниониста управлять империей (Мэк-Дональд¹⁸⁰)? Почему не сажают слепого за микроскоп? Годится ли безбожный неуч в священники? Каких детей воспитает развратная гувернантка? К каким политическим выборам способен продажный, заstraщенный, изолгавшийся народ?

Итак, в идее «ранга» есть две стороны: во-первых, имеется в виду *присущее человеку качество* – это его *действительный ранг*; во-вторых, имеются в виду его *полномочия, права и обязанности*, которые признаются за ним со стороны общества или государства, – это его *социальный ранг*. Понятно, что эти два ранга могут расходиться. Мудрый праведник может не иметь никакого социального ранга; злой глупец может пролезть в министры, генералы и президенты. Честный человек может быть нищим, заведомый плут – может быть директором банковского консорциума. Ранг *духовного превосходства* (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальнорзоркость) – и *ранг человеческого полномочия* (сан, чин, власть, авторитет) – *могут не соответствовать друг другу*. Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны, подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы,

властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами. Но истинный социальный авторитет возникает из *соединения обоих рангов*. И когда это соединение удается, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А. В. Суворов), праведный епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д. И. Менделеев), замечательный организатор (С. И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н. И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А. С. Пушкин), композитор (А. П. Бородин), живописец (И. К. Айвазовский). *Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания* совпадают, и национальная культура цветет.

Но оба эти ранга могут и не совпасть. Если это *исключение*, то оно всеми ощущается, как *больное место*: лучшие люди говорят о нем, протестуют, негодуют, стараются исправить дело; худшие отвертываются или, наоборот, стараются использовать эту болячку в свою пользу (напр., развратный временщик). Если же эти явления оказываются обиходными или *преобладающими*, то это означает, что *такому* народу в данную эпоху *отбор лучших не удается*, что весь режим несостоятелен, что «честность и талант – не имеют дороги в жизни» и что предстоят социальные потрясения. Таковы, напр., черствые и развратные родители, порочное духовенство, продажное чиновничество; дурной король, глупый и невежественный профессор, тупой и злой учитель; засилие бездарных «артистов», черствое и жестокое офицерство, судьи без правосознания, парламентарии без чувства ответственности, полиция, лишённая гражданского мужества, и т. д. Такое массовое явление *больного и мнимого ранга* разочаровывает всех, родит в душах подполье и революционность и отбрасывает людей в *химеру равенства*... При этом элементарная справедливость заставляет нас признать и выговорить, что предреволюционная Россия *такого разложения не знала*.

Разгоревшаяся в ней химера равенства имеет совсем иные причины, таковы: политическая наивность народа, антиранговые настроения русской интеллигенции, переходная эпоха в хозяйстве, разрастание полуобразованного слоя, военные неудачи и, как последний толчок, – внезапное угашение монархического ранга и присяги, спровоцированное известными политическими кругами.

Никакая общественная организация *невозможна без ранга*. Государство с неудачным ранговым отбором – слабо, неустойчиво, может быть прямо обречено. От большого и фальсифицированного ранга гибнет все: семья, школа, академия, церковь, армия, государство, корабль, хозяйственное предприятие. Все дело в том, чтобы *узнавать* подлинно-лучших (людей естественного ранга) и *выдвигать* их, возлагая на них необходимые полномочия и обязанности (социальный ранг). Бывает так, что это достигается лучше всего *назначением*, напр., в церкви, в армии, в школе, в хозяйстве; нередко и в государстве. Но бывает и так, что это осуществляется лучше всего выборами, напр., в академии, в культурных обществах, в жизни прихода и в местном самоуправлении; иногда и в государственных делах. Но в этом *нет* единого масштаба для всех времен и народов; то, что хорошо в одной стране, может погубить другую; здесь нет и не может быть политической «панацеи» (всеисцеляющего средства). Назначение имеет свои соблазны и ошибки; выборы имеют *свои* опасности и соблазны. И, может быть, недалеко то время, когда будет практиковаться *новый способ* отбора, сочетающий выборы с назначением и преодолевающий недостатки того и другого.

1. – *ВЫБОРЫ*. – Чем больше в народе зависти и партийности, тем хуже будут его *выборы*. Чем ниже его уровень образования, тем бессмысленнее будет вся выборная процедура. Чем сильнее разыгралось в народе честолюбие, тем неудачнее будет его отбор. Чем влиятельнее в его жизни тайные

(религиозные или политические) общества, тем скорее ранг будет фальсифицирован и извращен.

2. – *НАЗНАЧЕНИЕ*. – Чем сильнее в стране кастовый дух, тем неудачнее будут проходить все *назначения* (протекция, nepотизм, лесть). Продажность (коррупция) может прямо скомпрометировать весь назначающий порядок. Слабо развитое чувство ответственности и отсутствие контроля могут прямо погубить государство, строящееся назначением.

На самом деле надо добиваться того, чтобы *социальный ранг* соответствовал *духовному рангу человека*; чтобы назначенный был для народа *своим и любимым*; и чтобы *избранный* мыслил не о партийной, не о классовой, не о провинциальной и не о личной пользе, а о *всенародно-государственной*. Тогда вопрос ранга будет верно разрешен.

Но так как явления «большого ранга» всегда и везде возможны, то в действительной жизни необходимо соблюдение двух правил:

1. – Необходима общая уверенность, что и назначающие и выбирающие *действительно ищут лучших людей* и стараются сообразовать *бремя даваемых полномочий с духовно-естественным рангом выдвигаемых людей* («лучших людей вперед!»). Всякое отступление от этого правила отзовется на государстве вредоносно.

2. – Необходима общая готовность – *лояльно нести возможную ошибку в ранге* и не раздувать случайное явление «большого ранга» в общественный или национальный *скандал неповиновения*. Несимпатичному, неопытному, неумелому, безвольному, бездарному начальнику *надо помогать* – во имя чести, во имя совести, во имя патриотизма, во имя всенародного и государственного дела, а *не интриговать против него*, не вредительствовать, не изолировать его, не подкапываться под него. Этому учат идея ранга и монархическое правосознание, побуждающее верно служить *не только великому Государю*.

Замечательно, что в России идея ранга исторически держалась главным образом на *религиозном основании* и на *патриотическом чувстве*. Вот почему присяга («целование креста») имела в России такое значение. Вот почему народ тысячу лет верил в *праведную волю* Государя, в его *сердечную заботу* о всем народе без изъятия и в его искание справедливости для всех. Ранг в России держался *верою и любовью*; и постольку вызывал в душах искреннюю и самоотверженную лояльность.

Именно поэтому Россия никогда не знала республиканского строя.

20. О справедливости¹⁸¹

Сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления русской революции, как бы ни попирала она всякую свободу и всякую справедливость, – мы не должны упускать из вида, что русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой справедливости. «Старое» – казалось ему несправедливым; «новое» – манило его «справедливостью». К этому присоединились, конечно, и не благие побуждения: жадность, мстительность, злоба, честолюбие и т. д.; но за потакание этим страстям русский народ был жестоко, невообразимо наказан самою революцией. И вот, верно понять революцию значит понять ее не только как наказание злой воли, но и как заблуждение доброй воли. И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории.

Русский народ должен быть возвращен к этим поискам. Он должен покаянно осознать выстраданное им заблуждение, – свою беду и свою кару и свой грех. Он должен увидеть впереди иные, новые творческие пути, действительно

ведущие к справедливости, – пути, указанные христианством, но доселе не найденные и не пройденные человечеством. Он должен понять, что именно дурные страсти подготовили его порабощение, ибо они ожесточили его сердце, разложили его ум, подорвали его государственную волю и обессилили его инстинкт государственного самосохранения. Ожесточившись, он пошел за безбожием, бессовестностью и бесправием, а они только и могли привести его к вящей несправедливости.

Однажды все народы поймут, что социализм и коммунизм вообще ведут не к справедливости, а к новому неравенству и что равенство и справедливость совсем не одно и то же. Ибо дело в следующем.

Люди от природы не равны: они отличаются друг от друга – полом и возрастом; здоровьем, ростом и силою; зрением, вкусом, слухом и обонянием; красотой и привлекательностью; телесными умениями и душевными способностями – сердцем и умом, волею и фантазией, памятью и талантами, добротой и злобой, совестью и бессовестностью, образованностью и необразованностью, честностью, храбростью и опытом. В этом надо убедиться; это надо продумать – раз навсегда и до конца.

Но если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы с неодинаковыми людьми обходились одинаково... Чтобы им предоставляли равные права и одинаковые творческие возможности... На самом деле справедливость совсем и не требует этого; напротив, она требует, чтобы права и обязанности людей, а также и их творческие возможности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам. Так, именно справедливость требует, чтобы законы ограждали детей, слабых, больных и бедных. Именно справедливость требует, чтобы способным были открыты такие жизненные пути, которые останутся закрытыми для неспособных. («Дорогу честности, храбрости, уму и таланту»). Подходящий налог устанавлива-

ет справедливое неравенство; напротив, «партийный билет» коммуниста устанавливает несправедливое неравенство.

Уравнивать всех и во всем – несправедливо, глупо и вредно. Но это не значит, что всякое неравенство будет справедливо. Есть несправедливые преимущества (напр., безнаказанность влиятельных чиновников); но есть и справедливые преимущества (напр., трудовые льготы беременным женщинам).

Бывают верные, справедливые неравенства (т.е. преимущества, привилегии, послабления, ограждения), но бывают и неверные. И вот, нередко, люди, возмущаясь чужими, неверными привилегиями («это несправедливо»), начинают восставать против всяких привилегий вообще и требовать всеобщего равенства. Это требование несправедливо; оно проистекает из ожесточенного и потому ослепшего сердца, а ожесточенное сердце не видит человеческого разнообразия и начинает «приводить всех к одному знаменателю».

Но помимо этого всеобщее уравнение вредно и в жизненном отношении; уравнивать всех «наверх» (т.е. сделать всех одинаково образованными, хорошо одетыми, богатыми и здоровыми) – невозможно. Всякое преднамеренно быстрое уравнение может двигаться только «вниз», понижая общий уровень (т.е. делая всех одинаково необразованными, плохо одетыми, бедными или больными). К этому и стремилась коммунистическая революция; чтобы не было капиталистов и «кулаков», она делала всех нищими; чтобы не было профессиональной касты ученых, она наводняла профессорский состав невеждами и болтунами и этим насаждала всероссийское невежество. И так от коммунистического равенства русские люди становились полубольными, оборванцами, измученными нищими и невеждами – они все теряли и не выигрывали ничего.

Однако опыт революции выяснил еще и то, что такое уравнение на самом деле просто неосуществимо. Никакие человеческие меры, никакой террор не может сделать лю-

дей «одинаковыми» и стереть их природные различия; люди рождаются, растут и живут – неравными от природы; а равное обхождение с неравными людьми создает только мучительные для них и нравственно отвратительные несправедливости. Революционное равенство «вниз» ведет к тому, что худшие люди (карьеристы, симулянты, подхалимы, люди беспринципные, бессовестные, продажные, «ловчи́лы») выдвигаются вперед и вверх, а лучшие люди задыхаются и терпят всяческое гонение (по слову Шмелева: «гнус наверху, как пена, а праведники побиваются камнями»¹⁸²). В результате этого худшие сплываются в новый привилегированный слой («партия») и создают новое, обратное неравенство, – беспомощность обнищавшего народа перед всемогущим партийным чиновником, политическим доносчиком и палачом.

* * *

Отсюда уже ясно, что справедливость не только не требует уравнивания, а, наоборот, она требует жизненно-верного, предметного неравенства. Надо обходиться с людьми не так, как если бы они были одинаковы от природы, но так, как этого требуют их действительные свойства, качества и дела, – и это будет справедливо. Надо предоставлять хорошим людям (честным, умным, талантливым, бескорыстным) *больше* прав и творческих возможностей, нежели плохим (бесчестным, глупым, бездарным, жадным), – и это будет справедливо. Надо возлагать на людей различные обязанности и бремена: на сильных, богатых, здоровых – большие, а на слабых, больных, бедных – меньшие, – и это будет справедливо. Если два человека совершат по видимости одно и то же преступление, но один совершит его по злобе, а другой по легкомыслию, то справедливость потребует для них *не* одинакового, а различного наказания. И так во всем.

Так мы должны осмыслить и русскую историю. Освободить крестьян от крепостного права надо было не потому, что

«все люди равны», а потому, что привилегия душевладения была несправедлива, жизненно вредна и для обеих сторон унизительна. Провести аграрную реформу Столыпина надо было именно для того, чтобы освободить крестьян от принудительного, арифметического (душевого) уравнивания в общине и развязать их творческие, от природы неравные трудовые силы. Отменить во имя равенства жизненные, предметно-обоснованные и потому справедливые привилегии, связанные с образованием, с организационным талантом и опытом, и поставить во главе русского государства и хозяйства невежественных коммунистов и бездарных «выдвиженцев» – могли только ослепшие от классовой ненависти революционеры; и вредоносные последствия этой меры вопиют к небу вот уже тридцать с лишним лет. Только от зависти и ненависти можно требовать вместо справедливости – нового, обратного неравенства и восхвалять его как высшее достижение. «Вот так-то, сударыня, – говорила угольщица маркизе во время одной из французских революций, – теперь все будут равны: я буду ездить в вашей карете, а вы будете торговать углем»... Ибо на самом деле справедливость требует – жизненно-верного, предметного неравенства: в одном случае – привилегии, в другом – лишения прав; в одном случае – наказания, в другом – прощения; в одном случае – полновластия, в другом – безоговорочного повиновения. И пока люди не поймут этого, пока они будут настаивать, вслед за Французской Декларацией Прав, на всеобщем равенстве, – им не понять и не осуществить справедливости.

Равенство – однообразно. Оно не считается с жизненной сложностью и человеческими различиями. Но именно потому оно отвлеченно, формально и мертво. Оно не видит живого человека и не желает его видеть.

Справедливость же многообразна. Она знает, что жизнь бесконечно сложна и что одинаковых людей нет. Именно поэтому она не отвлеченна и не формальна, а конкретна и жиз-

ненна. Она всматривается в живого человека, стремится верно увидеть его и предметно обойтись с ним.

Равенство нуждается в формальных правилах и удовлетворяется ими. При этом сторонники равенства воображают, что простое, формальное соблюдение этих правил – ведет к справедливости. На самом деле последовательное и мертвое законничество всегда ведет к несправедливости («суммум юс – сумма иньюриа»¹⁸³).

Напротив, справедливость невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, ибо она требует живого созерцания разнообразной жизни. Поэтому невозможно придумать такие справедливые законы, которые годились бы для всех времен и народов: но невозможно также обеспечить справедливый строй и в какой-нибудь одной стране – силою одних законов. Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни. Поэтому он по необходимости условно уравнивает людей, связывая с известными, отвлеченно указываемыми свойствами и делами их (если таковые окажутся в действительности – напр., «мужчина», «такого-то возраста», «телесно здоровый», «душевно-нормальный»; – или: «укравший», «ударивший», «убивший», «дезертировавший» и т. д.) – известные полномочия, обязанности или наказания. Но между законом и живым человеком стоит еще применение закона (административное или судебное), т. е. подведение конкретного жизненного случая под отвлеченное правило. И вот здесь-то и должно развертываться истинное царство справедливости.

Это отнюдь не значит, что условно-уравнивающие законы безразличны для справедливости; но от них нельзя требовать слишком многого. От законов надо требовать: 1. чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий – послаблений, ограждений, бесправий, угнетений, а также несправедливых уравниваний. 2. чтобы все устанавливаемые ими неравенства

заведомо не попирали справедливости. З. чтобы они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые с одной стороны гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой стороны – требовали бы от чиновников, научали бы их и предоставляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость.

Ибо справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества. Если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души – необходима воля к справедливости. А если ее нет, то самые лучшие законы, начертанные мудрецом или гением, будут только прикрывать язвы творимых несправедливостей.

Нам необходимо понять, что справедливость не дается в готовом виде и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливого строя, который оставалось бы только ввести («анархия», «социализм», «коммунизм», «кооперация», «фашизм», «корпоратизм» и т. п.). Безнадежны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость.

Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо «раз навсегда». Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы – должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении.

21. Править должны лучшие¹⁸⁴

Первое, что мы должны сделать при обсуждении устройства русского государства, это *стряхнуть с себя гипноз политических формул и лозунгов*. Предоставим «верующим» демократам – верить в необходимость и спасительность этого режима и освободим себя для беспристрастного наблюдения и опытного исследования. И еще: предоставим людям, ищущим успеха у толпы, поносить «аристократов» или совсем обходить молчанием идею *аристократии*, как якобы «реакционную», «контрреволюционную», «старорежимную» и т. д. Когда мы думаем о грядущей России, то мы должны быть *свободны*, совершенно свободны от боязни кому-то не угодить и от кого-то получить «осуждение», будь то западноевропейцы или свои, доморощенные, – леворадикалы или праворадикалы. *Мы повинны Богу и России – правдой*, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него.

Обычно «демократию», как правление людей *«излюбленных»* и выбранных народом, и «аристократию», как правление людей *«наследственно привилегированных»*, – противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и ожесточения. Править государством должны *лучшие люди страны*, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно *лучшие*, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколения образованных слоев народа. *Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т. е. выделяет кверху лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно – лучшие силы народа.*

Убедимся в этом.

«Аристос» значит по-гречески «лучший». Не «самый богатый», не «самый родовитый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привилегированный, не старейший возрастом. Но именно – *лучший*: *искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальновзоркий и образованный*. Можно было бы добавить к этому и другие качества, напр., храбрый, сердечный; но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к «лучшим» человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишённого государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно *лучшие* должны править *во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие*. Нелепо и противоестественно говорить: «мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс». Наоборот, необходимо и верно ответить: «*демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть*». Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году. А к чему ведёт правление подлинно-худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год... Суровая школа!

Можно было бы назвать наше требование *политической аксиомой* (т. е. истиной самоочевидной): *править должны лучшие*. В жизненном распознавании этих лучших людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценке их, но *задача их выделения бесспорна и основоположна*. Можно было бы выразить это в виде лозунга: *дорогу честным и умным патриотам!* Дорогу им – независимо от того, принадлежат они к какому-нибудь *сословию, классу*, к какой-нибудь партии или нет! Важно *качество человека*: его политическая ценность

и его политическое воление; и не важно его происхождение, его профессия, его классовая и партийная принадлежность. Важна его *нравственная и умственная мощь*, а не его предки; важна его верность родине; существенно направление его воли, а не его партийный билет. Партийность (всякая партийность!) не удостоверяет качества человека, а только подмывает или заслоняет его. А качество человека – первое всего и драгоценнее всего.

Поэтому всякие выборы должны иметь в виду единую, главную и необходимую цель: *выделение качественно-лучших сынов народа и поручение им* политического дела. Глупо и слепо прельщаться демагогами, которые, прикрывшись партийным ярлыком, яростно отстаивают интерес какого-нибудь класса, сословия, национального меньшинства, территориального округа или же попросту – свой собственный!

Во-первых, потому, что государственное дело ищет единого, *общего, всенародного* интереса, а не частных вожелений; и демагог, разжигающий страсти именно в сторону частных вожелений, открыто свидетельствует о своей *политической негодности*: он является фальсификатором в политике; он подобен цыгану, выхваляющему подменно-поддельную лошадь; по отношению к наивному и доверчивому народу он выступает в качестве развратителя детей, строящего свое благополучие на подтасовке и лжи.

Во-вторых, потому, что самая его демагогия свидетельствует о его *качественной* несостоятельности: он разжигает страсти, чтобы выдвинуться и погубить государственное дело, превращая его в лучшем случае в дело частного вожеления, а в худшем случае – в дело своей личной корысти.

Россия может спастись только выделением *лучших* людей, отстаивающих не партийный и не классовый, а всенародный интерес. На этом все должны согласиться и сосредоточиться. Это надо разъяснить самому русскому народу прежде всего. Для этого должны быть приняты все меры, как-то: освобож-

дение народа от *всех* и *всяких* партий; введение *голосования по округам* с выставлением *персональных, лично всем известных* кандидатур; и, главное, выработка особого вида *конкурирующего сотрудничества* в нахождении и выдвижении *лучших* людей – сотрудничества государственного центра с избирателями. Это предложение будет обосновано и изложено в дальнейших выпусках «Наших Задач».

Демократические выборы являются лишь *условно-целесообразным средством для безусловно-верной цели* (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то *условное* средство должно уступить *безусловной* цели. Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворяются худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, с большим или меньшим позором. *Всякое* государство призвано быть *аристократией в нашем смысле слова*: и монархическое, и диктаториальное, и демократическое; и можно было бы сказать с уверенностью, что если бы исторически-законные государства были на политической высоте, то они извлекали бы этих подлинно лучших *изо всех слоев населения*; и тогда профессиональным революционерам нечего было бы делать на свете.

Поэтому вопрос «всенародных выборов» (по четырехчленной формуле – всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) есть вопрос *средства, а не высшей непререкаемой цели или догмы*. Это средство может в одном государстве и в одну эпоху оказаться целесообразным, а в другой стране и в другую эпоху – нецелесообразным. Ребячливо веровать в это средство как в политическую «панацею». Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо поставить иначе: *какой народ и когда*, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой

системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни — действительно разрешал эту задачу успешно?

Спросим поэтому: какие основания имеют современные эмигрантские демократические партии для того, чтобы считать, что русский народ, после всеразлагающей, духоопустошительной и развращающей всякое правосознание, эпохи коммунизма, после водворения в стране повальной нищеты (разбогатевшие совкарьеристы не в счет!), после тридцатидвухлетнего рабства, после отвычки от самостоятельного мышления, после полной и застарелой неосведомленности в вопросах политики, хозяйства и дипломатии, после укоренившейся привычки бояться, воровать, промышленлять доносами и спасать свою жизнь пресмыкательством, сумеет осуществить такие выборы? Если у них имеются серьезные основания, то не следует их замалчивать; а если их нет, а есть обратные основания, то к чему безответственное программное пустословие?

Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы ей верный способ найти и выделить своих подлинно лучших людей к власти. В этих выборах *лучших людей* не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского народа, «нырнувшие» коммунисты, перекусившиеся предатели и т. д. А это означает, что эти выборы не могут быть *ни всеобщими, ни прямыми*. *Лучших* людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые *страдали*, а не те, которые *пытали страдальцев*. Иначе Россия будет опять отдана во власть *политической черни*, которая из *красной* черни перекрасится в *черную* чернь, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение. Избави нас Бог от этого!

* * *

Нам не дано предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем,

в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в *выделении кверху лучших людей*, – людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих *новых русских людей* удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет, – то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период после-революционной деморализации, всеяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим *ведущим слоем*, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду *правит меньшинство*: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только *выделяет* свою «элисту» и *дает* ей общие, направляющие *указания*. И вот, судьбы государств определяются *качеством ведущего слоя*: успехи государства суть *его* успехи; политические неудачи и беды народа свидетельствуют о *его* неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, – может быть, о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть – о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время *подготовкою будущего, школою для новой элиты*; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется *новый дух*, который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не научились верить, но научились *верно видеть зло и злобу*, научились *ценить свою историю*, научились и еще учатся *келейной молитве* и зрелым *волевым решениям*. Этот процесс начался еще в первые годы революции, и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как еще никогда, ни одному другому, дана была в историческом опыте *злая государственная власть*, – дана была очевидность лжи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это – при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха – ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» и *уйти в духовную катакомбу*. В этой духовной катакомбе люди научались сосредоточиваться на *главном* и пренебрегать неглавным в жизни; они научились зажигать незримую врагам лампаду и творить при ее свете новую подспудную культуру; они научились *молиться по-новому* и *любить по-новому* и внутренне, беззвучным шепотом, произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись.

В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое, не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные десятилетия и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать

немедленно, – во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду, – *ткань новой России* и постепенно *вовлечать в эту ткань все новых и новых людей*. Они могли быть уверены, что данная русскому народу *очевидность зла* будет непрерывно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В этом был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они *призваны* противостоять и стоять до конца; что одним своим, с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают *главное и необходимое*, служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои – гражданственную природу России*. Они совершили свое дело и достигли многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они собою в начале революции»; если мы видим, что половина российского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим¹⁸⁵, – то мы должны воздать должное подвигу русского героического меньшинства. Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт *живой источник нового русского качества*.

---

* См. предсмертное письмо расстрелянного большевиками Митрополита Петербургского Вениамина (цитировано у Митрополита Анастасия в Сборнике избранных сочинений, 1948. «Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви»). См. также в трудах Протопресвитера Михаила Польского: «Положение Церкви в Советской России» и «Новые мученики российские» (примечание И. А. Ильина).

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их на язык *духовного качества*, то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротой, а *силою* духа и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало *характера*, а у добрых людей было мало *воли* и *решимости*. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, *не организованы*. Духовная культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом *действенной силы*, *верной идеи*, уверенного и зрелого самосознания, собранной силы; не хватало *национального воспитания* и *характера*. Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; недоставало *зрелой предметности* и *энергии в самоутверждении*. Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства – бурно росшего, но не нашедшего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственническое крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непочатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов – экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей имущественной основе, в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и непротивленчества еще не была побеждена. *Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства*.

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял *неизжитый запас больных и разрушительных сил*. В крестьянстве бродило еще памя-

тозлобие крепостного права и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своею честолюбивою полуинтеллигенцией, создавало целый кадр центробежно настроенных «деятели». Эти «деятели», с их радикально-революционными симпатиями, вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени *затрудняло качественный отбор государственной элиты*. За девятнадцатый век слагалась и крепла большая традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен – если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над *изоляциями* и *компрометированием* русского Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а *вопреки* этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности, совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял Правительствующий Сенат, кассационные решения которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П. А. Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которых не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности: идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных кооператоров и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и вращаясь в механизм государства. Россия нуждалась больше всего в *мире* и в *завершении столыпинской реформы*; она нуждалась меньше всего в *революции* и в *социализме*. Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное разрушение почти всей ее исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживавшие шрамы, души заболели ненавистью и мезтью, замутились до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революция не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и преж-

ную культуру в России, но стремилась, прежде всего, *сместить прежний ведущий слой* и поставить на его место *новый*.

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять – все это разрушительное дело требовало только решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи – *создание нового ведущего слоя* – не могло удасться революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно из основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зидательным силам народа, а к *разрушительным и разнузданным* элементам его. Она привлекала к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот, никакой государственный режим, тем более «творчески-обновляющий» режим, не может быть построен *такими* людьми и на *таких* порочных основаниях. *Привычный разрушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь.* Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский¹⁸⁶), и, соблазнив его этим «правом», она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «позволенное» и «запретное», перепутала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и куль-

турные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобразиться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди – презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвигенцы, государственно неумелые «нелегальщики» (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники. *Революция узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу. Революция превратила разбойника в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударвилась.*

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло *новое коммунистическое чиновничество*: запуганное и раболепно-льстивое перед лицом власти; – пронырливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху – на вымирание и на гибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и ее планов, но и *несостоятельностью отобранного ею слоя.*

* * *

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, – русский народ увидит себя *без ведущего слоя*. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная, элита распалась, погибла или переродилась; и то, что от нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого национально-исторического достояния. А революционный отбор должен

будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и неисправимости, отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего – будет *новый ведущий слой*.

Эта новая элита, – эта *новая русская национальная интеллигенция*, должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. – Прежде всего, ведущий слой не есть ни *замкнутая «каста»*, ни *наследственное или потомственное «сословие»*. По составу своему он есть нечто *живое*, подвижное, всегда пополняющееся *новыми, способными людьми* и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинул еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и не первые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафирова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу, учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей Екатерининской эпохи, Сперанского, Скобелева, Витте, Губолина¹⁸⁷, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца – не спрашивают о его «предках», ибо *он сам есть «предок» для грядущего потомства*. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает и должен выдвигать его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения

есть великая вещь, но она не может сделать глупца – умным, а безвольного человека – призванным организатором жизни. Мы все – от правителя до простого обывателя – *должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их*, «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не «демократическое», как принято думать, а *нравственно-патриотическое и национально-государственное*. Только так мы воссоздадим Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. – Принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьей, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, – есть *не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности*. Это не есть ни «*легкая и веселая жизнь*», ни «почивание на лаврах». Темному, необразованному человеку простиительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л. Н. Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-Дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «не-физического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги русской интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния»: он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился *культурным нигилизмом* в вопросах права, государства, собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с ее уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, об-

разования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» – *значит снижать уровень и подрывать культуру.*

Вести свой народ есть *не привилегия, а обязанность* лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди *иной душевной и нервной организации*, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного *жизненного напряжения и ритма*. Мыслителю и артисту нужна тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т. д. Если это – «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни необходим и неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать *строгость к себе* у того, кто выше, и *беззавистная почтительность* у того, кто ниже. Только этим *верным чувством ранга* воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. – Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция *«кормления»*, т. е. *частного наживания на публичной должности*. Государственный чиновник, так же, как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом («жалованием») и не пополнять его никакими «прибытками» или «поборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», – время удельно-феодальное и, далее, сословно-крепостное, – прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода принос»); судья, торгующий приговором

и презирающий закон («хочу – по нем сужу, хочу – на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна – шатущая корова, не доит ее один ленивый») – все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение – объясняются тем *изъятием собственности* и тем *хозяйственно-бюрократическим бедламом*, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «само-вознаграждение» зазорным. Психологически – это понятно; но по существу – это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку *удовлетворяющее его вознаграждение* и должны переживаться им не как «кормление», а как *служение*. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованьем, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Всякая власть, всякое водительство обязывает к самоограничению!.. Только этим возродим Россию.

4. – Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком *высокой оценке государственной власти*, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть *власть, извне подходящая к человеку*, предписывающая и воспрещающая ему *независимо от его согласия или несогласия* и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, *не подлежат ведению государственной власти* и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не

смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать оказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться в нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван *вести*, а не гнать, не запугивать, не поработать людей. Он призван *читать и поощрять свободное творчество ведомого народа*. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту: надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть *живой пример*. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, *достоинством и свободой личного духа*, во-вторых, *самодетельностью творческого инстинкта человека*. Конец террору как системе правления!.. Конец тоталитарному всеведению и всеприсутвию!.. России нужна власть, *верно блюдущая свою меру*.

5. – К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию *не произволом, а правом*. Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться *самими чиновниками*, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейского, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: *по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности*. Формально-буквенное, педантически-мертвенное примене-

ние закона не есть законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в «крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «не всякий прут по закону гнут»; а «милость творить – с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон: – 1. – намерение законодателя и 2. – высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника – *живое творческое правосознание* (правовое *разумение* и правовую *совесть*). И вот, в этой сфере не должно быть места никакой *корысти*, никакой *кривизне*, или, как выражала это русская летопись, – никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, – словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а *правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием*. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом приговоре:

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо,
И то – с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь... А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь...

6. – Далее, новая русская элита в деле правления должна *блюсти и крепить авторитет государственной власти*. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, – правда, в формах противоправных, свирепых и унижительных, – советскую властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых, основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот, борьба за грядущую Россию окажется борьбой за *новый авторитет новой национально-русской власти*, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. – Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор *должен быть одушевлен творческой национальной идеей*.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его... Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма»; ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна

новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

* * *

Уже не раз ставился в эмиграции вопрос о том, возможно ли теперь же начертать будущую русскую «конституцию», т. е. изложить в форме ряда законопроектов государственное устройство будущей России? – Я думаю, что это сейчас неосуществимо; и притом потому, что у нас нет конкретных данных: – мы не знаем времени (когда это будет?), пространства (при какой территории?), национального состава будущей России, ее социального строения, состояния народного правосознания, ее экономического и международного положения. «Конституция» была бы выводом из двух посылок: первая – *принципиальные основы*, которые мы считаем верными и необходимыми; вторая – *конкретные данные*; вывод – «конституция». Но второй посылки у нас нет, и потому вывод не возможен. Но о некоторых *принципиальных основах* можно и должно договариваться теперь же.

1. – И вот, прежде всего, установим, что в отличие от дореволюционной русской интеллигенции, считавшейся с одними отвлеченными «идеалами», наши поколения должны мыслить *реалистически* и *исторически*, для того, чтобы не впадать в мечтательно-отвлеченные нежизненные программы, наподобие анархистов (всех оттенков – от Кропоткина до Родичева¹⁸⁸), или конституционалистов-демократов (от Кокошкина¹⁸⁹ до Милюкова), или всевозможных социалистических партий. Мыслить реалистически значит исходить от русской исторической, национальной, державной и психологической данности в том виде, как она унаследована нами. Мы не можем вместе с Петром Кропоткиным проповедовать свободный передел имущества на площади (все домашнее барахло сваливается в одну кучу, и каждый по своему усмотрению

берет себе беспрепятственно, что ему приглянется). Но мы не можем и верить вместе с Родичевым, что как только монархия падет, так «пойдет все гладко и станет все на место» оттого, что все обнимутся свободно и братски... Мы не можем вместе с умеренными либералами требовать для России «английской конституции», ибо наш климат, наш характер, наша история, наше правосознание, наш территориальный состав, наше образование и наша вера – *совсем иные*, чем в Англии. Но мы не можем и верить вместе с Ф. Ф. Кокошкиным, который пользовался в немецком ученом мире величайшим уважением, будто Россия найдет свое спасение во всеобщем и равном избирательном праве и свое единение – в федеративном расчленении. Политика не фантазия и не утопия; и фантазирующий политик занимается вредным делом. Опыт нашего поколения достаточен для того, чтобы оставить эти химеры раз навсегда.

2. – Установим далее, что все государственные рецепты, идеи и лозунги за последние 30 лет омертвели, выветрились или исказились. Мы ничего не должны и не смеем принимать на веру; все подлежит пересмотру, новому пониманию, углубленной критике, новому содержательному наполнению. Понятия *свободы, равенства, народоправства, избирательного права, республики, монархии, федерации, социализма* – понимались доселе *формально*, в отрыве от правосознания и его аксиом, в отрыве от народного душевного уклада и от национальных задач государства. Считалось, а на западе и доньше обычно считается, что свобода и равенство суть бесспорные идеалы; что народоправство есть аксиома для всякого «порядочного» человека; что избрание всегда выше и полезнее назначения; что монархия всегда хуже республики; что враг федерации – есть враг человечества¹⁹⁰; что социализм могут отвергать только сторонники капиталистической эксплуатации и т. д. Мы не можем принимать на веру все эти партийные и часто гибельные предрассудки. Исходить из этого мы не можем, как не можем исходить и из бесспор-

ности обратных положений. Мы должны пересмотреть политические «идеалы» предреволюционной интеллигенции и отвергнуть все несостоятельное. Мы должны отвергнуть самый способ постановки политических вопросов – *мечтательно-доктринерский, рассудочно-формальный, интернациональный, искательно-демагогический*. Перед нами не «идеал», не «мечта» и не «доктрина», а жизненная *задача воссоздания России*. И Россию мы должны понимать как живое, органически историческое, единственное в своем роде, русско-наследственное государство, с его особою верою, с особыми традициями и нуждами.

3. – Но именно поэтому мы не должны гоняться за чужими сверхнациональными отвлеченными формами жизни. Нет и не может быть единой государственной формы, которая оказалась бы наилучшей для всех времен и народов. Политически-зиждательное в одной стране, у одного народа, в одну эпоху, при таком-то климате, темпераменте, хозяйстве, – может оказаться разрушительным в других условиях. Поэтому Западная Европа и Америка, не знающие Россию, *не имеют ни малейших оснований навязывать нам какие бы то ни было политические формы*, – ни демократические, ни фашистские... Мы готовы повторить это сто раз: *Россия не спасется никакими видами западничества, ни старыми, ни новыми*. Все политические формы и средства человечества полезно знать и верно разуметь. Но *творческая комбинация* из них и из других, еще неизвестных, должна быть избрана и создана самою Россией, должна быть подсказана ее собственными задачами, помимо всяких чужих предписаний, или своих предрассудков и доктрин. Мы должны понимать и помнить, что всякое давление с запада, откуда бы оно ни исходило, будет преследовать *не русские, а чуждые России цели*, не исторический интерес, не благо русского народа, а интерес давящей державы и вымогающей организации... Поэтому поведение русских людей и партий, потихоньку сговаривающихся с той или иной ино-

странной державой или закулисной международной организацией о будущем устройстве России, представляется нам проявлением или безответственного политического легкомыслия, или прямого предательства.

Итак, мы должны считаться только с двумя великими реальностями:

А. – С исторически данной Россией, с ее целями и интересами.

Б. – С верно понятными и усвоенными *аксиомами* правосознания и государственности, возвращенными в нас двухтысячелетним христианским опытом.

Будущее русское государственное устройство должно быть живым и верным выводом из русской истории и из этих христианских бесспорных аксиом, но с тем, чтобы не стремиться воплотить эти аксиомы вслепую, в меру утопического максимализма, но *в меру их исторической вместимости в живую ткань современной русской народной жизни.*

4. – Особенно же важно теперь извлечь *идею* государства и политики из той предреволюционной *пошлости* и из той революционной *грязи*, в которую эта идея незаметно совлеклась в западных демократиях и в коммунистическом режиме.

С одной стороны, политика совсем не есть сочетание *массовой демагогии и расчетливой закулисной интриги, честолюбивой толкотни и беспринципного компромисса, партийного засилья и бессмысленного голосования вслепую.*

С другой стороны, она совсем не сводится к *насилию и коварству, к деспотизму и террору, к классовой борьбе и к тоталитарным способам управления.*

Политика не есть темное дело презренных плутов. Когда чиновник начинает торговать своим делом, как мы это видим ныне в некоторых крупнейших демократиях мира, или когда он становится прямым разбойником, как при коммунизме; или наоборот – когда авантюрист и разбойник становятся чиновниками – то государство идет к гибели. На самом же деле

политика имеет совсем иные задания, совсем иную природу, совсем иной духовный стержень, а именно: *властно внушаемая солидаризация народа; авторитетное воспитание личного, свободного правосознания; оборона страны и духовный расцвет культуры; созидание национального будущего через учет национального прошлого, собранного в национальном настоящем.*

Для этого необходимы люди *высокой духовной силы, люди первого ранга.* Вот почему необходимо высказывать, доказывать и жизненно прививать воззрение, что государственная и политическая деятельность требует не ловкого проходимца, не хитрящего интригана или чего-нибудь еще худшего, но человека с *религиозно и нравственно сильным характером, человека качественного и призванного к власти.* Она требует высоковолевой, моральной, образовательной и профессиональной квалификации. Это есть дело совсем не общедоступное, не дилетантское, не уличное. Отсюда в высоком смысле *аристократическая* природа государства, не в сословном, а в *духовном* смысле; отсюда значение нравственной и умственной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. Человечество скоро начнет открыто заявлять, что нельзя мириться с политическим выдвиганием прохвоста только на основании того, что он сумел стать угодным закулисе или популярным в массе.

Политика требует *качественных людей.* Только им будет возможно осуществить все связанные с политикой *компромиссы, не роняя ни себя, ни государственную власть.* В политике бывают необходимы и хитрость, и насилие, и подчас жестокость. Но народ чует чутьем реальную меру необходимости таких компромиссов и прощает мудрому политику многое во имя главного и основного. В политике и государственности есть нечистые стороны и дела; их нельзя отрицать; от них нельзя зарекаться. Но именно поэтому политика требует *большой идеи, чистых рук и жертвенного служения.*

IV. ЧЕМ МЫ ВОЗРОДИМСЯ

22. О воспитании в грядущей России¹⁹¹

Нам не надо знать, когда и в каком порядке закончится революция в России. События развертываются медленно, слишком медленно для одного поколения. Мы не можем и не должны делать себе иллюзий: предстоят еще сложные, ответственные и мучительные события, смысл которых будет состоять в том, что всероссийское крестьянство овладеет изнутри государственным и военным аппаратом страны, сбросит или отодвинет устроившийся у власти слой международных авантюристов и начнет строить новую национальную Россию. Возможно, что из наших, старших поколений лишь немногие доживут до *освобождения* родины и лишь совсем немногие смогут принять участие в ее *возрождении*. Но именно это предвидение обязывает нас смотреть вперед и вдаль и готовить для новых русских поколений тот материал выводов и руководящих линий, который мы выстрадали и выносили за эти десятилетия и который поможет им справиться с их претрудной задачей. Мы должны высказать и письменно (по возможности, и печатно!) закрепить в отчетливых и убедительных формулах то, чему нас научила история, чем нас умудрила наша патриотическая скорбь.

Грядущая Россия будет нуждаться в *новом, предметном воспитании русского духовного характера*; не просто в «об-

разовании» (ныне обозначаемом в Советии пошлым и постылым словом «учеба»), ибо образование само по себе есть дело *памяти, смекалки и практических умений* в отрыве от *духа, совести, веры и характера*. Образование без воспитания не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолюдин есть *лучший* человек и *лучший* гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации.

Новой России предстоит выработать себе новую систему национального воспитания, и от верного разрешения этой задачи будет зависеть ее будущий исторический путь.

Мы видели, как русская интеллигентская идеология XIX века подожгла Россию, вызвала великий пожар, и сама сгорела в его огне. Мы знаем также, что русский народ жив и будет восстанавливать свое государство на пепелище революции. Мы же, русская интеллигенция, кость от кости русского народа, дух от его духа, любовь от его любви и гнев от его гнева; – мы, никогда не верившие ни в какую «последпетровскую» пропасть, якобы отделившую нас от нашего народа, и ныне не верящие ни в какой «разрыв» между внутренней и зарубежной Россией, – мы обязаны осознать причины нашего государственного крушения, найти его истоки в строении и укладе русской души, обрести и в самих себе эти больные уклоны и преодолеть их (все эти национальные заблуждения и соблазны, все это больное наследие уделов, татарщины, сословности, крепостничества, бунтов, заговорщичества, утопизма и интернационализма) – преодолеть и вступить на новый путь.

Россия выйдет из того кризиса, в котором она находится, и возродится к новому творчеству и новому расцвету – через сочетание и примирение трех основ, трех законов духа: *свободы, любви и предметности*. Вся современная культура сорвалась на том, что не сумела сочетать эти основы и блюсти эти законы. Она захотела быть культурой *свободы* и была права в этом; но она не сумела стать культурой *сердца* и культурой *предметности*, – и это запутало ее в противоречии и привело ее к великому кризису. Ибо *бессердечная свобода* стала свободой эгоизма и своекорыстия, свободой социальной эксплуатации, а это повело к классовой борьбе, к гражданским войнам и революциям. А *беспредметная* и *противопредметная свобода* – стала свободой беспринципности, разнуздания, безверия, «модернизма» (во всех его видах) и безбожия. Все это связано взаимно; все это есть единый процесс, приведший к великому кризису наших дней. Реакцией на это явился – зажим бессердечной и беспредметной свободы в государственно-партийные, диктаториальные тиски, – то коммунистические, то буржуазно-националистические. Этот бюрократически организующий зажим должен был бы, казалось, устранить известные антисоциальные проявления свободы, злоупотребления ею и водворить *большую социальность при несвободе*. На самом же деле *несвобода* (отрицательная функция) ему удастся вполне, а *большая социальность* (положительная, творческая функция) – не удастся ему: на место прежней *свободной несоциальности* водворяется новая *несвободная антисоциальность* и народ попадает в *наихудшие и наитягчайшие условия жизни, известные в истории*. Социализм и коммунизм отнимают у людей свободу и не дают им ни социальной справедливости, ни духовного творчества.

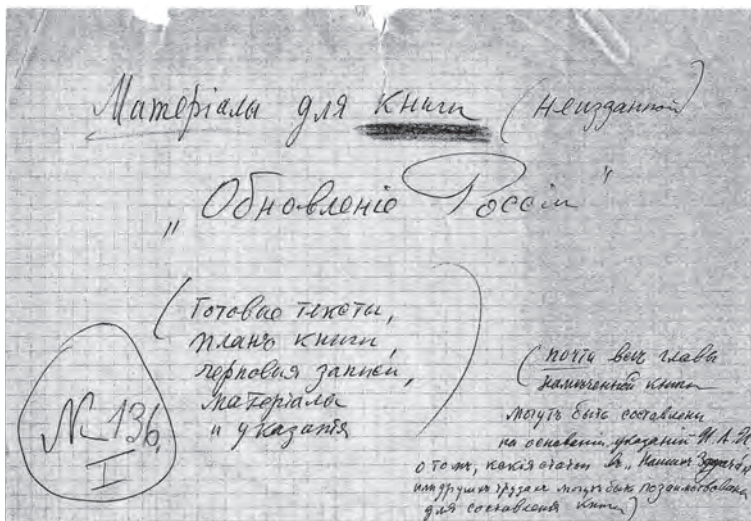
Это объясняется тем, что осуществить социальную справедливость могут только люди *с сердцем* и *с предметною волею*, ибо справедливость есть дело *живой любви и живого совестного созерцания*, т. е. – *предметно настроенной*

и устроенной души. Ошибочно принимать справедливость за равенство, ибо справедливость есть *предметное неравенство* людей. Наивно воображать, будто достаточно последовательной доктрины и последовательного рассудка для того, чтобы справедливость была найдена и водворена и чтобы люди начали новую социальную жизнь. Ибо рассудок без любви и без совести, не укорененный в живом созерцании Бога, есть разновидность человеческой *глупости* и *черствости*, а глупая черствость никогда еще не делала людей счастливыми.

Из трех великих основ всякой человеческой жизни и культуры – *свободы, любви и предметности*, – ни одна не может быть упразднена или упущена: необходимы все три и все три обуславливают одна другую взаимно. Если бессердечная свобода ведет к несправедливости и эксплуатации, то беспредметная свобода ведет к духовному разложению и социальной анархии. Но бессердечная и беспредметная несвобода ведет к еще более тяжелой рабской несправедливости и глубокой деморализации. Свобода необходима человеческому инстинкту и духу, как воздух телу. Но она должна быть наполнена жизнью сердца и предметной воли. Чем больше сердца и предметной воли у человека, – тем менее опасны ему соблазны свободы и тем больший смысл она приобретает для него. Спасение не в отмене свободы, а в ее сердечном наполнении и предметном осуществлении.

Именно этим определяется путь грядущей России. Ей нужно *новое воспитание: в свободе и к свободе; – в любви и к любви; – в предметности и к предметности.* Новые поколения русских людей должны воспитываться *к сердечной и предметной свободе.* Эта директива – на сегодня, и на завтра, и на века. Это единственно верный и главный путь, ведущий к расцвету русского духа и к осуществлению христианской культуры в России.

Для того чтобы выяснить это до конца, необходимо сосредоточиться на идее *предметности.*

Заголовок Романа Зиле к материалам книги И. А. Ильина
«О возрождении и обновлении России»
(заголовок «первого собрания», см. комм. 41)

16. О чувстве зла. М.З. 39.
17. О русской идее. М.З. 127-129
18. О русском национализме М.З. 111-114
19. О чувстве ратни М.З. 109-110
20. О справедливости М.З. 76-77
21. Правды должны быть лучше М.З. 56. 86-87. 104

IV Чем мы возродимся.

22. О гостинице в грядущей России М.З. 180-182
- ✓ 23. Вероят и отврат (слово)
24. О преданности и преданности (М.З. 166)
25. О эллинистическом искусстве (H. Schell)
26. Вера ~~не~~ справедливости (М.З. 78-79)
- 27. О духовном характере
- 28. О правосудии
29. О частной собственности (слово)
- ✓ 30. Нравные братства (слово)
31. О социальном человековании М.З. 21-22
32. Божия муравей (Взвек)

Наши Садаки

- Кодухин Для книги о России
 155-156 (о Сабур) Воспр. 4 (3 ст.)
 94-97 (о Мекандице)
- [Петерик in die Feme; о Лески]
 Вааронд. „Рядом ильскія“ (О Клеветы)
- Обновление
 Н. 3, 146, 150-151 (Показано)
 Н. 3, 39 (О зувайво зла)
 „ 127-129 (Рус. адел)
 „ 111-114. 1 Рус. казёна)
 „ 109-110 (Ранз)
 „ 76-77. (справедл.)
 „ 56-86-87, 154 (Лугеис)
- Я. ильск
Котрайдис 180-182 (Вост)
 166 (Предвсудк. и правдиск)
 [Jah Schone - гранд. муравей]
 78-79. (справедл.)
 21-22
 [В. С. Киндстун] Демин' муравей.

Два предисловия к Вера. Россия

КУЛЬТУРА СЕРДЦА .

Свѣтлой памяти Протопресвитера Отца
Сергія Іоанновича ОРЛОВА .

I.

Въ наше смутное, непроглядное время, когда все зами-
шалось, растерялось и сдвинулось, когда самый воздухъ об-
щечеловѣческой жизни напоенъ завѣдомой ложью и лицемерны-
ми соблазнами, евангелье и немая, алетольбіемъ, страхомъ
и жестокостью, — ~~молитва~~ истинное отраженіе и утѣшеніе
обратится духомъ, сердцемъ и мыслью къ человѣку святоосо-
бному, сердечно-благостному, сильному въ молитвѣ и свободно-
му въ совѣсти; къ человѣку, для котораго жизнь была служе-
ніемъ и очищеніемъ; къ пастырю, воспріявшему традицію рус-
скаго православія, утвердившему себя въ ней и утвержда-
ющему ихъ во всякомъ и передъ волками, съ кѣмъ онъ вступалъ
въ обменіе.

Всѣ мы, знавшие его и объявившея съ нимъ всегда
ослажда, что отъ него исходить нѣкій о в ѣ т ѣ и что изъ
этихъ свѣтомъ живеть и грѣеть нѣкое п л я м я , которое
то восхваляетъ истинными вдохновеніемъ, то смирается въ
тихой, до конца искренней и дѣтски-претрепетной молитвѣ,
то сосредоточивается въ зоркой, освященной мудрости одоб-
ренія или осужденія.

Воспринимая его личность, его слово, его молитву, и
всегда изумлялся этому сочетанію старческой мудрости и
духовной юности; и еще: этому соединенію душевной чистоты

*Вера
3. 1911
И. А. Ильин
was alive in his
time
1913.41*

О ВОЗРОЖДЕНИИ И ОБНОВЛЕНИИ РОССИИ

2. Бегство от света.

Есть такие существа, будто каинское животное, ~~существо~~ ^(каинское животное) со хитрою выведкой и рабунелом, тому, что бродяжиные полки света. Но эти существа есть ~~такие~~ существа, которые бегут света и света муть на полбелой солища: они как бы освободились от света и рабунелом. Они ~~идут~~ и темноту они претупят отъ света и наиславотелом переконно. Орляе открываютъ свое око, когда летитъ налетрону салину; но свет не- нитис освещаетъ, башителом света и проводитъ все светъ въ светъ муть; и самъ себе ~~претупят~~ ^{идут} светъ муть, темже не видятъ света и таски ~~идут~~ въ темноту.

Вотъ и ерши итуди есть макиа, у которыхъ вора выноситъ полето въ светъ нобъ: они уноскаблетел ~~идут~~ ^{идут} во лракъ дурьбного безрабунеломъ и ~~идут~~ ^{идут} съ обратителомъ замкнутъ риблетел, какъ темже нобъ дурьбномъ ксенеломъ, башитъ муть. ~~идут~~ ^{идут} итуди какъ темже башителомъ нобто башителомъ, — бг претупятъ, темъ въ светъ муть или въ светъ муть нобто ~~идут~~ ^{идут} светъ муть, башителомъ и протранктеломъ. ~~идут~~ ^{идут} светъ муть, башителомъ и протранктеломъ.

Автограф И. А. Ильина (первая страница главы «Бегство от света» книги «О возрождении и обновлении России»)

События последнего века показали нам, что свобода совсем не есть последняя и самодовлеющая форма жизни: она не предопределяет ни содержания жизни, ни ее уровня, ни направления. Свобода дается человеку для предметного наполнения ее, для *предметной жизни*, т. е. для свободной жизни в Предмете. Что же есть Предмет и что такое предметная жизнь?

Каждое существо на земле и каждое тело человеческое имеет некоторую *цель*, которой оно и служит. При этом можно иметь в виду чисто *субъективную* цель, зовущую человека к удовлетворению его личных потребностей и ведущую его к личному успеху в жизни. Но можно иметь в виду и *объективную* цель, *последнюю и главную цель жизни*, по отношению к которой все субъективные цели окажутся лишь подчиненным средством. Это есть великая и главная цель человека, осмысливающая всякую жизнь и всякое дело, цель, *на самом деле прекрасная и священная*; – не та, ради которой каждый отдельный человек гнется и кричит, старается и богатеет, унижается и трепещет от страха, но та, ради которой *действительно стóит жить на свете*, ибо за нее *стóит бороться и умереть*. Для животного такую целью является продолжение рода, и в служении этой цели мать-самка отдает свою жизнь за детеныша. Но у человека есть более высокая, духовно-верная цель жизни, *на самом деле и для всех драгоценная, и прекрасная*, или, если собрать все эти определения в простой и скромный термин, – *Предметная*.

Человеку стóит жить на свете не всем, а только тем, что осмысливает и освящает его жизнь и самую его смерть. Всюду, где он живет нестоящим, – пустыми удовольствиями, самодовлеющим накоплением имущества, кормлением своего честолюбия, служением личным страстям – словом, всем, что непредметно или противопредметно, – он ведет жизнь *пустую* и *пошлую*, и всегда предаст свою цель, как только встанет выбор между этой пустой целью и самой жизнью. Ибо он сейчас

же рассудит так: спасу жизнь – останется надежда на удовольствия и приятности; погибну за удовольствия и за богатство – утрачу и их, и жизнь. Но если у человека есть предметная, священная цель жизни, то он мыслит обратно: если предам мою предметную цель, то потеряю и самый смысл жизни, а на что мне жизнь без смысла и святости?.. – такая жизнь мне не нужна, а предметная цель священна и необходима и тогда, если моя личная жизнь на земле прервется...

* * *

Жить предметно – значит связать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, последний смысл*. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле, – *Божьему Делу*, – «прекрасной жизни» по слову Аристотеля, «Царству Божьему» по откровению Евангелия. Это есть единая и великая цель нашей жизни, *единый и великий Предмет истории*. И вот, в его живую предметную ткань мы и должны включить нашу личную жизнь.

Мы найдем свое место в этой ткани, увидев с силою очевидности, что жизнь русского народа, *бытие России*, – достойное, творческое и величавое бытие, – входит в это *Божье Дело*, составляет его живую и благодатную часть, в которой есть место для всех нас. Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – *я служу России*, русскому духу, русскому качеству, русскому величию; – не «маммону»¹⁹² и не «начальству»; – «не личной похоти» и не «партии»; не «карьеру» и не просто «работодателю»; – но именно России, ее спасению, ее строительству, ее совершенству, ее *оправданию*

перед Лицом Божиим. Жить и действовать так – значит жить и действовать согласно главному, предметному призванию русского человека; это значит *жить предметно*, т. е. – службу превратить в *служение*, работу – в *творчество*, интерес – во *вдохновение*, «дела» освятить духом *Дела*, заботы возвысить до *замысла*, жизнь освятить *Идеей*. Или, что то же самое, – *ввести себя в предметную ткань Дела Божьего на земле.*

Предметность противостоит сразу – и *безразличию*, и *безоглядному своекорыстию*, – этим двум чертам рабского характера.

Воспитать к предметности значит, во-первых, вывести человеческую душу из состояния холодной *индифферентности* и *слепоты* к *общему* и *высшему*; открыть человеку глаза на его *включенность* в ткань мира, на ту *ответственность*, которая с этим связана, и на те *обязательства*, которые из этого вытекают; вызывать в нем чутье и вкус к делам *совести*, *веры*, *чести*, *права*, *справедливости*, *церкви* и *родины*. Поэтому стать предметным человеком значит проснуться и выйти из гипноза бездействия и страха, растопить свою внутреннюю льдину и расплавить свою душевную черствость. Ибо предметность противостоит прежде всего безразличию.

Воспитать к предметности значит, во-вторых, отучить человека от узкого и плоского *своекорыстия*, от того «шкурничества» и той *беспринципной изворотливости*, при которых невозможно никакое культурное творчество и никакое общественное строительство. Стать предметным человеком значит преодолеть в себе примитивный и безоглядный инстинкт личного самосохранения, тот *наивный и циничный эгоизм*, которому недоступно высшее измерение вещей и дел. Человек, не обуздавший своего животного себялюбия, своего практического эгоцентризма, не открывший себе глаза на свое призвание – *служить*, не научившийся преклоняться перед высшим Смыслом и Делом, *перед Богом*, будет всегда существом *социально опасным*. Так, Предметность освобождает

душу не только от душевного безразличия, но и от скудости и пошлости личного эгоцентризма.

В этих двух требованиях содержится *азбука предметного воспитания*. И надо признать, что вне ее – всякое вообще воспитание мнимо и призрачно и всякое вообще образование мертво и формально. Самое важное, что должна дать человеку семья и школа, – это *предметно открытый взор, предметно живое сердце и предметно готовую волю*. Человек должен видеть и разуметь ткань Божьего Дела на земле, – чтобы знать, как можно войти в нее и как следует включать себя в ее жизнь; – чтобы сердце его отзывалось на явления и события в этой ткани, как на важные, драгоценные, вызывающие радость и горе; чтобы воля была способна и готова жертвовать этой ткани своим личным интересом и служить ей не за страх и не за долг, а за любовь и за совесть.

Ныне, как может быть еще никогда, Россия нуждается в таком воспитании. Ибо ранее в России была жива религиозная и патриотическая *традиция* такого духа и такого воспитания. А ныне старые традиции порваны, а новые еще не завязались и не сложились. Завязать и укрепить их должна система предметного воспитания.

Духовная предметность души является, как сказано, выходом из *безразличия и своекорыстия*. Но этим преодолением, которое имеет лишь отрицательное, а не положительное значение, предметность не определяется и не исчерпывается. По существу же идея предметной жизни и предметного человека может быть описана так.

Преодолев свое безразличие, человек должен найти себе настоящее и достойное содержание жизни. Он должен целено *полюбить* нечто такое, что *на самом деле* заслуживает цельной любви и преданного служения. Это значит, что настоящая предметность имеет два измерения: *субъективно-личное* и *объективно-ценностное*. Первое измерение, субъективно-личное, определяет, действительно ли я *предан* моей

жизненной цели, *искренен* ли я в этой преданности, *целен* ли я в этой искренности и, наконец, *действую* ли я согласно этой преданности, искренности и цельности. Второе измерение, объективно-ценностное, определяет, *не ошибся* ли я в выборе моей жизненной цели, действительно ли мой «предмет» *Предметен*, действительно ли моя цель священна и правда ли ею *сто́ит жить* и за нее *сто́ит бороться* и может быть *умереть*. Ибо в жизни возможны разные пути и перепутья.

Так, возможно, что человек субъективно – «предметен», а объективно – нет. Это значит, что он страстно, искренно и деятельно *предан ошибке*, напр., какому-нибудь вредному, обольстительному учению, ложной политической цели, нелепой и лукавой вере... Тогда возникает страстное и искреннее кипение в пустоте или соблазне. – Но возможно и обратное, – когда человек высказывается в пользу *верной цели*, которую действительно сто́ит жить и за которую сто́ит бороться до смерти, но сам он относится к ней *холодно*, не имея для нее ни любви, ни жертвенности, ни борьбы. Тогда возникает верная *формула* Предмета, не больше, а может быть еще и аффектированная *декламация* о Предмете, верная по содержанию, но *фальшивая* по чувству и *скользко-предательская* в жизни. В-третьих, возможно и такое положение дела, при котором субъективно-холодный человек холодно разговаривает о Предметно неверных или соблазнительных целях жизни. Однако верна и духовно значительна *четвертая* возможность, когда человек искренно, цельно и деятельно предан Предметной цели, т.е. делу Божьему на земле, напр., церкви, науке, искусству, духовному воспитанию своего народа, организации справедливой жизни, спасению своей родины, выработке свободного и справедливого права. И эта возможность есть единственно верная.

Тогда душою человека владеет двойная или подлинная Предметность. Она захватывает его душу, осмысливает его жизнь, делает его цельным и огненным и придает его жизни

религиозный смысл, даже и тогда, когда он сам себя не считает ни верующим, ни церковным, – ибо сокровенная религиозность глубже явной и незримая церковь обширнее зримой. Такой человек переживает свой Предмет – сразу – как далекую цель, как объективное-будущее-желанное событие, и в то же время – как близкую реальность, как вдохновляющую его силу, как *подлинную ткань бытия*, которая захватывает и его личные силы. Настоящий человек ищет в своей жизни прежде всего – Предметности, т. е. *Дела Божьего на земле*; он углубляет до него каждую жизненную задачу, каждое жизненное отношение; он освещает из него все дела, исходит из него, как из задания, и восходит к нему, как к цели.

Все это придает ему особый дух – дух *искания, ответственности и служения*, без которого человек остается обывателем или карьеристом, слугою своих страстей или медиумом чужих влияний, а может быть и хуже – лисой, хамелеоном и предателем. По духу искания, ответственности и служения предметные люди легко и быстро узнают друг друга, и тот, кто раз приобщился ему, быстро научивается без ошибки узнавать его: он узнает его и у Конфуция, и у Сократа, и у Марка Аврелия, и у Вильгельма Оранского, и у Карлейля; а у нас в России – он узнает его и в православном старце, и в Петре Великом, и в Суворове, и у праведников Лескова, – и будет прав, ибо *этот дух действительно создавал и строил Россию*. И вот каждое такое открытие, каждое такое знакомство будет ему духовной радостью и будет вызывать в нем желание – включить узнанное в свою жизнь; а если это живой человек, то связаться с ним крепко и надолго *полнотою доверия и братским сотрудничеством*. Предметные люди – *братья перед лицом Божиим*; они суть как бы живые нити Божией ткани на земле; или – живые струи Его потока; граждане Его медленно возрастающего Царства¹⁹³. И именно этим объясняется присущее им стремление – *пробудить в других чувство Предметности*, созна-

ние Предмета, искание Предметности, чувство предметной ответственности.

Вот почему Предметность можно было бы описать, как включение себя в Дело Божие на земле; или как вплетение себя в Его ткань; или как вхождение в Его поток; как отождествление своего дела с Его Делом, своего успеха с Его успехом, своей силы с Его силою. И этому соответствует измерение *его* мерилami и *его* успехами – своей жизни, своей ответственности, своих решений, своей правоты, своей удачи и победы. Ткань этого Дела Божия реально присутствует во всем: в природе и в человеке; в самом человеке (в теле, в душе и в духе) и в его культуре; в индивидуальной жизни и в народной жизни; в семье и в воспитании; в церкви и в вере; в труде и в хозяйстве; в праве и в государстве; в науке и в искусстве; в деяниях воина и в деяниях монаха. Надо научиться воспринимать ее, *видеть ее, радоваться ей*, пребывать в ней и *служить ей*. И воспитание человека тем лучше и глубже, чем больше оно сообщает ему это умение.

Можно было бы сказать, что Предметность есть единый и общий источник всех благих побуждений человека, ибо все они определяются словами «хочу Божьего Дела» и «служу Божьему Делу». Все благие дела и побуждения человека суть видоизменения Предметности: и любовно-творческое отношение к природе, и самовоспитание, и строительство семьи, и дружба двух людей, и хозяйственное вдохновение, и чувство ответственности и вины, и социальное чувство, и правосознание, и верный патриотизм, и совестный акт, и научная совесть, и художественное созерцание, и молитва, и церковное сознание – все это *разновидности «божеского» подхода к Божьему Делу на земле*. Это есть то, в чем нуждается всегда *все человечество*, но чего ищут и чем владеют только лучшие люди. Все великие религии хотели и донныне хотят этого; – все монашеские ордена; все организации братства, чести и служения (начиная от университета и кончая армией), все они ищут

именно Предметности в своей сфере. И духовный уровень каждого такого человеческого союза определяется именно тем, поставлены ли в нем на должную высоту – *воля к Предметности и организация Предметности*. Ибо есть своя особая Предметность в церкви, и своя особая Предметность в науке и преподавании, и своя Предметность в суде и управлении, своя Предметность в искусстве, своя Предметность в армии. И все то, что называется в жизни – лицеприятием, nepoтизмом, святокупством, взяточкой, криводушием, гражданской трусостью, политической продажностью, завистью, лестью, предательством, бесчестьем, карьеризмом, лукавством, интригой или же, выражаясь русскими летописными словами, – «*кривдою*» и «*воровством*» – все это, что разлагает нравы и создает растрепанную культуру и болезненную государственность, сводится к отсутствию Предметности в душе и в жизни. Но надо сказать и обратное: нет более крепкого и плодотворного единения на земле, как единение людей в духовной Предметности – в совместной молитве, в духовной близости брака и дружбы, в настоящем академическом сотрудничестве, в воинском братстве единой армии, в предметно-политическом единочувствии, в патриотическом подъеме.

* * *

Тот, кто испытал влияние Предметности на человеческую душу, тот сразу поймет, если я скажу: Предмет есть некая живая и священная стихия, субстанция или «эссенция» духовной жизни, которая несет человеку множество драгоценных даров. И прежде всего она дает ему *чувство предстояния*: «есть нечто высшее и большее, нежели я сам, такое, что я вижу и к чему я стремлюсь, что мне светит и зовет меня и с чем я связан благоговением и любовью». И далее – *чувство ответственности*: ибо это предстояние связывает меня, возлагает на меня обязанности и полномочия, за осуществление коих я отвечаю. Отсюда новый дар: *чувство ре-*

альной силы, которая призвана к действию, так, что решения ее не безразличны и усилия ее не бессильны, но необходимы и драгоценны в плане Божьего Дела. С этим связан новый драгоценный дар – *чувство служения*, т. е. уполномоченного и призванного *самостоятельного делания* перед лицом Божиим, чувство несения бремени, разрешения заданий, – словом, *творческого участия в деле мироустройства*. В естественной связи с этим стоят новые дары Предметности: с одной стороны, – неподдельное *смирение*, ибо предстоящий духовной субстанции мира чувствует свою малость и беспомощность, и ответственный знает, за что и перед Кем он отвечает, и несущий служение учится скромности и смирению; – а с другой стороны – Предметное служение дает человеку *уверенность в своей правоте*, которая свободна и от самомнения, и от гордости, – и некую духовную *строгость* и *властность*, которые проистекают непосредственно из *чувства Предметной наполненности*, призванности и силы. Человек, живущий ответственным Предметным созерцанием, есть *вдохновенный* человек, а настоящее вдохновение есть именно проявление Предметности и ее дар; человек во вдохновении дышит законом самого Предмета, выговаривает Его содержание, осуществляет Его ритм; и так обстоит везде – в искусстве, в науке и в политике. Именно поэтому Предметному человеку присущ дар *верного целеполагания*, ибо цели, которые он видит и ставит, имеют всегда далекую силу и высокий смысл; они бывают верны и в земном, эмпирическом плане, но никогда не ограничиваются им и не исчерпываются, потому что их главная сила и их главный смысл – в «небесно-земном» плане, т. е. в том, что они включены в ткань Божьего Дела. Предметный человек, – знает он о том или не знает, а иногда он об этом и не знает, – есть орудие или орган Дела Божьего на земле, а потому и судьба его не безразлична в высшем плане бытия и сам он спокойно поручает себя Руке Божией, – вот так, как Пушкин выговорил это в своем «Арио-

не» и как Тютчев выговорил это о самом Пушкине («Ты был богов оргán живой»...). Такой человек не считает свой земной конец «гибелью» и не верит в неуспех или поражение своего земного дела: ибо он знает, что «его» дело не есть только «его» дело, а есть Дело Предметное и потому – Божие, что неудача его есть лишь *видимая* неудача и что *конечная победа его обеспечена высшею Силою*. Образно – это можно было бы выразить так: он всю жизнь как бы держится правой рукой за небо. Во всяком случае, он твердо знает, где находится его главная опора и Кто в конечном счете решает его судьбу.

Все это можно было бы выразить так, что Предметность дает человеку *верное чувство собственного духовного достоинства*.

Напрасно современные безбожники полагают, будто Бог есть фантастическое существо, пребывающее где-то «за облаками», о коем мы воображаем всякие страхи и перед которым мы все время унижаемся. На самом деле вера в Бога не унижает и не обессиливает человека, а напротив – *возносит* его, *преображает* и *укрепляет*. Это объясняется тем, что Божие присутствие и веяние мы воспринимаем в нас самих, и притом не страхом, а любовью, не протестом, а радостью, и не унижением, а преображением и вознесением. Эта любовь и радость, это восприятие и созерцание Божьего веяния сердцем и волею, это осуществление Его воли как своей и признание всего этого мыслью – нисколько не унижает человека, а преобразует и возносит его. Безбожники представляют себе отношение человека к Богу как отношение маленькой и слабой вещи к огромной и сильной, т. е. как внешнее отношение, – какое-то «внестояние» и «противостояние», страшное, угрожающее... – вот-вот обрушится гора и раздавит... На самом же деле все это обстоит совсем иначе. Это есть внутреннее отношение, – отношение восприятия и любви, присутствия и радости, откуда и возникает своеобразное и таинственное *единение человека с Богом*.

Человек воспринимает дыхание Божие в глубине своего личного духа, – не слухом и не словами, а *сердцем*: тем таинственным и глубоким чувствилищем, которое мы называем «верою» и «молитвою», а также – вдохновением, совестью, очевидностью или иным *актом созерцающей любви*. Испытав что-либо из этого, – одним актом или многими, долго или кратко, – человек обновляется. Сущность этого обновления состоит в том, что человек, по слову Евангелия, научается быть и жить на земле в качестве земного «сына» Божия. Для этого надо, чтобы человек *любил Бога* и вместе с Богом *любил то совершенное, что Бог любит*; и желал Бога и вместе с Богом желал того божественного, чего Бог желает; – и созерцал Бога и Его творения лучом своего сердечного созерцания; и стремился узреть то, что Бог зрит в людях и в мире. Пережив это, человек осуществляет и утверждает свою способность – «*быть с Богом заодно*», любить Его и любить с Ним вместе, желать Его и желать с Ним вместе, созерцать Его и созерцать с Ним вместе. И если человек раз осуществил эту способность, оценил ее смысл и значение, на деле доказал ее и утвердил за собою, то это значит, что он вошел в ткань духовной Предметности мира, приобщился ей и включился в нее. Это значит, что он стал к Богу в отношении «сына» к «Отцу», стал человеком-сыном. Он перестал быть человеком-волком или просто – «человеком-сыном-земного-отца». Он стал человеком, воспринявшим своего Небесного Отца: – искрою Его огня; каплею из Его предвечного водомета; ценным камнем из Его сокровищницы; дыханием Его уст; – Его органом¹⁹⁴, Его носителем, Его жилищем или храмом, – Его сыном, имеющим призвание и право говорить Ему «Отче наш!»...¹⁹⁵

Вот откуда родится то основное, без чего нет духовной личности: – *чувство собственного духовного достоинства*; – это не самомнение, не самоуверенность, не тщеславие, не честолюбие и не гордость, а именно чувство собственного духовного достоинства, в котором *уважение* к своему духу есть

в то же самое время *смирение* перед лицом Божиим; – и это даже не «чувство», ибо чувство неустойчиво и скоропреходяще; это предметная уверенность, доведенная до очевидности, до убеждения, до *основы личной жизни*. Это не есть повышенная или преувеличенная самооценка, всегда голодающая по чужому признанию; здесь дело не в оценке своего *земного* состава, но в способности утвердиться в своем *сверх-земном* составе, т. е. установить в себе алтарь Божий и поддерживать на нем огонь Божий (по древнему гимну: «Тебе в сердцах алтарь поставим...»), и обратиться к Богу со *словом* «Отец» и с *делами* «сына».

Всякому человеку доступно, и достойно, и необходимо поставить в своем сердце этот молитвенный алтарь, внимать зовам совести и чести и сделать свою волю орудием Воли Божией, – и тем утвердить в себе духовное достоинство как основу личной жизни, как верное мерило людей и их поступков, как чувство личного, общественного и политического ранга. От этого у человека делается непроизносимое устно и словесно, но вечно живое «рассуждение» или волевое решение вроде следующего: «как совершу я это злое дело, я, предстоящий моему Богу и освещаемый Его огнем?»; или: «как войду я сегодня в единение с Богом, покрывив душой?»; или: «как соблазнусь я взяткою, если я призван ткать ризу Божию?»; – «как оправдаю я эту жизнь притворства и лжи перед живущим во мне сыном Божиим?»; – «как уроню в себе носителя Духа?»; – «если совершу эту низость, – то куда я денусь от живущего во мне дыхания уст Его?»; – «что останется от меня, если угашу в себе Его огонь?». И все это есть не что иное, как голос собственного духовного достоинства, дающий человеку *живую совесть, повышенное чувство ответственности, непрерывное предстояние*, верное и спокойное хождение по Его путям, прилежное тkanie ризы Его. А если выразить все это в общей, осторожной и скупой философской формуле, то это есть Предметность сердца, воли и дел.

Вот к чему надо воспитывать новые поколения русских людей. Вот в чем нуждается свободный, достойный, гражданственный русский человек. Вот в чем спасение и расцвет грядущей России. И о том, как нам создать на этих основах новое русское воспитание и образование, – должны быть все наши помыслы.

23. Вопрос и ответ¹⁹⁶

Вопрос

Вся наша жизнь, с первого беспомощного вскрика и до ее последнего истомленного вздоха, есть одно непрерывное вопрошание. Зовем ли мы, просим ли о чем-нибудь, или отдаемся потоку слез; наблюдаем или размышляем; беседуем или изливаем душу в пении; – в любви и ненависти, стуком в дверь и простою справкою о времени, просыпаясь и засыпая, – мы *спрашиваем* и ждем ответа. Наше сомнение, наша молитва и наша вера – несут в себе открытый или прикровенный вопрос. И прощальный стон нашей жизни есть наш последний вопрос, обращенный к природе и Богу: «почему» и «зачем»?

Поэтому можно было бы сказать, что искусство жизни есть искусство вопроса; и если бы мы только знали, как надо спрашивать и о чем, чтобы получать ответ, верный и глубокий, то многое в нашей жизни изменилось бы в корне к лучшему... Вот почему воспитание должно сообщать детям *искусство вопроса*.

Это означает, что вопрос имеет свой глубокий духовный смысл: в нем скрывается *потребность в правде, тревого сердца, воля к знанию*; он есть *зов о помощи*; он есть как бы *дверь к самому Предмету*.

В жизненной болтовне слишком часто злоупотребляют этой формой обращения – спрашивая без желания получить

ответ, задавая вопросы мимоходом, безразлично – о нашем здоровье, о нашем мнении, о том, что нам понравилось или не понравилось; и наивные люди, принимающие эту болтовню всерьез и приступающие к серьезному повествованию, попадают впросак. Не все, произнесенное вопросительным тоном, таит в себе вопрос. Так, есть скромные люди, которые всегда высказывают свое мнение в форме вопроса – «не так ли это?». А люди деспотического характера ставят свои вопросы угрожающим тоном, подавляя с самого начала всякую попытку дать ответ. Есть «риторические» вопросы, предвосхищающие ответ как подразумеваемый; и есть «суггестивные¹⁹⁷» вопросы, наводящие, внушающие, подсказывающие готовый ответ. Все это не настоящие вопросы, а условные, выдохшиеся; – слова, слагающиеся в вопросительном стиле, но утратившие духовный смысл вопрошания...

Настоящий вопрос не знает еще ответа; он ждет его и требует. Он рождается из ограниченности и несовершенства нашего человеческого естества, которому всегда многого недостает и которое тянется за этим недостающим и необходимым. Подлинный вопрос всегда таит в себе некую лишенность, голод и жажду, – может быть некую боль и муку. Здесь зияет некая пустота, требующая заполнения. Здесь есть слабость, ищущая целения и укрепления; или же – неуверенность, незнание, недостаток видения и очевидности, тревога, неутвержденность, как бы страх перед темной и предчувствие опасности. Вот почему вопрос звучит в каждом призыве, в каждой просьбе, в каждом поиске и исследовании. Именно поэтому вопрос так часто слышится в мелодии, выражающей тревогу человеческого сердца, его надежду, его домогательство. Потому так нежно вопрошает любовь, и так нетерпеливо спрашивает ненависть. Просыпаясь, мы спрашиваем начинающийся день – «что несешь ты мне?»; а засыпая, мы спрашиваем тихую мудрость поглощающей ночи – «дашь ли ты мне забвение, покой и утешение?»... Жить – значит вопрошать. Мы спрашиваем

в несчастье, мы ищем счастья; – в болезни мы спрашиваем о выздоровлении; – в темноте мы требуем света; – в сомнении мы домогаемся очевидности; – в опасности мы надеемся на помощь и защиту. Мы спрашиваем, потому что *не можем* больше жить без ответа. И потому всякий настоящий вопрос есть *зов, просьба и брение*.

Следовало бы различать глупые и умные, настоящие и ненастоящие, зрелые и незрелые вопросы.

Глупый вопрос выскакивает их душевного хаоса и уносится в пространство; он бестолков и сам не знает, чего хочет; он сбивчив и запутан; ответить на него нельзя; и нужно быть сущим ясновидцем, чтобы рассмотреть его «месторождение», освободить его из первобытного хаоса и оформить его, – урезать, уточнить, углубить и опредметить, – так, чтобы он стал «ответоспособен». Поэтому глупые вопросы почти всегда остаются без ответа.

Напротив, *умный* вопрос появляется из внутренне упорядоченного мира; он не тороплив, спокоен и немножко важен; он, по-видимому, долго вращался в плане предметного бытия. Он похож на луч прожектора, который знает, что именно он ищет в темных облаках. Он воспринимается как подарок и облегчение; и всегда оплодотворяет – как общение, так и познание.

Ненастоящий вопрос «роняется» безразличной человеческой душой и тотчас же ею забывается; он задается «не всерьез» и потому не должен «всерьез» и приниматься, подобно мимо пролетевшей мухе. На него не надо отвечать, разве лишь пробормотать что-нибудь из любезности.

Напротив, *настоящий вопрос* рождается из лишения и страдания; он сдержан и сосредоточен, иногда даже робок, всегда скромнен; он вынашивается человеком, чующим свою «духовную нищету» и умеющим спрашивать серьезно и ответственно. И потому надо воспринимать такие вопросы с полным вниманием и отвечать на них бережно и любовно.

Незрелый вопрос скороспел и преждевременен; он еще не проснулся в душе спрашивающего, или же только еще просыпается; вяло и сонно начинает он шевелиться во внутреннем покое души; он не нашел ни своего предмета, ни своей формы, и, строго говоря, он сам еще не уверен, спрашивает он о чем-нибудь или нет; и может быть лучше всего было бы – вовсе не произносить его.

Напротив, *зрелый* вопрос является выношенным и точным; он давно уже проснулся, нашел себя перед лицом предмета и борется за свою форму и за всей логический объем. Он предъявляет свои неоспоримые права, он требует, он настаивает, в нем горит внутренний огонь. Он подобен меткому выстрелу; иногда – математической формуле, или фотографическому снимку, уловившему оптический «фокус». Огонь, сверкающий из такого вопроса, есть огонь духа и разума; в нем чувствуется сила и мужество; ему необходимо дать удовлетворение и успокоить его.

Чем значительнее человек, чем больше в нем творческой силы и духовности, тем умнее, подлиннее и зреее его вопросы; тем более мощи во всей жизненной системе его вопрошающего искания, тем вернее «отворяются» на его «стук» двери мира и неба, тем щедрее «дается ему»; – всюду: среди людей, в природе и в вещах божественных. Гениальный человек имеет как бы ключ, отпирающий ему все замки и двери. Ставит ли он вопросы людям, – они звучат как разъяснения, наставления или призывы. Спрашивает ли он природу своими наблюдениями или экспериментами, – кажется, что таинственная «избушка» естества сама повертывается к нему лицом и входом: как будто природа только и ждала его вопросов и с радостью начинает отвечать ему. А когда его пламенные вопросы обращаются к небу, то молитва его подымлется над его головою подобно огненному столпу и приносит ему желанные ответы в виде огненных языков, от которых вокруг него разливается свет, благодать и успокоение.

Итак, истинный вопрос рождается из «духовной нищеты» (Мф. 5, 3), ставится в смиренномудрии и таит в себе «духовную жажду» (Пушкин¹⁹⁸); вот, в чем залог его творческой силы; вот, почему он *угоден Богу*. Ибо *вопрошание* есть *священное право*, данное человеку свыше; оно выражает его духовное достоинство и его разумную свободу. Человек имеет призвание – спрашивать, и только он один способен ставить настоящие, разумные, истинные вопросы. Иногда кажется, что подобное вопрошающее искание разлито и в природе, – то в виде томления, то в виде тихого зова, то в виде беспомощного поиска или трепетной мечты: в священной тишине вопрошают о чем-то далекие снежные горы; благоуханием и радостной пестротой зовут и спрашивают цветы; ищущим поиском мерцают в темноте светлячки; скромно вопрошает о солнце народившийся месяц; вопросительно обнюхиваются звери и с вопросом в глазах обращаются они к нам. Но ставить вопросы осмысленно и верно, зрело и серьезно – дано только людям, – это есть высокая привилегия человека. И когда он пользуется этой привилегией, духовно и ответственно, то Господу это бывает приятно и угодно.

Поэтому человеку надлежит неустанно искать и вопрошать, – от бедности, в смирении, ответственно и бесстрашно. Пусть стучится в дерзновении – и ему будет отворено.

Ответ

«Умный» человек на все имеет готовый ответ... Не всегда верный, не всегда предметный и не всегда ответственный... Но не может же он выдать свое незнание или прямо обнаружить свое невежество! Кто из «умных» людей, – а ведь мы все умные? – имеет мужество сказать открыто: «этого я не понимаю... это мне не ясно... тут мои познания кончаются»...? У кого из нас найдется достаточно скромности и терпения чтобы поучаться, слушая чужие разглагоствования, не скучая и не накапливая в душе ни раздражения, ни обиды? Ведь среди

нас есть такие, которые «все знают», и которые «знают все лучше всех», но вряд ли найдется хоть один, который сказал бы, что знает мало, или вместе с Сократом, что он в сущности не знает ничего...

У многих людей на все есть такие скороспелые и легкоготовые ответы! Иногда кажется, что они носят в себе целые серии готовых решений и разъяснений: только спроси – и ответ сразу вылетает с треском, как из автомата. И то, что несет этот скороготовый ответ, оказывается так часто банальным и даже пошлым. Один скажет, другой подхватит и передаст дальше. А когда вникнешь в такой ответ, то окажется избитая фраза, общее место, бесцветное и бесплодное: жалкий продукт современного всезнайства. И из таких плоских банальностей современный мир изготавливает, – страшно сказать! – целые «мировоззрения», вроде «диалектического материализма», которые в иных странах получают государственное одобрение и становятся политически-обязательными...

Современное человечество забрело в тупик полуобразованности, какого-то пошлейшего «научно-образия», которое с восторгом принимается за источник верного знания, окончательной истины, чуть ли не откровения... Возникают «доктрины» для невежд, «мировоззрения» для глупцов, фразеология для толпы. Но полуобразованность знаменует смерть истинной культуры. Она «знает» то, чего она в действительности *не знает*, и воображает, будто она овладела тем, что остается для нее недостижимым. И в этой смуте истинное знание перестает цениться и уважаться, оно не культивируется и исчезает. Невежда становится самоуверенным и притязательным; и уже не замечает, что он получает свои «ответы» из чужих рук, что он сам совсем не участвует в познании, что он уподобляется шарманке, воспроизводящей обрывки чужих «пьес». Полуобразованность удовлетворяется мертвыми банальностями, в отрыве от предметной глубины внешнего и внутреннего мира; она

наслаждается самомнением, поклоняется пустым иллюзиям и мнимой «культуре». У нее нет ни воли к истине, ни серьезной ответственности, создающей подлинное знание. А какое значение имеет «ответ», лишенный этой воли и этой ответственности?..

Ответ, как таковой, призван высказать истину, или во всяком случае – добросовестно искать истину и ответственно формулировать ее. Ответ, пренебрегающий этим, есть *мнимый* ответ, безответственный ответ. Кому интересно спрашивать, чтобы выслушивать мертвые банальности? *Вопрошание и ответ имеют свой нравственный экзистенциальный минимум*¹⁹⁹; если он не соблюдается, то все становится бессмысленным. Ответ *без воли к истине* есть деморализованный ответ, есть лживо-обманное высказывание, которое никому не нужно. Как если бы кто-нибудь сказал: «Послушай-ка и заметь себе, что я скажу; я сейчас изложу тебе хитросплетение из лживых выдумок!»... Ответ без серьезности в познании и изложении, есть беспочвенная и развязная болтовня, которая может иногда развлечь и потешить, но которая не создает культуру. Как если бы кто-нибудь заявил: «я мог бы ответить на твой серьезно заданный вопрос, но ты не принимай мой ответ всерьез, ведь я пустой болтун!»...

Ответ, который не следует принимать всерьез, не заслуживает своего серьезного имени: в нем *нет того раскаленного угля, который живет и светит в каждой подлинной мысли, в каждом настоящем слове*. Кто ставит серьезный вопрос, тот ищет света; а свет изливается от огня. Поэтому каждый серьезный ответ должен *светить* и скрывать за собою внутреннюю раскаленность; он должен быть подобен оку, несущему в себе луч очевидности и дарующему этот луч другим. Серьезный вопрос добывается истины и ведет борьбу за нее; ему соответствует лишь столь же серьезный ответ, возникший из той же борьбы. Поэтому отвечать умеет лишь тот, кто *научился спрашивать* и умеет *ставить* вопросы – пред-

метно, серьезно и продуктивно. *Искусство спрашивать предшествует мастерству ответа.* И тот, кому с самого начала все кажется простым и ясным, тот никогда не овладеет ни этим искусством, ни этим мастерством.

Поэтому Сократ был прав: кто ищет истину, тот должен прежде всего *осознать свое незнание* и признаться в нем. Никаких иллюзий! Никакого самомнения! Долой «всезнательство»! надо сначала приобрести право на ответ, предметное полномочие ответственно отвечать. Этот путь совсем не легкий, – это путь трудный, крутой и тернистый. Не следует стыдиться своего незнания, своей скудости. Надо научиться *смирению* и не тяготиться им. Что знаю я? Немногое. Может быть, строго говоря, – ничего... И если я что-нибудь знаю, то лишь в силу того, что *сам предмет осветился предо мною, и открылся мне, и подарил мне свою очевидность.* Может быть, я не способен и не достоин соблюсти этот свет, понести его и передать другим. Может быть, я даже умаляю и искажаю его. Но именно поэтому не важно, совсем не важно, что «знающим» оказался я, что я его увидел, и познал, и описал... Важно другое: именно, что предмет действительно *таков*, что он на самом деле *так* обстоит и что я могу показать это другим.

И если то, что я показываю в своих ответах, *есть свет* и если мне удастся передать другим его лучи, то это *не мой свет*, а *свет самого очевидного Предмета.* А то обстоятельство, что я его показываю, – это самое неважное во всем деле познания.

Видишь ли ты этот *предметный свет*? Значит и *ты* его видишь. Видишь ли ты его вправду, *на самом деле*? Значит ты видишь его *сам, свободно и самостоятельно*, без меня и помимо меня. И потому тебе следует обращаться к Предмету, к самому Предмету, и воспринимать его свет.

Так звучит всякий настоящий и верный ответ человека человеку...

24. О предметности и продажности²⁰⁰

Если бы надо было выразить и закрепить *одним* словом сущность современной мировой смуты, то я произнес бы слово *продажность*. Чем больше эта смута углубляется и укореняется, тем более люди отвыкают от *служения* и тем чаще и беззастенчивее они помышляют о *добыче*. Раз заразившись этим, человек постепенно привыкает сосредоточиваться не на Деле и не на Предмете, а интересоваться своею личною «пользою», своим материальным *прибытком* или *иным лично-жизненным выигрышем*. Важнейшим вопросом его жизни становится *свой успех, свое* «приращение», *свое* преуспеяние. Иногда он прикрывает эту свою заботу, *главную* заботу своего существования, – словами о «классовом интересе», или о «партийном успехе», или «удачных делах»; есть и соответствующие доктрины, начиная от «экономического материализма» (самое важное – это обладание орудиями производства и классовый интерес пролетариата) и кончая «меркантилизмом» (самое важное – это выгодная конъюнктура и торговое процветание страны). Но доктрина является для большинства ненужной роскошью или бременем: это большинство не теоретизирует, а просто «практикует», спрашивая про себя, «*а какая мне от этого польза?*»...

Чем бы человек ни занимался, что бы он ни делал, где бы ни служил – он руководится своими внутренними *мотивами*, и не может не сознавать ту *цель*, ради которой он делает свое дело. И вот, во всяком благом деле есть некоторое *высшее, сверхличное задание, предметная цель*, придающая *высший смысл* всему тому, что Пушкин обозначал словами: «жизни мышья беготня»²⁰¹, и указующая человеку, что и как надлежит ему делать. Это и есть то Дело, которым воистину стоит жить, за которое стоит бороться даже до смерти и за которое стоит и умереть. Человек, проникающийся этим смыслом, работающий во имя этого Дела, чувствует себя *предстоящим, ответственным*

ным, включившимся и включенным в некий предметный «кадр» и «фронт». То, что он делает, оказывается уже не службой, а служением. Он носит в своем сердце идею и знает, что такое идейный пафос, т. е. вдохновение, подъемлющее личные силы и расширяющее личные возможности. Он сразу поймет, если мы скажем, что служение *окрыляет его*; или если мы вспомним восклицание Суворова: «господа офицеры, какой восторг!»... В устах Суворова это слово «восторг» отнюдь не было ни преувеличением, ни аффектацией: оно точно выражало то самое, что он разумел и переживал сам, и что он хотел передать другим... – *окрыленный подъем души, созерцающей совершенство*. То, что составляет самую сущность Христианства.

Напрасно думать, что «совершенство» есть пустое слово, что оно неосуществимо в земной жизни и свидетельствует лишь о наивности человека, который его произносит и принимает всерьез. «Что там говорить о совершенстве? Все мы люди слабые, грешные, страстные и уже по одному этому удобопревратные ко злу... Совершенных людей нет, не было и не бывает. А кто мнит себя совершенным, тот впал в соблазн гордости и самопревознесения»... Такие речи мне не раз случалось слышать в Западной Европе и притом именно из уст *инославного духовенства*. И каждый раз я удивленно спрашивал наставлявшего меня пастора: «Зачем же сказано в Евангелии – будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный?» (Мф. 5, 48, срв. Лк. 6, 35–36). И каждый раз за этим следовала растерянная пауза.

Мой возражатель явно не разумел чего-то самого важного и глубокого, а именно: полнота совершенства, конечно, доступна единому Господу; *но воля к совершенству*, но требование «самого лучшего» от самого себя, – в каждый отдельный миг своего служения, – есть то самое драгоценное Евангельское солнце, которое было оставлено нам Сыном Божиим и от лучей которого человеческая совесть обновилась и стала *христианскою совестью*. Конечно так: совершенных

людей нет, не было и не бывает. Но *совестная воля* неустанно зовет человека к *исканию, обретению и осуществлению* самого лучшего, совершенного душевного строя и доступно-наилучшего исхода из каждого жизненного положения. Она зовет к тому, чтобы увидеть высший смысл своей жизни; чтобы найти себе сверхличное задание, свою предметную цель; чтобы преобразить «дела» в «Дело» и «службу» в *Служение*; чтобы всегда чувствовать себя ответственным и предстоящим, включившимся и включенным в духовно-предметный «кадр» и «фронт»; чтобы приобщиться счастью *идейного пафоса* и тому окрыленному подъему души, который дается ей именно от созерцания совершенства.

Это означает, что *религиозность* человека отнюдь не кончается вместе с воскресным богослужением, а разворачивается в жизни и захватывает всю его деятельность. И первое, что она делает, – она обновляет *внутренние мотивы*, т. е. движущие силы его жизни. Она противопоставляет *психологию предметного служения* – *психологии личного успеха и добыче*. Она делает человека *непродажным, но целостно-предметным*.

Под продажностью и подкупностью совсем не следует разуметь *измену идее за деньги*. Такая измена есть лишь наиболее грубая форма продажности: человек забывает о служении и кривит душой за личный денежный прибыток. Это то, что называется «взяткою» или «поборами» на службе, а в Западной Европе и Америке – «коррупцией», о которой с доказательствами в руках так часто и прямо говорил недавно в своих речах новый президент Эйзенхауэр. Человек имеет известные публично-правовые полномочия и обязанности; и вместо того, чтобы править долг службы – или, как говорили на Руси в старину, «дело Царево вести честно и грозно», – он поступает так, как ему в данный момент выгоднее. Бесчисленные русские пословицы, – острые и верные, – не устают клеймить продажных воевод, судей, подьячих и дьяков. За злоупотребления, вымогательства, поборы и взятки Петр Ве-

ликий учил своих ближайших вельмож – дубинкою, сохранившеюся и до наших дней (в нарвском Петровском дворце). Но в России это было остатком или пережитком эпохи общегосударственных затруднений (бесконечные оборонительные войны!), когда казна не могла платить надлежащее жалованье и прибегала к «системе кормления». Медленно изживалась эта порочная установка; медленно, но верно. Уже к началу XX века дореволюционная Россия не знала взяток – ни в суде, ни в управлении, ни тем более в дипломатии или в школе (единичные случаи порочности были исключением). И иностранцы совершенно напрасно рассказывали друг другу о том, будто «в России всё продажно».

Но теперь... Теперь, когда мы пережили революцию в России, с ее стихией своекорыстного предательства и чуть не повальной продажности; когда мы видели, как революционная смута разливалась по всему миру; когда по нашей жизни прокатился каток правого тоталитаризма, а потом еще более тяжелый и страшный каток второй мировой войны, – мы должны понять и выговорить, что *жажда личной добычи таится во всех народах*, и в низах, и в верхах; что болезнь продажности распространяется по свету как сущая эпидемия; и что «личной добычей», привлекающей, разлагающей и развращающей, является совсем не только золото и «валюта», но и *личный успех, личная карьера, всяческое политическое и журнальное «выдвижение», почет, власть и закулисное влияние*. Словом, – все то, что поднимает человека над толпою, давая ему возможность «фигурировать», возноситься и наслаждаться. За все это современный человек слишком часто готов забыть свою умолкшую совесть, порвать со своим духовным достоинством и со своею честью, выдать врагам государственную тайну, получать в качестве дипломата двойное и тройное жалованье от других держав, бесчестно клеветать и демагогировать на выборах и всячески, – изобретательно, бесстыдно и ненасытно, – пользоваться «выгодной конъюнктурой». И все это

в то время, когда в мире появился *назойливый покупатель продажных людей* с неистощимым кошельком. Современный человек перестал верить в Бога и именно потому так легко и так охотно продает свою душу дьяволу.

Современная смута превращается в своего рода эпидемию прежде всего и больше всего потому, что современное человечество *утрачивает религиозное понимание жизни и религиозное отношение к ней*. Оно не чувствует духовности и не ищет ее. Оно не видит Бога и не измеряет себя Его лучами. Поэтому оно теряет чувство собственного духовного достоинства, совесть и честь, и вообще все высшее духовно-божественное измерение жизни. Оно разучается отличать добро от зла и честное от бесчестного. Современный человек все более впадает в «аутизм» (от греческого слова «аутос» = сам), т. е. в «само-культивирование»: ему важно и драгоценно только собственное вожделение, удовольствие, преуспеяние. Он живет в двух измерениях: *инстинкта и самосознания*; третье измерение, – главное, *духовное, религиозное*, – перестает для него существовать. Для него *все есть товар*, который надо успешно обменять на житейский успех. Отсюда – его продажность. Отсюда же все эти современные типы: ловчащиеся господинчики, скользкие нырялы, перевертны, приспособляющиеся хамелеоны, бессовестные журналисты, продажные ученые, политики «без хребта», политики беззастенчивого напора, партийные интриганы, шпионы и доносчики... Он всегда там, где выгоднее; развивает то воззрение, которого требует его деньгодатель или устроитель его карьеры; он готов говорить «за хорошего коммуниста», через год проповедовать «христианское движение», через два года наняться в национал-социалисты, через три года работать в союзнической разведке, и кто знает, далеко ли ему еще до участия в черной мессе или до тайного инославного ордена.

При этом надо еще иметь в виду «благоприятствующие» условия нашей эпохи. Чем тяжелее жизнь, чем *хуже и ниже уровень питания и жилища*, тем труднее человеку блюсти

честь и совесть, тем навязчивее становятся жизненные «компромиссы», тем незаметнее для самого себя человек переступает грань продажности. И еще: чем *трусливее* человек, чем он *жаднее* и *честолюбивее*, тем легче ему переступить эту грань бесчестия и предательства. А тут еще эта дразнящая техника, этот заманчивый комфорт, эта повышенная нервность, жаждущая развлечений, острых ощущений, неизведанных удовольствий. К этому присоединяется – *безработица*, грозящая всем и наступающая столь многих, и не только в силу экономических кризисов и беженства, но прежде всего в силу *перенаселения* во многих странах и государствах. И в довершение – соблазны и угрозы *тоталитаризма*, то левого, то правого; оба одинаково требуют *недумающей и не чувствующей покорности и готовности на любое предписанное злодейство*; оба обещают и лгут; оба соблазняют и обманывают; оба грозят и приводят свои угрозы в исполнение.

В результате миром завладевает *эпидемия продажности*. На наших глазах люди, которых мы считали идейными и стойкими, начинают политически двурушничать, приспособляться из-за денег и фигурирования, придумывать двусмысленные лозунги и всячески затушевывать черту, отделяющую добро от зла и верность от предательства.

А между тем *национальной России необходимо совсем, совсем иное!* И правы, тысячу раз правы те, которые предпочитают скучную жизнь и молчаливое одиночество – криводушью и продажности: ибо в них, именно в их предметном, неподкупном стоянии, живет и готовится грядущая Россия...

25. О гражданском мужестве²⁰²

Ах, это мужество: проявляет себя, где хочет, всем импонирует, все признают его, все почитают. А почему? Потому, что в нем отражаются удаль сердца, сила духа, искрометность

характера. Случается, не сразу узришь его, но чувствуешь: *тут что-то есть*, тут внутренняя сила бьет, тут индивидуальная реальность налицо; испытываешь какое-то удовольствие, какую-то своеобразную радость, которая и определению-то четкому не поддается. В таких случаях, даже если человек нам неприятен, даже если это враг наш, все равно: окажется он по-настоящему смелым – мы в восхищении от него; или же – скажем прямо, что мужества ему как раз и не хватает; что его поступок и мужеством не назовешь: скорее, это вызывающая дерзость или вовсе граничащая с преступлением ловкость...

То, чем мы подсознательно восхищаемся и что вызывает в нас отраду при виде истинного мужества, есть не что иное, как *разрешившаяся проблема человеческой индивидуальности*. Ведь эту проблему носит в себе каждый из нас, и лежит она на каждом из нас; а именно: *утвердиться в своем достоинстве*, не склониться ни перед трудностями, ни перед опасностями, ни перед устрашениями. Но прежде все мы призваны нести в себе определенное *духовное зерно*, которое не-делимо (буквально: «in-dividuell») – нераздваиваемый, нераскалываемый) во всей своей уже проверенной эффективности и в полной уверенности в своих силах должно олицетворять нашу собственную сущность. Следовательно, мы призваны *соблюдать верность этому зерну*, не предавать его, исповедоваться ему в своих словах и делах. Если так будет, то наше слово и наше дело будут *мужественны*. Человек станет твердым, и его уже нельзя будет «подточить», нельзя «расколоть». У такого человека будет *внутренний стержень, своя собственная линия, свой духовный профиль*; и чем он мужественнее, тем они четче. Такой человек не упадет, не свалится податливо от собственного бессилия; его не сметут стремительные, грозно несущиеся дикие воды жизни. Он из тех, кто устоит даже тогда, когда «закачается якорь»... Он будет прямо стоять; стоять в своих убеждениях, в своей вере. Он будет стоять, потому что «на другое не способен»,

будет в полной уверенности, что «Господь поможет ему» (М. Лютер)...

Каким-то явно интуитивным путем мы чувствуем, что этот человек именно таков; что он по большому счету решил уже проблему индивидуального характера, что он уже «созрел», что он сделал *мужество* своим *бытием*, своей *установкой*, своим *делом*. И если эта установка не возмущает нас, если дело его не кажется нам злонамеренным, мы его сразу же воспринимаем с какой-то тайною радостью, с каким-то эстетическим упоением, с какой-то особой духовной отградой...

Таково свойство мужества – где бы оно ни проявилось. Великолепно оно, как храбрость на поле брани, будь то смелый порыв или осмотрительная выдержка и выжидание. Но великолепно и так называемое «civil-courage» – *гражданское мужество*. Воинская доблесть всегда сопровождается восторгом, а вот для того, чтобы заметить «civil-courage», надо иметь наметанный глаз и вкус. Потому что это мужество всегда в тени, всегда неброско. Толпа проходит с легкостью мимо него, кидаясь лишь на характерность человеческих деяний, то аплодируя им, а то злословя, не постигая внутреннего смысла их и отваги. А еще меньше ценит мужество тот, кто, благодаря ему, победил. Греческий историк Фукидид был первым, кто обнаружил истинное понимание такого мужества. Плутарх тоже является своеобразным певцом и портретистом великих мужей, обладающих гражданским мужеством. Знали ему цену Шекспир, Шиллер, Бетховен. Целую галерею таких образов можно встретить в истории пророков всех религий, особенно – в истории христианских мучеников.

Гражданское мужество может быть абсолютно аполитичным: культура в целом – религия, наука, искусство, экономика – все требует мужества. Везде, где человек *ищет* и где ему «светит», он постоянно наталкивается на скептическо-

сомнительное «едва ли» или на жесткое «нет» других индивидов. Добивается ли он очевидности, идет ли только своею дорогой, везде приходится ему бороться с противниками, которые отчасти из личной зависти, отчасти из-за приверженности старине не дают ему развернуться, не дают творить. А бывают и такие типы, которым ничего нигде не светит и которые уже по одной этой причине ненавидят человека только за его убеждения. Сначала они только *перешептываются*, потом *подпускают яду*, потом *открыто строят козни*. Начинается *испытание мужеством, духовная драма*, о которой другие даже и не подозревают. Но мужественный человек должен и тут устоять, должен удержаться.

Если он толков и совестлив, он прислушивается к своим противникам и не раз взвесит все «за» и «против». Пролодав это, ему остается только одно: *встать на защиту своей очевидности и как можно меньше реагировать на уколы в сердце* – как бы «коркой» его покрыть. Он должен смириться с непониманием, даже, может быть, с одиночеством («splendid isolation»²⁰³), и спокойно, уверенно следовать дальше. О горестных минутах сомнений и усталости противники не должны догадываться. А если вдруг остроядовитая стрела клеветы настигнет его, он не должен и глазом моргнуть.

И если даже извне работа не клеится, он начнет ее сызнова, так как изнутри его мужество неколебимо и *глаз видит, какой будет работа по завершении*. А если будет потребность в утешении, он найдет его в изобилии – у Всевышнего, который знает наверняка, зачем Он дал ему очевидность и мужество; у своих испытанных друзей, которые знают цену ему и его труду; у своего народа, грядущие поколения которого будут без всякой зависти, благодарственным взором созерцать его образы и в его гражданском мужестве видеть источник силы, ободрения и утешения.

26. Воля к справедливости²⁰⁴

Восстановить Россию, заживить раны революции и войны и укрепить величие и великодержавие нашей родины – можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего необманно уверить весь русский народ, что новый, послереволюционный порядок – *искренно хочет и практически ищет справедливости*; и далее необходимо воспитывать и укреплять в самом народе – *волю к справедливости, здоровое христианское правосознание и чувство всенародного, сверхклассового и сверхсословного братства*. Как только народ почует *дух справедливости* – он *поверит* новой национальной власти и *раскроет ей свое сердце*. А к этому раскрывающемуся народному сердцу новая власть должна обращаться с *авторитетным обещанием отыскивать справедливость для всех* и с *требованием того же самого от народа*. Новая власть должна провозгласить и осуществить – конец принудительной «уровниловки» и «обезлички»; конец революционного бесправия, беззакония, взяточничества; конец «срезания верхушек», «беднячества», упрощения, снижения, террора против лучших и преуспевающих. Она должна восстановить справедливый ранг и качество; возродить истинный авторитет; и наконец, начать воспитание народа к живой, творческой справедливости.

Воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник *чувства ранга и воли к качеству*. Справедливость есть не что иное, как *любовное и художественное вчувствование в живого человека с желанием верно видеть его и верно обходиться с ним*. Справедливость есть *совестное доброжелательство*. Справедливость есть *всенародное братство*. Справедливость есть живое и чуткое *правосознание*, которое готово *поступиться своим и отстаивать чужое*. Справедливость есть *чувство меры* в размежевании людских притязаний и ин-

тересов. Справедливость есть *искусство искать и находить «для каждого свое»* (формула римского права)²⁰⁵.

Воспитывать эти способности и настроения в народе – значит вести его к справедливости. И русский народ с его живым нравственным чутьем, с его природным благодушием и с его *навек охристианившейся совестью*, – сумеет не только оценить справедливость новой власти и довериться ей, но сумеет и раскрыть свою душу для такой системы воспитания. Тогда и начнется *новая эпоха его истории*.

Это новое воспитание должно не только будить в народе *волю к справедливости*, но и укреплять в нем *дух жертвенности*, т. е. согласие во имя общего, национально-государственного дела *отдавать свое и не добиваться во что бы то ни стало справедливости для себя*. Истинная христианская и гражданская доблесть *ищет справедливости для других* и охотно жертвует «своим» *сверх всякой справедливости*. И чем сильнее и живее этот дух в народе, тем могущественнее его государство: ибо жертвенность народа есть источник настоящей политической силы.

Замечательно, что люди часто расходятся друг с другом в толковании и понимании «справедливости». Это объясняется не только тем, что все мы вообще судим о вещах и делах «субъективно» и потому не соглашаемся друг с другом; но еще гораздо более и тем, что мы обычно взываем к «справедливости», отстаивая *свой собственный интерес*, и тотчас же забываем о ней, когда обсуждается *чужой*. Нам все кажется, что справедливость всегда «за нас» и что всякое удовлетворение наших желаний и интересов – «справедливо». И при этом мы не замечаем, что нами владеет в действительности не искание справедливости, а *личная корысть*; – что наша ссылка на справедливость на самом деле ничего не стоит; – что мы то и дело выступаем в жизни *контрабандистами несправедливости*. Тогда оказывается, что людей нельзя ни согласить, ни примирить; что справедливость становится пустым

и мертвым словом и что в действительности происходит не искание справедливости, а борьба личных своекорыстных, – гражданская война всех против всех²⁰⁶. Так бывало и в истории России: люди кривили душою (в старину это называлось «воровали») и, по слову летописи, «несли Русь розно»²⁰⁷. Так было и в Смутное Время (1605–1613). Именно так возникла и большевицкая революция (1917). При таком настроении в народе государство существовать не может; центробежные силы одерживают верх над центростремительными; личный интерес становится выше общего; все рассыпается в прах, в песок – и буря событий несет этот песок в пропасть.

Отсюда первое требование: каждый из нас должен научиться *отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декларацией о справедливости*. «Мои притязания» могут быть и необоснованны; «моя выгода» может противоречить справедливости; «мое право» может и не простираться до пределов моей жадности.

Однако этого недостаточно. Необходимо нечто большее: *мы должны научиться не настаивать на наших самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины*. Это второе требование.

Справедливость, как уже установлено, не есть готовая программа мероприятий или готовая система жизни, которую можно немедленно ввести и осуществить. Она *отыскивается* в непрерывном всенародном творческом созерцании и действии, которое отправляется от *исторически данного нагромождения несправедливостей и полунесправедливостей*. Это наследие веков, эту исторически запутанную ткань жизненных нитей и узлов – каждый народ вынужден принять как отправной пункт, как *исходную основу жизни*. Наивно и ребячливо думать, будто от человеческого произвола зависит «немедленно ввести совершенный строй жизни»; будто от земной юдоли до блаженной жизни всего один шаг; будто блаженное

«тысячелетнее царство» (отсюда выражение – «хилиастический», тысячелетний²⁰⁸), или «золотой век» – может наступить от каких-то правительственных или государственных реформ.

* * *

С давних, древнейших времен людям снится в их ночном сознании мечтательный сон о некоем блаженном «тридесатом Царстве», где царит абсолютная справедливость и полная свобода, где нет ни слабостей, ни страданий, ни болезней, где можно обойтись без труда и лишений, где люди не знают ни греха, ни запрета, ни преступлений, ни наказаний, ни принуждения, ни несправедливости. «Там» – все притязания оправданы, все потребности удовлетворены; люди наслаждаются всеобщей справедливостью и всеобщим счастьем. При этом одни думают, что это есть воспоминание об «утраченном рае», а другие предполагают, что это есть предчувствие «грядущего блаженства». А народная масса мечтает об этом – то в сказках, то в сновидениях, то в *бесформенном, молчаливом ожидании и возжелении*.

Если это «блаженное царство» видится людям *в потустороннем мире* и связывается с *будущей, загробной жизнью*, то взор человеческий становится ясным и трезвым для здешней, земной жизни: тогда он видит ее несовершенства и невозможности; он постигает слабость и греховность человеческого существа; он научается *духовно ценить труд и лишения, страдания и болезни*; он убеждается в необходимости запретов, принуждения и наказания; он начинает мириться с неизбежностью несправедливости в земной жизни. Ибо на самом деле *земная жизнь* требует от человека работы и терпения, смирения и жертвенности, отречения и уживчивости; здесь – *качество* рождается из *страдания и труда*; здесь человек должен заплатить за все великое – напряжением и мукою. А покрыть и исцелить все это может только *любовь*. Именно таков дух Христианства, именно таково христианское правосознание.

Но если люди утрачивают веру в Бога и в будущую жизнь, то они начинают считать здешнюю, посюстороннюю земную жизнь – *единственной, всеобещающей и ни к чему не обязывающей*. Тогда их духовный взор тускнеет, а их земной взгляд становится близоруким и алчным: он уже не видит и не желает видеть несовершенств и невозможностей земной жизни; он прилепляется к своей максималистической химере и начинает галлюцинировать. Тогда «тысячелетний сон» выплывает из бессознательного, завладевает дневным сознанием, и начинается эпоха брожений и революций. Душа становится как бы «переутомленной», нетерпеливой, требовательной и ожесточенной. Тогда появляются темпераментные «истолкователи» этого «переутомления» и нетерпения, «пророки» этой требовательности, вожди этого ожесточения. Пишутся «гимны» этой неосуществимой химере (напр., «Капитал» Маркса); слагается «наука» грядущего переворота; сеются утопические идеи; возникают партии «немедленного введения» тысячелетнего царства (социалисты, коммунисты); политика начинает галлюцинировать; слепая воля ожесточается и люди *пытаются прорваться к неосуществимому блаженству ценою многой крови*.

Какое тягостное пробуждение готовится этим людям и народам! Какое разочарование! Кровавая химера врывается в жизнь, развязывая души, подрывая веру и нравственность, опрокидывая правосознание и разрушая историческое наследие народа... Она нагромождает силы государственного террора и хозяйственной техники, опустошает и порабощает души, пытается создать «нового человека» – и все для того, чтобы *осуществить новое, обратное неравенство и утопить людей в потоке небывалой несправедливости*. Урок, поистине, жестокий и отрезвляющий... А политика есть дело трезвое и не терпит галлюцинаций. И хозяйство есть дело живого и здорового инстинкта и гибнет от противоестественных выдумок. Справедливость же есть дело веры, совести и всенародного

творческого искания; она неосуществима в порядке уравни- тельных декретов и мстительного насилия.

И нашему поколению, пережившему и перестрадавшему весь этот трагический опыт, надлежит поставить перед собою вопрос: *стоило ли русскому народу отдавать свой, исторически накопленный запас свободы и справедливости во имя этого обратного неравенства и этого порабощения?* И далее, – другой, более радикальный вопрос: *есть ли справедливость столь драгоценное благо в жизни народа, чтобы из-за призрака «новой, полной справедливости» при- носить столь безмерные жертвы?..* Что же, человек живет на свете для того, чтобы установить «справедливый строй»? Или справедливый строй ему нужен для того, чтобы раз- вязать и оплодотворить его высшие творческие силы? Что лучше и мудрее: временно терпеть несправедливый порядок во имя Родины, или отдавать Родину на поток и разграбление во имя немедленной «прибавочной справедливости»? И ка- жется мне, что поставить этот вопрос – значит уже ответить на него. По крайней мере русская история уже ответила на него и вписала свой ответ кровавыми буквами в историю человечества.

Справедливость есть существенное и драгоценное на- чало в жизни народа. Но она *не есть ни высшая, ни послед- няя ценность человеческого духа*. Естественно желать своему народу справедливости для того, чтобы *открыть свободную дорогу творчеству и качеству – честности, совести, уму, та- ланту, гению; но не естественно разжигать в своем народе завистливую химеру равенства*, для того чтобы «погасить высшие способности» (Достоевский, «Бесы»); и столь же не естественно внушать своему народу, что до водворения «полной справедливости» нельзя ни жить, ни творить куль- туру (русские революционные партии). Ибо, на самом деле вся культура человечества вплоть до наших дней создавалась *при отсутствии «полной справедливости»*; – она создавалась

благодаря *предметному неравенству людей* и притом именно *творчеством «высших способностей»*...

Человек живет на свете *не* для того, чтобы быть *педантом справедливости*, и не для того, чтобы требовать «немедленно» ее «полного» осуществления. Тысячу раз прав тот, кто, пренебрегая выпадающими на его долю несправедливостями, продолжает посильно служить Божьему Делу на земле. И наоборот, неправ тот, кто прекращает свое служение (а может быть – и свою жизнь) впредь до восстановления «причитающихся ему» справедливостей.

Для того, чтобы народ творчески служил своей родине и своей национальной культуре, ему несомненно нужно и важно искать справедливость. Но так как «полная справедливость» – есть бесконечное задание (не более чем «регулятивная идея»), то *все народы творили и будут творить свою духовную культуру – при отсутствии полной справедливости*, т. е. в исторически данном нагромождении справедливости, полусправедливости и несправедливости. Мы не должны скрывать этого от нашего народа; напротив, мы должны открыть ему глаза на то, что *«полную» справедливость надо самому искать и творить в течение всей своей жизни, а не требовать ее «немедленно» от других*; и что с этим надо раз навсегда примириться. Мы должны ему открыть глаза на то, что во имя немедленной «прибавочной справедливости» нельзя отдавать свое государство на поток и разграбление; что мы все должны быть готовы *временно терпеть несправедливость* во имя нашей родины, ибо прежде, чем наслаждаться «справедливой жизнью», надо обеспечить себе *хоть какую-нибудь жизнь. Жизнь на земле невозможна без терпения, смирения и отречения*. Эти три основы были заповеданы нам Евангелием. Коммунисты восстали против этих традиционных добродетелей, как «реакционных» и «выгодных только буржуазии». И что же? Ни один исторический режим не возлагал на своих «подданных» такого бремени *изнурительного терпения, вынужденного*

смирения и унижительного отречения, как коммунистический строй. То, что Евангелие раскрыло нам как добродетель и мудрость, как религиозное служение, – коммунисты возложили на нас в порядке каторжной покорности и притом без меры, без чести, без свободы и без духа – в виде *публичной порочности и в форме политического пресмыкательства*; и то, что в евангельском учении являлось добровольным самоограничением и в христианском обществе творило духовную культуру, – оказалось в коммунистическом порядке источником всеобщего культурного снижения и разрушения...

Именно поэтому строительство грядущей России должно исходить из следующих основных правил:

1. – Справедливость драгоценна и необходима в жизни народа, но она отнюдь не есть высшая ценность жизни и последняя цель государства.

2. – Справедливость нельзя смешивать с равенством; а требовать всеобщего уравнивания – противоестественно и несправедливо.

3. – Важней всего, чтобы правительство и народ искренно хотели справедливости и взаимно верили друг другу в том, что это хотение искренно и жизненно.

4. – Надо, чтобы люди не ценили справедливость выше того, чего она стоит, и не задавались задачей «немедленно» добиваться «полной справедливости».

5. – Надо воспитывать в народе *христианское понимание справедливости*, а именно – настойчивое искание ее для других и жертвенную щедрость в перенесении несправедливостей, выпадающих на собственную долю.

6. – Надо воспитывать в народе государственно-патриотический дух, готовый во имя единого и общего блага Родины не настаивать на немедленном удовлетворении собственного справедливого интереса.

Только на этом пути восстановим Россию. Только этим укрепим ее.

27. О духовном характере²⁰⁹

Укорениться в Боге – значит стать *сильным в добре*. Быть сильным в добре – значит иметь настоящий *духовный характер*.

России необходимы, ей дороже всего отныне и на века люди с сильным, религиозно укорененным и верным характером. Это они строили Россию в прошлом. Это они будут строить ее и впредь. Для русского народа нет выбора; если он не сумеет укрепить в себе национально-духовный характер, тогда он вообще не сможет удержаться на исторической арене; тогда он будет отвеян в пространство, как мякина, или затоптан, как глина*.

Россия сокрушилась в революции потому, что русские люди были в большинстве своем добродушны, но *слабы в добре*. Сильных же в добре было немного. И вот, когда появились люди *сильные во зле* и стали звать массы не бояться падения, падать, скользя вниз по линии наименьшего сопротивления, – то множество слабых поколебалось и отдалось этому зову. Тогда сильные в добре повели неравную борьбу с сильными во зле при бесхарактерном нейтралитете или слабохарактерном разложении массы. И победило зло.

Чтобы в русском человеке сложился и окреп духовный характер, он *должен увидеть добро, поверить ему и в него и полюбить его*; это видение, эта вера и любовь должны передать свой *духовный заряд воле*, и заряд этот должен быть осмыслен и принят *разумом*. Тогда душа русского человека станет *свободною и цельюю в добре*: он утвердит свое *духовное достоинство*, и вследствие этого *честь и честность*

---

* См. мою брошюру «Творческая идея нашего будущего» (примечание И. А. Ильина). [Нарва: Издание Национально-Трудового союза нового поколения, издательство «За Россию», 1937. Переиздано в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. С. 453–488. – А. Л.]

станут необходимыми и устойчивыми формами его жизни. Рабские черты угаснут в нем навсегда. Он утвердит в себе *Сына Божия*; и соблазны разнудания и всесмешения будут ему не страшны. Его поведет *дух предметного служения*.

Россия не освободится и не возродится, пока русские люди не вступят на *предметный путь*.

В каждом труде, в каждом жизненном деле есть своя большая, *все осмысливающая цель*: высшая задача всех усилий, прекрасное и священное призвание нашей жизни. Все мы – от уличного метельщика до министра – не рабы и не каторжники; мы никогда и не были ими, даже во времена сословного закрепощения. Это проклятие, ныне повисшее над русским народом при коммунистах, должно исчезнуть вместе с ними навсегда. Мы все призваны к тому, чтобы верно осмысливать *предметную сущность нашей работы*, чтобы видеть оком духа ее предметное значение и назначение, чтобы желать сердцем ее успеха. Ибо мы все служим некоему высшему Делу на земле, Божьему Делу, делу России и через это Божьему плану мира и истории. Ибо жизнь русского народа, *бытие России*, – достойное, творческое, величавое бытие – входит в этот план и составляет живую и благодатную часть этого Дела.

Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – *я служу России*; не маммону и не просто «начальству»; не карьере и не просто работодателю. Но именно России: ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее величю, *ее оправданию перед лицом Божиим*. Жить и действовать так – значит жить и действовать согласно главному *предметному* призванию русского человека; это значит служить Божьему Делу и жить *предметно*: службу превратить в *служение*, «дела» и «делишки» освятить духом *Дела*.

Это значит, во-первых, вывести себя из состояния холдного безразличия и слепоты ко всему *общему* и *высшему*: к делам совести, веры, чести, права, справедливости, церкви, искусства и родины. Проснуться и выйти из гипноза без-

действия и страха; растопить свою льдину, расплавить свою черствость, преодолеть свою проклятую жестоковыйность. Ибо *предметность* противостоит прежде всего *духовному безразличию и холоду*.

Она противостоит, во-вторых, узкому и плоскому своекорыстию, тому «шкурничеству» и той *беспринципной изворотливости*, к которым советская власть систематически приучает русских людей вот уже двадцать лет. Ибо по духу и по программе коммунист есть рабовладелец; а тем, кого он ограбит и поработит, он прививает *рабский дух* «шкурника», «ловчилю» и лодыря: нежелание трудиться, презрение к качеству труда и продукта, жажду урвать, окопаться и отсидеться, пользование всеми средствами и путями и пораженческое злорадство во всех делах. Коммунизм есть настоящая школа *противопредметности*.

Этому мы противопоставляем ныне *идею религиозной предметности в жизни и в делах, идею верности Делу, идею мужественной и жертвенной прямоты*.

В непредметной душе нет *духовного измерения вещей* и нет *чувства собственного достоинства*; нет совести и чести; нет *чувства ответственности*; нет крепкой грани между добром и злом. *Бога нет. Предстояния нет. Нет правосознания и национального достоинства*. А потому такой человек не служит Делу. Его ведут *приобретательство и честолюбие* – эти исконные, вековые враги всякой *предметной политики*.

И как всегда и во всем, так и здесь: *начинать оздоровление надо с самого себя*. Надо победить в самом себе дух национального безразличия, уныния и малодушия: надо любить Россию и верить в творческие силы русского народа. Надо победить в себе *дух частного, личного, партийного, классового интереса*: надо восхотеть русского, всероссийского, единого и общего. И наконец, *надо укорениться сердцем и волею в Божьем Деле* до бесстрашия, до непо-

колебимости: надо твердо верить *в свои и в национальные богоукорененные силы.*

Тогда остальное воспоследует и развернется само собою.

28. О правосознании

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «*внешнего поведения*» человека; что если это «*внешнее поведение*» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западноевропейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к *внутреннему миру* человека, они чтут в нем *свободного субъекта прав* и подсказывают его *само-сознанию* и его *право-сознанию*, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запретности). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего – от *право-сознания граждан.*

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины как Божие дело выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазненно,

неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, – соблюдая при этом не букву закона, а *скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства*.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, *брата перед лицом Божиим и свободного субъекта прав*.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов – к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего *христианского правосознания*. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

29. О частной собственности

Может быть, ни в чем люди не воспринимают так болезненно отсутствие свободы и отсутствие равенства, как именно в сфере имущества.

Свободу творчества человек должен иметь и в области хозяйства. Человек хозяйствует из инстинкта самосохранения. А этот инстинкт есть начало *личное* и *самодетельное*. Поэтому жизненны только те способы хозяйства, которые пробуждают и напрягают этот творческий инстинкт, а не пресекают и не подавляют его.

Именно частная собственность пробуждает и напрягает хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека; она дает человеку уверенность в том, что продукт его труда не будет у него отнят; она дает ему спокойствие и вызывает в нем волю к усердному и постоянному труду; человек начинает охотно «инвестировать» (облекать) свой труд в вещи, как бы доверять его им; его чувство прилепляется к «своим» вещам (любовь к своей земле, к мастерской, к библиотеке), его воля оживает и дышит как бы полной грудью; его воображение творит, создает, предвидит; его мысль ищет знаний и верно разрешает жизненные задачи; его тело работает до пота и крови. Но именно тогда-то и обнаруживается, что его *личный* инстинкт служит не только самому ему, но и семье, и роду, и обществу; и что от его *самостоятельности*, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни.

Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта; они подавляют его и делают его бесплодным. Поэтому они не жизненны и обречены на хозяйственный провал.

Христианин должен глубоко и верно продумать все это, ставя перед собой вопрос о хозяйстве. Человек создан личным, индивидуальным и самодетельным; таков он *от Бога* и *от природы*. Изменить в этом что-нибудь – пересоздать че-

ловека – нам не дано. Но нам задано *воспитать* душу человека так, чтобы *опасные* стороны частнособственнического строя (а следовательно, и капитализма) не влекли за собою противохристианских последствий.

Это значит взрастить в человеке *христиански-социальное понимание частной собственности*. «Спасителен» не социализм, а творческое сочетание *свободы, всенародного братства и справедливости*. Здесь не может быть единого практического рецепта для всех стран и народов. Проблема должна быть разрешена для каждого народа в отдельности в порядке *национально-христианского* воспитания и верных реформ.

В душах надо укрепить: творческую заботу о том, чтобы не было неимущих и безработных; свободу от зависти и естественное братское доброжелательство; уверенность, что богатство не определяет человеческого достоинства; чувство общественной и нравственной ответственности за свою собственность; живое понимание, что всякий честный труд почетен; волю к общественной и национальной солидарности. В жизни надо утвердить три основы: *изобилие, качество продукта и щедрость*.

Только такое воспитание поможет людям найти новые формы частной собственности и установить законы, при помощи которых христианский дух преодолет дурные формы и дурные последствия имущественного *неравенства*. Итак, частная собственность есть как бы естественное, необходимое *земное жилище* человеческого инстинкта и человеческого духа. Нельзя отнимать его. Но надо научить человека владеть им творчески и братски.

30. Неравные братья²¹⁰

Люди, живущие на земле, все *различны* и *своеобразны* от природы. И все должны это признать и примириться с этим, *не впадая в зависть*. Мало того: мы должны радоваться этому

своеобразие и наслаждаться им, так, чтобы из этого возникло взаимное *творческое благожелательство*, – *братство неравных людей*.

Здесь ключ к верному разрешению социального вопроса, – это та «предпосылка», та живая основа, без которой все внешние реформы поведут к разочарованию и крушению... Неравенство не должно разъединять людей и делать их врагами; напротив, оно призвано к тому, чтобы вызывать в них взаимное признание и чувство братства... – Такова всякая цель грядущего воспитания, везде и повсюду, и прежде всего у нас в России...

Кто и где видел когда-нибудь двух одинаковых людей? Пусть он скорее заявит о своем наблюдении, ибо ему предстоит или сообщить людям о неслыханном, противоестественном чуде, или же убедиться в своей ошибке. А убедиться в такой ошибке очень важно, для того, чтобы преодолеть ложное учение «эгалитаризма». Ошибка же эта состоит в слишком поверхностном наблюдении.

Люди от природы не «равны»; они все неодинаковы. Это обеспечивается уже двумя основными координатами жизни – пространством и временем. В пространстве возникает, формируется, живет и движется их тело; и это индивидуальное человеческое тело у каждого из нас особенно, своеобразно и инородно. Нет двух одинаковых человеческих тел в мире: в каждом из них все иное, все иначе, все различное – рост, форма, сила, толщина, вес, пропорции, длина рук и ног, ступня ноги, ладонь руки, лицо, волосы, глаза, – все. Именно на этой неповторяемости человеческого индивидуума основан антропологический прием, применяемый в полицейском розыске, – брать отпечаток больших пальцев руки для безошибочного опознания человека и подтверждения его самоличности: ибо нет двух людей в мире с одинаковым рисунком кожи на пальцах. При желании у людей можно, конечно, найти известные сходные черты; и чем поверхностнее, чем отвлеченнее будет

это наблюдение, чем упрощеннее наблюдающий будет произвольно выделять из целого отдельные черты и свойства, тем больше таких «сходств» он будет находить. Но как только он освободится от своего верхоглядства, как только он попробует осуществить настоящее целостное восприятие, или даже пережить художественное вчувствование, так он растеряет все найденные сходства и начнет удивляться или даже сердиться на свое былое верхоглядство.

В жизни вообще, в особенности же в человеческой жизни и в человеческом теле – нет никаких *отвлеченных отдельных* черт, нет сепаратных «черт», «линий», «свойств», «размеров» и особенностей. Все живет здесь в едином, таинственно-органическом, неразложимом целостном «контексте», который утверждает сам себя и строит сам себя из своего личного инстинкта самосохранения. Замечательно, напр., что своеобразный рисунок кожи на пальцах, разрушенный ожогом, восстанавливается снова в своем прежнем своеобразии. Человеческое тело есть единый, строящий себя и подтверждающий свою «единственность» творческий организм; и это только слабость нашего восприятия, бессилие нашего созерцания и мышления заставляет нас держаться за отдельные, отвлеченные «свойства», «черты» и «размеры» и рассматривать их, как что-то самостоятельное и важное. Быстрота нашего поверхностного взгляда и отвлекающая манера нашего рассудка доводят нас до того, что мы придаем слишком большое значение случайным чертам сходства и забываем вносить поправку на их связь с другими чертами и с целостным организмом.

Есть общий познавательный закон, который гласит так: чем поверхностнее, чем ленивее, чем безответственнее наше наблюдение, тем легче он застревает в отвлеченных сходствах, которые бросаются нам в глаза; и наоборот: чем глубже, чем интенсивнее, чем ответственнее наше созерцание, тем увереннее мы улавливаем индивидуальное своеобразие каждого человека, то *единственное*, что присуще каждому из нас...

и тем компетентнее, тем справедливее будет наше суждение о людях и наш суд, произносимый о каждом в отдельности. *Индивидуализующая* культура – есть более высокая, более глубокая, более благородная и справедливая культура, чем уравнивающая и обобщающая, которая иногда совсем и не воспринимает действительность и во всяком случае «препарирует» ее по собственному, отвлеченному, отвлекающему и искажающему произволению.

Каждый день мы встречаемся с незнакомыми или едва знакомыми людьми; происходят мимолетные восприятия и затем наступает взаимная равнодушная утрата, вероятно навсегда и, по-видимому, без всяких последствий. Мы их не знаем, мы не вчувствуемся в их жизнь, и потому нам иногда кажется, что они все похожи друг на друга до неразличимости. Это обнаруживается в особенности при восприятии людей чуждой нам и совсем инородной расы, что отмечал такой тонкий наблюдатель, как Георг Зиммель²¹¹. Но совсем иначе отзывается мы на разлуку с дорогим другом или на земную смерть любимого человека... Как глубоко испытываем мы исчезновение их своеобразного облика, их единственность, их незаменимость!.. Потому что мы созерцали облик друга сердцем, мы действительно индивидуализировали его личность, мы почувствовали и постигли, что он «один» и что «таких больше нет»... И эта, чувством постигнутая, *единственность человеческой личности* не есть нечто сочиненное нами, создание нашей фантазии; она присуща каждому человеку, объективно, от природы.

Если мы поймем и усвоим это, то человечество предстанет перед нами как великий, неизмеримый цветущий луч. Каждый цветок оформлен здесь по-своему и возрос в иных условиях; ни один из них не равняется другому, даже среди однородных и одноименных. И каждый из них ведет свою собственную, особливую жизнь, – произрастая, расцветая, благоухая и увядая. Если посмотреть издали, то такой луч покажется целостным и замкнутым единством, в пределах коего все цве-

ты и все травинки как бы сливаются воедино. Но если подойти поближе, склониться над травой и всмотреться в нее, то мы увидим неизмеримый «девственный лес» в миниатюре, весь состоящий из тысяч и тысяч своеобразных *индивидуальных* растений; нам откроется бесконечное богатство, неисчерпаемое обилие единственных в своем роде Божиих творений, из коих каждое желает жить, красоваться, благоухать и наслаждаться... – Так обстоит и с людьми во всех странах и во всей вселенной... И их неодинаковость, их многообразие и неравенство есть нечто превосходное, ибо оно превращает человеческий мир в роскошный и обильный Божий сад...

Итак, люди от природы различны и многообразны. Государственные конституции правы, провозглашая *равенство всех перед законом*, но именно поэтому законы в их содержании должны как можно больше считаться с естественным и духовным неравенством людей. Государственные конституции правы и тогда, когда они отменяют все необоснованные, несправедливые, сковывающие здоровую жизнь привилегии, и когда стараются распределить как можно справедливее государственные налоги и повинности; но именно поэтому – ради справедливости – надо вводить и поддерживать *справедливые привилегии*, которые должны соответствовать человеческому разнообразию и субъективным человеческим свойствам (привилегии пола, возраста, недуга, образования, таланта и другие). А мы все призваны к тому, чтобы сочувствовать этой справедливости, требовать ее введения и беззавистно радоваться обилию человеческого своеобразия.

Кто увидит это богатство человеческого бытия, тот прежде всего изумится его бесконечному разнообразию, самопочинному расцвету этого множества, неутомимой и неисчерпаемой *силе индивидуации*. Чем глубже он будет всматриваться в это обилие, тем более безмолвное изумление будет превращаться в *духовное дивование*. Но если он попытается воспринять каждое человеческое существо во всей его индивидуальности

и вчувствоваться в прикровенную тайну его особого существа, тогда ему откроется живая единственность и неповторимость его и всей его судьбы; и он начнет понимать его внутреннюю борьбу и его страдания. Тогда у него возникает ощущение, что следовало бы беречь и охранять все эти человеческие цветы, помогать им и облечать их судьбу. В нем проснется желание жить как бы на крыльях и осторожно, бережно и любовно передвигаться в мире. Он может быть даже поймет тех индусов, которые боятся нечаянно раздавить муравья или другое насекомое и на ходу разметают перед собою дорогу метлой; он поймет, почему они чтут в каждом жучке и в каждой мошке *нежную тайну мировой индивидуации*.

Каждый человек носит в себе тайну своеобразной душевной жизни и духовного созревания; тайна эта дивна и требует бережного отношения к себе; и тот, кто видит это и понимает или хотя бы чувствует, что такая же тайна живет и в каждом незнакомом ему человеке, тот созерцает человеческий мир как сущее чудо Божие, – чудо *богатства*, чудо *глубины* и чудо *свободы*. И из этого созерцания в нем возникает духовная радость и творчески-активное доброжелательство, так, что в сердце его не остается места для зависти.

Не трудно убедиться в том, что естественное многообразие людей обнаруживается во всех возможных внешних чертах и внутренних свойствах их существа, создавая их телесные, душевные и духовные неравенства. Все отличает людей друг от друга: физическая сила, красота, здоровье и все строение тела; обычные душевные способности, как, напр., чуткость и острота чувственного восприятия, внимание, память, разумение и усвоение; внутренняя организация, напр., гармония и дисгармония инстинктивных влечений, характер, дар приспособления, интенсивность темперамента; манера наблюдать, способ чувствовать, мыслить и желать; и наконец духовные дары и силы – религиозные, научные, художественные, педагогические и политические. Всем этим определяет-

ся жизнь и творчество людей, их профессия, их жизненный успех, их судьба, их счастье, и очень часто их общественное положение, их богатство и их бедность...

Есть два противоположные отношения ко всему этому, два подхода: один – отвергающий подход, враждебно-ненавистный, завистливый, и другой – приемлющий, дружелюбно-приветливый, беззавистный, доброжелательный.

Первое отношение – болезненное, черствое и разрушительное. Завистливое сердце есть больное сердце: оно пребывает в судорожной злобе, оно уязвлено своей собственной (может быть – мнимой) несостоятельностью, оно не прощает людям их преимущества и живет ненавистью. Оно не спускает другим людям ничего: ни их здоровья, ни их красоты, ни их приятного голоса; оно негодует на чужую богатую память; оно возмущается против буйного темперамента собеседника; оно ненавидит искреннего за его искренность, умного за его ум, талантливого за каждое проявление его. Такой человек не может примириться с тем, что другие люди имеют жизненный успех, что есть счастливые люди, что богатый – богат, а благородный – благороден. Он не прощает другому его доброту, его честность, его набожность. Он не желает слышать о чужом преимуществе. Он ненавидит все, что «лучше» его, и все, что «выше» его. Завистливое сердце видит во всяком чужом превосходстве – несправедливость (Сальери у Пушкина). Все эти преимущественно одаренные люди должны быть «наказаны»: они должны лишиться своего преимущества; а если этого нельзя достигнуть, тогда должна быть выдумана какая-нибудь иная месть до убийства включительно. Зависть есть самый мощный источник вражды, ненависти, злобы, социальной борьбы, гражданских войн и революций. И при этом она обычно взывает к «справедливости» и прикрывается фальшивым прекраснословием.

Напротив, второй подход к людям создает здоровое отношение, при котором человек предоставляет каждому все его

преимущества, а сам остается свободным от зависти и благожелательным. Вследствие этого из жизни исчезает болезненное напряжение, сердце вкушает свободу и очищается. Напряжение прекращается потому, что снимается множество мучительных и неразрешимых «проблем», связанных с чужими преимуществами. Стоит только сообразить, что вряд ли найдется на свете человек, который не имел бы какого-либо преимущества передо мною; даже самый бедный может превосходить меня в доброте и набожности; даже самый уродливый может быть обладателем великолепного конского завода или редкостного розария; и самый глупый может иметь княжеский титул или дивный оперный тенор. А мне приходилось бы завидовать им всем?.. Как ужасно! От всех этих мнимых и неразрешимых «проблем» надо освободиться в жизни раз навсегда и тем очистить свое сердце. Стоит только «уступить и подарить» каждому то, чем он и без того обладает; надо сделать это от чистого сердца – и начнется свобода.

Человек освобождает себя для *созерцания Божьего мира* и для *радостного дивования* на его богатства, и еще – для *работы над самим собою*, для великого и жизненно-стольважного *социального благожелательства*, для *братского обхождения* с другими людьми, для *верного понимания справедливости*.

Пока я завидую всякому красивому, даровитому и богатому человеку, я остаюсь несчастным завистником, который только и замечает чужие преимущества и свои «недостатки», «нехватки» и «убытки»: он все время «вычитает» себя из переоцененной им мнимой «полноценности» других, и сердце его постепенно погружается в судорогу злобы и ненависти. Но на самом деле чужая красота есть прежде всего *красота*, и он призван ценить ее и наслаждаться ею. И чужой талант есть *Божий дар*, который цветет всем на радость. И чужое богатство есть большая социальная сила, которую надо побудить к служению духовной культуре; для этого надо *духовно вос-*

питывать богатого человека. Все это доступно только тому, кто свободен от зависти. Только у него есть свободное, благожелательное и открытое сердце, способное наслаждаться каждой жизненной ценностью, своею, чужою и ничьею (природа, искусство, религия, наука). Только он настолько свободен от других людей, что у него нет потребности критиковать их, ненавидеть и унижать: он может жить *сам по себе*, укрепляя и воспитывая свою духовность; ему не нужно «ниспровергать» других; в нем бьет живой ключ истинного братства и искренней социальности. И вокруг него «социальный воздух» так чист и так прозрачен, что он незаметно наполняется тем подлинным блаволением, о коем пели ангелы в час Рождества Христова²¹².

Напрасно завистники говорят о «братстве». Это есть мертвое и фальшивое пустословие, которыми они стараются прикрыть свою ненависть и приукрасить свою жестоковийность. Кто завидует другому, тот приходится ему не братом, а врагом; он совсем не знает что́ есть братство, ибо настоящий брат беззавистен и доброжелателен. Бедное «братство», имя, которым злоупотребляют, которое толкуют неверно, обесмысленное и обесчещенное слово, которым прикрываются во всем мире завистники и честолюбцы! *Брата* можно обрести только через *Отца*; а кто отрекся от Отца, тот потеряет и брата, и братство. В этом смысле Евангельского слова: надо сначала возлюбить цельной любовью Господа и через эту любовь к Отцу будут найдены люди-братья, Им сотворенные и Им освященные. Кто не признаёт себя «сыном» Небесного Отца и отрекается от сыновства, тот не имеет ни права, ни основания говорить о братстве; он только извратит, снизит и опошлит это древнее, верное и глубокое слово.

Путь к социальному благоволению и, следовательно, к разрешению социального вопроса ведет через добровольное и искреннее примирение с человеческой неодинаковостью, с человеческим разнообразием. Кто ищет справедливости,

тот должен убедиться в *естественном неравенстве* людей и сделать из него вывод: ибо справедливость требует *предметно-неодинакового* обхождения с *естественно-неодинаковыми* людьми...

Эта естественная неодинаковость людей есть нечто неизбежное от природы и нечто благое в духовном отношении, ибо она, как сказано, превращает мир в богатый и прекрасный Божий сад. Так слагается формула социального мира. Только через такое примирение, только через такое благоволение может быть преодолена опасность, вырастающая из индивидуальных и социальных неравенств. Суровая и безжалостная эксплуатация человека человеком не может быть устранена посредством искусственного и насильственного уравнивания людей, потому что естественное неравенство неотменимо, а злые и завистливые люди всегда найдут, при каждом уравнивании людей, новые способы для эксплуатации. Напротив, сначала должна быть преодолена злая и завистливая «воля к эксплуатации», для того, чтобы естественное неравенство было признано и получило свое полное жизненное и творческое значение. Верный путь ведет через беззавистливость к социальному благожелательству и от социального, братского благоволения к искоренению несправедливой эксплуатации.

Где-то там, над великими вратами в царство лучшего будущего, начертаны слова о *братстве неравных людей*; но нет ни слова о насильственном уравнивании озлобленных завистников.

31. О социальном хозяйствовании²¹³

Было время, когда среди русской интеллигенции господствовало воззрение, что «порядочный человек не может не быть социалистом» и что «только социализм» осуществит на земле свободу, равенство, братство и справедливость. С тех пор мы много пережили и перестрадали; опыт осуществлен

и последовательно проведен в огромном масштабе. Ныне мы должны судить на основании этого опыта. Мы увидели социализм в жизни и поняли, что он осуществим только в форме *всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима*.

Социализм прежде всего угашает частную собственность и частную инициативу. Погасить частную собственность значит водворить *монопольную собственность государства*; погасить частную инициативу значит заменить ее *монопольной инициативой единого чиновничьего центра*. Так обстоит не только в России: и в Западной Европе, всюду, где проводится *советский социализм* (Польша, Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Албания, Восточная Германия) или социализм Второго Интернационала (Франция, Англия), – всюду вырастает (быстро или медленно) *монопольная собственность государства* и слагается *монопольная инициатива единого чиновничьего центра*. В этом – самая сущность социализма.

Это ведет неизбежно к *монополии государственного работодателя* и создает полную и бесповоротную *зависимость всех трудящихся от касты партийных чиновников*. Знаменитый французский социолог Густав Лебон был прав, предсказывая этот ход развития. Чтобы осуществить государственно-централизованный хозяйственный план, эта каста вынуждена силою вещей овладеть *всею хозяйственной деятельностью страны*, а потом и *политической*, и *культурной* жизнью народа и *ввести тоталитарный строй*. В тоталитарном же строе – нет ни свободы, ни равенства, ни братства, ни справедливости. Мы видели в жизни – и левый, и правый тоталитаризм. С нас достаточно. Пустые мечты и политические сказки предоставим детям и агитаторам.

Почему русская интеллигенция тянула прежде к социализму? Потому, что она, почти утратив христианскую веру (под влиянием западного рассудочного «просвещения»),

удержала *христианскую мораль* и хотела *социального* строя; т. е. свободы, справедливости и братства (к коим она по недоразумению пристегивала и равенство). Ей внушали и она воображала, будто *социализм* есть *единственный* путь к *социальному* строю. Ныне наступает новая эпоха, которая положит в основание другое воззрение, а именно: *социализм – анти-социален; искать социальности надо в ином, новом, несоциалистическом строе.*

Социализм антисоциален потому, что он убивает свободу и творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости, чтобы создать новую привилегированную касту партийных-чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй. Именно потому истинную социальность (свободу, справедливость и братство) надо искать в *несоциалистическом строе.* Это не будет «буржуазный строй», а строй *правовой свободы и творческой социальности.*

Мы не сомневаемся: пройдут *года*, прежде чем это воззрение станет *господствующим в человечестве.* Ибо пропаганда социализма велась слишком долго; из социализма сделали какой-то суррогат религии; социалистические партии и теперь еще выдают свой строй за единственный путь к счастью и демагогируют рабочих; а коммунисты стали партией ожесточившегося безумия, мирового разложения и завоевания. Все это надо *изжить*, во всем этом надо *разочароваться*, от всего этого надо *отречься.* Однако те социалисты, которые ныне одумались, – предпочитают сохранять название своей программы и потихоньку вложить в нее другое, более приемлемое и не столь тоталитарное содержание. У них нет мужества для отказа, пересмотра и вступления на новый путь.

Силою вещей наша многострадальная Россия идет в этом изживании, разочаровании и передумывании *впереди всех.*

Если бы русский народ был сейчас свободен и услышал вновь проповедь социализма (т. е. левого тоталитаризма), то ответ его был бы, наверное, недвусмыслен и стихийен.

Мы, русские христиане, по-прежнему будем искать в России *социального строя*. Однако на основах *частной инициативы* и *частной собственности*, требуя от частно-инициативного хозяйства, чтобы оно блюло *русские национальные интересы* и действительно вело к *изобилию и щедрости*, а от частных собственников – *справедливого* и *братского* хозяйствования.

Знаем, что для этого необходимы: предпринимательский и организационный талант, живое чувство справедливости и органическая христианская доброта сердца. Талантом нельзя снабжать людей; однако возможно создать такие правовые и экономические условия, при которых бездарный предприниматель будет сам выключаться из хозяйства. Чувство справедливости нельзя ввести законом, но его должно воспитывать и контрольно карать всякую явную несправедливость (введение *особой социальной ответственности*, слабые начатки которой мы видели в фабричной инспекции²¹⁴). И доброту нельзя предписать; но ее надо укреплять и воспитанием и организацией общественного мнения.

* * *

Социальность или социализм?

Эти два понятия отнюдь не совпадают. «Социальность» – это живая справедливость и живое братство людей; и потому всякое установление, всякий порядок, всякий закон, от которых жизнь становится справедливее и братство крепнет, – «социальны». Понятно, что первое условие «социальности» – это бережное отношение к *человеческой личности*: к ее *достоинству*, к ее *свободе*. Порабощение и унижение человека исключает «социальность», ибо социальность есть *состояние духа* и порядок *духовной жизни*; говорить о социальности унижая

человека, делая его рабом – нелепо и лицемерно. Сытые холопы остаются холопами; роскошно одетые и в комфорте живущие рабы не перестают быть рабами и становятся тупыми, развратными и самодовольными рабами. Режим угроз, страха, доносов, шпионажа, лести и лжи никогда не будет социален, несмотря ни на какую возможную «сытость». Человеку нужны, прежде всего, – *достоинство* и *свобода*; свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества. Только достойный и свободный человек может осуществить живую справедливость и живое братство. Рабы и тираны всегда будут хотеть другого и проводить в жизнь обратное.

Это коварный обман: обещать людям под именем «социализма» справедливость и братство, и потом отнять у них достоинство, свободу, способность к братству и путь к справедливости. Именно так поступили в наше время социалисты (в их коммунистическом обличьи), и они могут быть уверены, что человечество никогда не забудет им этого.

Итак, «социальность» есть *цель* и *задача* государственного строя, создаваемого, по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». «Социализм» же есть только *один из способов*, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи. «Социальность» нужна при всяких условиях; а «социализм» – *только при том условии, если он действительно осуществляет «социальность»*.

«Социальность» завещана нам Евангелием, как любовь к ближнему, основанная на любви к Богу; но о социализме в Евангелии нет ни слова, ибо раздача личного имущества и нестяжательность²¹⁵, как высшая ступень христианской добродетели, – не имеет ничего общего с социализмом. Социализм не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства; он ищет коллективного обогащения и для этого создает личное нищенство для всех; он сулит всем равное потребительное богатство – и обманывает.

Первые христиане попытались достигнуть «социальности» посредством своего рода добровольной складчины и жертвенно распределительной общности имущества; но они скоро убедились в том, что и такая элементарная форма непринудительной, негосударственной имущественной общности – наталкивается у людей на недостаток самоотречения, взаимного доверия, правдивости и честности. В Деяниях Апостольских (4, 34–37; 5, 1–11) эта неудача описывается с великим объективизмом и потрясающей простотой: участники складчины, расставаясь со своим имуществом и беднея, начали скрывать свое состояние и лгать, последовали тягостные объяснения с обличениями и даже со смертными исходами...; жертва не удавалась, богатые беднели, а бедные не обеспечивались; и этот способ осуществления христианской «социальности» был оставлен, как хозяйственно несостоятельный, а религиозно-нравственно – неудавшийся. Ни идеализировать его, ни возрождать его в государственном масштабе нам не приходится.

Общность имущества вообще есть дело претрудное и требующее легкой и свободной добровольности. Но именно *добровольную общность не следует* смешивать ни с социализмом, ни с коммунизмом (как делают анархисты-коммунисты).

Неразделенный крестьянский двор, где ссорятся две-три семьи, – не есть образчик социализма. Добровольную общность *части* имущества мы наблюдаем в артели, в ученом обществе, у студенческой организации, у скаутов²¹⁶, у Соколов²¹⁷, в кооперативе, в акционерной компании и т. д. Во всем этом нет никакого социализма, ибо это есть общность добровольная, не отменяющая частную собственность и могущая быть прекращенною. Социализм же *принудителен, окончателен, бессрочен и враждебен частной собственности*.

Элемент социализма имелся в русской крестьянской общине, государственно-принудительной, бессрочной и ог-

раничивающей свободное распоряжение землей. Община казалась целесообразной и «социальной» потому, что связанные ею крестьяне старались преодолеть ее отрицательные стороны справедливым распределением пользующейся земли и несомого бремени (передель по едокам и круговая порука). Но на деле это повело к аграрному перенаселению в общине и во всей стране, к экстенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, к стеснению и подавлению личной хозяйственной инициативы, к аграрным иллюзиям в мало-земельной крестьянской среде и потому к нарастанию революционных настроений в стране; ибо замаринованные в общине крестьяне воображали, будто в России имеется неисчерпаемый запас удобной земли, который надо только взять и распределить, – тогда как осуществившийся в начале революции «черный передел» дал им на самом деле прирезок *в две пятых одной десятины на душу* (чтобы затем отнять у них и все остальное).

История показывает, что с социализмом всегда связывались всевозможные иллюзии и самые необоснованные надежды. Наша эпоха призвана разрушить эти иллюзии, погасить эти надежды.

Разъединенные телом и душой, духом и инстинктом самосохранения, – люди способны выносить общность имущества лишь постольку, поскольку им удастся преодолеть это разъединение любовью, дружбой, совестью, щедростью, личным благоволением, духом, внутренней дисциплиной и, главное, добровольным согласием.

При всяких иных условиях общность имущества будет вести только к разочарованию, вражде, насилию, воровству и хозяйственным неудачам. Она будет создавать каторжный, тоталитарный режим, всеобщее рабство и падение культуры. Современному человечеству, захваченному социалистическими иллюзиями, придется все это изживать до протрезвления.

32. Божий муравей²¹⁸

Тост

Дорогие друзья!

До чего же славно, до чего отраднo встретить в жизни праведного, открытого человека! Сразу же ощущаешь себя так, словно в зыбком мареве быта, где все так лживо и лицемерно, так уклончиво и двулично, наткнешься вдруг на прочную скалу, на остров обетованный, на твердый грунт... Такой человек – это характер, исходный пункт, силовой центр, совершенно независимо от того, знает он сам себе цену, и знают ли ему цену другие. Потому что *быть* и *цениться* далеко не одно и то же. Пустых болтунов и превозносят, и поднимают на щит, а благородные молчаливники проходят по жизни незамеченными. Более того, люди закулисно договариваются способствовать друг другу в мнимой прибавочной стоимости и – не безуспешно. А мы, смертные, близорукие и беспомощные, ни вкуса не имеем, чтобы признать поистине полноценное, ни мужества, чтобы отстоять до конца признанное нами же... Вот почему мы нередко проходим мимо настоящего, позволяя фальшивомонетчикам дурачить себя...

Однако истинная стоимость этих прямодушных, праведных и верных не уменьшается от этого. Слепец падает в яму, а прямая дорога ведет в верном направлении. Мнимая величина радуется своему мнимому успеху, а непризнанные или неоцененные остаются истинными носителями жизненных тягот, верными слугами человеческой совести, ткачами Божией ткани.

Но среди них есть на удивление простые и скромные люди. Без особого дара к блеску, без броской творческой мощи, без всяких претензий, тихо и честно, с сокровенным источником любви в себе, следуют они всю свою жизнь своему долгу, как если бы сами они, во всей своей неприметности и обыденности, ничего не значили, а только бы шли прямым, извест-

ным только им, *единственно возможным путем...* Только бы своим тихим упорством противостояли они всему лживому и двусмысленному, только бы первыми, молча, поддерживали других, страждущих под тяжким бременем будней...

...Откуда же черпают они, эти непризнанные и недооцененные, силу свою и веру?.. Откуда в них это тихое смирение и это самозабвенное терпение?.. Все – от жен их, которые обслуживают, оберегают, спасают их семейный очаг, прощая многое своим мужьям, все лучшее предоставляя детям, готовые и жизнь отдать, и счастье, если они вдруг заболеют?.. Все – от мужчин, которые умеют остаться верными в горе, отречься от карьеры по службе, пренебречь кривой дорогой к легкому успеху; отказаться от размена жизни фальшивой монетой, утопить свое тщеславие в негромком пафосе деяний; все – от неподкупных средних служителей, политиков, связанных партийными узами, храбрых воителей на поле брани?.. Все – от них, которые без чванства и гордыни осторожно несут свою вахту; все от тех, чье нравственное величие неброско; кто прочно проводит борозду жизни на пашне Всевышнего; кто почерпает свои силы из Его таинственного источника?.. Все – от них, кто в годину тяжелых испытаний народных и великих бед для государства оказывается храбрейшим из храбрых?..

Все – от них, этих Божьих муравьев!..

Стоишь в один из теплых, тихих летних вечеров в лесу у мощного муравейника и смотришь восхищенно на живость этих маленьких чудо-созданий. Сначала замечаешь только общую суматоху, в которой человеку непросто разобраться, но муравьи ориентируются прекрасно. Здесь труд кипит, и все – целесообразно. Останавливаешь взор свой на одном из них и следишь за ходом его действий. Вот он схватил большой сучок, и так и сяк его вертит, а справиться не может; что ж, надо воззвать за помощью к ближнему, пощекотав его чуть-чуть своими усиками; тот мигом все сообразил и кинулся на под-

могу. А тут и третий подскочил, и тройка с грузом исчезла в «воротах» здания... И как тут удержаться, чтобы, краснея от стыда, не шевельнуть слегка муравейник?.. Как сумасшедшие, бегут тогда и суетятся муравьи, брызгая на обидчика кислотой... Все быстро водружается на место, все убрано... А ты, смущенный, тронутый всем этим, идешь домой с таким чувством, что обидел родное существо; а придя – откроешь книгу о муравьях, прочитаешь об этом сообществе недолговечных храбрых созданий, да и поблагодаришь Всевышнего за это поучительное зрелище...

Позвольте же мне в нашем тесном кругу, собравшемся, чтобы обсудить новые формы жизни в грядущем, поднять бокал бургундского за этих молчаливых носителей жизненных тягот, за этих верных слугителей человеческой совести, за этих скромных, обыкновенных Божьих муравьев, за то, чтобы им открылось однажды, *чем* они муравьи, *чью* службу они несут, *чего* они стоят, *что* они могут и *что* им еще предстоит...

**ПОЭМА,
ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ,
СТИХИ, МИСТИФИКАЦИИ,
ЭПИГРАММЫ**

**НАШЕ ЖИЛИЩЕ
ИЛИ
БЫТ И БЫТИЕ ИЗГНАННИКОВ**

Поэма²¹⁹

1939, февраль-апрель
Цолликон.

Вступление

Каждый будь доволен тем,
Что дано ему от Бога,
И не спрашивай, зачем
Ему послано немного...
Благодарно принимай
И хвалебно воспевай!...
    Так учил мудрец Конфуций,
    Жизнь прожив в хламиде куцой,
    И – юродивый Дидим²²⁰,
    Что ходил совсем нагим...
В угождение юроду,
В поучение народу
Захотел теперь и я, –
О, далекие друзья, –
От плененья спасти душу,
Прошед море, аки сушу,

Отклонивши то, что низко,
Наступив на василиска²²¹
(Такова судьба моя!...)
И отсрочивши кладбище –
Восхвалить мое жилище,
Что послал мне средь дорог
Своей благостию Бог...

А жилищем я доволен,
Ибо я в нем думать волен,
Думать сердцем, и любить
И, помыслив, говорить,
Как Бог на душу положит
И как совесть мне поможет,
Против дела сатаны,
Верен чести и Предмету
И премудрому совету
Богом данной мне жены...

Дом

Городишко – как село,
А село – как городишко...
Вот куда нас занесло,
Где живем мы без излишка,
И, по нашим по грехам,
Едим хлебушко «грахам»²²²
А живем мы очень тихо
И с монетой – ой, нелихо!
И подчас настолько тесно,
Что едим довольно пресно...
Но и это не беда!
А квартира – хоть куда...
Правда, дом наш – без фасаду:
Во все стороны – по заду...

И, как с улицы идти –
Так фасада не найти:
Три окошечка подряд,
Ватер смотрит – значит «зад»...
Тут же ванна, кухня, дверь,
Куда ходит всякий зверь:
И жилец, и поставщик,
И «хаузирер»²²³, видом дик,
Двадцать раз тревожит в день,
Предлагая дребедень...
А за домом – тесный сад
И совсем уж не фасад:
Тут столбы в земле стоят;
Тут из четырех домов
Пыль летит к нам от ковров;
И дружитья надо днями
Нам с чужими простынями;
Тут рубашек стройный вид
Рукавами вниз висит;
И так часто видим мы
Прелесть мокрой пижамы...
И, притом, нам видно это
Из окошка кабинета,
Ибо кругозор наш – сер
И не выше, чем партер
Или полубельэтаж...
Ну, под нами есть гараж,
Есть еще и мастерская...
Прачек шум, водой играя,
Шлет нам пар из-под земли,
Чтобы мы чихать могли...
И еще одна препона:
Дом построен из бетона,

А бетон-то (вот беда!) –
И для шума, и для тона
Препрозрачная среда...
Все, что в доме ни случится,
Все в пещеру к нам сочится:
Дверью хлопнул некий фрукт,
Поставщик принес продукт,
Иль – на лестнице беседа
(Ибо житель наш неглуп
И ему – повсюду клуб...),
Или пенье у соседа,
Хитлер два часа орет²²⁴,
Иль ребенок заревет,
Иль над нами злая сила
Что-то на пол уронила,
Иль, исполнив долг природы,
Кто-то спустит многи воды... –
Все как беспокойный дух
Оскорбляет нам наш слух!..
Что поделать? Все же в общем –
Мы не ропщем! Мы не ропщем!
Мы ведь все же не бездомны,
И укрыты, и укромны...
Это все я докажу,
Как квартиру покажу...

Передняя

Лишь в переднюю войдешь, –
Тумбу белую найдешь:
Это ледник, – но беда! –
Для него не купишь льда,
А стоит в нем, в затемненьи
Наше старое варенье...

Но, салфеточкой покрыт,
Открывает *вдаль* он вид:
Вид на древний русский храм,
Что писал художник сам,
Посетивший те углы
Во селении Малы,
От Изборска недалёко...
Усладителен для ока
Храм, уснувший на заре
Утром рано в ноябре,
Как, в досуг от школьных дел,
Макаровский²²⁵ его зрел...
Он зовет нас всех к обедне...
И царит над всей передней.
    А в жилище, иль в квартире –
    Комнаты всего четыре,
    Кухня, ванна и клозет
    (По-немецки – «туалет»...)
    Но дано нам света в меру
    И, жилище обойдя
    И на небо поглядя,
    Всякий вспомнит про пещеру...

Кухня

Из передней сразу влево –
Закоулок кухни. Дева
Здесь швейцарская должна б
Или кулинарный раб
Нам варить туземну пищу
На потребу полунищу.
Но, увы! – Строга к нам парка²²⁶
И сама мадам – кухарка...
Судомойный же изьян
Восполняет (небу жарко!..)

Бывый «Проф. Ильин Иван», –
Ныне кухонный мужик,
Что смирением велик...
Значит: сальная посуда,
Все стаканы, плошки, блюда,
И помойное ведро,
И кастрюльное ядро, –
Все здесь брызжет, все здесь трется,
Оттирается, скребется,
Все здесь моет каждый день
Моя ропщущая лень...²²⁷

Но, увы, наш дом без плана –
И при кухне нет чулана...
Видно, так уж быть должно:
Все суется нами рьяно
В плоский ящик за окно...
А в ответ ползет оттуда
К нам гриппозная простуда,
Отчего, узнайте прямо,
И хворала моя дама...

«Туалет»

Из передней – «туалет»...
Тут для танцев места нет,
Посещение не людно
И удобства – одно судно.
И, уж если кто вошел –
То садится на «престол».
С вентиляцией же скудно...
Кто-то волю дал греху:
Где-то там, совсем вверху,
Снизу призраком видна,
Зрится щелочка окна...

Как откроешь – не закроешь,
Но от ужаса завоеешь:
Ибо хладный воздух, вот,
Вмиг зальет тебе хребет –
Образуется «люмбаго²²⁸»,
Ходишь, скрючен, как навага,
Ноет стан и рвет плечо...
От припарок горячо...
Вообще миллион терзаний
И тогда – не до дерзаний...
Если же окно закрыть,
То не знаешь, как и жить –
Ибо где забыта мера,
Там бывает ат-мос-фе-ра!..

Ванная

Дальше – ванна: тоже тесно,
Что поставишь – неуместно...
В ванну дует из окна...
И когда купаться будешь,
Занавеску же забудешь,
То снаружи – среди стужи –
(И подумать страшно вчуже!)
Вся фигура всем видна...
И, ужасное устройство! –
Душ имеет злое свойство:
Он устроен как кишка,
Змеевидная пока,
А потом – с раструбом брызг,
Чтобы мокнуть сразу вдрызг...
Только пустишь воду в душ,
Змей становится как муж:

Прям, надут и энергичен,
И довольно неприличен,
Начинает трепетать,
Содрогаться и журчать,
Рвется прямо вон из рук,
Причиняя злой испуг...
А из самого раструба –
(Ну, кому же это любо?!)
Не вода стремится впрок –
Хладный воздух льет свой ток!..
Тут такой бывает страх,
Что не знаешь впопыхах,
Как прикончить это действие,
Душе-водное злодейство...
Кроме змея в ванной, вот,
Бойлер газовый живет:
Не без воя, не без храпа,
С водо-пьяным животом,
В виде беленького шкапа...
Малым огненным глазком
Он глядит на человека,
Обещая от беды
Ток пылающей воды...
Ах, не верь ему! – Калека
Обещанье может дать,
Но сумеет ли сдержать?!
От воды его – нам жестко,
А в душе его – известка
Оседала, как навоз,
И устроила склероз,
Преждевременный, конечно,
Но едва ли не навечно...
Словом, не водоснабженье,
А тревога и мученье...

Опочивальня

Ну, теперь мы дверью средней,
(Продолжая из передней!)
Продвигаясь все вперед,
Но блюда всегда черед, –
Попадаем в угол дальний:
К нам (прошу) в опочивальню!
Здесь повсюду простота
И, признаться, – теснота...
Строгость скудных, скромных линий...
И царит оттенок синий.
Два «удобства» содержа,
Тумба делит две кровати;
И на дальней, как моржа,
Спит, уставши от проклятий,
Позабыв свою «мигрень»,
Что томит его весь день, –
Сам поэт, в виденьях сна...
А на ближней – тихим вздохом
Под зеленым пледа мохом
Спит и грезит, чуть видна,
Утомленная Она:
Нимфа, муза и агура²²⁹,
И Хранитель, и Цензура,
Разделительница бед
И премудрый мне совет.
Что ей снится, когда спится?
Где живет ее мечта?
А когда без сна ложится,
Чем предметно занята?
Неизвестно! Все молчит...
Только утром из-под пледа
(Это видно от соседа...)

((И какой прелестный вид!..)) –
Кончик ножки чуть глядит...
А над ними – Ангел строгий,
Сон лелея их убогий,
Осенья их крылом,
Ограждает весь их дом...
Вот домашний эскулапик
На стене повесил шкапик:
Капли, бром и валерьян,
И про все, про всяк изъян –
И от нервов, и от барства
Всевозможные лекарства...
(Что она – не признает,
Он же пьет, как идиот...)
На комоде пустяки
(Щетки, шпильки, пузырьки).
И еще два гардероба
(Для одежды их утроба...)
А меж ними, на стене
(Так висит, что видно мне),
К путешествию взывая,
И мечтою утешая, –
Сновидений наших страж,
Славный Хоббемы²³⁰ пейзаж:
В даль, нам данную от Бога,
Уходящая дорога...
А у двери пылесос,
Что пылит при чистке в нос...
Да со шкапа, как оконце,
Электрическое солнце
Молчаливо, день и ночь,
Отвернувшись смотрит прочь.
Но всего не скажешь, нет!
Ожидает кабинет.

Кабинет

Три гнезда могучих – вот! –
Свой расставили живот,
Предлагая свои чресла
Для сиденья в коже кресла,
Чтоб раскинуться рукой
И найти себе покой...
А под нами наш ковер
Свой рисунок распростер
И лежит среди дороги,
Всем гостям лаская ноги...
Посредине ж гордо встал
Красный дерева овал,
И на нем по вечерам –
В свет и в радость, всем, и нам,
Старый черный граммофон
Издает певучий тон –
Вертит черные пластинки,
Где на каждой (в знак картинки)
Глупый пес, поднявши нос,
Задаёт живой вопрос,
Ничего не понимая,
Что за штука здесь такая:
Голос барина слышать,
Самого же не видеть?!...²³¹
    Вот и мы, как этот пес,
    Приподнявши кверху нос,
    Внемлем гласу глубины
    И ее приемлем сны...
А над этим – тихий вид²³²:
В белой рамочке висит
Песня, вмятая во сне
Непроснувшейся весне.

Тишь безлюдья, нежность девья,
Желто-зрачною листвою
В темный пруд глядят деревья,
Повторяя в нем свой строй.
Гаснет в небе луч вечерний.
И в молчании лесном
Ход весны, от века древний,
Мыслит Бога древним сном...

    Это – Нестеров, колдун,
    Русской прелести ведун,
    Дал сие обетованье
    Нам на долгое прощанье.

    Рядом с ним течет Ока²³³,
    И над нею – облака,
    И простор равнины русской
    Обозначен лентой узкой
    Убегающих холмов...
    И душе не надо слов,
    Чтоб разверзлись ее взоры
    На родимые просторы...
    И еще пройдут века,
    А Ока и облака
    Будут так же петь Россию
    И всерусскую стихию,
    Как Бакшеев, старец милый,
    Нам воспел родные силы...

Вот в углу большущий шкаф:
Книги в нем, от чуждых лап
Приукрыты темнотою,
Спят, довольны теснотою...
А потом – пространства щелка –
И удобно держит полка
(Прямо – ощупью бери,
Коли нужно!) – словари.

Под окном дубовый стол,
Весь заставленный вещами,
Весь заваленный листьями,
Освещенный под углом
С двух сторон большим окном,
Производит в море зол
Мой писательский глагол...
Над столом сияет свет²³⁴:
То художником отменным,
Умным, зорким, вдохновенным
Акварельный гимн пропет.
Посмотри – в час летних грёз
«Вздохов мост» свой вздох вознес,
И Венеции старинной,
(Где всегда страдал невинный!),
Темный угол озарен,
Возвеличен и прощен:
Все, что было рокового,
Все, что здесь и вздох, и стон –
Тайна казни, сумрак злого –
Божий луч простил и снял!
Улетела скорбь былого...
Свет всю тень в себя вобрал...
И от неба голубого
Взголубел прямой канал!..
    А под ним – тиха, мудра²³⁵,
    Горних ангелов сестра,
    Фолиант свой приоткрыла
    Велемощная сивилла,
    Целомудренная мать,
    И грядет благая сила,
    Чтобы Божью благодать
    Людям грешным преподать!..

А направо от стола,
За стеной, где уже мгла,
Смотрит клавишами вдаль
Черный Блютнера²³⁶ рояль,
Предлагая в краткий срок
Утешения поток...
Полевее – книги, ноты,
Сладкий мед блюдут, как соты...
И на шкафчике букет
Из колосьев златотканых
Молча свой хранит привет
Для незваных и для званых...
    Над роялем, на стене²³⁷,
    Видный даже при луне,
    Женский лик Ее портрета
    Как бы требует ответа,
    Вопрошая строго вас
    Вдохновенным взором глаз,
    Где издревле, от начала,
    Мысли долгие храня,
    Целомудренно молчало
    Пламя тайного огня...
Под портретом, полевее²³⁸,
В робком вздохе духом млея,
Тихой святостью велик,
Зрится некий женский лик:
То стыдливость невзиранья,
То прозревшее страданье,
То мелодии молчанье,
То мелодия *сама*:
Все смирилось, все простилось,
Все забыто, что явилось,
Ибо в духе ей открылось
Тайнозрение ума:

Сил таинственных виденье,
Красоты проникновенье,
Для которой жизнь – тюрьма...
Так Маттео ди Джованни,
Из Сиены мастер ранний,
В озаренный некий миг
Сущность святости постиг...
А правей – еще портрет²³⁹.
Вот он – русский наш поэт,
Ключ текущих песнопений,
Мастер ритма и прозрений,
Кем родной гордится край...
Словом – Метнер Николай!
В созерцании глубоко,
Вдаль уставясь мудрым оком,
Складку мысли чуть-чуть двинув
И назад слегка откинув
Темнокудрую главу,
Внемлет как бы наяву
Гласу Божией росы...
И подъемлются власы,
Вдохновением гонимы,
И персты, в портрете зримы,
Чуя звуковой узор,
Уже ищут перебор...
Миг один – и даль видна...
И, духовно рождена,
Запоет чудесно тема
И раскроется поэма...
А повыше – Коллеоне²⁴⁰,
Славный вождь во время оно,
Грозно латами звеня,
Натянул бразды коня...

Он и конь – вдвоем одно
Судьбоносное вино,
И одной держимы страстью
Дышат трепетною властью...
Так Вероккио могучий,
Чернь постигнув до конца,
Пригрозил ей грозной тучей,
Суд творящей от Творца...
    Вот коричневая рама²⁴¹
    Потрясает зраком нас
    Первозданного Адама
    В пробужденья утлый час...
Все в нем робко, изумленно,
Все полно небытия
И несет его земля
Тихо, сумрачно и сонно,
Как над бездною ладья...
Но к тому, что дремлет косо,
Вот – от века на века
Протянулась живоносно
Божья дивная рука...
И к таинственной отчизне
Призывая рабский вид,
Искру пламени и жизни
Перст спасительный струит!..
    Се, Творец мой и Зиждитель,
    Ход Твоих великих дел
    Сам почти что неба житель,
    Микель Анджело узрел...
А еще немного выше²⁴²,
Между дверью и крышей,
Как молиться станем мы –
Узрим «Спаса из тюрьмы»...

Я обрел его когда-то,
В третий раз быв заключен
И случайно приведен
От бутырского солдата
В камеру, где накануне
Два святителя земли,
Осужденны бывши втуне
В миг последний вознесли
Пред иконой, в подкрепление,
Исповедное моление...
Мне Никандр, Епископ Вятский²⁴³
Разрешил любовью братской
Взять икону навсегда...
И с тех пор, когда беда
Угрожает мне ловитвой²⁴⁴,
Я горячею молитвой
Пред иконою молюсь
И спокоен становлюсь...
    А пониже, под Адамом²⁴⁵,
    Над зеленым креслом самым
    (Тут же рядом – телефон
    Издает болтливый звон!) –
    Некий Петр, святой Молчальник²⁴⁶
    (Людям замкнутым начальник);
    Приложивши перст к устам,
    Он велит болтливым нам
    Празднословия чуждаться
    И молчанью предаваться...
    А прескорбный его взор
    Произносит приговор...
    Такова сия заплата
    На язык от Фра Беато –
    Телефонщикам, гостям,
    И поэтам, и всем нам,
    Чтоб того не говорили,

Что в душе не доварили!..
Вот и кончен кабинет..
И как будто его нет..

Столовая

А теперь – черда другая:
Дверь стеклянно-раздвижная,
Открываясь в разлет,
Нас в столовую ведет.
В этой комнате премалой
Цвет царит золотой и алый:
Посредине с потолка
Золотого колпака
Полушарие висит
И вечерний свет хранит;
Кресло алое стоит;
Скатерть алая видна,
Занавеска у окна
(То есть – у балконной двери,
Застекленной в должной мере);
Алый цвет закрыл весь пол
И в обои себя вплел..
Алым шелком угол скрыт
И на полке здесь стоит
Аналоем у амвона
Наша чудная икона:
Божья Матерь Умиленья
Для усердного моления..
Свыше лет двухсот назад
Живописец, оком свят,
Вдохновившись здесь и там
По древнейшим образцам,

Написал сию икону
Алым светом по златому,
Так, что где она стоит,
Там и алый цвет царит...
Описать икону эту
Слабосильному поэту
Невозможно: светел зрак,
А слова – как древний мрак,
Не способны петь ко свету; –
И уходит слабый звук
В целомудренный испуг...
Благость, святость, тишина
И блаженное прощенье,
И любовь душе дана,
И струится умиление:
Гимн хвалы душа поет,
А лампада свет лиёт...
    А внизу, слегка во мраке,
    Из неизвестной дали
    Тихий вздох подьемлют злаки
    И колосья от земли...
На кустарной полке рядом –
Утешенье русским взглядам:
Изо Пскова мастерство –
Полотенце водопадом –
Кружев русских торжество...
И над ним – травинки рядом:
Память ласковой души –
Из Изборска камыши.
    А повыше полки той²⁴⁷
    В рамке тускло-золотой
    Нежным светом озарен
    Храм изборский вознесен...

Утро, раннею весною.
Солнце светит, но без зною.
И земля в ответ и в дар
Воссылает тонкий пар
Нежно-зрачной пеленою...
На распутии, не в ряд
Избы русские стоят;
И деревья, как сквозь сон,
Чуть желтеют из пелен...
А за ними, но повыше
В изумрудно-светлой крыше,
Окруженный неба славой,
Голубеет одноглавый
Православный русский храм:
Откровенье – простотою,
Сновиденье – красотою,
Он сияет лаской нам,
Как наследие веков,
Уцелевшее поныне,
А грядущего пустыне –
И обет, и гимн, и зов...
    Это – вздох самой России,
    Как вздыхала от Батя,я,
    Во смирении сильна,
    Всеомолитвенно она...
А подслушал вздох сей древний
(Что – чем глубже, тем безгневней...) –
Мастер с нежною душой,
Созерцанием живой,
Усладившись тишиною
И «Грядущею Весною»²⁴⁸,
Разыскатель Херувимов –
Друг и брат, Евгений Климов... –
Вот буфетик – кверху длинный
И посуда синей глины

Веселит его извне...
А на узенькой стене
Украшением висит
Небольшой и круглый щит:
В синий бархат здесь упали
Три серебряных медали –
И, резцом и оком лих,
Тонкий мастер сделал их;
И от нашего Кремля
Зрится русская земля!
Спасских Врат священный вид;
Грозно Пушка-Царь глядит;
И, живой глагол преданья, –
Сам Царь-Колокол лежит:
Символ вечного молчанья,
Любозвонности церковной
И неистовости кровной...
И, еще последний штрих:
На стене, повыше их,
В тонких линиях бесспорна,
В инкрустации узорна,
Тихой грации полна,
Вознеслася всем видна
Ваза малая из древа, –
Память града Сараево...
Вот и все, как мне сдается...
И теперь нам остается –

Горница

Комната Ее самой,
Или женственный покой...
Из передней – сразу вправо –
(Дверь на дверь прет... Стой! Застава...)

Виден сад и небосклон
И царит лиловый тон...
На закат... Лучом пылая,
Нам показывает он
Лик Святого Николая,
Что, иконой вознесен,
Из угла глядит престрого
На людей, забывших Бога...
Посреди воздвигнут стол, –
На изящных ножках в пол
Упирается игриво
И украшен прихотливо –
(Стиль какого там «Луи»? –
Мысли спутали мои...)

Сувениры, мемуары
Русские пенаты, лары,
Вазы, травы и картины,
Гобелены, книги, глины,
Фотографии, часы –
Все, что нужно для красоты...
И огромный книжный шкаф...
Я его, как древле раб,
Полировкой докучной
Обновил порою скучной,
И теперь, принявши вид,
Он, как новый, весь блестит.
А в углу стоит трюмо!
Я (без всякого бон-мо!²⁴⁹)
Подойду к нему прегордо –
И видна моя трюморда...

Нету кресла! Но диван
Для сидения нам дан,
Для семейного совета
И для чтений из поэта...
А лежать на нем нельзя –
Слишком узкая стезя...

А вокруг?.. Но все в черед
Описание найдет...

Вот две жрицы, две менады²⁵⁰,
Чтоб приветствовать зарю,
Для заклятия и страды
Ведут жертву к алтарю...
В вихрем веющих одеждах
И с огнем в подъятых веждах...
Подземелье, как тюрьма,
И вокруг ночная тьма...
И одна ведет и светит
И перстом в пространство метит,
Судьбоносна, и гонима,
И лицом неумолима...
А другая, отставая,
С состраданием взирая,
И ведет – и не ведет –
И рукою медлит ход...
В быстром беге тяжкий бык
Головой к земле приник,
Он смотреть боится вдаль...
И в лице его печаль...
Ибо чует он, что смерть
Его жизнь готова стерть,
Что мгновение – и вновь
На алтарь прольется кровь.

И что, видно, его, жертву,
Отдадут Всевышним мертву...
Вот священная глава²⁵¹,
Уцелевшая едва
От течения времен
И погибели племен...
Это – Фурия отмщенья,
Внемля воле Провиденья,
Все – от места и до места –
Долго гнавшая Ореста²⁵²...
(Что решился покарать
За отца родную мать
И сыновним изволеньем
И кровавым преступленьем
Матереубийцей стать...)
Но несчастная душа,
Верой пламенной дыша,
Принята была – за пламя –
От Афины в светлом храме...
И у храма на ступени
Под покровом Божьей тени
В фуриозном утомленьи
Она пала, вняв закон,
И владеет ею сон...
И, обычно взором дик,
Умирился грозный лик...
И забыто мщенье злое...
И черты полны покоя...
Но от пота и росы
В пряди слиплися власы...

Посмотри – черты портрета²⁵³
Величайшего поэта,
Как Кипренский его зрел
И каким его воспел...

Пушкин – радость совершенства,
Пушкин – русское главенство,
Русской славы плеск и звон!
Мудрость зренья, зоркость чувства,
Сердце русского искусства,
Духа русского амвон!
    Пламя Божье, – вздох народный, –
    Вдохновенный, страстный ум,
    Светоносный, плодородный,
    Зачинатель наших дум...
Ты, великий и свободный,
Свергший атеизма ложь, –
Ты Россию поведешь!..

Где-то в парке, утром рано²⁵⁴,
У забытого пруда
Под завесою тумана
Все исчезло без следа...
    Очевидность в мире этом
    Не дается не-поэтам...
    Осень строгая была,
    И душе – слепой и брэнной –
    Насладиться сокровенной
    Красотою не дала...
    Но душе, могучей оком,
    В подчинении высоком
    Вся природа состоит:
    Ей открыт сокрытый вид,
    Ей издревле по вся дни
    Мир таинственный сродни...
И пришел художник властный,
Восхотел увидеть ясно
То, чем мир глубок и тих,
И что скрыто от других...

И на зов его прихода
Вдруг подвинулась природа,
Поползли тумана сны,
И свернулись пелены...
    И за ними, из-за них,
    В час осенний грустно-тих,
    Развернулся пруд, как око,
    В отражениях глубоко,
    И деревьев тихий строй,
    Что брегут его покой
    Стражей верною у берега
    От воздушного набега... –
Мир раскрылся, пал обман,
И «Ушел, ушел туман»...
    Так наш друг, Сергей Антонов,
    Мастер леса, снега, звонов,
    Мастер солнечного света,
    С ликом римского поэта, –
    В созерцаньи Божьих дел
    Символ собственный обрел!..

Видишь ли – челом склоненный,
Покаяньем умиленный²⁵⁵,
Девий лик молчит в стыде?
То в падении, в беде
Зрак, когда-то исступленный,
Встретил дивный свет очей,
Свет любви, прощенья, зова –
И упала мгла покрова,
И погас соблазн ночей...
    И, соблазна ткани свергнув
    И к стопам Его повергнув
    Все – себя, любовь и стон,
    Стон отчаянья, надежды, –

Ибо все простил ей Он, –
Обновленные одежды
Обрела она в слезах,
И навек поникли вежды...
А священный некий страх
Сжег бывшее исступленье,
Грех, и блуд, и посрамленье...
И омыло мвро²⁵⁶ прах
С ног священных от дороги,
И волосы отерли ноги...
И осталось лишь в чертах
То, чем вечно святы дети, –
Простота и чистота, –
Что дало ей зрак²⁵⁷ узрети
В ночь воскресшего Христа!..²⁵⁸
Так постигнул милость Божью
Дух, не ослепленный ложью,
Дух великий – тайны барда,
Боговидца Леонардо...

Когда позднею весною²⁵⁹
Голубеет неба сон
И березой, и сосною
Воздух легкий упоен;
Когда солнце негу лени
В душу нежную лиёт
И расплывчатые тени
Лес навстречу нам несет, –
Тогда пруд, в лесу укрытый, –
Спит в тиши, или не спит, –
Но, молчанием повитый,
Тайну важную хранит...
И почуять тайну эту
Упоительно дано

Лишь художнику-поэту,
В чьей душе незримо дно...
Он посмотрит – и увидит,
И покажет верно нам,
Ибо тайну не обидит
Тот, кто к тайне близок сам.
О, Бакшеев, мастер нежный,
Жрец, с главою белоснежной!
О тебе – нам глубь ясна!
И Россия! И весна!

Да, он пойман, побежден²⁶⁰
И пощады просит он...
Он – уродливый кентавр,
Телом конь, брадою мавр, –
Человек – нечеловек –
Но закончен его бег!
И напрасно руки белы
Держат лук, колчан и стрелы...
И бессильны мощны ноги,
Когда гонят зверя боги...
Ибо зверь пред богом слаб
И от века ему раб...
Возмущение напрасно
И восстание опасно...
Чрез моря, леса, пустыни
Быстр и верен лёт богини:
В тканях светлых, налегке,
Но с секирою в руке.
Догнала его Паллада –
И казнить его ей надо...
Но умилен ее лик
И прощением велик:
Нет суровости строжайшей,

Но десницею легчайшей
Жестом девственной красы
Захватив его власы,
Она судит его взором
И казнит его укором...
И животное начало,
Повинуясь, кротким стало,
И прощенья молит вслух...
И победу правит дух...
То, что мы сейчас узрели, –
Создал Сандро Боттичелли²⁶¹,
В час, когда пришла беда
Во Флоренцию когда-то,
Звавший к брату милость брата,
Вместо грозного суда,
И нашедший здесь дорогу
К всепрощающему Богу...

Ну, еще последний вид²⁶² –
И Господь меня простит...
В темной бронзе лиловея
И мечтой старинной вея,
Некий старый гобелен
К нам попал в почетный плен,
И висит красой беспечной,
Тайный символ жизни вечной...

На востоке, – где, не знаю, –
Было древле место раю.
Рай был чуден и блажен
И твореньем совершен...
В сокровенной чаше сада,
Среди листьев винограда,
До греха и до паденья
Был поставлен во спасенье

На высокий пьедестал
Богом созданный фиал...
Заключенный в нем напиток
Содержал в себе избыток
Вечной жизни и любви.
Но напитку приобщиться
И струей его упиться,
Чтоб огонь его в крови
Вечным током начал литься,
Мог лишь тот, кто вдохновенно
Воспарил над тем, что тленно,
И, взлетев как некий бог
Над основой пьедестала,
До священного фиала
Досягнуть главою мог...
    А в раю, средь Божьей твари,
    Создававшейся по паре, –
    Окружен великой славой, –
    Жил павлин, с своею павой...
    Птица некой скрытой власти,
    Дерзновенной красоты,
    Солнца, воздуха и страсти,
    Затмевавшая цветы...
И однажды, в час лобзаний
И полуденных дерзаний,
Насмотревшись в солнца зрак
И свершив свой дивный брак,
Надышавшись духом кринов²⁶³,
Поднялась чета павлинов
Выше персти, выше тли²⁶⁴,
И воздыбившись к фиалу,
К заповедному кристаллу
Райски созданной земли, –
Упилась самозабвенно,

Всеблаженно, вдохновенно,
Поселяя огонь в крови,
Вечной жизни и любви...
    И божественный напиток
    Даровал им свой избыток,
    Сей бессмертия поток
    И грядущего залог –
    Память райского блаженства
    И земного совершенства...
И гласит нам гобелен:
Что не вечны тлен и плен;
Что бессмертье нам доступно,
Но лишь там, где совокупно
Мы от тлена воспарим
И, любовью вдохновенны
И навек соединенны,
Духом к Богу возгорим...;
Что напиток тайный в чаше
Есть духовная любовь;
Что должны мы вновь и вновь
В ней искать спасенье наше,
Ибо Богом в ней дано
Нам бессмертия вино...
И блажен, кто пьет в раю
Богоданную струю.

Заключение

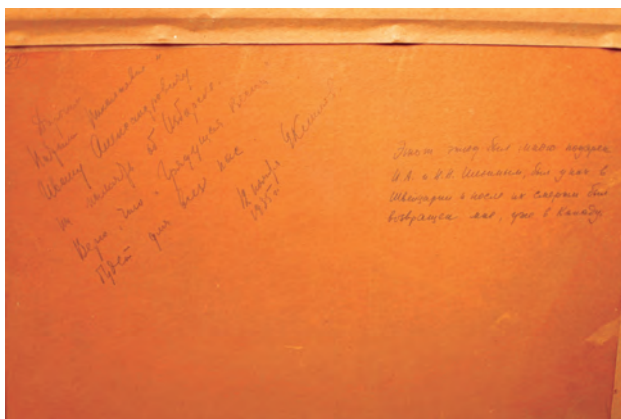
Каждый будь доволен тем,
Что дано ему от Бога,
И не спрашивай, зачем
Ему послано немного...
Но прилежно созерцай,
И, коль можешь, воспевай!

Так, ища поэту пищи,
Наше скромное жилище
Обошли сейчас и мы,
Наблюдая, созерцая,
И, что можно, воспевая,
Видя смехом, – что от тьмы
И любовью, – что от света...

И нельзя судить поэта,
Если пение его
Не могло явить всего:
Ибо он главою болен,
А по скромности своей
Он в юдоли грешной сей
От души всегда доволен...
И притом доволен всем,
Что дано ему от Бога,
И не знает сам, зачем
Ему послано немного...
Так учил его Дидим,
Что ходил всю жизнь нагим,
И нагой, – в том нет сомненья! –
Принят в райские селенья...

«Изборск весной». Этюд маслом работы Е. Е. Климова.
Этот этюд висел в столовой И. А. Ильина в Цолликоне.
Рамку для картины сделал сам И. А. Ильин

Обратная сторона картины. Надпись Е. Е. Климова: «Дорогим Наталии Николаевне и Ивану Александровичу на память об Изборске. Верю, что «Грядущая Весна» будет для всех нас. 12 ноября 1935 г. Другая надпись Е. Е. Климова: «Этот этюд был мною подарен И. А. и Н. Н. Ильиным, был у них в Швейцарии и после их смерти был возвращен мне, уже в Канаду».

Картина в настоящее время находится в Москве в частной коллекции

И. А. ИЛЬИН

И. А. Ильин. Рисунок Г. Г. Габричевского. Siusi, 1924 г.

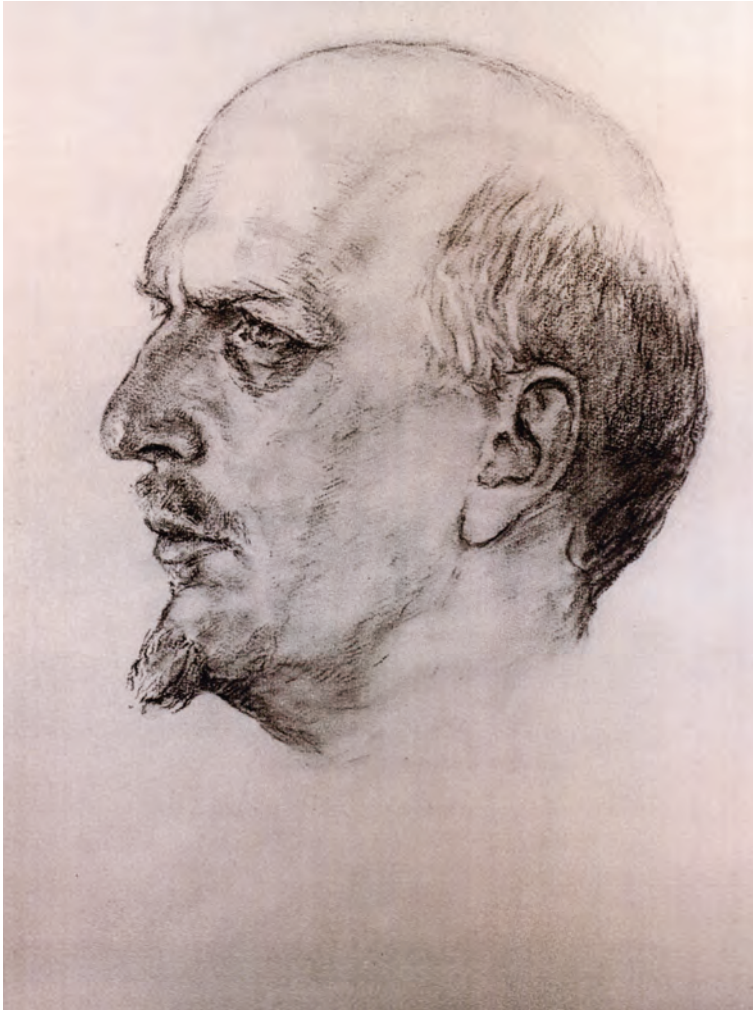

И. А. Ильин. Рисунок Е. Е. Климова. 1935 г.

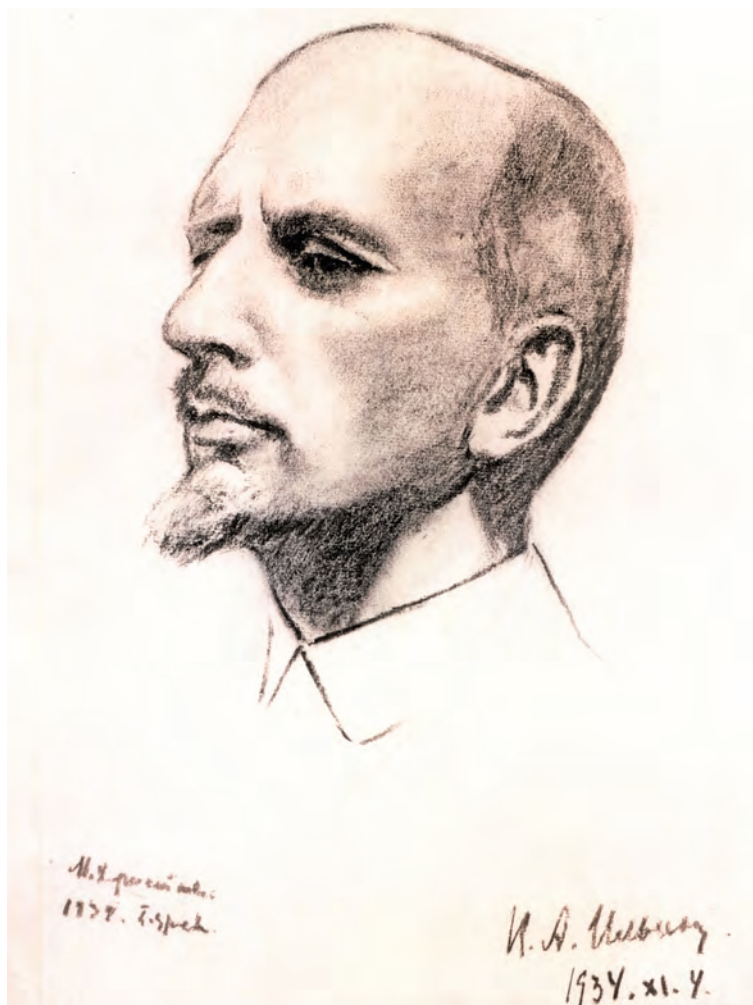

И. А. ИЛЬИН

И. А. Ильин. Портрет работы Е. Е. Климова. 1935 г.

И. А. Ильин. Рисунок М. Хризогонова, Белград, 1934 г.

И. А. ИЛЫН

Кабинет И. А. Ильина

Н. Н. Ильина. Снимок Г. Габричевского, Гаутинг, лето 1928 г.
Висел в кабинете Ильина

И. А. ИЛЬИН

Художник Сергей Николаевич Антонов. Рига, 1936.
Картина этого мастера висела на стене «Горницы» в квартире Ильина.
Ильин часто писал о творчестве этого художника

ИДИОТИКА-ОБОРМОТИКА²⁶⁵

Выпуск Первый

Январь 1939

Журнал для детей старшего возраста

Программа журнала:

Состоит из многих отделов, включая лирику, загадки, письма к читателю и бесплатные приложения.

Выпускается в единственном экземпляре.

Подпи-писка совершенно бесплатная.

Вышел и отсылается

Выпуск Первый
январь 1939.

Общее направление: совершенно беззастенчивое,
но очень переменчивое,
развязно-личное
и потому слегка неприличное.

Девиз журнала: все позволено,
не любо – не читай,
другим не показывай!

Но беспрепятственно наслаждайся в меру
своего скромного нрава!

От Редакции

Читатель! Я не жду твоего одобрения. Я уверен в нем заранее. Но все же поспеши меня ободрить твоим одобрением и задобрить меня твоим удобрением. Не стесняйся:

ободряй, ободряй, удобряй!

Главное, не задерживай удобрения! Оно тебе не нужно, а человечеству полезно. Посмотри, как это производят на своих лугах, откровенствуя, откровенно-счастливые швейцары,

Где из бочек
Сто примочек
Льется прямо на сто кочек,
И стократы
Как отвраты
Дуновением подъяты
И неслыханным чреваты
К нам несутся ароматы...

Итак, читатель, возьми себе сие за образец и будь столь же от-кровенен. Редакция будет откровенно рожать, но и ты подражательно откровенствуй.

Однако доброе начало не жует мочала. А приступает прямо к «большим делам».

Итак, мы начинаем.

1. Кухáрика. Frescamente odoroso.

Хорошая хозяйка, купив битую курицу, непременно нюхает ее сзади. И если пахнет свеженьким, курячьим, значит, курица действительно «недавняя», свежая – и тогда ее, не подтирая, кладут прямо в суп.

За семь месяцев, что редактор стал мокрой курицей, он не раз испытал это и на собственном жь опыте.

2. Скульптурика. *Pesante, tenebrosos.*

Недавно одна швейцариха рассказывала, как скульптор лепил ее из *глины*. Говорит: «Ну и скульпы вышли! Ну и нос вышел! Просто мордо-ворот!»...

Тут все и поняли, что скульптор создал...
Что же он создал? – «Мордаглину».

3. Фармацевтика. *Avversivamente.*

Недавно редактору рекомендовали замечательное средство от редакционной нервности:

«Броможеноль Пипин».

Помогает замечательно, Но вероятно от Пипина, вкус у него прямо «для муштин – для женщин». Даже на пузырьке написано: «астанавливацца строга васприщяйтца». В лупу видно, прочесть можно. Как проглотить 20 капель – ну просто писуар во рту ночевал. Долго бился редактор, наконец, придумал. Льет себе в подмышку, или вливает сзади. Воняет так же, а помогать перестало. Редакционная мигрень по-прежнему.

4. Сновидика. *Ripugnando.*

Редактору привиделся недавно сон: будто он женат на другой. Она носит синие штаны и красные грязные туфли. А самого его называет с эдакой ласковой растяжкой и туземным напевом:

«Schaaatzerli! Peeriperli!» – Проснулся в холодном поту.

5. Еще сновидика. *Maestoso dimenticando.*

Дорогой Читатель! Весь ноябрь я спал в одном доме на твоей досадной укушетке. Мне даже однажды твой собственный сон приснился, длинный и занятный:

лезло, лезло, лезло!...
горы образовались!...

Но вдруг сон стал такой

контра-пу-пу-пук-пунктический,
что от звуковой сложности я все забыл и рассказать не
берусь...

6. Филологика. *Allegro giusto.*

Дорогой Читатель! Предупреждаю тебя: я познал новые
слова!..

Так: «добрый вечер» – по-туземному «Тэнабок»!

Утренний завтрак в 9 часов – «Цнюни».

Директор называется – «Дрэк-тор»

(приблизительно: говённый дурак).

Здороваясь же, надо сначала сослаться на кашу, а госпо-
дина называть «волòм», хотя вол есть бык, утративший наи-
лучшие бычачьи украшения, что в каждом разе установить
сразу и наверное – просто невозможно...

Получается – «Грюще, вол!»

7. Политика. *Allegretto idiотico.*

Читатель! В злых мигренях смрадно тлея,

Говорит тебе Ильин:

«Чем *Берлен* тебе милее,

Тем противней мне *Берлин*...»

8. Колика-Эпистолика. *Minaccioso obormotico.*

Дорогой Читатель! Если кто-нибудь скажет тебе, комь
позитору и лавреату, будто ты плохо сочиняешь, то скажи
Аньюте, чтобы она прогнала его

кольями!

Для чего посылаю ей, в виде бесплатного приложения,
два кола... Особым письмом.

9. Rütica-Epistolica. Staccato caccato.

Дорогой Читатель! Как известно,

я – твой бузенфрейнд,
а ты – мой пузенфрейнд.

Недавно редакция ходила на горы смотреть –

с Rüti Strasse.

Ну, а ты, дорогой читатель – *каккь?!*

Ходишь ли ты *ежедневно* на *срюти* штрассу?

Пожалуйста, не *стесняйся внутренно*, ходи-и!

Ходи во всю, во славу Попо-кате-петли!

Ты же – мой пузенфрейнд!

10. Загàдика. Enigmatico con humore.

Что такое?

Имя *нарицательное*, начинается на «м», кончается на «а»?

Ну, я начну тебе, дорогой читатель, сзади подсказывать:

..... а
..... на
..... ина
..... лина
..... алина ?

Ну? Ты думаешь: «малина»?

Не угадал! – «мордалина»!..

11. Еще Загàдика. Enigmatico ingenuo.

Wer spielt, wie ein grosse Meister? Rachmeister

Und wer spielt *viel predmetner*? Medtner

Und wer spielt *bedeutend kühler*? Büchler

12. Промòзглика. Dolente drammatico.

Если нам даны мозгы,
Но не видно в них ни зги;
А в извилинах мозгà
Накопляется лузга,
(Как в курятнике давно
собирается говно...);
И в мозгах живет весь день
Очень странная мигрень,
И притом сия стервоза
Нагоняет страх склероза
(Разжижения мозгà
на манеру творога...);
И помочь такому мòзгу
Можно только взявши розгу, –
Тогда речи о мозгè
Предоставим мелюзге,
Позабудем, что аптека
Яд хранит для человека,
Что повсюду доктора (rrrrr!!)
Собирают гонорарrrr,
И, отвергнув мозг и тушу,
Вспомним волку, дух и душу,
И зарок себе дадим,
Что духовно победим!...

Бесплатное приложение.

Мигрèника. Sulla morte d'un eroe. Tragico.

Комментарий. Изнемогая от мигренного слабоумия и безмыслия, автор два дня наблюдал чью-то просаленную фуражёнку, забытую на заборе.

1. Hier am Zaun die leere Mütze
Sagt dem Wanderer freundlich: «Grüsse!»

Und sie wäre doch so gern
Auf dem Kopf bei ihrem Herrn...

2. Un cappello senza testa
Qui, dimenticato, resta...
Resta oggi, com' ieri
Tutto pieno di pensieri.
3. Malheureux, qui sans couvercle
Accomplit le reste du cercle!...
C'est, parbleu, un grand poète,
Que perdera demain la tête!...
4. О, как жить на свете тяжело!
И к чему еще слова?
Обезглавлена фуражка –
Обезмыслена глава...

Конец. Affondando.
«Пришибло старика...» (Пушкин)²⁶⁶.

И. А. ИЛЬИН

Выпуск Второй

Февраль 1939

Швейцарская
(от входа налево, парь тёрь)*

Идиотика-Обормотика

Журнал смеха и забавы

для

полупочтенных инфантилистов.

Программа журнала:

непредусмотримая, каждый раз особая,
со многими выстрелами, выкидышами, высмаркиваниями,
высосами, высмердами, выдристами, выковырами,
вычавками, вытупами, выхухолями, выхрапками
и прочая, и прочая, и прочая**.

Вышел и отсылается

Выпуск второй

(для любителей специально на подозрительной бумаге)

Общее направление: прямо в цель,
а в случае промаха – сторонись!

Девиз журнала: расстегивайся и валяй!

Все равно – все будем *там* с грешниками
-полукромешниками.

---

* Внизу праечная – кто белье трет, тот и пар пускает. Поэтому «парь тёр» (примечание И. А. Ильина).

** См. Павловский. Рус. Нем. Словарь, стр. 178–220 (примечание И. А. Ильина).

От Редакции

Читатель! Если ты в добром здравии и хорошо провел ночь, – читай Идиотику-Обормотику. Но если тебе нездоровится и что-нибудь у тебя болит или какое-нибудь садно образовалось – то *тоже* читай Идиотику-Обормотику. На то она и создается: это как бы полбутылки

шимпанз-скаго.

А у Пушкина почти так и сказано:

«откупори шимпанз-ского полбутылки,
иль перечти Идиотику-Обормотику»...

Вот почему редактор-издатель обращается к тебе и говорит:

Я тебе в жизни премногим обязан:
Ты дал мне и света, и радости...
Как же могу быть к тебе не привязан?
За это – читай мои гадости!

И поделись ими с дамою твоего сердца.
А другим – ни-ни! пи-пи! никаких гвоздей!
Не показывай – и все.

1. Идиотика-Гераклитика. Панта рей. Гераклит.

Все течет

Все течет в подлунном мире:
Дни, и ночи, и года,
И вино на пьяном пире,
И в сознаныи – ерунда...

И слеза течет из глаза,
И мелодия в сердцах...
И, рожденный у Шираза,
Умирает грозный шах...

Насморк схватишь, иль простуду, –
Запасайся, быть беде:
И накапает повсюду,
И начхается везде...

И в делах земной карьеры –
Затруднительна стезя...
А успех иметь сверх меры
Без *протекции* – нельзя.

И во всем всегда убытки
(Проклинай или ворчи!...):
Утекают все напитки,
Убывают все харчи.

В животе после обеда
Перебор урчит урок...
Из собаки у соседа,
Из-под лошади – поток!!...

Стих игривый у поэта
(Просверкает, развлечет...)
Но быстрее всего – монета
В кошельке у нас течет...

Все течет на этом свете
В бездну смерти и греха...
Так вода течет в клозете,
А в сознании – чепуха...

1939. II. 11
Возле Кракатао.

2. Идиотика-Оперативика.

Недавно редактор собственнлично посетил знаменитую предсказательницу мадам де Тэб. Она посмотрела ему в зубы

и под хвост (как цыган смотрит лошади) и быстро пробормотала басом:

Пока Бландов
Не лишился гландов, –
У Чичкина
Будет голова птичкина...

После этого редактор решился на ото-рино-ларинго-логическую операцию, ибо ясно, что хотела сказать Аэндорская Волшебница: «так как от тебя, редактора, все равно как от лысого козла, *шерсти* нет и не будет, то и *молока* от тебя (как бывало от Бландова или Чичкина) – тоже не будет: зачичкаешься окончательно!»

Ну, а если не будет, то пусть Бландов лишается своих гландов! Может быть, вследствие этого у Чичкина делается голова уже не птичкина, а как прежде – человечкина...

3. Идиотика-Музыкантика.

Emil Frey. Komm mit mir ans Klavier.

Emil Frey. Bewusst gewordenes Klavierspiel.

Дорогой Читатель! Могу сказать без всякого хвастовства, что я умею играть непосредственно, свободно (*frei!*).

Но хотелось бы научиться играть, вольно, развязно, беззастенчиво (*Frei!*).

Для этого мне придется «подойти с ним к клавиру» и хорошенько «осознать» под его руководством клавирную игру.

И тогда я постигну все тайны его игòрки
и начну валять на все корки.

Успех заранее обеспечен. Прошу, читатель, твоего совета.

Подпись: твой старый

Ком-мит-дир-анс-клавирщик.

4. Идиотика-Женитика.

Здесь должен был быть помещен рассказ о том, как один приятель редактора затеял жениться и что из этого вышло-невышло...

К сожалению, рассказ не пропущен цензурою, вследствие своего крайнего неприличия.

Цензура грозила даже закрыть журнал *совсем*, на неделю. Пришлось подчиниться.

А жаль! И к чему эта цензура существует на свете?

Все равно рассказ пойдет из-под полы:

«Барррин, куппитте поххабных стиххотворрений
Баааррркова!»...

5. Обормотика-Политика.

Русская сказка знает повесть о том,

как *один дурак всех пере-хитрил...*

А современная история показала,

как *один обормот всех пере-хитлил...*

6. Обормотика-Националпедагогика.

Считая пресловутое *матерное* ругательство позорным и ядовитым, редакция давно уже разрабатывала вопрос о его искоренении и устранении из обихода русского народа.

Предвидя однако все наторелости привычки, всю темпераментность русского человека, всю необузданность его словоизвергающего нрава и неуследимость сей практики по объему населения и территории, –

редакция стала склоняться за последнее время к компромиссу и решила устроить среди своих читателей анкету о том, не следует ли заменить на переходное время

матерное ругательство – *ватерным*.

Можно было бы даже премировать творчество и устроить всероссийский конкурс.

Вот предполагаемые образцы *ватерной* брани:

«провалиться тебе в столчак!»
«ну тебя в для мужчин для женщин»...
«чтоб тебе не тем вымазаться!»
«ночной горшок тебе на голову!»
«чтоб Вам, сударыня, обложиться!»
«ах ты, тетку твою в сортир»...
«пети-бёрр ты эдакий!»

Может быть, постепенно нравы от этого смягчатся и вырастет в стране большее взаимное уважение?...

7. Идиотика-Эмигрантика.

Нами получена корреспонденция из города Блондона, рисующая политические настроения тамошней русской эмиграции. Корреспонденцию приводим целиком. Она написана в стихах, причем первые три строчки явно заимствованы из Бесов Достоевского.

рр – произносить
рраскатисто-
картаво!

Воплощенной укорризноу
Я стою перед отчизноу
Либерал-Идеалист,
Охрраня тень абстракции
От нахрапа злой реакции,
Духом светел, ризой чист!
Монархисты ж, злая братия,
Заклучив в свои объятия
Всех помещиков, попов,
Огражденные жандармами,
Становыми, командармами
(в виде каменных столпов), –
Погубили мою **рр**родину,
И меня (увы, у**рр**родину)
Из среды несчастной публики
(Обожателей **рр**еспублики

И великой Конституции,
Неспособной к проституции) –
Сопричислили к изгнанникам,
И всемирно-гордым странникам!
Но пробьет отмщенья час!
И спасенье есть для нас!
Мы спасемся монозоннами
И гайдпаркскими газонами...
В ложах, в биржах ватерпас!
И могущество абстракции
Отразит нахрап реакции
Волею народных масс!

1939. февр.
Blondon

8. Идиотика-Новословика.

К пополнению отечественной словесности новооткрытыми словами призван каждый из нас. Со своей стороны редакция Идиотики-Обормотики предлагает вниманию читателя нижеследующие ново-слово-обозначения.

- а) Всем хорошо известно, что есть «шушера-мушера». Но у каждой шушеры и у каждой мушеры, как бы ничтожна она ни была, есть свои спутники, оруженосцы и около-вращатели. Мы предлагаем называть их «колошущерой» и «коломушерой». Так, Керенский есть шушера. Но сколько же вокруг него «колошущеры»?! Тьма... Читатель, ты с нею не выдаешься?
- б) Всякого, стремящегося расчленив Россию при освобождении от большевиков, мы предлагаем называть «расчленник»; это указывает, с одной стороны, что он и сам уже нравственно расчленился на свои сочленения; с другой стороны, на то, что он человек, политически растленный.

- с) Всякого, делающего карьеру на антисемитизме, мы предлагаем именовать «хамитом», а власть, им создаваемую в государстве, «хамократией».
- d) Пролганный и изолгавшийся человек должен именоваться так:

маленький – «лживчик»,
большой – «лживище»,

буде же это есть женщина, то
маленькая – «лживочка»,
большая – «лживка» или «ложница».

Читатель, не выдаешься ли ты с какими-нибудь ложницами?

9. Идиотика-Пёлика. Басня Крылова

(из области «Полевого вопроса»)

Однажды В. И. Поль
Учуял злую боль!..
Он принял глауберову соль
И поскорей шмыгнул в ноль-ноль...

Там началась тотчас же паль-
ба громом на всю даль...
Всем стало его даже жаль...
Ну что, коль он там умирал?!)

Или хотя бы – сел на мель?
Но он является, зеленый весь, как ель,
Лицом сияя (с'конь апель).
Он там *творил!* И создал (еле-ель)
Музыкально-критический фель-
(*етона* так из него и не вышло, – не осилил).

1939. февр. 13
Возле Котопахи.

10. Идиотика-Конкурентика.

Месяц тому назад мы объявили

«поэтический конкурс»

на тему

«Изъяснение в дружбе по случаю разлуки».

На конкурс было прислано со всех концов Европы, Африки и Азии – 197 стихотворений.

Мы помещаем два наилучших и просим наших читателей решить свободно (frei) и беззастенчиво (frey), которое из них должно быть премировано и какой премией.

В виде премии читатели могут прислать какой-нибудь объект – напр., свою фотографию с надписью, или какие-либо ноты (напр., корректуру сонаты-идиллики²⁶⁷) и т. под.

Стихотворения помещаем под отдельными номерами и заглавиями.

11. Идиотика-Фортепианика.

Изъяснение в дружбе по случаю разлуки.

Фортепьянщик, друг мой тайный,
Как тебя мне не любить? –
Звук твой – столь необычайный!...
В глубине огонь горить!...

Ты играешь в тулумбасы,
Нажимая на педаль...
Все поет: дисканты, басы...
Рояль – фабрики Услаль...

Ты играешь – я внимаю...
Ты окончил – я реву...
И всегда себе желаю
Такового рандеву!...

Но оно бывает редко,
По причине преспростой:
Наша жизнь есть просто клетка,
А мы – птицы в клетке той...

1939. Январь.

Куэн Лунь и Тянь-Шань.

12. Идиотика-Бульдегомика.

Изыяснение в дружбе по случаю разлуки.

Мало в жизни бульдегому:
Ночью – снятся злые сны,
Днем – безрадостному гному
Все мы в рабство отданы...

Я нашел по сердцу друга:
Сны его приснились мне,
И цветами его луга
Я упился в тишине...

Но ослабли мои руки,
Но бессилён стал мой глас...
И судьбою день разлуки
Установлен был для нас...

Мало в жизни бульдегому
За бедой идет беда...
Но любви своей – другому
Не отдам я никогда...

1939. январь.

Монровия в Либерии, Африка.

13. Идиотика-Почтова Ящикотика (или Почтовая *Щекотика*).

Нам доставлена случайно, явно не по адресу занесенная и сбивчиво сумбурная почто-телеграмма, которую приводим дословно с соблюдением орфографии!:

«Один борьной, рысый черовек поручир брагоскронное письмо от одного по засругам просравненного сравянина, испорняющего музыкарьные пиесы (как-то разричные прерюды, вокаризы и песни без сров) – сторь тарантриво, что срушать его собираются рюбитери даже в срякоть, проривая срадкие срёзы, отхропывая себе рапы в апродисментах и разнося срухи о его сраве по за-атрантическим саронам.

Сровом: Рёря рарами играя, зрит овары Фирорая!
А русарка прыра по реке горубой,
Озаряема порной рукой,
И старарась она допреснуть до руны
Серебристую пену ворны»...

Может быть, дорогой Читатель, ты как-нибудь разберешься в этой почто-телеграмме?

Бесплатное приложение.

14. Идиотика-Остзёика.

Выдержка из дневника немецкой гувернантки Кунигунды Берктольдовны Рейнфингер, женск. пола, 74 лет. Сей дневник случайно попал в распоряжение Редакции в 1937 году при посещении одного остзейского замка в одном прибалтийском городе, ныне принадлежащем сразу Эстонии, Латвии и Литве. Поется на голос «Дейчланд».

Steht die банка mit варенье
Auf der полка im чулан...
Und der дворник holt den паспорт,
Und der дворник heisst Иван.

In der кухня kocht Матрена,
Und Матрена kocht die щи...
Und so schön ist die капуста
Что другой хоть не ищи...

Und der alte огородник
Reicht mir alles чрез забор...
Und die бочка vom отходник
Пахнет soheusslich на весь двор...

Und ich kaufe beim разнощик
Etwas рыба, etwas дичь...
Und die тётя mit извощик
Bringt zur пасха den кулич.

Heute ночью gehen alle
Zur заутреня в собор...
Ich allein, оставшись в зале,
Trink стаканчик vom кагор.

Ich war immer патриотка,
Обожала unser край...
Und der немец мне не тетка,
Und in Deutschland мне не рай...

Und es schien mir, мне казалось,
Что умру за Vaterland!!
Russland, Russland über alles!!...
Ну, а немца – in den Sand!!!...

*Конец*²⁶⁸

Редактор поздравляет читателя с успехом концерта, отвечившая по древнему русскому обычаю земной поклон рукою (второй руки не видать из-за тела).

Объявление

Открыта подписка

на

Полное собрание Стихотворений

Редактора,

посвящавшихся в разные эпохи жизни

Читателю.

В виде особо ценных приложений будут помещены

Два Стихотворения

Читателя, обращенные к Редактору,

а также Fac-Simile с древней гравюры:

Почерки Редактора и Читателя.

Всех стихотворений редактора 39:

22 уже написанных и

17 еще не написанных (выйдут вторым томом)

Цена первого тома:

За каждый экземпляр – 6 карандашей Royal Soverein (мягких)

экземпляр с портретом Редактора – 7 " " " "

экземпляр с портретом Редактора и Читателя – 9 " " " "

экземпляр с портретами:

Редактора и его супруги – 12 карандашей " " " "

а также

Читателя и его супруги

Для особенно настойчивых любителей могут быть приложены бесплатно портреты Брамса, Л. Конюса, Л. Сабанеева, Нины Кошиц, Мариэтты Шагинян и Владимира Поль.

Подписка принимается по адресу Редакции Идиотики-Оборотики. Типография Нищебродова, Старосельская ул. 12, г. Таможенск.

Выпуск Третий

Март 1939

Идиотика-Обормотика

Выпуск Третий
с иллюстрациями
знаменитых художников
в тексте,
с музыкальными пояснениями
и с бесплатным приложением

Март
1939

Дозволено цензурою

г. Таможенск
Типография Ивана Нищевродова С^{вей}

Старосельская, 12

Идиотика-Обормотика

Журнал утехи и грехов для
нераскаянных философов и
необузданных музыкантов
По общему настойчивому желанию
в виду двусмысленного приближения
весьма недвусмысленной весны
Третий Выпуск
получает особое содержание с подзаголовком

Эротика

Этим определяется
и программа журнала, и его направление.

Земля цветами новыми
Покрылася опять,
Пошли быки с коровами
В зеленый луг гулять.

гр. А. К. Толстой
Рiнх. А. Норман²⁶⁹

Оглавление

		Стр.
Обложка	Рис. ²⁷⁰	1
От Редакции		3
1. Идиотика-Амукалика		4
2. Идиотика-Пантерика «Пятно»	Рис.	5
3. Идиотика-От-гадика в трех вопросах	Рис.	6
4. Идиотика-Огородика. «Свекла»	Рис.	7
5. Обормотика-За-гадика в семи отвечаемых вопросах	Рис.	9
6. Идиотика-Навозика		10
7. Идиотика-Инфектика «Зараза»		11
8. Обормотика-Трех-Апельсиника		13
	Рис.	14
Бесплатное приложение		
9. Идиотика-Автобиографика		15
	Рис.	16
Утушная.		

Идиотика-Обормотика

Выпуск Третий

Эротика

От Редакции.

Читатель! Чувствуешь ли ты, вопреки всему, приближение весны? Если ты его чувствуешь, то читай и перечитывай, а если можешь, учи наизусть

идиотику-обормотику-эротику.

Это тебе не повредит, а может быть принесет и некоторую пользу, побуждая тебя восстать духом и телом и слиться с мирозданием в едином порыве...

Не спрашивай ни себя, ни меня – *грешный* это порыв или *безгрешный*. Ибо это не существенно.

Существенно, чтобы порыв –
мирозданный и перевозданный –
был на лицо, т. е. не на лице,
но и это не существенно.

Вспомни, что один монах сказал (произнося на **д**):

«Хòть погòворить-тò ò сем – и тò уже утешительно...»

А другой отшельник промолвил (тоже на **д**):

«Издали зрю – и услаждаюсь,
Вчуже пòмышляю – и ликую,
Не испытавши николì – и уже трепещу...
Какòво же сие в пòдлинном действии испытать?..
Òт райского блаженства òтречешься!»...

Читатель! Это преувеличение! Не будем отрекаться от райского блаженства! Отложим его благоговейно на будущее время... А теперь предадимся достойному философическому блудомыслию!

1. Идиотика-Амикалика.

Предварительное разъяснение

Читатель! Если ты, прочитав первую строку амикалики, скажешь: «Это банально! – Автор иссяк и повторяется...» – то ты будешь в заблуждении! Автор *не* иссяк. И *не* повторяется. Но эмбрион из второго выпуска развернул свое содержание. Буто́н стал цветком. А цветок сохраняет и первые лепестки бутона.

Читать «Амикалику» надо так:

первые *три* строки каждого куплета – с искренним подъемом.

В начале каждой *четвертой* строки надо выдерживать синкопирующую паузу и начинать строку со слабого места.

Каждая *четвертая* строка – задержавшись на паузе *растерянного* смущения и переработав сие последнее в некое *решающееся на все бесстыдство* – читается тоном *законченной идиотики-обормотики*. Итак: прошу!

Patetico, ma con cona certa espressione disingannante e idiotica.

- I. Я тебе в жизни премногим обязан:
Ты дал мне и света, и радости...
Как же могу быть к тебе не привязан?!...
– За это – читай мои гадости...
- II. Видел я: в жизни пришлось тебе биться
С волною бездари и тупости...
Как же могу пред тобой не склониться?!...
– За это – читай мои глупости...
- III. Так ведь и псы: на цветы благовонные,
Ножку задрав свою, льют обормотику...

Слава тебе за творения звонные...
– Так вот: получай идиотику...

IV. Люди ничтожные, пошло-беспечные
(Жестки как камни и глупы как дети!)!
Чем воздадим за создания вечные?!
– Посылаю тебе номер третий...

18 февр.

2. Идиотика-Пантерика.

При виде закапанного халата <рис.>

<рис. Подпись: Pinxit. Pipi-kaka ssossot>

Con un accento di giustificazione

Все на свете имеет пятно,
Начиная с пятнистой пантеры...
И нам, людям, совсем не должно
Опасаться пятна – свыше меры.

Темной ночью, смотря в небосклон,
Вижу странные *млечные* пятна...
И наутро мой новый хитон
Заливать *молоком* – мне приятно...

Глупый мальчик боится пятна:
Он мечтает «быть чистым, как боги»...
Но, услышав, что Гера грешна,
Он бесстрашно идет за пороги...

А узнав от учителя вдруг,
Что и в солнце нашли... чуть не ваксу,
Он желает «быть в пятнах сам-друг» –
И сажает на курточку кляксу...

«Чистота» есть лишь вредный фантом, –
«Идеал» для детей неопрятных...
В жизнь придя с *первородным* грехом,
Мы толпимся в *наследственных* пятнах...

Ты рожден для любовных утех,
Пленник плоти, греховной и тленной!...
Самый страх согрешить – уже грех...
Так пошли же порядок вселенной:

Все на свете от века темно...
И на ризе греховного мира
Добродетель сама есть пятно,
Смутный признак бывшего кумира!

Предадимся же, братья, пятну!
И, закрыв утомленные вежды,
Будем жить, как покорные сну
...И закапаем наши одежды...

17 февр.

3. Идиотика-Отгадика, в трех вопросах.

Evasionamente.

«Отъ гадика»: <рис. Подпись: Pinx. К. Бребизиус>

- I. Что *хуже* всего?...
– Один *черт* знает, что!
- II. Что *лучше* всего...
– Единый *Бог* знает, что!
- III. Что же ждет нас впереди?!
– *Черт не* знает, а *Бог* знает, что!...
Следовательно...

28 февр.

4. Идиотика-Огородика.

Свекла.

<рис. Подпись: Рінх. Феклин.>

Рассказ моего приятеля.

Читать медленно, очень выразительно, с паузами,
с мечтательными вздохами и живописью.

Sospirando amoroso.

Август месяц. – Тихий час. –

Солнце греет... – Пёкло!...

В огороде разрослась

И над грядкой поднялась

Могучая свекла...

– Нам возов бы – двадцать пять

На базар отправить... –

Да не выйдет столько, глядь!... –

Да на телку обменять...

Да себе оставить...

– Нынче сильный урожай... –

Да жара!... – Поблекло... –

Поливай, да поливай!

И за лейкой ходит, знай,

Красавица Фекла...

Подоткнула сарафан –

Хорошо все видно:

Наклонила ловкий стан... –

Наступила на бурьян... –

Смотрят? – Не обидно... –

А улыбка... – белизна!

Так и просияет...

А глаза... – на видно дна!

Ну и вся-то, вся она...

Смотришь – обжигает!...

«Эй, Феклуша!» – «Тута я...» –
«Что-то нынче пёкло...» –
«Дыть вина тут не моя...»
Улыбнулась мне... А я –
Покраснел, как свекла...
«Нам возов бы пятьдесят... –
Что же, ее нету?!... –
Сваха ходит, говорят... –
С лейкою идет назад!!...
Хватит нам до лету!...» –
«Что-то в доме – духота... –
А в саду – прохлада...
Свекла... Фекла... Красота...
Да уж “та” или “не та”,
А другой не надо!!...»
И внезапно я постиг,
Что *пришло* сиянье...
Что недолог счастья миг...
Что – глупец, кто не приник
К чаше мирозданья!..
.....
.....
И с тех пор, когда в обед
Подают мне свеклу –
Сквозь завесу многих бед
Вижу: Август... Солнца свет...
Огород... И – Феклу!...

19 февр.

5. Идиотика-Загадика, в семи отвечаемых вопросах.

<рис. Подпись: Pinx. Юстус>

Tremendo.

I. Откуда пошли все наши беды?

– Гады размножились, и мир загадился.

II. Не было ли о сем каких-либо пророчеств в Ветхом Завете? Были. – Среди сыновей Иакова встречаем имена (Бытия. 30) *Дан, Гад*. Значит, и тогда уже гад был дан. – Слово же Гад значит: «прибавилось» (Бытия. 30,11).

Значит, и тогда уже гадам предстояло размножение.

III. Не было ли на сей предмет каких-либо предзнаменований в эпоху Возрождения?

– Было. Так, были известны два художника: Гад-део *Гадди* и *Гаддо Гадди* («прибавилось»!)

IV. Не предзнаменовывалось ли сие и в Московский период истории?

– Да. Предзнаменовывалось. Ибо в конце XIX и в начале XX века в Москве жил человек, обозначавший себя так:

«*Гадо-*,насекомо-и паразито-истребитель Ложкин».

V. Не знает ли о сем чего-либо и русская литература?

– Знает. Так, у Достоевского сказано:

«Один *гад* съест другую *гадину*».

VI. Не знает ли о сем чем-либо и русская музыка?

– Знает. Таково известное сочинение прославленного русского композитора Метнерюцкого-Метнерюкà «*Scherzo infernale*», где явно предсказывается многое инфернальное, т. е. адское; ад же по-гречески «Гàдес».

VII. Не отзывалась ли на сие и русская живопись?

– Отзывалась. Такова вышеприведенная картина, где явно трепещущий человек явно спрятался за явного гадика, восставшего на другую, явно страшнейшую явную *гадину*.

6. Идиотика-Навозика.

Con humore.

Оконная вывеска в Delikatessen-Handlung:
«Mistkratzerli – 1/2 kg – Fr. 2». –

Узрев сию оконную вывеску и вспомнив Карамзина, Редактор поставил себе научное задание, точно и исчерпывающе ответить на вопрос: «кто есть истинно добрый и счастливый Мисткрацерль». Углубленное исследование этого вопроса заставило его исчислить не только «добрых» и «счастливых» Навозо-Скребунов, но и иных.

Выводы свои он сообщает вкратце:

- I. Ребенок, испустивший свои эмоции в пеленки – есть Мисткрацерль.
- II. Человек, пытающийся переубедить закоренелого негодяя – есть Мисткрацерль.
- III. Человек, ковыряющий пальцем в носу – есть Мисткрацерль.
- IV. Московский так называвшийся «ночной фортепианщик» (никак не смешивать с истинно-добрым, и счастливым, и славным *дневным* «фортепианщиком» наших дней!) – есть Мисткрацерль.
- V. Человек, поставляющий себе, по выражению Мольера, «Clisterium» – есть Мисткрацерль.
- VI. Петух, разрывающий навозную кучу на предмет нахождения жемчужного зерна – есть Мисткрацерль.
- VII. Врач-психоаналитик есть профессиональный Мисткрацерль.
- VIII. Литератор, сочиняющий Идиотику-Обормотику, есть Мисткрацерль.
- IX. По точным справкам сие название присуще и маленьким цыплятам, коим цена и есть два франка за фунт... В вес идет только сам крацерль, без миста.

- X. Еще не окончательно отвергнута гипотеза, что вся культурная деятельность человека на земле – есть мисткра-цельство.

7. Идиотика-Инфектика.

Зараза

Innamorato, risoluto.

Да, весь мир живет заразой,
От животных до планет, –
Всеединой, многоглазой, –
И спасения нам нет!

Мы ей рады – и не рады,
Привыкая вечно ждать
От проклятия – отрады,
А отраду – проклинать.

И служить ей не желаем,
И отводим ей лишь сны,
И в заразе умираем,
От заразы рождены...

От нее идет влечение,
Связь любви и стон живой,
Красота и утверждение,
И незримо-зримый строй...

Голос к голосу взывает,
Зову зов ответ свой шлет,
И мгновенно постигает
Духа дух над бездной вод...

Посмотри: она цветет
В искрах лала и топаза,
И в молчаньи хризопраза...
И в мелодии поет...

И планеты, зараженны
Тяготеньем тайных сил,
Обретают, сопряженны
Меру верную светил...

И куда ни взглянет око, –
Все, чему нельзя не быть,
Все томится одиноко
И мечтает заразить.

И, послав волну в пространство, –
(О спасеньи страстный зов!) –
Ждет ответа, как пианства,
Как блаженства, от миров...

Все: бацилл, блоха и кролик,
И урод ихтиозавр,
И язычник, и католик,
И ацтек, и грек, и мавр...

Да, весь мир пиан заразой!..
Ею счастлив и поэт..
Всеединой, многоглазой..
И иного счастья – нет!..

19 февр.

2

Школа - бурлящая
Журнал был тогда старшим воеводою.
Противная школа:
Составил из лучших студентов - выколачивают знания,
любят их диктовать и бездумно выписывать.
Волнуетесь в свои редкие часы досуга -
Нарезали-взяли собраны бездельники.
Вместе и отвыкается
Великий Первобыт.
Зимой 1939
Одни направления: совершенно безвосточные,
но охне кривить назад,
районно-дворовые,
и похвалу силе моральности.

Зелен журнал: бесхлестко,
но любовь - не гиттай!
Зарплата не показывал!
Но темпераментно похвалитесь к лицу
свои красавица права!

6 9

3. Malheureusement, qui sans couverture
Accompagnait le reste en cercle!...
C'est, parbleu, un grand poète,
qui portera bientôt la tête!...

4. O kaxo's ниню на дивнo: тoвoкo!
И кo' тeлy eщe ceбe?
Бeзвoднeнe дyрaвeкa -
Бeзoблaчнeнe нeкe...
—

Конец. Affondato.
„Принимало старика“... (Пушкин).

И. А. ИЛЫН

15

Kate veriso gehen alle
Zur Zugspitze bis zur Spitze...
Ich allein, sonst wären es zwei,
Trink Scharlachrot von Kälte.

Ich war immer kälter denn,
Frohlich immer klar...
Und der Mensch, nicht nur der Mensch,
Und in Deutschland nicht nur der Mensch...

Und es ist ein Mann, nicht nur ein Mann,
Immer für die Vaterland !!
Ruhland, Ruhland über alles !!
Fuß und Hand - in der Hand !!

Кенди

Реванше войны...
Мне казалось в
судебных процессах
судьям и жюри
не было ничего
забыть, только бы
как... (тогда я был
не в курсе по ДС
1918)

16

Врачница
Врачница
на
Линии Северных Соединений
Реванша
любимых врачей в рамках своей жизни
Италия

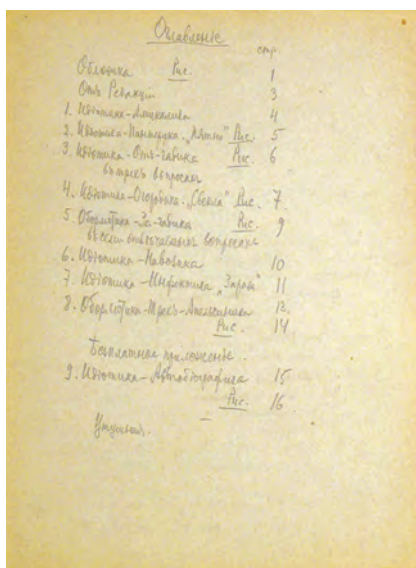
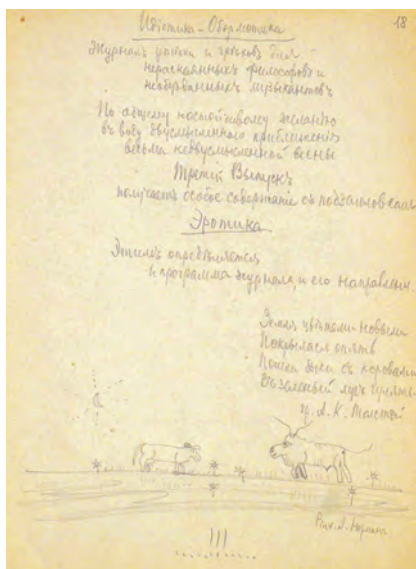
А вы все помните прекраснейший фильм режиссера
Дж. Саломонсона
Итальян, итальянцы из Австрию,
а также Фри-Штедт из войны войны:
Нордки Австрия и Италия.

Вот из соображений Австрия 39:
22 года в Австрии и
17 лет в Италии (Видеум, Вирги, Италия)

Имена гербала пола.
За каковы и каковы - в кардинале Родольфо Саломонсона
Дж. С. Саломонсона Австрия - 7 " " "
Дж. С. Саломонсона Австрия - 9 " " "
и Италия

Дж. С. Саломонсона:
Австрия и ее супруги 12 кардиналов " " "
а также
Италия и ее супруги

Для особенно важных и важных и важных (Дж. С. Саломонсона)
Италия и ее супруги (Дж. С. Саломонсона, А. Кингс, А. Саломонсона)
Имена Кингс, Мартина Мартина и Видеум Дж.
Имена Кингс и ее супруги (Видеум, Вирги, Италия)

20 5

IV. Люба, выходишь, нежно, бережливо
(Хорошо как всегда, и руки как тепло!)
— Будь восторжена в радости, в счастье!
— Посылаю тебе куклу, прелесть...

12 фол.

2. Миссия - Лилипутка

Придите, загляните в глаза
Сейчас мы с вами будем дружить.

Ах на обочине являюсь я
Коричневая, рыжая, как кошка...
И глаза, и уши, и хвостик не похож
Сказочная лань! — объявляю

Меняешь платье, а платье всё не подходит,
Почему столько мелочей в моде...
И на улице, вот, новенькие платья
Заманливы, заманливы — иди, выходи!

Тыходишь, выходишь, выходишь лань,
Сейчас мы с вами будем дружить, как кошка...
Но, выходишь ты, Тысяча платьев,
Сейчас мы с вами будем дружить, как кошка...

А угадай, что угадаю я угадаю,
Ты и в это платье неходишь... Ты не ходишь
Сейчас мы с вами будем дружить, как кошка...
И сейчас мы с вами будем дружить, как кошка...

6

Лилипутка, как моя любимая лилипутка,
"Идеальна" для меня, идеальна...
"Вот сейчас я иду к тебе, к тебе, к тебе,
И ты, Лилипутка, со мной, со мной, со мной..."

Мы с тобой, как с тобой, как с тобой,
Лилипутка, Лилипутка, Лилипутка!
Сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой,
Мать, мать, мать, мать, мать, мать!

Ах, на обочине, как всегда, как всегда,
И на улице, как всегда, как всегда,
Сказочная лань, как всегда, как всегда,
Сказочная лань, как всегда, как всегда!

Лилипутка, Лилипутка, Лилипутка!
И сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой,
Сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой,
И сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой!

17 фол.

3. Миссия - Лилипутка, со мной, со мной!

Сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой,
Сейчас мы с тобой, как с тобой, как с тобой!

I. Это угадаю...
— Объявляю, объявляю, объявляю!

II. Это угадаю...
— Объявляю, объявляю, объявляю!

Николай Метнер и Иван Ильин со знаменитой бочкой. 1913 г.

И. А. ИЛЬИН

Николай Метнер и Иван Ильин.
Метнеры в гостях у Ильиных. Цолликон, август 1939 г.

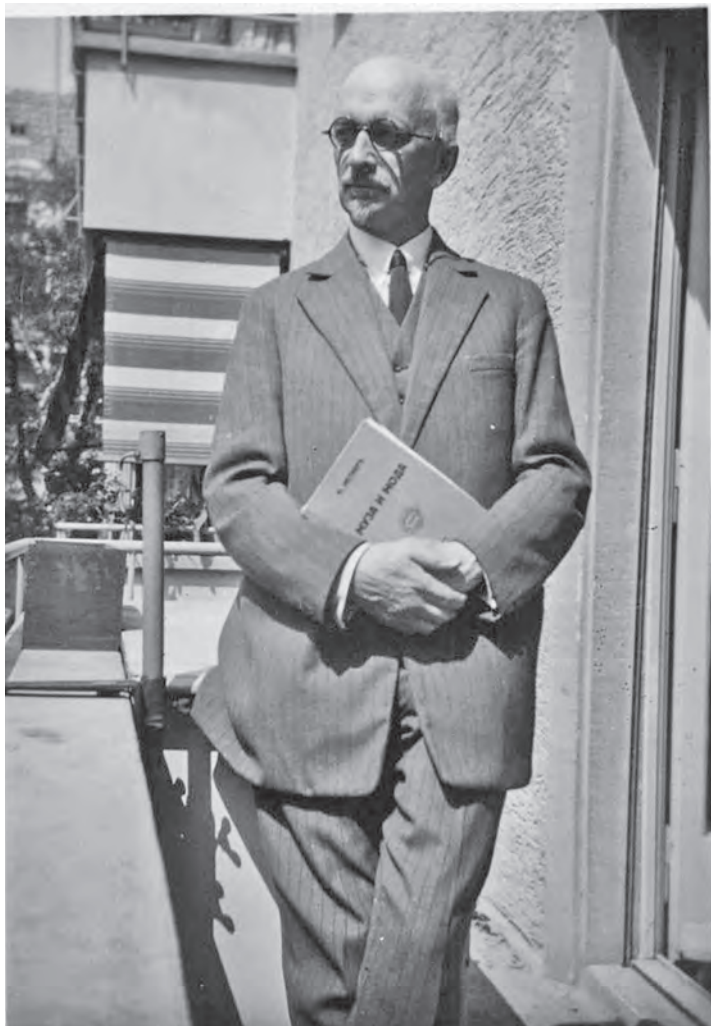

Николай Метнер. Метнеры в гостях у Ильиных.
Цолликон, август 1939 г.

И. А. ИЛЬИН

Иван Ильин с книгой Н. Метнера «Муза и Мода».
Метнеры в гостях у Ильиных. Цолликон, август 1939 г.

Николай Метнер и Наталия Ильина. Метнеры в гостях у Ильиных.
Цолликон, август 1939 г.

И. А. ИЛЬИН

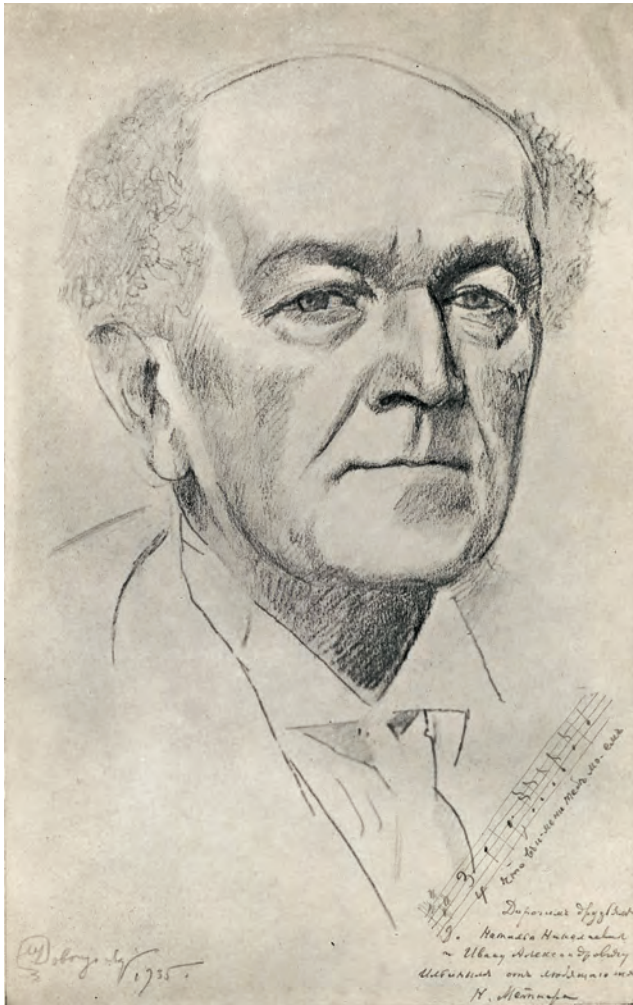

Анна Михайловна Метнер и Иван Александрович Ильин.
Метнеры в гостях у Ильиных. Цолликон, август 1939 г.

Наталья Николаевна Ильина и Анна Михайловна Метнер.
Метнеры в гостях у Ильиных. Цолликон, август 1939 г.

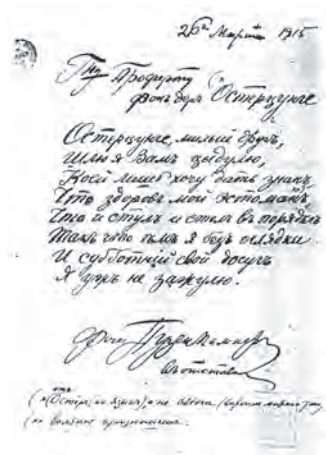

Н. К. Метнер. Рисунок М. Добужинского, 1935 г.

На рисунке нотный автограф Н. К. Метнера – фрагмент романса на слова А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем» (ор. 61, № 3) и ниже надпись:

«Дорогим друзьям Наталии Николаевны и Ивану Александровичу Ильиным от любящего их Н. Метнера»

Стихотворное письмо Н. Метнера «Г-ну Проферту фон дер Остерцунге»
(И. А. Ильину), положенное им на музыку («Цыдуля»). Москва,
26 марта 1915 г.

Рисунок Н. Метнера с надписью: «В ответ на Ваше кошунственное
сравнение вот Вам: таков я был бы в старости, если бы дожил до нея...
Ваш Пузенкамфф»
(ответ на шуточный стих И. А. Ильина «Барону Пузенкамфу»)

8. Идиотика-Трех-Апельсиника.

«Но сук преломленный
За платье задел, –
Пастух удивленный
Всю прелесть узрел...»
Пушкин.

«Ну, барин, спасибо! Табе таперь Бог пошлет
жану́ об трех сиськах!»...

Из беседы с благодарной бабой.

Дорогой Читатель! По слухам появилось некое новое
пузы-кальное произведение под наименованием

«Любовь к трем апельсинам».

Трудно описать, какие внутренне противоборные чувства
вызываются в здоровой душе этим заглавием. Ибо, в самом
деле, кто не любит апельсины, напр. корольки? «Апельси-
ны» к тому же рифмуют с «именины», «витамины», «поцелуй
Нины», «перины» и, кто знает, может быть, и с другими сла-
дострастными объектами. И кто не предпочтет *два* апельси-
на – одному, а *три* апельсина – двум?

Но поколику все на свете многозначительно, а выпрен-
ный ум успокаивается только на глубочайшем из многих зна-
чений, потолику в душе наступает немалое замешательство.
Ибо некий сокровенный голос, некое созерцание естества, не-
кое подь-одежное прозрение в сущность вещей – настойчиво
шепчет о скрытой противоестественности в оном пузы-каль-
ном произведении.

Сей голос утверждает, что по естеству человека ему при-
личествует

I. любовь к одному банану – – <рис.>

II. любовь к двум апельсинам

III. любовь к одному арбузу

но совершенно против естества восстает и даже пре-
мудрым Сирахом объявляется предосудительной

- I. любовь к двум бананам –
  - II. любовь к трем апельсинам
  - III. любовь к двум арбузам
- <рис. Подпись: Pinx.
Анатомов.>

Вследствие чего возникло предположение: сочинителя одного противоестественного и природоухульного произведения подвергнуть нещадному наказанию, присвоив ему унижительное и позорное наименование «п-р-о-к-о-фь-е-в-а», что по-санскритски значит: «противоестественник» и «соблазнитель»...

Бесплатное приложение

9. Идиотика-Автобиографика.

Кто-то обратился к редактору с предложением написать свою автобиографию, на что редактор отвечал, что он был философ и что:

Жизнь философа была
Преплачевная:
Накрывала его мгла
Ежедневная...
И в спустившейся ночи,
Вместо сладости,
Снились сны – ну, хоть кричи,
Просто гадости!...
И, увы, то была *явь*
Историческая,
А к тому еще прибавь –
Политическая.
Бился с гадом он на смерть
Дерзновением,
И сияла ему твердь
Откровением...

Гад грозил и клеветал
Уязвительно...
Иногда совсем глотал –
Возвратительно!
И повадка у него
Вечно-жадная...
А утроба-то его –
Просто смрадная...
И во чреве, в темноте,
Как пред битвою,
Пребывал он в простоте,
Что Иона во ките, –
Со молитвою.
Так весь трудной жизни срок
Шел уроками...
И творить философ мог
Лишь намеками...
Насладиться не пришлось
Ему садиком:
Провозился он насквозь
С гнусным гадиком.
А хотел он вышины
Вдохновительной
И искал он тишины
Упоительной.
Не дался полет уму,
В зло попавшемуся...
Тут и точка ему, –
Неудавшемуся...

<рис.>²⁷¹

Конец

СТИХИ И. А. ИЛЬИНА
ИЗ ПЕРЕПИСКИ С И. С. ШМЕЛЕВЫМ²⁷²

Письмо от 11 августа 1932 г.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

<...> Теперь к делу.

Посылаю Вам письмо, написанное мною Вам *два года тому назад*, но не отосланное: dans le doute, abstient toi²⁷³, что я и сделал.

Посылаю Вам его на следующих условиях. В нем две стороны:

1) проблема «нового поэтического канона», которым надо вычистить пошлость из современной русской поэзии. Эту идею мы можем с вами вдвоем развивать сколько угодно. Даже можно основать «Академию поэтической вседозволенности» и всех пробрать и доконать.

2) Эта идея облечена в *условную одежду* «Питирима Ивановича Равки»²⁷⁴, якобы изобретшего сей канон. Эту условную одежду я даю *только как материал*, над которым *Вы властны сделать все, что захотите*. Назвать Питирима иначе; исправить его биографию и манеры; создать *совсем другой образ, какой Вам заблагорассудится*. Я заранее на все согласен. Только, чтобы можно было свободно развивать его «поэтический канон». Вы можете одни черты, мною набросанные, оставить; другие забраковать. Или же *все переделать*

в его очертании. Как хотите. Я потому Вам не посылал это письмо, что совестно было предлагать *Вам* готовую фигуру. А теперь меня вдруг осенило: дать Вам над художественным образом *полную власть*.

Теперь прочтите двухлетнее письмо. А потом перечитайте *это* письмо. И через сутки – ибо *даю Вам сутки на размышление* – ответьте.

Вот и все пока. Душевно Вас обнимаю и целую ручки Ольге Александровне. Привет милому Ивику.

Ваш И.

1932. VIII. 11. Zürich. Hötél Sonnenberg.

1930. август

Дорогой Иван Сергеевич!

Я все обдумал, взвесил и решил: *поэтическое* общение с Вами я могу продолжать, только в том случае, если Вы признаёте поэтический канон Питирима Равки. Если нет – так нет; как хотите!..

Но Вы, впрочем, еще не знаете, кто это такое Питирим Равка и какой у него поэтический канон? Хорошо; я согласен дать Вам краткие сведения. Мой сравнительно недавний приятель Питирим Иванович Равка, неокончивший семинарист, что не мешает ему воображать себя попом и так иногда подписываться. Впрочем, он вообще любит подписи псевдонимного характера. Семинарию он не окончил, но поэтическим талантом ослепил всех еще с детства и прекрасно знает поэзию многих народов. Сейчас ему около 37. Он холост, но почему-то вот уже десять лет называет себя «мòлòддòжòнòм» (должно быть после каждого нового похождения). О своей фанаберии, будто он поп, он проболтался впервые несколько лет тому назад, прислав мне во время своей болезни, когда он мечтал ехать в Италию, и притом именно в Меран²⁷⁵, следующее несколько нелепое четверостишие:

Кто приедет раз в Меран –
Тот уже не помиран!
У того пойдет поправка...
Сочинил стихи – поп Равка.

Он, по-видимому, из малороссов, но украинцем себя не считает; напротив, считает себя почему-то северянином и выражает это обычно так: «мы с Игорем Северянином северяне». Он õкает по-семинарски и в одном стихотворении своем поместил даже ремарку: «читается на õ»; кажется, это стихотворение называется «Крòкòдилò»²⁷⁶. Он присылает мне свои рукописи и, несмотря на очень высокое самомнение, все советуется со мною – печататься ему или, как он говорит, «пòвòддержаться». Стихотворений у него много; в некоторых проблески несомненного таланта. Но в других не мало сомнительного и подчас какая-то странная подражательность; эти последние стихотворения он и подписывает как-то по-особенному, например, Александр Брок, Пучеслав Рыдванов, Святополк Окаянный, и даже Анна Лохматова. Но больше всего его злит, когда его сравнивают с Кузьмою Прутковым; тогда он краснеет, пыхтит и начинает говорить дерзости, ко всякому слову добавляя «Кочкина²⁷⁷ ваша мать»; что уж совсем не хорошо...

О внешности его трудно сказать ясно: он среднего роста, волосы густые, масляные; не то борода, не то нет; говорят, будто он похож на Чернышевского в молодости, а может быть слегка на Добролюбова. Я их обоих в молодости не видал и судить не берусь. Он ходит всегда в длиннополом сертуке; ногти сомнительные. В поэтическом вдохновении иногда говорит стихами по полчаса и больше *подряд*, экспромтом, редко запинаясь – и всегда просит «пòзаписывайте, пòзаписывайте же! Это ж у меня вдòхнòвание».

С год тому назад он прислал мне свой поэтический *канон*; должен сказать, что канон продуман серьезно и почти выдержан в «научной» терминологии. Я очень заинтересовался,

а он был страшно горд. Тогда же мы с ним крепко выпили и побратались; и дали друг другу обязательство производить «поэтическое общение» только с теми, кто этот канон (приносит «канон») признаёт.

Теперь о самом каноне. Изложить его целиком я не берусь. Но вот кое-что существенное – и Вы прямо мне скажите: *можете* Вы признать этот канон, или нет. Вы можете даже не просто «признать» – а написать, что Вы его «*ab ovo*» и «*a priori*»²⁷⁸ *не отрицаете* и склонны признать его новым и интересным. Я так и передам Равке, а он давно уже пристает ко мне: «написали бы Вы, этò, разок Шмелеву-то о моем каноне, мòжет, он и òтзòвется»...

Основы его канона таковы:

1) «позвòлительнò все, что выразительнò и заразительнò; все прòчее предòсудительнò».

2) «новое лучше старого; неслыханное лучше слыханного; поэтических ересей нет; выражайся и заражай».

3) «ни за какими ядрами, зернами, замыслами, смыслами, сюжетами, и прочими òткрòвениями не гнаться; они сами всегда тут как тут – *даже наддèли*».

4) «грамматика, стилистика, орфография и фонетика – суть условное достояние отживших предков; вдохновению пути необузданы».

Вот четыре главные основы. Отсюда он, как он выражается, «дидуцьюрует» ряд новых поэтических законов и форм. Таковы, напр.:

1) *Рифмующий неологизм*:

Напр.: «Эта злая ведьма,
У окошка *седьма*,
Вечно штучки *штучит*
И глазами пучит».

(NB: другая форма называется у него «*неологизм средистрочный*» № 2)

3) *Эмоциональный завоёв:*

Напр.: «Что за лодырь беспредельный
Этот вялый рукосуёв!
О, растяпый! О, скудельный!
А – э – и – о – уй!».....(читать завывающе)

4) *Неосклонения и неоспряжения.*

Напр.: «И купив сто тридцать плюшков (Это склонение
Он их лопнул сгоряча; попадаетея часто
И в уткнутии подушков и у А. Ремизова)
Корчился урча».

5) *Напряженные переносы:*

Напр.: «Бесконечное дрепло (Из стихотворения
Шло к рождению... «Внебрачная муза»)
Сам не рад я был опло – – – – (напряжение!!!...)
дотворению».

6) *Многозначительные описки:*

Напр.: «Может злостная коррупция
Оглушить и погубить...
Утомленная интупция (вместо «интуиция»)
Мне откажетсе служить».

7) *Жидимó* варваризмов:*

Напр.: «Вот и Гольднер Лёве* из поэмы «Пильниц»²⁷⁹)
Отелили** нас... *(трактир!)
Горечь пива в зеве ***(поместили в отель)
Прямо аус дем фасс»²⁸⁰...

8)** *Сокровенные намеки:*

Напр.: «Видим: местный дам – вишив (оттуда же)
Хер же – вовсе лыс (вероятно Негг²⁸¹)
И, покинув дамфшиф²⁸²
Вверх полезли мы-с!»

---

* Примечание Ильина на полях слева: вероятно jeu des mots [jeu des mots, фр. – игра слов].

** Примечание Ильина на полях слева: Не для дам!

9) *Строки с загадочным смыслом:*

Напр.: «Слышишь – под водою

Легкой чередою

Странные созданья

Ловят мирозданья

Тайные порывы –

A – pa – и – вы – и – вы»...

(читать растянуто
и нараспев)

Довольно! Вам все должно быть уже ясно. Таких законов и форм он насчитывает до *ста семнадцати*; – потом он их *комбинирует* и делает последний вывод о *поэтической вседозволенности*: «*вдохновению пути необузданы*».

Еще будучи в семинарии он утверждал, что «*licentia poetica*²⁸³ составляет самое естество поэзии», и имел по этому вопросу пренеприятные объяснения с учителем словесности Ферапонтом Трикратовым. На этом у него собственно и сорвалась академическая карьера. Однажды этот Трикратов, раздраженный его теориями, долго пытался его урезонить перед всем классом, доказывая ему, что «упрямство есть неразумная настойчивость»; Равка не сдавался. Наконец Трикратов вспылил: «Дурак ты, Равка! Это хению все позволено, а тебе, олуху, – *все запрещено!*» Равка не вынес этой обиды и ответил: «Кто из нас олух, Ферапонт Ферапонтович, это еще проблема*); а за вашу лицензию поэтику я вам скажу – Кочкина ваша мать!» – Тогда же его и выгнали из семинарии.

Вообще с Равкою не легко иметь дело. *Во-первых*, у него в стихах попадаются *неприличия* – и в виде намеков, и прямо так. Он их подводит под закон «*поэтического обнажения*» (№ 31). Так, что когда он читает свои стихи при дамах, то я всегда в тревоге. *Во-вторых*, он совершенно не признает, что он может написать *плохие* стихи – и защищает *всякий* свой

---

* Он и теперь говорит «проблема» (примечание И. А. Ильина).

продукт, как *перл создания*: всякое несовершенство возводит в закон и спорит до пятого пота. Выходит, что «это» – не только дозволено, но еще и *достижение*.

Ну вот, например, в какой-то своей поэме, описывая посетителей горного курорта, он пишет:

«Вот – две леди: сухопары,
Длиннозубы и поджары...
Посмотрели впрао – влео,
И на все сказали: э-о!...»

Положим, англичанки действительно на все говорят «э-о!». Да еще смесью из живота и горла; да еще с чертовским безразличием (это *застывшее* удивление, из коего, вопреки Аристотелю, решительно никакого познания не вырастает²⁸⁴)... Но что такое: «впра-о, вле-о»? Он уверяет, что это особый поэтический закон (№ 48): «*предчувствующее рождение рифмы*»; т. е. рифма третьей строчки, предчувствуя рифму четвертой (э-о), во всем ее англо-американском упорстве, – *родится в уже измененном виде* (вле-о). Он уверяет, будто то же самое бывает и в природе, и в обществе: «*вождь рождается в предчувствии своей будущей социальной проблематики*» – и черт знает, что еще!

Или еще замечательнее. Чувствуя, что у него в импровизации строчка не выпекается (напр., затеет пятистопный амфибрахий, а выпрыгивают куцые ямбы; или дактили на хорее станут сбиваться) – он начинает чинить прорехи вставками, вдвигая словечки «уж», «ведь», «слышь», «мол», «те», «бряк», «дескать», «значит» и т. под. Я ему раз указал, что это *ситцевые заплаты на фраке*. Рассердился; полчаса меня отчитывал: это, говорит, закон *ритмической интерполяции* (№ 83); действие его состоит

1) в оживлении общения между поэтом и читателем:

напр.: «Он, *слышь*, не целил никуда
И выстрел, *значит*, не беда!»

2) в наглядности рисунка:

напр.: «Я подошел и, *бряк*, сказал
Что это просто, *мол*, скандал
И что *те*, я *те* посажу
И что *уж*, я *уж* докажу» и т. д.

И при этом начинает ссылаться на какие-то свои находки у Некрасова, Кольцова, Бенедиктова и в народных песнях. А надо сказать, что приведенные только что примеры – из лучших, потому что взяты из ямбов живой болтовни, а не из дактильной штопки.

Однажды, в эпиграмме на какую-то женскую анафему (не то на Зинаиду Гиппиус, не то на каргу Брешковскую) – он вставил такую строчку:

«Это выдра, мымра, грымза!» –

и оставил «гримза» без рифмы. Я подозреваю, что он просто не нашел рифмы, хотя он и уверяет, что все имеет свою рифму (даже «яблоня», «косинус» и «мымра»), ибо «Демиург был ве-ли-чай-шим поэтом». Оказывается и с «гримзой» – новый закон:

«обкармливание мнимую рифмою» (№ 112).

Я сначала спорил, но потом он привел мне свои стихи к поэме Скрябина «Перметей» (он называет ее Сперметей и уверяет, что конкурировал с Вяч. Ивановым, тоже сочинявшим текст для Перметея; и будто он, Равка, победил):

Перметей:

«Вы, выдры, вы, мымры, вы, гримзы!
Вы мылами выи повымыли?? ...»

Девы перметеева гарема:

«Мы, выдры, мы, мымры, мы, гримзы –
Мы мылами выи повымыли!!» –

Это было убедительно, и я признал закон «обкармливания мнимой рифмой»... Ибо в самом деле: какую же после этого еще «рифму»?! Вообще изучение стихов капитана Лебядкина, Вячеслава Иванова, Игоря Северянина, Марины Цветаевой, Андрея Белого, Есенина, Маяковского и других в очень многом оправдывает «дидукции» Равки. Поучительны и анализы стихотворений Тредьяковского и поэтов допушкинской поры. Много можно найти и у современных парижско-русских и берлинско-русских прозаиков («галло-россы», «глаго-россы», «гадо-россы», «младо-россы», «плодо-россы», «подло-россы», «быдло-россы» и «жидо-россы»). Внимательный историк литературы и зоркий теоретик словесности когда-нибудь подтвердят эти мои указания (напр., в одной газете, в серьезной передовице я прочел: «Рассуждая с *птичьего дуазо*²⁸⁵, надо признать, что Внешторг обречен на неудачу»...). Узнав, что эта статья была в Руле у Гессена²⁸⁶, Равка установил новый закон «*жидимò еврейское*» (№ 117²⁸⁷) и хочет использовать его в поэзии. Он даже набросал что-то вроде «*Эпитафии Иосифу Гессену*»:

«Взлетев на птичье дуазо*
Я взял с собой свое пузò**,
Но позабыл и руль (!) и крылья...
И тщетны были все усилья:
Россию долго я мутил
И в эмиграции почил...

В довершение позвольте, дорогой Иван Сергеевич, исполнить второе настойчивое желание Равки и привести Вам целиком два его стихотворения (он называет их не «пиэсы», как во времена Пушкина, и не «поэзы», как в эпоху Игоря Северянина, а «*мòрсò*»²⁸⁸). Какие законы его канона он здесь использовал и применил, Вы увидите сами.

---

* «жидимо еврейское» (примечание И. А. Ильина).

** «закон уступчивого ударения» (№ 92) (примечание И. А. Ильина).

Пробное морсо. № 1

Внебрачная муза

Необузданной поэтессе, безмерно
вдохновившейся моими стихами

Душу, грешную (увы!),
Покорив мою,
Забеременели Вы
Легкой рифмою.
И стихи на тот же день,
Недоношенные,
Через колоду, через пень
Шли непрошенные...
Выпирало их из тьмы
Биллионами.
И довольны очень мы
Были оными.
Громоздился стих на стих
Просто мы – не дыши!
Но бывали среди них
Также выкидыши...
Ночью, днем, в тиши, в пути
Безначальная,
Нарастала прорва сти – – –
хов скандальная...
Бесконечное дрепло
Шло к рождению...
Сам не рад я был опло – – –
дотворению.
Превратились роды в ад,
В беспардонное,
Но нельзя уж взять назад
Раз рожденное.

Так поэзии дары,
Коль внебрачные, –
Нас ведут в тартарары
Вечно мрачные²⁸⁹.

Пробное морсо. № 2

Кавказ

Игорю Северянину, королю и брату

Врачей я сразу понял,
В уездах зная толк:
Я вещи овагонил
И закупэил шелк.
Экспресс заминералил,
Полезла быть в стекло,
Инсект меня ужалил
И солнце опекло.
Мне стало пылесосно...
Проснулся, – поезд стал.
И тотчас влаги росной
Я липко возжелал.
Вокзал постройкой прочен –
Обыденный вокзал...
И весь зачерноточен
Мухами главный зал.
Вдыхает газетёрка,
Копейками брянча...
Каретная шестерка.
И бабья саранча.
И запах иодоформу,
Карболовая вонь.
Я вышел на платформу
Спасти свою обонь.

Обдумывал поэзу
И сразу изнемог –
Почуял отстрорезу
Внезапно в желудок.
Отдельный вход для мущин,
Своя для женщин дверь...
Жандармом недопущен,
Я мучился, как зверь.
Потом ходил к буфету
И к буфетёрке льнул;
Коньячиться поэту
Гарсон подстулил стул.
Смотрел, как бутербродит
Подбрюченный студент,
Как сторож мимоходит –
И смаковал абсент.
По знаку шефдегара
Продрюлил кондуктор, –
И локти кочегара
Зауглили мой взор.
И поезд кисловодит,
И жалит зло инсект.
Язык мой кисло водит
В защечности конфект²⁹⁰.

Святополк Окаянный.

Теперь Вы, дорогой друг, в курсе дел. Я долго отказывал Равке и не писал Вам. Но Питирим Иванович действительно обладает «неразумною настойчивостью» и упросил меня написать. Он, кстати, был у меня тут проездом из Парижа (просил Недачина принять его преподавателем в гимназию леди Детердинг²⁹¹, или по его произношению Дети-рдинг и, получив отказ, уехал опять к себе в Сербию). Она будто о «детях рдеет» (радеет?).

Так вот, ответьте, что сообщить Равке, и имею ли я отныне право поддерживать с Вами поэтическое общение, будучи последовательным Равкианцем и Питиримщиком.

Ваш И.

Письмо от 27 августа 1932 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

Случилось то, чего я опасался – Равка с радости ошалел, напился и написал Вам моветонное письмо. Что же делать – такая натура! И мне тоже накатал послание. Посылаю Вам его (с позволения сказать) эксцесс, ничего не исправляя и не меняя. В исполнение его неотвязчивой просьбы посылаю Вам одно его «морсо», которое он особенно любит и целыми днями распевает на мотив «Круговой поруки» («С ружьем в руке охотничек по полю проходил»). И при этом всегда фальшивит.

Мы сейчас в Гриндельвальде, в Бернских Альпах. Высота 1030 метров. Сегодня ходили к леднику – страшный! голубой! грязный! висит и непрерывно под себя пускает! Хорошо, что Равки не было – уже он бы сочинил какое-нибудь морсо.

Душевно Вас обнимаю. Со стихами равкиными поосторожнее. Там не все прилично. Ваш И.

Сон

Посвящается русским народникам

Объевшись раз за ужином,
Я видел странный сон: –
Народники по дюжинам
Всходили на балкон.

Речами несуразными
Мутили всякий сброд
И бородами грязными
Трясли на весь народ.

Кричали, что «инструкция
Нужна для разных дел»,
«Аграрная продукция»
И «черный передел»...

Кричали, что их партия
За власть возьметса, коль –
Народу выйдет хартия,
Земля, и хлеб, и соль.

Пройдет Руси бессилие,
Дадут деревья фрукт,
Начнется изобилие,
Размножится продукт...

И только что «размножили» –
Слышна вдали гроза:
Дороги словно ожили,
Идут, скрипят воза...

Чтоб угостить народников
Продуктами земли,
Двенадцать тыщ отходников²⁹²
По бочке привезли...

И сами – все на корточках...
Ах, нет на вас пути!!*
Пришлось открыть все форточки,
А самому уйти...
И что же в назидание
Осталось от всего?

---

* Это для детей и дам. Для взрослых иная редакция:
«Ах, м... вашу...!» (примечание И. А. Ильина).

Страдало обоняние!
А больше – ничего...²⁹³

<Далее следует письмо Питирима Равки, написанное особенным вычурным, отличным от Ильинского обычного, почерком. – Ю. Л.>

Достоименнейший и всеобщезвестный
Иван Сергеевич!

Утешили! Прямо скажу: утешили и обрадовали! Наконец-то наш Профессор разрешился от бремени и написал вам о моем *каноне*! Все откладывал, откладывал, 2 года уже. И чего откладывал? Трусил за меня, что ли? Ведь изобретение-то *мое*, а не евоное! Ну, не понравилось бы, и беды ему нет.

Но теперь нас уже ТРОЕ АКАДЕМИКОВ! Мы совокупимся усилиями – и все попрем! Мы распустим такие Буни, мы наделаем таких Мережков, подпустим таких Алданчиков, что всех об Ремизим! Каноны мои, каноны! Выражайтесь! И заражайте!

Смачно – сочно –
Хоть двустрочно –
Толстым квачем –
Набулгачим –
Вдохновимся и възграем –
Нагло набелибердяем –
Всех поэтов мы обставим –
Удивляться мир заставим –
Эй, поэтицы – каракатицы,
Литературные пустосвятицы!
Худо-севичи пусто-певичи
фрррррр – щелк! На обеи ЛАПАТКИ!

Нобелять-то нам же всем-то уж вряд ли придется, но
накобелять-то мы сумеем!

Гип, Гип, Гип – – иус! – ура!

Присылайте скорее Ваши академические материалы, а Я буду присылать свои. Я же ж давно говорил – Гению Пути не заказаны. А Профессор-то наш все не верил. На радостях пишу и ему, чтоб он вам послал из нашей с ним коллекции;

Ах же какие у нас скопляются морсы!
Тезоименитейший, молю! Рожайте необузданно!
Поймите – все же дозволено!
Даровитейший! Жду от Вас эксцессов академических!
До свиданьица-с!
Ваш Вдохновенный
Пети – Пити – Пяти – без пути

мы

не

сго

Рим²⁹⁴ ===== **Рим**
Равка

(с радости усидел
красного – 3 бут.
пива – 4 бут.
грогу – 3 стак.

Итого – 10 штук.

Пишите мне на профессора! Ура!

Письмо от 26 августа 1934 г.

<...> Между прочим в предвидении попыток к церковно-му примирению²⁹⁵ отправляю отцам Митрополитам ниже-следующий адрес, для того чтобы с своей стороны и сюда влить, как сказано у Шмелева, «хо-ро-ший ушат меда». Предлагаю этот адрес здешнему объединению национальных организаций, но они кажется не решаются отправить его! О робость – это ты!

1. Мирись, мирись, Митрополит,
И протяни другому лапу!
Храня надуту-чванный вид,
Ты тешишь дьявольский синклит
И католического папу.

2. Преосвященнейший Антоний!
Оставь Кирилловы права!
И всех похабных антимоний²⁹⁶
И матершиннейших зловоний
Забудь презренные слова!

3. Преосвященнейший Евлогий!
Ересиархов сократи!
Отринь советские подлоги,
Не чти масонских антологий, –
От них не будет нам пути.

4. Единой Церковью повиты,
Смиритесь, о Митрополиты!
Зане: от дьявола гордец!
Забудьте нашепты и вздоры,
Словес пустые перекоры,
И мир уставьте наконец!

5. И пусть умолкнет похоть власти,
Уснут монашеские страсти,
И учинится дух един!
Об этом просим мы смиренно,
Молитвенно, объединенно
Весь верный русский Ваш Б – н²⁹⁷:
    Я – Боткин²⁹⁸,
        Лямпе
            и Ильин!

Одобряете ли *Вы*? Если да, то я пошлю это от себя; конец предлагаю так:

О сем прошу я Вас смиренно,
Припав коленопреклоненно
К стопам возвышенных седин!
Со дерзновением: Ильин.

Подчеркиваю достоинства этого адреса:

- 1) Искренность и точность;
- 2) дерзновенную правдивость;
- 3) различение *грешного лица* и *возвышенных седин сана*;
- 4) нарастание строф, подъемлющихся
от 5 строчек к 6 и даже к семи
и как бы просительно долбящих аккумуляцией рифм!

Но если Вы не одобрите, то я, пожалуй, воздержусь. <...>

Ваш Иоанн (имя ему²⁹⁹).

1934. августа 26 дня.

Письмо от 15 августа 1929 г.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

И дернуло же Вас написать, что «я – поэт». За что же, не боясь греха?!... Ну вот – и расхлебывайте, как знаете... Я немедленно «вообразил». Вообразил, что я поэт; и из меня *поперло*. Правда, не первый раз в жизни; но я до сих пор думал всегда, что это не более чем «праздность поносная» (Пушкин) и всегда казил сочиненное на ноге. А теперь – пожалуйте! И все – *Вы*: «*поэт*» – «*поэт*». Но *поэтом* и получайте!

Только Бальмонту не показывайте, а то он подумает, что я подумал, что я – минимум Бенедиктов, а то и целая Маришка Цветаева.

Предупреждаю, впрочем, что это не лучшее у меня. Это – так себе, ошурки, охлопки, осадки и озадки. Я могу сочинять совсем как:

- a) Вячеслав Иванов
- b) Игорь Северянин
- c) Анна Ахматова –
- d) – и как некоторые другие.

Впрочем, если не хотите – не верьте.
Обнимаю Вас, мой сопээт!

Ваш Измус. <...>

Бабы

«Исполать тебе, жизнь, баба старая»

граф А. К. Толстой

Две толстые бабы,
Поправиться дабы,
Покинувши дебри,
Устроились в Шебре; –
Чтоб выдержать стиль,
В отеле Сесиль,
С балконом, и даже
На третьем этаже.
И вот – каждый вечер
Ненужные речи
У тонкой стены
Мы слушать должны...
А станет смеркаться, –
Трубою сморкаться
(Свирепой валторной,
Повторной, задорной)
Начнут обе бабы –
Поправиться дабы...

Взрывом, взрывом³⁰⁰,
С перерывом
С неожиданным надрывом –

Хвать!
Двинут, двинут,
И застынут...
Переждут,
Понадкопят, принажмут –
И опять:
Ревом, рокотом, тромбоном,
С хлопом, с хрюком и подстоном –
Продвигать
Начинают свою сырость
В захлебнувшуюся дырость!..

О, толстые бабы!
Умолкните, дабы
Нам слышать молчанье далекое гор,
И тихой волною
Уплыть с тишиною
Туда, где блаженно витает наш взор!...

Женевское озеро,
Шебр, отель Сесиль, третий этаж (без балкона).
Август, 1929.

Письмо от 23 августа 1929 г.

Иван Сергеевич, дорогой, коварный!

Как же Вы посмели? Ведь я же Вам *строжающе* запретил читать мои грехи К. Д. Бальмонту! Это с Вашей стороны «коварство», а не «любовь», накажи Вас Шиллер³⁰¹!

За это Вам не будет никаких «зимних», а извольте читать Бальмонту летнее посланье и отвечать мне стихами.

Зачем ты, друг, мои стихи
Читал в присутствии Бальмонта?!
Ты огласил мои грехи!..
О, ужас маленькой блохи

Прыгнувшей вдруг на мастодонта!..
Так старый корабельный кок
В морях испытанный бродяга, –
Кому не страшен бездны рок,
Кто всех страшилищ видеть мог,
Кому давно сродни отвага, –
Плеснет (как ты, мои стихи),
Не глядя в недра горизонта,
Остатки съеденной ухи
И всякой рыбьей требухи
На волны дремлющего понта...
И понт взревет...

Прости поэт! На твой алтарь
Попали брызги влаги мутной,
По воле прихоти минутной,
Грешащей ныне, как и встарь...
Но ты, как древле славный царь,
Негодованьем пробужденный,
Воспрянь и, гневом распаленный,
Воспой и умоли Творца,
Чтобы исправились сердца...

(*примечание, – т. е. чтобы я эдакого больше не сочинял, даже летом, а чтобы Иван Сергеевич эдакого больше вслех не вычитывал, – окаянные!)

Вот, что бывает, когда дружеская рука обнажает или оглашает человеческие *propudenda*³⁰².

Спасибо Вам, чудесный друг, за чудесное письмо. Но не собирайтесь меня деморализовать, о *vil flatteur*³⁰³! Вы думаете, что я и вправду Вам поверю и, как П. Б. Струве, начну при каждом неудобном случае цитировать «задняя моя³⁰⁴»?! Нет, не на такого напали:

«За что же, не боясь греха,
Ванюшка хвалит Ванюхà?
За то, что хвалит он Ванюшку»...

<...>

Ваш

Пономарь

с колокольни Иоанна Предтечи.

<...> 1929. VIII. Кажется 23, а, впрочем, Сталин его знает!

И еще уведомляю: третьего дня в Женеве мне искололи всю глотку шприцем и выжгли обе гланды; остались одни ох-востья; после этого я немедленно отбыл чрез Лозанну в Вершей-Леблан и

Истерзан пыткой рабов
теперь: (Неистовством врачебной банды)
Жую остатками зубов
Чтоб проглотить остатком гланды...
О делах после!

Письмо от 11 ноября 1929 г.

Милый и дорогой друг, Иван Сергеевич! <...>

Должен Вам доложить, что <...> есть еще и другое. Оно прислано было мне по почте, переписанное на машинке, за подписью «Рѣдѣдя» (через два ять). Автор мне неизвестен, но явно скрывает только свое настоящее, подлинное имя. Самый же «опуз» свой (от слова «пузо»), обнаглев, не скрывает. Но это его собственное дело и меня не касается. А откуда он взял эпитаф – я не знаю. Впрочем, когда взрывается Везувий, Этн, Котопах, Фуджиям, Попокатепетл – то искры летят повсюду и зажигают сердца. По-видимому, мы и являемся ныне свидетелями того научного факта, который называется «литературным влиянием»; и если «выпий ус» зажег «Мстислава»³⁰⁵, то

не естественно ли, что загореться мог и «Рѣдѣдя»? По-моему, это было неизбежно.

Итак, еще раз: «заседание» мы, или *не* «заседание», но – к делу! Вот, что мне прислал Рѣдѣдя.

Выпь

«Кто видал у выпы ус?

Зинаида Гиппиус!»

Ив. Шмелев

Кто, надев лихой картуз
На холерную фигуру,
Закрутив свой выпий ус,
Тешит хищную натуру:
Тащит всю литературу
На допросы в гепеу-сь³⁰⁶?!
Кто?

Это – гнида,

Зинаида

Без пяти минут Изида...

Не *она*, но и не *он*,

Вечно девственный Антон...³⁰⁷

Это – выдра, мымра, гримза...

И эсеровский мадонн.

Это – Веста

Не у места,

Фараонова невеста ...

Это – злобная яга,

Детоедная корга –

В ней от зависти и злобы

Почернели три утробы...

Это – выпь!...

Дохлорыбь

Петербургского мороза...
А стихи ее и проза –
Подозрительная сыпь...
И зовется та сильфида
Штукатуреного вида
(Оборвем ей выпий ус!
Сбросим ей лихой картуз!)
Зинаида
Гиппиус!

Рѣдѣдя
Марокко.
Сентябрь 1929.

Правда ли Редедя был в Марокко или врет – не знаю. Марка была разорванная, а штемпель смазанный. Впрочем марка все-таки французская. Может быть, никакого «Марокка» не было? Но литературный факт остается фактом и Вам предлагается его зарегистрировать. На этом сегодня кончаю. Знаю, что отозвался далеко еще не на все, что было в Вашем письме; но – отзовусь еще. <...>

Ваш
Нисколько – не – рѣдѣдя.
<...>

Письмо от 30 августа 1931 г.

Милый и дорогой Иван Сергеевич!

<...> Хотел Вам писать в ответ деловое письмо. Но решил, что Вы сначала должны быть введены в условия нашего быта. Жизнь наша, как мне здесь открылось, состоит из *творчества* и *скворчества*. И вот, – сначала идет скворчество. Вы, конечно, с Вашей ядовитой пронзительностью, скажете, что у большинства людей ничего кроме скворчества и нет; и что у тех, у кого есть творчество, оно слишком часто сбивается

на скворчество. Но... прошу не намекать, а то не изложу Вам Гегеля в пяти словах. Кому сколько отпущено. Есть, конечно, и такая философия, по которой человек образуется путем вычитания из Бога – так, что – «что кому не дано, у того взядено»... Но в такие глубины я пускаться не могу – они для Белибердяева и для Бульбульгакова.

Итак – вот о нас. А остальное в скорости.

Обнимаю Вас нежно.

Ваш отец Катавасий Синедрионов

1931.VIII.30.

Абдрист:

с 1 сент. Schiveiz. Pura (Tessin). bei Dr. Trüb.

verte³⁰⁸:

→

Примечание к стансам:

Весь почти август с 9 по 31 мы провели здесь, на Фирвальдштеттском озере, на горе Bürgenstock. Наш отель Waldheim изображен на № 12, но дерево закрывает наш балкончик. Во всем основном – очень много Wahrheit и очень мало Dichtung³⁰⁹. Если Вы покажете эти стансы Бальмонту, Деникину или какому-нибудь другому профессиональному поэту, то я потеряю к Вам всякую доверчивость. Veto! Veto!! Veto!!!
<...>

Горные стансы³¹⁰

«К цветку прилипнул мотылек
И пьет его дыханье»

Жуковский

1931. август. Bürgenstock.

1. Их было двое искони,
Покорных вечным звонам.
И ездили в тот год они
По горным небосклонам.

2. Ища от века красоты
В безмерности и в мере,
Они достигли высоты
На сем фюникюлере.
3. И вдруг явились им огни
И разные народы.
И наслаждались они
Явлениями природы...
4. Все рассмотрели с той поры,
Что дальше и что ближе:
Вдали виднелись две горы
И пропасти пониже.
5. Весь день им пели бубенцы –
И нежны, и суровы...
То по лугам во все концы
Лямлямкали³¹¹ коровы.
6. И славил сам себя талант
И находил известность:
Над бездной стоя, музыкант
Трубил на всю окрестность.
7. Три франка взяв в карман плаща
И деньги уплатив те,
Они катались трепеща
То вверх, то вниз на лифте.
8. Являло им молчанье гор
Обращик совершенства,
И излучал коровий взор
Бесстрастное блаженство...

- [8. Раскрыла им все тайны гор
Альпийская сивилла,
И точкою влекла их взор
Рахманинова вилла.]
9. Все тайны гор открыла им
Альпийская сивилла...
И огоньком звала своим
Рахманинова вилла.
- 10.[9.] Забрав на пристани народ,
Дымя трубой от злости,
Возил их этот пароход
На эту виллу в гости.
11. Но жизнь без родины грустна...
[10. Но без друзей нам жизнь скучна]
Все кажется вопросом...
И их душа была мрачна,
Подобно сим утесам.
12. Когда ж туманные клочки
Вещали бурю злую,
Они играли в дурачки
Весь день напропалую.
- [11. Над ним вознесся горный вал
И снег виднелся даже,
А он грустил и вдаль взирал,
Жалея о покраже.
12. Вдохнув о жадности воров
И сшив рубашку другу,

Она бродила среди коров
Задумчиво по лугу.

12а. Являло им молчанье гор
Обращик совершенства
И излучал коровий взор
Бесстрастье и блаженство.

13. Но, кто любил и любит, тот
Пусть не томится всеу,
Он утешение найдет
И в нежном поцелуе.

14. А в дождь, надев свои очки,
Забыв погоду злую,
Они играли в дурачки
Весь день напропалую.]

Из письма от 27 июля 1930 г.³¹²

Вот масонская тюрьма
Под надзором злого франта...
Малокровие ума,
Худосочие таланта...

Загадочная телеграмма*

Телеграмма-криптограмма,
Непонятная реклама,
Ты явилась, словно дама,
Без халата, в пижаме,

---

* И. С. Шмелеву, от которого 4.Ш веч. пришла телеграмма, а 5.Ш утр. не подлежащее вскрытию письмо (примечание И. А. Ильина на втором экз. машинописи стихотворения).

И дразня, и улещая,
Непонятное вещая,
И касанье воспрещая –
    К сокровенному в письме...
А потом – письмо явилось
И в руках моих томилось...
Любопытствуя, ярилась
    Соблазненная душа...
Но запрет постигнув строгий,
Содрогнулся я, убогий,
И обратную дорогой
    Я письмо пустил, спеша
По французской по равнине,
Размышляя о причине;
И «остался след в морщине»³¹³
    Изумленного лица...
Шмель! Зову тебя к ответу:
Ты причину злую эту
Объясни скорей поэту
    Ради Господа Творца!!...

5 марта 1947

И*.

Письмо от 15 февраля 1948 г.

Дорогой Иван Сергеевич!

<...> А я все негодяйствую. Дня три назад съездил в Цюрих – обычная поездка, а я устал, как запаленая лошадь. Вот откуда этот беспардонный опус, обращенный к приставателям (*лекции* им нужны, *доклады!*...):

---

* На листке с присланными ему стихами, Шмелев записал: «3.3.47 послал злосч. письмо И. А. И-ну, посвящая ему “Богомолье”, уже посвящ. памяти Ал<ександра> I – Югосл<авского>. 4.3 – депешу – не вскрывая, вернуть п-мо. Вот на эту депешу, возвращая мое п-мо не распеч., И. А. пишет эти ловкие стихи. И. Ш. <...>».

«Что вы это, сволочи,
Ко мне пристаёте?
Пущу вас, от желочи,
По такой-то тётё!

Утомлен я вóвесьрост
Даже до расслабушки...
Так идите псу́ под хвост
По такой-то бабушке!.....»³¹⁴

<...> Обнимаю. Ваш Станислав Конопатский-Конопат.

<...> PS. Сообщал ли я Вам фамилию здешнего директора радиостанции? Я выступал у него 1 1/2 года назад. Его зовут:

Директор Доктор Якоб Ёб.

Director Dr Jakob Job.

Еврей. Игра природы.

О нем тоже есть «опус»³¹⁵.

Игра природы

Сказать: «Директор Якоб ...,
Но ... – без дополненья».....
И всякий схватится за лоб
От страшного смущенья!

Наивный спросит: «Но – кого?!
С кем он делил досуги?»
Он *просто* ..., без никого:
Он может без подруги!

Он ..., оставшись один,
Нисколько не смущаясь;
Он ... от детства до седин,
Ничуть не утомляясь.

Он ... – от молодых ногтей,
От самой колыбели,
С гостями ... и без гостей,
На крыше и в постели.

Он в полдень ... и на заре,
В трамвае и в клозете,
В лесу, в болоте, на горе,
И в университете.

Он ... когда бывал влюблен
И разлюбивши грустно!
По почте ... и в телефон,
И письменно, и устно!

И вот – по радио он ...
В течение всей жизни,
И вечно морщил плоский лоб,
Вредя своей отчизне!

Он ... родил троих детей –
Что мальчик, то молодчик!
И все в папашу, говорят,
И каждый из них ...чик!

Когда ж его уложат в гроб,
То вспомнят его черти
И спросят: «Где здесь Якоб ...
При жизни и по смерти?!»

Письмо от 28 марта 1949 г.

<...> А люди неблагодарные скотины. Зашел ко мне приятель недавно. Заговорили о Викторе Андреевиче³¹⁶, ну, я, понятно, начал «о пользе стекла», что не надо его «читать

ниже минералов»...³¹⁷ А он вдруг и отмочил: стал в эдакую Шопеновскую позу (а Шопен мастер был, тончайший, передразнивать, уморить мог!), да и говорит: «он сэбэ укравченко, а потом удравчен<к>о, а потом продавченко»... Ну, знаете, я не выдержал и намылил ему голову! Что за безобразный антисемитизм!!

А он переждал, да и высыпал мне новую эмигрантскую азбуку:

«Греши, но кайся напоследок!
Гукасов³¹⁸ может так и эдак».

«Ругаться пьяному не диво...
Речь Солоневича³¹⁹ блудлива...»

«Прелестны Грузии долины...
Полезны были нам грузины».

«Сегодня мы варили раков...
Спасет Россию Байдалаков³²⁰».

Простите! больше не запомнил. Вот ведь бывают болтуны!...

Из разных писем

24.09.1929:

И тогда мое творенье – все равно, что *медный ключ*. Вы знаете?

Менный ключ упал на нно!
И досанно! И обинно!
Ну да ланно!
Все онно!

21.11.1933:

...Если станет томительно ждать...

«Слушай, брат Шмелини,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти – ильинские статейки о тебе»...

10.12.1933:

<...> Ведь недаром было сказано: «отсель грозить мы будем шведу...» Откуда – отсель? От премии Нобеля, данной Бунину. Потому что после этого, что нам швед и что мы шведу? Будем грозить – и никаких.

Или еще: «Уходит Бунин сквозь теснины».

Какие теснины? – провожающих на вокзале.

Куда? – В Стокгольм! Неужели не ясно?

Или еще: «За ним повсюду Бунин медный
С тяжелым топором скакал»...

И вдруг мне один приятель: «да, говорит, теперь по всей Европе какие-то литературные буни распускают»... Ну тут я уже, знаете, не вытерпел: «как, говорю, все говорят нет правды на земле? Но правда есть в Стокгольме! Мне это ясно как простая гамма!»... Ну и так дальше, до конца.

<...> Вот и все. Не могу больше, рука устала и гланда ноет.

«Пошли, Господь, свою* квартиру
Тому, кто в зимний хлад и вой
Идет близ бунинского пиру
И ног не слышит под собой...»

---

* Т.е. соответствующую, подходящую, tout comfort (примечание И. А. Ильина).

Середина января 1934:

2) Получил открытку от неизвестного мне туземца из Иены. Со стихами по Вашему адресу. Посылаю Вам оригинал и сделанный мною для Вас перевод³²¹. <...>

Копия

Многоуважаемый Господин профессор!

Старый друг «Света на Востоке»³²², который прочел «Bericht eines ehemaligen Menschen»³²³ («На Пеньках») Вашего земляка Шмелева, хотел бы позволить себе выразить Вам в прилагаемых стихах – не благодарность свою, это было бы слишком мало, – но свое *понимание* этой книжечки, а также и Ваших вступительных слов. Вот эти стихи:

Если ты слышишь бедственный вопль страдающих,
Глубоко обесчещенных и в муках погибающих, –
Как мог бы ты, нося в себе сердце ученика,
Пустословить и шутить при виде такого страдания?
Ведь это *наша собственная* провинность,
Что эти братья страдают за нас, виновников;
И где то христианское сердце, которое, исполненное любви,
Не приобщило бы себя *братски*³²⁴ такому кресту?
Ты христианин и ты мог бы молчать,
Где к небу подымается такое множество стенаний?
Ведь и ты рожден для страдания во Христе,
И ты избран к братскому *со-страданию*.
Ведь тебе не надо питаться тем хлебом страдания,
Который ежедневно отпускается твоим братьям;
Ты должен только делить с ними их сновидения
И издали пребывать возле их креста.

С предрождественским приветом «Lux lucet in Tenebris»³²⁵

остаюсь, незнакомый Вам, но

очень преданный

Карл Цергибель.

Јена. 3 дек. 1933 (адрес)

09.03.1935:

Ох, вообще – эта критика! Читали Вы фигу Кирилла Зайцева³²⁶ о Бунине. А? Нет, а?! Нет, а?! «Религиозный мыслитель», «мистическая озаренность», «святость быта». Читаешь и не знаешь – зачем это в литературе *все можно, все позволено*? Ведь человек брешет сплошную баздрухлопщину, рыздроглупство, переплюйную бесколесицу. Вот уж: «ах, душа моя – телега

Сани росс-пущ-ки...»

И не стыдно. И печатают. А мне дал эту фигу здешний Иеромонах Иоанн с сияющей улыбкой – говорит – «вот – почитайте» –

«святость быта».

Это у холодного язычника; это – у горького бессвятца – Бунина! А? <...>

Есть мера банальности на свете?

нечуткости?

пустоболтству?

безвкусию?

религиозному кретинству? – Или нет? Нет.

Вот тебе и: жидок Киря – ум у него гиря,

а сам Зайцев – поехал навестить китайцев...

Писали кот да кошка, дурак Ермошка – а остальное он сам,

Россия и Славянство³²⁷.

Нет, кладу перо – мерсі, мерсі, мерсі – если он критик, то я идиёт!

Бунина сравнил он с Бахом!

– ббах!

Почему не с Карабахом?

– трррах!

Уж валял бы одним махом:

С Галилеем, и с монахом...

Или с доктором Подпахом...
Или с доктором Магатом³²⁸...
Пирогатым, творогатым...
Все равно – уж крыть – так матом!
Быть писателем – так фатом,
Пустозвоном, легкобрехом,
На смех всем клопам и блохам...
Сочинять – так гипербòлу,
Издавать – так в «Парабòлу»³²⁹,
Гонорар – так дубатолу,
Удивлять – так всю Европу,
Размышлять – так через ж...у! Тррр... (Pardon,
merci!)

Простите, пожалуйста. Я конечно понимаю, что этот
экспромт «глупее Тургенева» – но видит Бог, он не глупее
зайцевской книги-фиги.

А за сим кончаю – зовут к чаю. <...>
Ваш Придворный эстетик и критикутик.

Маргобря 9. 1935.
Берлин

01.12.1946:

Выпишу себе «Темные аллеи». Недавно прочел роман
«Лица»³³⁰.

Лику я безликую
Умственно будировал.
С радостью толикою
Лику ликвидировал.
Что за ликование?
Безтолк-толкование!...
Скукой он пре-дикою
Лику препарировал.

26.12.1946:

Et puis – и вот – et voilà – et c'est tout³³¹.

«Как Феклунькин отец
Околеть хотел, подлец...
Околеть не околел –
Только в клуне проболел».

По этому случаю принялся за следующую книгу «Философия Религии». Книга начата в 1919 году, с тех пор была «в производстве». Но уж у меня манера такая:

Одна вдова профессорша
Три двойни родила –
И двадцать восемь месяцев
Беременна была

У меня «циркулярный философоз» (в отличие от «психоза»³³²) тянется всю жизнь. Варится в 10 котлах; который начнет «уходить» – с того крышка снимается, что готово – записывается – крышка закрывается – записанное откладывается – ибо другой котел «уходит» – надо за него браться.

В таком порядке прожил я жизнь и теперь, будучи уже «Феклунькиным отцом», стою перед начатыми, подготовленными, сильно подвинутыми или полуготовыми трудами:

1. Учение о сущности правосознания (закончено в 1919 году, надо отредактировать). <...>

09.01.1947:

Pps.

Как только сальто³³³ постучится, –
Друг, извести меня тотчас...
Авось смертность не случится
И все опять сойдет у нас.

27.03.1947:

«Что же ты, Вигеша,
Рваная бекеша, –
Обещал, да не принес,
И бумаги все растрес...
Намолол и насумбурил
И везде набедокурил:
Если ж курица пройдет,
Армянин с ума сойдет»...

16.05.1947:

Вы интересовались, почему автор церковной статьи подписи не дал³³⁴. Я наводил справки через знакомых и узнал следующее.

Это объясняется условиями его жизни, которых по-видимому даже ближайшие друзья его не знают. Он *не* имеет в своей стране права пребывания – его только «терпят»; ему строжайше запрещена работа в прессе; ему запрещена всякая служба и всякий свободный заработок; министерство ин. д. в его стране робеет перед его врагами и виляет хвостом. Вся жизнь его состоит из *импондерабиллий*³³⁵ *нерассказуемого* характера – т. е. все висит на волосках и зависит от Божией милости. Чему же тут удивляться, если он «шепчет»? И еще: если он решительно не доверяет незнакомым ему дядям-редакторам, которые к тому же 1. его и не приглашали 2. сами лишены и самостоятельности, и характера, и умственно-нравственного авторитета?

Как русской мысли душно, тесно
От «Русско-Мысленных» статей!
Как все здесь бледно, скучно, пресно!
Какая робость у людей!

Дорогой мой! Ведь им *с-о-в-е-р-ш-е-н-н-о* нечего сказать!
Ведь ни *одной* живой, дальновидной, творческой мысли в четырёх номерах! *Нет Шмелева – и хоть не раскрывай.* <...>

19.07.1947:

Или еще – помните – поэт Соллогуб (*не* «Тетерников») дурачился в Туле – (это мне рассказывал Е. Н. Трубецкой³³⁶) надевал чалму, загримировывался и в заезжем цирке зверей показывал (выговор кавказский):

1. А вот жилец фриканских стран,
Ему и прозвище – мандрила, –
Имеет кое-где изьян
И отвратительное рыло.
2. Природы странную игру
Собой являет кенгуру:
Ему при полной наготе
Кармашек дан на животе...

* * *

Зеелер³³⁷ спрашивает: чем он мог бы Вам быть полезен?
Я отвечаю:

«Пусть и этот Олеарий³³⁸
получает гонорарий»...

05.02.1948:

Настанет час силы и славы,
И Господь изречет приговор,
И лишится власти лукавой
Безбожник, предатель и вор.

А это рыхлое племя,
Изведав позор и печаль,
Закалится на вечное время
И станет как крепкая сталь.

СТИХИ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С Н. К. МЕТНЕРОМ

Объявление³³⁹

Открыта подписка
на подготовляющееся издание

**Полного Собрания Стихотворений
И. А. Ильина,**

посвящавшихся в разные эпохи жизни

Н. К. Метнеру

В том числе: Барон Пузенкампф.
Кофейник.
Кошица.
Перчатки.
Метнёрюцкий-Метнерюк.
Пильниц.
Письмо из Оберстдорфа.
Письмо из Trois-Epis.
Критический Польш.
Мариэтта.
Хохот.
Надпись к портрету Бетховена.
Стансы Бюргенштока.
Сто примочек.

В злых мигренях.
Мозги.
Я тебе в жизни.
Все течет.
Письмо из Блондона.
Басня Крылова по Полевому вопросу.
Фортепьянщик.
Бульдегомика.

и многие другие, даже еще не сочиненные.

В виду особого и общего желанья читателей будут при-
лож. 2 поэтич. обращения Н. К. М. к И. А. И.

<Письмо от 26 марта 1915 г.³⁴⁰>

Барону Пузенкамффу

Кондолеанс³⁴¹

Н. К. Метнеру

Милый барон!
Весь наш салон,
Скорбью одет,
Шлет Вам привет.
Тяжкий недуг
Нощию вдруг,
Бледен и хил,
Вас посетил.
Сделал Вам крампф,
Длительный кампф³⁴²,
Боль, тесноту,
И – пустоту.
Главное: звук,
Нежный Ваш друг
В тягостном «ох!»
Сразу издох.
Жалкий обман:
Мелкий орган

Нам в телефон
Вертит барон.

Пусть же свой миф
Горестный Пиф*
Снова найдет
И запоет.
Минет два дня –
И на коня,
Горд, как Бирон,
Сядет барон.
С двери засов
В восемь часов
(Помните час!)
Снимем для Вас.
Будут Вас ждать –
Грелка, кровать,
Хлопоты дам.
Киндербальзам,
Легкий супэ
И канапэ...

(вариант: Нерон)

PS: Кланялась матрешка Кума...

1915. 26 марта.
Москва.

Письмо от 24 июля 1915 г.³⁴³

1915. июля 24.

Дорогой Николай Карлович!

Я все готов понять, принять и простить. Запасы моей доброты неисчерпаемы и злостность моя есть миф, созданный Вами (поистине худшая из написанных Вами «сказок»³⁴⁴).

---

* Сие есть – мужская Пифия (примечание И. А. Ильина).

Одного только было и для меня zu viel³⁴⁵; одного и я не мог вынести, и до сих пор волны моей вопрошающей души разбиваются о скалу сомнений: неужели же Вы серьезно и глубоко убеждены в том, что мы здесь выписываем и аккуратно получаем газету «Крымские сплетни» (см. прилагаемый № от 16 июля, который мне удалось-таки достать с невероятным трудом). Я конечно не сомневался (вместе с Вами), что приезд такого выдающего музыкального звезде в Крым будет немедленно анонсирован (если не денонсирован) в этой и других южных газетах. Но ведь непонятным остается, откуда у Вас такая непоколебимая уверенность, что мы ее выпишем немедленно после Вашего отъезда из Москвы?

Конечно, можно было бы допустить и другое объяснение того, почему вы не сообщили нам своего крымского адреса: именно, Вы может быть хотите *изолировать* от нас. Вы может быть хотите «быть одни и позабыть о нашем приевшемся Вам за целый» летний сезон «переписки» существовании зейн хабен верден лобен и реден³⁴⁶.

Ну и что же Вы на это скажете? Какая гипотеза вернее? Умирите же волны моей разбушевавшейся от сомнений души.

Гимн кофейнику

Кто придумал, благодатный,
О, кофейник, о, тебя!
Фимиазму, нас любя,
Если хочешь, ароматный,
Испускаешь из себя!
Нам, творящим подвиг велий
И уставшим от труда
Крѣхт твой пузий будь всегда
Твердый знак больших веселий!

Пришлите же скорей свой адрес, милый кофейник! А до тех пор – пунктум.

Ваш Кофепитель.

Само собой разумеется, что мы ждем Вас на обратном пути. Анне Михайловне³⁴⁷ – «огромное *брагодарствуйте*» (см. С. Рахманинов «Мерсі» без опуса³⁴⁸) за присылку кофейника.

<Из письма от 9 ноября 1922 г.>

Алло!
Вы, дядя Метнер? Да?
Играйте нам скорей тогда
Презвучное музы́ко Ваше!
Оно понравилось Наташе,
Анюте – малому ребенку,
И Ване – нашему котенку.
Алло! Алло!

**Письмо Метнерам из Оберстдорфа
(сент. 1923).**

Рады были мы душой, что ответил Пильниц...
Очень долго он молчал! Эдакий отвильниц!

Завтра утром, на заре – уезжаем в Мюнхен.
И, укладкой торопясь, я пишу лишь плюнхен...

Визы наши получив, мы уедем в Цюрих.
Я оттуда напишу. Обнимаю. Дурих.

Пильниц³⁴⁹

поэма

Н. К. Метнеру

1. Помнишь, милый Коля,
Как, забыв свой сплин,
Зреть тебя заволя,
Кинул я Берлин.
2. И приехав в Дрезден,
Я себе сказал,
Что судьбой заезден
В счастье я попал.
3. А завидев Пильниц,
Говорил с женой
Навзничь пасть мне, иль ниц
Пред величиной,
4. Что живет на Гаусберг
Музыку творит
(В яйце его страус вверх
В человечесий вид),
5. У хозяек Фридрих³⁵⁰
(Русский чародей)
Укрошая гидр их
Музою своей.
6. Говорят, саксонцы
Ходят не дыша:
Подносить червонцы
Хочет их душа.

7. Говорят, продукты
Даром все несут
И что виадукты³⁵¹
Скоро проведут.
8. Слушая сонаты,
Травка не растет
И принцесса ваты
В уши не кладет.
9. И лежит вся пыль ниц,
Как у ног царя,
И не надо мыльниц
Коле благодаря.
10. Даже коммунисты
(Смею ли сказать?
Души каменисты
Кочкина³⁵² их мать) –
11. Думают: у Эльбы
Коле в самый шлосс³⁵³
Постелить постель бы
Как бы не пришлось.
12. Веря сей поэмы
Сладостным мечтам,
Ехали к тебе мы
Эльбы по волнам.
13. Видим: местный дам – вшив,
Херр же – вовсе лыс.
И, покинув дампфшиф,
Вверх полезли мы-с.

14. Вот и Гольднер Леве,
Отелили нас...
Горечь пива в зеве
Прямо аус дем фасс³⁵⁴.
15. Вот пришли мы к Коле...
Что же я скажу?
Видишь: я от боли
Слов не нахожу...
16. То, о чем мечталось,
Даже у ворот,
Сразу оказалось –
Все наоборот.
17. Пильниц сер от пыли,
Прах летит столбом!
И автомобили
Ломят напролом.
18. Кто-то сквернословит
Меркнет Божий луч.
Коммунист готовит
Богомерзкий путч.
19. И саксонец местный,
Рылом туповат,
Радикалик пресный
Коммунисту рад.
20. Жадностью дышет,
Злобою пыхтит...
Музыки не слышет,
Колю и не читит.

21. Дороги продукты,
В лавках пустота,
Не созрели фрукты
И мошна пуста.
22. Что дают, то лопай
Сидя не удел,
Немец пузо..пый
Коле надоел³⁵⁵.
23. Воеет пес поджарый,
С голоду отек,
Из принцессы старой
Сыпется песок.
24. Дом стоит без солнца,
Буйные кусты,
Дождь стучит в оконце,
Мерзость пустоты.
25. Новый Олеарий³⁵⁶,
Что же я узрил?
Грубый пролетарий
Колю уплотнил.
26. Словно за хвост кошку,
Подлая душа,
Писклую гармошку
Давит не спеша...
27. Пролетенок бледный
Вопли издает..
И Аняте³⁵⁷ бедной
Тысяча забот.

28. Но взирая долу,
Крепок, как гранит,
Божию глаголу
Верность жрец хранит.
29. Божию веленью
Верностью дыша,
Верит вдохновенью
Колина душа.
30. Коля одинокий,
Как бы на горе,
Внемлет светлоокий
Божией заре.
31. Предков первозванных
Слышит вздох и стон,
Ждет вестей желанных
От зефиров он.
32. Пленник жизни брэнной,
Легких муз супруг,
Ловит вдохновенный
Горней жизни звук.
33. Видел я, как Метнер
В чувственной пыли
(Подлинный предметнер)
Строит дух земли.
34. И я понял, Коля,
(Кто я там ни будь),
Что благая Воля
Правит жизни путь.

1924. июль-август.
Oberstdorf in Allgäu

**Экссесс о Поле,
и его фельетоне**

Из письма к Н. К. Метнеру

Посмотри-ка – новый критик,
Жалкий нытик и рахитик,
Что тут отмочил:
Из газетных испарений
Музыкальный новый гений
Шишкою вскочил...
Дай критическую волю
Рахитическому Полю
Душу отвести, –
Он натащит нам из «кучек»
Разных «отпрысков» и штучек –
Господи, прости!..

Де Кок.

1927. сентябрь.

Сент Жервэ Лэ Бэн³⁵⁸.

Письмо от 15.08.1929

Дорогие друзья!

Случилась беда: И. С. Шмелев написал мне, что я будто бы «поэт». Я давно уже отказался от идеи тягаться с «Георгием Раевским»³⁵⁹ или Ходасевичем. Но тут из меня опять поперло. Что же делать? Переписал и посылаю – ему (Шмелю) и Вам. Сначала я сочинил коротенькое – в момент отъезда из проклятого Trois-Epis³⁶⁰, а именно:

«Чемоданы я заинул
И, сходяв ... ..
С удовольствием покинул
Я Trois-Epis».

Но потом пришли еще разные... поперло; и одно, так как оно касается *музыкальных восприятий*, я не могу Вам не препроводить.

Чем надеюсь угодить.

Вы познакомились где-то с Ремизовым. Как это было, где и приглянулся ли он Вам?

Только сегодня получили мы Ваши милые письма. И на них на днях сурьезно отвечу.

А пока – обнимаю.

Ваш

Поэтус-Дреднотикус³⁶¹.
Показать позволяю только
*Льву Эдуардовичу*³⁶².
Больше *никомушечки!*
А ему милый привет!

Ни От-цупам,
Ни При-цупам!³⁶³

Подозрительная прогулка

Надпись к рисунку Н. К. Метнера

«Бетховен в ущелье»

Бушуйте ветры, лейтесь воды
И, вихор бешеный, лупи!
А я, смиренный, о народы
Схожу под деревом π^2 .

Ангиен лэ бэн.

1930? Весной³⁶⁴.

Из письма от 23.09.1931

Так славь же сам себя, талант,
И находи известность!

Над бездной стой, о музыкант,
И дуй* на всю окрестность!

А остальное, ей Богу же, приложится!
Господь да хранит тебя!

Твой

отец Катавасий Синедрионов.

Из письма от марта 1931

«Цыдулю»³⁶⁵ для музыкальной реставрации я бы мог тебе напеть, но нотно записать не могу – «обиняк боится угвазаться».

Еще раз обнимаю тебя и Анюту!

Что же Рига, Рига, Рига?

Не дождемся того мига,

Как поедет лавреат

Мимо нас на латышат!³⁶⁶

Твой Рыкь.

Письмо от 10.04 (28.03) 1932³⁶⁷

Коля, дорогой!

Этого я не вынес... Получив сегодня твое «новорожденное письмо» с грозным воплем («*Требую немедленного прощения!*!»), я, подавленный и без того всем происшедшим, все еще вздрагивая от «марьеттиной же оперы» и представив себе, что ты намерен «вырвать свои последние волосы», – *я вырвал свои предпоследние!*

При сем посылаю их тебе... Ты знаешь, что брюнетки сидят в серебро; а блондины – в чернь. Так вот тебе пук седых волос моих. Подобно Лиру и Эдипу, Шейлоку, Гете и Конфу-

---

* Вариант: шпарь! (примечание И. А. Ильина).

цию, Конюсу и Кагуару³⁶⁸ – я вырвал их из чернеющей головы моей. Это – живой залог того, что *мы друг друга простили*, что мы простыли, простыни, постыли, пастильки, *постальки*, свистальки, свистульки, свистетки, *марьетки*, левретки, клеветки, креветки, котлетки, жилетки, порточки, кусочки и комочки...

Ведь сегодня день рожденья,
Зна-ме-на-тель-нейший день,
И я, полон вдохновенья,
Сочиняю дребедень...

Дребезг этой дребедени
И волосьев черный клочок
(Да простит тебя пророк!)
Шлю тебе я в день весенний
Чтобы ты не изнемог
От раскаянья и пени!
Коля музы! Коля граций!
Коля, велий музы-Кант!
Русских мраков славный Дант!
Композитор злых сенсаций,
Потрясающий друзей!
Я, наивный ротозей,
Ротозёва, ротозёпа
(Дальше – рифма на «Европа») –
Влип в коварный твой обман!
Влип и влопался, как мальчик,
Как рыбёшка, как плотва...
Удалась твоя плутва,
И лукавый твой «постальчик»
В душу мне нагнал туман...
Я откупорил свой кран
И, собравши всю отвагу,
(Темперамент – самовар!),

На почтовую бумагу
Я излил, свиреп и яр,
Диагноза злобный жар...
Обложил, как мог, Марьетку,
Луначарского клеветку,
И тебя, что было сил,
Обо всем пердьюпредил...³⁶⁹
    О, гармонии диктатор!
    Ритма мощный властелин!
    Ты загнал мне в душу клин,
    Ты – апрельский провокатор!..
    Оскорблен тобой Ильин.
    И за всю твою интригу
    Царь Минос, открывши книгу
    И уставив грозный взор,
    Изрекает приговор
    (Запишу его подряд):
«Слушай, хитрый совратитель,
Многих музик составитель,
Знаменитый Лавреат!
От звезды и до звезды
Вот тебе четыре мзды.
    В день рожденья Ильина
    От обеда, от вина
    Сон твой будет неспокоен:
    У Парижских портомоев
Среди сонма глупых дам-с
Вдруг тебе приснится – *Брамс!*
    Вслед за этим на прогулке,
    В неизвестном переулке,
    Раза три и ненароком
    С поредевшим рыжим коком,
    Напевая в си бемоль
    Попадется тебе – *Поль!*³⁷⁰

И куда пойдешь с *копытом*
Музыкальный Букефал, –
(Звал его ты иль не звал)
Всею *клешней*, с лицом испитым,
Закусив отвисший ус,
В миг потянется – *Конюс!*
    И когда уединенно,
    Опроставшись вдохновенно,
    Афедрон утрешь ты свой
    *Сабанеева*³⁷¹ статьей, – –
Этой мздою все подряд
Ты испушишь, лавреат!
Покаянье состоится,
Все апрельское простится,
И с тебя мы снимем сплин –
    Я, Минос. И я, Ильин».

1932. III. 28 (IV. 10). Берлин

Из Письма Н. К. Метнеру³⁷²

(по поводу его первоапрельского обмана)

Сколь странные видения,
    сомнения, волнения
приносят нам апрельские,
    бывает, сновидения –

И вдруг из-под твоего пера,
    твоего пера, твоего пера,
Марьеттина же опера,
    же опера, же опера
    полезла необъятная...

Испуганный, сконфуженный
Три месяца простуженный

в болезни незаслуженной,
Поверил я растерянный,
тобою отетеренный,
Спросонок той же оперой почти уже
за..ренный...

Смущен такой напастию,
с неистовою страстию,
Я зарычал всей пастию:
О, музы, музы-грации
(варья – импровиза-ции)!
Побойтесь провокации!
И оперу марьеттину
Столь странно-странно-етину
Отправьте из-под клетки, ну –
Вы прямо в воду Летину.

Талантливые долллары, долллары
наркомпромпросные
зеленые поносные
шпинатные салатные
фальшивые, отвратные...

Мохот

(за-гадочная телеграмма)³⁷³

Эпиграф:
«Hohot – хохот».

«Mòхот»?! – «Mòхот»?!! Иль – «Mохòт»?..
Телеграмма – скороход –
А пришла совсем без смысла,
Словно в небе коромысло...
«Mòхот»? «Hòхот»? «Kòхот»? «Plòхот»?
Бознат что! При чем тут «Mòхот»?!

Или «Момот»? «Лопот»? «Шопот»?
«Омут»? «Стонут»? «Канут»? «Ропот»?
Взять словарь! Смотри скорее...
«Моһа» – «просо»! Все глупее!..
«Mochlique» – это для поноса...
Отпустить для наркомпроса!
«Просо»? «Бросо»? От вопроса –
В час останешься без носа!
«Mopus» – «бог» каких-то «шуток».
Я – шутил, любитель «уток».
Вот «Mohatra³⁷⁴» – «договор».
«Лихоимство» и позор...
«Мохлих», «рохлик», «рухлик», «суслик»...
Кабы было просто «гусли»!..
А тогда что? – Неизвестно!..
То и это – неуместно!
Телеграмма – монограмма...
Телеграмма – криптограмма...
Как таинственная дама,
Что явившись под вуалью,
Где-нибудь за «Этуалью»
Нам назначит (под шефè)
Рандеву в большом кафе...
И зачем она явилась,
На свиданье напросилась?!?
Кто она?!.. Так: «Mòхот»... «Mòхот»?
Или «Dòход»? Или «Pòход»?
«Похоть»? «Вздòхать»? «Вздыхнуть»? «Пы́хнуть»?
Или, знаешь, просто «Дрыхнуть»?
Погоди!!.. Ведь «Mòхот», «Mòхот»...
Вот ведь вздор – и смех, и хохот...
Но и злоба ведь возьмет!
Смысла тут не достает...
Или – «Мымра», «Грымза», «Выдра»?

Вот: «Ме-ду-за»! Или – «Гидра»!
«Гидра», «Гудра», «Кухня», «Тúфля»,
«Рохля», «Рыхля», «Дзинья», «Пупля»?
Как же быть?! – «Словарь»... «Букварь»...
И «дьячок», и «пономарь»...
Взяли – заперли свой «ларь»...
Ну, при чем тут ларь? – Ведь «Мòхот»?
[Начинай сначала: мòхот,]
«Грохот», «Крохот»... Средство «блòх от»!!
Будь серьезен, что за хохот?..
И нигде³⁷⁵ не видно зги,
И за-гадились мозги!!

1932. IV. 12. III. 30.

Из письма от 23.03.1934

Главное – *метод* найден.

А *то*, все остальное, *предметное* – не то:

    мéтод, да *не этот*,

    метòд, да *не тот*.

И провозгласим тебя не то что

    «нашим родным, славным современником»,

а всеобщим кровным и знаменитым сверхвременником.

Твой

Скоропалит Подлогий.

Из письма от 27.07.1934

<...> Последние месяцы особенно лечился твоей музыкой, беспомощно выколупывая «Забытые мотивы» и романсы опуса 52³⁷⁶. Эти «Забытые» полны сладости несказанной и незабвенной. Если бы ты сочинил только их, ты был бы сам незабываем в истории музыки. Но ты, кажется, еще что-то «компонировал дельное» и *до* них, и *после* них. Я к величайшему моему смущению сильно отстал от тебя – а ты, неудержимый,

накручиваешь еще и еще. Ведь эдак я, пожалуй, всего только твои фижмы и кринолины музыкально донашиваю; ты скажешь про свои собственные опусы, мною культивируемые, –

«abgebgte Kinderhose
aufgeblüht wie eine Rose³⁷⁷»..??

Но кто же виноват? <...>
<...> А мы будем

Под вулканищем сидеть,
Попокатепетлить,
Сочинять и песни петь,
Людам в души свет лить...³⁷⁸

Подумайте об этом – *пока, отвлеченно!* <...>

Из письма от 31.12.1934

А каково дурацкий Поль, напевая в си-бемоль, полемизнул со мною³⁷⁹ в рецензии о концерте? О, я этого так не оставлю! Коли буду жив, я его за это полемизну (от слова «помело») – я ему покажу мамашу маленького Кузьмы или же причешу его à la Капуль³⁸⁰. Так что будет:

Владимир Пуль (буль-буль, нуль-нуль...)
À la Капуль
Причесан был за злую глупость
И ходит так, (ка-как, ка-как)
Для всех дурак,
Не замечая свою тупость...

С тех пор будет напевать уже в си-бемоль!

Куцое письмо

(Письмо Н. К. и А. М. Метнерам)

Садится ли на глаз бельмо,
Идут ли гнусные наветы
Иль с крыши голубя дерьмо
Нам попадает на жилеты, –
Все злые выходки судьбы
Без гнева, рёва и борьбы
Встречать насмешливым *bon-mot*
Давно привыкли мы, поэты...
Но за последнее письмо –
Вас Бог накажет, Карапеты!..

1935. 17 янв.³⁸¹

Из письма от 29–30 ноября 1935

Ваш отъезд в Англию удручает нас. Коля писал еще в последнем (свирепо-бранном-закономном) письме, что не понимает, почему я считаю это *удалением от нас...* Да ведь в Париж-то можно было приехать – и это нам удавалось... А в Лондоне я не был сроду. Визы трудны. Расстояние увеличивается. И туда меня *не зовут и не позовут*, потому что это царство масонства и русских масонов; а я не масон – и перспектив встретиться в Лондоне нет. Тогда где же? Нигде! Вот это я почувствовал. А письмами не прокормишься. Вот они письма к чему ведут – в окно! а я три месяца в затылке чешу!

Ооо-чень боооль-наа ударилсыяаа!
У меня голова не казенная.
Так и лежал бы, пока не состарилсыяа!
Вот тебе и переписка удаленная...

Из письма от 01.01.1938

<...> 10 часов.

Уф, напился! С вареньем. Продолжаю.

Коля! Извещаю тебя: *мы – земляки*. Ибо я вышел в эстонские поэты. Да, да, не удивляйся. Такое уж там вдохновение бывает.

Подумай, как я волновался, узнав, что каждый *третий* эстонец имеет фамилию Пук. Как? Пук! Значит совершенно не исключено и даже постоянно бывает, что разговаривают два эстонца – и оба: Пúки. По-эстонски это называется: какс Пукс! Бывают: пукй Пúков*; приняв во внимание, что есть и городок: «Пука» и купанье «Пёрну» – (а Puhka = покой), я и сам не заметил, как стал твоим земляком.

Вот мой опус 666-й (число, явно, звериное³⁸²):

В Пёрну жил эстонец Пук.
Повредивши руку,
Он решил поехать вдруг
В городишко Пуку.

В Пуке вылечился Пук,
Приложивши дерну.
И, избавившись от мук,
Возвратился в Пёрну.

Тут наш Пук лишился сил
И, не тронув пищи,
Вечну пуку получил
В Пёрну на кладбище.

После этого твои земляки поднесли мне вместо лавров – дерну и венчали меня в эстонские поэты и академики.

---

* А бывают и пукй пукòв Пúков (примечание И. А. Ильина).

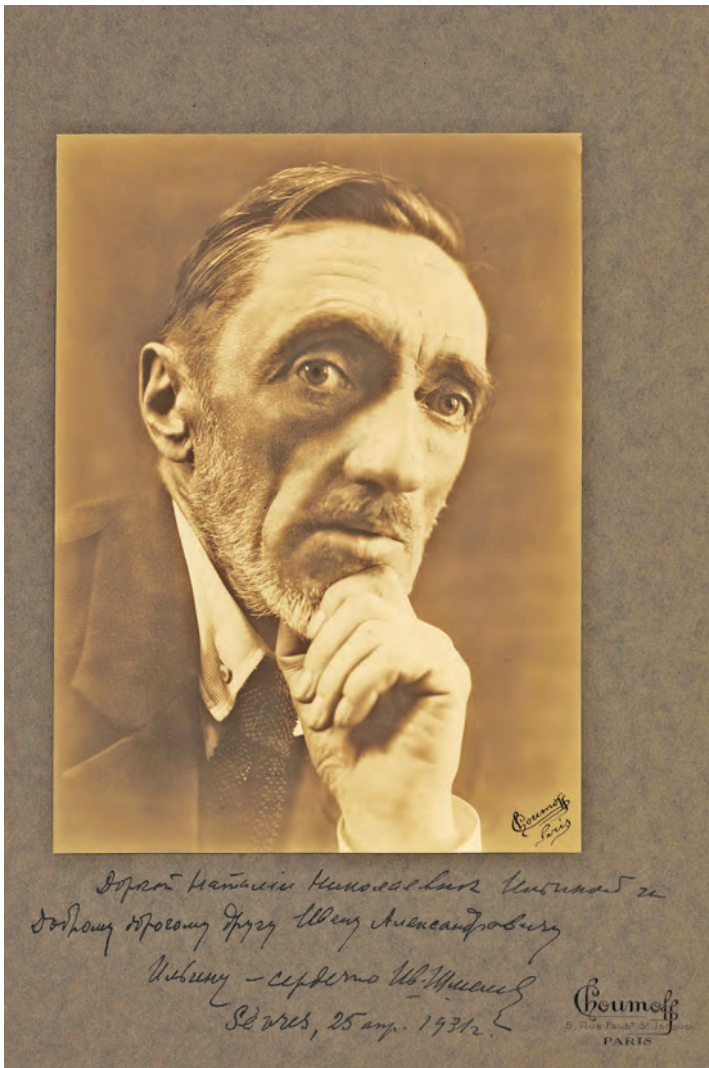

И. С. Шмелев. Париж, 1925. На обороте автограф:
«Русскому мудрецу – дорогому Ивану Александровичу Ильину
Ив. Шмелев. С припозданием на... 21 год. 6. 4. 1946 г. Париж»

И. А. ИЛЬИН

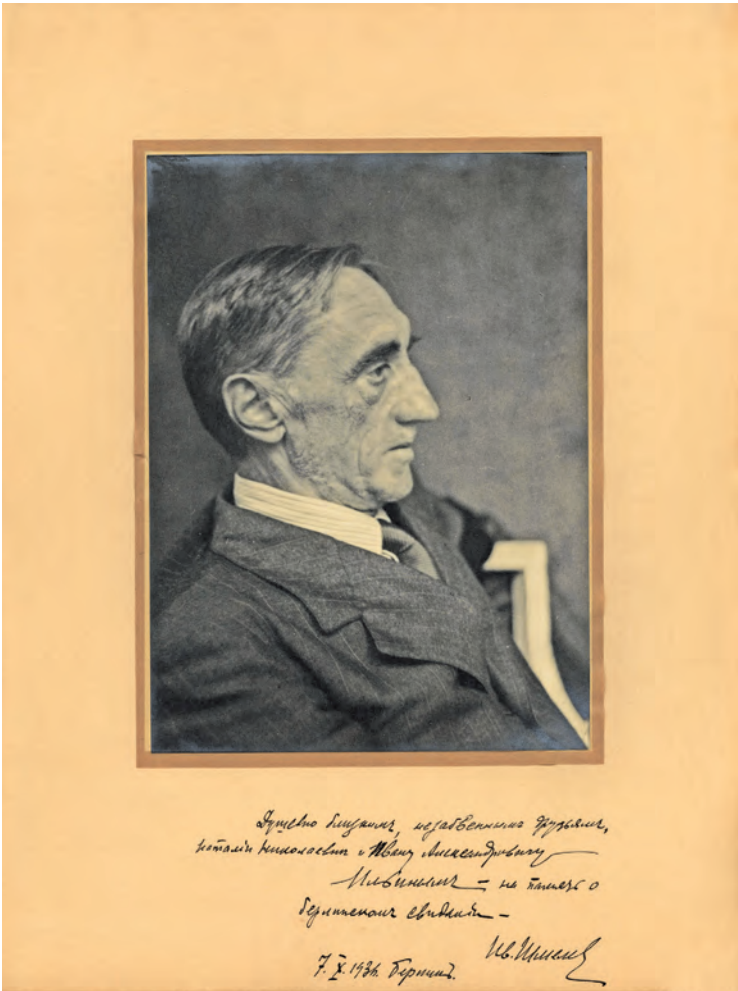

И. С. Шмелев. На фотографии автограф: «Дорогой Наталии Николаевне Ильиной и доброму дорогому другу Ивану Александровичу Ильину – сердечно Ив. Шмелев Sèvres, 25 апр. 1931 г.»

И. С. Шмелев за пишущей машинкой в своей квартире.

На стене знаменитое фото И. А. Ильина. На обороте его автограф: «Под покровом Друга (“в нем же утверждаемся”) вперяющийся в “Пути Небесные”. Ив. Шмелев. Христос Воскресе! Вел. Пяток. 26 апр. 1935»

И. С. Шмелев. На фотографии автограф:
«Душевно близким, незабвенным друзьям, Наталии Николаевне
и Ивану Александровичу Ильиным – на память о берлинском свидании –
Ив. Шмелев Sevres. 7. X. 36 Берлин»

Светлым друзьям моим – Наталии Николаевне и
Ивану Александровичу Ильиным
Ив. Шмелев
7 окт. 1936.
Берлин

И. С. Шмелев На фотографии автограф:
«Светлым друзьям моим – Наталии Николаевне
и Ивану Александровичу Ильиным. Ив. Шмелев 7. окт. 1936 Берлин»

192

Достопочтеннейшим и бесспорнейшим
Ивань Сергеевич!

Учитшим! Прямо скажу: учитшим и одобравшим!
Наконец то немцы профессором разрышились от дрессам
и написали вась о моем Катеньке. Все отклады вась
отклады вась, 2 года учил. И что отклады вась? Трущит
за меня это ли? Вась и одобряет то мое а не сво-
ное! Ну не понравилась? Ты и дресса смь коть.

Но теперь настъ уже ТРОЕ АКАДЕМИКОВЪ!
Мы собокучимъ училшим — и все попрели!
Мы рашчутамъ такія Буми мы надмелемъ такія
Мерсерковъ, Пидмустимъ такія Алданиковъ, что
вотъ ось РЕЛИЗИТЬ! КАМОНЪ МОИ, КАМОНЪ!

193

Удивляйтесь! И заражайте!

Гично - сочно -
Хоть двустрочно -
Топельмъ Клевель -
НАБУГАЗимъ -
Вдохновимъ, и Взырремъ -
Налло набелмбердешъ -
Ботъ по-товъ мы одобвимъ -
Удивлятьс миръ заставимъ -
Эй, Поэтуси - каракашуси,
литературныя пучоселтисы!
Худо-сбывимъ пучо-тито-вими
фрррррр - шельк! на обгем ПАПАТКИ!

194
 Поделять то намъ зрѣ Свѣтъ то что зрѣть не
 Придѣся, но наКобелять то мы сумѣемъ!
 Гинь, Гинь, Гинь — — — усь! — ур! —
 Пришлите скорѣе Ваши академическія
 матеріалы, а я буду принимать свои. Я же
 зрѣ давно говорю — Сетию Путь не зѣка-
 заны. А профессоръ то намъ все не върушь.
 На радостей пишу и ему, чтобъ онъ Сами
 послали изъ нашей «статьи» Коллекция;
 А зрѣ какіе умель скончатся Марсы!
 Тезометитини, мою! Возьмите неудобно!
 Принимайте — Все зрѣ Дозволено!

195
 Пишите мнѣ на профессора! Ура!
 Карленинни! Юду отъ Сая
 Экспедиция Академическая!
 Я свиданьясь!
 Самые Сдѣланные
 Путь — Путь — Путь — Безъ Путь
 МА не
 сго
 Путь РАВКА
 / от радости уйдетъ
 Красного — 3 бут.
 Ява — 4 бут.
 Яроу — 3 стэк / Итого — 10 бут.
 РАВКА

Письмо «Питирима Равки» И. С. Шмелеву (автограф И. А. Ильина)

И. С. Шмелев. Рисунок Е. Е. Климова. 1935 г.
Оригинал находится в Псковском историческом музее

На это увенчание их собралось тысяча человек. Из них опять-таки одна треть носила ту же монотонную фамилию, и в журнале заседания я насчитал потом 333 $\frac{1}{3}$ подписи на имя Пук. Одни писали коротко: Puk. Другие – стаккато: Puck. Третьи – задумчиво: Puhk. Один написал даже Pppukkk...

Умиленный их единодушием, я тотчас же сымпровизировал свое новое эстонское стихотворение:

Жил фотограф в Талинè
Карл Иванович Акель.
И повесил он вовне,
Трехаршинно на стене,
Видно³⁸³ всем эстонцам,
Эстам и чухонцам.
Даже ночью, при луне
(Не в соблазн собаке ль?)
Щит свой: ФОТОКАКЕЛЬ!

Спроси, пожалуйста, своих талюшних – не выберут ли меня куда и за этот *опуз*? И если выберут, то сколько жалованья?

Еще, Коля, извещаю тебя: все нежное, и певучее, и таинственное на свете начинается на букву *ы* (еры́).

Вот тебе доказательство в следующем моем эстонском стихотворении. По-русски оно закончено, а по-эстонски еще не отделано.

Плечи изящной сестры
ыладь ыйльзь ыде
Были в воздухе вечера нежны
ыхкь ыхту ырнь
Ночью деревья цвели
öö... ыйэхтесь...
ночью, у нас на дворе,
öö... ыуэ...

УХОМ ПУСТЫНЮ ЛОВЯ,
кырвь!.. кырвь*!...
счастью учил соловей...
ы́ннь Ы́шпима ё́бикъ...

(Читать надо так:

сначала только по-русски;
потом *строку по-русски и строку по-эстонски*
и наконец – *только*
по-эстонски, но
предварительно
проглотить
прованского масла,
иначе не выразишься.)

Сверх того, предупреждаю тебя:

винегрет – по-эстонски – рассолье (факт!)
блоха – кирб,
клоп – лютик
паук – эмблик (отсюда «эмблема»)
скверно – просто
яблоки – Ы́удне**.

Меня, впрочем, в Ревеле друзья предупредили, что если я буду громко обнаруживать такие познания, то другой раз визу не дадут. Но, увы – познания *точные*. Можешь всецело на меня положиться. Потому я и не мог прислать тебе эту поэму *оттуда*.

Обрати внимание: «кырвь! кырвь!» – это уже почти звукоподражание соловью; но это **я** придумал так поставить звуки, это

---

* Ухо = кырвь; пустыня тоже = кырвь (примечание И. А. Ильина).

** Подумай после этого – какой ты национальности?!

уже *мое* поэтическое эстонское творчество! «Кырв» означает и *ухо*, и *пустыню**.

Скажи же по совести: каковò пúково?

Дорогие Коля и Анюта!

С новым годом! Со старой верой, с новой надеждой!
С прежней любовью, с новым творчеством!

Ваш преданный Вам

Эстонец.

Тут же была и четыре пальчика приложила – его жена. Но, говорит, подписываю *только то, что синим карандашом обведено!*³⁸⁴

<Приписка на полях:> Пожалуйста, никому не показывай этого письма – особенно «врем. прав-ву». Да и отцу Николаю – тоже не показывай. И отцу Сергию Булгакову – тоже не показывай. Это будет промеж нас! Особенно не отправляй копии в Эстонию.

Из письма от 20–27.04.1938

1938. между 20–27 апреля.

Дорогой Коля! Не брани меня, что не пишу: что в вымени тебе моем?³⁸⁵

Что в вымени тебе моем?
От злых людей всегда завися,
Оно скудеет, тугосисе,
И сокращает свой объем.
И жизни дойные уроки
Сверлят во мне одно бедро...

---

* Отсюда предположение и вопрос: может ли такой народ быть музыкальным, если у них *пустынные уши* и звуковая пустыня в душе? (примечание И. А. Ильина).

И странно-жидкие молоки
Текут в поганое ведро...
Налить, как прежде, водоем
Оно, увы, уже не может!.. –
И если что тебя тревожит
И жажда твою душу гложет, –
Что в вымени тебе моем?

<...> Я еще родил разное, но еще не напечатал. Между прочим: «О тьме и скорби. Книга художественной критики». Но →

Но, подчинившись скуки бесу,
Вы не найдете интересу
К моим опúзам у себя –
Меня нисколько не любя, –
    Скажу Вам искренно и впрямь
    О, дорогая ненаямь!
О чем в душе нашел тоску я
И у Иова, и у Иоанна, и у Ииуя*.³⁸⁶

Открытка от 02.12.1938

Но вкусить успокоения,
В тишь скользя, –
Там, где густо население,
Нам нельзя...
Где от дыма и от копоти
Ни дышать нельзя, ни лóпати,
Где все залито туманами,
Злою ложью и обманами,
Где живут одной интригою, –

---

* Последнюю строчку надо читать *ben staccato* [достаточно отрывисто – А. Л.], чтобы было вроде лягушиного кваканья, – тогда выйдет!.. (примечание И. А. Ильина).

Там, о странник, ты с веригою
Средь чужого населения
Не найдешь успокоения!³⁸⁷

Из письма от 07.01.1939 (25.12.1938)

Дорогие Коля и Анюта!* <...>
«У Аньюты в саду Коля
А у Коля нет дреколя...
Но у Коля в жизни тута
Есть за то сама Аньюта».

Вот дак стихи! Ну уж и стихи! Это стихи из Цолликона.
Такое уж здесь вдохновение!!

<Шесть стихотворений из Цолликона³⁸⁸>

1. Сон

(полупоэма)

Мы, две крысы,
Белобрысы,
Не то седы, не то лысы;
Мы – две стервы
Из Перервы³⁸⁹,
Растрепавшие все нервы;
Мы – две прорвы
Тараторвы,
Две погибшие оторвы, –
Зачесавши свои взлызы,
Из-за рытвы, из-за мызы
Вызы-вали, вали-вызы:
Выдру, Мымру, Грыжу, Грымзу,

---

* А вовсе не «Коля» – какие такие коля?! И не «Аньюта» – что за такая ань?! что за юта?! (примечание И. А. Ильина).

Тыкву, Домру, Брынзу, Рымзу,
Мамалыгу,
Папалыгу,
Фордыбаку и Отрыгу...
Но, когда они явились,
Пустоглазы, пустоброды,
Сзади, спереди – уроды,
Рожи рыжи и обратны,
И бесстыжи, и отвратны, –
Мы стремглав бежать пустились...
И проснулись еле-еле –
Утром рано на постели...
Задыхаясь... и в поту...
Видев *правду*, – но *не ту*...

06.06.1939.

2. Пауза и фермато

Молчите Вы, постылые?
Скажите, пуркуа?
Вы прежде были милые...
Теперь – Дьё сэ куа...³⁹⁰
Умолкло сострадание
К страданиям моим...
От Вас идет молчание...
«В ущельи мгла и дым»...
Боюсь, что лихорадкою
Сенною взята вновь, –
Томительной и гадкою, –
Анюты бедной кровью...
Боюсь я, что бессоницей
Томится лавреат,
И мрачно с своей звонницы
Взирает черту в зад...
Боюсь, что избидела
Вас пошлость злых людей...

(Ведь дуб свинья не видела,
Нажравшись желудей...)
Боюсь, что во Францuzию
Катнете Вы, шутя,
Вдруг нашему безпузию
Иное предпочтя...
На свете нету верности,
Как нету и любви...
И тонет все в безмерности,
В угрозах и крови...
Не верю я свиданию,
Не верю встрече здесь...
И унесет Вас в Данию³⁹¹
Или в иную весь...
Черкните же, постылые,
Вы – живы или нет?..
И будьте снова милые!
Прощайте.

Ваш поэт.

09.06.1939.

3. Вопросы [Тревога]

1. Метнерюцкие молчат...
И давно не пишут...
И сердца их не скворчат...
И для нас не дышат...
2. Модуляций никаких! –
Пауза и фермато...
И от белых строк сплошых
В ухе пустовато...
3. «В чем причина? Что за шпинт?»
Все мы вопрошали;

Параллельных кварт и квинт
У себя искали...³⁹²

4. Где же ты, о дружбы жар?
Где, о мать природа!?
В отношениях – бекар,
В переписке – кода!
5. Что же делать? Как нам быть?
Где искать секвенций?
И нельзя же жизнь прожить
Вовсе без каденций!..
6. Или бывший диссонанс,
Лопнув, отозвался?
И меж нами дискорданс
Вдруг образовался?!
7. Или некий «прототип»,
Впавший в атональность,
В отношения наши влип
И создал³⁹³ провальность?
8. Хоть бы знали мы: «бемоль,
В знак энгармонизма!»
А не то проест нам moll (моль)
Ткань диатонизма!..
9. Вопрошая³⁹⁴ среди тьмы,
Живы еле-еле,
Смыслов Смысл осмыслить мы
Так и не сумели...

13.06.1939.

4. Десять Часов

(десять увещающих стансов по числу ударов)

1. Милый Коля! Рано ляг!
В десять – власть Морфею!
Всех гостей гони в овраг,
Не стеснясь: в шею!
2. «Avenue du Ranelagh»³⁹⁵ –
Есть твое спасенье!
Ровно в десять – сонный мрак,
Сонные виденья...
3. Сон – родник животных сил!
В десять – спят и звери...
Всех, кого ты пригласил,
Выставляй за двери!..
4. Как подходит к десяти
Часовая стрелка,
Так сейчас же – все прости! –
Дело и безделка!..
5. День томительный не в мочь, –
Длить его не надо.
Десять бьет – настала ночь,
Сонная отрада!
6. В десять – месяц высоко,
Нечисть шевелится...
И к успенью на ушко
Человек ложится.
7. Ночью бродит переплут³⁹⁶,
Ставит людям сети...

Ровно в десять спать идут
Ангелы и дети...

8. В *десять* – праведный лежит,
На ногах лишь грешник...
Кто в *одиннадцать* не спит,
Тот ночной кромешник!..
9. Ночью жабы варят суп...
Ведьмы тесто месят...
Спать ложится, кто не глуп,
Помни – ровно в десять!..
10. P. S.
А приедешь... В добрый час!
Мы почтим привычку:
Будешь в *девять* ты от нас
Уходить «в чумичку».

Твой И.

19.06.1939.

5. Еще сон

Эпиграф: «Со снов не взыскивают»
из «Снотолкователя».

Вы – две глыбы,
Неулыбы,
Молчаливые, как рыбы;
    Вы – две ваты,
    Тепловаты,
    Бесконечные ферматы;
Вы – поэты,
Карапеты,
Заглотавшие ответы;
    Вы – две фуры,

Лары, шуры,
Две сонатных корректуры, –
Собирались, убирались,
И кряхтели, и старались,
И с вещами долго дрались;
И пихали, духом рьяны,
Платья, брюки и кафтаны
В рундуки и чемоданы...
Но забыли у Альёши –
Бутерброды и бриоши,
Метнерюцкие калоши,
Ноты, счета, книжки, щетки,
Бигуди и папильотки,
И сапожные колодки...
И отдельным пароходом
Вам послали все с приплодом
Прямо в Цюрих, «к антиподам»...

22.06.1939.

6. Идиотика: известите-ка!

Очки и зубы уважая,
Покупки зная апёпрэ,
Живу я мыслью провожая,
Вас до *Марсея* – до Дюпрэ...

В Париже с Вами я бываю...
Пассаж клутэ... Трамваев звон...
И все уныло вопрошаю:
«Зачем – *Марсель*, когда – Медон»?

В Париже летом житель преет
От Этуаль – до Нотрдам...
Марсель у моря знойно млеет...
Когда ж *дюпреете* Вы к нам?

И вот. В знак верности и чести,
Привет Вам нежный приношу
И благовременных известий
О Вашем въезде я прошу!³⁹⁷

06.06.1939.

Из письма от 04.08.1946

По *общему нашему приговору* посылаю Вам нечто «d'inachevé»³⁹⁸. Я начал писать Коле на дно рождения к 25.XII.1945 стихи, но потом вдруг увидел Вас обоих «глыбами-неулыбами», поэтическая эрекция исчезла и остался набросок. Вот он:

Милый Коля! В прошлом веке
Ты сегодня родился.
Удивлялись человеки,
Как ты сразу удался!..

Не смутился, не поникнул,
Но сонатой мир встречал:
Сразу темною ты [вс]крикнул,
И второю отвечал.

Атональное никчемство
Ты мгновенно отменил
И собою все потомство
На сто лет опередил.

И Танеев взволновался:
«Этто надо – объяснить!»...
И всю жизнь потом старался
«Тайну гения» раскрыть.

А Сафонов был в восторге:
«Что за ритм младенцу дан!!»...
И тотчас в консерваторге*
Ты профессором избран...

Но тут я «смутился и поникнул» и поэтическое волнение
«повисло»³⁹⁹.

Из письма от 07.10.1946

Теперь пошла повсюду *Мода*
Писать о «голоде народа»,
Хотя народу добрый пост
Не раз давал духовный рост.
Но забывают, что у *Музы*⁴⁰⁰
Тогда лишь распадутся узы,
Когда питание среди дня
Ей даст достаточно огня.
А потому, о музы Кант
И музыкальный корибант,
Вам надо думать, *огнь* хряня,
Во избежание беды,
О нужном качестве еды.
Понятно, Вам не до пиров...
Но если Муза без жиров
За стол садится каждый день
И ей за годом пятый год
Дают без масла бутерброд,
То исхудавшая, как тень,
..... клочок
..... воротничок⁴⁰¹

---

* Не смешивать с «Внешторгом» и «Мосторгом» у большевиков (примечание И. А. Ильина).

Из письма от декабря 1946

Еще расстраиваюсь при мысли о квинтете⁴⁰².

Есть три тяжелых греха:
Стрелять по птице ранним летом,
Сказать красавице: «А рожа-то – плоха!»
И издали дразнить меня квинтетом.

Из письма от 27.01.1947

Отец мой занимался любительски фотографией. Начнет настраивать аппарат – треножник распыливать – освещение искать – черным покровом закрываться... «Эй ты», скажет, «иди, садись болванкой!» И сидишь. Снимать будут *не* тебя; *тебя* снимать заведомо не будут. А все-таки сидишь – и рожи строишь: «на, мол, папаша, вот тебе харя наша, любуйся и примеривайся».

Так вот – Коля! *Нанимаюсь к тебе в бессмысленные болванки – играй мне!* Обязуюсь – *без харь!* «Буду сидеть благоговейно». Я тебе не «неведомое пространство», а *ведомое существо*, хотя и не любимое, но все же терпимое. Max Stirner пишет: «Dich brauch ich, weil ich Ohren brauche...»⁴⁰³. Так вот: на-ни-ма-юсь! Гонорар *за все*: одна Метнерова Appassionata⁴⁰⁴. Я прочел в жизни множество лекций. Читаешь и думаешь: «ну кому я? Ну для кого я на стенку лезу?» Сидят (по книге *Иова!*): «ослиц и ослов стадных тысяща»⁴⁰⁵... А потом подумавшись: «а может быть тут один-разъединный Настоящий ко мне заблудился, Божий Странничек, нежный созерцатель, живой Колодезь, ангелов собеседник?.. Так я – *ему, ему, Ему!*» Подумавшись – и *утешишься*. Ну – я тебе – понятно – в *такие* – не гожусь. Кабы годился – ты бы тогда *хоть чего-нибудь* посвятил бы. Я поэтому «помню свой шесток» и сверчкую скромнissime. Но все-таки –

«Я – эта – тожа – ащющаю».
«И Бульдегома⁴⁰⁶ я желаю».

И, может быть, на ту беду
Вдруг за болванку я сойду?

И потому – нанимаюсь...

Из письма от весны 1947 <1946?>

Сейчас звонят Бюлеры, только-что получившие Ваше письмо, и растерянно огорченно недоумевают: *есть ли еще надежда* на Ваш приезд, или нет? А я что скажу? Вы самые таинственные и неясные люди, которых я знал. О Вас *никогда ничего не знаешь*. И мы с Наталией Николаевной привыкли к этому давно. *Привыкли с 1915 года*. И так во все времена: 1919–1920, 1922, 1925 и т. д. Прежде огорчались; потом примирились. У нас говорится о Вас «они как всегда конструируют!» Во всем. И всегда.

Так было напр., в прошлом году (1945) когда я летом тревожился, не послать ли посылку? Ответ был, как всегда, *неопределенно-загадочно-уклончивый*. А потом оказался –

«ввво:протничек!!»⁴⁰⁷,

которого я никогда не забуду..... все еще помню.

Вы есте иероглифы,
Ваша жизнь – сплошные мифы,
Сокровенные для нас...
Ваши думы – криптограммы,
Хроматические гаммы
Темно-дымчатый топаз...
Ваши жизненные планы –
Непроглядные туманы,
Молчаливый хризопрас...
Мы сначала гневно рыкли,
Потом выкли – и привыкли
Оставлять в покое Вас:
(и опять сначала: Вы есте иероглифы...)

А затем обнимаем Вас и ждем дальнейших проявлений: не покажется ли какая-нибудь «зга⁴⁰⁸» от Вас, про Вас, из Вас. Однако думаем:

ничего не может быть так полезно,
как месяц беззаботной энтшпанки⁴⁰⁹ –
с тихими прогулками,
с беленькими булками,
чтобы лес в снегу...
с дружеским общением,
ранним усыплением,
с маслом к пирогу...

Из письма 1947 г.

К.⁴¹⁰ *никогда* не ценил Скрябина. И в 1935 году я Косте сочинил ерунду о Пикассо и ерунду о Скрябине:

«Моя острой скрябкой *пол*,
Соскребя сто рябин,
Половой вопрос нашел
Композитор Скрябин.

(дальше украдено: Сей вопрос он вздел на нос
И не взвидел света,
И с ним сделался понос
Скрябинского цвета)⁴¹¹.

Вообще в вопросах: *линия модернизма*
разложение музыки etc.

Костя давнишний и глубокий наш единомышленник.

Из письма от 04.06.1947

Коля! Кушаешь склерон?
Ты не кушаешь склерон!
Я же лопаю склерон...
Облегчает жизнь – склерон...

(Это новейшая «Газела» из Гафиза,
см. у Фета⁴¹²).

Ах, как долго ехал сахар!
Он пострял там где-то, сахар...
Углеводы дает сахар,
Ну так кушайте же сахар!   (Газела вторая)

Три стихотворения 1947 г.⁴¹³

Из поэмы «Объятия Музы» (динашевэ)

«Вот час великих сил подъема
От вдохновеннейших причин»

Еще вчера был блеклый день:
Царила пасмурная лень
И опрокинутая лодка
На берегу лежала кротко...

А ныне, вольная ладья,
Тобой гордиться буду я...
Проснись, содвинься, вспомни быль
И омочи свой стройный киль!

Смотри, попутный ветер играет,
И, Божьим солнцем озарен,
В лазуре океан сверкает
И сушит ризы Арион⁴¹⁴...

И ты, потухшая лампада,
Огня священного коснись
И, жизни вящщая отрада,
Вновь пред иконой разгорись!

14/II 1947

Идиотика-Витаминика

Н. К. Метнеру

В витаминах что-то есть,
Что дает нам вдохновенье,
Продуктивность, славу, честь, –
Музыкальных сил кипенье...

Мне на днях сказала Липа:
«Средство лучшее от гриппа –
До заразы, без причины
Есть пудами витамины!»...

Тот, кто носит имя Нины,
Должен кушать витамины!
Если ж кто крещен иначе,
Должен лопать их тем паче!

Чтоб не гаснула **лампадка**,
Надо масло подливать...
Витамин же человеку
Надо вовремя давать...

Мне сегодня пишет тетка:
«Пустяки, – не унывай!
Вновь твоя помчится **лодка** –
Витамину только дай!»...

Кто берется за **рекорды**, –
Тот в аптечку позвони:
Там аптекарские морды
Заседают во все дни...⁴¹⁵
Отпускают – кому хины,
А кому и витамины...

Витамин же – знаю я! –
Есть причина бытия!!

(Доказательство французское):
Витамины – БЭ, ЦЭ, ДЭ –
Воспевал Альфонс Додэ...
И глотал их свыше мер
Продуктивнейший Флобер...

(а.....⁴¹⁶)
Есть преданье, что Шекспир,
Задавая знатный пир,
Помышлял о витаминах,
Находя их в южных винах!

(литературно-прозаическое)
Знаменитый Лев Толстой,
Когда чувствовал застой,
Наедался власть малины,
Находя в ней витамины.

(литературно-поэтическое)
Пушкин кушал апельсины –
До полдюжины подряд,
Ибо чуял, говорят,
Что живут в них витамины...

(армянское)
Пачэму ты срэди дэл
Бэспрычынно ослабэль?
Слюшай, Мылый Карапэт,
Ты поэт – ы я Поэт, –
Я скажу тэбэ прычыну:
Надо кюшать вытамыну!!...

(еще армянское)
Пачэму жэна больна?
Ы собою нэ полна?
Дарагой мой гаспадын!
Надо дать ей вытамын!!...

(еврейское)
Доррогой мой ддруг, РРубинчик!
Беспокоюсь я с тобой!
Поччему такой худой??
Отвечай!
Твой Витаминчик.

(из Гафиза, по Фету)
Не люблю я грустных мин!
Не люблю и скорбных взглядов!
Мной владеет Витамин,
Бог вина и вертоградов!!...

(немецкое)
Ми придумаль витамин!
И без нас ево низнали...
Ми – народов каспадин!!!!
Но... войну... ми... потирали...

(китайское)
Вот великий Мандарин!
Все в нем сладостью играет...
Потому что – витамин
В мандаринах обитает...

Как увижу, бреясь, рожу –
Витамину она ждет!!!
Впрысну я его под кожу
И заправлю его в рот...

Друг! Гони унылый сплин,
Что томит и угнетает...
Знай: целебный витамин
О тебе давно мечтает...

(Немедленно по приобретении
витаминов А, БЭ, СЭ, ДЭ и Э –
сия машинопись подлежит
беспощадному сожжению!!)

Апрель 1947.

Ответное письмо з Гомель-Гомеля⁴¹⁷

Н. К. Метнеру

Сто я вижю из письма
Депримирует⁴¹⁸ весьма!
Дорогой мой друг, Рубинчик,
Сто зе ты мене надул?
Обещал есть витаминчик,
Но и в губу не подул...
Ой, гевалт! Ой караул!
Сто зе я могу начать?
Мейне фрау велит сказать
(Дражащая половина) –
«Надо кушать витамина!»
Как ево не называй –
«Плюньте-в-вид» и «слюньте-вид»
Или там «по-морде-бит» – –
Все равно, не унывай,
Покупай и заглотай!
Будешь крепкий господинчик!
Досвиданье!
Твой Ильинчик!

1947 апреля

Из письма от 24.01.1948

Каюсь еще: чем старше становлюсь, тем менее я склонен угрызать себя за «грешность». Чувство такое: надо *Божье дело* делать, а не себя *грызть*. Под лупой праведности – мы все «человечина». Но кем же нам еще быть? Моя «чистота» нужна мне только для того, чтобы *чище делать Божье дело*. А требовать от себя, чтобы от меня и человечинкой не пахло – кажется мне безнадежным и... скучным. Педантический морализм юности прошел. И еще на днях я многожды восклицал следующее «окаянное»: «какая неприличная скучища была бы на земле без глупостей и шалостей!!»... А ведь это – «сковородо-лизательный» грех...

Когда-то в шуточном стихотворении⁴¹⁹ я писал:

«А запах – это неизбежно...
Мы все ведь пахнем кое-как:
Несет от *дамы* очень нежно,
Совсем иначе – от *собак*»...

Из письма 06.03.1948

Значит ты «Мечтателя»⁴²⁰ не «про-маку-шил», а «о-слободил»... *Несказанно* жалею об этом. Этот опус для *баб* – хотя бы и слободских.

Уж как наша слобода
Всем соседushкам беда:
Поет песни – хоть убей...
А для них был Кочубей!..

Из письма от 23.05.1948

Или вот еще: сколько я всяких лекций написал, грошурок, книжков (без картинок): ни один оболдуй не перечитает. *Не хотят* люди моего душеспасения. А уж Тебе я и предлагать не решаюсь: «что в вымени тебе моем?»... Вот искал себе

для новой книги («Аксиомы рел. опыта») переписчика. Нашел верного друга в Париже. А он пишет, что боится за свою старенькую машинку: пока «рыдает», а ну как «заскучает». Теперь чинить – не хотят: сплошное «безчинство». Я и заскучал – от деликатности. Вдруг он запрашивает: где же рукопись, почему не едет? Я ему ответил:

*Скотов – и тех хочу я миловать⁴²¹!
Щадить *букашек* я стремлюсь...
Боюсь старушку изнасиловать –
И в воздержании томлюсь...*

*Боюсь ужасно оскандалиться!
Решу. Начну. Урра – пошлò...
И вдруг старушечка развалится
И превратится в барахлò...*

И опять – значит – как будто проваливается мое «душе-спасенье».

Из письма от 04.06.1948

Не огорчайся «пустотой» своего «пузырька». Это – превосходно. В этом я нуждаюсь, *как ни в чем*.

*«Рожу кверху, кверху пуп –
Возлежи, блаженно-глуп:
Пусть вся организменность
Отойдет за изменность!
Никаких идеев!
И забыть злодеев!»*

А «пустота» – это только кажется: это только освобождение от перенапряженной сосредоточенности... ах, ждем твоих альбомов!

Оба обоух обнимаем ласково.

Кабы Ты, глупый, знал, как Тебя здесь любят, Ты бы все время «смайлингъ thr'al».

Твой Иоанн.

Из письма от 08.08.1948

Я послал Вам 19 июля – два пакета. А именно:

- 1) Мя(у)со – ордером на Лондонский склад Герды Кребс.
- 2) Сахар – пять кил – пакетом почтовым через Герду Кребс.

Доселе – не более того!

Не зная качеств сих мясов,
И ожидая впечатлений,
Я строгий наложил засов
Не разрешая удвоений.

Откуда же: *два мяса* – шестнадцать банок?! Но подумайте: я же должен был сказать себе – «что шлешь? Может быть там – д..ь.о собачье!?»

Очевидно дубликат послала умиленная Герда... Немного погодя я это выясню и нарочито убалдарю ее от Вашего имени.

Из письма от сентября 1948

Если бы удалось издать Оллонгрена – то я был бы «щаслив». Но где? Где такой издатель? Шмелева издают масоны, но для Царей у них нет органа. Царей они умеют только омасонивать, или убивать⁴²².

Шмелева не пускают в Америку – отказ за отказом – за то, что в 1940–1943 году слишком восхищался оккупантами средне-восточного происхождения. Но он это забыл – и вновь, и вновь, и вновь просится. Грустно глядеть; но он есть во всех делах неистово-неудержимый. Эмоционал, фrrrrrrrrr! – и понесся. Говорит он одними суперлатива-

ми⁴²³: Восторг Владимирович Песнопенский! Восторгнется – и уверует; уверует – и превозносит; и начинает пророчествовать. Неистово, часа по два, вопить о том, что «совершится великое», что «взойдет заря», что «близится страшное», что «настает светлое», что «рухнут миры», а «Россия восстанет»... при помощи «церковных приходов», которые, хотя «*духовенство наше ужасно*», воссоздадут Россию... Слушаешь-слушаешь – да и зачахнешь.

Это я ему устраивал летом чтение в Цюрихе. Двое суток пробыл. А когда он уехал, то у меня осталось чувство, что *до нас* – ему *ни малейшего дела*. Не общение, а поток эмоций.

«И огонь его эмоций, –
Вот мол он каков, –
Предувидел Гуго Гроций
Из глуби веков»...

Письмо Ильина 05.10.1948

Дорогие мои!

Сегодня разрешите утрудить Вас некоей доктриной. Она полезна тем, что уясняет кое-что.

Доктрина называется «*коровьей доктриной*».

1) Всякой порядочной корове природа дает четыре сосца. За них можно доить, но *не чрезмерно*. Иначе сии орудия, именуемые в коровологии «дойницами» воспалятся и станут непригодно-больными.

2) Мне лично – природа дала *пять* дойниц. И я имею обыкновение тянуть за них *безмерно*. Почему? Потому, что внутренний наплыв умственного молока непрестанно-велик; потому, что выдоить надо (из чувства ответственности) наилучшее; потому, что я самолюбив и требую от себя многого; потому, что я тщеславен и хочу наследить в судьбе России; потому, что я стар, а сказать надо еще много; потому, что время и события торопят.

3) Посему у меня от времени до времени делается «коровья грудница» и я изнемогаю, но сдаюсь далеко *не сразу*. От этого все *обостряется*.

4) Тогда остается только доить за мой коровий хвост. А от него

а) молока нет

б) он, как полагается, в навозе.

5) В пятых – а Вы ждете писем. Как же мне быть? – Надавить *из хвоста?!?!*

В таком состоянии я был в 1938–1939 году, когда писал Идиотику-Обормотику, а потом переводил Колину книгу⁴²⁴ – *одну* страницу в день – на большее – не хватало.

Итак: разрешите мне написать Вам хвосто-дойные письма, тогда мне станет легче и я буду знать, что нельзя, и что можно – или вернее – я буду знать, что *все можно*.

А то я все думаю: Анюта сама скромность и вспыхивает в лице, если не то сбрехнешь; а Коля хочет благочестия – и не переносит моего *нечестия*. Я и смолкаю.

Дойницы мои воспалены: лучше их не трогать – пока. Мысли то несутся вихрем – и все думаешь – ой, записать! Эй, забудешь! То исчезают – и лезет *чушь*, или не лезет *ничего*. Дремотно и идиотно.

Так бывает в переутомлении:

1. ничего и никого не люблю

2. ни в чем и никому не верю

3. ничего не хочу и не могу

4. и не хочу мочь

5. и не могу хотеть

6. и дух не парит, и Бога не чую.

Помните – когда я заболел в 1916 году – и уехали меня в Крым – богопокинутую чичимору (худший вид кикиморы...). Ну вот, в этом роде. А нетерпение гложет. И когда большие идеи мои всплывают, то я лежу-сизу-брожу *в отчаянии!!*

А вот Вам обращение хвостодойного творчества.

Дорога. Лавка. Мы на ней. Идет хлопотливый пьяница-старикашка.

Он в кудатику ходил
И чеготику купил,
Захватил свой красный нос
И чеготику понес.

И в чеготике была
Весу – целая кила.
Он принес ее домой
И сварил себе – помой.

А рядом в блокнотике записано:
«Критерий цивилизации – польза, выгода.
Критерий культуры – совершенство»⁴²⁵.

Так вот – от моей хвостодойности ни того – ни другого.

Одна *навозная пыль*.

Обнимаю обоих Ваш *Хвостодой*.

Locarno-Monti

Villa Maria. Switzerland.

<Приписка:> Перечитал письмо без смеха – наоборот, со слезами.

Из письма от 04.07.1949

P. S.

На присланной Вам к Колиным именинам «Свинье» – *сзоди* машинкою стояло:

«Люди тешат сатану
И творят бесчинство...
Раз украли ветчину –
Посылаю свинство».

Ну теперь, слава Богу, ветчина пришла. *Идут вторые* три килы масла. Только Циле Людвиговне не давать! И Хае Наумовне – тоже!

Из письма от 11.03.1950

Лети, Письмо, Возвивайси! Никому вруки ни давайси!
Давайси Таму, Кто милсерьцу маму...

Из письма от 20.06.1950

*Ты картина – я портрет
Я скотина – а Ты нет...
Или –
Я картина – Ты портрет
И скотины вовсе нет?!*

Из письма <1950 г.>

Дорогие!

Спасибо за память. <...> Давление крови *нормальное*, ка-кого у меня давно не было 170/100. Он [доктор. – Ю. Л.] дово-лен. *Я томлюсь*. Кое-что работал лежа. Даже новое писал. Вам не писал подробно, *чтобы не тревожить*. *Спать* постоянно хочется. Погода осенняя – туманы, холодно. Топим. Спасался Наталиею. Выходить еще нельзя.

Друг мой! *Я не умираю,*
Хотя, кажется, был честен...
Но, увы, родному краю
Я останусь неизвестен.

Обнимаю Вас обоих. Храни Вас Господь!

Из письма Ильина от 26.09.1951

Дорогие Коля и Анюта!

Я диктую, пишет мой драгоценный секретарь⁴²⁶. Кривая моего здоровья идет неровными волнами, непонятными, мо-жет быть, и самому врачу. <...>

Точка, будя. Коля, дорогой, спасибо тебе бесконечное за твои *прелестные открытки*, каждая радует и ласкает. <...>

Предупреждаю:

Седет бородка,
Виски и усы,
И младости нету,
И нету «красы»...
Лежит захудалый
Заплесневший гриб
Который случайно
Еще не погиб.

До свидания, дорогие. Пришлите утешительное известие о Вашем здоровье.

А я, секретарь доверенный и почтенный, Вас с любовью обнимаю.

И я

Иоанн (имя ему).

**СТИХОТВОРЕНИЯ ПОЭТА И ПРОФЕССОРА
ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА РАССТРОЕВА⁴²⁷**

1932. Берлин

Похвала старости

Памяти друга и учителя

Мой учитель был Чичерин
И сегодня впопыхах
Восхвалить его намерен
Я в возвышенных стихах.

Вот сегодня день рожденья,
Знаменательнейший день!
И я полон вдохновенья
Показать вам его тень.

Он великий был ученый,
Он был старец, как и я,
И, познанием отягченный,
Тайну знал он бытия.

Эту тайну я воспринял
От Чичерина, друзья!
И сквозь жизнь ее пронес я
Аки некая ладья.

Это бремя очень тяжело!
Но куда ж его девать
Если в возрасте оттяжка,
Можно нервно захворать.

А меня все презирают,
Лекций не дают читать,
Отовсюду исключают...⁴²⁸
Наш божественный Учитель
Всех их может наказать.

Для меня звезда – Чичерин!
Он, живой источник сил,
Был всегда благонамерен...
А погромы – запретил!⁴²⁹

Похвала мудрости

Памяти учителя и друга

Экспромт

Поэт Владимир Соловьев
Носил такую бороду,
Что в ней поймал двух воробьев,
Носившихся по городу.

Он завещал нам всем любовь
И так и заповедал.
А проливать евреев кровь
Он нам не проповедал.

Чтил общеженское начало,
Имел три разговора.
А что с ним самим случилось, –
Он принимал без спора.

Был замечательный мыслитель
И человек безусловно гуманный...
А мне – был друг и учитель...
Может быть и я отчасти потому
немного странный.

Но если бы он знал наших самозванных
профессоров
Франка, Ильина и Ясинского, –
То он стряхнул бы прах от ног
И не одобрил бы поведенья гнусного и
свинского.

Итак, Владимир Соловьев
Носил такую бороду,
Что спугивал всех воробьев,
Насившихся по городу⁴³⁰.

Праздник свободы

В годовщину 19 февраля⁴³¹

Экспромт

Мы сегодня день великий
Вспоминаем, Господа...
Раздавались громко крики:
Была снята с нас узда.

Царь благой, родоначальник
Замечательных реформ,
О России был печальный
И желал ей новых форм.

Он был царь освободитель,
Он свободу возлюбил,

И любовно, как родитель,
Он нас всех освободил.

В нем была большая сила.
И сквозь жизнь его, дыша,
Красной нитью проходила
Умиленная душа.

Мужичок ли где балакал, –
Он, увидев нищету,
Отвернувшись, горько плакал,
Проявляя доброту.

Он устроил суд присяжных, –
Верный, правый, скорый суд.
Из рядов ему сермяжных
Благодарность понесут.

Вот мы день какой великий
Вспоминаем, Господа!
Издадим же громко крики
Ибо снята с нас узда.

Исповедь

(confessiones, confessions)

Посвящается моим юным
благородным друзьям и ученикам
вместо завещания

Экспромпт

1. Сегодня, чувствуя заслуги
И воздавая мне почет,
Меня вы пригласили, други,
Покушать на ваш общий счет.

2. Я принял ваше приглашенье,
О, мои юные друзья!
И после этого решенья
Экспромт сложился у меня.
3. Хочу сказать я вам два слова,
Во что я верил, как я жил,
Чтоб вы, изгнанники без крова,
Узнали, что я заслужил.
4. Мой род – был род интеллигентов...
Имел и черные он дни.
Но, находясь среди студентов,
Науке был всегда сродни.
5. Мой дед в истории известен,
Хотя впадал бывало в сплин.
Он был знаток, умен и честен –
К нему ездил и Карамзин.
6. Отец мой тоже выдавался –
Мы все такие, божий луч:
Он и на службе отличался,
И на бильярде был могуч...
7. Я был способнейший младенец –
В пять лет по-гречески читал,
Как Милль⁴³². Но мыла, полотенец –
Не выносил, не признавал.
8. Вся жизнь должна быть, как поэма!
Не надо мучиться, друзья!
От мыла у меня экзема,
А от воды чихаю я.

9. А запах – это неизбежно...
Мы все ведь пахнем кое-как...
Несет от дамы очень нежно,
Совсем иначе – от собак.
10. Потом блестяще сдал экзамен
И три медали получил...
Во мне горел какой-то пламень
И вечно был избыток сил.
11. В библиотеке вечно лазил,
Носил расстегнутый жилет,
И своим именем украсил
Я петербургский факультет.
12. И стал я близок к Соловьевым
С Чичериным я был на «ты».
Любил евреев – под их кровом
Имел счастливые мечты.
13. Судьба мои прозрела виды
И вдруг отметила перстом:
Ключевский умер от обиды,
Когда я выпустил мой том.
14. А сколько жизненных циклонов
Господь на долю мне послал!
Как мне завидовал Платонов!
А все ведь у меня списал⁴³³.
15. Назло предательству, изменам
И против всяких подлых штук –
Меня избрать хотели членом
И в академию наук.

16. Я был в несчастьях испытан,
Но все же духа не терял:
Наследник⁴³⁴ мной чуть не воспитан –
Победоносцев помешал.
17. Я презирал всегда ленивцев
И всякий подлый плагиат...
Зато любил всех сослуживцев –
Я был им друг! Я был им брат!
18. Большевиков я не заметил...
Вдруг, говорят – «они пришли».
«Ну, что ж такое» – я ответил. –
«Посмотрим, что нам принесли»...
19. Потом все очень голодали
И стал изгнанником я сам...
По слухам, многих расстреляли –
Но я простил моим врагам.
20. То лето было очень жарко,
На всем лежал какой-то гнет.
А у меня была кухарка –
И вдруг она взяла расчет.
21. Тут стали боли в пояснице...
Мое здоровье – все слабей...
В психиатрической больнице
Я прогостил сто двадцать дней.
22. Потом настала пятилетка...
Конечно, я протестовал...
У Гепеу сейчас отметка
И надо мною грозный шквал.

23. И вдруг решение – высылают!
И я два дня лежал без чувств...
Но мне продажу дозволяют –
Собранье книг, гравюр, искусств...
24. Продав свою библиотеку –
Семнадцать тысяч сто томов, –
Я потерял и картотеку,
Лишился брюк и пиджаков...
25. И Монтескье, и Дух Законов –
Я все тогда же потерял...⁴³⁵
А как завидовал Платонов!..⁴³⁶ –
Зачем не с ним такой скандал...
26. Вот наконец я и в Берлине,
Исполнен знания и сил!
Что ж? – Фемистокл был на чужбине,
Овидий тоже изгнан был.
27. Семь факультетов, академий
Хотели членства моего...
Мне предлагали девять премий...
Но я сказал: «не до того!»
28. Опять вокруг пошли интриги:
То Франк завидовал, греша,
То на дом не давали книги
И не платили ни гроша...
29. Но верен я рабочей лампе...
И, как ученый, я мастит!
И знаю: генерал фон Лампе
Меня от сердца свято чтит.

30. Еще мне Бунге⁴³⁷ симпатичен:
Он мне займы давал не раз...
Он очень добр, но апатичен –
Того гляди заснет как раз...
31. Вот Плаксин⁴³⁸ – он мой сослуживец!
Мы с ним служили сообща.
Он простодушный! И счастливец –
Его мошна не так тоща.
32. И Гефдинг⁴³⁹ – он хотя и бритый,
Но настоящий джентлемен...
А разговор его – избитый:
Все про торговлю и обмен...
33. А вот Ильин – всегда простуда,
И все в истерике вопил...
Он что-то продал, как Иуда,
И триста марок получил...
34. Бернштейн⁴⁴⁰ годами удрученный
Пред смертью институт создал
И Позняков⁴⁴¹, большой ученый,
Мне аудиторию созвал.
35. Как я читаю интересно!
Я вдохновлен! Я как в бреду!
Мне самому бывает лестно
Когда я с лекции иду.
36. Еще стихи я сочиняю,
Они легки, как пируэт...
Мне все завидуют (я знаю!)
И говорят – я не поэт.

37. Вообще могуч мой темперамент,
Мне равносильен был Дантон
И если б я попал в парламент,
То поднялся бы крик и стон.
38. Я мог бы быть второй Керенский
И я бы немцев победил.
Однажды в классе стул я венский
Внезапно взял и сокрушил.
39. Об Александре Македонском
Я объяснял ученикам,
О Буцефале его конском.
Вдруг трах! – и стул мой пополам⁴⁴².
40. Потом завистники твердили,
Что будто я тут ни при чем –
Что стул мальчишки подпилили,
Что я валялся под столом.
41. Недавно сделалась невеста
И зубы вставить я хотел.
И вдруг она мне: «вы без места»,
И я покамест не у дел...
42. По правде я хотел жениться,
Чтобы носки могла чинить...
Но немки любят мылом мыться
И я решился отступить.
43. А вот на днях зовут в масоны
Еврей верные друзья.
И Тейтели, и Аронсоны⁴⁴³.
Гроссмейстер скоро стану я.

44. Масоном быть весьма доходно,
Мне Шлиппе⁴⁴⁴ весь секрет открыл.
Там деньги платят всенародно,
Чтоб ты евреев не бранил.

45. Почтите же скорее други
Среди торжественной еды
Мои ученые заслуги,
Мои великие труды.

* * *

Ваше Высокопревосходительство
Достоуважаемый
Сергей Дмитриевич⁴⁴⁵!

Профессор фон Лампе и генерал Ильин уговорили меня послать Вам мой новый экспромт, сложившийся у меня на Татьянинном дне. Мы праздновали его в подвале № 10 на Находь-штрассе. Я не хотел посылать, но профессор Бунге и генерал Гефдинг уговорили меня. У Вас имеется архив, в котором Вы храните в назидание предкам и потомкам все общечеловеческие продукты, и через это Вы, Ваше Высокопревосходительство, достигаете славы для себя и для поэтов. Поэтому очень прошу Вас: совокупите и мой экспромт в хранилище общечеловеческой культуры, чем премного обяжете Вашего покорного слугу

поэта и профессора

Владимира Николаевича Расстроева.

1933. Генваря 29/16

Город Берлин, возле Тегеля.

День Татьяны

(экспромт)

Посвящается внепартийному
национальному соединению русских в Берлине

В Татьянин день, собравшись дружно,
Вы натопили свой подвал.
И я пришел, хотя наружно
Меня никто не приглашал.

По существу, я – петербуржец,
И на Москву мне наплевать!
Но вот Морозов-Шлиссельбуржец⁴⁴⁶
Сумел все звезды сосчитать...

Он был великим звездочетом!
Но он Татьяну признавал...
Потом, тюремным снят учетом,
Он на Татьяну пировал.

Конечно, я теперь расстроен...
И мысль моя уж не стройна...
И сам я в жизни не устроен...
И жизнь в расстройстве мне видна...

Но прежде было все иначе:
Я был уважен и почтен.
Я фигурировал, тем паче,
Что был к великим сопричтен.

Я с Ломоносовым встречался,
Потом с Погодиным⁴⁴⁷ дружил.
Мной Карамзин все восхищался
И, в гроб сходя, благословил...

Но в день Татьяны я способен
Забыть вражду моих коллег!
Я становлюсь благо-утробен, –
Благоутробный человек⁴⁴⁸.

В Татьяну выпить очень славно:
Тогда веселый стих найдет...
А Антонина Николавна*
Крюшону свежего нальет.

Мы сядем с Кречетовым⁴⁴⁹ вместе
И гимн разбойникам споем.
И помечтаю о невесте,
А в три часа домой пойдем.

* * *

Дорогой и знаменитый, гонимый и изгоняемый судьбой
и глупыми людьми, учитель!

В Татьянин день я из подвала
Привет друзей здесь получил.
Они там ели до отвала,
Но Вас никто не пригласил.
Однако Вас там вспоминали,
Не знаю худом иль добром
И мне экспромт Ваш переслали.
Отвечу этим Вам письмом.
Писать экспромты не умею
И, за стихи когда берусь,
Всем телом сильно я потею
И с рифмой тщетно я борюсь.
Как Вы, орлом над Эверестом
Я не витаю в облаках

---

* Жаравова (пр. Расстроева).

И со всегда изящным жестом,
Книг не таскаю я в шкапах.
Мне не завидовал Платонов,
Как и не нянчил Карамзин.
И чтит из всех друзей-масонов
Меня лишь генерал Ильин.
Профессор Бунге, свежebritый,
Ни Гефдинг, бравый генерал,
Мой род ученый именитый,
Как Вас, пока не прославлял.
Профессор Лампе не ученый
И профессура не по нем,
В науках он не умудренный
И с Соловьевым не знаком.
Да, впрочем, наша профессура
Пред Вами жалкий лишь аборт,
Но как же быть? – судьба ведь дура,
Бросая жемчуга за борт.
Я враг сатиры и пародий
И правду всем в глаза рублю:
Теперь прощусь, назвав Володей,
Кого я издали люблю.
Мои кончаю размышленья.
При этом Вам лишь сообщив
О сдаче Вас без промедленья
В превосходительный архив.
Спешу отправить поскорей
Глубоко чтущий Вас
Сергей.

Париж, что на Сенѣ*.⁴⁵⁰

---

* Вернее, на «Сене» как приказал Мануйлов. При этом обращаю внимание, что «сене» – предложный падеж слово Сена, а не сено. Да вообще сена я в Париже не видел и сеновалов тоже. Кстати сказать, если моя жена осела в Париже, оттого я не осел на сене. Если я где-нибудь осел, то в палатках в Скотном саду (примечание С. Д. Боткина).

* * *

Прочтя талантов наших строки,
Одно лишь в них я углядел.
Что с рифмой в дружбе Д-р Боткин,
In spe⁴⁵¹ министр внешних дел.

Недурно мысль свою построил,
Как завещал нам Карамзин.
И стройно строй свой перестроил
Лихой подпрапорщик Ильин!

Но этих доблестных героев
Судьба к бессмертным не причтет.
И лишь один фельдмаршал Строев –
Вперед Россию поведет!

А. А. Лампе.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ⁴⁵²

Крокодило

Из жития Крокодилы Египетского
(читается слегка на ò)

Оно лежало, Крокодило,
И разевало злую пасть.
И все невинное, что жило,
Увы, должно было пропасть.

Сияло солнце Крокодиле,
Но не мигал зловещий зрак⁴⁵³...
Цветы и травы восходили,
Но не о них был гладен враг...

Оно от века возлежало
И разевало жадный зев.
И безвозвратно поглощало
Святых отцов и чистых дев.

Отцы и девы, идя мимо,
Могли спастись и не пропасть...
Но их влекло неудержимо –
Взглянуть в погибельную пасть.

Зияла бездна, искушая,
И ворожил недвижимый зрак...
Судьбу невинности свершая,
Победу правил хитрый враг...

И обессилев, уносились
Отцы и девы в злой живот...
И век пианственно⁴⁵⁴ кружились,
Сплетая дикий хоровод.

В бездонном чреве Крокодило,
Срывая праведных венец,
Притон погибели хранило
И добродетели конец.

Покорно жадности стоокой,
Добра не ведало и зла...
И по щеке его глубокой
Слеза зеленая ползла.

1913. февраль
Москва

Ведьма

Священник у изголовья старухи. Время близится к полноте.

Священник. Час последний чуешь, да?
Ох, – великая беда!...
Я – духовный твой отец
И меня прислал Творец
Душу грешную твою
Исповедать на краю.

Ведьма (что-то бормочет).

Священник (строже).

Приобщиться хочешь, да?
Исповедуйся тогда!
Все поведай, все открой. –
И бесовский стихнет рой...
На себя приму твой грех –
И умолкнет адский смех!

[Ведьма (иронически взглядыается в него).

Священник (нетерпеливо)]

Ну, врагам прощаешь, да?

Ведьма (расслабленно, но с усмешкой). Иногда.

Я красавцев ворожу,
А красавиц извожу.
А уродов – не терплю –
Всех однажды истреблю!

Священник (растерянно).

Пить и кушать любишь, да?

Ведьма (оживляясь).

Ну, не все и не всегда...
[(тихо ворожит)]
Человеческий язык...
Детских ножек слабый взбрык...
Груди женской молоко...
От него мне так легко...

Священник (в негодовании).

Церковь, Бога – помнишь, да?

Ведьма [(ожесточенно)] Ни-ко-гда!!

Черной службой архирей
Угрожает мне скорей!
Зло-уханные цветы!
Крик голодной наготы!

Священник (в полной растерянности)

Изменяла мужу, даа...

Ведьма [(неистово)]. Меледа!

Он – не может... И со зла

Полюбила я козла.

И козлу, приняв гонцов,

Я служу со всех концов...

Священник [(в смятении)].

Кто же первый и когда

Соблазнил тебя?!...!

Ведьма [(ворожит)] Да-дааа...

[(глубоким голосом)]

Было в темном во лесу.

Встретил девицу-красу

Черноглазый паренек...

Что!?! не по-мнишь, ку-ма-нек?!

(бьет 12 ночи)

Час полночный слышишь, да?

Помело! Скорей сюда!

Поп, ты выслушал меня?

(ломаясь) При-нял грех мой? – На коня!!

Брось свои игрушки прочь!

Нас зовет лихая ночь!

(пьет и вливает ему из бутылки)

Поп уселся? Черт, свисти!

Помело, лети! Лети!

(ворожит) Легким вихрем, как всегда,

Взвейся вверх, и никудаааа...

(уносится [с визгом])

1913. Ноябрь.

Москва⁴⁵⁵.

Вампир

Сонет

Волхву сладчайшему

Две нежити, столкнувшиеся тесно,
Мы две змеи, сплетенные в клубок.
Две тли, друг друга тлящие телесно,
Мы два овна, чей рог скрежещет в рог.

На двух хвостах повисли мы отвесно:
Бесстыдны мы – нам сладок блуд, как бог.
Мы две трубы – единственный пророк,
И на Парнасе мир нас зрит двусестно.

Настанет ночь – у нас единый клык,
Из двух грудей единый рвется рык,
Исторгнут крови жаждою весильной...

Вампир безбрадый с дрябнущим челом,
Мы реем в мир двуснастным естеством
И сладостен нам смрад и тлен могильный.

1914. ноябрь Москва

1929. сентябрь. Baveno⁴⁵⁶.

Эпитафия

себе

Он был не стар,
Схватил катарр
С температурой.
Судьбою дурой
Был брошен вдруг
На юг – сам друг
Ohne sich melden
Приехал в Velden

Dem Wagen aus
В Möslacher Haus⁴⁵⁷.
Тут прозябал,
Читал, писал,
Пил, ел и спал.
И как все бары,
Менял доллары.
К стене приперт,
Он ездил в Вёрт
И без обманки
Зрел Караванки⁴⁵⁸.
Был счастлив он,
Найдя помпон...
Но прибыв в Rörtschach⁴⁵⁹
Он умер в кёрчах.

1924. июнь

Velden am Wörthersee.

* * *

кн. С. М. Волконскому⁴⁶⁰

Если лиры в лихолетьи
Завелись в твоём жилете, –
В память русского рубля
(Будь легка ему земля!),
Чтобы ласка злого лета
Не замучила поэта, –
Заглушая сердца бой,
Легким летом мчи в Тироль!
Мимо долом не томи ты!
Помолись – и в Доломиты,
Где на страже прям и верн
Грозным замком смотрит Шлерн⁴⁶¹.

1924. Август.

Сейс/Сиузи в Тироле⁴⁶².

Эпиграммы и наброски

Записанные со слов покойного

И. Н. Д.⁴⁶³ в Берлине

(1924–1930)

Мы все всегда покрыты всем,
Но это все уже превращено в другое.
Пылится все, не знаем мы зачем,
И доброе и злое.

—

И прах земной, взвиваясь к небесам⁴⁶⁴

* * *

О восхитительная мисс,
О добродетельная леди!
Ведь мое сердце не из меди,
Скорее – парафина из.
Полуденному бесу срящу⁴⁶⁵
И Фебу, в высоте стоящу,
Придется мне в томленья час
Идти в сторонке мимо вас
И вдруг узреть сквозь листьев чашу
Ваш изумительный матрас.
Ужели путник утомленный,
Матрасом вашим восхищенный,
Остановив свой скромный путь
И соблазнившись отдохнуть
На соблазнительном матрасе,
Присущем вашей дивной расе,
Получит в роковой момент
От вас такой же комплимент?
[Матрас есть то, на чем лежат⁴⁶⁶]
За что, за что?

Распоровши как-то раз
Пролежавшийся матрас,
Весь истертый и измятый,
Красно-синий, полосатый,
И почистив на нем пятна
Чтобы выглядеть опрятно,
Англичанка мистрис Фюить
Захотела платье сшить.
И от выдумки трухлявой
Деве старой и костлявой
Вышло платье, о, лукавый
(О сердец сладчайший плен!),
Еле-еле до колен.

Но ты запомни навсегда,
Что все матрасы англичане,
Что англичанка есть матрас.
Не вы ль, прикинувшись матрасом,
[Скитайся ж путник по пустыням
За что, за что? Не вы ль матрасом]
Его манили в знойный миг?

Не верь, о путник, ни одежде,
Ни восхитительной надежде,
Не верь лукавству англичан,
[У них всегда везде обман]
Не верь их женщинам лукавым,
Не верь матрасам их трухлявым
И не давайся им в обман.

* * *

Был Ванюха парень ражий,
Во всю морду мазан сажей
И, в трактире сидя зря,
Слушал речи про царя.

Был Ванюха парень рыжий,
Глаза наось, морда грыжей,
Кулачищем в сто пудов
Молотить ходил жидов.

Был он ростом с домового
И ходил за ломового.
Вдруг ему забрали лоб
И отправили в окоп.

Ой, в окопе не сподрушно
И под пулей чтой-то скушно
Тащит Ванька-санитар
То часы, то полсигар.

Вдруг приехал в Питер Троцкий,
Стал Ванюша парень флотский,
Слушал речи, чистил нос,
Выдающий был матрос.

Голосил всю ночь в совдепе
Про оковы и про чепи⁴⁶⁷,
Всю политику понял,
Но с натуги навонял.

Вдруг поделалась свобода,
Возмущение народа,
Стал Ивашка делегат
И армейский епутат.

Он с киренским разъезжал
И киреньки собирал⁴⁶⁸.

От буржуев и кадетов
Нацепил себе браслетов
И на грудях красный бант,
Настоящий скупелянт.

От помещицы старухи
Тут прирезали Ванюхе,
Записавши в мужики,
Огороды у реки.

Румяной деве, безмерно пудрившей свой нос

Ксении Александровне Офросимовой⁴⁶⁹

Стою в раздумии глубоко,
О дева, зря твою красу.
Но знай, что изумленным оком
Я не восторг тебе несусь.

Скажи, что лик твой знаменует?
Зачем отмечен он судьбой?
И душу тайно мне волнует
Загадкой явной и немой.

Скажи, ужель рукою нежной,
Капризно свой меняя вид,
Ты сыплешь пудрой белоснежной
На украшение Харит⁴⁷⁰?

Не злой ли недуг скрыть желая
Под гладкой, белой пеленой,
Ты каждый день, лицом пылая,
Свой стыд хоронишь предо мной?

Погиб ли кто из купидонов,
Разбив колчан, пролив елей,
И меж алеющих пионов
Воздвигнут белый мавзолей?

Быть может холм сей – холм могильный,
Обсыпан белой мукой,
И богатырь безмерно сильный
Навеки здесь нашел покой?

Не мнишь ли, юная невеста,
Чтоб всех привлечь к своим ногам,
Главою снежной Эвереста
Венчать свой лик назло богам?

Постигни, дева, что не мудро
Творенье Божье исправлять,
И что кощунственная пудра
Красотке – мачеха, не мать!

Забудь же нашепты Эреба,
Сними отвергнутый наряд!
И пусть лучи золотого Феба
На алтаре твоём блестят!..

1924–1925

Декабрь-Январь

Меран

Поэма шестиклассника из гимназ<ического> журнала

1. Флоренция, создание Возрождения,
В тебе нашел свою отчизну я,
К тебе стремится вся душа моя
Здесь, пережив минуты восхищения,

2. Твои дворцы я вижу и каналы,
И храм Петра стоит передо мной,
И Колизей свои возносит скалы,
Как переживший все герой.
3. Промышленность твоя цветет благоухая
И пристани товарами полны,
И кораблей заморских стая
К тебе несется ропотом волны.
4. Смотри, смотри⁴⁷¹, на парусах раздутых
Бегут из океана корабли,
Неся с собой продукты всей земли
Краев неведомых и нетронутых.
5. И гордый муэдзин, завидев с минарета
Их быстролетный в море ход,
Цевницу вдруг берет и славит их приход,
И струны стонут до рассвета.

Флоренция 1925 февраль

Балкон

поэма

А. П. Столыпину⁴⁷²

1. Хорошо иметь балкон
И природы дивный фон!
И смотреть весь день, как с горки,
На тирольские задворки...
2. Что летит и что ползет...
Кто, куда, когда, пройдет...
Куча мусора лежит...
И собака пробежит.

3. Обывательские лица,
В белом фартуке девица,
Чемоданы и узлы,
И угрюмые волы...
4. Есть и лики, есть и морды.
Есть князья, маркизы, лорды.
Невоспитанные немцы
И крикливые туземцы...
5. Вот тирольская дворянка
Загорела, как испанка!
В белой тальме⁴⁷³, красный кант
И за ней – такой же франт.
6. Вот две леди – сухопары,
Длиннозубы и поджары...
Посмотрели впрао – влео,
И на все сказали «э-о»!⁴⁷⁴
7. Вот две немки... То-то дуры!
Всюду пестрые ажурь,
Всюду мясо на пуды,
Непомерные зады!..
8. С ними в пестрых помочах⁴⁷⁵
И с сигарами в зубах,
Два лысеющие венца
Кажут голые коленца...
9. Вот маркиза Гвичиоли⁴⁷⁶,
Захватив с собой от боли
Утоляющих пилюль,
Ищет в августе – июль...

10. Приступает шагом мерным
Очень важным, но не верным
К обозрению местных градов
Сам профессор Виноградов⁴⁷⁷.
11. И за ним с лицом невинным,
В пиджаке немного длинном,
Соблюдая отчий ранг,
Молодой оранг-утанг!..
12. А орангова маман,
Засовав очки в карман
И подправивши височки,
Понесла ему носочки.
13. Вот они!.. Как разодеты...
Круглоносые брюнеты,
Моей родины злодеи –
Иудеи! – Иудеи!..
14. Сионистов злая рать...
Их нельзя и сосчитать!
Толстоморды, толстобрюхи...
И отвратные старухи...
15. Показаться людям дабы,
Вот идут две жидо-жабы...
Руки, словно колбаса,
Наливные телеса...
16. Вот еще одна: криклива,
Щеки – шаром, нос – как слива...
Дамам ходу не дает
И к мужчинам пристаёт.

17. Одевается бульварно,
Врет и хвастает вульгарно,
Нагло-вкрадчивый глазок
Блещет злобой из-за щек...
18. Кто там топчется короткий?
Весь прилизан мокрой щеткой,
Недовольно морщит лоб? –
Поляков⁴⁷⁸, известный сноб!..
19. И за ним, как жердь длинна,
Говорливая жена...
И еще фигура сзади –
Католического дяди:
20. Усмотрев безгрешность папы,
Он предался прямо в лапы
Езуитам. И хлопочет:
Обратить Россию хочет...
21. Вот какая-то мамзель
Пронесла виолончель...
Вот еще один с мамашей
Недоволен верой нашей –
22. Длиннонос и длинноног,
Заблудился средь дорог...
Глаз у леса, глаз у беса –
Католический повеса.
23. Вот княгиня – в платье алом
С видом томным и усталым...
Видит издали коров –
И прыгнуть готова в ров...

24. К ней на помощь через грязь –
Легким бегом мчится князь,
Чтоб укрыть ее под сень...
Тонок, строен, как олень!..
25. А в сторонке, шляпу сдвинув
И слегка свой рот разинув,
В женской кофте, без пальто,
Бормоча совсем не то,
26. И мечтая о бутылке
Пребывает в здешней ссылке –
(Не Спасович⁴⁷⁹, и не Пыпин⁴⁸⁰) –
Молодой поэт Столыпин.

И ему-то, как собрату,
На открытый рот заплату
Преподносит сам поэт
Сей учительный завет:

Мир широк! Людей в нем много!
Но верна – *одна* дорога!
И, чтоб ложную покинуть,
Надо прежде рот зазинуть...

Если хочешь знать – какая?
(Не в бутылке, а другая) –
Из толпы скорее вон!
И взбирайся на балкон...

1925. Середина августа⁴⁸¹
Обербоцен/Сопра-Больцано⁴⁸²

Замок Зеон⁴⁸³

Герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому⁴⁸⁴

Стоит, водами окружен,
Забытый жизнью суетливой,
В виденья славы погружен,
И на века заворужен,
Зеон – громадой молчаливой.

Блаженный сон и тишина
И дальней родины мерцанье.
О, не спугни видений дна!
О, не буди меня – и сна
Не нарушай очарованья!

Здесь сила царственных корней
Хранит России дух священный...
Отсюда родина видней...
И чует ход грядущих дней
Мой дух усталый и смущенный.

1926.

Начало июля.

Замок Зеон в Баварии.

Чиновник и социализм

Басня

В публичный сад чиновная муштина
Зашла однажды мрачно посидеть.
От жизни холостой она уж начала сесть
И лик ей одиночества прорезала морщина.

Публичный сад, публичным благом возвращенный,
Порядка зрелище умильное являл.

В нем жен публичных хор сиял,
Публично к славе приобщенный.

Публичный стаж общественной метлою
Всеобщий сор с дорожек подметал...
И, социальной приукрыт ветлою,
Концерт публичных птичек щебетал.

И шум, и гам ликуя поднимала
Детей публичных резвая толпа,
И все собою кротко осеняло
Величие публичного столпа.

И умиленная подумала мущина:
«Как много благ дает публичность нам!
Ветлу, метлу, детей, и птиц, и дам»
И одиночества расправилась морщина.

«В публичности есть счастье, человеки!
Обобществите все скорей –
Имущество, и женщин, и детей...
И млеком потекут восторженные реки!..»

1926. сентябрь

Боцен/Больцано⁴⁸⁵

О пользе фашизма

Трудно жить на белом свете!
Коль не хочешь быть в ответе,
Осторожнее дыши
И нарочно не греши.

Как-то в treno, близ Пьяченцы,
Я нарушил все деченцы

И в избытке юных сил
Все запретное свершил:
Выбрав бережно momento,
Я спутнул на pavimento
И немедленно дерзнул –
Из окошка спорджерзнул...
Уловив затем фермату,
Я проникнул в ритирату
И dokonчил всю беду
Априв порту на ходу.

Быстр и краток лет мгновений
И моих посягновений
Не заметил злой фашист!
Был удачлив нигилист...
И за все свои фасоны
Не зачислен был в масоны.
Уцелела его ложа,
Избежала казни рожа
И касторки липкой фунт
Не венчал вагонный бунт...
Словом, как-то минул крах.
Но в душе остался страх...

И с тех пор мой нрав скандальный
Стал умеренно-лояльный:
Он в вагон не наплюет,
Дверь он зря не отопрет
И во всем находит меру,
Вспомнив про камичью неру.

1926. сентябрь.

В поезде возле Пьяченцы⁴⁸⁶.

Хвала трудолюбию

(басня)

«Вот мой стимул», –
Промолвил мул,
Увидя кнут,
На козлах вткнул.

«Мне без кнута
И жизнь не та:
Я б ел овес
И не повез».

«Но хлопнет кнут
И стеганут –
И я везу,
Сронив слезу».

1929. Октябрь.

Margherita-Ligure⁴⁸⁷.

Исповедь

(стихотворение Анны Лохматовой)

Ты меня, миленок, не хоти расспрашивать,
Отчего я устала и бледна.
Изношенное платье надо уж донашивать,
А я вылюбилась до самого дна.

Не смотри ты на меня, словно в угаре!
Не поймешь вас, пестрых мотыльков.
Я ведь всю жизнь провела в будуаре
И алтарем моим был альков.

На мои растрепанные нервы
Я не знаю, кого уж и взять.

Ведь ты у меня двести сорок первый,
А мне всего двадцать пять.

Я не знаю⁴⁸⁸, кто всему виновник,
И зачем я любила все это зверье.
Был у меня когда-то⁴⁸⁹ гвардейский полковник,
А теперь – коммунист Лурье⁴⁹⁰.

Посмотри – ведь я вся упадочная
И на подвиг меня не зови.
И поэзия моя – место складочное
Для отбросов нечистой любви.

Ведь и стих-то⁴⁹¹ у меня переутомленный,
Как утренний вялый кивок.
Мы не пара: ты – юнец окрыленный,
А я – затоптанный цветок.

И напрасно молодежь увлекается
И подражает моему безвольному стиху!
Поздно поймет она и раскается,
Но уже приобщившись моему греху.

Вижу – тебе моя исповедь надоела...
Обнажила я свою пустоту...
И если нет тебе до меня дела –
То веди меня скорее на тахту!..

1929.

* * *

С. Д. Боткину⁴⁹²

Благотвори без аппарата,
Чужой нужды невольный раб!
Спасай озябнувшего брата
И позабудь, что сам озяб...

Забудь, что есть на свете утки,
Что печи топятся углем...
И, как татарин прибаутки,
Питайся сонным киселем!⁴⁹³

Смирись, покорен злomu року.
И, раз прокляв большевика,
Подобно древнему пророку,
Ходи без брюк и пиджака...⁴⁹⁴

И на вопрос: «кто ты, о странник?» –
Скажи, взглянув на подлеца:
«Я бедный родины изгнанник,
России верный до конца...»

1930. Январь.
Берлин

Вечно-женственное

(стихотворение Александра **Брока**)

По вечерам над тротуарами
Летит отхаркнутый плевков
И под распутницами старыми
Хрустит раздавленный песок.

Идут к святыням плоти путники,
Их всех ведет любви стезя.
И престарелые распутники
Спешат туда же, лебезя.

И в жажде ненасытных праздников
Иду и я в любой кабак...
И синева моих подглазников
Пугает уличных собак.

И чую сердца я свирелию
И сладкой низостью раба,
Что встречу я мою Офелию
На перекрестке у столба.

Как коромысло дышит ведрами,
Играя солнечным глазком,
Так ты придешь, качая бедрами
И ослепительным чулком.

И покоренный мутью сонною
И благовонием Котй⁴⁹⁵,
Пойду с тобой, моей мадонною,
По неизбежному пути.

И все прошедшее останется
Видением у твоего крыльца,
Когда фонарь на нас оглянется
Оскалом злобным мертвеца.

А пред потертою кушеткою,
Когда падут твои шелка,
Я стану вновь твоей левреткою,
Как было в древние века.

И я увижу за угарами
В твоих подкрашенных⁴⁹⁶ глазах –
Людей, идущих тротуарами,
И тротуар в сплошных плевках⁴⁹⁷.

1930. Март.
Берлин.

Домовой

По прочтении статьи Н. Н. [Ильиной
в «Русском Колоколе»]⁴⁹⁸

Вдруг раздался тихий вой...
Из-за печки домовой,
Весь причесан и приглажен,
Истов, ветх и очень важен,
И монашески брадат, –
Видом греческий пенат, –
У жены моей в салоне,
В длинном белом балахоне,
Словно сам великий пост,
Встал во весь свой страшный рост.
Мудр и свят, угодник ликом,
В умилении великом
Силу Божию познав,
Он смирил свой дикий нрав –
Злой обычай темных пугал, –
И, последний вой издав,
Он смиренно в красный угол
(О, божественный урод!)
Тихо свой направил ход...
Там, к иконам обратясь,
В землю с крехтом поклонясь
И согнув смиренно выю,
Стал молиться за Россию...
И слова из его уст, –
Шелест листьев, нежный хруст,
Пенье ангелов Престолу,
Очи дев, глядящих долу,
Одинокий стон в тиши
Муже-женственной души, –

К небесам найдя дорогу,
Потекли в молениях Богу...

1930. Апрель.
Льез.

* * *

Я видел недра мироздания,
Я стал пророк.
Но в черной пазухе страдания
Я изнемог.

И морщины у мущины
Из коричневой вощины,
Распалившись похотью,
Жирно блеют хохотью.

(Закон сгущенного отврата)⁴⁹⁹

Послание Плаксину

(ответ)

На вечере Татьяны 25/12. I. 1934 с дамского стола
мне передали в порядке «почты» записку:

Ильин, Ильин,
На весь Берлин
Цветешь один.
Все похвалы тебе мои,
Но без Луи.
Придя домой,
Главу омой
И как-нибудь
Луи забудь⁵⁰⁰.

Послание было составлено Н. Ф. Васильевым*,
а я ошибочно приписал его Б. Н. Пласкину⁵⁰¹

Твоим стихом, мой милый Пласкин,
Я так утешен, – видит Бог! –
Что весь сияю, как сапог,
Который только-что наваксен!..
Благодарю и весь квинтет
Шалуний дамский комитет!
Луи бурливого гоня
В разгар татьяниного дня
За эротические куры,
Вы на него пошли в поход,
Изнемогая от забот
Гигиенической цензуры,
Когда нанес мне поцелуй
Блаженно упоенный Луй**...
    За что? – спрошу... ужели страстность
    Всегда томит в себе опасность,
    И нам, над бездною скользя,
    Увлечься и на миг нельзя,
    В тенетах – черт ее дери! –
    Какой-то ложной прюдери⁵⁰²?
    Иль поцелуй, – Сережин, Петин, –
    Для всех, всегда, везде запрещен?
    Иль распаливши сердца жар,

---

* Ник<олай> Фед<орович> Васильев [(1887–1961) – *А.Л.*] – прис<яжный> пов<еренный>, церк<овный> староста [берлинских кафедрального собора и князь-Владимирского храма – *А.Л.*] и лектор (автор письма ко мне на Татьяне). – Примечание И. А. Ильина на отдельной рукописной странице.

** Вариант:

Когда мне шли поцелуй
От упоенного Луи (примечание И. А. Ильина).

Примчавшись в Стрельну или Яр⁵⁰³
Не целовал студент студента
В порыве пьяного момента?
Так почему же, о друзья,
Когда с Луи лобзался я,
В сердцах, как некая гиена,
У Вас проснулась ги-гиена?
Иль, может быть, пророк во фраке,
Боялся ты, о мой Борис,
Мою судьбу прозрев во мраке,
Что он присадит мне Луи-сь^{504?}
О, нет, главу прилежно моя,
Я чую здесь совсем иное...

О, *зависть* мрачного чела!
О, *ревность* дамского стола!
О, сила разума и воли!
О, сердца сдержанные боли!
С тех пор, как дикий человек
Свершает на земле свой бег,
Застенчивость всегда была
Истоком горя или зла:
Поток задавленных желаний,
Пылал всегда без упований,
И взгляд завистливый всегда
Вещал, что близится беда...
Зарницей дальнею мигая,
Любовь томится в глубине
И светит людям лишь во сне.
И там, где хладен внешний вид,
Стыдливость алчная кипит.

1934. янв.
Берлин

<Эпиграммы на Н. Ф. Васильева⁵⁰⁵>

Знаем мы, чей длинный нос
Накропал опять донос!
Кто, уставившись брадой
Для людей чреват бедой, –
    В алтаре промышленник,
    В сердце злоумышленник...
Знаем мы, чей медный лоб
Всем интригам протопоп!
Кто бесчестно промотал
У старушки капитал, –
    Знаем, ужасаемся
    Но назвать стесняемся.

* * *

Поэт Васильев
Летит без крыльев,
С пищеваренья
Без вдохновенья,
Немножко сонный
И благосклонный,
Немножко тучный,
Благополучный,
Всегда при этом
С авторитетом,
Внушить готовый
Порядок новый –
Чуть-чуть пыхтит
И старостит.

1934. февраль

* * *

Профессор Васильев –
Знаток без усильев
Преданий, Писаний,
Посланий, Деяний,
Обрядов, укладов,
Икон и окладов,
Ну, словом, всего, –
Знаток до того,
Что может охотно
Совсем беззаботно,
Читать бесподобно
Про все что угодно:
Про диких аваров,
Про Радонеж, Саров,
Про Мощи Святыя,
Про «Мощи живыя»,
Про пустынь и лес,
Про сонмы чудес,
Про древние книги,
Ковриги, вериги,
Про то и про се,
И словом – про все.
И дивные звуки
Словесной цевницы
Спасают от скуки
Уставшие лица...
Придут две сестрицы
От матушки Марфы
Без всякой рекламы –
Еще две-три дамы,
Собою приглядны,
К познанию жадны...

Настроят влюбленно
Сердечные арфы
И, сняв свои шарфы,
Начнут умиленно
Внимать преклоненно
Всему, что смиренно,
Прочтет без усильев
Профессор Васильев.

1934. февраль

Раек⁵⁰⁶

А и где же это видано,
А и где же это слыхано,
Чтобы курочка – бычка родила,
Поросеночек яичко снес,
А Гештапо цыплят вывело? –
    Чтоб Бискупский⁵⁰⁷ клеть обокрал,
    Таборицкому⁵⁰⁸ за пазуху поклат,
    Чтоб Бискупский немцам стал служить,
    Таборицкий о России стал тужить,
    Борк Шабельский⁵⁰⁹ подсматривал,
    А Фабрициус⁵¹⁰ подслушивал,
    Остен-Сакен⁵¹¹ бы подписывал?
    Мадам Лерхе⁵¹² в рефир⁵¹³ побегла,
    Мадам Рындина⁵¹⁴ в Гештапу донесла?
Серафим Ляде⁵¹⁵ – шпионом не служил,
Тихон Лященко⁵¹⁶ – деньгу разлюбил,
Шаховской бы Иоанн⁵¹⁷ – душою не кривил...
    Левашов⁵¹⁸ бы да жену свою поял?
    Закомельский⁵¹⁹ педерастов разогнал?
    Светозаров бы с Пельхау⁵²⁰ подрался,
    А Бермонт бы да с Аваловым⁵²¹ в обнятку снялся?
Чтобы Марков⁵²² да правду изрек?
Чтобы Тальберг⁵²³ интригу не испек?

Деспотули⁵²⁴ убеждения завел?
Скоропадский⁵²⁵ целомудрие обрел?
Чтобы Дашкевич со Горбатским⁵²⁶ помолвился,
А Сахаров⁵²⁷ умным словом обмолвился?
Чтобы Зиверт⁵²⁸ в Гепеу не служил,
Войцеховский⁵²⁹ Розенберга⁵³⁰ навестил?
Чтобы Хитлер смертельно занемог,
Адольф Эрт⁵³¹ бы Рейхстага не поджег⁵³²?
Чтобы Геббельс хромать перестал,
Генерал Краснов⁵³³ к врагам не перебежал?
Чтобы русский стал русскому брат⁵³⁴?
Чтобы жид не во всем был виноват⁵³⁵?
Чтобы подумал эмигрантский народ,
А ведь все у нас как раз наоборот!
Чтоб от этого добро произошло,
Нас бы всех ко единству привело —
Добрым людям в научение,
А России во спасение...

Берлин 1937

Написано Щербатову⁵³⁶ в грипп

От простуды
В теле пуды,
Робость, слабость,
Квело-бабость,
Очень вяло
И устало,
Кисло, сонно
И лимонно;
Чай из липы,
Сапы, всхлипы,
Злые чихи.
Мысли тихи,
Мыслей нету!

И поэту
Вместо темы
Для поэмы
От начала и до точки
Лезут глупенькие строчки

1938. III. 24

Нос

(Краткое жизнеописание)

С. А. Субботину⁵³⁷

[Цолликон] 1939. VI. 28–29

1. Я любил свой прежний нос,
Длинновато-тонкий...
Но нарыв его разнес
Вспухшей перепонкой...
2. А когда нарыв прошел,
Съев два пуда мази,
Вместо носа я обрел
Род какой-то мрази...
3. «О, Сережа! Где же ты?..»
Возопила Мама:
«И следа нет красоты:
Вместо носа – яма...»
4. Недостойная резца,
Жалкая обнова...
И похож я стал с лица
Как бы на Орлова⁵³⁸...
5. Долго с ямою я жил,
Злясь как мефистофель;

- И невест не находил
Мой ужасный профиль...
6. Но искуснейший хирург
Людам в поученье
Словно древний демиург
Воссоздал творенье:
7. Разрешил он весь вопрос
Новой перепонкой –
И явился прежний нос,
Длинновато-тонкий...
8. И когда воздвигся нос,
Всем носам носевич, –
То от зависти донос
Подал С[олоневи]ч...
9. Но пленившись красотой,
М[ельски]й⁵³⁹ умилился...
И до-носу дал отбой,
Чтоб *он провалился*...
10. Прежний нос стал злобой дня,
Всех пронзив красою...
И невестам у меня
Прямо нет отбою...
11. И струит он вольный вздох,
Эн-тэ-эс-эн-пупский⁵⁴⁰ ...
И от ревности подох
Г[енерал]ь Б[искупски]й⁵⁴¹ ...

12. Нос отцовский, *родовой*...
Данный от природы...
Отродясь он был такой...
Но воссоздал – ... Р[од]э...

Раны зарубежья

С. А. Субботину после [его] операции

(При виде снимка с Лазаря Пятидневного⁵⁴²)

Боже мой, что это было?
Что мне с почты принесло?
Упакованное рыло...
Несуразное хайло...

Темноглазо, из халата
Смотрит Лихо мне в глаза...
Безобразно... Мордовато...
Инославная мурза...

Вид замученной уроды,
Полосатой поперек...
Преступление природы...
Человечеству упрек...

Эти странные раненья, –
От людей иль от судьбы?
Вижу грозные виденья
Исторической борьбы...

Драка общая на вече...
Бой, где Невский победил...
Прет татарва в дикой сече...
Взятый нами Измаил...

Взрыв гранатный, дым пожаров...
Бородинский бой кипел...
Шрамы сабельных ударов...
Слава русских бранных дел...

Замер дух благих порывов...
Мы заснули как морж...
Погибаем от нарывов,
От больницы и ножа...

Проиграли мы сраженье...
И вернуться нам нельзя...
Молодое поколение!
Зарубежная стезя!

1939. начало июля. Zollikon.

Зараза

Да, весь мир живет заразой –
От животных до планет,
Всеединой, многоглазой,
И спасения нам нет!..

Мы ей рады... и не рады...
Привыкая вечно ждать
От проклятия – отрады,
А отраду проклинать...

И служить ей не желаем...
И отводим ей лишь сны...
И в заразе умираем,
От заразы рождены.

От нее идет влеченье,
Связь любви и стон живой,

Красота и утвержденье,
И незримо-зримый строй...

Голос к голосу взывает,
Зову зов ответ свой шлет,
И мгновенно постигает
Духа дух над бездной вод...

Посмотри – она цветет
В искрах лала и топаза,
И в молчаньи хризопраза...
И в мелодии поет...

И цветок любить желает,
И шепнув – «лови! лови!!» –
Он на воздух посылает
Пыль нежнейшую любви...

И влюбленные росинки
Серебрятся на листах,
И любовь поют пылинки,
Упоенные в лучах...

И сам-друг⁵⁴³ кружась по лугу,
Знает счастье мотылек...
И зовет свою подругу
Световидный червячок...

Солнце мир лучом лобзает...
И в величественный миг,
Загораясь, отвечает
Засыпающий ледник.
И планеты, зараженны
Тяготеньем тайных сил,

Обретают, сопряженны,
Меру верную светил.

И куда ни взглянет око, –
Все, чему нельзя не быть,
Все томится одиноко
И мечтает – заразить...

И, послав волну в пространство,
О спасеньи страстный зов,
Ждет ответа, как пианства,
Как блаженства от миров...

Все: бацилл, блоха и кролик,
И урод ихтиозавр,
И язычник, и католик,
И ацтек, и грек, и мавр...

Все закон свершает Бога,
Заражая и любя...
Это – общая дорога
Для меня и для тебя.

Да, весь мир пиан заразой.
Ею счастлив и поэт –
Всеединой... Многоглазой...
И иного счастья – нет!...

Так не бойся, обреченный!
И, когда настанет смерть,
Ты, любовью зараженный
И в любви преображенный,
Отойдешь в иную твердь...

Соблазненному⁵⁴⁵

1. Я пощажу твои седины
И сан, священный для людей,
Не назову... Но в час кончины
Ты сам встрепещешь как злодей...
2. В миг совершенья, в миг ухода
Перед лицом небесных сил
И соблазненного народа –
Ты вдруг постигнешь, что свершил;
3. И не найдешь себе прощенья
За то, что Церковь мог предать...
И наконец, устав рыдать
Ты проклянешь свой день рожденья...
4. Ты лжи давно учился в ложах
И, наторев у темных дел,
Ты в иерочекистских рожах
Родную лживость усмотрел...
5. Ты им предался, не поверив.
Ты знал, что верить им нельзя.
Ты шел, давно уже измерив,
Куда ведет эта стезя.
6. Ты знал, что Церковь коммунистам
Нужна как маска – для ловить,
Что пастырь, ставший раз чекистом,
Не подойдет к престолу чистым
Для некощунственных молитв.
7. Ты знал, что Николай лукавит,
Что «патриарх» – не Патриарх,

Что Православие бесславит
Покорный злу ересиарх.

8. В годину смутную мучитель,
Забыв, где дьявол и где Бог,
Ты им предался как служитель,
Как соблазненный соблазнитель,
Соблазна вящего пророк.
9. Но добродушием лукавым
Ты всю интригу прикрывал.
И долго шел путем неправым,
Церковный пестуя скандал.
10. Отрекся ты от тех, чьей кровью
Мы были живы и горды,
От тех, кто предан был злословью
Коммунистической орды.
11. От тех, кто был нам всем порукой,
Что Русь не исчерпала сил,
Кто верность Богу – долгой мукой
И тяжелой смертью подтвердил.
12. Их имена для нас священные!
Их исповедные слова,
Произнесенные едва,
И ангелами повторенны,
Восходят к Богу, как хвала!
И Церковь славит их дела...
13. Но в катакомбах церковь наша,
В глухих оврагах и лесах!
И в пламенеющих сердцах
Ее таинственная Чаша...

14. Но ты презрел их честь и веру...
Ты кровь священную забыл,
И свою верность Люциферу
Их поношеньем закрепил...
15. Ты внял приказ «кулисы» властной⁵⁴⁶:
«Признать советские дела!»
И предал ты, старик несчастный⁵⁴⁷,
То, чем Россия процвела...
16. Ты предал верных и гонимых,
Ты оправдал безбожья тьму,
Советов злую тираннию
И Соловецкую тюрьму...
17. И вот⁵⁴⁸, от дьявольской стихии
Приняв заведомую ложь,
Ты и в историю России
С клеймом *предателя* войдешь.
18. И помни: в близкий час кончины,
В преддверьи грозного суда, –
Постигнув смысл сей злой години, –
Ты вырвешь сам свои седины,
Но грех не смоешь никогда.

1946?

Хвала заимодавцу⁵⁴⁹

В. А. Боссу

[(приложение: бумажка 5 фр.)]

Нет, я не волк, не похититель!
Едва двухдневный срок истёк, –
Я шлю Вам долг, благотворитель
И благородный человек!

Клопов и мух доброжелатель
И друг тому, кто бос и наг,
Окрестных кошек пропитатель
И забегающих собак*, –

Меня монетой Вы снабдили,
О живописец и певец,
Когда моей карманной силе
Пришел неожиданно злой конец...

Но я с тех пор обогатился,
И, признавая долг – грехом,
Вот – сей бумажкой окотился
И оценился сим стихом...

Так до свиданья! В день счастливый,
Скопив запас словесных скверн,
Я вновь, веселый и игривый,
Я посету Ваш древний Берн...

И в насекомости условной
Я привезу Вам *все* своё:
Укус и запах мой клоповный
И мухо-точие моё...

И вновь Вы вспомните о друге...
И вновь сожру я Ваш обед...
А Вашей страждущей супруге⁵⁵⁰
Я вновь премудрый дам совет...

22. II. 1946. [Цолликон.]

---

* Даже из Цолликона!.. (Примечание И. А. Ильина).

[Нине Петровне Босс]

Читается на «ò»

«Увы! и ах!»...
Сказал монах,
Увидев женщину... – в штанах...

«Соблазн! И грех!
И людям смех...
И только дьяволу – успех...

Нет, нам штаны
Не с тем даны,
Чтоб царство славить сатаны...

Но чтобы скрыть
Мужскую прыть –
И без греха – хоть час побыть!

Но женский пол
В штанах нашел
Дорогу к бездне всяких зол...

На вид – мужик!
Ногами – взбрык!
И сзади... вид... развратно дик!...

И стыд!... И страх!»...
И в страшных снах
Ночь напролет лежит монах...

Porto Ronco⁵⁵¹. Lago Maggiore
Апр. 1946

* * *

Августа 28. 1953

Цоль и Кошка

Не зная, где найти мне Вас,
Пишу повсюду сразу.
Судьба в Тессин⁵⁵² заносит нас,
Где Вы, любезный Босс и Басс,
Создали себе базу.
Как хорошо найти отель...
В Локарно отелиться...
В уединение отсель
Под Богом созданную ель
Засесть и насладиться.
Но Ваша помощь и совет
Могли бы много значить...
Так дайте отклик и ответ,
Сопрано, бас, чтоб Ваш поэт
Мог планы обозначить.

* * *

Дорогие Робинзоны!
С переездом Вас!
Пусть тессинские бизоны,
Обитая Ваши зоны,
Ценят Ваш палас,
Берегут Ваше здоровье,
К Вам относятся с любовью,
И дают доход...
Чтобы были Вы богаты,
Чтоб росли Ваши палаты,
Чтобы знал народ,
Кто такое Босс-Художник
(Католический безбожник!)
Бывший бернский крот...
Живіо⁵⁵³! Новый год!...

* * *

Я всегда любил спагетти,
Подъедая те и эти –
И потолще, и потоньше,
Полапшей, помакароньше...

Если корочка далась
И немножко запеклась,
Я в расстегнутом жилете
Подчищаю все спагетти.

Съев на первое – их с мясом
И, откашлянувшись басом,
Я закатывал и с сыром
И съедал их пред всем миром.

А когда мечты сбывались
И на третье подавались
Мне с томатом макароны
– Я снимал и панталоны⁵⁵⁴.

1947 июнь

Дед

Лысый, с маленькой бородкой
Дедушка лежит.
И стакан с балтийской водкой
Перед ним стоит.

Стар и глуп. Глядит в пространство,
С испытным лицом.
Много видел окаянства
На веку своем.

Все «помочь» он порывался,
Наконец ослаб.
Знать, он сердцем надорвался,
Неудачный раб.

Были мысли... Растерялись...
Где ж их подобрать!?
Да и тех, что записались,
Некуда девать...

Утром встанет, вялый, сонный,
Ляжет на диван,
И тоскует огорченный,
Дедушка Иван...

Водку пить ему противно...
Он ее не пьет!
И назад ее проливно
В полбутылку льет...

С боку на бок повернется,
Скажет про себя:
«Мир со всех крючков сорвется,
Бога разлюбя»...

Жизнь ему – сплошная страда.
Бросил он писать.
У него одна отрада:
Музыку играть.

Все забудет: то, что ранит,
Что внушает страх...
И Романцу слушать станет,
И сидит в слезах...

Написав благодаренье,
Запихнет в конверт...
Как изжить тебе томленье,
Дорогой проферт?!

[Но не хочет он в могилу:
«Я» де, мол «Эксперт»...
Где ты черпал эту силу
Старенький проферт?]⁵⁵⁵

30/X 1948 Zollikon

Старый чемодан

Жил на свете чемодан,
Чемодан – давнишний...
Тут изъян... И там изъян...
Словом – стал он лишний...

«Что за форма?!... за объем?!...
Барахло! – Истлело!...
Что там? Рукописи в нем?
Это – устарело...

Ну кому они нужны?
Мы читать не станем!
Если скажут, что важны,
С чердака достанем!»...

И свалили на чердак*
Вместе с прочим хламом
То, над чем корпел чудака...
Прямо к зимним рамам...

---

* 420 м. Zollikon (примечание И. А. Ильина; по всей видимости, имеется в виду высота Цолликона над уровнем моря. – А. Л.).

И лежит себе в пыли
Чемодан давнишний...
Годы прежние ушли –
И теперь он – лишний...

10/XI/1948 Zollikon

Христине Кротковой

– Чем я живу? – Усмешкой: тщись,
Особь, себя утвердить нерушимо.
– Чем я живу? – Улыбкой: жизнь –
Невероятно, но выносима⁵⁵⁶.

О, амeba! Не смущайся!
Нерушимо утверждайся,
    Сохраняй веселый вид!
То улыбкой, то усмешкой
То враньем – ловчись, не мешкай,
    Особь! Клетка! Индивид!

Тщись всегда, драгая особь,
К прокормленью найти способ!
    Не влекись на жизни дно...
Пресмыкайся, протоплазма!
Выносима жизни спазма:
    Проберись служить в Уно⁵⁵⁷!

Говори с начальством кротко,
Переводы делай четко,
    И евреям угождай!
И сбережь, не унывая,
Инфузория речная,
    Палестинский урожай...

17 авг. 1950

Марии Кирилловне Енни⁵⁵⁸

Снова фенный⁵⁵⁹ день, постылый...
Строгий пост идет постом...
Съеден жаворонок милый...
И с глазами, и с хвостом...

Съеден жаворонок вкусный,
Прилетевший к нам с Руси...
И сложил профессор грустный
Стихотворное мерси!!

О, искусная Мария!
Твоя русская душа
Широка, как мать Россия,
И добра, и хороша...

Вставши утром спозаранок,
Печь как надо разогрей,
Испеки пяток баранок
И пришли нам поскорей!

Ах, баранки, снедь базара,
На мочалке любят жить...
Легче духа, пуха, пара
Могут душу веселить! –

9/IV 1951

* * *

Да, любовь владеет миром,
В ней таинственная власть
Да, любовь царит над миром
Да, в любви закон вселенной

Из лекций Иоанна Фурштадского⁵⁶⁰

Лекция 1.

Как мать Таисия
Посетила⁵⁶¹ отца Паисия
С вареньем из Барбарисия,
Увидела его добрый взгляд
И ни с чем вернулась назад.

Лекция 2.

Как мать Таисия
С благословения старца⁵⁶² Паисия
Посетила отца Барбарисия
Узрела его взгляд осоленный
И вернулась домой уже благовонной.

Предутренние сны

Шишкин, Пышкин и Варун⁵⁶³
Встретились в трактире,
И какой-то говорун
Их застал в сортире.

Шишкин прямо заседал,
Те – у писуаров –
Этот сон приснился мне
Раз у Катуаров⁵⁶⁴

Катуар де Бионкур
Колин⁵⁶⁵ был приятель,
Разводил прекрасных кур
Старый заседатель.
Он высиживал их сам
И сидел наседкой –

Этот сон приснился мне
В кресле за беседкой

Заяц снес одно яйцо,
В страхе растерялся,
Сделал глупое лицо
И в компот попался.

Он компот хлебал, хлебал
В Сониной передней –
Это сон приснился мне
Третий и последний.

* * *

Судьбою злобной недобит,
Навстречу бурям и невздам
Вас поздравляет с новым годом
Забытый Вами трилобит⁵⁶⁶.

Офросимову⁵⁶⁷

Желание быть католиком

(из Кузьмы Пруткова)

Льют дожди в Бриссаго⁵⁶⁸
Солнца нет... Обман!
И закрыто Лаго
И везде туман.

Тихие аббаты
Молятся толпой,
Дряхлые прелаты
Спят во мгле ночной.

Сонной благодатью
Все упоено,
«Сердце»⁵⁶⁹ над кроватью,
Красное вино.

Нет ни бирж, ни банков,
Жить и думать – лень,
Плата восемь франков
С человека в день.

Славный виноградник,
Giorgio⁵⁷⁰ – патрон,
Мудрости рассадник,
Святости амвон.

Шепот тихих фурий,
Лицемерный лик,
Станет скоро Юрий
Верный католик.

Обновленное слово

Приветственная свистопляска
испуганных гессенов

Ай люли, люли, люли,
Выходил он все в нули,
    А теперхен, любли, любли,
    Стал редактор Деспотули.
С ним теперь не пошалишь,
Он теперь гефилт-ин-фиш⁵⁷¹!
    Прежде лил он пули, пули
    На задворках в Руле, в Руле⁵⁷²
И прислуживал себе
Там у наших на Руле.

А теперь он без уздов
Кулачищем в сто пудов
Перебьет нас всех, жидов.
Он положит нас под прессу,
Он покажет нам Одессу,
Он загнет нам черта в стуле
Новый деспот Деспотули⁵⁷³.

Подариш

Жил на свете преогромный Подариш.
Рядом в домике жил маленький Купиш,
А в чуланчике ютился жалкий⁵⁷⁴ Шиш.

Но однажды этот самый Подариш
Собрался и вдруг уехал во Париж,
Похудел тогда Купиш и вырос Шиш⁵⁷⁵.

А потом в Париже умер Подариш,
Захирел от истощения Купиш
И⁵⁷⁶ остался преогромный страшный Шиш.

Диван

Поется на мотив
«Мужик пашеньку пахал
сырдарда...»⁵⁷⁷

Эдгар Юльич Прадерван⁵⁷⁸ – Прадерван
Просидел дыру в диван – да в диван

Та дыра прошла насквозь, – да насквозь
И диван поехал врозь – да, да врозь

И лежать ему во сне – нда, во сне
Стало больно на спине – дна спине

А кто сядет на ура – на ура
Прямо видит, что дыра – что дыра

Ноги кверху, задом вниз – задом вниз
А рукой за край держись – скорей держись

И осталась, господа – господа
От дивана ерунда – ерунда

Тут решил Ильин Иван – да Иван
Купить новенький диван – да диван

Потому что у гостей – у гостей
Будут сломы всех костей – всех костей

Оказалось, как в ответ – да в ответ,
Что монет у него нет – да, да, нет

Что он новых не нашел, не нашел
А что были – все извел – да извел

Думал, где бы признаться – признаться
Да очень трудно угадать – угадать

Можно взять у Гештапо-сь – Гештапо-сь
Да подать надо донос – <да> донос

У Бискупского⁵⁷⁹ просить – попросить
Тоже надо доносить – носить, носить

В Винтерхильфу⁵⁸⁰ он ходил – да ходил
И картошку получил – получил

Там Хорст Вессель Лид⁵⁸¹ поют – все поют
Но диванов не дают – ох не дают

В Брудерхильфу⁵⁸² он писал, да писал
И предйгер⁵⁸³ обещал – обещал

Но он в ус и не подул – не подул
Как всегда – и тут надул – да надул

В Пропаганду⁵⁸⁴ думал он, думал он
Говорят – да вы масон – да масон

Думал в ложу пойти он, пойти он
Говорят – вы не масон, не масон

У Католиков деньга – есть деньга
Да уж очень дорога, дорога:

Там диваны всем дарят, говорят
За восточный за обряд⁵⁸⁵, за обряд

И тогда подумал он, думал он
Что поможет сукцион – сукцион.

Сукционы обошел, обошел
Но дивана не нашел, не нашел

Вот за августом сентябрь, да сентябрь
А потом – октябрь-ноябрь – да ноябрь

И лежит он в декабре, в декабре
В той же самой во дыре, дыре, дыре.

Тут решил Ильин Иван, да Иван
Починить больной диван, да диван

Матерьялы закупил, все купил
И диван он починил, чинил, чинил

Он в починке был не глуп, ох не глуп
И дыра полезла в пуп, прямо в пуп

И вернувшись в декабре, декабре
Позабыл он о дыре, о дыре.

Так я исправил стихотв. Р. Редлиха⁵⁸⁶

Неустанно годы за годами
Созерцающая Божии лучи,
Сердце вспыхнет и само, как пламя,
Как огонь молитвенной свечи.

* * *

1. Чемоданы я зазинул
И, сходя в пл,
С удовольствием покинул
Я Trois-Epis⁵⁸⁷.
2. Здравствуй, сумрачный Chillow⁵⁸⁸,
Я пришел к тебе угрюмый
И душою я готов
Заболеть твою⁵⁸⁹ думой.

Но я вижу – ты в водах,
Голубеющих от века,
И в сияющих лучах
Позабыл про человека.

И к тебе со снежных гор
Примиренно плещет Рона⁵⁹⁰,
И светлеет грустный взор
От Лемана и Шильона.

3. Кто-то где-то подкосил
И трава по лугу,
Шлет привет изо всех сил
Недругу и другу.

Гардеропь

Захотела она чтобь
Я воспел ей гардеропь

* * *

Вот княгиня в платье бэж
Ах как вид у нее свеж
Но движения ленивы
Как змеинные извивы

Вот княгиня в платье вэр
И изьящна свыше мер
Но сегодня как-то душно
И самой ей что-то скушно

В платье алом⁵⁹¹

Вот княгиня в платье сером
Шлет проклятие мегерам
Что завидуя красе
Подражают злой осе

Вот княгиня в платье мов
На балконе видит сов
[Совы смотрят и молчат]
Хочет в страхе закричать
Но не знает, как начать

Вот княгиня вся в ажуре
Вот княгиня в амазонке
И за нею две болонки
[Она мчится на коне]
Она скушала бифстэк
И в руке у нее стэк

Вот княгиня в платье черном
В парке все покрыто дерном
[Виден черный силуэт
Только черный силуэт]
Виден только силуэт
И вокруг никого нет

Вот княгиня в платье сриз
На лице ее каприз
Она всеми недовольна
И от этого ей больно.

Вот княгиня в платье фрез
Ей приснился ночью Крез
Он ходил с ней по балкону
И письмо писал Солону⁵⁹²

Вот княгиня в платье топ
Ей приснился ночью поп
С огромной бородой –
Это снится пред бедой

Вот княгиня в платье крэм
И в руках у нее Брэм⁵⁹³
Жизнь животных хочет знать
Только лень ей почитать

Моя муза шаловлива
И споеет совсем не то
a la turque⁵⁹⁴

[Вот княгиня в платье черном
Поросла травой и дерном
И цветами поросла
У испанского посла]

Вот княгиня в платье синем
Как увидим, рот разинем
Бархат шелк и кружева
Закружится голова

Вот княгиня в платье желтом
Смотрит вдаль где виден мол там
Ожидает сто рублей
С иностранных кораблей

Вот княгиня в декольте
На посольский едет the
И такой огонь в очах
Что посол навек зачах

[Вот княгиня a la turque]

Вот княгиня в голубом
Кто-то стал ее рабом
И увидев гневный взгляд
Взял и сдуру принял яд

Вот княгиня в сарафане
Каблучок ее в сафьяне
Много лент и разных бус
И улыбка a la russe

Вот княгиня вся в ажуре
[А сама подобна буре
Он идет к ее фигуре]
Но сама подобно буре
Сердце ревностью горит
И изменника корит

Вот княгиня в платье сомон
Но вокруг и крик и гомон
Кто<-то> глупо поступил
Ее соусом облил

Вот княгиня в пижаме
Я молчу – не бе, ни ме
То, что видно только мужу
Не выносятся наружу

Вот княгиня в матинэ
В сильном гневе пудрит nez⁵⁹⁵
Парикмахер напился
Бубикопф⁵⁹⁶ не удался

[Вот княгиня в голубом
Как не стать ее рабом
Заявил один поклонник]

Вот княгиня в платье lila
Как библейская Далила
И возьмет ее краса
У Самсона волоса

Вот княгиня в платье белом
С видом странно онемелым
И надевши жемчуга
Уезжает на бега

Россия и Славянство⁵⁹⁹

Еврейские зайцы.
Из Чехии яйцы.
Много тепленькой меры.
Ни идеи, ни веры.
Шалая критика.
Дневник паралитика.
Глупь славянской культуры.
И российской куль дуры.

Смущенные вопросы

В хозяйстве есть своя умышленность,
Свой дальновидный план и вид...
И не фабричная ль промышленность
Нам подарила сей бисквит?

Все в мире целью управляется...
Зачем же вождь нам новый дан,
И с целым табором вторгается
К нам предприимчивый цыган?

Ужели, странная пародия, –
Здесь воцарится красный бант,
И чтить Кирилла, не Мефодия
Начнет туземный эмигрант?

* * *

Что же это ты, *Кадши*⁶⁰⁰ –
Морду брешь, гладишь,
Волосы помадишь,
А куда бы ты ни сел –
Всюду ты нагадишь!?

* * *

Не говори про кукиш, Миша,
Зачем болтать про пустяки?
А то не дам тебе кишмиша
И запрещу тебе коньки.

Я вовсе не про кукиш, мама,
Я про Прокукиш⁶⁰¹ говорю.

Мне тетя Катя объяснила
И Дядьсережа подтвердил,
Что в дирьмакратии вся сила,
Что без нее весь мир бы сгнил.

* * *

Ягодйца
Не годится,
Лучше лядвие⁶⁰² привлечь,
Чтоб подкожно,
Осторожно
Омнадин⁶⁰³ заставить течь.

* * *

Стал вампиром,
Тру эфиром
И, наставивши иглу,
Сей опускул⁶⁰⁴
Тычу в мускул,
В неизведанную мглу

* * *

Берлин. Заседание комитета
Дня русской культуры⁶⁰⁵

Кипнис, Кичин и Бельмас
Думают потешить нас,
Нашу гордость, нашу славу...
Поддержать нашу державу!
А немецкую отраву
Русским духом напитать.
Мы согласны на забаву,
[Нам приятна эта статья]
Отчего ж не поддержать?
Но воспеть чтобы Россию,
Нашу русскую стихию,
Надо русскими им стать

* * *

Доктор наш Залле
Не рекрезалле⁶⁰⁶
Не диплозалле⁶⁰⁷
Нам прописал
Он нас не лечит
Только увечит
Только калечит
Грязный скандал

Мы ему рады
В виде награды
Торт шоколады
Ждут подлеца
Ужин готовим
И славословим
И пустословим
С ним без конца

Он же засядет
Скатерть погладит
Кушать зарядит
Вздует живот
Дым папиросный
Непереносный
Нюхаешь, постный,
Ночь напролет

Где вы тянучки
Вкусные штучки⁶⁰⁸
В чьи-то там брючки
Вас унесло
Ночь пролетела
Скатерть сгорела
Темное дело
Страшное зло.

Тетя Надя

- 1) Тетя Надя Майкапар
Гордость целой фирмы
Обжигает ее жар
Даже из-за ширмы
- 2) Тетя Надя – голова!
Говорит с апломбом
И равны ее слова
Мелинитным бомбам⁶⁰⁹
- 3) Тетя Надя – старый слон
Говорит с пафосом
Потрясая небосклон
Мировым вопросом

- 4) Тетя Надя Майкапар
Мудрая Агарта⁶¹⁰
И идет от тебя⁶¹¹ пар
Страстного азарта
- 5) Села ты у чьих-то ног
На треножный стулик
Но учитель и пророк
Оказался жулик
- 6) Ты поверила⁶¹² ему
Своим мудрым сердцем
А его свели⁶¹³ в тюрьму
С уголовным⁶¹⁴ перцем
- 7) Даже дядя Самуил⁶¹⁵
Не стерпевши пытки
На всю Ригу завопил
Про свои убытки
- [8) Тетя Надя, ты моржа
Прямо из Одессы
Философская ханжа
Бердяевской прессы.]⁶¹⁶

Монсум

Как у Деннера консум
Отпускает всем монсум
Отпускает все по кило
Чтоб необидно было
И кто купит, тот испорчен
И лежит в углу весь скорчен
А потом приедут фуры

Развезут сии фигуры
И за этот странный риск
Будет всем подкожный впрыск
А у Деннера консум
Весь распродал свой монсум⁶¹⁷

Mon aveu⁶¹⁸

Отказ № 27

Строки Вашего письма
Были лестны до смущенья;
Но вопрос и предложенье
Затруднительны весьма.
И, увы, не в первый раз
Я должна послать отказ.
У меня так много службы,
Что мне в жизни не до дружбы.
Нет огня в моей крови,
И не знаю я любви –
Треволнений, ожиданий,
Многоточий, восклицаний,
Нежной песни соловья
У влюбленного ручья,
И всего, в чем жизнь и сила
И что людям вечно мило.
Строго было мое детство;
Гласу нежному внимать
Я не смела, а кокетства –
Не могла я и понять.
И подростком – Бог свидетель –
Я решила без борьбы:
Строгий дом и добродетель
Мне даются от судьбы,

Как закон и как призванье.
Правда, дружбы, пониманья
Мне хотелось иногда
И суровая среда
Причиняла мне страданья.
Но и этот глас умолк
И остался один долг, –
Дом спокойный, повседневный,
Безразличный и безгневный,
Без пристрастий и без друга,
Без малейшего досуга.
Краток службы полный день
И душе невнятна лень.
Годы, дни – летят как миги,
Нет досуга и для книги,
И, – мне совестно сказать, –
Разучилась я читать.
Слух к чужим словам привык,
Я забыла свой язык
И, когда ему внимаю,
То с трудом лишь понимаю.
И вся жизнь моя – как лента –
От врача до пациента,
От сестры и до сестры, –
Посещенья, и смотры,
И запасы, и бисквиты,
Телефоны, и визиты,
И отчеты, и счета,
И повсюду чистота.
Только снежная погода
Душу радует мою
И по-прежнему люблю
Быт родного мне народа.
Только в рифму на «хирург»

Вспоминаю Петербург,
Неба бледного эмаль,
Легким скоком мчится вдаль.
Всадник грозного творца,
Облик Зимнего дворца,
Плеск Невы о брег гранитный,
Шум проспекта шумно-слитный,
Треск пальбы в Крещенский день
И снежинки в стройных плясках,
Белой ночи свет и тень
И залив мой в нежных красках.
И любимое шоссе.
И надевши *gants glacés*⁶¹⁹
Я по утренней росе,
Потерпевши неудачу
(Проиграв четвертый сэт),
Возвращаюсь с ним на дачу,
Чтоб сказать (конечно) «нет»
И глядеть холодным глазом
На сраженного отказом.
Так вся юность протекла.
Изменить я ей не смею
И чрезмерного тепла
Для людей я не имею.
В жизни есть и грех, и гниль.
Победить их призван стиль.
Стиль мой – Каменно-Островский,
Стиль балтийский и Петровский, –
Стройных линий, стройных норм
И военных униформ.
Если можете – поймите,
Слишком строго не судите,
И оставим все судьбе.

Дальше подпись:

Э. фон Б.⁶²⁰

Спящая принцесса

Вот принцесса
Без эксцесса
И компресса
    Возлежит
Бровью водит
Мыслью бродит
И мечтой в тот край уходит
Куда деве надлежит:

Хочет славы
И забавы
И оравы
    Женихов
Но спесива
Как крапива
И ленива, да, ленива
Для кокетственных грехов

Ждет варений
Угощений
Угождений:
    И молчит
Внемлет вздорам
Кротким взором
И задумчивым⁶²¹ укором
Всю вселенную казнит

<Новые советские частушки⁶²²>

Аграрный вопрос

Сдобных пышек я спекла
И в курятник заползла
    Все боюсь – пройдет селькор
    И заглянет за забор.

[За душою ни гроша
И в амбаре чисто
    Ой дубина хороша
    Знать про коммуниста.]

Общее положение

Эх, свобода отжила
Всюду ризалюция
    Разорила нас дотла
    Эта революция

Ленин, Троцкий и Сталин
Изготовили нам блин
    Этот блин, как в горле ком
    И зовется совнарком

Я советский грамотей
И не верю я в чертей
    От чертей до Сталина
    Все – *материя* одна.

Комсомол

Наш Андрюха что-то важен
В комсомольцы принаряжен
    Все науки он прошел
    То и знает – под подол

Наши девки комсомолки
Как дурашливые телки
Позови – она готова
Через пять минут – корова

Расправа

Чтой-то жизнь нехороша
За душою ни гроша
Надо нам поговорить
Как партийных благодарить

**Визит Бунина (+5) у Горного
по рассказу самого Сергея Горного⁶²³**

Горный роман

Читать, слегка снобируя и скандируя,
на манер старичка из <повести>
«Дядюшкин Сон» Достоевского.

Поздравляю, милый Горный!
Случай истинный, не вздорный:
О вечерней о поре
«Магомет» пришел к «горе».
Стар и тонок, но не прост,
Он явился к Вам *сам-шесть*⁶²⁴.
Сам и с ним его две дамы⁶²⁵
(Обе няни? или мамы?)
А за ним еще Степун –
На язык ему типун –
Сам и с ним *еще* две дамы⁶²⁶,
Словно выросли из рамы
Неизвестного фото –
Или просто чорзнат что...

И сказал Вам этот бэрин,
Что он «эчень блэгэдэрен...
Горный к Бунину привязан,
Бунин Горному обязан.
Горный ведь и сам талант
И словесный музыкант.
Ах, супруга! Как приятно,
Как просторно и опрятно!
А у Вас какое *место*?
Валентина? – Ааа – не-ве-ста...
Вижу, вижу, седоват
И немного толстоват,
Но зато – ага – культурен
И подбор картин недурен.
Но картины утомляют...
Все издатели виляют...
Все смешалось – хоть кричи...
Знаешь, Вера, помолчи...
Дай развить мои идеи,
Что издатели – злодеи...
Но поставим это в скобки
Посмотри, Галина, кнопки...
Аккуратно все лежит.
К свету он спиной сидит...
Ну совсем как у Роллана...
Что такой про Мо-ро-ка-на?
Как? Людмила? Что? Балет?
Может делать пируэт?
А вот это что? Орехи?
И от них нам нет помехи...
Но куда же мы идем?
Что же в спальней мы найдем?
Там урыльник и корыто...
Впрочем, если все прикрыто...

А, Корнилов – вот уродец!
Настоящий инородец –
Он бы мог иметь успех,
Но тогда все шло на спех.
А потом кто был? Де-ни-кин?
А я думал Че-че-ви-кин...
Ну, зачем же угощать?
Не успеешь отощать...
Ах, я олух полосатый,
Договор такой проклятый...
Кто-то что-то мне совал,
Что-то я там подписал...
Вот – Степун, теперь и Горный –
Вы, я слышал, пре-про-вор-ный.
Я хотел Вам поручить
Этих разных приручить.
Как их – Фишер – и Касси-нер
Нет, как-будто Капель-динер.
Согласить – и мимоходом
Присмотреть за переводом,
Чтобы там не как-нибудь.
Впрочем, нам пора и в путь.
Я Вам очень блэгэдэрин». –
    И внезапно отбыл бэрин.
    И в передней вокруг стола
    Заметалась вся толпа.

Милый Горный, где же радость,
Обаяние и сладость?
Где же Ваш авторитет?
Где оптический поэт,
Получивший в дни Ноэля⁶²⁷
Величайший приз Нобеля?
...Вдохновенный, тонкий лик,

Мажастé из Мажестик⁶²⁸?
Где мечта о нем, всезрящем,
Как бы на горе стоящем?
Горный! Горный! – на горе,
О вечерней о заре?
Вдруг оптический обман
И окончился роман.

Ах, не так ли гимназист,
Трепеща, как вешний лист,
Ждет часами у подъезда
Театрального разъезда.
И когда – о, Боже мой –
Вдруг появится герой –
Там... Рубини иль Мазини⁶²⁹
Или кто-то в меньшем чине
В узкой света полосе,
Но во всей своей красе.
И, забывши свою дошлость,
Он икнет и скажет пошлость... –
Бедный мальчик, духом сир,
Развенчает свой кумир.

**Изь гисторических матеріаловъ,
собранныхъ смиреннымъ Питиримомъ.**

О златѣ кобелевомъ гишторія назидательная.

Во время оно, злодѣйстимъ пакостемъ на Руси водворившимся, бѣ нѣкій мужъ, Іоаннъ по имѣни, зѣло борзый на словесы и нарочито стихослагающъ, такожде и любовныя многихъ любострастныхъ дѣвокъ зазорныя выступки живопишущъ, къ зрѣнію натуры прилежень и къ распаленію удныхъ страстей злѣ склонень. Богомерзскихъ бѣснованій не стерпѣвъ, съ Руси борзо сбѣгнуль и въ безцарской странѣ

Галліи на житіе водворися. Бѣ же ему прозваніе Бунійскій. Премудрыя толковницы даже и до днесь о семъ неудобостолкуемомъ прозвищѣ яро тягаются. Овыя глаголють званіе сіе отъ острова Буяна произрасте, каковый островъ оный Іоаннь неустанно мореплаваая вживѣ посѣти; овыя же рекуть прозвище сіе бѣ отъ исперва Гунійскій, отъ некія горцыя воды Гуняди ятое, каковая вода аки оцетъ на послабленіе пищевода злострадно піется; иніи же паки отвѣщавають слово сіе превѣрно есть указующее составителя мнозихъ стихъ, нарицаемыхъ «Буни», еже есть понимаемо – не подобаетъ козлища злѣ за охвостіе дойти.

Іоаннь же оный Бунійскій вскорѣ зѣло оповсюдно прославися вышереченными своими блуднописями, каковыя во всѣхъ краяхъ дальнихъ треволненіе людскихъ душъ и даже удесъ порождаша. Нарочито же любострастное треволненіе душу незнаемаго нѣкаго Кобеля свейскаго объять и оный Кобель свейскій восхотѣ Іоанна того златомъ и серебромъ жаловати вельми. И повелѣ Кобель Іоанну мореплаваніе дальнее паки совершить и ко собѣ на побываніе дарственное прибыти. Іоаннь же той рекомый, во время оно вѣру православную совлекъ и наипаче премѣни и явнымъ содѣявшись еретикомъ въ мухоѣданство богомерзкое впаде и особливо кривоученію масоньскому потай пріобщися. Обаче же нѣкій жидовинъ, отъ природы нѣкихъ неоцѣненнѣйшихъ красоть мужеска пола не имѣя и посему скопческимъ любостыжательствомъ одержимъ и жидовстѣй же сектѣ нѣкаго злосмраднаго Милуковія привержень, завистію многою и злопыханіемъ поять бѣ и объ ономъ Кобелевомъ пригласѣ свѣдомый на злато и серебро алчною страстію распалися. И вземъ его оный Іоаннь якобы масоньско оружіе носити по собѣ наипаче же евнухіемъ добрымъ в пути состояти. Бѣ же имя жидовину тому Цвибакій, еже есть сказаемо «навѣкъ отсохло». Овыя же рекуть имя ему Собакій.

Далній путь Іоаннь сей со Цвибакіемъ и женскою свитою совершивъ и злато отъ реченнаго Кобеля свейскаго пріявъ –

оное несмѣтное богатство Цвибакию на сбережение преда. Жидовинъ же сей, вѣрѣ жидовстѣй вѣренъ пребывая, злато Иоанново поялъ и масонскую доблесть блюсти не восхотя, скрыся во мракѣ неизвѣстномъ. О семъ іудиномъ окаянномъ вѣроломствѣ свѣдавъ, Иоаннъ Бунійскій горцѣ слезы проли и со свитою своею въ жилище свое пусть возвратися.

Жидовинъ же Цвибакій сіе злато на многую пользу собѣ употреби, многихъ именитыхъ знахарей пригласи и от евшествія своего нѣкую цѣлебную помадаю въявѣ исцѣлися и проживѣ даже до маѹсаилова вѣка многія чада и чада чадъ и чада чада чадъ узрѣ и во градѣ Дамаскѣ занедуговавъ смрадною болячкою опочи.

Овые же лѣтописатели, добрѣ свѣдоміе, завѣряють еже оный Цвибакій токмо толику одну многога злата свейского исхити и, въ помадѣ не прѣуспевъ, сокровищи своя отрастити не возмогъ и даже донинѣ холопомъ Милюковія пребывая Ондрюшкою Седыхъ зовется. Иоаннъ же Бунійскій, грѣси свои скоропрозревъ, покаяніе принесе, мухоѣданство остави, имѣніе свое приправедною руцею даже дотла раздадѣ, блуднѣписи прекрати и, въ пещерѣ живя, дикимъ корнеплодіемъ питася даже до скончанія вѣка и тако ко угодникамъ причтеся.

Истинную гишторію сію на изумленіе потомствъ съ изустнаго превострага реченія нѣкоего коварнозлостнаго приходимца Стипунія записа смиренный Питиримъ⁶³⁰.

Эпиграммы, пародии и т. п.⁶³¹

Что я вижу там в очки?
Грех... Соблазн... И смуту!
Дикий – Ловчего в тычки,
Ловчий – Дикого в Ключки –
Все в одну минуту.

Марков⁶³²

Вот он вышел на амвон
Политический маммон,
Рожей дрыгая, как бес,
Протодьякон черных месс
Веэмэс.

Поседевший в кознях дьявол
По каким морям не плавал.
Где не брал и где не крал
И вся жизнь его – скандал

.....

Вот усилия утроит,
Стенку правую построит,
Склеит правую чеку..
Люди будьте начеку!

* * *

Вот она, е. м.,
Веэмэсовская блядь.
Из-под мужа Воронцова⁶³³
Людам дойная корова.
С нею все они на ты,
Все альфонцы и коты.

Голиков

Капельдинер Голиков⁶³⁴
Он из алкоголиков.
Рад просыпать свой песок
Он за лакомый кусок,
А за новые штаны –
Быть рабом у сатаны.
Ноги ватой кутает,
Папу с мамой путает.
И пока он мнет во рту,
Дохнут мухи на лету.

Крюденер⁶³⁵

Вот собачка, верный пудель
Сашка Струве, Сашка Крюдель.
Он старается,
Улыбается.
И язык его, как нудель⁶³⁶,
Болтается.
Господа из Веэмэса,
Бросьте старого⁶³⁷ балбеса:
Ваши темные дела
Не по силам для осла –
Вот сорвется
И прорвется,
Завертится, понесется,
Разболтает вашу грязь,
Обнаружит, что вы мразь –
Все увидят, что от низости
Ваш лакей давно поблизости.
Ну, хорошо ли Это?

Г. Дерюгин⁶³⁸

Вот Дерюгин, старый Жорж,
На жида похожий морж.
Тот – другое дело –
С ним – варите смело.
Он совсем не дурачок,
Вмиг откроет бардачок,
Будет блядей прижимать,
Веэмэсов содержать.
Он и в карты не спасует,
И колоду вам стасует,
И фальшивый документ
Вам состряпает в момент.
На спине туза не видно
И с ноздрями не обидно –
Словом, малый ценный,
Опытный, отменный
И, пока он не в тюрьме,
Он у Маркова в ярме⁶³⁹.

Тальберг⁶⁴⁰

Вот душа всего злодейства
Веэмэсовского действия,
Всей интриги, клеветы
И безбожной суеты.

Богословствует сегодня,
Православен – без конца,
Завтра – мерзостная сводня
И подлее подлеца.

Политический воришка,
Монархический жидок,
Недоношенный мальчишка
И до старости щенок.

* * *

Спекулянт из камергеров,
Камергер из шаркунов,
Он шаркун из болтунов
И болтун из кавалеров.

Моложавый старичок,
Он всегда авторитетен.
Сочинитель гадких сплетен
И танцующий сморчок.

Кто же, кто сей имярек?
То барон фон Флигендрек⁶⁴¹.

Масленников⁶⁴²

Вот оратор, шут и плут.
Как не быть ему героем?
И слова его текут
Бесконечным геморроем.

Погоди же злой проказник,
Политический лабазник!
Выйдешь скоро ты в нули,
Краснорожий рамоли⁶⁴³.

Тихон

Посмотрите, как он тих,
Извивающийся Тихон,
На лице умильный стих,
Но где деньги есть – там лих он.

Глупый, темный мужичок, –
И сидел бы у капусты;
Но упорен червячок –
Лезет Тихон в Златоусты.

Что ни скажет – то изрек.
О, лукавец! О, кромешник!
Его Троицкий испек
И Антоний, старый грешник⁶⁴⁴.

Храповицкое

О, блаженный авва!
Честь тебе и слава.
Обличитель, канонарх
И чуть-чуть не патриарх⁶⁴⁵.
Создан ты для власти
(Если бы не страсти!)
Чтоб творить святыню
(Позабыв гордыню).
Но, молитвой грех гоня,
Обуздаешь ли коня?.. –
И всю жизнь людей ты вел
На партийность и раскол.
И всю жизнь, творя скандал,
Сквернословил и ругал...
Даже вот намедни

Посреди обедни
Крыл ты в недрах алтаря
Духовенство матом зря.
Кабы тебе волю дать,
Ты сумел бы нас подмять
Всех беспрекословных,
Тихих и церковных
Под царя Кирилла⁶⁴⁶
Или гомандрила⁶⁴⁷,
Злобного такого
Маркова Второго.
Впрочем, сроки все прошли
И сидишь ты, рамоли,
Возле пароброда
Во главе синода.
И бормочешь в сотый раз
Всем известный среди нас
(Распустив в улыбку рот)
Неприличный анекдот.

Движенский батюшка⁶⁴⁸

Вижу я что-то тревожное,
Что не постигнуть умом:
Батюшка лижет мороженое
На улице с кем-то вдвоем.

Батюшка, что же без рясы вы?
Точите с девочкой лясы вы...
У девочки – счастье в глазах...
Счастье неосторожное:
Лизать совместно мороженое
Запрещает премудрый Сирах.

Мороженое – дело светское,
Лизать его – занятие детское,
Да еще в обличии таком!
И не есть ли в том соблазнение:
Производить христианское движение
На улице – языком?

Батюшка! Вы уже в трусиках,
В закрученных кверху усиках
Прыгаете в реку с моста...
Матушка пищит и трепещет,
Публика вам рукоплещет,
Как в цирке, спроста –

Ох, трусики – дело греховное!
Прыжки с моста – занятие не духовное,
Да еще в обличии таком.
И нет ли в том соблазнения,
Производить христианское движение
Публично – нагишом?

Батюшка вечером на собрании
Разъясняет священное писание,
Учит собравшуюся гурьбу.
Батюшка! Родина наша в позоре,
Благословите на труд и на горе,
На смертную борьбу.

Ах, политика не дает совершенства,
Политика – не для духовенства.
Таков владыки Евлогия взгляд.
И есть в том великое соблазнение
Поднимать нац. движение,
Когда масоны не велят.

Проф. Барон М. А. Таубе⁶⁴⁹

Он в науке сущий нолик,
Но тщеславен, как Бирон.
Тихой сапою – католик
И тишайшею – масон.

В старину таких «Ливонов»
Брал в ослопы наш народ,
Отправляя спать под лед
Католических баронов.

Иезуитом вдохновленный
Он напрасно к Руси льнет:
Балт – предателем рожденный
Балт – предателем умрет.

Вождесловие

(списано мною в Белграде в октябре 1934 г.,
приписывается поэту Мятлеву⁶⁵⁰)

Лунапарк

Вот наш вождь⁶⁵¹! *Ему* вся слава!
Он крестьянам землю дал,
Он Европе всей сказал,
Что за *ним* теперь управа...

И к нему без дальних слов
(Я узнал это наверно)
Все державы шлют послов
По примеру Коминтерна.

Ксения Александровна Офросимова. На обороте фото надпись рукой
И. А. Ильина: «Ксения Александровна Офросимова. 1925 Меран»

И. А. ИЛЬИН

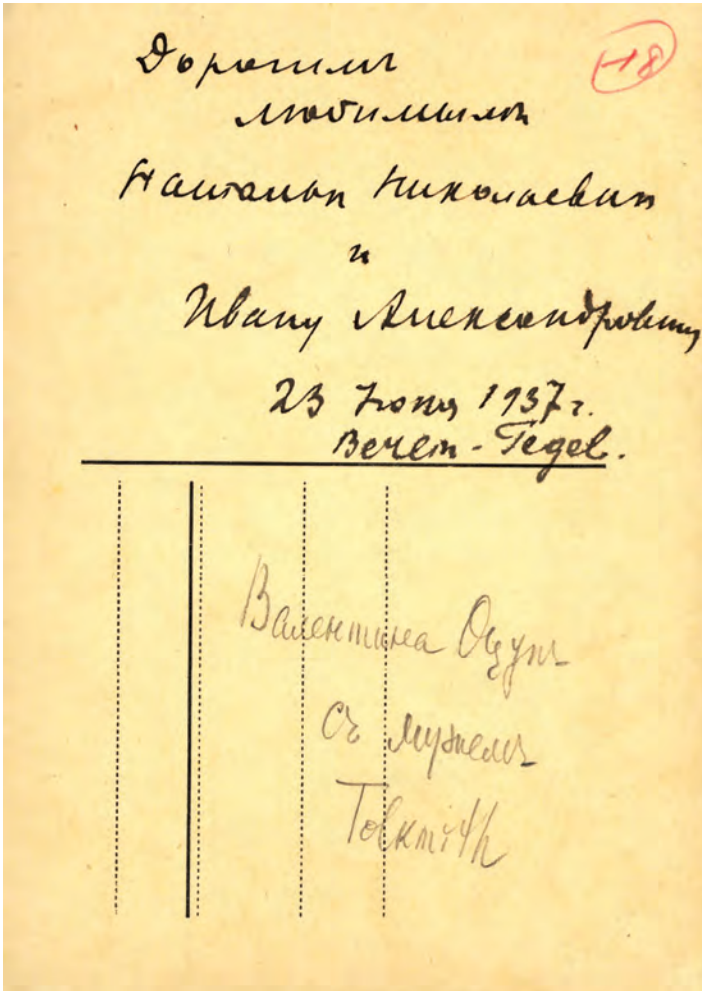

А. А. Оцуп (Сергей Горный). На обороте фото надпись рукой
И. А. Ильина: «Александр Авдеевич Оцуп Горный 1946»

Дочь Сергея Горного (Александра Оцуа) Валентина с мужем

Оборот предыдущего фото. Надпись: «Дорогим, любимым Наташе Николаевне и Ивану Александровичу, 23 июня 1937 г. Верем-Тегел».

Ниже рукой Ильина: «Валентина Оцуп с мужем Толкмиш»

Нина Петровна Босс, Н. Н. Ильина и И. А. Ильин. 1946.

справа налево
Нина Петровна Босс
1946 между Лугомо и
Гандрией
И.А. Ильина
и.д.

Надпись на обороте предыдущего фото рукой И. А. Ильина:
«справа налево Нина Петровна Босс 1946
между Лугомо и Гандрией Н. Н. Ильина и я»

В замке Зеон 2 июля 1926 г. (Слева направо) сидят: Елена Георгиевна Трибинская (урожденная герцогиня Лейхтенбергская), барон П. Н. Врангель, Аркадий Константинович Трибинский; стоят: герцогиня Ольга Николаевна Лейхтенбергская, секретарь П. Н. Врангеля Николай Михайлович Котляревский, Н. Н. Ильина, Сергей Алексеевич Соколов-Кречетов, И. А. Ильин, А. А. фон Лампе

Слева направо: А. П. Столыпин, Н. Н. Ильина, кн. С. М. Волконский,
кн. Елена Волконская. На обороте фото надпись рукой И. А. Ильина:
«1927. Август Suisi (Alto Adige)»

И. А. ИЛЬИН

Рим, 1923г.

Примите сию скверную фотографию в знак самой искренней
и прочной дружбы.

Е. Волконская

С. Волконский

Кн. С. М. Волконский и кн. Елена Волконская. Подпись:
«Рим. Примите сию скверную фотографию в знак самой искренней
и прочной дружбы. Е. Волконская»

И сегодня, и вчера
Говорит он всем – тра-ра!
Озаренный из-под арки
На эстраде, в Лунапарке⁶⁵².

Послезавтра мы – в поход!
Среди зарева пожаров
Нас сквозь Польшу поведет
Пельхау – Денкер – Светозаров⁶⁵³...

Если только – не долги,
Если только не упрячут,
И дадут на пироги,
И помощников назначут.

Если ж это не случится, –
То придется помириться...
И от первого дождя
Потеряем мы вождя...

* * *

Забракованная редакция

Прибежал ко мне Матанкин⁶⁵⁴,
Говорит: пойдёмте в Ронд,
Там уже засел Бермонт⁶⁵⁵,
А за ним придут и танки.

Через месяц мы в поход!
Среди зарева пожаров
Через Польшу нас ведет
Пельхау-Денкер-Светозаров.

Он наш вождь, ему вся слава,
Он крестьянам землю дал,

Он Европе всей сказал,
Что за ним теперь управа.

И к нему без дальних слов,
Говорили мне наверно,
Все державы шлют послов
По примеру Коминтерна

Я конечно взволновался:
Как же так? Бермонт и Ронд?
Приоделся, причесался
Захватив с собою зонт.

И с Мантанкиным в секунд
Мы шмыгнули в унтерgrund⁶⁵⁶
Чтоб послушать сильных прений
И набраться впечатлений.

От волнения и от спеху
Я не очень разобрал,
Что серьезно, что для смеху
И откуда весь скандал.

Сколько там зажег пожаров
Поджигатель Светозаров
И зачем открыл Бермонт
Ресторан с названьем Ронд.

Но потом уж я добился,
Стало ясно все до дна
И я просто пробудился
К новой жизни ото сна.

.....

Сахалин⁶⁵⁷

Генерал сибирский...
Рост – не богатырский,
Морда не в пригляд
И во лбу полпяди⁶⁵⁸.
Выдумал туранство...
Меряет пространство,
Несуразно мелет
И Россию делит...
Шепчется с венгерцем,
Верит иноверцам,
И тишайшей сапой
Сговорился с Папой.
Сверх детей и внуков –
Любит гепеуков,
Сыщиков, агентов,
Тайных резидентов...
И кто там мерзее,
Тот ему милее.

Все в прошлом

Александр Иваныч⁶⁵⁹! Вы ли?
Вот так встреча! Жили-были...
Вы откуда и куда?
Боже, как идут года!
Помню: буры... пули свист...
Младотурок... Октябрист...
Третья Дума... И газета...⁶⁶⁰
И мечты, как у поэта...
Только (зря или не зря)
Не любили Вы Царя...
Но любили Вы Россию...

Ее славу и стихию...
Вот – все карты Вам даны:
Вы министр большой войны...
Номер первый... был приказ...
Или это – не от Вас?
Не от Вас? Так от кого же?
От Нахамкеса? Из ложи?⁶⁶¹
Крым – ... Париж – ... Вы эмигрант...
И погиб большой талант...
Но куда ж Вы? Посидим!
Обо всем поговорим!
И обсудим конъюнктуры,
Министерские фигуры...
Отвернулся и пошел.
Сзади – спереди – рамол!..

Малокровие

Кто тот бледный? Кто тот узкий?
Это вождь: имперец – Рузский⁶⁶².
Сохраняя гордый вид,
За Империю стоит.
Как-то в светлый, мудрый миг
Он всю истину постиг:
Он напрягся из всех сил –
И Империю открыл...
Всею силой собрался –
И слегка надорвался...
Потому и худ, и бледен...
Впрочем – мыслию не беден,
И программу богат,
И поступками чреват...
Сколько воли, сердца, перца
У идейного имперца...

Я немножко погожу
И потом в стихах скажу.
Или, может быть, не стóит?
Сам Господь его устроит,
Проведет среди дорог:
Русский он, а с Русским – Бог!⁶⁶³

Без страха и упрека

Он вначале – был герой,
И за честь стоял горой,
И, как истый доброт, в
В ледяной ходил поход...
Но потом, как демократ,
Сделал много ретирад...
И среди развала
Власть его упала...
Он взбесился: «Что за черт?
Эдак все пропало!..»
Но, как самый первый сорт,
Англичанкой взята на борт,
Не погиб от шквала...
И с тех пор, как эмигрант,
Носит розовый он бант.
Скромен, тих, как дева,
И приятен влево.
Написал и книги,
Полные интриги,
Пять увесистых томов
Для смущения умов,
Для сведенья счетов
И для бутербродов. (барабанно)
Власть приняв,
Власть отдав,
Он во всем навеки прав...

Все пройдет,
Час пробьет,
И Россия позовет... (шепотом)
Он пойдет... Но спросит, други,
Разрешенья у супруги⁶⁶⁴.

Тень Дуче

Вот – Василий Гурко⁶⁶⁵...
Дряхлая фигурка.
Двум привержен дамам,
Верит далайламам,
Верит через силу
И царю Кириллу...
Дремлет за обедней...
А в своей передней.
Вместо человека
Держит Казембека⁶⁶⁶...
Смотрит мизантропом,
Ездит по Европам,
Чая конъюнктуры
Для вождя – для Гурки.

Академик

Сколько знаний в сей браде!
Сколько мудрости в беде!
Но менялся часто ветер,
Когда мыслил Штрувель-Петер⁶⁶⁷.

Светлейший псевдоним

Кто он? – Берман или Бермонт?
Или будто – князь Авалов⁶⁶⁸?

Мойше, Павел, Ферапонт??. –
Цепь загадок и скандалов...

Воплощенный псевдоним,
Авантюрами гоним,
Он натужась животом
Сочинил свой толстый том...⁶⁶⁹

Мастер женщин, чеков, танцев,
Генерал для иностранцев,
Верно немцам помогал
И с Россией воевал...

Жманфашист

Вот – красавец Анастас⁶⁷⁰,
Всем известный лоботряс...

Но трясет он только лбом,
А мощною – лишь потом;

Потому – в мошне прорухи
(Идут деньги от старухи!)

Но – «великий патриот!»
Или – просто идиот...

Мели, Емеля!

Вот хромой антисемит...
Что не скажет – нахамит!

Что ни спросит – экивок:
Политический провок!

Что ни слово – клевета,
Злоба, пошлость, суета...

То и знает, что донос:
Человеческий отброс...

И во всем всегда предаст:
Настоящий педераст!

Легитимист⁶⁷¹

Весь интригою оброс...
Совесь – мусором забита...
И торчит жидовский нос
У хромого езуита.

Трещотка

Вот ребячий пулемет,
Простреливший все вопросы...
А в башке его помет,
Что насрали младороссы...

Ничего не изучив,
Все он знает самосвистом,
И свистит один мотив
Младоросским словодристом.

И торчит «фабричный» нос,
Надзирая за сыночком...
Младоросс сей недорос
И – останется щеночком.

Русская Правда⁶⁷²

Номер первый! Дорогой!
Конспиратор проваленный...
И поэт всегда плохой...
И хвастун всегда отменный!
Брат великий, посвященный,
Ты дорогою глухой
В глубину масонских лож
Правду русскую ведешь...

Свет с Востока

Новый вождь России дан!
Берегитесь, человеки!
Завлекут нас в Грандорьян⁶⁷³
Педерасты-Казембеки.

И посадят вам царя
Из-за бриджа, с красным бантом,
И взойдет у нас заря
Над Россией – Грандорьянтом...

Русский русскому брат⁶⁷⁴

Русский русскому – брат в предметном служении Родине, как общему и совместному Делу Божию на земле. Внутри России все грани должны отойти на дальний план.

Все русские – «мы». Все враги России, ищущие поработить или стереть нас – наши общие враги.

Перед всеми нами поставлен единый и единственный вопрос: быть России или не быть. Это надо иметь в виду. Этому мы должны служить.

Здесь проходит как бы предметный хребет нашей судьбы, нашей истории. Им мы обязаны руководиться.

Все вопросы личного устройства, имущества, честолюбия, партийности, – все, все должны уступить перед единым и общим, перед спасением России.

Вот наша предметная молитва: «Господи! Не надо мне личного устройства, ни имущества, ни отличия, ни почести. Только – спаси Россию!..»

А. А. Л<ампе>

Посылаю вместо торта –
Ах, один лишь торта вид!
В позе странной (из аборта)
Мальчуган второго сорта
Вызывающе сидит
Что-то держит и вопит!

А. А. ф. Л<ампе>⁶⁷⁵

Вот он тучный, вот он бравый,
Не то левый, не то правый.
И кому-то снится сон,
Что он ревностный масон.

С офицерами он строг,
Еле пустит за порог.
И для воинской красы
Носит кверху он усы.
Но зачем и почему
Кто-то свел его в тюрьму?
Говорят, из-за доноса.
Говорят, что для допроса.
Будто кто-то разгласил,
Что он старый франкофил.
.....
..... покушеньё
.....
.....
Верен чести и себе
.....
.....

* * *

Так трудна моя стезя,
В жизни все так сложно:
То, что нужно, – то нельзя,
Что ненужно – можно...

* * *

Но свершатся однажды сроки⁶⁷⁶
И положит предел Творец:
Злая власть, и соблазн, и пороки –
Все найдет достойный конец.

А это рыхлое племя,
Изведав позор и печаль,
Донесет до конца свое бремя
И закалится, как крепкая сталь

* * *

Оратор русский⁶⁷⁷ говорил:
«Средь бурь гражданских и тревоги
Я поздно встал и на дороге
Застигнут ночью Руси был».

Но ночь пройдет и свет великий
Русь озарит и пробудит,
И там, где ныне варвар дикий,
Сиянье веры победит.

Перед уходом

1. Господи! Догорает свеча –
Иссякают последние силы...
Я всю жизнь искал Твоего луча
И взыскую его у могилы...
2. Господи! Я к смерти совсем не готов:
Не исполнены Твои указания...
Не записал я еще тех светлых слов,
Что дарили мне Твои созерцания...
3. Но если я в начале пути,
И угасает мое земное горение, –
Господи! Ослаби, остави, прости
И помяни лишь одно служение!
4. Я служил Тебе, как свободный, не раб:
Любовью, созерцанием и верою...
И если я ныне иссяк и ослаб,
То в служении непомерной мерою...

5. Что мы знаем здесь, на земле?
Что мы видим от Твоего величия?
Мы блуждаем во мгле, мы тонем во зле
И теряем первожданное обличие...
6. Господи! Время последних соблазнов пришло,
Люди из бездны восстали...
Покориться им сердце мое не могло,
Невозможно любить воплощенное зло,
И они ненавистны мне стали.
7. Господи! В смерти – и страх, и блаженство:
Как покину одежду земли?..
Вся душа моя – несовершенство,
И всю жизнь провел я в пыли...
8. Но прощенному дается зрение
И он зрит блаженство Христа...
И дано ему ангелов пение...
И любовь его чиста...
9. Научи меня, Боже, вечной жизнью вздохнуть,
Отпусти мне мое неубранство!..
Освети, освети мне далекий путь
Через Твои великие пространства!..
10. Господи! Угасает свеча,
Иссякают телесные силы...
Что мы все без Твоего луча
У земной могилы?!

КОММЕНТАРИИ

В I и II частях настоящего тома печатаются реконструкция последней большой работы И. А. Ильина – «О возрождении и обновлении России» и собрание всех обнаруженных к настоящему времени стихотворных его сочинений на русском языке. Все публикуемые тексты вычитаны по первоисточникам (если ниже не указано противное, источник везде – архив И. А. Ильина, хранящийся с 2006 г. в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова; здесь и далее – Архив). Более точные библиографические ссылки нигде не указываются, поскольку прежние ссылки на архив Мичиганского университета, где архив Ильина хранился до 2006 г., потеряли силу, а новое описание Архива к настоящему времени еще не завершено.

При публикации настоящего тома насколько возможно сохранены *все* орфографические и пунктуационные особенности оригинального ильинского текста (например, мы оставляем Хитлер, большевицкий, временное правительство там, где у Ильина написано именно так, несмотря на то, что в других его же текстах встречаются или могут встречаться написания Гитлер, большевистский, Временное правительство). Также мы стараемся сохранять многочисленные ильинские точки с запятой, тире и запятые с тире, а также многоточия в конце и середине предложений (часто после закрытых кавычек), указывающие часто, помимо обычных указаний пунктуации,

на необходимую особенную паузу, которая потерялась бы, приведи мы пунктуацию полностью к современным нормам. Впрочем, явные замеченные орфографические и пунктуационные описки или опечатки исправляются без оговорок. Без оговорок же дореформенная орфография переводится в пореформенную, однако здесь неоднократно сделаны исключения, без которых ряд печатаемых шуточных стихотворений потерял бы свою «соль».

¹ Ильин не оставил текста предисловия к своей книге, кроме лишь его названия: «*Предисловие. Вера в Россию*» и указания-приписки («Это предисловие к Возрождению России») к своей работе «*Культура сердца*» (см. ниже комм. 29). Мы помещаем (заимствуя их из архива И. А. Ильина, хранящегося ныне в Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М. В. Ломоносова; далее – Архив) в качестве реконструкции предисловия, наряду с указанной работой, первую статью Ильина из его машинописного сборника-издания «*О грядущей России. Заочные чтения*». Эта статья, написанная в 1940 г. (состоящая из 6 небольших главок, она помещена в двух выпусках издания, датированных 2-го и 15-го апреля 1940 г.; причем после дат оба раза указано: «Издатель: Madame Elisabeth de Rabaupierre, Genève, rue de l'Eveche, 7» и ниже: «Выходит два раза в месяц»), носит то же название: «Вера в Россию», и именно из нее, переработанной и измененной, впоследствии вырос 42-й листок-бюллетень «*Наших задач*» «Почему мы верим в Россию» (см., напр., *Ильин И. А. Собр соч.* в 10 тт. Т. 2, кн. 1. – М.: Русская книга, 1992. С. 105–111; не путать с небольшой заметкой-отзывом Ильина на книгу Л. Н. Шишкова с тем же названием, помещенной в газете «*Возрождение*», № 4103, 29 октября 1937: переопубликована в *Ильин И. А. Собр соч.* [Т. 18] Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). – М.: Русская книга, 2001. С. 145–146). Также следует отметить, что год спустя Ильиным в журнале «*День Русского Ребенка*» (вып. VIII, 1941; далее – ДРР) была опубликована короткая статья, озаглавленная так же («Вера в Россию»). Первые три ее абзаца являются, впрочем, искаженным (видимо, при наборе, но, возможно, и при редактировании) воспроизведе-

нием первой главки публикуемой первой статьи сборника «О грядущей России» (наиболее существенное отличие: вместо «А без веры и без этой любви – России не возродиться» в статье ДРР стоит «А без веры и без этой любви нам не стоит и жить»; срв., впрочем, ниже в конце первого абзаца второй главки публикуемой статьи: «...без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить...» и следующий комм.). Оставшиеся четыре абзаца впоследствии печатались почти без изменений как первые четыре абзаца 86-го выпуска «Наших задач» – «Основная задача грядущей России. I» (полностью входит в 21-ю главу публикуемой книги).

Подавляющая часть материалов, печатаемых в настоящем томе собрания сочинений И. А. Ильина, заимствованных из Архива, публикуются, благодаря неоценимому труду Алексея Евгеньевича Климова, копировавшего их и передававшего составителю еще в 90-е годы, когда Архив хранился в Мичиганском университете.

² Сохранилось два экземпляра машинной перепечатки (очевидно, позднейшей) первой статьи цикла чтений «О грядущей России» (см. Архив). Разделение на 6 главок здесь упразднено, и вся статья разбита на две части (соответственно выпускам первого «издания»): первая содержит прежние главки 1–4, вторая – 5–6. Один из экземпляров этой перепечатки содержит правку Ильина. В частности, предложение «А без веры и без этой любви – России не возродиться» зачеркнуто.

³ Здесь и выше («развеянный прах») – аллюзия на Пс. 1, 3–4.

⁴ Отсылка к рассказу И. С. Шмелева «Орел» (1926 г.): «Пароход шел из Константинополя, с командой довольно пестрой, и был как будто уже не русский, ибо Россия в то время устранилась, называясь мутно “РСФСР”, – без гласных, как бред немого» (См., напр., *Шмелев И. С. Собрание сочинений. Том «Это было».* – М.: Русская книга, 1999. С. 234).

⁵ Точнее: «Все виды молитв, без особенного сокрушения сердца, чистоты души и просвещения от Духа Святого, думаю, невозможно обнять. Их столько, сколько в одной душе или и во всех душах может порождаться разных состояний и настроений». См. *Добротолубие в русском переводе*, т. 2. С. 133 по изд. 1895 г. (*Иоани Кассиан. Обзорение духовной брани*, 9. О молитве, 200).

⁶ Четверговая свеча – имеется в виду благочестивый обычай после утрени Великой Пятницы, обычно в приходских храмах служащейся накануне, в четверг, вечером, на которой читаются 12 Евангелий, т.е. 12 отрывков из Евангелия, начало чтения каждого из которых сопровождается зажжением свечи, не гасить ее по завершении последнего чтения, а приносить горячей по окончании службы домой.

⁷ В перепечатке (см. комм. 2) в этом месте рукой Ильина дописано: «и творят соблазн».

⁸ В указанной перепечатке слово «небожие» напечатано рядкой, строчными буквами, в одно слово и заключено в кавычки.

⁹ В указанной перепечатке слова «“откровение” в живописи» зачернены и рукой Ильина приписано: «и всякие другие соблазны».

¹⁰ Часть 2, глава 1, VII.

¹¹ Дырники, дыромолы или дыромоляи – одно из ответвлений старообрядчества-беспоповства, отрицающее иконы, но не принципиально, подобно иконоборцам, а лишь как оскверненные после церковной реформы патриарха Никона. Для молитвы (которую следует совершать строго на восток: именно молитва на восток по их учению может заменить молитву перед иконой) они проделывали в окнах домов отверстия-дырки, что и послужило их названию (и, что любопытно, самоназванию тоже): «дырники». В своем последнем сочинении «Три разговора» философ Вл. С. Соловьев приравнивает к дыромолятству толстовство.

¹² Данилов Фома Данилович (1846–1875) – унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона, погибший во время мятежа в Коканде. См. «Русский инвалид», номер от 27 апреля 1876 и также «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского за 1877 г. (январь, гл. 1. III. Фома Данилов, замученный русский герой).

¹³ Долгоруков Яков Федорич (1639–1720) – боярин, князь, сподвижник Петра I. Предания о его прямодушности и неподкупности сделали его в народной памяти особенно известным именно с этих сторон, чему свидетельством служит, в том числе, и эта отсылка Ильина.

¹⁴ Митрополит Вениамин (Казанский; 1873–1922) – с 1917 г. митрополит Петроградский и Гдовский. Арестован в 1922 г. по

обвинению в воспрепятствовании изъятию церковных ценностей, осужден и расстрелян вместе с еще четырьмя осужденными по тому же делу. Прославлен в лике святых в 1992 г.

¹⁵ От слова «прямить», т. е. говорить правду.

¹⁶ В перепечатке (см. комм. 2) «царского» зачеркнуто и рукой Ильина заменено на «правительственного».

¹⁷ Зерцало – трехгранная призма с орлом наверху и с тремя указками Петра I (от 17 апреля 1722, 21 и 22 января 1724) на гранях; была обязательной принадлежностью каждого присутственного места (государственного учреждения) Российской Империи. Ильин цитирует второй (по времени) из этих указов, регламентирующий поведение в судебных местах. Более точно: «Надлежит обретающимся в Сенате, Синоде, Коллегиях, Канцеляриях и во всех судных местах всего Государства судиям и пришедшим пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть: проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением». «Проклят (человек) творяй дело Господне с небрежением» – Иер. 48, 10.

¹⁸ Бесы, часть 2, глава 1, III.

¹⁹ Речь Благодетельнейшему Государю Императору Александру Николаевичу, по совершении Священнаго Коронования Его Императорскаго Величества. Говорена августа 26 [1856]. См. Сочинения *Филарета, митрополита Московского и Коломенского*. Слова и речи, том V (1849–1867). – М., Тип. А. И. Мамонтова, 1885. С. 385–386 (речь 328).

²⁰ Старый Политик – псевдоним И. А. Ильина. Имеются в виду статьи: «Русская организационная способность» (Старый Политик) и «Русская колонизация» (Б. А. Никольский). См. *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 28]. Русский Колокол: Журнал волевой идеи. – М.: ПСТГУ, 2008. С. 436–441 и 419–429. Впрочем, в перепечатке (см. комм. 2) эти отсылки (см. также след. комм.) Ильина на свои и Б. А. Никольского статьи в «Русском Колоколе» зачеркнуты.

²¹ Имеется в виду статья «Войны России» Б. А. Никольского (*Ibid.* С. 269–279), а также, по-видимому, статья А. И. Бунге и И. А. Ильина «Население России» из 2 части 1 номера «Русского Колокола» (*Ibid.* С. 106–114).

²² Ильин цитирует Гоголя неточно. Точнее: «...что ни звук, то и подарок; <...> и, право, иное название еще драгоценней самой вещи».

²³ «Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года», строфа 22 (см. *Ломоносов М. В.* Полное собр. соч., т. 8: Поэзия, ораторская проза, надписи (1732–1764 гг.) – М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 206).

²⁴ Так, через дефис, у Ильина. Более того, в перепечатке (см. комм. 2) это слово Ильиным подчеркнуто.

²⁵ «Мысли на дороге» – условное название статьи (1833–1834) А. С. Пушкина, в автографе не озаглавленной (издана впервые в 1841 г. с большими цензурными пропусками); в изданиях сочинений Пушкина с 1933 г. печатается под другим, тоже условным, названием «Путешествие из Москвы в Петербург». Приведенный Ильиным фрагмент вольно процитирован из черновой (Пушкин готовил статью к изданию и, переписывая ее набело, сделал несколько сокращений; часть – по цензурным соображениям) редакции (см., напр., *Пушкин А. С.* Полное собр. соч. в 10 тт., т. 7: Критика и публицистика. – Л.: Наука, 1978. С. 444). Точная цитата: «Я [Пушкин – А. Л.]. Что поразило вас более всего в русском крестьянине? Он [Англичанин – А. Л.]. Его опрятность, смышленость и свобода. <...> Он. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? <...>».

При цитировании Гоголя в машинописи ошибочно указана XXI глава «Выбранных мест из переписки с друзьями» (нами исправлено на XXXI). Ильин цитирует здесь тоже не совсем точно: «Как пораженный, останавливался он [Кюстин – А. Л.] перед нашими маститыми беловласыми старцами, сидящими у порогов изб своих <...> ...нигде в других землях Европы <...> не представлялся ему образ человека в таком величии, близком к патриархально-библейскому» (см., напр., *Гоголь Н. В.* Собр. соч. в 7 тт., т. 6: Статьи. – М., Худ. лит., 1967. С. 407).

В перепечатке (см. комм. 2) весь этот комментарий Ильина отсутствует.

²⁶ В перепечатке (см. комм. 2) слово «свободу» зачеркнуто и рукой Ильина заменено на «независимость».

²⁷ Слова «после неудачной войны» в перепечатке вычеркнуты (речь здесь шла, конечно, о Первой мировой войне).

²⁸ В перепечатке рукой Ильина переправлено на 30, что дает приблизительное представление о времени (около 1947 г.) внесения Ильиным всех указанных выше в комментариях изменений в свою статью 1940 г.

²⁹ Печатается по машинописи с пометками и исправлениями, сделанными рукой И. А. Ильина (см. ниже комм. 41). Кроме указанной (см. комм. 1) пометки, на первой странице имеется еще одна: «Главная часть заимствована из *Blick in die Ferne* № 12, 13, 41». Срв. перевод указанных глав книги «Взгляд в даль» в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 8. – М.: Русская книга, 1998. С. 390–394, 394–398, 543–552. Число 12 в указанной приписке перечеркнуто (хотя вся глава 2, каждая ее страница в машинописи, отчеркнута на полях вертикальной прямой линией с указанием на каждой же из страниц машинописи числа 12), а числа 13 и 41 – подчеркнуты. Возможно, это отголоски планов Ильина по переделыванию работы в предисловие к новой книге. Начало главы 3 сопровождается приписками: «отсюда 13» и «So geht es nicht weiter» («Так дальше идти нельзя» – название 13 главы книги «Взгляд в даль»). Срв. также первую главу «Бессердечная культура. Из переписки двух ученых» части I книги «Путь к очевидности» (см., напр., *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. С. 386–392).

³⁰ Данная работа, как видно из нижеследующего комментария самого Ильина, является записью лекции, прочитанной Ильиным в мае 1945 г. в Крестовоздвиженском Кафедральном соборе в Женеве, прихожанином которого он был и настоятелем которого (с 1905 г.) был протопресвитер Сергей Иоаннович Орлов (1864–1944), служивший также в православном храме швейцарского города Ве́ве (Vevey). В женевском соборе в 2005 г. была отслужена панихида над гробами с останками И. А. Ильина и его супруги Н. Н. Ильиной в присутствии митрополита Лавра перед перенесением их в Россию. Ильин посвятил о. Сергию Орлову небольшую заметку, опубликованную в брошюре «Пастырь добрый: Пятидесятилетие пастырского служения протопресвитера отца Сергия Орлова» (Издание Русского Трудового Христианского Движения; Женева, 1941. С. 21–23). Первая главка была опубликована в «Листке православных приходов в Швейцарии» (№ 13, Женева, 1946. С. 4–5).

См. также *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 18]. Статьи, лекции, выступления, рецензии (1906–1954). – М.: Русская книга, 2001. С. 219–220).

³¹ Изначально вместо «посмотрят» было «обернутся» (последнее слово в машинописи зачеркнуто и сверху его рукой Ильина написано первое).

³² Этот афоризм использован в самом начале третьей части («О гражданине») обширного труда Томаса Гоббса «Основ философии» (см., напр., *Гоббс Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1989. С. 271). Однако впервые он встречается, по-видимому, в комедии Тита Макция Плавта (III–II вв. до Р. Х.) «Ослы» (Акт 2, сцена 4; см., напр., *Плавт.* Комедии в 2 т. Т. 1. – М.: Искусство, 1987. С. 107).

³³ Неясно, какое высказывание или сочинение Чехова имеется в виду.

³⁴ Примечательно, что Ильин здесь зачеркнул первоначальное «того гляди научится» и сверху надписал: «научилась».

³⁵ Авадон, точнее Аваддон, – согласно Апокалипсису (Откр. 9, 11), именно к которому, несомненно, отсылает здесь Ильин, еврейское имя ангела бездны, по-гречески именуемого Аполлион (губитель). Встречается также в Ветхом Завете, но, в основном, как непсонифицированный термин, стоящий в одном ряду с адом (шел), гробом, тлением, смертью. См. Иов 26, 6 и 28, 22; Притчи 15, 11 и 27, 20 (синодальный перевод); также еврейский текст Пс. 87, 12 (славянский и русский переводы используют иные слова). Во всей славянской Библии слово «Аваддон» встречается лишь единожды и именно в Откр. 9, 11.

³⁶ Речь о т. н. *положительном*, или *позитивном*, праве: праве, (в противоположность *естественному* праву, данному человеку от рождения и не зависящему от чьей бы то ни было воли) устанавливаемому государственными институтами законодательной власти через нормативно-правовые акты; праве, выраженном таковыми актами.

³⁷ Из молитвы ко Св. Духу.

³⁸ Правительствующий Сенат, высший государственный орган законодательной, исполнительной и судебной власти Российской империи, с 1864 г. являлся также и высшей кассационной инстанцией: в его составе был образован гражданский кассационный

департамент. Новые судебные уставы 1864 г. предоставили судам право широкого толкования гражданских законов, но их толкование высшей инстанцией (сенатские судебные решения, разъясняющие смысл законов) приобретало обязательный характер не только для отдельного дела, но и для всех подобных ему. Решения Сената по гражданским делам сразу же публиковались, и сборники таких решений неоднократно издавались. См. напр., Кассационная практика Правительствующего сената по городским и земским делам: Сборник решений Гражданского и Уголовного Кассационных Департаментов и Общего их Собрания, а также Общего Собрания Первого и Кассационных департаментов Сената за 45 лет (1866–1911). Сост. А. А. Колычев. – СПб.: Тип. Родник, 1912.

³⁹ Аллюзия на стихотворение Н. А. Некрасова «Влас» (1855) и народную песню «Было двенадцать разбойников...», выросшую из стихотворения Некрасова «О двух великих грешниках», являющегося частью главы 2. «Странники и богомольцы» раздела «Пир на весь мир» поэмы «Кому на Руси жить хорошо» (1876–1877). Песня, впрочем, отбросила большую часть стихотворения, превратив Кудеяра из народного мстителя в раскаявшегося разбойника и, затем, монаха.

⁴⁰ Отсылка к Ин. 19, 23–24.

⁴¹ Как было указано во вступительной статье, тексты этой и трех следующих статей, составляющих раздел «I. Кризис», были подготовлены самим И. А. Ильиным. В архиве И. А. Ильина часть этих текстов была помещена в отдельную папку, обозначенную номером 136. I, под общим заголовком (сделанным рукой Р. М. Зиле): «Материалы для книги (неизданной) “Обновление России” (готовые тексты, план книги, черновые записи, материалы и указания)». В правом углу страницы-заголовка рукой того же Р. М. Зиле в скобках приписано: «почти все главы намеченной книги могут быть составлены на основании указаний И. А. И. о том, какие статьи в “Наших Задачах” или других трудах могут быть позаимствованы для составления книги». Глава 1. «Наша эпоха», как и предисловие «Культура сердца», печатается по машинописи из этого, первого, собрания материалов (Р. М. Зиле также собрал еще одну папку с дубликатами материалов к книге «О возрождении и обновлении России», которую мы ниже называем вторым собранием).

⁴² Печатается по машинописи из указанного первого собрания (см. комм. 41). В левом верхнем углу первой страницы рукой Ильина отмечено: «ред. 1949. II 12».

⁴³ Изначально вместо «предносящееся им» было «окружающее их» (последнее зачернено и сверху рукой Ильина надписано первое).

⁴⁴ В дубликate машинописи (из «второго собрания» материалов, см. комм. 41) перед этим словом рукой Ильина вставлено «свиду».

⁴⁵ «Всюду» вписано Ильиным вместо зачерненного изначально «там».

⁴⁶ Самум – сухой, горячий ветер пустыни, песчаный ураган.

⁴⁷ Далее изначально в тексте в скобках был помещен (а после зачернен), по-видимому, латинский оригинал этого словосочетания: «*bellum omnium contra omnes*» – понятие, введенное Т. Гоббсом в трактате «Левиафан» и описывающее состояние общества до заключения общественного договора. См., напр., *Гоббс Т. Сочинения* в 2 тт. Т. 2. – М.: Мысль, 1989. С. 95 («Левиафан», ч. 1, гл. XIII) и С. 162 (ч. 2, гл. XX).

⁴⁸ Франческо Ченчи (1527–1598) – римский аристократ, убитый своей дочерью Беатриче Ченчи (1577–1599), прославившейся красотой и твердым, мужественным поведением во время расследования и казни. П. Б. Шелли в предисловии к своей трагедии «Ченчи» (1819) указывает: «...мне сообщили манускрипт, который был скопирован из архивов палаццо Ченчи в Риме и содержал подробный рассказ об ужасах, окончившихся гибелью одной из самых благородных и богатых римских фамилий в эпоху правления Папы Климента VIII, в 1599 году. Рассказ заключается в том, что некий старик, прожив жизнь в распутстве и беззакониях, в конце концов проникся неумолимою ненавистью к своим собственным детям; по отношению к одной из дочерей это чувство выразилось в форме кровосмесительной страсти, отягченной всякого рода жестокостями и насилием. Дочь его, после долгих и напрасных попыток избегнуть того, что она считала неизгладимым осквернением души и тела, задумала наконец, с своею мачехой и братом, убить общего их притеснителя. <...> Старик Ченчи в продолжение своей жизни неоднократно покупал у Папы, за сумму в сто тысяч крон, прощение своим преступлениям, для которых нет слов, – так они чудо-

вищны; поэтому смертная казнь для его жертв вряд ли может быть объяснена любовью к правосудию».

⁴⁹ Здесь и чуть выше Ильин своей рукой вставляет второе «н» в напечатанные по позднейшим правилам слова «тирания» и «тиранн», что, быть может, является намеком на их понимание в исконном смысле: тиранн – лицо, насильственно, незаконно захватившее власть; соответственно, тирания – власть такого рода лиц (например, бласть большевиков после 25 октября 1917 г. является очевидным примером тирании). В современном языке под тираном обычно понимают (жестокого) единоличного правителя, а под тиранией – единоличное правление.

⁵⁰ Печатается по собственноручной черновой рукописи Ильина из указанного в комм. 41 первого собрания. При этом сама статья имеет в этой рукописи номер 2. Объясняется это тем, что первоначально в плане (из того же собрания) всей книги «Бегство от света» было именно второй главой. Впоследствии Ильин (что видно из перенумерации глав, осуществленной им поверх прежних номеров) добавил первой главой напечатанную выше статью «Наша эпоха» и пятой – по-видимому, так и не написанную им работу «О страхе» (номера прежних глав с 1 по 3 увеличились на 1, номера глав с 4 по 30 – на 2). В рукописи «Бегство от света» много собственноручных же правок Ильина. Мы публикуем итоговый текст, оговаривая первоначальные варианты лишь в самых важных и интересных случаях.

⁵¹ Изначально (вместо «принимают черты диаволо-подобия») было: «превращаются в сущих <нрзб.> бесов».

⁵² Любопытно, что первоначальный вариант – мракобеса.

⁵³ Изначально было добавлено: «или удается с трудом».

⁵⁴ В данном же случае (срв. комм. 52) изначально было, видимо, бедняк.

⁵⁵ Аллюзия на крылатую фразу «если Бога нет, то все позволено», являющуюся ложной цитатой из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (точной цитатой не является и есть не более чем квинтэссенция взглядов Ивана Карамазова).

⁵⁶ Первоначально (вместо «ему приоткрывается правда»): «он все это почувствовал и увидел».

⁵⁷ Слово «надо» вставлено здесь карандашом и со знаком вопроса поверх зачерненного Ильиным «излить» (вставлено, по видимому, не самим Ильиным). Видимо, в процессе написания статьи Ильин заменил, едва написав его, «излить» на «обратить», не заметив потери другого слова.

⁵⁸ Первоначально было «ведут».

⁵⁹ Аллюзия на повесть Ф. М. Достоевского «Записки из подполья».

⁶⁰ Имеется в виду Кристоф Мартин Виланд (1733–1813) – немецкий поэт и писатель, издатель первого в Германии литературно-художественного журнала («Германский Меркурий»). Одна из центральных фигур в немецкой литературе XVIII в. Источник нижеследующей цитаты, как и следующей за ней цитаты из Шиллера нами не установлен.

⁶¹ Ильиным ошибочно указана часть 2 главы IX сочинения Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Гераклиту посвящена часть 1 этой главы, откуда и взята нижеследующая цитата.

⁶² Плутарх. Сравнительные жизнеописания, Аристид и Марк Катон, Аристид, глава 7.

⁶³ Первоначально (вместо «и спастись от света») было: «и бегство от света определит его судьбу».

⁶⁴ Глава печатается по машинописи второго собрания (см. комм. 41; в первом собрании отсутствует), где названа несколько иначе, чем в общем плане книги: «О демонизме и сатанизме». Мы оставляем название «Демонизм и сатанизм», данное этой главе в общем плане из первого собрания (и повторенное в краткой перепечатке плана, имеющейся во втором собрании). Сама же статья, со значительными искажениями и названием «О демонизме и сатанизме», была, уже после смерти Ильина, напечатана в ДРР (1955, Вып. XXII. С. 14–18) и также, без искажений ДРР, издана в 1979 г. в журнале «Русское возрождение» (№ 7–8; далее – РВ) Н. П. Полторацким (именно по машинописи второго собрания, как следует из его приписки к указанной перепечатке плана книги: «...№ I/4 был мною опубликован в ж. “Русское возрождение”...») и именно как глава из книги «О возрождении и обновлении России». Последняя публикация переиздана в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 6, ч. 2. –

М., Русская книга, 1996. С. 274–281. Нужно отметить, что первый вариант этой статьи есть 7-я глава «Dämonisch und satanisch» книги Ильина 1945 г. «Blick in die Ferne» («Взгляд в даль»), см. *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. – М., Русская книга, 1998. С. 374–377. Публикуемая статья существенно расширена и переработана по сравнению с первым, немецким, вариантом.

⁶⁵ Какие именно сочинения указанных авторов Ильин имеет в виду, указать во многих случаях затруднительно (скорее, он имеет в виду некоторую общую направленность романтической школы в литературе). У *Гюго*, возможно, имеются в виду люциферианские черты Жавера («Отверженные») или короля Франциска I и шута Трибуле («Король забавляется»; срв. Герцога и Риголетто оперы Верди, либретто которой написано по мотивам этой пьесы Гюго). *Жерар де Нерваль* (1808–1855) – французский поэт-романтик, писатель и переводчик (перевел на французский язык, в частности, «Фауста» Гёте), поклонник В. Гюго. *Теофиль Готье* (1811–1872) – французский поэт и писатель-романтик, журналист, критик и путешественник (автор нескольких книг – путевых заметок), один из первых приверженцев концепции «искусство для искусства», так что его иногда называют первым ее провозглашателем. *Альфред де Виньи* (1797–1863) – французский писатель-романтик. *Барбе д’Оревилю* (1808–1889) – французский писатель и публицист, автор, в том числе, сочинения «Те, что от дьявола». *Пьер-Жан де Беранже* (1780–1857) – французский поэт, сочинитель песен, известный в первую очередь своими острыми сатирами. *Бодлер* (1821–1867), *Верлен* (1844–1896), *Рембо* (1854–1891) – французские поэты-символисты, предвестники и представители декаданса; «Цветы зла» – наиболее известный сборник стихов Бодлера. *Жорис-Карл Гюисманс* (1848–1907) – французский писатель, в романе «Бездна» описал кружок современных ему сатанистов. Мишелэ – скорее всего, имеется в виду *Жюль Мишле* (1798–1874) – французский историк и публицист, язык которого столь лиричен и взволнован, что его за то нередко причисляют к поэтам; автор термина «Реннесанс». Среди его сочинений – «Ведьма», где он рисует образ доброй «невесты дьявола». Какие именно сочинения или герои широчайшей палитры *Бальзака* имеются Ильиным в виду, неясно (Вотрен «Отца Горио»? кто-то другой или еще?), однако

в случае *Мериме*, скорее всего, имеется в виду новелла «Кармен». Впрочем, чуть ниже одноименная опера Бизе не указана.

⁶⁶ Очевидно имеются в виду следующие сочинения: «Мефисто-вальс» Листа и его же симфония «Фауст», опера «Фауст» Гуно, большая опера «Роберт-дьявол» Мейербера и опера-легенда «Осуждение Фауста» Берлиоза.

⁶⁷ Поскольку, очевидно, речь о большевиках и 1917 г., отсюда вычисляется год написания (переработки) статьи: 1953 (в 7-й главе «Blick in die Ferne» подобного указания еще нет).

⁶⁸ Ин. 13, 27.

⁶⁹ Далее в машинописи стояло «и необлагороженный», но было зачернено, скорее всего, самим Ильиным. Издание РВ (см. комм. 64) следует именно такому порядку текста. Однако в издании ДРР слова «и необлагороженный» наличествуют, а следующий за тем их повтор в причастном обороте заменен (скорее всего, редактором) на «не оживляемый».

⁷⁰ Эта глава, видимо, не была написана (см. вступ. статью и комм. 41).

⁷¹ Печатается по машинописи первого собрания (см. комм. 41), несмотря на то, что плане книги Ильиным около названия этой главы указано: «Н. 3. 155–156, Возр. тетрадь 4, три статьи». Здесь имеются в виду 155-й и 156-й бюллетени «Наших задач» («Зависть как источник бедствий», I и II; см., напр., в *Ильин И. А. Собр. соч* в 10 тт. Т. 2, ч. 2. – М.: Русская книга, 1993. С. 74–80) и три статьи 1926 г. из газеты «Возрождение»: «Гибель от зависти», «Обреченность зависти» и «Преодоление зависти»; опубликованы также в *Ильин И. А. Собр. соч*. [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 199–216. Публикуемый текст машинописи следует статьям из «Возрождения», но, переработанный и дополненный, очень существенно от них отличается. Статьи же «Наших задач» представляют собой, по сути, совсем другую работу. Возможно, Ильин подготовил эту главу уже после составления им плана книги с указаниями и потому в нем она припиской «готово» (см. вступ. статью) не обозначена.

⁷² Огановский Николай Петрович (1874–1938) – российский экономист-аграрник, автор ряда соотв. трудов. В 1915–1916 гг. ра-

ботал во Всероссийском земском союзе, сотрудничая с Трудовой группой Государственной Думы. В 1922 г. был арестован и приговорен к высылке за границу, но в том же году был освобожден. Вновь арестован в 1931 г. и приговорен к пяти годам лишения свободы, которые в 1933 г. были заменены ссылкой в Башкирию. После освобождения из ссылки остался жить в Уфе.

⁷³ Пьетро Ненни (1891–1980) – итальянский политический и государственный деятель (социалист), журналист.

⁷⁴ Parvenu (*фр.*) – выскочка.

⁷⁵ Пушкин А. С. «Капитанская дочка», гл. XIII и Пропущенная глава.

⁷⁶ Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) – член Конституционно-демократической партии, министр государственного призрения (социального обеспечения) в последнем составе Временного правительства. Во время начавшегося 25 октября переворота пытался организовать сопротивление большевикам, но потерпел неудачу и был арестован вместе с другими министрами после захвата большевиками Зимнего дворца. См. также комм. 601.

⁷⁷ В 1920 г. Ильин проходил по делу так называемого Тактического центра. В августе-сентябре 1919 г. в ходе следствия по делу Национального центра (антибольшевистской подпольной организации, действовавшей в 1918–1920 гг.; его руководители, члены ЦК партии кадетов Н. Н. Щепкин, А. Д. Алферов, Н. А. Огородников и другие – всего 67 человек – зверски расстреляны большевиками) ВЧК были получены сведения о том, что в Москве функционирует политическое объединение – Тактический центр, направляющее деятельность различных антисоветских организаций. В феврале-марте 1920 г. ВЧК арестовала ряд лиц по обвинению в причастности к Тактическому центру. Следствие установило, что в Тактический центр входили Национальный центр, Союз возрождения России и Совет общественных деятелей. В последнем и состоял Ильин. Подробнее об этом см. в книге «Просим освободить из тюремного заключения» (М., 1998. С. 152–160) и в части III наст. изд.

⁷⁸ Ильин, видимо, имеет в виду, что Жуковский неточно передал название баллады «Die Rache» немецкого поэта-романтика Людвиг Уланда (1787–1862), или же, что оба поэта неточно опре-

делили мщением или местью точно описанное ими: вернее было бы, как вытекает из нижеследующего, возмездие или даже кара.

⁷⁹ Аллюзии на революционные песни: «Рабочая марсельеза» П. Лаврова (пиры да палаты), «Машинушка» предположительно Л. Троцкого (роскошные дворцы), «Перед судом» Н. Морозова (суд палачей) и «Варшавянка» Вацлава Свенцицкого (народная кровь).

⁸⁰ Эринии и фурии – богини мести в греческой и римской мифологиях.

⁸¹ Poleмика с «Интернационалом» («Кто был ничем, тот станет всем!»).

⁸² Год смерти (убийства) П. А. Столыпина.

⁸³ В плане первого собрания (см. комм. 41), как и в имеющихся там же двух документах с указаниями, к этой главе Ильин дает указание на бюллетени 94–97 «Наших задач» (Большевизм как соблазн и гибель, I и II; Возникновение и преодоление большевизма в России, I и II), но в них слово «ненависть» встречается лишь *один раз*. Что он имел в виду, называя главу «Ненависть» и отсылая именно к этим выпускам «Наших задач», сказать трудно. Может быть, это намек на источник и происхождение массовой ненависти в России в Октябрьском перевороте 1917 г. Указанные выпуски, здесь и в подобных случаях ниже, печатаются по машинописным перепечаткам оригинальных бюллетеней, три комплекта, почти тождественные, которых имеются в Архиве. Друг от друга выпуски отделяются знаком * * *, и их названия в тексте главы не воспроизводятся. Печатаемые четыре выпуска (датированные 15-м апреля, после второго из них, и 1-м мая, после четвертого, 1950) открывались таким обращением: «От редакции. Отдавая в печать следующие четыре статьи: “Большевизм как соблазн и гибель” I. II и “Возникновение и преодоление большевизма в России” I. II, – редакция просит читателей-единомышленников не пожалеть времени и вникнуть в смысл этих статей. Только таким способом каждый из наших читателей сам найдет достойный ответ на недостойные выходки, появившиеся недавно в эмигрантской печати и направленные против редакции “Наших задач”. Отвечать на эти выходки непосредственно редакция не считает возможным».

⁸⁴ 1 Ин. 5, 19.

⁸⁵ Афинагор Афинский (ок. 133 – ок. 190) – христианский апологет. Сохранились лишь два его сочинения: «Прошение о христианах» и «О воскресении мертвых». См., напр., Сочинения древних христианских апологетов в русском переводе прот. П. Преображенского. – СПб., 1895. С. 49–121 (воспроизведено в 1999 г. издательством Алетейя в СПб. в составе так же озаглавленного более обширного собрания творений древних апологетов). Ильин приводит скорее некую обобщающую интерпретацию некоторым идеям Афинагора, чем точную цитату. Срв., напр., Прошение, 33: «Посему, имея надежду вечной жизни, мы презираем здешние житейские дела и даже душевные удовольствия» (Ibid. С. 89).

⁸⁶ См. комм. 47 и 32 выше.

⁸⁷ Нести розно – разорять. Ильин, по-видимому, отсылает к летописному описанию так называемого Любечского съезда русских князей (1097 г.). См., напр., Лаврентьевская летопись 1377 г., л. 86 об.: «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несуть розно и ради суть, оже межю нами рати. Да ноне отселе имемся въ едино сердце и блюдем Русьские земли». См.: <http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/>.

⁸⁸ Имеется в виду Брестский мир – сепаратный мирный договор, подписанный большевиками 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске.

⁸⁹ Византийский писатель VI в. Прокопий Кесарийский в одном из своих сочинений («Война с готами») оставил краткое описание древнейших славян. Гораздо более обширное имеется в труде «Стратегикон», приписываемом византийскому императору Маврикию (539–602). Ильин нередко его прямо цитирует (см., напр., статью «Самообуздание и самообладание» // Возрождение, № 48 от 20 июля 1925; переизд. в *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 71).

⁹⁰ Чётники, от сербского чета (рота) или турецкого çete (банда, отряд) – наименование сербских партизан, повстанцев, военных и ополченцев национально-освободительного или национально-объединительного характера, и также, как правило, монархического и антикоммунистического. Термин возник в начале XX в. В годы между мировыми войнами четники были самым популярным патриотическим военным движением в Сербии и Югославии

(Королевстве сербов, хорватов и словенцев). Ильин, хорошо зная современных ему четников, имеет в виду иной, исконный, смысл этого термина: под четниками до конца XIX в. понимали именно сербских партизанов, разделенных на небольшие боевые подразделения-роты.

⁹¹ *Liberum veto* (свободное вето) – принцип устройства сейма (парламента) польско-литовского государства Речи Посполитой, позволявший любому депутату прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против. Такое «единогласие» стало обязательным еще в 1589 г., в 1666 г. было расширено и на воеводские сеймики (местные органы власти, как сказали бы сейчас), однако считается, что впервые этим правом воспользовался и прекратил работу сейма представитель местечка Троки Владислав Сициньский именно в 1652 г. Но в действительности он только наложил вето на продолжение дебатов в сейме вне установленного законом срока. Только в 1669 г. в Кракове работа сейма была досрочно прекращена на основании *liberum veto*, наложенного представителем Киева Адамом Олизаром. В первой половине XVIII в. такая практика становится все более и более обычной для сессий сейма, прекращавшихся в соответствии с *liberum veto* (выкрик «Не позволяю!» вошел в своего рода поговорку). После 1764 г., после некоторого преобразования сеймов, *liberum veto* практически не применялось и было окончательно отменено только в 1791 г., лишь за два года до второго и за четыре – до третьего раздела Речи Посполитой.

⁹² Ушкуйники (от слова ушкуй, означавшего парусно-гребное судно) – новгородские разбойники и пираты XII–XV вв.

⁹³ Глава написана не была, и Ильин не оставил никаких указаний относительно ее содержания. В качестве реконструкции мы помещаем перевод 26-й главы «*Der Dünkel*» («Самомнение») книги «*Ich schaue ins Leben*» («Я вглядываюсь в жизнь»). Печатается по Ильин И. А. Собр. соч. в 10 тт. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. С. 139–140. Перевод О. В. Колтыпиной.

⁹⁴ Печатается по машинописи первого собрания, авторизованной вставками латинских выражений рукой Ильина, а также несколькими им же сделанными исправлениями. Статья представляет собой переработку 2-й главы «*Die Machtssucht*» книги «*Blick in die*

Ferne» («Взгляд в даль»; см. *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. – М., Русская книга, 1998. С. 350–354).

⁹⁵ «Скупой рыцарь», сцена II.

⁹⁶ Оказательство – обнаружение, проявление чего-либо.

⁹⁷ Здесь, конечно, *не* имеется в виду т.н. принцип «фальсификации» К. Р. Поппера, выдвинутый им в 1935 г., так что термин «фальсификация» используется в самом прямом смысле: подделка. Иначе говоря, мысль Ильина звучит так: истина не подделываема, не поддается подделке.

⁹⁸ Так в машинописи, хотя по смыслу должно быть «поделку», а в тексте «Я вглядываюсь в жизнь» в соответствующем месте использовано слово «Kitsch» (кич, безвкусица, халтура).

⁹⁹ «Hic Rhodus – hic Saltus» – *лат.*, «здесь Родос – здесь прыжок». Правильнее: «hic Rhodus – hic salta» – знаменитый афоризм Эзопа «здесь Родос – здесь и прыгай». В басне Эзопа «Хвастливый пятиборец» некто, вернувшись на родину после длительного путешествия, хвастается, что на Родосе он совершил такой прыжок, который никто из местных жителей не мог повторить, и что правдивость его слов мог бы подтвердить любой родосец. На это один из слушателей говорит: «Если все, что ты сказал – правда, то свидетели не нужны. Здесь Родос – здесь и прыгай».

¹⁰⁰ И здесь (срв. комм. 49) Ильин исправляет «тиранам» на «тираннам». Примечательно, что чуть выше и чуть ниже подобное исправление не потребовалось.

¹⁰¹ «Жизнь двенадцати цезарей», гл. «Калигула», 29.

¹⁰² Первоначально в машинописи это предложение продолжалось так: «...она может только унижать людей и разрушать культуру», однако соотв. строка машинописи полностью зачернена и предшествующая ей запятая переправлена на точку.

¹⁰³ В соответствии с (двукратным) указанием Ильина в качестве этой главы помещаем главу 3. Vom Smeicheln книги «Blick in die Ferne». Печатается по *Ильин И. А.* Собр. соч. в 10 тт. Т. 8. – М.: Русская книга, 1998. С. 354–359. Перевод З. Г. Антипенко.

¹⁰⁴ Клеветы, клеветы – что-нибудь да останется.

¹⁰⁵ Срв. Мф. 18, 2–6, см. также Мк. 9, 42.

¹⁰⁶ В соответствии с указаниями Ильина в качестве этой главы помещаем статью «Радости общения. 2. Клевета» // «Воз-

рождение», №№ 3578 и 3580 от 21 и 23 марта 1935. Печатается по *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 440–457.

¹⁰⁷ Цитата из стихотворения «Бывают времена, когда десница Бога...».

¹⁰⁸ Лернейская гидра – в древнегреческой мифологии дочь Тифона и Ехидны, змееподобное чудовище с ядовитым дыханием, обитавшее в подземных водах, убитое Гераклом во втором из его двенадцати подвигов.

¹⁰⁹ Сикофант (*др.-греч.* σικοφάντης, от σῖον – «фига» и φαίνω – «доношу») – доносчик, клеветник, шантажист. Происхождение этого слова неясно; большинство греческих толкователей указывают на связь с запретом вывозить из Аттики смоквы.

¹¹⁰ Диффамация (от *лат.* diffamatio – разглашение, распространение) – распространение порочащих сведений, которые могут не носить клеветнического характера, или опозорение в печати; действие, известное уголовному законодательству как преступление, близкое к клевете, но отличающееся от нее двумя признаками: диффамация есть оглашение каких-либо позорящих фактов в печати, тогда как клевета может быть совершена как в печати, так и на словах (публично) или в письме; в диффамации преступный момент заключается в самом оглашении в печати позорящих сведений, независимо от их правильности, клевета же всегда рассматривается как сообщение заведомо ложных сведений.

¹¹¹ См. Гомер. Илиада, песнь II, 211–277.

¹¹² Зоил – древнегреческий философ-киник, оратор, литературный критик IV–III вв. до н. э. Прославился в том числе насмешками и издевательством над Гомером. Со времени римских поэтов века императора Августа, Зоил – нарицательное имя критика завистливого, язвительного и мелочного.

¹¹³ Отсылка к эпиграмме А. С. Пушкина 1824 г.: «Охотник до журнальной драки // Сей усыпительный зоил // Разводит опиум чернил // Слюною бешеной собаки».

¹¹⁴ См. стихотворение «В дни безграничных увлечений...».

¹¹⁵ См. стихотворение «Бывают дни, когда злой дух меня тревожит».

¹¹⁶ Заканчивается первая часть главы, опубли. в № 3578 «Возрождения»; далее – окончание (опубли. в № 3580). Эпиграф взят из того же стихотворения А. А. Голенищева-Кутузова.

¹¹⁷ Ильин имеет в виду текст знаменитой арии «La calunnia è un venticello...» (Клевета – это ветерок...) дона Базилио из оперы Джоакино Россини «Альмавива, или Тщетная предосторожность», написанной по знаменитой пьесе П. Бомарше и более известной под одноименным пьесе названием «Севильский цирюльник». Впрочем, в тексте Бомарше, как и в тексте либреттиста Ч. Стербини, нет образа клеветы как разрывающейся именно бомбы – этот образ принадлежит, по-видимому, уже первому русскому переводчику либретто оперы Рафаилу Зотову (1795–1871).

¹¹⁸ Ассасины – здесь: безжалостные убийцы. Такую славу создала себе на Западе в позднее Средневековье одна из мусульманских сект.

¹¹⁹ Речь о повести А. Шамиссо «Удивительная история Петра Шлемиля» (1813), мотивы которой повторены в сказке «Тень» Х.-К. Андерсена (1847) и пьесе Е. Шварца (1938–1940).

¹²⁰ От сентября-октября 1822 г.

¹²¹ Гадкий утенок.

¹²² Из стихотворения «<Великодушные смягчают сердца> (“Вонзил кинжал убийца нечестивый...”»).

¹²³ Гераклит Эфесский. О природе, 57; в других реконструкциях – 77 (121). См. также выше комм. 61 (а также 62 о цитируемом ниже Плутархе).

¹²⁴ Бесы, часть 2, гл. VIII. Иван-царевич.

¹²⁵ Прусский король Фридрих II (1712–1786), или Фридрих Великий, король-философ, оставил обширное литературное наследие. Источник данной цитаты не установлен.

¹²⁶ Мальтретировать – от *фр.* maltraiter – дурно, грубо обращаться, обижать, помыкать, истязать, пренебрежительно относиться, третировать.

¹²⁷ Так, с дефисом, у Ильина.

¹²⁸ Печерские антики, гл. 32. Выделение принадлежит Ильину.

¹²⁹ Срв. выше комм. 104.

¹³⁰ Пушкин А. С. Поэту («Поэт! Не дорожи любовью народной...»).

¹³¹ Кто оправдывается, тот сам себя обвиняет (*фр.*).

¹³² Диксон Владимир Владимирович (Вальтерович) (1900–1929) – русский поэт, прозаик, переводчик. Сын американского инженера, приехавшего работать в Россию. С 1917 г. – в эмиграции, в 1929 г. умер после операции аппендицита во Франции. В 1930 г. стараниями близких друзей В. Диксона в Париже был выпущен сборник его сочинений «Стихи и Проза», с предисловием А. М. Ремизова.

¹³³ К этой главе Ильин не оставил никаких указаний. В качестве ее реконструкции помещаем статью «Демагогия и провокация», изданную в Москве в 1917 г. отдельной брошюрой (издание «Народное право», серия «Задачи момента», № 4). Печатается по этому первому изданию (переиздавалось в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999. С. 99–113).

¹³⁴ Так в оригинале.

¹³⁵ К этой главе также нет никаких указаний Ильина, и в качестве реконструкции мы помещаем перевод 8-й главы «Die Armut» («Бедность») книги «Ich schaue ins Leben» («Я вглядываюсь в жизнь»). Печатается по *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 3. – М.: Русская книга, 1994. С. 106–108. Перевод О. В. Колтыпиной.

¹³⁶ Едва ли этот вопрос не есть намек на евангельское (Мф. 6, 19–21): «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут, ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (в нем. оригинале именно сокровище, *Schatz*, то есть то же слово, что и в переводе Лютера этих стихов Нового Завета).

¹³⁷ В качестве этой главы печатаются (по принципам, указанным в комм. 83), согласно указаниям Ильина, 146, от 10 апреля («Русскому народу необходимо духовное обновление»), и 150–151, от 15 и 22 мая 1952 г. («О возрождении России», I и II), бюллетени «Наших задач». Первым абзацем помещается заголовок бюлл. 146.

¹³⁸ Слова «что будет любить сердце человека, чего будет добиваться его воля», а также чуть ниже «не разрешает вопросов жизни; форма и реформа сами по себе» были – судя по всему не преднамеренно, – выпущены уже в первом парижском издании «Наших

задач» (см. *Ильин И. А.* Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. – Париж: Издание РОВС, 1956. С. 380), и с тех пор этот абзац так и перепечатывался искаженным.

¹³⁹ В оригинале и первом издании (*Ibid.* С. 381) по старой орфографии «большаго», что означает именно «бóльшего»; правописание «большóго» новая орфография не изменила.

¹⁴⁰ Слова «этого элемента в людях, тем слабее будет государство, тем больше» также были упущены в первом издании (*Ibid.* С. 395).

¹⁴¹ Агранов (Шмаевич; часто настоящей фамилией указывается другая – Сорензон) Яков Саулович (1893–1938) – сотрудник ВЧК-ОГПУ-НКВД, комиссар государственной безопасности 1-го ранга, один из организаторов массовых репрессий 1920–1930 гг. («специалист» по интеллигенции и старым большевикам). В 1937 г. сам был арестован и в 1938 г. расстрелян. Указанные Ильиным слова Агранова были произнесены им в ответ на обвинения в аморальности его методов расследования дела т. н. «боевой организации» профессора Таганцева, по которому в итоге было расстреляно 87 человек, и среди них – поэт Н. Гумилев.

¹⁴² Судя по всему, Ильин имеет в виду историю пионера Прони Колыбина. См. «Звание пионера обязывало меня разоблачить воровку мать» // газета «Северный комсомолец» от 29 июня 1934 г.

¹⁴³ Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) – русский и советский актер, тещ, педагог. Один из ведущих актеров Московского Художественного театра. Помог Владимиру Бари загримироваться, чтобы скрыться от ВЧК и эмигрировать в США.

¹⁴⁴ «...на “выдвижении” угодливых негодяев, на жестокости вынуждения и принуждения» – и эти слова выпущены в первом издании (*Ibid.* С. 396).

¹⁴⁵ Сергей (Воскресенский, 1897–1944) – митрополит Литовский и Виленский, экзарх Московской патриархии в Прибалтике. Был убит 29 апреля 1944 г. на пустынном участке дороги из Вильно в Ригу; по одной из версий – чекистами, переодетыми в немецкую форму. Говоря о гласном свидетельстве Экзарха Балтийского, Ильин имеет в виду его статью о положении Церкви в предвоенные годы в СССР, напечатанную в оккупированной немцами Прибалтике и перепечатанную в Нью-Йорке газетой «Россия» в номере от 9–13 октября 1945 г. (см. *Рар Глеб (А. Ветров)*. Плененная Цер-

ковь: очерк развития взаимоотношений между Церковью и властью в СССР. – Посев, 1954. С. 35–39).

¹⁴⁶ Слова-производные от аббревиатуры ГПУ.

¹⁴⁷ Польский Михаил Афанасьевич (1891 – 1960) – протопресвитер РПЦЗ. Бежал из России в 1930 г. после заключений в тюрьмах и лагерях. С 1931 г. священник в Иерусалиме и Бейруте. В 1938–1948 гг. настоятель прихода в Лондоне. С 1948 г. в США. Автор книг: «Положение церкви в советской России: очерк бежавшего из России священника». – Иерусалим, 1931; «О духовном состоянии русского народа под властью большевизма». – Белград, 1938; «Современное состояние Православной Церкви в СССР». – Б. м., 1946 и мн. др. Наиболее известен его труд «Новые мученики Российские». (Т. I. – Джорданвилль, 1949; Т. II. – Джорданвилль, 1957).

¹⁴⁸ К этой главе в плане и материалах нет никаких указаний Ильина; в качестве ее реконструкции мы помещаем фрагмент 15-й главы («Первая аксиома правосознания») его книги «О сущности правосознания». Печатается по *Ильин И. А.* О сущности правосознания. – Мюнхен, 1956. С. 135–146, издано после смерти автора; со сверкой по машинописи из Архива, авторизованной правкой Ильина (С. 218–236), по которой, по всей видимости, и готовилось указанное мюнхенское издание.

¹⁴⁹ Снести, т. е. пронести, вынести.

¹⁵⁰ Этих слов в машинописи нет, но они имеются в мюнхенском издании.

¹⁵¹ В качестве этой главы печатается (см. комм. 83), согласно указаниям Ильина, 39-й, от 3 января 1949 г. («Чутье зла»), бюллетень «Наших задач».

¹⁵² Мф. 7, 1; Лк. 6, 37.

¹⁵³ Имеется в виду специальный приезд в августе 1945 г. в Париж митрополита Николая (Ярушевича), второго лица Московской патриархии после патриарха Алексия I, для присоединения к Московскому патриархату митрополита Евлогия (Георгиевского, 1868–1946; глава особого экзархата, объединявшего русские приходы в Западной Европе) и митрополита Серафима (Лукиянова; 1879–1959), пожелавшего перейти в Московский патриархат (до того активного противника Московской патриархии, а также и митрополита Евлогия). Через год, на следующий день после смерти

митрополита Евлогия, митрополит Серафим был назначен на его место, что в итоге привело к возвращению большей части приходов под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Срв. публикуемое ниже стихотворение Ильина «Соблазненному».

¹⁵⁴ Скоблин Николай Владимирович (1893–1937 или 1938) – участник Первой мировой войны и Белого движения, генерал-майор (с 1920 г.). С 1930 или 1931 г. – тайный агент НКВД. В частности, выполняя задание, в сентябре 1937 г. участвовал в похищении председателя РОВС генерала Е. К. Миллера (целью операции было продвижение самого Скоблина на пост председателя РОВС). Отправляясь на встречу с якобы немецкими дипломатами (на деле чекистами), устроенную по инициативе Скоблина, и чувствуя опасность, ген. Миллер оставил записку, фактически того изобличившую. Вскоре Скоблин исчез (бежал, и о его дальнейшей судьбе нет точных сведений), а его жена, популярная певица Надежда Плевицкая (с 1930 г. также агент НКВД) в 1937 г. была арестована во Франции и осуждена на 20 лет каторги за соучастие в похищении ген. Миллера.

¹⁵⁵ Диссимуляция – сознательное сокрытие (напр., признаков болезни).

¹⁵⁶ Прямая аллюзия на «уклонися от зла и сотвори благо» (Пс. 33, 15).

¹⁵⁷ От *англ.* prominent – видный, известный, знаменитый.

¹⁵⁸ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 127–129, от 15 и 28 февраля 1951 г., бюллетени «Наших задач» («О русской идее», I, II и III).

¹⁵⁹ 1 Ин. 4, 8.

¹⁶⁰ Розов Владимир Алексеевич (1876–1940) – русский филолог-лингвист, с 1920 г. эмигрант, жил и работал в Загребе.

¹⁶¹ Головин Николай Николаевич (1875–1944) – военачальник, участник Первой мировой войны, генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба, военный ученый, историк и исследователь военного дела, эмигрант. Автор множества сочинений, в том числе: «Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте», в 4 тт. – Прага – Париж, 1925–1940; «Военные усилия России в мировой войне», в 2 тт. – Париж, 1939 и мн. др.

¹⁶² Ходить в кусочки – просить милостыню (устаревший простонародный фразеологизм).

¹⁶³ Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905) – князь, русский религиозный философ, публицист, общественный деятель. Профессор и первый выборный ректор Московского университета (1905).

¹⁶⁴ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 111–114, от 30 сентября и 15 октября 1950 г., бюллетени «Наших задач» («О русском национализме», I и II, и «Опасности и задания русского национализма», I и II).

¹⁶⁵ Такая ссылка в тексте, хотя по смыслу вернее I Кор., 22–31.

¹⁶⁶ Мф. 6, 26–30; 10, 29–31; Лк. 12, 6–7, 27–28; 21, 18.

¹⁶⁷ Отсылка к стихотворению «Два чувства дивно близки нам...».

¹⁶⁸ Отсылка, по-видимому, к статье Н. М. Карамзина «О любви к отечеству и народной гордости».

¹⁶⁹ Точнее: «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (заметка, в оригинале не озаглавленная и печатающаяся в разных собраниях сочинений А. С. Пушкина с разными редакторскими заголовками: «О русской истории XVIII века» или «Заметки по русской истории XVIII века» как часть «Исторических заметок» и т. п.). См., напр., *Пушкин А. С. Полное собр. соч.* в 10 тт. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. – Л., 1978. С. 92–93.

¹⁷⁰ Ильин здесь и ниже цитирует (не совсем точно: нужно – «богомерзостен») В. О. Ключевского (Курс русской истории, лекция LIV, раздел «Предание и наука»).

¹⁷¹ От др.-греч. ἐκκλησία – церковь.

¹⁷² Так, с дефисом, в машинописи (притом, что в следующей же строке то же слово написано слитно).

¹⁷³ «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»

¹⁷⁴ Повить – принять роды (отсюда, в частности, – повивальная бабка).

¹⁷⁵ Срв. Откр. 21, 5.

¹⁷⁶ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 109–110, от 15 сентября 1950 г., бюллетени «Наших задач» («Идея ранга», I и II).

¹⁷⁷ Бесы, часть 2, гл. VIII. Иван-царевич. Срв. комм. 124.

¹⁷⁸ Т. е. фактически следующую и 26-ю главы настоящей книги.

¹⁷⁹ Базен Ашиль Франсуа (1811–1888) – маршал Франции, во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. командовавший Рейнской армией. Был окружен в Меце осенью 1870 г. и капитулировал.

¹⁸⁰ Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937) – один из основателей и лидеров лейбористской партии Великобритании. В 1924 и 1929–1935 гг. – премьер-министр. Правительство Макдональда в 1924 г. установило дипломатические отношения с СССР.

¹⁸¹ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 76–77 бюллетени «Наших задач» («В поисках справедливости», I и II).

¹⁸² Цитата из рассказа «Блаженные». См., напр., *Шмелев И. С.* Собр. соч. Т. 2. Въезд в Париж: Рассказы. Воспоминания. Публицистика. – М.: Русская книга, 1998. С. 102.

¹⁸³ *Summum jus summa injuria* – лат., высшая законность – высшее беззаконие.

¹⁸⁴ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 56 («Править должны лучшие» от 3 июня 1949 г.), 86–87 («Основная задача грядущей России», I и II, от 20 февраля 1950 г.) и 154 («Надо готовить грядущую Россию» от 15 июля 1952 г.) бюллетени «Наших задач».

¹⁸⁵ Ильин, видимо, имеет в виду результаты проведенной в 1937 г. переписи населения СССР, согласно которым лишь около 43% взрослого населения страны признали себя неверующими (см. *Жиромская В. Б., Киселев И. Н., Поляков Ю. А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года. – М.: Наука, 1996. С. 100–101).

¹⁸⁶ См., напр., «Бесы», часть 2, гл. 6, V и VII.

¹⁸⁷ Губонин Петр Ионович (1825–1894) – русский купец, миллионер, меценат. На его средства было построено Комиссаровское техническое училище, он внес значительную сумму на строительство храма Христа Спасителя. За свои благодеяния получил потомственное дворянство.

¹⁸⁸ Родичев Федор Измайлович (1853–1932) – земский деятель, один из основателей и лидеров Партии народной свободы (кадетов), депутат I–IV Государственных Дум; в марте-мае 1917 г. – комиссар Временного правительства по делам Финляндии. Эмигрант. Автор ставшего крылатым выражения «стольпинские галстуки», которое

произнес во время своего доклада в Думе о военно-полевых судах. Вероятно, именно этот доклад и послужил причиной отнесения Ильиным Родичева к анархистам (военно-полевые суды вводились в 1906 г. именно для пресечения разлившихся по стране терроризма и анархии: для ускорения судопроизводства по делам о военных и гражданских лицах, обвиняемых в разбое, убийствах, грабеже, нападениях на военных, полицейских и должностных лиц и в других тяжких преступлениях, в тех случаях, когда за очевидностью преступления нет необходимости в дополнительном расследовании). Впрочем, см. ниже цитируемые Ильиным слова Родичева.

¹⁸⁹ Кокошкин Федор Федорович (1871–1918) – один из основателей партии кадетов. Депутат I Государственной Думы. В 1917 г. – государственный контролер Временного правительства. Убит матросами-анархистами в Мариинской тюремной больнице вместе с министром Временного правительства А. И. Шингаревым.

¹⁹⁰ В машинописи – «враг рода человечества».

¹⁹¹ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 180–182 («О воспитании в грядущей России», I, II и III, от 22 и 31 мая и 15 июня 1953 г.) бюллетени «Наших задач».

¹⁹² Мамона, маммона – богатство, срв. Мф. 6, 24; Лк. 16, 13.

¹⁹³ См. Мк. 4, 26–28 и 30–32. Срв. Мф. 13, 31–32 и Лк. 13, 18–19.

¹⁹⁴ Так, органом, в машинописи. Имеется в виду, по-видимому, I Кор. 12, 27.

¹⁹⁵ Рим. 8, 15.

¹⁹⁶ Печатается по машинописи из первого собрания (см. комм. 41).

¹⁹⁷ Сuggestивный – от *англ.* suggestive – намекающий, внушающий.

¹⁹⁸ Стихотворение «Пророк».

¹⁹⁹ Т.е. необходимый для поддержания существования минимум.

²⁰⁰ В качестве этой главы печатается (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 166 («О предметности и продажности» от 30 ноября 1952 г.) бюллетень «Наших задач».

²⁰¹ «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» («Мне не спится, нет огня...»).

²⁰² Хотя Ильин дважды (в общем плане первого собрания, см. комм. 41; и на отдельном листке с указаниями из того же собра-

ния) указал около этой главы «Ich schaue», вероятнее всего, он имел в виду другую свою немецкую книгу: «Blick in die Ferne» («Взгляд в даль»). Именно ее 25-й главой «Der Bürgermut» («Мужество гражданина») мы реконструируем 25-ю же главу печатаемой книги Ильина. Публикуется по *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 8. – М.: Русская книга, 1998. С. 447–449. Перевод с немецкого З. Г. Антипенко.

²⁰³ Splendid isolation (*англ.*) – прекрасное одиночество.

²⁰⁴ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 78–79 («О воспитании русского народа к справедливости», I и II, от 10 ноября 1949 г.) бюллетени «Наших задач».

²⁰⁵ Suum cuique, т. е. каждому свое, каждому по его заслугам.

²⁰⁶ См. комм. 47 выше.

²⁰⁷ См. комм. 87 выше.

²⁰⁸ Хилиазм (отсюда – хилиастический) – представление о том, что последним дням и концу мира будет предшествовать «тысячелетнее царство Христово», век торжества справедливости и правды Божьей на земле. Основывается на буквально понятых стихах Апокалипсиса (Откр. 20, 1–7).

²⁰⁹ Эта («27. О духовном характере») и следующие две главы книги («28. О правосознании» и «29. О частной собственности») не сопровождаются в ее плане никакими указаниями Ильина. Впрочем, 29-я глава в плане первого собрания (см. комм. 41) обозначена как готовая, но ни в первом, ни во втором собрании никаких следов ее не обнаружено. Однако на все указанные в заголовках глав темы Ильин писал очень много, так что для возможной реконструкции содержания глав имеется множество вариантов. Мы предлагаем в качестве одного из таковых – фрагменты брошюры И. А. Ильина: «Основы борьбы за национальную Россию» (Нарва, 1938), главы «13. О характере и предметности», «18. О здоровом правосознании» и «25. О частной собственности». Печатается по *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 9–10. – М.: Русская книга, 1999. С. 358–360, 369–370, 383–385.

²¹⁰ Печатается по рукописи (автографу Ильина) из первого собрания (см. комм. 41).

²¹¹ Зиммель Георг (1858–1918) – немецкий философ и социолог.

²¹² Лк. 2, 14.

²¹³ В качестве этой главы печатаются (см. комм. 83), по указаниям Ильина, 21-й («Изживание социализма» от 20 июля 1948 г.) и 22-й («Социальность или социализм?» от 27 июля 1948 г.) бюллетени «Наших задач».

²¹⁴ Фабричная инспекция – учрежденный в 1882 г. в системе министерства финансов, а затем, в 1905 г., перешедший в ведение министерства торговли и промышленности государственный орган надзора за исполнением фабричного законодательства.

²¹⁵ Напр., Лк. 18, 22 и Мф. 6, 19–21.

²¹⁶ Скауты (от *англ.* scout – разведчик) – участники массовой детской и юношеской организации внеучебного воспитания. Скаутское движение зародилось в начале XX в. в Англии.

²¹⁷ Ильин имеет в виду эмигрантское движение «Русский Сокол», многим похожее на скаутское и являющееся своего рода преемником дореволюционного Русского гимнастического общества «Сокол», спортивной организации, возникшей в России в 1883 г. под влиянием панславянского «Сокольского движения», молодежного спортивного движения, основанного в Праге в 1862 г.

²¹⁸ Пожалуй, эта – единственная из тех, что не обозначены Ильиным словом «готово», – глава, содержание которой восстанавливается в точности: согласно указанию Ильина, это 24-я глава «Die Ameise Gottes» («Божий муравей») его книги «Blick in die Ferne» («Взгляд в даль»). Публикуется по *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 8. – М.: Русская книга, 1998. С. 445–447. Перевод с немецкого З. Г. Антипенко.

²¹⁹ Печатается по авторской рукописи И. А. Ильина (см. Архив). Поэма в черновике называлась «Моя квартира». См. также первое издание в *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 14.] Письма. Мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 245–271. В настоящем издании исправлены погрешности первого.

²²⁰ Имеется в виду Дидим Александрийский, Слепец (ок. 312–398) – христианский писатель, богослов, представитель александрийской богословской школы, последователь и защитник учения Оригена.

²²¹ Аллюзия на Пс. 90, 13.

²²² Имеется в виду диетический цельнозерновой хлеб Грэма. Сильвестр Грэм (Graham, 1794–1851) – американский пресвитери-

анский священник и диетолог, пропагандист цельнозерновой муки (названной его именем).

²²³ Hausierer (*нем.*) – уличный торговец, разносчик, лоточник.

²²⁴ Первоначальная версия: «Кто-то в радио орет».

²²⁵ Макаровский Александр Иванович (1888–1958) – историк и археолог. До войны – директор русской гимназии в Изборске (Эстония). Арестован, чудом спасся. После войны проживал в Москве, печатался в «Вестнике Московской патриархии». (*Примечание А. Е. Климова.*)

²²⁶ Т. е. богиня (одна из трех) судьбы.

²²⁷ По устным воспоминаниям М. А. Дерюгиной, Иван Александрович «носил Наталию Николаевну на руках; сам постоянно мыл посуду».

²²⁸ Лямбаго (*лат.* lumbago) – прострел, приступы болей в поясничной области вследствие заболевания мышц.

²²⁹ Авгур (от *лат.* augur – птица) – в древнем Риме жрец, толковавший волю богов по пению и полету птиц, птицегадатель.

²³⁰ Хоббема Мейндерт (1638–1709) – голландский живописец. Его лесные пейзажи отличаются лиризмом, внимательным наблюдением природы, динамичной композицией, сочным колоритом.

²³¹ Речь об HMV (His Master’s Voice, *букв.* «голос его хозяина») – британской музыкальной торговой марке, изображающей собаку, слушающую граммофон.

²³² На полях рукописи напротив этой строки приписано: «(Нестеров)».

²³³ На полях рукописи напротив этой строки приписано: «(Бакшеев)». Бакшеев Василий Николаевич (1862–1958) – русский художник-пейзажист, продолжатель классического русского реалистического пейзажа.

²³⁴ На полях рукописи напротив этой строки приписано: «(Антонов)». Антонов Сергей Николаевич (1884–1956) – см. ниже комм. 254.

²³⁵ На полях рукописи напротив этой строки – «(Микель Анджело)».

²³⁶ Blüthner – одна из старейших немецких и мировых семейных компаний по производству фортепиано.

²³⁷ На полях рукописи напротив этой строки – «(Габричевский, Портрет Н. Н.)). Речь идет о портрете Наталии Николаевны Ильиной кисти художника-портретиста Юрия (Георгия) Георгиевича Габричевского (1896–1979).

²³⁸ На полях рукописи напротив этой строки – «(Матео ди Джioванни)». Матео ди Джioванни – итальянский художник XV в. из Сиены, находившийся под влиянием флорентийской школы живописи.

²³⁹ На полях рукописи напротив этой строки – «(Метнер)».

²⁴⁰ На полях рукописи напротив этой строки – «(Вероккио)». Вероккио Андреа дел (1453–1488) – флорентийский скульптор и художник, учитель Леонардо да Винчи. Здесь речь идет об огромной статуе, изображающей всадником кондотьера Бартоломео Коллеони (1400–1475), над которой автор работал пять лет. Она была установлена в 1946 г. в Венеции уже после его смерти.

²⁴¹ На полях рукописи напротив этой строки – «(Микель Анджело)».

²⁴² На полях рукописи напротив этой строки – «(Икона)».

²⁴³ Никандр (Феноменов) (1872–1933) – в 1914–18 гг. епископ Вятский. Неоднократно арестовывался и ссылался большевиками. В частности, 1 ноября 1918 г. был арестован в Москве без предъявления обвинения и заключен в Бутырскую тюрьму.

²⁴⁴ Ловитва – лов, ловля.

²⁴⁵ На полях рукописи напротив этой строки – «(Фра Беато)». Фра Беато Анжелико (Fra Beato Angelico – *итал.*, брат блаженный ангельский; настоящее имя – Гвидо ди Пьетро, 1400–1455) – итальянский художник Раннего Возрождения, доминиканский монах.

²⁴⁶ Св. Петр Галатийский, Антиохийский Молчальник (IV–V вв.) – память 1 февраля (юлианского календаря). Сведений о нем почти не сохранилось.

²⁴⁷ На полях рукописи напротив этой строки – «(Евг. Климов)». Климов Евгений Евгеньевич (1901–1990) – художник и историк русского искусства, друг И. А. Ильина.

²⁴⁸ «Изборск весной». Этюд маслом работы Е. Е. Климова. 1930-е гг. На обороте картины надпись автора: «Дорогим Наталии Николаевне и Ивану Александровичу на память об Изборске. Верю, что “Грядущая Весна” будет для всех нас. 12 ноября 1935 г.

Е. Климов». Этот этюд висел в столовой И. А. Ильина. Рамку для картины сделал сам Ильин. Сейчас картина находится в частной коллекции в Москве.

²⁴⁹ Бон-мо (*фр.* bon mot) – острота.

²⁵⁰ На полях рукописи напротив этой строки – «(Флорент. горельеф)». Менада (*греч.* μενάδας – бешеная, иступленная) – в Древней Греции жрица бога вина и веселья Вакха, вакханка.

²⁵¹ На полях рукописи напротив этой строки – «(Furia Addormentata)». Furia Addormentata (*итал.*) – спящая ярость.

²⁵² Орест – в греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать и ее возлюбленного Эгисфа за убийство ими отца и сам преследуемый за это богинями мести эриниями.

²⁵³ На полях рукописи напротив этой строки – «(Кипренский)». Кипренский Орест Адамович (1782–1836) – русский живописец и рисовальщик, автор знаменитого портрета А. С. Пушкина.

²⁵⁴ На полях рукописи напротив этой строки – «(Антонов, Ту-ман ушел)». Речь о картине Сергея Николаевича Антонова (1884–1956) – русского архитектора, живописца и театрального художника, жившего в Латвии.

²⁵⁵ На полях рукописи напротив этой строки – «(Леонардо. Магдалина)».

²⁵⁶ Мвро – здесь: дорогое ароматическое оливковое масло. См. Лк. 7, 37–38. Срв. Ин. 12, 3 и 11, 2.

²⁵⁷ Ильин повторяет распространенное, но ошибочное употребление слова «зрак» (означающего вид, облик, но никак не глаз, взор, взгляд и т. д.). Ниже, впрочем, а также двукратное выше, употребление этого же слова вполне верно.

²⁵⁸ Ин. 20, 11–18.

²⁵⁹ На полях рукописи напротив этой строки – «(Бакшеев, Весной)». См. выше комм. 233.

²⁶⁰ На полях рукописи напротив этой строки – «(Боттичелли. Минерва и Кентавр)».

²⁶¹ В комнате Наталии Николаевны копия картины Сандро Боттичелли не случайна – ей принадлежит статья «Боттичелли», опубликованная в журнале «Русская мысль» в 1915 г.

²⁶² На полях рукописи напротив этой строки – «(Гобелен с павлинами)».

²⁶³ Крин – лилия, цветок.

²⁶⁴ Персть – пыль, прах, земля; тля – тлен, тлеющее, тленное.

²⁶⁵ Печатается по авторским рукописям (см. Архив). Публикуется впервые. Мы публикуем текст, стараясь, насколько это возможно, сохранить все особенности рукописной «верстки» шуточного журнала Ильина, «издававшегося» им тиражом в один экземпляр только для себя, своей супруги и самых близких друзей. Мы также отказались (за редчайшими исключениями) от идеи прокомментировать многочисленные намеки и аллюзии Ильина, рассыпанные по тексту, а также от переводов иноязычных (и «иноязычных») слов и текстов: в очевидных случаях читатель справится с обеими задачами сам, а неочевидные (кроме тех, что все-таки нами прокомментированы) неясны и нам самим.

²⁶⁶ Выпуск первый завершается «детским» рисунком лежащего с мигренью Ильина (вокруг головы буквы «м», «и», «г», «р», «е», «н», «ь» – со стрелками от каждой из них к голове; см. вкладку).

²⁶⁷ Намек на то, что читателем является композитор Н. К. Метнер, которому следует прислать ноты своей фортепианной сонаты-идиллии (*Sonate-Idylle G major*; op. 56, завершена в октябре 1937 г.). Подобные намеки (“пузенфрейнд” и т. п.) есть и выше, срв. комм. 340.

²⁶⁸ Слово «Конец» представляют собой своего рода рисунок, за которым следует рисунок кланяющегося Ильина (нижеследующий поясняющий текст расположен правее этого рисунка; см. вкладку).

²⁶⁹ Это подпись под рисунком (см. вкладку).

²⁷⁰ Так обозначены Ильиным рисунки, сопровождающие текст (см. вкладку). В публикуемом тексте обозначены как <рис.>.

²⁷¹ На рисунок помещены ноты: начало песни Р. Шумана (для исполнения баритоном) «Кто сжег очей твоих лазурь?» (№ 11 из op. 35 – цикла «Песенный ряд, двенадцать стихотворений Ю. Кернера»).

То же стихотворение (без рисунка) имеется в Архиве в виде отдельной рукописи, отличающейся от «журнала» лишь пунктуацией, переменой местами союзов «а» и «и» и слов «искал» и «хотел», а также заменой «сладости» на «радости». Также в Архиве имеются две машинописи с тем же стихом (и в рукописи, и в машинописи датировано: 1939, начало марта; в одной из машинописей дополнительно указано: Цолликон).

²⁷² Публикуются **не** в хронологическом порядке по автографам (см. Архив). См. также *Ильин И. А.* Собр. соч. [ТТ. 15–17.] Переписка двух Иванов (1927–1950). – М.: Русская книга, 2000.

²⁷³ [Если ты] в сомнении – воздержись (*фр.*).

²⁷⁴ Прием Ильина повторяет прием его любимого автора Томаса Карлейля, написавшего роман «Sartor Resartus» (*лат.*, «Перекроенный портной» – отсюда и термин Ильина «условная одежда Питирима Ивановича Равки») в форме комментария к мыслям и биографии вымышленного немецкого философа Диогена Тёйфельсдрёка (*нем.* Diogenes Teufelsdrökh – «Богорождённый Чертов Помёт»), автора труда «Одежда: ее происхождение и влияние». Книга Карлейля частично является пародией на Гегеля и на немецкий идеализм вообще.

²⁷⁵ Меран (*нем.* Meran) – немецкое название (итальянское – Мерано, Merano) второго по величине города провинции Больцано (Южный Тироль) северной Италии.

²⁷⁶ См. это ильинское стихотворение ниже в разделе «Стихи разных лет».

²⁷⁷ Не исключено, что имеется в виду Екатерина Игнатьевна Кочкина (1897–?), в 1915–1917 гг. активная подпольщица-большевик. Не раз арестовывалась жандармерией Екатеринбургa и сидела в тюрьме до Февральской революции. Участница Гражданской войны на Урале и на Западном фронте. Одна из активных организаторов комсомола на Урале.

²⁷⁸ *Букв.*: «с яйца», т. е. с самого начала, и «до опыта» (*лат.*).

²⁷⁹ Опубл. ниже в разделе стихотворений из переписки с Н. К. Метнером.

²⁸⁰ Aus dem Fass – *нем.*, из бочки.

²⁸¹ *Нем.*, господин.

²⁸² Dampfschiff – *нем.*, пароход.

²⁸³ *Лат.*, поэтическая вольность.

²⁸⁴ Имеется в виду приписываемое Аристотелю высказывание «из удивления вырастает познание» («познание начинается с удивления»). Срв., напр.: «Ибо и теперь и прежде удивление побуждает людей философствовать» (*Аристотель.* «Метафизика», книга первая, глава вторая).

²⁸⁵ Т. е. поверхностно (a vol d’oiseau, *фр.* – с птичьего полета).

²⁸⁶ Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) – российский политический деятель, юрист и публицист, один из основателей Партии народной свободы (кадетов), член II Государственной Думы и Временного совета Российской республики (Предпарламента, совещательного органа при Временном правительстве), а также Политического центра при штабе генерала Юденича. В эмиграции издавал (в 1920–1931 гг.) ежедневную русскоязычную газету «Руль». И. В. Гессен наиболее известен как издатель 22 томов «Архива русской революции» (Берлин, 1922–1937), последний из которых содержит его обширные воспоминания «В двух веках: Жизненный отчет».

²⁸⁷ Последний (срв. выше указание на общее число законов).

²⁸⁸ От *фр.* *mot-seau* – пьеса, композиция, кусо(че)к.

²⁸⁹ В Архиве имеется отдельная рукопись этого стихотворения. В ней оно датировано январем 1911 г. (и ниже указано: Берлин).

²⁹⁰ В Архиве имеется отдельная рукопись и этого стихотворения. В ней оно датировано маем 1913 г. (Москва).

²⁹¹ Леди Детердинг – Лидия Павловна Кондаурова (Кудеярова?), во втором браке – Детердинг (1904–1980), супруг – известный нефтепромышленник Г. Детердинг. Содержала русскую гимназию в Париже, в которой обучалось, в подавляющем большинстве – бесплатно, более 250 учеников. Глава этой гимназии, Недачин Василий Павлович (1863–1936), – возможный преподаватель Ильина по 5-й Московской гимназии.

²⁹² Отхожий промысел или отходничество – временная, чаще всего сезонная, работа крестьян Российской империи вне места постоянного жительства, требовавшая «отхода», т. е. ухода на заработки из села или деревни.

²⁹³ В отдельной рукописной копии этого стихотворения (см. Архив) далее указано: «1930. январь. Берлин».

²⁹⁴ К слову «Рим» от «Пети», «Пити» и «Пяти» в письме прочерчены линии.

²⁹⁵ Речь о личном примирении митрополитов Антония (Храповицкого) и Евлогия (Георгиевского) – глав двух самых больших эмигрантских церковных объединений: «карловчан» и «евлогиан», которое в 1934 г. и осуществилось. Однако к объединению юрисдикций все-таки не привело. Срв. выше комм. 153.

²⁹⁶ Антимония (искаженное *греч.* ἀντινομία – противоречие) – пустая, бессодержательная речь.

²⁹⁷ В Архиве имеется отдельный рукописный вариант стихотворения (второе стихотворение цикла «Эпиграмм и набросков, записанных со слов И. Н. Б.», см. ниже в наст. томе в разделе «Стихи разных лет»), где раскрыто это сокращение как «Берлин». Также там, параллельно, приведен второй вариант финальной строфы:

О сем прошу я Вас смиренно,
 Духосыновне, умиленно,
 Припав коленоприклоненно
 К стопам возвышенных седин!
 Со дерзновением:

Ильин.

²⁹⁸ Сергей Дмитриевич Боткин (1869–1945) – российский дипломат, в 1919–1936 гг. глава Делегации по делам русских беженцев в Берлине. Друг Ильина. Несколько писем к нему см. в: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. С. 329–342.

²⁹⁹ Аллюзия на Лк. 1, 63.

³⁰⁰ В Архиве имеется отдельная ильинская рукопись с этим стихотворением, в которой эта строка звучит как «Рывом, рывом». Также в рукописи в качестве места указан «Chexbres над Леманом». Шебр (Chexbres) – поселок в Швейцарии, расположенный на берегу Женевского озера. Леман (*фр.* Le Léman) – французское название Женевского озера.

³⁰¹ Аллюзия на название пьесы Ф. Шиллера («Коварство и любовь»).

³⁰² Propudenda – *лат.*, бесстыдства.

³⁰³ O vil flatteur – *фр.*, о презренный льстец.

³⁰⁴ То есть написанное прежде. Источник выражения, имеющего, впрочем, совсем иной смысл, – славянский текст Исх. 33, 23 («задняя Моя узриши: лице же Мое не явится тебе»). Впрочем, скорее, здесь аллюзия на другой библейский стих: «...задняя убо забывая, в предняя же простираяся...» (Флп. 3, 13), который Ильин смешивает с первым.

³⁰⁵ Имеется в виду письмо Шмелева Ильину от 26.09 (09.10) 1929 г., оттуда же взят и эпиграф к нижеследующему стихотворе-

нию. См. *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 15.] Переписка двух Иванов (1927–1934). – М.: Русская книга, 2000. С. 153–155.

³⁰⁶ Вариант из позднейшей рукописи (см. Архив): «В самодельный Гепеу-сь?!».

³⁰⁷ По-видимому, намек на некоторые из псевдонимов З. Гиппиус: Антон Крайний, Антон Кирша... Гиппиус использовала еще ряд «мужских» псевдонимов: Лев Пуцин, Товарищ Герман, Роман Аренский, Никита Вечер, В. Витовт. Псевдоним Антон Крайний З. Гиппиус использовала для многих своих критических статей.

³⁰⁸ *Verte* – *лат.*, переверни лист, смотри на обороте.

³⁰⁹ *Wahrheit* – правда, *Dichtung* – поэзия (*нем.*).

³¹⁰ Далее следуют 12 открыток с видами Швейцарии, снабженных четверостишиями. Воспроизведены на вкладке с иллюстрациями в третьем томе «Переписки двух Иванов». В Архиве сохранился отдельный рукописный листок с этим же циклом, в котором под заголовком указано: «(комментарий к 13 открыткам из Бюргенштока) // Посвящается Метнерюцкому-Метнерюку». Видимо, Ильин отправил две серии открыток: одну – Шмелеву, другую – Метнеру. В прямых скобках печатаются четверостишия и варианты из указанного листка.

Бюргеншток (Бюргенберг) – гора в Швейцарии (1127,8 м над уровнем моря) в Урийских (Урнских) Альпах на берегу Люцернского озера; также курорт, расположенный на той же горе. Эпиграф – из баллады В. А. Жуковского «Громобой» (первая баллада диптиха «Двенадцать спящих дев»).

³¹¹ Вариант листка (см. пред. комм.): слонялися.

³¹² Полностью письмо см. в *ibid.* С. 175–177. Речь идет о парижской газете «Возрождение» (в Архиве также сохранился отдельный недатированный листок с этим стихотворением, в котором есть заголовок: «Возрождение» с указанием тут же в скобках: «(надпись)»), которую Ильин покинул в знак протеста против вытеснения П. Б. Струве в 1927 г. с поста главного редактора (см. письма Ильина Шмелеву от 22.08 и 04.09.1927, *ibid.* С. 52–54 и 59–61), но в которую он в 1931 г. вернулся, опубликовав в ней впоследствии множество статей (все они опубликованы и в настоящем Собр. соч. И. А. Ильина). «Злой фронт» – не исключено, что имеется в виду В. Ф. Ходасевич, с 1927 г. ведущий литературный критик

и глава литературного отдела газеты. Однако более вероятно, что речь о Семенове Юлии Федоровиче (1873–1947), кадете и масоне, главном редакторе газеты в 1927–1940 гг. (до того – заместителе Струве). О нем см. в письме Ильина Струве от 29.05.1927 (опубл. в: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. С. 194).

³¹³ Цитируется стихотворение М. Ю. Лермонтова «Утес».

³¹⁴ В Архиве имеется отдельный листок с этим стихотворением, в котором имеется еще одна, средняя, строфа (впрочем, она зачеркнута): «Сам я полон, и всегда – // Неотвязной думушки // Так уйдите, господа // По такой-то кумушке».

³¹⁵ В ответе Шмелева Ильину от 23–24.02.1948 имеется следующая приписка: «*Jak Job!* Вот-дак *хвамия!* Наградит же судьба! Как ни прочти – все одно! И «Ё» и «Ж»». Печатаемый ниже «опус» Ильин Шмелеву, по-видимому, не отправил (в архиве переписки он отсутствует, печатается по машинописной странице из Архива, авторизованной обозначенным на ней рукой Ильина 1948 годом).

³¹⁶ Речь о Викторе Андреевиче Кравченко (1905–1966) – советском инженере, попросившем в 1943 г. политического убежища в США и написавшем книгу «Я выбрал свободу» (1947). В 1949 г. в Париже состоялся процесс, инициированный французской коммунистической партией, о «клевете» Кравченко на советский режим, который Кравченко выиграл.

³¹⁷ Речь о «Письме о пользе стекла» М. В. Ломоносова (1752).

³¹⁸ Гукасов Абрам Осипович (1872–1969) – нефтепромышленник, меценат, владелец и издатель парижской газеты «Возрождение».

³¹⁹ Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) – общественный деятель, публицист. В 1934 г. с братом Борисом бежал из лагеря Беломорско-Балтийского канала. Опубликовал 17 статей под общим названием «Россия в концлагере». С 1936 г. издавал в Болгарии газету «Голос России», где, помимо прочего, критиковал РОВС. В 1939 г. вместе с братом создал и пропагандировал *движение штабс-капитанов*, которое было задумано в противовес военной организации РОВС, как политическая партия, возглавляемая не генералами, а более активными и молодыми чинами – штабс-капитанами. 3 февраля 1938 г. на И. Л. Солоневича было совер-

шено покушение, во время которого от взрыва бомбы в редакции газеты «Голос России» погибла его жена Тамара Владимировна. Ильин резко критически относился к Солоневичам, о чем свидетельствует не только этот стих, но и его записка «О Солоневичах». См.: *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 16.] Переписка двух Иванов (1935–1946). – М., 2000. С. 554.

³²⁰ Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1963) – донской казачий офицер, председатель Русского Союза Национальной Молодежи, один из руководителей Национально-Трудового Союза Нового Поколения.

³²¹ Упомянутый «оригинал» в переписке Ильина со Шмелевым не обнаружен. Несомненно, и он, если существовал, был мистификацией Ильина. Ответное письмо Шмелева содержит строки, одновременно как бы принимающие игру Ильина и не оставляющие сомнений мистификатору в том, что он разоблачен: «Счастлив я был – и есмь! – от письма (Карла Цергибеля), Вами мне раскрытого. Я напишу ему кратко, но боюсь спутать адрес, не могу разобрать (какие-то знаки Z. Zt.??) и еще дальше. Посылаю Вам, как Вам принадлежащее, письмо. А Вы как-ниб. напишите адрес К. Ц.».

³²² Миссия «Свет на Востоке» – протестантская организация, основанная в 1920 г. для проповеди Евангелия русским солдатам, оказавшимся в германском плену в годы Первой мировой войны.

³²³ «Der Bericht eines ehemaligen Menschen» – «Рассказ бывшего человека» – подзаголовок рассказа И. С. Шмелева «На пеньках».

³²⁴ Слово «братски» то ли неаккуратно подчеркнуто, то ли вычеркнуто.

³²⁵ Свет во тьме светит (*лат.*) – Ин. 1, 5.

³²⁶ Кирилл Иосифович Зайцев (архимандрит Константин, 1887–1975) – публицист, писатель и богослов. Сын крещеного еврея. С 1944 г. – священнослужитель, в 1949 г. принял монашество с именем Константин. Его книга «И. А. Бунин» – Белград, 1934. В 1935 г. был приглашен преподавать на юридический факультет Харбинского университета и прожил в Китае до 1938 г. В это время приблизился к Церкви, стал профессором Харбинского Свято-Владимировского богословского института. В 1951–1954 гг. переписывался с Ильиным (письма Ильина архимандриту Константину

опубликованы в: *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 152–168).

³²⁷ К. И. Зайцев входил в редакцию, а до 1930 г. был единственным редактором, парижской газеты «Россия и славянство» («Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности. Еженедельная газета при ближайшем участии Петра Струве»). Издавалась в 1928–1934 гг. См. также комм. 599.

³²⁸ Израиль Симхович Магат (1883–1937) – русский медик еврейского происхождения, врач-терапевт, доктор медицины.

³²⁹ «Парабола» – издательство, основанное в 1931 г. и имевшее два центра – в Париже и Берлине. Издавало сочинения Н. Берберовой, Р. Гуля, Б. Зайцева и др. Просуществовало до конца 1930-х.

³³⁰ «Лика» – заключительная часть романа И. Бунина «Жизнь Арсеньева».

³³¹ Et puis – et voilà – et c’est tout – (*фр.*) и потом – и вот – и это все. То же стихотворение приведено в письме Шмелеву от 15.12.1946, предваренное словами: «Pro domo mea» (для моего дома, *лат.*). Оно же встречается в переписке с Метнером (письмо от 19.12.1946).

³³² Слова, помещенные в скобках, написаны Ильиным поверх строки.

³³³ «Сальто», или «сальто-мортале» (*итал.*, смертельный прыжок), – так «шифрованно» в переписке назывались посылки с продуктами, которые Ильин время от времени отправлял бедствующему Шмелеву. Из этого шуточно-грустного стихотворения становится понятным происхождение такого названия («мортальность не случится» – т. е. посылка не пропадет и дойдет до адресата).

³³⁴ Это ответ на вопрос Шмелева (в письме от 11.04.1947): «Неясно мне, почему “Стар<ый> политик” – не поставил *себя*. Я не домышляю, – кто это?... Жаль, статья на редкость *нужная*... Не американец ли – русский? Мне вчера передавали № газ. от 1 марта (“Россия”). Там что-то спутано, в одн. месте.

Ничего не знаю о буд. газете, никто у меня не бывал».

Старый Политик – один из псевдонимов Ильина и ниже он говорит на самом деле о себе. Речь о публикации в нью-йоркской газете «Россия» (сначала еженедельная, а затем ежедневная газета, выходившая в 1933–1973 гг.; см. также выше комм. 145), в номерах от 28.02 и 01.03.47, его статьи «О советской церкви», в том же го-

ду выпущенной, с сокращениями, отдельной брошюрой в Париже. См. Ильин И. А. Собр. соч. в 10 тт. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. С. 358–370.

Почему Ильин после этого текста переходит непосредственно к другому изданию – «Русской мысли» (русскоязычная общественно-политическая парижская еженедельная газета, основанная именно в 1947 г.; переписка Ильина и Шмелева 1947 г. содержит множество сведений о первых шагах этой газеты, к участию в которой Шмелев пытался привлечь Ильина, но получил решительный отказ), не совсем ясно. Однако возможно, что ответ Ильина просто следует порядку письма Шмелева: «Ничего не знаю о буд. газете» – здесь речь именно о «Русской мысли», первый номер которой (с рассказом Шмелева «В Кремле на Святой») вышел 19.04.1947, через неделю после его письма Ильину.

³³⁵ От *итал.* *imponderabile* или *фр.* *impondérable* – невесомый.

³³⁶ Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920) – русский философ, правовед, публицист, общественный деятель. Выше, быть может, речь о писателе Владимире Александровиче Соллогубе (1813–1882) – авторе, в том числе, многочисленных водевилей.

³³⁷ Владимир Феофилович Зеелер (1874–1954) – российский политический и общественный деятель, юрист, адвокат, видный представитель русской эмиграции. Входил в редакционную коллегию «Русской мысли».

³³⁸ Адам Олеарий (1599–1671) – немецкий путешественник. Являясь секретарем посольства шлезвиг-голштинского герцога Фридриха III к персидскому шаху, по пути в Персию бывал в России, о чем оставил знаменитое «Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию», служащее хрестоматийным источником по российской истории XVII ст.

³³⁹ Если не оговорено противное, все, публикуемое в настоящем разделе (в том числе, и комментируемое Объявление), печатается по Архиву. Ильин сам начал составлять выборку своих стихотворений из писем Метнеру (в Архиве имеется соотв. папка, состоящая из рукописных и машинописных копий ильинских стихов), однако мы сверяем публикуемые стихотворения с оригиналами писем, а также дополняем это «собрание» не включенными в него стихотворениями. Впрочем, далеко не все стихотворения «собра-

ния» обнаруживаются в переписке, как и далеко не все стихотворения «Объявления» обнаруживаются вообще.

³⁴⁰ Само письмо, видимо, не сохранилось. Стихотворение печатается по «собранию» (см. пред. комм.), где оно приведено дважды: в рукописном (рукой Ильина) и машинописном вариантах, отличающихся друг от друга пунктуацией (в машинописном варианте, например, многие знаки препинания заменены на многоточия), написанием «Барон» с прописной буквы и др. мелочами. Мы воспроизводим текст рукописи, с коррекциями по машинописи.

Метнер от имени барона Пузенкампа отозвался на это письмо следующим стихотворением и музыкальной пьесой-романсом (на эти самые стихи), см. ГЦММК (Российский национальный музей музыки; музей им. М. И. Глинки), ф. 132, № 4727 (9842):

26 марта 1915

Г-ну Проферту фон дер Остерцунге*

Остерцунге, милый друг,
Шлю я Вам цыдулю,
Коей лишь хочу дать знак,
Что здоров мой эстомак**,
Что и стул, и стол в порядке,
Так что ем я без оглядки.
И субботний мой досуг
Я уж не жажду.

Фон Пузенкампа

в отставке

Примечания Метнера: *от Остёр (на язык), а не Ostern (впрочем, можно и так) **вольное произношение.

Проферт (видимо, от *англ.* profert) – возможно, человек, делающий нечто известным; демонстрирующий (в суде) доказательства. Ostern (*нем.*) – Пасха. Zunge (*нем.*) – язык, речь; также – остряк. Эстома́к, стома́х (*греч.* στόμαχος) – желудок, утроба (живот).

Из письма Ильина Метнеру от 27.03.1932: «Милый Коля! 28 марта, т. е. 10 апреля *мое рождение!* И ты мне подари подарок! Пож-ж-жалуйста! Ради Бога! Восстанови мне *Цыдулю!*!! Она погибает там, и я боюсь, что погибнет. А словесный текст – я прилагаю». Приложенная страничка содержит это же стихотворение,

с опущением посвящения и примечаний Метнера, озаглавленное «Цыдуля, соч. Н. К. Метнера». Ильин приписал в скобках: «музыка осталась в России». «Цыдульная музыка» «выскочила» у Метнера «из головы» (см. его письмо Ильину от 05.04.1932). Однако она сохранилась (см. выше ссылку на музей Глинки). См. также ниже отрывок из письма Ильина Метнеру, датированного мартом 1932 г. (однако не исключено, что оно написано в апреле того же года или позже: датировка, судя по почерку, проставлена Ильиным уже в последние годы жизни, после смерти Н. К. Метнера в 1951 г.).

³⁴¹ Condoléance (*фр.*) – соболезнование.

³⁴² Krampf (*нем.*) – спазм, Kampf – (*нем.*) борьба.

³⁴³ Печатается по копии, снятой с оригинала, хранящегося в музее Глинки: ГЦММК, ф. 132 № 4771 (9842).

³⁴⁴ Н. Метнер – автор многочисленных (не менее 30) сказок, составляющих его ор. 8, 9, 14, 20, 26, 31 № 3, 34, 35, 42, 48, 51 и также одного 1915 г. без обозначения номера ор., – коротких музыкальных сочинений для фортепиано.

³⁴⁵ Слишком много (*нем.*).

³⁴⁶ Вероятно, sein, haben, werden, loben, reden (*нем.*) – соответственно являться, иметь, быть, хвалить, говорить.

³⁴⁷ Анна Михайловна Метнер (урожд. Братенши, 1877–1965) – жена Н. К. Метнера.

³⁴⁸ О каком сочинении С. В. Рахманинова идет речь, неясно.

³⁴⁹ Замок Пильниц (Schloss Pillnitz) – загородная резиденция саксонских монархов из династии Веттинов, расположенная на берегу Эльбы в пределах одноименного квартала в восточной части современного Дрездена.

³⁵⁰ Фортепиано Friedrich.

³⁵¹ Виадук (от *лат.* via – путь и ducō – веду) – протяженный каменный мост над глубоким оврагом или горным ущельем.

³⁵² См. комм. 277.

³⁵³ Schloss – замок. Имеется в виду, конечно, именно Schloss Pillnitz.

³⁵⁴ Эта и предыдущая строфы цитируются в опубликованном выше письме Ильина Шмелеву от 11.08.1932. См. также комм. 279–282.

³⁵⁵ Эта строфа цитируется Ильиным в письме Шмелеву от 27.07.1930.

³⁵⁶ См. комм. 338.

³⁵⁷ Супруге Метнера Анне Михайловне.

³⁵⁸ В «собрании» (см. комм. 339) имеются несколько отличающиеся друг от друга рукописный и машинописный варианты стихотворения. Здесь воспроизводится последний. Поль де Кок (1793–1871) – чрезвычайно плодовитый французский писатель, его имя стало нарицательным для обозначения фривольного автора. Речь же в стихотворении идет о фельетоне композитора и пианиста Владимира Ивановича Поля (1875–1962), активного музыкально-общественного деятеля русской эмиграции. Сен-Жерве-ле-Бен (Saint-Gervais-les-Bains) – поселение во Франции, в Верхней Савойе. См. также выше вып. 2 «Идиотики-Обормотики», раздел 9.

³⁵⁹ Георгий Авдеевич Раевский (наст. фам. Оцуп, отсюда, видимо, и кавычки у Ильина, 1897–1963) – русский поэт. Брат поэтов Николая Оцупа и Сергея Горного. Эмигрировал в Париж, стал одним из создателей образованной в 1926 г. поэтической группы «Перекресток». Чтобы его не путали с братом, в качестве псевдонима взял фамилию Раевского.

³⁶⁰ Les Trois-Épis (Труа-Эпи, *фр.*, – три колоса) – деревушка в Эльзасе.

³⁶¹ Возможно, от *англ.* dreadnought – неустрашимый.

³⁶² Т. е. Конюсу Л. Э. (1871–1954) – пианисту и композитору, одному из ближайших друзей Н. К. Метнера.

³⁶³ От-цупам, При-цупам – скорее всего, обыгрывается таким образом фамилия Оцуп и носившие ее братья-поэты (срв. комм. 359). Далее следуют адрес, дата и опубликованное выше в разделе «из переписки с И. С. Шмелевым» стихотворение «Бабы».

³⁶⁴ В машинописной версии π^2 (видимо, лишь из-за невозможности напечатать греческую букву) заменено на прямое «пипи». Анген-ле-Бен (Enghien-les-Bains) – селение во Франции, в области Иль-де-Франс.

³⁶⁵ См. комм. 340.

³⁶⁶ Как следует из переписки, Метнеры получили приглашение в Ригу, по пути куда намеревались на день-два остановиться в Берлине у Ильиных.

³⁶⁷ В «собрании» Ильиным указано: «Письмо Н. К. Метнеру (в день моего рождения, 1932. IV/10 – III/28) при посылке пучка конских волос».

³⁶⁸ Георгий Львович Катюар (1861–1926) – русский композитор и музыкальный теоретик.

³⁶⁹ Метнер к 1 апреля отправил Ильину открытку, где спрашивал совета о якобы поступившем ему предложении написать оперу на либретто Мариэтты Шагинян за гонорар в 1200 долларов. Ильин принял розыгрыш за чистую монету и ответил большим серьезным разгромным письмом, тем самым, завершающие строки которого, содержащие стихотворение об ожидающейся поездке Метнера в Ригу, опубликованы выше. Сам Ильин, помещая это и следующее стихотворения в «собрание», предварил их таким комментарием в скобках: «в связи с его перво-апрельскою открыткою о том, будто Луначарский заказывает ему оперу за 1.200 дол., а М. С. Шагинян написала уже текст к ней; он якобы колеблется и запрашивает моего совета; я яростно отсоветовал, а он прислал два покаянных письма».

³⁷⁰ См. стихотворение «Экссесс о Поле» и комм. 358.

³⁷¹ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968) – русский музыковед, композитор, музыкальный критик.

³⁷² В переписке письмо не обнаружено, и стихотворение печатается по «собранию». Там оно датировано Ильиным «7 апр. 1932 / 25 марта 1932», причем 7 переправлено с 5, а 25 – с 23, и помещено до стихотворения предыдущего письма. Последние четыре строки отчеркнуты Ильиным слева на полях круглой скобкой и обозначены цифрой 1. Семь предшествующих им строк так же отчеркнуты и обозначены цифрой 2. Возможно, все это свидетельство восстановления Ильиным стихотворения и его датировки по памяти (второе письмо и стихотворение из него переписаны Ильиным в «собрание» полностью, с минимальными отличиями от оригинала).

³⁷³ Ответ на телеграмму Метнера, содержащую непонятное слово «Mohot». В версии «собрания» вместо эпитафии приписка: «В телеграмме было “Hohot”», опущены дефисы в подзаголовке и последней строке, а также большинство кавычек и прописных букв; кроме того вставлена одна строка (печатается нами в квадратных скобках). В переписке после стихотворения – приписка Ильина: «“Момон” – s. m. – род танца, исполненного масками; || общая ставка, пулька (в карточной игре). Франц. Словарь Макарова, стр. 134».

³⁷⁴ Mohatra – средневековый термин арабского происхождения, означающий договор скрытого займа.

³⁷⁵ В версии «собрания» сверху приписано слово «опять» (так что вместо «И нигде» можно прочесть «где опять»).

³⁷⁶ «Забутые мотивы» («Vergessene Weisen», «Forgotten melodies») – три цикла пьес для фортепиано, opp. 38–40, написаны в 1916–1922 гг. Одни из самых лиричных и ярких сочинений Н. К. Метнера. Op. 52 – цикл из семи песен на стихотворения А. Пушкина для голоса с фортепиано (1929).

³⁷⁷ Потерянные детские брюки расцвели, как роза (нем.).

³⁷⁸ Выше в письме Ильин предлагает Метнерам сообща поселиться где-нибудь «в Африке, у подножия Килиманджаро, или в Мексике у подножия Попокатепетли? А есть еще и другие вулканы...».

³⁷⁹ Имеется в виду статья Ильина «Музыка и слово: (К концерту Н. К. Метнера)» // «Возрождение», № 3486 от 19.12.1934. См. Ильин И. А. Собр. соч. в 10 тт. Т. 6, ч. 2. – М.: Русская книга, 1996. С. 311–316. Также комм. 358.

³⁸⁰ А-ля Капуль, под Капуля, капуль, капульчик (*фр.* à la Caroul) – модная в конце XIX в. мужская прическа, названная в честь известного французского тенора Виктора Капуля. Соотнеслась с образом франта и дамского угодника и, ставшая спустя годы особенно популярной среди малообразованных обывателей, со временем приобрела соответствующую славу: стриженный под Капуля уверен, что выглядит модно и франтовато, и не замечает, что воспринимается оружающими как дурак.

³⁸¹ В сохранившейся переписке письмо с такой датой и этим стихотворением отсутствует. Печатается по «собранию», где имеется в рукописном и машинописном вариантах. Однако, например, в письме Метнерам от 01.05.1935 Ильин пишет: «До свидания, милые, постылые Карапеты».

³⁸² Откр. 13, 18.

³⁸³ Вариант из отдельной рукописи с этим стихотворением: зримо.

³⁸⁴ Т. е. слова «Дорогие Коля и Анюта! ... творчеством!».

³⁸⁵ Аллюзия на стихотворение А. С. Пушкина «Что в имени тебе моем?»

³⁸⁶ Ииуй – израильский царь. См. 4 Цар. 9–10.

³⁸⁷ Печатается по оригинальной открытке. Для «собрания» Ильин, видимо пытался восстановить утерянный текст: в нем име-

ется рукописный черновик, где явно постепенно восстанавливались строки и перечеркивались новые продолжения. Окончательно восстановленный текст (машинопись) отличается от оригинала пунктуацией и заменой оба раз «от» на «без».

³⁸⁸ Стихотворения объединены Ильиным в цикл в «собрании». Название ему дано нами. Даты уточнены по письмам-открыткам с оригиналами. Последняя открытка, видимо, утрачена.

³⁸⁹ Скорее всего, имеется в виду селение под Москвой, по Курской дороге (ныне в черте Москвы, срв. ул. Перерва; срв. также Перервинский монастырь). Перерва стала широко известной после крупной железнодорожной катастрофы, произошедшей на одноименной платформе в 1930 г. (столкнулись два пассажирских поезда, погибли 16 и были ранены 46 человек), а также – после одноименного стихотворения-фельетона в газете «Правда» отозвавшегося на трагедию Демьяна Бедного, за которое он был раскритикован (если не затравлен) в советской прессе.

В письме Метнерам от 04.08.1946 (отрывок из которого публикуется следом) Ильин, описывая свое болезненное состояние, писал: «Помните, я Вам писал в 1939 году: “мы две стервы, из Перервы, растрепавшие все нервы”... А Вы не приняли всерьез. А вышло пророчество».

³⁹⁰ Пуркуа (*фр.*, pourquoi) – почему; Дьё сэ куа (*фр.*, Dieu sait quoi) – Бог весть, что.

³⁹¹ В обоих вариантах «собрания» (рукописном и машинописном) второе и третье четверостишия (от конца) переставлены местами.

³⁹² В обоих вариантах «собрания» пп. 2 и 3 переставлены местами.

³⁹³ В вариантах «собрания» вместо «И создал» – «Причинив».

³⁹⁴ В рукописи собрания вместо «Вопрошая» – «Так вздыхая», в машинописи – «Провздыхавши».

³⁹⁵ Avenue du Ranelagh – переулок в 16-м округе Парижа.

³⁹⁶ Переплут – мифический персонаж у восточных славян, сродни демону.

³⁹⁷ Апёпре (*фр.*, à peu près) – приблизительно; Дюпрэ – видимо, rue Duperré – переулок в 9-м округе Парижа, или же rue du Pré – улица в 18-м округе; пассаж клутэ (*фр.*, passage clouté) – пешеходный

переход; Марсель – здесь, по-видимому, rue de Marseille – переулок в 10-м округе Парижа, но чуть ниже – приморский город на юге Франции; Медон (Meudon) – юго-западный пригород Парижа на южном берегу Сены; Этуаль – видимо, place de l'Étoile (площадь Звезды) – площадь в западной части 8-го округа Парижа, с 1970 – площадь Шарля де Голля.

³⁹⁸ Из незавершенного (*фр.*).

³⁹⁹ В «собрании» имеется черновик Ильина – видимо, попытки восстановить стихотворение по памяти. Варианты черновика: «Сразу в терцию ты вскрикнул // И вторую тему дал»; «И тотчас же все потомство»; «И Танеев взволновался // И Чайковскому сказал // Вот (Ишь) – с сонатой в <нрзб.> // Тайну гения открыть»; «И Сафонов был в смущенье ... И Чайковский умилился».

Знаменитый русский композитор Сергей Иванович Танеев (1856–1915) и не менее знаменитый пианист и дирижер Василий Ильич Сафонов (1852–1918) – оба учили Н. К. Метнера (иногда Метнера как исполнителя называют пианистом школы Сафонова), Танеев же был одним из тех, кто советовал Метнеру заниматься композицией.

⁴⁰⁰ Аллюзия на книгу Метнера «Муза и мода: Защита основ музыкального искусства». – Париж: YMCA-Press, 1935.

⁴⁰¹ Отточия свидетельствуют о незаконченности стиха. Корибанты (*греч.* Κορίβαντες) – мифические жрецы «великой матери богов» Кибелы или Реи во Фригии, сыновья Аполлона и музы Талии, отправлявшие свое служение в диком воодушевлении, с музыкой и танцами. «Пятый год дают без масла бутерброд» – намек на голодное время минувшей войны.

⁴⁰² Речь, видимо, о единственном квинтете Метнера: C-dur, без обозначения ор., для фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели (1904–1948).

⁴⁰³ Dich brauch ich, weil ich Ohren brauche (*нем.*) – Ты мне нужен, потому что мне нужны уши.

⁴⁰⁴ Имеется в виду пластинка с записью исполнения Метнером-солистом 23-й сонаты (ор. 57) Бетховена, готовившаяся к изданию (сама запись происходила 20–21 ноября и 9 декабря 1946 г. в Studio 3, Abbey Road – известной лондонской студии звукозаписи).

⁴⁰⁵ Неточно цитируются слав. текст Иов 42, 12: «ослиц стадных тысяща».

⁴⁰⁶ Boules de gomme (*фр.*) – шарики-тянучки (лекарство от кашля в виде конфет).

⁴⁰⁷ Видимо – посылка вернулась (воротилась) Ильину.

⁴⁰⁸ Аллюзия на выражение «ни зги не видно».

⁴⁰⁹ От *нем.* Entspannung – отдых.

⁴¹⁰ Имеется в виду Константин Евгеньевич Климов (1896–1974) – пианист, друг Метнера и Ильина.

⁴¹¹ В Архиве сохранился отдельный листок с иной редакцией этого стихотворения: «Скребши новой скряжкой пол, // Соскребь сто рябин, // Половой вопрос нашел // Композитор Скрябин. // Сей вопрос он вздел на нос // И, не взвидев света, // В музыкальный впал понос // Голубого цвета». Эта редакция проясняет смысл колкости о «скрябинском цвете» – Скрябин в последних своих сочинениях (симфоническая поэма «Прометей», 1910, неоконченная «Мистерия», 1903–1915) использовал созданную им «цветовую клавиатуру» – цветовые эффекты, позднее переросшие в очень популярные т. н. светомузыку или цветомузыку.

⁴¹² Хафиз – персидский поэт XIV в., писавший особыми (очень распространенными, впрочем, в поэзии Ближнего и Среднего Востока) строфами-газелями (написанное Ильиным их действительно напоминает, поскольку газели нередко используют, наряду с повторением рифм – повторения завершающих стихотворную строку слов). Афанасий Фет, переводчик Хафиза, на самом деле переводил на русский стихи Г. Ф. Даумера (1800–1875), немецкого поэта и философа, которые большей частью являются подражанием Хафизу.

⁴¹³ Печатаются по машинописям «собрания». В сохранившейся переписке не обнаружены.

⁴¹⁴ Переключка, почти цитата, со стихотворением А. С. Пушкина «Арион» (1927). Арион – древнегреческий лирический поэт и певец VII–VI вв. до Р. Х., по легенде – непревзойденный музыкант. Согласно Геродоту (История, I. Клио, 23–24), Арион плыл с богатыми сокровищами, заработанными пением, на корабле из Тарента в Коринф. Моряки, желая завладеть богатствами певца, выбросили его за борт, однако Арион был спасен дельфином и благополучно добрался до Коринфа.

⁴¹⁵ Это четверостишие появляется в письме Ильина Метнеру от 03.04.47.

⁴¹⁶ В оригинале отпечатано ровно 9 точек, что, видимо, должно означать «английское» (доказательство), но отчего такая зашифрованность, неясно.

⁴¹⁷ Гомель-Гомель – видимо, пародируется Баден-Баден. Предлог «з» – бел. и укр. «из», «с».

⁴¹⁸ От нем. *deprimieren* – удручить.

⁴¹⁹ См. ниже «Исповедь» поэта и профессора В. Н. Расстроева.

⁴²⁰ Возможно, речь о романсе Метнера «Мечтателю» на стихи А. С. Пушкина (ор. 32, № 6).

⁴²¹ Аллюзия на псевдобиблейское изречение «блажен, иже и скоты милует», сродное, впрочем, с Прит. 12, 10: «Праведник милует души скотов своих».

⁴²² Речь об издании повести писателя Ильи Дмитриевича Сургучева (1881–1956) «Детство Императора Николая II», основанной на личных воспоминаниях Владимира Константиновича Оллонгрена (1867–1943), сына первой учительницы будущего императора Александры Петровны Оллонгрен (1837–1901), ставшего, таким образом, соучеником царя и его другом детства. Книга Сургучева была издана в 1953 г. в Париже (издание журнала «Возрождение»). Шмелева издавало УМСА-Press (см., напр., *Шмелев И. С. Лето Господне: праздники, радости, скорби.* – Париж: УМСА-Press, 1948). За УМСА в заметной части русской эмиграции закрепилась «слава» масонской организации.

⁴²³ Суперлатив – превосходная степень.

⁴²⁴ Имеется в виду книга Н. К. Метнера «Муза и Мода», которую Ильин переводил на немецкий язык.

⁴²⁵ Заметим, что Ильин очень часто говорил и писал о *культуре* и почти ничего о *цивилизации*. Здесь объяснение его понимания этого вопроса: культура или цивилизация?

⁴²⁶ Т. е. Наталья Николаевна, супруга Ильина.

⁴²⁷ Печатаются по рукописям из Архива. Владимир Николаевич Расстроев – псевдоним Ильина, прототип которого – Василий Николаевич Строев, о котором, очень подробно, Ильин сообщает М. М. Федорову (Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) – российский государственный и, в том числе в эмиграции, активный

общественный деятель, участник Белого движения, друг Ильина) в письме от 22.06.1931 (оригинал хранится в Бахметевском архиве Колумбийского университета – Columbia University Libraries, Bakhtmeteff Archive, Ms Coll. Fedorov; опубл. в: *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. С. 338–341). Приводим здесь полностью часть, касающуюся В. Н. Строева, поскольку иначе смысл дальнейших стихотворений останется для читателя во многом скрытым:

«1. О Строеве. Он действительно очень нуждается, и нуждается не потому просто, что лишен заработка, а потому, что он почти нетрудоспособен. История его такова.

Еще до своего выезда за границу в 1924 году он находился в Петербурге в нервной клинике. Был выслан. Точную формулу его нервно-душевного расстройства я определить не могу. Его нельзя признать невменяемым, но в то же время он всегда чреват поступками, которые целиком ему не вменишь. В Русском Научном Институте он никогда не преподавал: декан С. Л. Франк, человек мягкий и добрый, и другие историки не решились пригласить его; он всегда может понести “не то”; он не держит ни ассоциацию, ни аффекта, срывается и ставит всех в неловкое положение. Академический Союз устроил ему небольшое пособие и жилище. Он преподавал в гимназии у Малышевой-Штейн; но потом она просила его прекратить уроки, вследствие того, что он не соответственно обходился с учениками и ученицами. Конфликт его с Акад. Союзом нарастал долго. Сначала Строев, не понимая своего состояния, объяснял отношение других к его преподавательским способностям личною интригою Франка; потом нашей общей интригой против него. Он приходил и требовал, устраивал дерзкие сцены; потом начал писать каждому из нас и всем другим о нас – всякие гадости, восхваляя себя (ему-де всю жизнь завидовали Ключевский и Платонов) и понося нас (что мы присланные агенты ГПУ – это было самое любезное из его выражений). Эти письма однажды пробили наше терпение. Вопрос об исключении Строева из Акад. Союза был поставлен. Он *не* прошел в первый раз: голоса воздержавшихся были сочтены, *против* исключения и 2/3 не набралось. Через некоторое время он был поставлен второй раз. В собрании Ак. Союза председательствовал я. Было постановлено на основании не прекращающихся

поношений и клевет Строева – предложить ему выйти из состава союза по собственному почину, если же он это предложение в течение месяца не примет, то “считать его выбывшим”. Он не вышел, и предложение Ак. Союза (в *моей* формуле) вступило в силу. Поток поношений и клевет с его стороны продолжался. Приблизительно в это же время он подал на Ясинского и профессоров Научного Института гадкий донос в Polizei-Präsidium [полицейское управление, полиция – *А. Л.*]; полицейский чиновник приходил и расследовал дело. А когда до него дошли резкие квалификации его поведения из уст Ясинского – то он привлек Ясинского к немецкому имперскому суду – суд окончился формальным примирением сторон. Правление Ак. Союза постановило за отсутствием средств прекратить ему пособие. Тогда мы, профессора Института, по моему предложению постановили отчислять от своего жалования (секретно от Строева) сумму пособия и передавать ему негласно через нейтральное лицо. Так и шло последние два года – он продолжал писать нам порознь и о нас оскорбительные письма, а мы отчисляли ему (“подлецы и гепеуки”) пособие; если же нам задерживали жалованье и мы не могли отчислить пособие вовремя, то письма возобновлялись. В этом отчислении я перестал принимать участие с осени, после того, как Строев присоединился к бывшему доценту сменовеховцу А. В. Познякову, который учредил здесь институт для внедрения знаний о Германии в русскую эмиграцию. Сей Позняков преподавал у нас в Институте до тех пор, пока не было установлено, что 1) он сотрудник Накануне, 2) что его жена служит в несоответствующих учреждениях, много разъезжает по Европе и посещает Москву, 3) что идут глухие толки о причастности Познякова к брожению на Балканах (взрыв Собора, etc.). После этого Позняков был удален из Института, держался тихо в течение нескольких лет и ныне, устроившись юрисконсультom в нефтяном деле, открыл свой институт (чтобы не сказать много) странного направления.

Вот все основное. Лаятельные письма Строева мы собираем в архиве Ак. Союза. Ныне – после того, как вся здешняя эмиграция в нем разобралась, он перенес свою кампанию в Париж. Он начал ее и в Ак. центре в Праге, но там успеха не имел. Запрашивал меня о нем Бурцев. Я посоветовал Бурцеву побудить Строева искать своих обид в открытом и честном третейском суде, а не в за-

очных письмах; пусть привлечет любого из нас к русскому суду чести – и дело выяснится. Бурцев так и сделал.

Нуждается ли Строев? Конечно, безусловно! Надо ли ему помочь? Конечно, надо. Зарабатывать он не сможет. Заработки его проваливаются вследствие его дефективности. И потому поддерживать его можно только в порядке каритативности. Теперь Позняков использует его вероятно, чтобы попытаться свести с нами счеты».

В Архиве сохранилось яркое письмо В. Н. Строева Ильину от 30 июня 1939 г. Приводим его полностью:

«Милостивый Государь,

Распорядитесь, чтобы неведомые “организации русской молодежи” перестали посылать мне приглашения слушать Вашу болтовню: я не могу платить за это 30, даже 50 пф., когда на обед мне ежедневно хватает не более 30 пф. после того, как меня оклеветали и отняли последние средства к существованию... Не может говорить о чести, у кого ее нет! не может говорить о правосознании, у кого его нет! Ведь правосознание то, что сказал своим детям наш великий Мономах: “не давайте сильным погубить слабого человека!..”

Однако я пишу не только по личным мотивам. Вчера возвращаюсь в Тегель очень поздно. Весь вагон был наполнен членами так наз. РОНД. Ваше имя произносилось с отборной руганью. Когда я спросил одного из них, чем провинился проф. Ильин, он с той же руганью заявил мне, что Вы инсинуировали против них и перед эмиграцией, и перед немцами. Они грозили Вас избить до полусмерти. Это – не Строев, ценза и стата которого не отрицают и его враги (есть доказательство). Несчастный, гонимый за правду, он только взывал к праву и справедливости!.. Эти избыют Вас так, что и не встанете, вспомните пример Гессена, – Вы тогда злорадствовали. Они не станут говорить о праве и справедливости. Для Вашего блага советовал бы Вам временно покинуть Берлин. Не раскаетесь, если послушаете меня.

Да, сбилось предсказание Меттерниха о банкротстве *нравственном* русского общества!..

Доброжелательный

В. Строев.

30/VI <1>933».

⁴²⁸ В. Н. Строева действительно не допускали до преподавания в Русском научном институте (см. в предыдущем комм. письмо Ильина) и исключили из Академического Союза – Союза русских академических организаций, объединившего в Праге в 1921 г. множество образовавшихся к тому времени в зарубежье русских академических групп – объединений эмигрировавших из России (или высланных из нее) ученых.

⁴²⁹ Имеется в виду Борис Николаевич Чичерин (1828–1904) – правовед, один из основоположников конституционного права России, философ, историк, педагог и публицист, химик и биолог (автор, в частности, одной из первых моделей атомного ядра). Оставил интереснейшие воспоминания. Несмотря на несомненную либеральность своих взглядов (Б. Н. Чичерина, как правило, относят к видным представителям т. н. западничества), был весьма ценим консервативными кругами Российской Империи, в том числе правительственными. Отсюда не удивительно преклонение В. Н. Расстроева перед личностью Чичерина и записывание себя в его ученики.

⁴³⁰ Философ Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) – автор многих работ по еврейскому вопросу, последовательный противник антисемитизма; «общеженское начало» – его концепция т. н. «Софии Премудрости Божией»; «Три разговора» (1899) – последнее его сочинение, своего рода завещание. «Самозванные профессора» Всеволод Иванович Ясинский (1884–1933), С. Л. Франк и И. А. Ильин – три последовательных директора Русского научно-го института в Берлине.

⁴³¹ 19 февраля (3 марта н. ст.) 1861 г. – день объявления манифеста об отмене крепостного права в России.

⁴³² Джон Стюарт Милль (1806–1873) – один из первых философов либерализма. Известен, в частности, тем, что начал изучать греческий язык в возрасте трех лет.

⁴³³ В письме Федорову (цит. в комм. 427) Ильин отмечает, что В. Н. Строев, восхваляя себя, писал, что ему завидовали Ключевский и Платонов (историк Сергей Федорович Платонов, 1860–1933).

⁴³⁴ Т. е. Алексей Николаевич, сын императора Николая II. Хотя, раз В. Н. Расстроев позиционирует себя (в стихотворении «Татьянин день») как знакомого Ломоносова, друга Погодина и предмет

восхищения Карамзина, может иметься в виду и сам Николай II в бытность наследником престола (1868–1894).

⁴³⁵ «О духе законов» – основное сочинение французского правоведа и философа-просветителя Шарля Монтескьё (1689–1755).

⁴³⁶ С. Ф. Платонов в первые годы после революции занимался, в частности, спасением (от расхищения и уничтожения) петроградских архивов и библиотек. В. Н. Расстроев как будто намекает на эту сторону деятельности Платонова.

⁴³⁷ Бунге Андрей Иванович (1875–1943) – юрист, сотрудник Русского научного института, один из авторов ильинского журнала «Русский колокол»; с 1932 г. – сотрудник берлинской газеты «Новое слово».

⁴³⁸ Плаксин Борис Николаевич – русский эмигрант, живший в Германии. Ильин неоднократно упоминает его в письмах 1950–1951 гг. Н. В. Борзову, см. *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 124–135.

⁴³⁹ Гефдинг Владимир Федорович (1887–1979) – экономист и публицист, литературный псевдоним В. Федоров; общественный деятель русской эмиграции, сотрудник всех изданий П. Струве. В Белом движении – в правительстве Добровольческой армии (отсюда ниже двукратное упоминание о нем как о генерале). Один из авторов «Русского колокола».

⁴⁴⁰ Очевидно, имеется в виду Александр Николаевич Бернштейн (1870–1922) – российский психиатр, один из первых российских психоаналитиков, первым описавший шизофреническое слабоумие. Один из основателей (1920) и первых директоров (с 1921 г. до смерти) Московского психоневрологического института (ныне Московский НИИ психиатрии).

⁴⁴¹ Позняков А. В. – сменовеховец, см. о нем в письме Ильина Федорову (цит. в комм. 427).

⁴⁴² Аллюзия на известное место (действие первое, явление I) пьесы Н. В. Гоголя «Ревизор».

⁴⁴³ Тейтель Яков Львович (1850–1939) – российский юрист и еврейский общественный деятель, в 1921–1933 гг. жил в Берлине. Аронсон – возможно имеется в виду Шломо Аронсон (1863–1935) – раввин, деятель сионистского движения, живший в Германии в 1921–1923 гг., но не исключено, что – скульптор

Наум Львович Аронсон (1872–1943) или литературовед, ученик Н. С. Трубецкого, Марк Исидорович Аронсон (1900–1937), до 1927 г. живший и учившийся в Вене, но в 1927 г. вернувшийся в СССР.

⁴⁴⁴ Шлиппе Федор Владимирович (1873–1951) – российский государственный деятель (директор департамента министерства земледелия), с 1920 г. эмигрант, жил в Берлине, активный общественный деятель. В 1927 г. масон (в русской берлинской ложе «Великий свет Севера»).

⁴⁴⁵ Имеется в виду С. Д. Боткин (см. комм. 298). Не исключено, что помещенные следом ответ от имени Боткина на экспромт Расстроева и ответ от имени фон Лампе на оба стихотворения на самом деле написаны самим Ильиным (все три сочинения печатаются по единой машинописи из Архива, подпись «А. А. Лампе» после последнего стихотворения сделана рукой И. А. Ильина; при этом первое стихотворение имеется в Архиве и в виде ильинской рукописи, но отличается от машинописи лишь пунктуацией).

⁴⁴⁶ Имеется в виду Николай Александрович Морозов (1854–1946) – революционер-народник, популяризатор науки и литератор, много лет проведенный в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, где занимался, в частности, астрономией, пытаясь приложить ее к истории: его идея о том, что древние библейские тексты являются не более чем отражением реальных астрономических наблюдений гораздо более поздних, чем предполагают традиционные датировки, христиан-астрономов, и вывод из нее о масштабной фальсификации историками человеческой истории спустя полстолетия получили «вторую жизнь» в сочинениях математиков М. М. Постникова (1927–2004) и А. Т. Фоменко. Стихотворение Ильина-Расстроева дает косвенное представление о том, что в 1930-е гг. такая идея могла рассматриваться не более чем курьез дилетанта-самоучки (хотя бы и очень талантливого, но серьезно не образованного).

⁴⁴⁷ Михаил Петрович Погодин (1800–1875) – русский историк, журналист и публицист, писатель и издатель, профессор Московского университета. Один из самых известных и «знаковых» русских консерваторов, близкий к славянофилам. Известен как собиратель древностей: его огромная коллекция рукописей и предметов

старины была приобретена в 1852 г. Николаем I для Публичной библиотеки, Эрмитажа и патриаршей ризницы.

⁴⁴⁸ Игра слов с намеком на обязательные возлияния в Татьянин день, которые «принимает утроба» (внутренность живота), тогда как благоутробие – означает благость, сердечность, милосердие.

⁴⁴⁹ Видимо, речь об актере Александре Михайловиче Кречетове (1885–1948).

⁴⁵⁰ Мануйлов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, ректор Московского университета в 1905–1911 гг., министр народного просвещения Временного правительства (1917). Стронник, подготовитель и осуществитель реформы правописания (1918).

⁴⁵¹ *In spe* (лат.) – в чаянии, в надежде, но здесь, скорее, – в замысле, в проекте.

⁴⁵² Разные свои стихотворения Ильин пытался записывать и упорядочивать под разными общими заголовками: «Более или менее отделанное по-русски» (Ильин оставил немало стихотворений на немецком языке, среди них, в частности, «Бесплатное приложение (иностраннный отдел)» к «Идиотике-Обормотике», см. Архив; их публикация – дело будущего), «Наброски, эпиграммы, шутки, начала по-русски», «Переписано на машинке», «Эпиграммы, пародии и т. п.» и, возможно, др. Все публикуемые ниже стихотворения печатаются по рукописным ильинским автографам или по машинописям из Архива. При этом предпочтение при разночтениях отдается рукописным вариантам. Машинописные, впрочем, как правило отличаются от рукописных лишь пунктуацией (заменой точек и восклицательных знаков на многоточия и т. п.). Все существенные отличия текстов, однако, каждый раз оговариваются. Датированные (самим Ильиным в рукописях или машинописях) стихотворения печатаются в хронологическом порядке, нарушенном лишь однажды, в стихотворениях, обращенных к Боссам. Порядок недатированных стихотворений, по возможности, выдерживает выстроенные самим Ильиным циклы и на хронологичность не претендует: точная датировка этих стихотворений – дело будущего исследователя.

⁴⁵³ См. комм. 257.

⁴⁵⁴ Т. е. тихо (от *ital.* piano). Впрочем, возможна игра слов.

⁴⁵⁵ Датируется по рукописи. В машинописи (отличающейся от рукописи незначительно; все добавления машинописи заключены в прямые скобки) другая дата – 1915 г.

⁴⁵⁶ Бавено – городок в Италии на берегу озера Маджоре. В машинописи приписка рукой Ильина: «Пародия на Венец Сонетов [«Венок сонетов» – А. Л.] Вячеслава Иванова». «Волхв сладчайший» – видимо, сам Вяч. Иванов.

⁴⁵⁷ Ohne sich melden (*нем.*) – никому не сообщив. Dem Wagen aus (*нем.*) – выйдя из повозки. Möslacher Haus (*нем.*) – дом Мосляхера. Velden, точнее Velden am Wörther See, – Фельден на Вёртер-Зе, ярмарочный город в Австрии на западном берегу озера Вёртер-Зе, одно из самых популярных в стране мест отдыха.

⁴⁵⁸ Караванке – горный хребет в Южных Альпах, естественная граница между Австрией и Словенией.

⁴⁵⁹ Rörtschach am Wörther See, Пёрчах на Вёртер-Зе – селение в Австрии, в Каринтии, на побережье Вёртер-Зе.

⁴⁶⁰ Князь Сергей Михайлович Волконский (1860–1937) – театральный деятель (директор императорских театров в 1899–1901 гг.), режиссер, критик, мемуарист и литератор. Эмигрант, с 1926 г. жил в Париже.

⁴⁶¹ Шлерн – гора на западе Доломитовых Альп, в Южном Тироле. Доломитовые Альпы (Доломиты) – исключительный по красоте горный массив в Южных Альпах. Горнолыжный курорт.

⁴⁶² Точнее, Seiser Alm (*нем.*) или Alpe di Siusi (*итал.*) – плато в Доломитах, крупнейший высокогорный альпийский луг (*нем.*, Alm) в Европе. Расположен в итальянской провинции Южный Тироль.

⁴⁶³ И. Н. Д. – по-видимому, псевдоним-мистификация Ильина (что стихи написаны самим И. А. Ильиным, следует из того, что вторым в цикле идет напечатанное выше стихотворение «Мирись, мирись, Митрополит...» из письма И. С. Шмелеву от 26.08.1934). Не расшифрован.

⁴⁶⁴ Стихотворение не окончено.

⁴⁶⁵ Аллюзия на Пс. 90, 5–6: «Не убиошися... от сряща и бе-са полуденнаго». «От сряща» – от нападения (неожиданного). Ильин, по-видимому, производит это несколько темное славян-

ское слово от сретения, встречи, т. е. здесь у него «полуденному бесу срящу» равносильно «(внезапно) встретившемуся полуденному бесу».

⁴⁶⁶ Строка вычеркнута. Здесь и далее в стихотворении вычеркнутые строки помещены нами в прямые скобки.

⁴⁶⁷ Т. е. про цепи (которые только и можно потерять пролетарию).

⁴⁶⁸ Т. е. с А. Ф. Керенским и «керенки» – деньги, бумажные денежные знаки, выпущенные Временным правительством в 1917 г., довольно долго и при большевиках служившие в разных местах страны единственной или же своего рода резервной валютой.

⁴⁶⁹ В Архиве хранится фотография К. А. Офросимовой.

⁴⁷⁰ Хариты (от *греч.* *χαρίς* – радость) – в древнегреческой мифологии три богини веселья и радости жизни, олицетворение изящества и привлекательности. Соответствуют римским грациям. Ниже упоминается также Эреб – в греческой мифологии олицетворение вечного мрака.

⁴⁷¹ Первоначальный вариант: И к пристани твоей.

⁴⁷² Столыпин Аркадий Петрович (1903–1990) – писатель, публицист, журналист. Сын Петра Аркадьевича Столыпина. В 1920 г. вместе с родными спасся от большевистских частей на идущем в Варшаву поезде Красного Креста. Друг И. А. Ильина.

⁴⁷³ Тальма – короткий плащ-накидка без рукавов, назван по имени знаменитого французского актера Франсуа-Жозефа Тальма (1763–1826).

⁴⁷⁴ Эту строфу, приписывая ее Питириму Равке, Ильин цитирует в своем письме Шмелеву от 11.08.1932 (опубл. выше в наст. томе).

⁴⁷⁵ Подтяжки.

⁴⁷⁶ Тереза Франсуаза Олимпия Гамба, графиня Гвиччиоли (1800–1873) – итальянская аристократка, сердечная подруга лорда Байрона.

⁴⁷⁷ Виноградов Николай Дмитриевич (1868–1936) – историк философии, профессор. См. комм. 119 к III части наст. изд.

⁴⁷⁸ Поляков Владимир Георгиевич (1887–1985) – певец, гитарист, исполнитель русских и цыганских песен и романсов.

⁴⁷⁹ Спасович Владимир Данилович (1829–1906) – знаменитый адвокат, публицист, критик и историк польской литературы, общественный деятель.

⁴⁸⁰ Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – известный литературовед и этнограф.

⁴⁸¹ В Архиве имеется, видимо, ответ на это стихотворение и, видимо же, принадлежащий А. П. Столыпину (печатается по не ильинской рукописи, автор не указан):

Посвящается Ивану Александровичу Ильину

Разинув рот бездонной бездной,
Как пес, я лаю на луну...
Последний вечер наш трапезный
Я в этой песне помяну...

Вдали уж мчится по тропинке
Из Обербоцена Вадим,
Несет сыры он и сардинки...
А вот сестра спешит за ним...

Кричит: купи варенья банку
И полбутылочки вина.
Вот появилась гувернантка,
Грядущим очень смущена.

На всех глядит она так кротко...
Но вот шагов далекий пуд,
Видна курчавая бородка
И все кричат: Они идут!

Навстречу я бросаюсь буре
И вижу, сам он вдалеке
Идет в клетчатом гарнитуре
С тетрадкой синею в руке –

И улыбается лукаво!
Давно к победам он привык!
Профессор! почести и славы
Достоин смелый Ваш язык.

КОММЕНТАРИИ

Вы враг жидам и кровопийцам,
Разгромлен Вами езуит.
Вы, бросив громы с Доломит,
Отверзли правду евразийцам.

Печать позора их клеймит!
И здесь средь нас бывая много,
Пленяли мудростью речей,
Но за столом стояли строго
За добросовестность харчей...

А где же? Где Ваша Мадама?!
Куда она пропала вдруг?
Ее возвышена программа
Ей Боттичелли верный друг!

Быть может на закат взирая
И осторожность позабыв,
Она попалась деве рая,
Чей лик как пухнувший нарыв?

Чьи икры манят, точно дыни,
Чьи ляжки полны красоты.
«Ах ножки, ножки, где вы ныне,
Где мнете вешние цветы!»

...За стол пора, давите пасту,
Грызите все бифштекса кость.
Вот, впопыхах вздыхая часто,
К столу спешит последний гость...

Вот жирный окорок вестфальский,
Вот с рисом алый помидор,
Кустарный соус мой провансальский
Дрожащей массой манит взор...

Вот слышен вилок шум железный
И поманило всех к вину...

Последний вечер наш трапезный
Я этой песней помяну!

Бряцать я буду скромной лирой,
Воспеть стараясь дух и плоть!
Увы! Увы! бичем сатиры
Не одарил меня Господь!

Памфлетной мне грозят тетрадкой...
Но что же лучше, злобный род:
В стихах кусаться мертвой хваткой,
Иль вдаль смотреть, разинув рот?

Обербоцен.

Август 1925 г.

«Отверзли правду евразийцам...» – об отношении И. А. Ильина к евразийству и евразийцам см., напр., *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 811. «Где Ваша Мадама?!.. Ей Боттичелли верный друг» – Н. Н. Ильина, см. комм. 261.

⁴⁸² Soprabolzano (*нем.*, Oberbozen) – городок в итальянской провинции Больцано в Южном Тироле.

⁴⁸³ Впервые опубликовано в парижской газете «Россия и славянство», № 40, 1929.

⁴⁸⁴ Лейхтенбергский Георгий Николаевич (1872–1929) – герцог, принц де Богарне (Beauharnais), сын члена российского императорского дома князя Николая Максимилиановича, герцога Лейхтенбергского. В Баварии владел замком Зеон (Сеон, Kloster Seeon), принадлежавшим его семье с 1852 по 1934 гг.

⁴⁸⁵ Bolzano (*нем.* Bozen) – город в Италии, столица провинции Больцано.

⁴⁸⁶ Перевод *итал.* слов: treno – поезд; Пьяченца (Piacenza) – город в Италии на берегу По в одноименной провинции; «деченцы» – от *descenza* – приличие; *momento* – момент, миг; *pavimento* – здесь: пол; «спорджерзнул» – от *sporgerere* – здесь: высовываться; *fermata* – здесь: остановка, станция; «проникнув в ритирату» – обратившись в бегство, от *ritirata* – отступление, бегство; «априв порту» – от *aprire* – открыть и *porte* – дверь; «камышью неру» – от *camicia* (рубашка) и *nera* (чер-

ная) – чернорубашечник, т. е. представитель организованной Б. Муссолини Добровольной милиции национальной безопасности – вооруженных отрядов Национальной фашистской партии Италии.

⁴⁸⁷ Santa Margherita Ligure – поселение в Италии, в провинции Генуя региона Лигурия.

⁴⁸⁸ Вариант машинописи: И не знаю я.

⁴⁸⁹ Вариант машинописи: Прежде был у меня.

⁴⁹⁰ Речь о композиторе Артуре Винченце (Науме Израилевиче) Лурье (1892–1966), представителе музыкального футуризма и русского музыкального авангарда XX в. Лурье в 1918–1921 гг. работал начальником Музыкального отдела Наркомпроса (Музо). С 1921 г. эмигрант. Анна Ахматова посвятила ему ряд своих стихотворений.

⁴⁹¹ Вариант машинописи: Самый стих.

⁴⁹² См. комм. 298.

⁴⁹³ «Видел татарин во сне кисель, да ложки не было; лег спать с ложкой – не видал киселя» (см. В. И. Даль. Пословицы русского народа).

⁴⁹⁴ Т. е. как пророк Исаия: Ис. 20, 1–6.

⁴⁹⁵ «Coty» – французско-американская фирма, основанная в 1904 г., производитель косметических продуктов, в том числе духов.

⁴⁹⁶ Вариант машинописи: померкнущих.

⁴⁹⁷ Вариант машинописи: И тротуары – все в плевках.

⁴⁹⁸ Н. Н. Ильина. Домовой // Русский колокол, № 9, часть I, 1930. См. также *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 28]. Русский Колокол: Журнал волевой идеи. – М.: ПСТГУ, 2008. С. 757–763.

⁴⁹⁹ Стихотворение написано на обороте карточки меню обеда, на которой указана дата 14.08.1930.

⁵⁰⁰ Записка сохранилась в Архиве: Ильин цитирует ее очень точно, лишь увеличивая количество строк и не воспроизводя восклицательные знаки. Подпись: «Поклонницы и доброжелатели (просят огласить вслух это письмо)».

⁵⁰¹ См. комм. 438.

⁵⁰² Pruderie (*фр.*) – преувеличенная стыдливость, показная добродетель.

⁵⁰³ Имеются в виду знаменитые московские рестораны «Стрельна» и «Яр».

⁵⁰⁴ Т. е. сифилис, называвшийся также люэс (от *лат.* lues – зараза).

⁵⁰⁵ См. чуть выше первое примечание Ильина к предыдущему стихотворению («Послание Плаксину»).

⁵⁰⁶ Раёк – своеобразный народный театр, представляющий собой небольшой ящик с двумя увеличительными стеклами впереди, внутри которого переставляются картинки или перематывается с одной катушки на другую бумажная полоса с изображениями разных городов, великих людей и событий.

⁵⁰⁷ Бискупский Василий Викторович (1878–1945) – генерал от кавалерии. Эмигрант с 1919 г., монархист-легитимист (см. комм. 671). Бискупский жил в собственной квартире в центре Мюнхена, в которой после провала «пивного путча», по легенде, непродолжительное время скрывался Адольф Гитлер. Не забыв оказанной ему услуги, Гитлер назначил Бискупского руководителем «Бюро русских эмигрантов» в Шарлоттенбурге, находившегося под наблюдением Гестапо, а затем, в мае 1936 г., – начальником Управления делами российской эмиграции в Берлине.

⁵⁰⁸ Таборицкий Сергей Владимирович (1897–1980) – русский националист-монархист, редактор журнала «Луч света», совместно с П. Н. Шабельским-Борком участник покушения на П. Н. Милюкова, убийца В. Д. Набокова (одного из лидеров партии кадетов, в марте-мае 1917 г. бывшего управляющим делами Временного правительства; отца знаменитого писателя), пытавшегося удержать открывшего стрельбу Шабельского. В 1936–1945 гг. заместитель руководителя Бюро для русских беженцев в Германии, член нацистской партии, действовал в тесном контакте с Гестапо.

⁵⁰⁹ Шабельский-Борк Петр Николаевич (настоящее имя – Петр Никифорович Попов; 1893–1952; Шабельский-Борк – псевдоним, взятый в честь сильно повлиявшей на него Е. А. Шабельской-Борк, русской писательницы и актрисы, идейной монархистки) – офицер-кавалерист, правый публицист, участник покушения в марте 1922 г. в Берлине на лидера кадетов П. Н. Милюкова. После прихода к власти Гитлера занимался созданием нацистских групп среди русских эмигрантов. В Управлении делами российской эмиграции Шабельский-Борк стал секретарем Бискупского, с которым был близко знаком и до войны какое-то время жил в одной квартире,

а также заместителем председателя Русского национального союза участников войны генерала А. В. Туркула.

⁵¹⁰ Имеется в виду Фабрициус-де-Фабрис Николай Федорович. «На публичной «елке» для детей я встретил в 1933 году в Берлине Николая Федоровича Фабрициуса-де-Фабрис. В двадцатых годах он был за что-то выслан поляками из Варшавы и переехал в Берлин. Это человек умный, но в высшей степени себе на уме и склонный к интриге, тогда представитель Великого Князя Кирилла Владимировича на Германию и большой друг католиков. <...> Впоследствии его репутация была сильно замарана в Мюнхене (остатки Врангелевской казны, совместные интриги с Серафимом Ляде и педерастия)» (*Ильин И. А.* Встречи и беседы, № 140 (97); см. в: *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 368).

⁵¹¹ Видимо, имеется в виду Остен-Сакен Николай Владимирович (1879–1948) – полковник, участник Первой мировой войны и Белого движения. С 1922 г. жил во Франции. Был нетрудоспособен из-за тяжелой контузии.

⁵¹² Видимо, речь об Ольге Михайловне Лермонтовой (фон Лерхе, 1875–1960), супруге Германа Германовича Лерхе (1868 или 1869–1963) – одного из основателей «Союза 17 октября» (партии октябристов), члена III Государственной Думы от Санкт-Петербурга, в эмиграции жившего во Франции.

⁵¹³ Ревир (от *нем.* Revier – участок, огороженный или просто с четкими границами) – здесь: (огороженный) лагерный госпиталь.

⁵¹⁴ Рындина (сценический псевдоним, наст. фамилия Брылкина, в замужестве – Соколова) Лидия Дмитриевна (1883–1964) – актриса театра и кино, писательница. Жена С. А. Соколова (см. ниже комм. 672). В эмиграции с 1919 г., жила в Вене, затем в Германии и Франции.

⁵¹⁵ Митрополит Серафим (Ляде, *нем.* Lade; 1883–1950) – епископ Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) немецкого происхождения. С 1938 г. – Берлинский и Германский.

⁵¹⁶ Архиепископ Тихон (Лященко; 1875–1945) – епископ РПЦЗ, в 1924–1938 гг. архиепископ Берлинский и Германский. Причинами увольнения в 1938 г. архиеп. Тихона называются и финансовые на-

рушения в епархии. См., напр., *А. А. Кострюков*. Русская Зарубежная Церковь в 1939–1964 г.: Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. – М.: ПСТГУ, 2015. С. 57.

⁵¹⁷ Иоанн (кн. Шаховской) (1902–1989) – архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (Православная Церковь в Америке), знаменитый духовный писатель и проповедник.

⁵¹⁸ Левашов Владимир Сергеевич (?–1963) – журналист (псевдоним – А. Морелли), до 1945 г. секретарь архиеп. Тихона (Лященко).

⁵¹⁹ Барон Александр Владимирович Меллер-Закомельский (псевдоним А. Мельский; 1898–1977) – офицер кавалерии, участник Белого движения. Публицист, заметный деятель русского национал-социалистического движения в нацистской Германии, член РОНД (см. след. комм.).

⁵²⁰ Ирония в том, что Генрих Пельхау (1902 – после 1943) и Андрей Светозаров – одно лицо: Пельхау, под именем Андрея Светозарова, был главой и вождем Российского освободительного национального движения (РОНД) – русской национал-социалистической организации со штабом в Берлине, просуществовавшей в разных «обличиях» с 1933 по 1939 г. (под таким названием – только в 1933 г.).

Из воспоминаний поэта Георгия Иванова «По Европе на автомобиле» (гл. 5. От Пельхау до Скоропадского):

«Это было бы смешно, когда бы для некоторых эмигрантов не было грустно. Всем известна судьба представителя РОВС в Германии, полковника Лампе, отсидевшего в тюрьме 3 месяца в чрезвычайно тяжелых условиях, которому немецкие газеты не постеснялись приписать самые тяжкие обвинения в шпионаже. И как ни кричал на рондовских собраниях Пельхау: “Я буду бить по морде каждого, кто осмелится сказать, что Лампе сидит из-за доносов «Ронда»!” – берлинская молва приписывает именно “Ронду” этот арест. Меньшая неприятность, но тоже приписанная “Ронду”, произошла даже с таким восторженным поклонником немецкой национал-социалистической революции, как проф. И. А. Ильин.

К культурнейшему И. А. Ильину явился один из приближенных Андрея Светозарова, г. Меллер-Закомельский, специалист по “Протоколам сионских мудрецов”, с предложением вступить

в “Ронд”. Неизвестно, что там говорили Ильин с Меллер-Закомельским, только в публичном собрании “Ронда” Меллер-Закомельский доложил, что профессор Ильин осмелился сказать, что “в организацию растленной сволочи он не вступает!”. Эта фраза вызвала дикий вопль. Тут припомнили острофы Ильина о “родине и рондине”, о “Луна-парке и лупанарке”. И – факты остаются фактами – в один прекрасный вечер, после обыска, грузовик увез профессора Ильина на допрос в полицейпрезидиум. Правда, сгоряча уехав отдохнуть в Италию, профессор Ильин благополучно возвратился в Берлин, а к этому времени “Ронд” уже, по расцветии, отцвел в утре пасмурных дней». (Цит. по *Иванов Г. В.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 2. Проза. – М.: Согласие, 1993. С. 351–352).

Остроты Ильина: о «родине и рондине» – игра слов: «рондина» – РОНД; о «Луна-парке и лупанарке» – также игра слов: лупанарий (лупанар) – публичный дом в Древнем Риме, размещенный в отдельном здании (от *лат.* *lupa*, волчица, – так в Риме называли проституток). См. также ниже стихотворение «Лунапарк».

Цитированное выше в комм. 427 письмо В. Н. Строева Ильину также добавляет ярких красок, иллюстрирующих *действительное* отношение Ильина к фашизму и национал-социализму (и фашистов, в данном случае РОНДовцев, к нему).

⁵²¹ Здесь та же игра: Бермон(д)т-Авалов, Павел Рафаилович (1877–1974) – русский офицер, генерал-майор (1919), представитель прогерманского течения в Белом движении в Прибалтике. В 1933 г. занял (вместо Пельхау-Светозарова) пост главы «Партии российских освобожденцев – Российского Национального и Социального Движения» (РНСД), пришедшего на смену закрытому РОНД. См. *Idid.*, стр. 352–353. В 1939 г. арестован Гестапо, а в 1940 г., по личному ходатайству Муссолини, выслан в Италию, затем переехал в Белград, а оттуда – в США.

⁵²² Н. Е. Марков (Марков Второй). См. ниже эпиграмму на него и комм. 632 к ней.

⁵²³ Н. Д. Тальберг. См. ниже эпиграмму на него и комм. 640 к ней.

⁵²⁴ Деспотули Владимир Михайлович (1885–1977) – участник Первой мировой войны (персидской ее кампании), публицист, с 1922 г. – администратор кафе «Наш век», где любили собираться

литераторы-эмигранты. Неоднократно избирался секретарем Союза русских журналистов и литераторов в Германии, действовавшего в 1920–1935 гг., в последние годы во главе с Ильиным. Издатель (в 1933–1944 гг.) русскоязычной газеты «Новое слово», поддержанной А. Эртом (см. комм. 531). Стал членом, а в 1938–1939 гг., вплоть до его роспуска-запрета властями, был одним из руководителей РНСД (см. комм. 521). Деспотули, пользуясь связями с нацистами, помогал своим друзьям еврейского происхождения, в частности Жаку Нуару (Якову Вигдоровичу Окснеру; 1884–1941), поэту-сатирику и фельетонисту, которому помог в 1936 г. эмигрировать из Германии в Румынию. Был арестован Гестапо в 1943 г. в ходе кампании против НТС (Народно-трудовой союз российских солидаристов), находился под домашним арестом. После поражения Германии был арестован советскими властями и в течение 11 лет находился в лагерях.

⁵²⁵ Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) – генерал-лейтенант русской армии, после революции 1917 г. – украинский военный и политический деятель; гетман всея Украины с 29 апреля по 14 декабря 1918 г. После падения гетманщины жил в Германии. Однако, быть может, имеется в виду его сын Даниил Павлович Скоропадский (1904–1957), с 1932 г. помогавший отцу в управлении т. н. Гетманским движением.

⁵²⁶ Дашкевич-Горбачкий, Владислав Владиславович (1879–1952) – генерал-майор, участник Первой мировой войны, в армии Украинской Державы – начальник Собственного Пана Гетмана Штаба. Участник Белого движения на восточном фронте (от А. И. Деникина получил отказ, пытаясь вступить в Вооруженные силы юга России, ВСЮР). С 1922 г. жил в Германии, был арестован наступавшими советскими войсками в 1945 г. и умер в лагере.

⁵²⁷ По-видимому, имеется в виду генерал-лейтенант Константин Вячеславович Сахаров (1881–1941) – видный деятель Белого движения в Сибири. Автор воспоминаний (скорее всего, Ильин намекает именно на них), в которых снимал с себя значительную долю ответственности за поражение белых в Сибири, обвиняя в гибели режима А. В. Колчака евреев, агентов Антанты и США, эсеров. В 1933 г. вступил в РОНД.

⁵²⁸ Роберт Зиверт (Robert Siewert; 1887–1973) – видный деятель немецкого рабочего движения, участник Первой мировой войны, солдатом служивший на восточном фронте, и германской Ноябрьской революции 1918 г., избирался в Совет солдатских депутатов, после – член Коммунистической партии Германии. В 1933 г. был арестован, обвинен в государственной измене и, после трех лет заключения, направлен в концлагерь Бухенвальд, где стал одним из руководителей подпольного сопротивления нацистам.

⁵²⁹ Войцеховский Сергей Львович (1900–1984) – поэт и публицист, активный общественный деятель русской эмиграции. С 1921 г. жил в Варшаве, в 1930-е гг. был председателем правления Российского общественного комитета в Польше, оказывавшего правовую и иную помощь русским эмигрантам. Защищая интересы русской эмиграции в Польше, как перед польскими властями, так и, после оккупации, перед немецкими, создал Русский общественный комитет в Варшаве, который после немецкой оккупации Польши был преобразован в «Руссише Фертрауенштелле» (Vertrauensstelle – центр доверия). Встречался с рядом влиятельных лиц немецкой администрации (о встречах с Розенбергом сведений нет). Был корреспондентом русскоязычной берлинской газеты «Новое слово».

⁵³⁰ Розенберг Альфред Эрнст (1893 – 1946) – государственный и политический деятель нацистской Германии; один из наиболее влиятельных членов, идеолог Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

⁵³¹ Эрт Адольф (1902–1975) – немецкий общественный деятель, публицист, сын германского консула в Саратове, до 1915 г. живший в России. В 1931–1933 гг. сотрудник Евангелического пресс-объединения Германии, боровшегося с советской антирелигиозной пропагандой; печатался под псевдонимами Доктор ***, Доктор Адольф и Доктор Карстен. В начале 30-х гг. вступив в НСДАП, в 1933–1937 гг. был главой II/4 министерства пропаганды Германии, возглавляя т. н. Антикоминтерн (Общий союз германских антикоммунистических организаций).

Соавтор Ильина по книге *Entfesselung der Unterwelt: Ein Querschnitt durch die Bolschewisierung Deutschlands* (Развязывание преисподней: Поперечный разрез большевизации Германии), von Dr. Adolf Ehart und Dr. Julius Schweickert (Доктор Юлиус Швей-

керт – псевдоним И. А. Ильина). – Берлин-Лейпциг, 1933. Собственно, Ильину принадлежат в книге лишь последние страницы: 299–321, на которых опубликована его статья «Die Entstehung des Bolschewismus aus der geistigen Krise der Gegenwart» (перевод: «Возникновение большевизма из духовного кризиса современности») опубл. в *Ильин И. А. Собр. соч.* в 10 тт. Т. 7. – М.: Русская книга, 1998. С. 116–141). 16 ноября 1933 г. Эрт стал председателем Попечительского совета Русского научного института в Берлине, директором которого был тогда Ильин, однако уже в следующем году институт был закрыт властями Германии (три яркие официальные записки-уведомления А. Эрта от июля 1934 г., адресованные проф. Ильину, сохранились в Архиве и опубликованы в: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. С. 460–461).

Вот что писал об этих событиях ученик Ильина Алексей Александрович Квартиров: «После прихода к власти Гитлера в 1933 году у Ивана Александровича, который был профессором при Берлинском университете, назрел конфликт с немецким министерством пропаганды. В это время Геббельс был назначен министром пропаганды и просвещения и начал сильную борьбу против евреев. Помощником Геббельса по Восточной Европе был назначен Эрт, который до русской революции проживал в России и блестяще говорил по-русски. Эрт, следуя общей политике немецкого правительства, потребовал от профессоров университета, чтобы они включились в антиеврейскую пропаганду и выступали в этом направлении перед студентами. Эрт обратился также и к И. А. с этим требованием. И. А. отказался следовать этим указаниям и в середине тридцатых годов был уволен из университета» (*Русское возрождение*, № 23, 1983. С. 135).

В плане (частично написанных после) мемуаров Ильина «Встречи и беседы» (все написанное и сохранившееся опубл. в: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 320–383) имеются следующие пункты:

49. *Рассказ И. Я. Штенцеля об Эрте и моем масонстве.*
62. 1934 весна – разговор с Эртом: кафедра и антисемитизм.
91. Мой предпоследний разговор в Гештапо (об Эрте, сент. 1937).

⁵³² Любопытное свидетельство: Ильин, получается, не сомневался, что знаменитый поджог Рейхстага 27 февраля 1933 г. был осуществлен самими германскими нацистскими властями.

⁵³³ Краснов Петр Николаевич (1869–1947) – генерал-майор, атаман Всевеликого войска Донского, видный деятель Белого движения, писатель и публицист. С 1936 г. жил в Германии, получив германский паспорт (возможно, именно на это намекает Ильин, говоря «к врагам перебежал»); напомним, что стихотворение датировано 1937 г.). С первого дня наступления Германии на СССР поддерживал Гитлера; в частности, 31 марта 1944 г. возглавил созданное в Имперском министерстве восточных оккупированных территорий нацистской Германии Главное управление казачьих войск. В мае 1945 г. был взят в плен английскими войсками, передан вместе с еще 2,5 тысячами казачьих офицеров английскими властями Советскому Союзу, этапирован в Москву, осужден и в 1947 г. казнен.

⁵³⁴ Срв. публикуемую ниже статью «Русский русскому брат».

⁵³⁵ Также любопытное свидетельство о *действительном* отношении Ильина к евреям и антисемитизму. Ильин нередко в своих работах, как бы в ответ всем антисемитам, высказывает мысль о том, что «негоже отдавать монополию на всемирное зло евреям». Ильин мог писать о евреях, иудеях, сионистах саркастические стихотворные строки (таковых немало в настоящем издании), иронизировать над ними или, напротив, высказывать не самую приятную для них, но отражающую известную реальность, правду (напр., «Коммунисты – все жида» – вариант, видимо, не прошедший цензуру газеты «Возрождение» или самого Ильина в статье «Новые советские частушки» и замененный в итоге на «Коммунисты-вереды»; веред – нарыв, гнойник; см. ниже комм. 622), но Ильин никогда не проявлял и тени ненависти к евреям, ни к отдельным людям, ни к народу в целом, так что антисемитом может быть назван лишь по недоразумению. Об этом свидетельствует вся его жизнь. Его самым близким другом был однокурсник по юридическому факультету Московского университета Лазарь Моисеевич Меерович, которого он описывал с нежностью, отмечая его скромность и скорбь о его ранней смерти; он обожал свою двоюродную сестру красавицу Любовь Гуревич, еврейку по отцу, и вел с ней почти любовную переписку; жена Николая Метнера Анна Михайловна Братенши –

еврейка, с которой Ильин с супругой дружили долгие годы, письма к которой и до и после смерти Метнера Ильин писал многократно, предельно уважительно и даже по-дружески любовно; стал другом Ильина и еврейского происхождения Владимир Бари, проходивший с Ильиным по одному делу в ВЧК (см. о нем в третьей части настоящего тома). Причем их обоих защищали знаменитейшие российские адвокаты-евреи. Ильин не сторонился евреев, в отличие, например, от католиков и масонов, и тем более не проявлял к ним чего-либо похожего на национальную ненависть. Впрочем, хотя бы его собственное учение об «истинном национализме», которому он сам всегда следовал, не делая исключений, есть наилучшее тому свидетельство. Наконец, Ильин потерял работу в Русском научном институте в 1934 г., прямо отказавшись вести среди студентов согласно с нацистскими установками антисемитскую пропаганду. Отношение же Ильина к антисемитам было выражено презирующим; срв., напр., ниже его стихотворение «Мели, Емеля!» («Вот, хромой антисемит...»). Резюмировано оно в его записке «Антисемитизм» (см. *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 28]. Русский Колокол: Журнал волевой идеи. – М.: ПСТГУ, 2008. С. 807).

⁵³⁶ Во «Встречах и беседах» (№ 66) Ильин пишет: «В годы 1926–1938 мы с женой не раз подолгу живали в Гаутинге (Gauting bei München) в пансионе Софии Петровны Дурново (урожд. светлейшая Волконская), где и подружился с нею и с жившим у нее князем Николаем Борисовичем Щербатовым» (Ibid. С. 355). В первой части статьи «О политической клевете» (Новое время, № 1797 от 29.04.1927; см. также: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 538–539) Ильин выступил в защиту бывшего министра внутренних дел Российской империи (июнь–сентябрь 1915 г.) князя Николая Борисовича Щербатова (1868–1943).

⁵³⁷ Субботин Сергей Александрович – брат Ольги Александровны Бредиус-Субботиной (1904–1959), ученицы Ильина и многолетней корреспондентки и друга И. С. Шмелева. Стихотворение публикуется по рукописи, в прямых скобках – заимствования и расшифровки фамилий из машинописи.

⁵³⁸ Возможно, проживавший в немецком городе Лемго (Lemgo) русский эмигрант Николай Степанович Орлов, регент (хормей-

стер) и организатор пропагандистских поездок немецкого общества «Russische Bruderhilfe» («Русская братская помощь»), в которые приглашал в качестве лектора И. А. Ильина. См. подробнее: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 447–448. Также из письма Ильина Шмелеву от 08.02. 1936: «Езжу по стране, вместе с правосл. русским хором, говорю с кафедр о гонениях на церковь в СССР. Организация называется «Русская братская помощь». Организация немецкая» (см. *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 16.] Переписка двух Иванов (1935–1946). – М., 2000. С. 123). Несколько переводов немецких статей Ильина, изданных обществом в Лемго, см. в 7 томе настоящего Собрания сочинений.

⁵³⁹ Мельский – псевдоним Меллер-Закомельского, см. комм. 519.

⁵⁴⁰ На полях рукописи рукой Ильина указано: «(Н-Т-С-Н-П)», т. е. Национально-трудовой союз нового поколения (более распространенное сокращение – НТС) – политическая организация русской эмиграции, образована в 1930 г. Существует до сих пор (называясь, впрочем, еще с довоенных времен, Народно-Трудовым Союзом российских солидаристов).

⁵⁴¹ См. комм. 507.

⁵⁴² Аллюзия на Лазаря Четверодневного, воскрешенного Господом Иисусом Христом на четвертый день после его смерти (см. Ин. 11, 1–44). Видимо, С. А. Субботин провел в клинике пять дней.

⁵⁴³ Т. е. вдвоем с кем-то.

⁵⁴⁴ Знак вопроса около даты, проставленной рукой Ильина на первом экземпляре машинописи, тоже принадлежит Ильину. Рукопись отсутствует. Однако большая часть строф этого стихотворения, под тем же названием встречается в третьем выпуске опубликованной выше «Идиотики-Обормотики».

⁵⁴⁵ Первоначально в стихотворении было 16 строф: окончательные 13-я и 16-я написаны позже и вставлены в стихотворение автором, что повлекло проделанную им же перенумерацию строф. Стихотворение обращено, скорее всего, к митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и написано не в 1946, а в 1945 г. (знак вопроса около даты принадлежит Ильину). Срв. выше «О возрождении и обновлении России», гл. 16. О чутье зла: «Разве иеро-чекисты,

прилетавшие в Париж и соблазнившие митрополита Евлогия и митрополита Серафима (Лукиянова), – были не в рясах?» (стр. 213 наст. издания) и комм. 153. Печатается по ильинской рукописи, дата – в параллельной машинописи, там же имеется приписка рукой Ильина: «Из Нью-Йоркской газеты «Россия» ред. Рыбакова». См. комм. 145, 334 и 556.

⁵⁴⁶ Первоначально: «строгой».

⁵⁴⁷ Первоначально: «убогий».

⁵⁴⁸ Первоначально: «так».

⁵⁴⁹ Это и следующие за ним три стихотворения печатаются по автографам из переписки И. А. Ильина с В. А. Боссом. Имеются отдельные рукописи первых двух стихотворений. Вставки из них – в прямых скобках. Босс Владимир Альфредович – друг Ильина. Сохранилась их обширная переписка. Третье стихотворение (где в качестве места написания указаны шутливо «Цоль и кошка», очевидно обозначающие Цолликон) – из письма Боссу от 28.08.1953: «Друзья мои! Где Вы? Мы помышляем об осени в Локарно. Надо бы с Вами посоветоваться, а мы Вас потеряли... Обнаружьтесь! Найдитесь! Отзовитесь! <...>». Последнее из стихотворений – письмо-поздравление от 10.01.1954.

⁵⁵⁰ Нине Петровне – жене Владимира Альфредовича Босса.

⁵⁵¹ Порто-Ронко – швейцарский городок на склоне горы, полого спускающейся к озеру Лаго-Маджоре.

⁵⁵² Тичино (*итал.* Ticino; *нем.* Tessin), италоязычный кантон на юге Швейцарии.

⁵⁵³ Живио – (*серб.*) да живет, да здравствует!

⁵⁵⁴ Зачеркнутый первоначальный вариант последних двух строк: «Расстегнувши панталоны // Я съедал и макароны».

⁵⁵⁵ Эта последняя строфа приписана Ильиным от руки (стихотворение представляет собой машинопись) и, по-видимому, предполагалась как замена последних (предыдущих) трех строф. Очевидно автопортретное, стихотворение в обоих вариантах последних строф остывает к Н. К. Метнеру (однако в сохранившейся переписке с ним Ильина не обнаружено). Проферт фон Остерцунге – так Н. Метнер назвал Ильина еще в 1915 г. (см. комм. 340). Романца (*Romanza*) – скорее всего, вторая пьеса второго цикла «Забывших мотивов» Н. Метнера (Ор. 39, № 2), см. комм. 376.

⁵⁵⁶ Последняя строфа стихотворения «Ответ на анкету» эмигрантской поэтессы Христины Павловны Кротковой (в замужестве Франкфурт, 1904–1965), вошедшее впоследствии в ее книгу «Белым по черному» (Нью-Йорк–Париж, 1951).

В письме (предположительно от ноября 1947 г.) Н. П. Рыбакову, издателю нью-йоркской газеты «Россия» (срв. комм. 145, 334 и 545), Ильин пишет: «Надо Вам сказать, что этим летом меня посетила некая дама из Нью-Йорка. Она назвалась Христина Павловна Кроткова. <...> Она посетила меня два раза. Беседа была очень оживленная и разносторонняя. Перед отъездом, около 15 июля, она предложила мне отыскать в Америке издателя для моей книги о России [речь об английском переводе немецкой книги Ильина «Сущность и своеобразии русской культуры», русский перевод которой см. в т. 6, ч. 2 настоящего Собрания сочинений – А.Л.], и я дал ей с собой один из машинных списков текста. С тех пор я не имел о ней или от нее ни слуха ни духа, так что мне иногда кажется, что она мне приснилась. Между прочим она несколько раз горячо говорила мне о Вашей газете и Вас лично как о мужественном и волевом русском националисте. Если бы Вы мне сказали, что Ваша забота об издании этой книги обещает успех, то я был бы готов дать Вам полномочное письмо к ней о передаче машинописи в Ваши руки» (*Ильин И. А. Собр. соч. [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954).* – М.: Русская книга, 1999. С. 198). Однако из отправленного Ильиным спустя три года (27.11.1950) письма Х. П. Кротковой (*Ibid.* С. 227) следует, что Кроткова так и не объявилась, так что в этом письме Ильин просит ее вернуть ему машинопись. Отозвалась ли на эти письмо и просьбу Кроткова, неясно, но, по крайней мере, один экземпляр перевода сохранился в Архиве.

⁵⁵⁷ Уно – т. е. UNO (United Nations Organization), чаще просто UN (United Nations), Организация Объединенных Наций (ООН). Христина Кроткова после Второй мировой войны была переводчиком в ООН в Нью-Йорке и Женеве.

⁵⁵⁸ Настоящее стихотворение – то самое «послание Марии Кирилловне» из письма Ильина Георгию (Юрию) Викторовичу Офросимову (см. ниже стихотворение, ему посвященное) от 09.04.1951 (*Ibid.* С. 98), начинающегося со слов: «Как ни экономили, а все же съели» (видимо, традиционное великопостное русское лаком-

ство – т. н. жаворонки, мучные изделия в виде птичек, выпекаемые обычно к 9/22 марта, дню памяти сорока мучеников Севастийских). Мария Кирилловна – видимо, близкая родственница или знакомая Офросимова. Енни – возможно, не фамилия, а производная от Энненда (Ennenda), названия швейцарского городка, в котором жил Офросимов.

⁵⁵⁹ В Швейцарии дует горный ветер фён, доставляющий заметные неприятности ее жителям. Ильин сильно страдал от фёна, о чем неоднократно упоминается в его письмах.

⁵⁶⁰ Очевидная аллюзия на Иоанна Кронштадтского. Иоанн Фурштадский – сам Ильин, скорее всего (фурштадт, от нем. Fuhre – воз, повозка, и Stadt – город, – военный обоз).

⁵⁶¹ Первоначальный вариант: угостила.

⁵⁶² Первоначальный вариант: владыки.

⁵⁶³ «Шишкин-Пышкин-Торопышкин» – из детских считалочек, имеющих множество (как правило, неприличных) вариантов. «Варун» – вероятно, только для рифмы с «говорун».

⁵⁶⁴ Т. е. в семействе композитора Георгия Львовича Катюара (1861–1926). Старинный аристократический род Катюар де Бионкур (Catoire de Bioncourt) известен во Франции с середины XIII в.

⁵⁶⁵ Т. е. Николая Карловича Метнера.

⁵⁶⁶ Трилобиты – класс вымерших морских членистоногих.

⁵⁶⁷ Офросимов (литературный псевдоним Росимов) Георгий (Юрий) Викторович (1894–1967) – театральный критик, поэт и детский писатель. С 1920 г. в эмиграции, жил в Берлине (в 1921–1926 гг. был редактором берлинской русскоязычной газеты «Руль», издававшейся И. В. Гессеном и В. Д. Набоковым), с 1933 г. жил в Белграде, после войны – в Швейцарии. Друг И. А. Ильина. Письма Ильина Офросимову опубликованы в: *Ильин И. А. Собр. соч.* [Т. 14.] Письма, мемуары (1939–1954). – М.: Русская книга, 1999. С. 73–103.

⁵⁶⁸ Бриссаго (*итал.* Brissago) – поселение на юге Швейцарии в кантоне Тичино на северо-западном берегу озера Лаго-Маджоре у границы с Италией.

⁵⁶⁹ По всей видимости, речь о книге «Поющее сердце», русский вариант которой Ильин готовил в послевоенные годы (издан его вдовой в 1958 г. в Мюнхене).

⁵⁷⁰ Т. е. св. Георгий Победоносец.

⁵⁷¹ Точнее, Gefilte Fisch (гефилте фиш, рыба-фиш) – традиционное блюдо еврейской кухни, фаршированная рыба.

⁵⁷² Деспотули (см. комм. 524) был в 20-х гг. сотрудником берлинской газеты «Руль» (см. комм. 567).

⁵⁷³ Речь в стихотворении, на что намекает уже его название, очевидно, об основании В. М. Деспотули в 1933 г. в Берлине русскоязычной газеты «Новое слово» (просуществовала до 1944 г.). Антисемитские статьи и материалы занимали в ней значительную часть, что или предвидел Ильин (дата написания стихотворения не указана), или над чем иронизировал, спустя годы.

⁵⁷⁴ Первоначальные варианты: скромный, скромно, просто, бедный.

⁵⁷⁵ Первоначально было: «И остались жить вдвоем Купиш и Шиш».

⁵⁷⁶ Первоначальные варианты: Прожился в Париже глупый Подариш... И», «Но когда в Париже умер Повариш... То».

⁵⁷⁷ Народная песня, каждый куплет которой сопровождается не несущим особого смысла, но звучным скороговорным набором слов-слогов (типа «сырдардà»).

⁵⁷⁸ Наблюдавший Ильина врач.

⁵⁷⁹ См. комм. 507.

⁵⁸⁰ «Winterhilfswerk des Deutschen Volkes» («Winterhilfswerk» или WHW), «Зимняя помощь немецкого народа» – в нацистской Германии фонд средств, собранных в помощь бедным и безработным, основан в 1933 г.

⁵⁸¹ Das Horst-Wessel-Lied (песня Хорста Весселя) – политическая песня, ставшая с 1929 г. маршем штурмовиков (военизированных формирований НСДАП), а с 1930 г. – официальным гимном НСДАП.

⁵⁸² «Russische Bruderhilfe» – см. комм. 538.

⁵⁸³ Prediger (нем.) – проповедник.

⁵⁸⁴ Т. е. в министерство народного просвещения и пропаганды (Reichsministerium für Volksaufklärung und Propaganda).

⁵⁸⁵ Т. е. за принятие унии, католицизма восточного обряда (сохраняющего все внешние традиции и обряды православия, а иногда и существенные отличия от католицизма, вплоть до непринятия Filioque и других догматических новшеств Ватикана, за исключе-

нием неперменного подчинения Римскому епископу как единственному главе Церкви). Фактически – за принятие католичества.

⁵⁸⁶ Редлих Роман Николаевич (1911–2005) – русский философ и общественный деятель. В 1933 г. Редлих вместе с семьей эмигрировал в Германию к немецким родственникам. В 1940 г. окончил Берлинский университет со степенью доктора философии. Был учеником И. А. Ильина, С. Л. Франка и Б. П. Вышеславцева (составитель настоящего тома встречался с Р. Редлихом в 90-е гг., и тот рассказывал ему о кардинальной разнице между его научными руководителями – Ильиным и Франком). В 1940 г. вступил в НТС, привлекая его лозунгом: «Не с Гитлером, не со Сталиным, а с русским народом!» С тех пор активно пропагандировал идеи этой организации: в 1942–1943 гг. занимался пропагандистской работой в лагерях советских военнопленных, в 1943–1944 гг. создавал ячейки НТС на оккупированных территориях. Редлих рассказывал составителю настоящего тома, как он на ротаторе издал и после распространял русский перевод части книги Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока» (ей, ответу на нее, Ильин посвятил лекцию «О национальном призвании России»; см. в: *Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока.* – М.: «Русская идея», 1997. С. 368–405), чтобы поднять дух русских военнопленных в немецких лагерях. В июле 1944 г. Гестапо объявило Редлиха в розыск «за антинемецкую деятельность», и ему пришлось скрываться под именем «капитан Воробьев» (курьезный случай произошел с Редлихом в 1945 г., когда, после поражения гитлеровской Германии, ему позвонил надзиратель концлагеря, который должен был его расстрелять в 1944 г. и попросил о помощи).

Стихотворение Р. Редлиха, исправленная Ильиным версия которого ныне публикуется, отыскать не удалось.

⁵⁸⁷ Это стихотворение цитируется в опубликованном выше письме Ильина Шмелеву от 15.08.1929. Возможно, следующие два «номера» этого мини-цикла (все стихи написаны на одном листе бумаги) – те самые, о которых идет речь в письме.

⁵⁸⁸ Судя по всему, так Ильин назвал Шильонский замок, Шильон (Chillon). См. следующие комм.

⁵⁸⁹ В рукописи – «твоей». Вместо «заболеть» сначала было «насладиться», и, скорее всего, Ильин забыл про необходимость заметить (для сохранения размера) «твоей» на «твоею».

⁵⁹⁰ Первоначальный вариант: «Вот... // Все шумит волнами». Рона – река в Швейцарии и Франции, в верховьях протекающая через озеро Леман (*фр.* название Женевского озера). Шильон – знаменитый Шильонский замок, стоящий на скале, возвышающейся над Женевским озером.

⁵⁹¹ Стихотворение не дописано; в частности, эти слова – по видимому, лишь намеченная строфа. По всему стихотворению почти полностью отсутствуют знаки препинания. Некоторые из перечеркнутых вариантов восстанавливаем в прямых скобках.

⁵⁹² Крез (595–546 до Р. Х.) – последний царь Лидии, легендарный богач. Солон (ок. 640–635 – ок. 599 до Р. Х.) – легендарный афинский законодатель.

⁵⁹³ Брэм Альфред (1829–1884) – немецкий зоолог, автор ставшей очень популярной серии книг «Иллюстрированная жизнь животных».

⁵⁹⁴ *A la turque (фр.)* – в турецком стиле (это замечание с двумя предшествующими строчками – на отдельном листке рукописи; возможно, между именно теми листами, между которыми он найден, он был кем-то вставлен случайно, или же намекает на то, что именно в это место должен был быть вставлен соотв. куплет).

⁵⁹⁵ *Nez (фр.)* – нос.

⁵⁹⁶ *Bubikopf (нем.)* – женская стрижка под мальчика.

⁵⁹⁷ *Brun-plisse (фр.)* – коричневое в складках.

⁵⁹⁸ *Assez (фр.)* – здесь: довольно, хватит.

⁵⁹⁹ Эпиграмма на парижскую газету «Россия и славянство: Орган национально-освободительной борьбы и славянской взаимности: Еженедельная газета при ближайшем участии Петра Струве», выходившую в 1928–1934 гг. «Еврейские зайцы» – Кирилл Иосифович Зайцев (впоследствии – архимандрит Константин, см. комм. 326–327), редактор газеты; «из Чехии яйца» – видимо, Николай Александрович Цуриков (1886–1957), член редакции, живший в Праге. Едкость эпиграммы на газету, в которой печатался, без большого преувеличения, цвет русской эмиграции (Н. Арсеньев, К. Бальмонт, С. Булгаков, И. Бунин, Борис Зайцев, Ф. Зелинский, А. Карташев, К. Мочульский, С. С. Ольденбург, Г. Струве, И. Сургучёв, Г. Флоровский, С. Франк, И. Шмелев, Е. Ф. Шмурло, В. В. Шульгин и мн. др.) тем удивительнее, что Ильин сам печатался в этой газете.

тался в ней. В частности, именно в этой газете впервые появилось публикуемое в наст. томе стихотворение Ильина «Замок Зеон».

⁶⁰⁰ Кадиш Михаил Павлович (1886–1962) – адвокат, известный переводчик с немецкого, журналист, заметный общественный деятель русской эмиграции, масон. С 1921 г. в Германии, где продолжил деятельность юриста и журналиста и был секретарем правления «Русского клуба», членом правлений «Общества помощи русским гражданам», «Союза русских журналистов и писателей», «Союза русской присяжной адвокатуры». С 1935 г. – в Париже, где стал членом ревизионной комиссии, а позже – вице-председателем «Объединения русских адвокатов во Франции». В 1945 г. был членом ревизионной комиссии «Очага русских евреев-беженцев» в Париже.

⁶⁰¹ «Прокукиш» – издательское название в советской печати первого Помгола (общественный Всероссийский комитет помощи голодающим, образован в связи со страшным голодом в Поволжье 1921 г.), производное от фамилий его организаторов: профессора, бывшего министра Временного правительства Сергея Николаевича Прокоповича (1871–1955), его супруги Екатерины Дмитриевны Кусковой (1869–1958) и бывшего министра Временного правительства Николая Михайловича Кишкина (1864–1930). «Тетя Катя» и «Дядьсережа» ниже – очевидно, Е. Кускова и С. Прокопович. Большевики рассчитывали при посредничестве Помгола получить помощь западноевропейских государств и США, однако, не получив достаточной выгоды для себя от этого или же, напротив, решив присвоить себе труды первого Помгола и перехватить у того, не достаточно большевизированного, инициативу, постановили его распустить, предварительно дискредитировав через прессу. Ленин лично потребовал: «Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей»». (Письмо И. В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б) от 23.08.1921. См. в: *Ленин В. И.* Полное собр. соч. в 55 тт. Т. 53. – М., 1970. С. 141–142). В сентябре, на следующий день после того, как первая партия продовольствия из США поступила в Россию, почти все члены общества были арестованы ЧК по традиционному обвинению в контрреволюции. От смертной казни их спасло вмешательство Фритьофа Нансена (1861–1930), знаменитого норвежского полярного исследователя.

Выпущенные из тюрьмы, члены первого Помгола были высланы; в частности, С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова были высланы за границу в июне 1922 г., в сентябре которого, на знаменитом «Философском пароходе», был выслан из России в Германию и Ильин.

⁶⁰² Бедро, его мышечная часть.

⁶⁰³ Омнадин – смесь белков, липоидов желчи и животного жира, средство, применявшееся в 30–40-е гг. против простудных инфекций в начальной стадии заболевания, обычно в форме внутримышечных инъекций по 2 см³.

⁶⁰⁴ Opusculum (*лат.*) – небольшое, обычно музыкальное или литературное, произведение, небольшой труд. Но здесь, конечно, – небольшой объем лекарства.

⁶⁰⁵ Дни русской культуры, зародившись в начале 20-х гг. еще в России и Эстонии, были в 1925 г. учреждены в русском зарубежье как объединяющий всю рассеянную Россию праздник, отмечающийся в день рождения А. С. Пушкина. См., напр.: День русской культуры: Обзор празднования в 1926 году. Сост. Н. А. Цуриков. – Прага: Пед. бюро, 1927. В 1927 г. в Берлине по инициативе Русского академического союза в Дне русской культуры приняли участие сорок различных русских объединений, в том числе и Русский научный институт, в котором работал Ильин.

⁶⁰⁶ Рекрезал – лекарственное средство, препарат для подавления чувства усталости (предложен Густавом Эмбденом (1874–1933), немецким биохимиком).

⁶⁰⁷ Диплозал – препарат на основе салицил-салициловой кислоты, использовался в качестве альтернативы аспирину, но имел «незначительную терапевтическую ценность» (*Дженкинс Г., Хартинг У.* Химия органических лекарственных препаратов. – М.: ГИИЛ, 1949. С. 292).

⁶⁰⁸ Срв. комм. 406.

⁶⁰⁹ Мелинит – то же, что тринитрофенол, – взрывчатое вещество.

⁶¹⁰ В письме от 23.05.1936 К. Ф. Майкапару Ильин пишет: «Вот ведь возьмем Агарту. Вы, по-видимому, оцениваете ее трезво и строго. А ведь – родственница!» (см. *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 13.] Дневник, письма, документы (1903–1938). – М.: Русская книга, 1999. С. 351).

Майкапар Кирилл Федорович (1904–1961) – экономист, бухгалтер, пианист, директор рижской фабрики шоколадных изделий и член Русского Академического Общества в Риге. Друг Климовых – Георгия, Константина, Павла и Евгения, которые познакомили Ильина с ним во время посещения Ильиным Риги. Их объединяла любовь к музыке.

Агартти, Агартха или Агарта, (что будто бы переводится с санскрита как неуязвимый, недоступный) – мифическая подземная страна, упоминаемая в эзотерической и оккультной литературе. В данном случае, очевидно, прозвище «тети Нади» – родственницы К. Ф. Майкапара.

⁶¹¹ Первоначально: нее.

⁶¹² Первоначально: все верила.

⁶¹³ Первоначально: ведут.

⁶¹⁴ Первоначально: криминальным.

⁶¹⁵ Кажется, здесь речь идет все-таки **не** о Самуиле Моисеевиче Майкапаре (1867–1938) – русском и советском пианисте и композиторе, преподавателе Петроградской консерватории, в Риге не жившем и, возможно, даже не бывавшем. Однако см. указанное в комм. 610 письмо Ильина К. Ф. Майкапару, в котором речь, в частности, идет об отношении к родственникам и, быть может, «между строк» имеется в виду именно этот его родственник.

⁶¹⁶ Эта строфа в рукописи была вычеркнута, но затем, как будто, перечеркивающая ее прямая черта сама перечеркнута (бледной волнистой линией).

⁶¹⁷ Знаки препинания отсутствуют в рукописи-источнике. Возможно, загадочный «консум» означает консультацию (или консилиум) у нектого врача (?) Деннера, который прописывает и временно продает некоторое лекарство (?) «монсум».

⁶¹⁸ Mon aveu (*фр.*) – мое признание.

⁶¹⁹ Gants glacés (*фр.*) – лайковые перчатки.

⁶²⁰ Инициалы расшифровать не удалось.

⁶²¹ Зачеркнутые варианты: лирическим, мучительным, вопрошающим (без «и» перед), заходившимся(?; *нрзб.*).

⁶²² В парижской газете «Возрождение», в №№ 3607 и 3610 от 19 и 22.04.1935, Ильиным под псевдонимом С.П. (Старый Политик) была опубликована заметка с таким названием, после которой

шли 80, вполне антисоветских, частушек (см. *Ильин И. А.* Собр. соч. [Т. 31]. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. – М.: Институт Наследия, 2019. С. 457–468). В заметке, в частности, указано, что частушка «не всегда имеет “простонародного” автора; за некоторыми чувствуется полуинтеллигент, и даже интеллигент. Проследить ее происхождение и доказать ее простонародную “подлинность” почти невозможно, да и нужно ли это?» – что, конечно, может намекать и на то, что автором всех этих 80 опускулов является сам публикатор, т. е. сам Ильин. В Архиве обнаружено несколько рукописных листов, с очень небольшой правкой (что, на наш взгляд, говорит против версии об авторстве Ильина – он выступал здесь скорее более редактором, чем возможным автором), содержащих – в другой последовательности, даже внутри разделов и между разделами (но один из листов содержит перенумерацию, совпадающую с позднейшим порядком частушек этого раздела в публикации), – большую часть этих частушек (отсутствуют лишь отмеченные в газете номерами 56, 57, 58 и 78). Здесь публикуются те 8, которые напечатаны не были, с указанием разделов, к которым они были в рукописи отнесены (раздел «Комсомол» состоит в целом из тех двух частушек, что опубликованы здесь; раздел «Общее положение» в газетной публикации отсутствует, опубликованные же частушки, 8 из 11, из него распределены между другими разделами; опубликованная в квадратных скобках частушка Ильиным в рукописи вычеркнута). Мы не воспроизводим здесь 76 частушек рукописи, попавших в газету, ибо отличия их от опубликованных минимальны и касаются, в основном, лишь пунктуации (в рукописи практически отсутствующей), верстки, некоторых явных опечаток рукописи и очень редкой замены отдельных слов.

⁶²³ Сергей Горный (Александр Авдеевич Оцуп; 1882–1949) – инженер (окончил Горный институт, отсюда и его псевдоним), поэт-сатирик и пародист из круга журнала «Сатирикон», в эмиграции стал известным писателем, старший из известных шести братьев Оцупов (срв. комм. 359), сыновей царскосельского коммерсанта Авдея Мордуковича (Марковича) Оцупа (1858–1907). В берлинской квартире Сергея Горного бывали: Иван Шмелев, Иван Бунин, Надежда Тэффи, Ольга Чехова, Михаил Фокин и другие известные деятели культуры Русского зарубежья. Ниже в стихотворении упо-

минаются дочери А. А. Оцупа Валентина (1914–1997) и Людмила (в замужестве Ширяева; 1924–1996), впоследствии известная балерина, балетмейстер и педагог. В Архиве сохранилась фотография Валентины Оцуп с мужем с дарственной надписью на обороте: «Дорогим, любимым Наталье Николаевне и Ивану Александровичу 23 июня 1937 г. Verem-Tegel».

⁶²⁴ Т. е. вшестером. Отсюда и (+5) в заголовке.

⁶²⁵ Имеются в виду жена Бунина Вера Николаевна Муромцева (1881–1961) – переводчица, мемуаристка, двоюродная сестра Натальи Николаевны Ильиной; и Галина Николаевна Кузнецова (по мужу Петрова; 1900–1976) – последняя «большая любовь» Ивана Бунина – русская поэтесса и писательница, мемуаристка.

⁶²⁶ Одна из дам – Маргарита (Марга) Августовна Степун (1895–1971) – сестра Ф. А. Степуна, известная русская оперная певица (контральто), «роковая красавица», которая увела у Бунина его возлюбленную Галину Кузнецову.

⁶²⁷ То есть Рождества. Noël (*фр.*) – Рождество.

⁶²⁸ Т. е. Величество из Величеств (от *фр.* majesté, majestique). Очень вероятно одновременная иная игра слов: в Париже Бунин после получения им нобелевской премии жил в отеле «Majestic».

⁶²⁹ Рубини Джованни Баттиста (1794–1854) – знаменитый итальянский певец (тенор). Мазини Анджело (1844–1926) – не менее известный итальянский тенор.

⁶³⁰ Мы помещаем этот отнюдь не дружеский шарж Ильина в разделе стихотворений, ибо он написан им, по-видимому, от имени Питирима Равки, с яркого образа которого, выписанного в письме И. С. Шмелеву, этот раздел начат. Публикуется по недатированной рукописи Ильина; воспроизводится в точности, с сохранением орфографии и пунктуации и без исправления опечаток и ошибок псевдоцерковнославянского языка, использованного Ильиным для записи «гиштории». Никак не комментируя ее, приведем не всегда сразу очевидные расшифровки имен: Иоанн Бунинский – Иван Бунин, Кобель свейский – Нобель шведский (т. е. Нобелевская премия), Милюковий – П. Н. Милюков, Цвибаккий, он же Ондрюшка Седых – Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак, личный секретарь И. А. Бунина), приходимец Степуний – Ф. А. Степун.

⁶³¹ Название собранию последующих стихов дано самим Ильиным.

⁶³² Николай Евгеньевич Марков (Марков Второй, назывался так в III и IV Государственных думах для отличия от другого депутата тех же Дум Николая же (но Львовича) Маркова, октябриста) (1866–1945) – русский политик крайне правых взглядов, один из самых активных и известных деятелей черносотенного движения, активный общественный деятель русской эмиграции, публицист и писатель. В 1921–1926 гг. – председатель Высшего монархического совета (ВМС), монархической международной организации, созданной русскими эмигрантами в 1921 г. и существующей до сих пор. (Первый ВМС избран на Первом монархическом съезде – съезде русских монархистов в баварском городке Рейхенгалле в 1921 г.)

⁶³³ Возможно, имеется в виду Маргарита Ивановна Конёнкова (в девичестве Воронцова; 1895–1980) – советская разведчица. Была знакома со многими известными людьми своего времени: Ф. Шаляпиным, С. В. Рахманиновым, Вс. Мейерхольдом и др. В 1922 г. вышла замуж за скульптора С. Т. Конёнкова и через год переехала с ним в Америку. Там встречалась с А. Эйнштейном (с разведовательными целями, СССР интересовал т. н. Манхэттенский проект). В 1945 г. по приказу «центра» вернулась в Советский Союз.

⁶³⁴ Сергей Иванович Голиков (1866–1929) – воронежский губернатор в 1909–1914 гг. Состоял управляющим делами ВМС (отсюда, видимо, и «капельдинер»).

⁶³⁵ Барон Александр Амандович Крюденер-Струве (пасынок известного инженера Аманды Струве; 1864–1953) – российский политик и предприниматель, член I и III Государственных Дум от Московской губернии. В эмиграции до конца войны жил в Германии.

⁶³⁶ Нудель – немецкий суп-лапша.

⁶³⁷ Первоначально было: «Пожалейте вы».

⁶³⁸ Георгий Михайлович Дерюгин (1871–1933) – русский общественный деятель и политик, член IV Государственной Думы от Псковской губернии, участник Первого монархического съезда. В эмиграции жил в Германии. Тесть ученицы Ильина Марины Александровны Дерюгиной (урожд. Квартировой).

⁶³⁹ Летом 1917 г. Г. М. Дерюгин входил в создававшуюся подпольную монархическую организацию Н. Е. Маркова, ставившую

целью спасти царскую семью, но по существу ничего не сделавшую.

⁶⁴⁰ Николай Дмитриевич Тальберг (1886–1967) – русский духовный писатель, публицист, историк. Сын историка Дмитрия Германовича Тальберга (1853–1891) и его супруги Виктории Лазо (1855–1893). В 1920 г. эмигрировал в Германию. Принимал активное участие в подготовке монархического съезда в Рейхенгалле, был управляющим делами Высшего монархического совета. Много выступал с лекциями и докладами на религиозные, исторические и политические темы в Югославии, Германии, Австрии, публиковал многочисленные статьи в эмигрантской патриотической периодике.

⁶⁴¹ Лицо не установлено.

⁶⁴² Александр Михайлович Масленников (1858–1950) – член III и IV Государственных Дум от Саратовской губернии, в эмиграции жил сначала в Берлина, а затем в Париже. Член первого ВМС.

⁶⁴³ Рамоли – человек, страдающий размягчением мозга, паралитик.

⁶⁴⁴ Речь в эпиграмме идет о Тихоне (Троицком, 1883–1963), архиепископе Сан-Францисском. Последние две строки намекают на отца епископа, носившего ту же фамилию, и митрополита Антония (Храповицкого), возглавившего в 1930 г. хиротонию архимандрита Тихона во епископа Сан-Францисского.

⁶⁴⁵ Митрополит Антоний (Храповицкий) был в 1917 г. одним из трех кандидатов в патриархи, и самым популярным из них

⁶⁴⁶ Великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938), в 1924 г. провозгласившего себя императором.

⁶⁴⁷ Правильно – гамадрил, или плащеносный павиан – вид обезьян.

⁶⁴⁸ То есть связанный с каким-либо (скорее всего, монархическим) движением священник, руководитель его или духовник.

⁶⁴⁹ Барон Михаил Александрович фон Таубе (1869–1961) – юрист, историк, государственный деятель Российской империи. Католик, выходец из старинного шведско-немецкого рода фон Таубе, известного с XIII в., одна из ветвей которого (прибалтийская – остзейская) оказалась на службе у российского престола. Профессор, читал лекции по истории международных отношений и международного права в Упсальском университете. С 1928 г. жил в Париже,

где преподавал в филиале Русского института при юридическом факультете Парижского университета и в Европейском центре Фонда Карнеги за международный мир. Входил в состав ученого совета Русского научного института в Берлине, читал лекции в ряде университетов Германии и Бельгии. В 1932–1937 гг. – профессор Мюнстерского университета, после расторжения с ним контракта (по особому предписанию из Берлина) вернулся в Париж.

Член Высшего Монархического Совета и Общества «Икона» в Париже. В 1930-е годы был юрисконсультom великого князя Кирилла Владимировича. Он принимал участие в разработке нового устава об Императорской фамилии в редакции, которой придерживались великие князья Кирилл Владимирович и Владимир Кириллович.

⁶⁵⁰ Поэт Владимир Петрович Мятлев (1868–1946), родственник более известного поэта Ивана Мятлева (1796–1844).

⁶⁵¹ Речь в стихотворении о Г. Пельхау-Светозарове, см. комм. 520.

⁶⁵² «И дабы добыть средства для «Ронда», Пельхау устраивал грандиозные представления в берлинском Лунапарке, где играли русские балалаечники «Ухарь-купец», где пел русский хор «Волга-Волга», а Генрих Пельхау, он же Андрей Светозаров, появлялся на сцене на фоне потрясающих декораций, и над ним всходило красное электрическое солнце» (*Г. Иванов. Ibid. С. 351*).

⁶⁵³ Денкер – еще один псевдоним Пельхау-Светозарова.

⁶⁵⁴ Это стихотворение не входит в сформированный Ильиным цикл «Вожделовие», но мы помещаем его здесь, считая вероятным, что «забракованной» эта редакция является именно в отношении предшествовавшего стихотворения.

Матанкин (псевдонимы: Карено, Каренов), Александр Викторович (1889–1969) – филолог, эмигрант, жил в Германии. В 20-е гг. – один из лидеров РОНД (см. комм. 520). См. о нем в: *Азадовский К. М., Суперфин Г. Г. Русский в Германии: одиссея «профессора» Матанкина.* – М.: Объединенное гуманитарное издательство (ОГИ), 2011.

⁶⁵⁵ См. комм. 521.

⁶⁵⁶ *Untergrund* – нем., подполье.

⁶⁵⁷ Видимо, имеется в виду ген. К. В. Сахаров (см. комм. 527).

⁶⁵⁸ Первоначально: две пяди.

⁶⁵⁹ Имеется в виду Александр Иванович Гучков (1862–1936) – российский политический и государственный деятель, лидер партии октябристов («Союз 17 октября»), председатель III Государственной Думы, член Государственного совета, председатель Центрального военно-промышленного комитета (1915–1917), военный министр Временного правительства (март-апрель 1917). Добровольцем участвовал на стороне буров в англо-бурской войне. В 1909 г. создал в Петербурге масонскую или парамасонскую Военную ложу, напоминавшую организации младотурок, из-за чего сам иногда назывался младотурком.

⁶⁶⁰ Имеется в виду, по-видимому, следующая история: Гучков был заядлым дуэлянтом и нередко искал дуэли. Так, в 1909 г., состоялась его дуэль с членом Государственной Думы графом А. А. Уваровым, который, по утверждению Гучкова, высказанному ему в лицо при двух свидетелях, передал сотруднику газеты, опубликовавшей беседу Уварова с П. А. Столыпиным, «наглуую ложь». Не получив в ответ ожидаемого вызова, Гучков написал Уварову грубо оскорбительное письмо, в котором одновременно заявлял и то, что, по словам Столыпина, журналистами его разговор с Уваровым был передан в совершенно искаженном виде (что само по себе должно было бы означать исчерпание инцидента); и то, что Уваров имеет «почти специальность» беззастенчиво обращаться с истиной: фабриковать и пускать в обращение лживые известия, рассчитанные на сенсацию. Письмо завершается «благородными» словами: «Само собою разумеется, что если вы найдете в моих словах или в настоящем письме что-либо для вас обидное, то я ставлю себя в полное ваше распоряжение». Уваров не ответил и на этот полускрытый вызов, после чего Гучков составляет еще одно письмо, которым, наконец, добивается своего. Дуэль завершилась неопасным ранением стрелявшего в воздух Уварова.

⁶⁶¹ Имеется в виду знаменитый «Приказ № 1» от 1 марта 1917 г., запустивший процесс развала российской армии, а затем и страны в целом. Изданный от имени Петросовета (Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, созданного в дни Февральской революции), он имел, конечно, совершенно определенных авторов, которыми назывались, в частности, и масоны (необоснованно;

ибо тот же Гучков был явным противником этого разрушительного приказа), и Юрий Михайлович Стеклов (настоящее имя Овший Моисеевич Нахамкис, чаще в мемуарной литературе встречается форма «Нахамкес»; 1873–1941) – революционер, активный деятель Февраля, член исполкома Петросовета и т. н. контактной комиссии Петросовета, осуществлявшей его связь с Временным правительством.

⁶⁶² Имеется в виду Николай Николаевич Рузский (1897–1962) – русский офицер, участник Первой мировой войны, активный деятель русского зарубежья. В 1929 г. организовал Российский Имперский Союз-Орден. Умелый оратор и идеолог, «антилегитимист» (см. комм. 671). Не следует его путать с генералом Николаем Владимировичем Рузским (1854–1918), сыгравшим известную неприглядную роль в отречении от престола императора Николая II.

⁶⁶³ Ироничная аллюзия на приписываемое А. В. Суворову восклицание, ставшее впоследствии лозунгом русских монархистов: «Мы – русские, с нами Бог!»

⁶⁶⁴ Речь в стихотворении о генерале Антоне Ивановиче Деникине (1872–1947). Ледяной (Первый Кубанский) поход – первая боевая операция создававшейся Добровольческой армии (9 [22] февраля – 30 апреля [13 мая] 1918), после гибели ген. Л. Г. Корнилова осуществлявшаяся под командованием Деникина. «Англичанка» – английский дредноут «Мальборо», на котором Деникин с семьей в 1920 г. из Константинополя отбыл в Англию. «Носит розовый он бант» – имеется в виду один из многочисленных орденов, полученных А. И. Деникиным (скорее всего, первый или один из первых – св. Станислава). «Пять увесистых томов» – мемуары Деникина «Очерки русской смуты» (тт. I–V. – Париж, Берлин, 1921–1926). Супруга – Ксения Васильевна Деникина (1892–1973).

⁶⁶⁵ Гурко Василий Иосифович (Ромейко-Гурко, 1864–1937) – генерал от кавалерии. В конце 1916 – начале 1917 гг., во время болезни М. В. Алексея, исполнял обязанности Начальника штаба верховного главнокомандующего (Николая II). В эмиграции жил в Италии, принимал активное участие в деятельности РОВС.

⁶⁶⁶ Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) – лидер учреденного в Мюнхене в 1923 г. русской эмигрантской молодежи союза «Молодая Россия», который в 1925 г. был преобразо-

ван в партию «Союз младороссов» (со штаб-квартирой в Париже). Идеология младороссов отличалась крайней противоречивостью и эклектичностью, сочетая в себе элементы монархизма, русского национализма, православного фундаментализма, корпоративизма, евразийства, сменовеховства, национал-большевизма, антикоммунизма, а также симпатии к итальянскому фашизму, национал-социализму и советскому строю, что привело к появлению главного лозунга «младороссов» – «Царь и Советы». Сотрудничал с РОНД, подписав в 1933 г. специальный договор с Бермондт-Аваловым, с одной стороны и А. Вонсяцким, главой «Всероссийской фашистской организации» (политической партии, действовавшей в 1933–1942 гг. в США среди русских эмигрантов), – с другой. Однако заигрывание младороссов с нацистами не было продолжительным, ибо те быстро поняли, что младороссы фашистской организацией не являются, что они национал-большевики, притворяющиеся национал-социалистами. После того, как стало очевидно, что военный удар Германии и Италии будет направлен против СССР, отношение Казем-Бека к Гитлеру и Муссолини резко изменилось. В 1937 г. он подал заявление об отставке с поста главы партии «младороссов» и начал искать контакты с советскими представителями, вел переговоры с «красным графом» А. А. Игнатьевым, инициировал в конце 1930-х – начале 1940-х гг. создание в Париже так называемых «собеседований круглых столов» антифашистской направленности, за что в 1940 г. был арестован. Однако смог бежать в США, где в 1942 г. объявил о роспуске партии «младороссов». Члены распущенной организации в большинстве своем пополнили ряды антифашистского сопротивления.

Ильин считал младороссов проектом ОГПУ. Действительно, «русский фашист» Казем-Бек бежал в 1942 г. в США, успешно там работал, а в 1957 г., оставив семью, вернулся в СССР, поселился в Москве, где работал в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии, состоял членом редколлегии «Журнала Московской Патриархии», в котором публиковал статьи на экуменические и другие темы. Невиданная карьера в Советском Союзе для лидера, пусть и бывшего, русских фашистов.

⁶⁶⁷ Struwweltpeter (нем.) – букв. «Неряха Петер», сборник из десяти назидательных стихотворений, написанных франкфуртским

психиатром Генрихом Гофманом для своего сына в 1845 г. Сборник стал одной из первых в истории детских книжек с картинками и приобрел огромную популярность, впоследствии став источником многих подражаний и пародий.

⁶⁶⁸ См. комм. 521.

⁶⁶⁹ Имеется в виду хорошо изданная с 540-страничная книга с многочисленными фотоиллюстрациями: Князь П. Авалов. В борьбе с большевизмом. – Гамбург, 1925. Или же изданный там же и в том же году ее немецкий перевод.

⁶⁷⁰ Имеется в виду Анастасий Андреевич Вонсяцкий (1898–1965) – один из основоположников русского фашизма, организатор и лидер Всероссийской фашистской организации (ВФО, см. комм. 666), а также один из лидеров (в 1934–1935 гг.) Всероссийской фашистской партии (ВФП, существовала в Китае в 1931–1943 гг.), с которой ВФО объединилась в 1934 г.

⁶⁷¹ Здесь: сторонник императора Кирилла (и его потомков, кирилловичей) в их праве на российский престол.

⁶⁷² Речь идет о газете «Русская правда», в которую был в 1935 г. преобразован (получив подзаголовок «Независимый национально-политический и информационный орган») одноименный журнал, издававшийся в Белграде в 1922–1935 гг. поэтом-символистом и масоном Сергеем Алексеевичем Соколовым (псевдоним Сергей Кречетов; 1878–1936). При этом редактором газеты был объявлен Н. Павлович, хотя фактически им оставался Соколов. Позиционировал себя, еще в 1919–1920 гг. во время службы в Добровольческой армии, как идеолог Белого движения.

⁶⁷³ Очевидно, от *фр.* Grand Orient – Великий Восток (Франции), название известной масонской ложи.

⁶⁷⁴ Мы помещаем эту крохотную заметку из журнала «День русского ребенка» (вып. 9, апрель 1942 г., стр. 54) среди стихотворений И. А. Ильина, видя в ней своего рода стихотворение в прозе.

⁶⁷⁵ Предыдущее и это неоконченное стихотворения обращены к Алексею Александровичу фон Лампе (1885–1967), генерал-майору, участнику Русско-японской и Первой мировой войн и Белого движения, одному из организаторов РОВС, другу Ильина. После начала Второй мировой войны фон Лампе занимался организацией отделов Русского Красного Креста в Берлине и завоеванных

Германией европейских странах, которые должны были помогать русским эмигрантам, воевавшим в армиях союзников по антигитлеровской коалиции, попавшим в немецкий плен. После капитуляции Германии, при содействии французских оккупационных властей, открыл офис Красного Креста, регистрировавший всех «бесподанных», т.е. «старых» эмигрантов и тех русских, кто укрывался от насильственной репатриации. Занимался спасением советских граждан и русских эмигрантов от насильственной репатриации в СССР. Осенью 1945 г. он и его офис Красного Креста постоянно подвергались нападкам со стороны советской миссии Красного Креста, также действовавшей во французской оккупационной зоне. В итоге фон Лампе был арестован, обвинен в шпионаже и провел 42 дня в тюрьме. По настоянию французских властей он все же был освобожден из тюрьмы и в марте 1946 г. переехал в Мюнхен.

⁶⁷⁶ Другой вариант стихотворения см. выше (из письма Ильина И. С. Шмелеву от 05.02.1948). Это и следующие два стихотворения печатаются по рукописным автографам (см. Архив).

⁶⁷⁷ Изначально было «римский» (переправлено в рукописи на «русский»). Вся первая строфа есть, по существу, воспроизведение первых четырех строк стихотворения Ф. И. Тютчева «Цицерон» («Оратор римский говорил... Блажен, кто посетил сей мир...») с изменением пунктуации, «римский» на «русский» и «Рима» на «Руси». «Оратор русский» – по всей видимости, имеется в виду именно Ф. И. Тютчев.

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Т. Лисица

Иван Ильин – провозвестник грядущей России
(Нравственные основы политической философии).....5

О возрождении и обновлении России

Предисловие

Вера в Россию.....39
Культура сердца. Светлой памяти Протопресвитера
Отца Сергия Иоанновича Орлова 50

I. Кризис

1. Наша эпоха 70
2. Жизнь без святыни 75
3. Бегство от света 82
4. Демонизм и сатанизм 90

II. Недуги

5. О страхе 99
6. О зависти 99
7. О ненависти 115
8. О самомнении (и аутизме) 130
9. О властолюбии 132
10. О лести 140
11. О клевете 145

СОДЕРЖАНИЕ

---

12. О демагогии	163
13. О бедности и жадности.....	180
III. Обновление	
14. О покаянии	182
15. О чувстве собственного достоинства	193
16. О чутье зла	210
17. О русской идее	213
18. О русском национализме	228
19. О чувстве ранга	244
20. О справедливости	253
21. Править должны лучшие	260
IV. Чем мы возродимся	
22. О воспитании в грядущей России	285
23. Вопрос и ответ	301
24. О предметности и продажности	309
25. О гражданском мужестве	314
26. Воля к справедливости	318
27. О духовном характере	326
28. О правосознании	329
29. О частной собственности	331
30. Неравные братья	332
31. О социальном хозяйствовании	341
32. Божий муравей. <i>Тост</i>	348
 Поэма, юмористический журнал, стихи, мистификации, эпиграммы	
Наше жилище или Быт и Бытие изгнанников. Поэма	353
Идиотика-Обормотика	
Выпуск Первый. Январь 1939	385
Выпуск Второй. Февраль 1939	392
Выпуск Третий. Март 1939	405

Стихи И. А. Ильина из переписки с И. С. Шмелевым

Письмо от 11.08.1932	
<Поэтический канон Питирима Равки>	420
Пробное морсо. № 1. <i>Внебрачная муза</i>	429
Пробное морсо. № 2. <i>Кавказ</i>	430
Письмо от 27.08.1932	
Сон	432
<Письмо Питирима Равки>	434
Письмо от 26.08.1934	
(«Мирись, мирись, Митрополит...»)	435
Письмо от 15.08.1929 («Бабы»)	437
Письмо от 23.08.1929	
(«Зачем ты, друг, мои стихи...»;	
«За что же, не боясь греха...»;	
«Истерзан пыткой рабов...»)	439
Письмо от 11.10.1929 («Выпь»)	441
Письмо от 30.08.1931 («Горные стансы»).....	443
Из письма от 27.07.1930	
(«Вот масонская тюрьма...»;	
Загадочная телеграмма)	447
Письмо от 15.02.1948	
(«Что вы это, сволочи...»;	
Игра природы)	448
Письмо от 28.03.1949	
(«Греси, но кайся напоследок!...»)	450
Из разных писем	
24.09.1929 («Менный ключ упал на нно!...»)	451
21.11.1933 («Слушай, брат Шмелини...»)	452
10.12.1933 («Пошли, Господь, свою квартиру...»)	452
Середина января 1934 («Если ты слышишь	
бедственный вопль страдающих...»)	453
09.03.1935 («Бунина сравнил он с Бахом!...»)	454
01.12.1946 («Лику я безликую...»)	455

СОДЕРЖАНИЕ

26.12.1946 («Как Феклуныкин отец...»; «Одна вдова профессорша...»)	456
09.01.1947 («Как только сальто постучится...»)	456
27.03.1947 («Что же ты, Вигеша...»)	457
16.05.1947 («Как русской мысли душно, тесно...»)	457
19.07.1947 («А вот жилец фриканских стран...»; «Пусть и этот Олеарий...»)	458
05.02.1948 («Настанет час силы и славы...»)	458

Стихи из переписки с Н. К. Метнером

Объявление	459
<Письмо от 26.03.1915> (Барону Пузенкампу. Кондолеанс)	460
Письмо от 24.07.1915 (Гимн кофейнику).....	461
<Из письма от 9 ноября 1922 г.> («Алло! Вы, дядя Метнер? Да?...»)	463
Письмо Метнерам из Оберстдорфа (сент. 1923) («Рады были мы душой, что ответил Пильниц...»; Пильниц, поэма; Экссесс о Поле, и его фельетоне)	463
Письмо от 15.08.1929 («Чемоданы я зазинул...») Подозрительная прогулка. Надпись к рисунку Н. К. Метнера.....	469
Из письма от 23.09.1931 («Так славь же сам себя, талант...»)	470
Из письма от марта 1931 («Что же Рига, Рига, Рига?...»)	471
Письмо от 10.04 (28.03) 1932 («Ведь сегодня день рождения...»)	471
Из Письма Н. К. Метнеру (от 12.04 (30.03) 1932) (по поводу его первоапрельского обмана) («Сколько странные видения...»)	474
Мохот (за-гадочная телеграмма)	475
Из письма от 23.03.1934 («Главное – метод найден...»)	477

СОДЕРЖАНИЕ

Из письма от 27.07.1934 («Под вулканищем сидеть...»)	477
Из письма от 31.12.1934 («Владимир Пуль (буль-буль, нуль-нуль...)...»)	
Куцое письмо (от 17.01.1935)	478
Из письма от 29–30.11.1935 («Ооо-чень боооль-наа ударилсаяаа!..»)	479
Из письма от 01.01.1938 («В Пёрну жил эстонец Пук...»; «Жил фотограф в Талинè...»; «Плечи изящной сестры...»)	480
Из письма от 20–27.04.1938 («Что в вымени тебе моем?...»; «Но, подчинившись скуки бесу...»)	483
Открытка от 02.12.1938 («Но вкусить успокоения...»)	484
Из письма от 07.01.1939 (25.12.1938) («У Аньюты в саду Коля...»)	485
<Шесть стихотворений из Цолликона (июль 1939)>	
1. Сон (полупоэма)	485
2. Пауза и фермато	486
3. Вопросы [Тревога]	487
4. Десять Часов	489
5. Еще сон	490
6. Идиотика: известите-ка!	491
Из письма от 04.08.1946 («Милый Коля! В прошлом веке...»)	492
Из письма от 07.10.1946 («Теперь пошла повсюду <i>Мода</i> ...»)	493
Из письма от декабря 1946 («Есть три тяжелые греха...»)	494
Из письма от 27.01.1947 («Я – эта – тожа – ащющаю...»)	494
Из письма от весны 1947 <1946?> («Вы есте иероглифы...»)	495
Из письма 1947 г. («Моя острой скрябкой <i>пол</i> ...»)	496

СОДЕРЖАНИЕ

Из письма от 04.06.1947 («Коля! Кушаешь склерон?..»; «Ах, как долго ехал сахар!..»)	496
Три стихотворения 1947 г.	
Из поэмы «Объятия Музы»	497
Идиотика-Витаминика	498
Ответное письмо з Гомель-Гомеля	501
Из письма от 24.01.1948 («А запах – это неизбежно...») ..	502
Из письма 06.03.1948 («Уж как наша слобода...»)	502
Из письма от 23.05.1948 («Скотов – и тех хочу я миловать...»)	502
Из письма от 04.06.1948 («Рожу кверху, кверху пуп...»)	503
Из письма от 08.08.1948 («Не зная качеств сих мясѡв...»)	504
Из письма от сентября 1948 («И огонь его эмоций...»)	504
Письмо от 05.10.1948 («Он в кудатику ходил...»)	505
Из письма от 04.07.1949 («Люди тешат сатану...»)	507
Из письма от 11.03.1950 («Лети, Письмо, Возвивайси!..»)	508
Из письма от 20.06.1950 («Ты картина – я портрет...»)	508
Из письма <1950 г.> («Друг мой! Я не умираю...»)	508
Из письма от 26.09.1951 («Седает бородка...»)	508

Стихотворения поэта и профессора Владимира Николаевича Расстроева

Похвала старости	510
Похвала мудрости. <i>Экспромт</i>	511
Праздник свободы. <i>Экспромт</i>	512
Исповедь (confessiones, confessions). <i>Экспромт</i>	513
<Письмо В. Н. Расстроева С. Д. Боткину>	520
День Татьяны (<i>экспромт</i>).....	521
<Ответ С. Д. Боткина> («В Татьянин день я из подвала...»).....	522
<Ответ А. А. Лампе> («Прочтя талантов наших строки...»).....	524

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи разных лет

Крокодилы	525
Ведьма	526
Вампир. <i>Сонет</i>	529
Эпитафия	529
<кн. С. М. Волконскому> («Если лиры в лихолетьи...»)	530
Эпиграммы и наброски, записанные со слов покойного И. Н. Д. в Берлине	
«Мы все всегда покрыты всем...»	531
«О восхитительная мисс...»	531
«Был Ванюха парень ражий...»	532
Румяной деве, безмерно пудрившей свой нос	534
Поэма шестиклассника из гимназ<ического> журнала	535
Балкон. <i>Поэма</i>	536
Замок Зеон	541
Чиновник и социализм. <i>Басня</i>	541
О пользе фашизма	542
Хвала трудолюбию (басня)	544
Исповедь (стихотворение Анны Лохматовой)	544
<С. Д. Боткину> («Благотвори без аппарата...»)	545
Вечно-женственное (стихотворение Александра Брока)	546
Домовой	548
«Я видел недра мироздания...»	549
Послание Плаксину (<i>ответ</i>)	549
<Эпиграммы на Н. Ф. Васильева>	
«Знаем мы, чей длинный нос...»	552
«Поэт Васильев...»	552
«Профессор Васильев...»	553
Раск	554
Написано Щербатову в грипп	555
Нос (Краткое жизнеописание)	556
Раны зарубежья	558
Зараза	559

СОДЕРЖАНИЕ

Соблазненному	562
Хвала заимодавцу	564
[Нине Петровне Босс]	566
«Не зная, где найти мне Вас...»	567
«Дорогие Робинзоны!..»	567
«Я всегда любил спагетти...»	568
Дед	568
Старый чемодан	570
Христине Кротковой	571
Марии Кирилловне Енни	572
«Да, любовь владеет миром...»	572
Из лекций Иоанна Фурштадского	573
Предутренние сны	573
«Судьбою злобной недобит...»	574
Офросимову: Желание быть католиком (из Кузьмы Пруткова)	574
Обновленное слово	575
Подариш	576
Диван	576
Так я исправил стихотв. Р. Редлиха	579
<Цикл без названия>	
«1. Чемоданы я заинул...»	579
«2. Здравствуй, сумрачный Chillow...»	579
«3. Кто-то где-то подкосил...»	580
Гардеропь	580
Россия и Славянство	585
Смущенные вопросы	585
«Что же это ты, <i>Кадии</i> ...»	585
«Не говори про кукиш, Миша...»	586
«Ягодйца...»	586
«Стал вампиром...»	586
«Кипнис, Кичин и Бельмас...»	587
«Доктор наш Залле...»	587

СОДЕРЖАНИЕ

Тетя Надя	588
Монсум	589
Мон аеву. <i>Отказ № 27</i>	590
Спящая принцесса	593
<Новые советские частушки>	594
Визит Бунина (+5) у Горного по рассказу самого Сергея Горного. Горный роман	595
Изъ историческихъ материаловъ, собранныхъ смирнымъ Питиримомъ <Равкою?>. О златѣ кобелевомъ гишторія Назидательная	598
Эпиграммы, пародии и т. п.	
Что я вижу там в очки?	601
Марков	601
«Вот она, е. м. ...»	601
Голиков	602
Крюндер.....	602
Г. Дерюгин	603
Тальберг.....	603
«Спекулянт из камергеров...»	604
Масленников	604
Тихон	605
Храповицкое	605
Движенский батюшка	606
Проф. Барон М. А. Таубе	608
Вожделовие	
Лунапарк	608
«Прибежал ко мне Матанкин...»	609
Сахалин	611
Все в прошлом	611
Малокровие	612
Без страха и упрека	613
Тень Дуче	614
Академик	614

СОДЕРЖАНИЕ

Светлейший псевдоним	614
Жманфашист	615
Мели, Емеля!	615
Легитимист	616
Трещотка	616
Русская Правда	617
Свет с Востока	617
Русский русскому брат	618
А. А. Л<ампе>	618
А. А. ф. Л<ампе>	618
«Так трудна моя стезя...»	619
«Но свершатся однажды сроки...»	619
«Оратор русский говорил...»	620
Перед уходом	620
Комментарии	622

Ильин Иван Александрович

Собрание сочинений

**О ВОЗРОЖДЕНИИ
И ОБНОВЛЕНИИ РОССИИ**
(части первая и вторая)

Утверждено к печати Ученым советом
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва

Редактор *А. Ю. Лисица*

Идея оформления серии: *Л. Ф. Шканов*

Корректор *Е. А. Плёткина*

Компьютерный набор *О. В. Лисица*

Верстка *О. В. Клюшенкова*

Подписано в печать 10.03.2021.

Формат 84×108/32. Усл. печ. л. 38,64.

Тираж 600 экз. Заказ №148

Отпечатано с готового оригинал-макета
в АО «Областная типография «Печатный двор»
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.

ISBN 978-5-86443-340-9

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: info@heritage-institute.ru